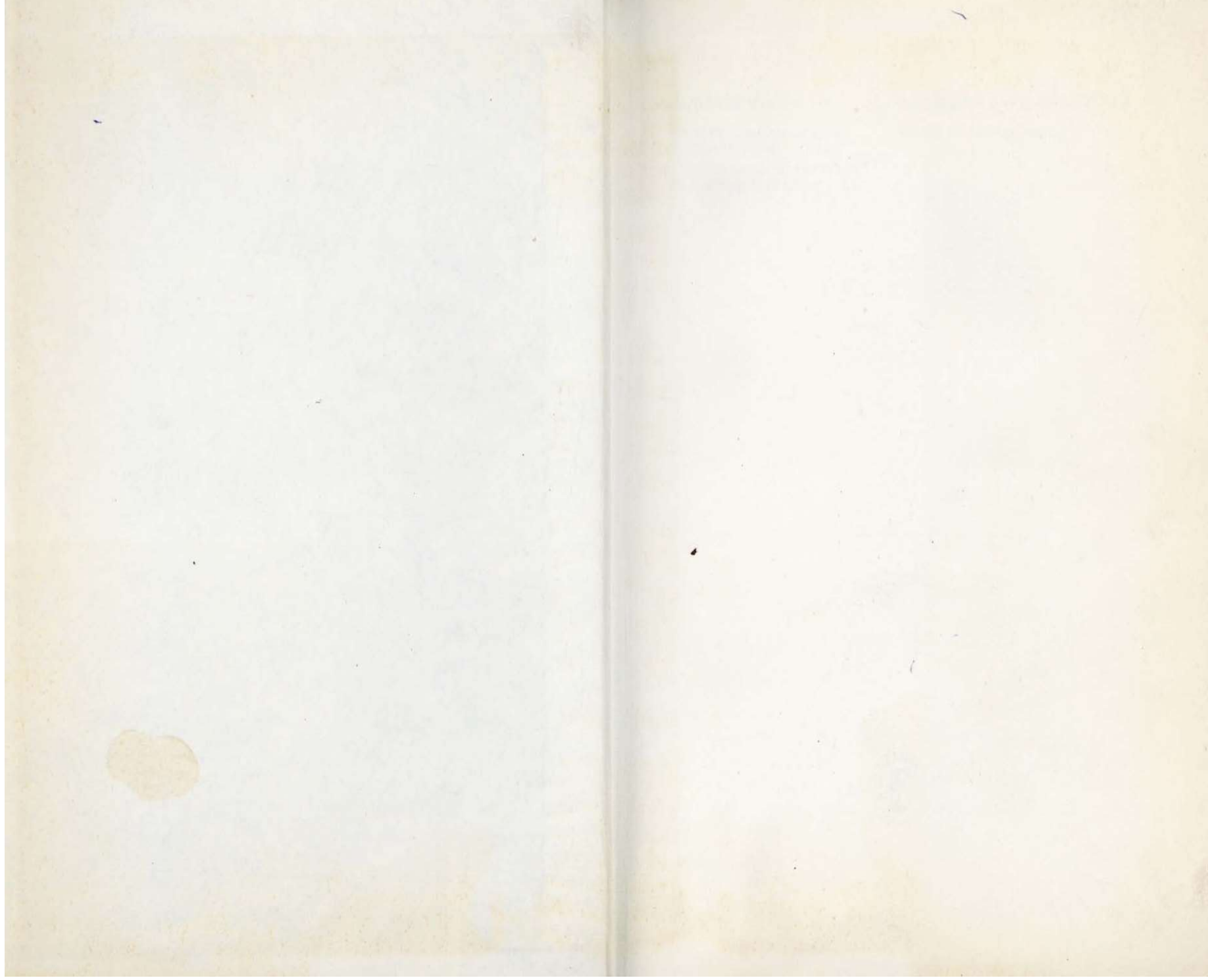

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия

1850-1864

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

ИСТОРИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ МИД СССР

АКАДЕМИЯ НАУК И ИСКУССТВ

БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

Борба народа
Босне и Херцеговине
за ослобођење
и
Русија

1850-1864

ИЗДАВАЧКО ПРЕДУЗЕЋЕ
«НАУКА»
МОСКВА 1985

Освободительная
борьба народов
Боснии и Герцеговины
и
Россия

1850-1864

ДОКУМЕНТЫ

Ответственные редакторы
Ю. А. ПИСАРЕВ
М. ЭКМЕЧИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА 1985

Рецензенты

И. С. КОЗЬМЕНКО
И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ

Редакционная коллегия

Советская сторона

В. Г. КАРАСЕВ
В. И. МАЗАЕВ
Ю. А. ПИСАРЕВ
Д. Ф. ПОПЛЫКО
(отв. секретарь)
В. Н. СОКОЛОВ
В. М. ХЕВРОЛИНА

Югославская сторона

Б. МАДЖАР
Р. ПЕТРОВИЧ
И. ТЕПИЧ
(отв. секретарь)
М. ЭКМЕЧИЧ

Составители

Советская сторона

Д. Ф. ПОПЛЫКО
В. М. ХЕВРОЛИНА

Югославская сторона

Б. МАДЖАР Р. ПЕТРОВИЧ
И. ТЕПИЧ М. ЭКМЕЧИЧ

2010119117

0 0506000000-376
042 (02)-85 24-85-III

© Издательство «Наука», 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикация, предпринятая Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Историко-дипломатическим управлением МИД СССР совместно с Академией наук и искусств Социалистической республики Боснии и Герцеговины, посвящена тому периоду истории Боснии и Герцеговины XIX в., когда в этих землях развернулась интенсивная борьба за свободу и национальную независимость и когда эти провинции Османской империи привлекали к себе особое внимание европейских держав, стремившихся использовать так называемый Восточный вопрос для усиления своего влияния на Балканах. Османская империя переживала хронический социально-экономический и политический кризис, обусловленный разложением военно-феодальной турецкой системы. В своих европейских владениях Порты пыталась приостановить развитие центробежных движений с помощью репрессий и реформ.

Самая западная провинция империи Босния и Герцеговина отличалась от других ее славянских областей рядом существенных особенностей, обусловленных значительной исламизацией славянского населения и отдаленным от центра пограничным положением. Сербское, хорватское и мусульманское население провинции исповедовало православие, католицизм и ислам. Последний являлся официальной религией, шариат определял общественные отношения. Специфика господствующего класса состояла в том, что светские феодалы были потомками местных славянских феодалов, принявших в период завоевания османами Балканского полуострова мусульманство. Высшее православное духовенство назначалось из греков-фанариотов. Чуждым интересам народа было и высшее католическое духовенство. Положение низшего духовенства приближалось к крестьянскому. Росло и крепло экономически торговое сословие. Основную массу жителей составляло крестьянство, причем большинство феодально зависимых крестьян были православного, а большинство свободных — мусульманского вероисповедания.

Обострение социальных, национальных и конфессиональных противоречий привело к тому, что с середины прошлого столетия Босния и Герцеговина вступили в длительный период социально-экономического кризиса, приведшего к уничтожению феодализма и созданию основ нового капиталистического общества. Отмена спахийской системы в Османской империи в начале 30-х годов XIX в. не затронула самых западных ее окраин, и только после военного разгрома консервативных сил в обеих провинциях Омер-пашей Латасом в 1851 г. архаические формы османского феодализма были отменены. Все это время происходили крестьянские восстания, не прекращавшиеся вплоть до австро-венгерской оккупации в 1878 г. С 1852 по 1862 г. в Герцеговине произошли три восстания, одним из руководителей которых был Лука Вукалович. В конце 50-х годов северные районы Боснии охватило широкое крестьянское восстание против феодалов. Население Боснии и Герцеговины выступало также против налогового

гнета, усилившегося в связи с ростом задолженности Османского государства и процессом его перестройки.

Порта получала огромные займы у ведущих капиталистических стран Западной Европы, в первую очередь у Франции и Великобритании. Подсчитано, что накануне финансового банкротства турецкого правительства (1875 г.) чистый доход в империи составлял 360 млн. французских франков, а обязательства по уплате долгов по займам западным государствам составляли 300 млн. франков.

Практика передачи сбора налогов откупщикам еще больше осложняла положение в Боснии и Герцеговине. Откуп десятины способствовал обострению социального кризиса, наиболее ярко проявившегося в широчайшем крестьянском восстании 1875—1878 гг.

Социально-экономическая борьба в Боснии и Герцеговине способствовала росту национального самосознания, появлению политических программ и развертыванию национально-освободительного движения.

Освободительная борьба боснийцев и герцеговинцев испытывала на себе сильное влияние соседних княжеств — Сербии и Черногории. Сербское правительство с 1849 г. начало создавать здесь сеть конспиративных организаций, которые с перерывами просуществовали до 1874 г. Сербский князь Михаил Обренович и создатель великосербской программы Илия Гарашанин согласно своим планам борьбы с Портой в 60-х годах XIX в. оказывали содействие в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине. Активным действующим фактором в его организации была Омладина — общесербская буржуазно-либеральная организация, тесно связанная с революционным движением в Боснии и Герцеговине. В свою очередь Черногория с учетом своих интересов оказывала материальную и военную помощь борющимся за свободу герцеговинцам. Вместе с тем соперничество между правящими династиями Сербии и Черногории за влияние в Боснии и Герцеговине тормозило развитие национально-освободительного движения в этих провинциях Османской империи.

Национальное пробуждение Боснии и Герцеговины привлекло пристальное внимание европейских держав. В 50-х годах здесь были открыты консульские представительства Австрии, Англии, Франции, России и Пруссии. Австрия, в составе которой находилось собственное славянское население, опасалась, что национально-освободительное движение в этом регионе угрожает ее существованию. Австрийское правительство уже с 1849 г. стало создавать тайные фонды, из которых оплачивалась австрийская секретная агентура в Боснии и Герцеговине. Правительство Габсбургов хотело воспрепятствовать объединению этих областей с Черногорией и Сербией и тайно готовило аннексию Боснии и Герцеговины.

Англия и Франция традиционно стремились к сохранению европейских владений Османской империи и поэтому не были заинтересованы в поддержке освободительных движений народов Боснии и Герцеговины.

Значительную роль в международных отношениях на Балканах играла Россия. Поражение в Крымской войне и потеря бывшего влияния на Балканском полуострове определили новый курс ее балканской политики. Вынужденный придерживаться условий Парижского договора, петербургский кабинет ставил своей задачей поиски контактов с западноевропейскими державами с целью оказания коллективного давления на Порту для облегчения участи угнетенного христианского населения Османской империи. Учитывая фактор роста национально-освободительного движения на Балканах, Петербург стал оказывать действительную помощь борьбе народов Балканского полуострова, в том числе и населения Боснии и Герцеговины. Это нашло свое выражение в поддержке Россией герцеговинских повстанцев под руководством Луки Вукаловича, а также в благо-

приятном отношении к планам создания Балканского союза 60-х годов XIX в., возглавляемого Сербией. Для усиления влияния на Балканах русская дипломатия использовала также традиционные интерес и симпатию русской общественности к судьбам угнетенных братских народов.

Настоящая публикация освещает проблемы социально-экономического развития и национально-освободительной борьбы народов Боснии и Герцеговины 50—середины 60-х годов XIX в. Комплекс впервые публикуемых документов последовательно-хронологически показывает широкую панораму политической, экономической, общественной и культурной жизни провинции. Введение в научный оборот значительного количества нового источникового материала имеет большое научное значение, так как создает возможность для более глубокого и всестороннего исследования проблем публикации.

Начало 50—середины 60-х годов — важный этап в истории Боснии и Герцеговины. Изменение административного статуса Боснии и подчиненной ей Герцеговины в 1850—1851 годах, равно как и последовавшие за этим социально-экономические преобразования открыли новый этап в их истории. Систематическое освещение в документах событий с 1856 г. объясняется появлением в Боснии, а затем и в Герцеговине русских консулов, донесения которых из Сараева, Мостара и Рагузы в МИД России и посланнику в Константинополе составляют основную массу публикуемых документов.

Заметную роль в ознакомлении русской общественности с боснийцами и герцеговинцами, их историей и культурой сыграл первый русский консул в Сараеве (1857—1858), известный историк, этнограф, лингвист, публицист и общественный деятель А. Ф. Гильфердинг. Его «Письма об истории сербов и болгар», печатавшиеся в газете «Московские ведомости» и журнале «Русская беседа» (1859 г., кн. 15—16), а также очерки «Поездка по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии», опубликованные в «Записках Русского географического общества» (1859 г., кн. 13), содержали самые подробные по тем временам описания южнославянских земель. Не случайно сочинение А. Ф. Гильфердинга о Боснии и Герцеговине было переведено на сербскохорватский язык в 1872 г. и вышло в Белграде, а в наше время изданы в Сараеве его главные труды *.

Историческая ценность донесений русских консулов на Балканах во многом зависела от личности консула и его ближайшего окружения, от их энергии, предприимчивости, кругозора. В российском дипломатическом корпусе на Балканах XIX в. было немало наблюдательных и способных людей, таких как упоминавшийся выше А. Ф. Гильфердинг, а также К. Д. Петкович, В. В. Безобразов, А. Н. Кудрявцев и другие, которые не ограничивались служебными донесениями, а делали свои, аналитические выводы и обобщения, имевшие историческую ценность. Благодаря деятельности консулов, их широким контактам с представителями боснийско-герцеговинской общественности — учителями, духовенством и купечеством, мы располагаем своеобразной летописью всех важнейших событий в этих землях в рассматриваемый период.

Важную группу документов публикации составляют обобщающие записки консулов по экономическим, политическим и религиозным вопросам в Боснии и Герцеговине, к которым, как правило, прилагались таблицы, статистические выкладки и прочие материалы об этническом составе населения земель и их экономике, а также о дислокации турец-

* Гильфердинг А. Ф. Путешествие по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии. Сараево, 1972; *Prokopije Cokorlo, Joanikije Pamačina, Staka Shenderova. Ljetopisi. Sarajevo, 1976.*

ких войск, отчеты консулов по расходованию денежных сумм, поступавших в их распоряжение из России для распределения в виде пособий населению.

Донесения консулов дополняют включенные в том предписания российского МИД своим представителям в Константинополе, в Сараеве и Мостаре, его ежегодные общие отчеты и отчеты по Азиатскому департаменту, характеризующие позицию России.

Особую ценность представляют публикуемые обращения, прошения, жалобы, письма общин и отдельных лиц к главам правительств и их консулам в провинции, в которых нашел выражение протест населения против произвола землевладельцев-мусульман, османской администрации и высшего греческого духовенства, содержатся требования аграрно-правовых преобразований и просьбы о защите и покровительстве. Среди этой группы документов письма повстанцев и их предводителей: Л. Вукаловича, М. Любичича и других.

В сборник включены также документы из архивов Боснии и Герцеговины. Это материалы, отложившиеся в фондах австрийских консульств в Сараеве, Мостаре, Банялуке, Требинье. Впервые в советско-югославское издание архивных документов включены донесения австрийских консулов, хранящиеся в Государственном архиве в Вене. Австрийские консулы внимательно следили за развитием событий в Боснии и Герцеговине, в их донесениях содержатся ценные сведения об экономике, культуре и этническом составе населения. Эти материалы свидетельствуют о том, что защита католического населения в провинции использовалась Австрией и в целях экономической, политической и идеологической экспансии на Балканах.

Вошедшие в том документы характеризуют изменение социально-экономической и общественно-политической ситуации в Боснии и Герцеговине в рассматриваемый период. В первую очередь это коснулось землепользования, аграрных отношений и налоговой политики. Публикуемые материалы ярко показывают процессы введения арендной системы, изменения характера налогообложения и форм взимания налогов, что привело к ухудшению положения массы крестьянского населения и к антифеодальным вооруженным выступлениям.

Большой научный интерес представляют источники, освещающие начальную стадию национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине, содержанием которой была борьба христианского населения за гражданские права, утверждение общинного самоуправления и самостоятельность церкви. Документы подробно показывают ход массовых народных выступлений в Боснии (Крайна, Посавина) и Герцеговине.

Небольшое количество сохранившихся источников отражает состояние народного просвещения: становление школьного дела, подготовку учительских кадров, установление культурных связей с Россией.

Настоящая публикация содержит много ценных сведений и по другим вопросам, таким как оживление хозяйственной жизни и торговли, создание транспортной сети, этнический состав населения, деятельность османской администрации, состояние турецкой армии, дислоцированной в провинции и др.

Включенные в публикацию документы выявлены в архивах СССР — Архиве внешней политики России, МИД СССР, Центральном государственном историческом архиве СССР, СФРЮ — Архиве Боснии и Герцеговины в Сараеве, Архиве Герцеговины в Мостаре, Вилайетском архиве в Сараеве, Австрии — Государственном архиве в Вене. Из нескольких сотен выявленных документов в том включено 244 документа. При отборе материалов для печати редколлегия стремилась максимально полно пред-

ставить основные проблемы рассматриваемого периода истории Боснии и Герцеговины. Все документы публикуются впервые. Из большого количества донесений консулов включены только те, которые содержали важную информацию, а менее значительные по содержанию использованы в комментариях.

Редколлегия придавала большое значение выявлению и публикации источников, исходящих непосредственно от населения Боснии и Герцеговины. Предпочтение отдавалось коллективным обращениям, прошениям, жалобам, выражавшим мнения групп населения — общинных собраний и скупщин, а также материалам, принадлежавшим руководителям боснийско-герцеговинских повстанцев.

При наличии подлинников и их переводов того времени на русский язык текст воспроизводится по подлиннику, а место хранения перевода указывается в легенде. Копии или переводы документов публикуются в том случае, когда не удалось обнаружить подлинник.

Археографическая подготовка документов осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969 г.).

Все документы публикуются полностью на языке оригинала. Материалы на французском, немецком и итальянском языках сопровождаются переводами на русский язык. Документы на турецком языке переведены на латинскую графику и сопровождаются переводом на сербскохорватский язык. Тексты всех документов публикуются по современной орфографии с точным сохранением языковых и стилистических особенностей. В документах на сербскохорватском языке сохранены основные особенности орфографии оригинала. Явные ошибки и описки исправляются без оговорок.

Транскрипция собственных имен и географических названий в тексте документов воспроизводится в соответствии с оригиналом. В заголовках, комментариях, указателях дано их наименование, принятое в современной литературе. Утраченные и сокращенные части слов, за исключением общепотребительных сокращений, восстановлены в квадратных скобках. Неразборчивые места текста оговорены в подстрочных примечаниях.

Резолюции и пометы общего характера воспроизводятся после текста документа, прочие пометы указаны в подстрочных примечаниях. Там же раскрываются неполные или неправильно написанные имена. Примечания документа даются со специальной оговоркой: *Примеч. док.*

Материалы публикации расположены в хронологическом порядке, снабжены редакционными заголовками и легендами. В заголовках должностное положение автора и адресата указано только при первом упоминании или последующем изменении. Даты русских и сербскохорватских документов приведены по старому стилю или снабжены двойной датой, согласно оригиналу; австрийские и итальянские документы даны по принятому в Европе новому стилю. Даты, установленные составителями, оговорены в подстрочных примечаниях. Место написания документа в заголовке указано в том случае, если оно есть в оригинале.

В легендах указывается место хранения документа, его поисковые данные и степень подлинности, оговаривается наличие печати.

Издание снабжено комментариями, именным и географическим указателями, а также терминологическим словарем.

При подборе иллюстраций, вошедших в том (гравюр, рисунков, фотографий), использованы издания второй половины XIX в.

Выявление документов осуществили: с советской стороны — Д. Ф. Поплыко, В. М. Хевролина, Н. В. Кабакова, И. В. Будник при участии В. Н. Соколова, Е. М. Заблудовской, Т. В. Фаминской; с югославской стороны — Б. Маджар, Р. Петрович, Ф. Спахо, М. Экмечич. При подго-

товке сборника были использованы материалы, выявленные в советских архивах В. Н. Кондратьевой.

Археографическая обработка документов произведена: с советской стороны — В. М. Хевролиной (русский язык), Т. Ф. Семеновой (сербскохорватский язык), Т. В. Фаминской и Н. В. Кабаковой (французский язык); с югославской стороны — М. Экметичем, Р. Петровичем, Б. Маджаром и И. Тепичем (сербскохорватский, немецкий, итальянский язык).

Переводы выполнены: с французского языка — Т. В. Фаминской, с немецкого — И. С. Аксеновой, с итальянского — О. И. Гивишвили, с турецкого на сербскохорватский язык — Ф. Спахо.

В составлении комментариев участвовали: с советской стороны — В. М. Хевролина, Д. Ф. Поплыко, В. И. Косик, В. И. Мазаев, А. В. Карасев, Е. К. Вяземская, И. В. Чуркина, Н. И. Хитрова; с югославской стороны — М. Экметич и И. Тепич.

Указатели выполнены: с советской стороны — В. И. Косиком при участии В. И. Мазаева, В. Н. Соколова, И. В. Будника; с югославской стороны — М. Экметичем и И. Тепичем; терминологический словарь — М. Экметичем и В. И. Косиком.

Иллюстрации подобраны: с советской стороны — В. И. Косиком, с югославской стороны — Б. Маджаром.

Техническая подготовка тома к печати осуществлена Д. Ф. Поплыко, В. И. Косиком и Т. В. Фаминской.

Редколлегия выражает искреннюю благодарность за помощь при подготовке данной публикации руководству и сотрудникам: АВПР МИД СССР — Н. С. Агафонову, Э. В. Науменковой, С. И. Яковенко, К. Ф. Поклад; ЦГИА СССР — И. А. Торопову, С. И. Вареховой; югославскому историку Р. Бесаровичу, сотрудникам Архива Боснии и Герцеговины в Сараеве, особенно Е. Радосавлевиц; сотрудникам Архива Герцеговины в Мостаре.

ДОКУМЕНТЫ

1

Письмо настоятеля русской посольской церкви в Вене М. Ф. Равевского¹ обер-прокурору Синода Н. А. Протасову о просьбе представителей населения Герцеговины открыть российский консульства в Сараеве и Мостаре и оказать помощь православным церквам

16 (28) октября 1850 г. Вена

Святейший граф, милостивый государь!

Поставленный обстоятельствами в посредники между православною австрийскою церковью и русским св[ятейшим] Синодом, я осмеливаюсь утруждать иногда ваше сиятельство моими письмами. Не почтите это за дерзость с моей стороны, только одно чувство долга и преданности к церкви и отечеству руководствуют меня в этом случае.

Я не искал нарочно приобрести расположение ко мне и доверенность православной австрийской иерархии и православного народа. Это все пришло со временем, с обстоятельствами. До сих пор одни только австрийские единоверцы обращались ко мне с их желаниями и просьбами о посредничестве; но теперь начали ко мне приходить и босняки и герцеговинцы. И именно одно из таковых пришествий заставляяет меня письменно утруждать ваше сиятельство.

На днях явилось ко мне несколько человек из Герцеговины с письмом от одного мне очень хорошо известного человека, где под секретом он мне пишет, что эти люди нарочно приехали из Триеста в Вену, чтоб говорить со мною, что слова их истинны, что желание их есть желание всего православного народонаселения в Герцеговине.

Самыми мрачными красками описали они настоящее положение Герцеговины: тиранство их паши, угнетения и преследования противу православных их жестокого владыки греческого Иосифа. Народ убивают, как животных, среди белого дня на улицах, без суда, без расправы. Церкви, где было несколько приношений императрицы Екатерины II, генерала Милорадовича и др., разграблены владыками. Духовенство без всякого образования, в крайнем невежестве и унижении, поставляется только за деньги. И нет человека, которому бы они могли открыть свое несчастное положение. До сих пор надеялись еще несколько на Омер-пашу, думая, что паша их Али ага Ризванбегович мостарский будет сменен, тогда бы герцеговинцы, может быть, покусились открыть ему все жестокости паши и владыки. Но Омер-паша ушел. Кто мог и подумать жаловаться ему на своих повелителей, когда знал народ, что они останутся с ним. Довольно того; паша мостарский теперь возвратился от Омер-паши и когда увидел, что все прошло ему благополучно, стал еще с большею жестокостию гнать христиан из подозрения, будто бы они имели мысль жаловаться на него, а в самом деле чтобы в них заглушить и имеющую родиться мысль подобного покушения. Как после того можно думать, чтобы и герцеговинцы и могли когда-либо высказать кому бы то ни было в Константинополе на-

стоящее свое положение? Всякому дорога своя голова и голова своего семейства; поэтому они всегда там говорят, что у них хорошо, скрывая истину в сердце.

Теперь, ваше сиятельство, они решились чрез меня открыть горькое свое положение России, заклиная меня богом, чтоб я не говорил только имен их и чтоб каким-либо образом не узнало турецкое правительство, что герцеговинцы приходили сюда жаловаться. Они умоляют русское правительство: 1. Не может ли оно по примеру Австрии прислать им своих консулов в Сараево и Мостар, по крайней мере в Мостар? ² Теперь в этих двух городах находятся австрийские консулы, и кредит Австрии, видимо, принимается расти за счет России и православия.

Русские консулы, говорят посланные, не могут прямо быть нашими покровителями. По крайней мере, наши папы и владыка всегда будут опасаться их. По крайней мере, хоть какой-либо порядок не заведется ли в нашей церкви, не будет ли сделано чего для образования нашего духовенства?

Они просят св[ятейший] Синод: 2. Да ходатайствует он пред патриархом константинопольским об удалении из Мостара недостойного владыки греческого Иосифа. Желание герцеговинцев есть — да посвятят им на епископское достоинство в Мостаре настоятеля православной церкви в Мостаре иеромонаха Иоанникия Памучину, мужа, преданного церкви и народу, любимого народом и более других образованного герцеговинского уроженца ³; или да возвратят им их прежнего владыку, бывшего прежде Иосифа и живущего теперь в Румелии епископа Авксентия Петровича, болгарина, или же да посвятят им кого-либо другого, если два первые желания неудобноисполнимы, из болгар или сербов, только не из греков.

3. Просят св[ятейший] Синод и всех благотворителей, не могут ли снабдить они Герцеговину богослужебными книгами, потом букварями, катехизисами, часословами для школ, а, если можно, иногда и другою утварью. Бедные! Просили у меня минеи месяц октябрь, потому что у них нет в Мостаре и в целом Мостарском округе этой книги, кроме как одного экземпляра в монастыре Житомисличе. Просили пентикостарион, и этой книги также нет у них. Из Белграда и Константинополя чрез Боснию трудно послать книги в Герцеговину, поэтому туда ничто не доходит. Напротив, герцеговинские купцы часто приезжают в Триест, и в Вену иногда.

Теперь я знаю, кому и как могу поручить вещи. Поэтому если св[ятейший] Синод примет во внимание 3-й пункт желаний герцеговинцев, я с охотою берусь быть посредником, только или летом все присылать парохом, или понемногу с курьерами.

Поручаю таким образом целую страну несчастных единоверцев ходатайству вашего сиятельства пред нашим правительством и св[ятейшим] Синодом. Не откажитесь содействовать в исполнении желаний их, потому что преданность их горяча к России и нашему монарху ⁴.

С истинным почтением и глубокою преданностью имею честь быть, сиятельнейший граф, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

протоиерей Михаил Раевский

ЦГА ИСР, ф. 797, оп. 20, д. 45045, л. 1—2 об. Автограф.

¹ М. Ф. Раевский в 1842—1884 гг. был настоятелем русской посольской церкви в Вене. С сочувствием относился к национально-освободительному движению славянских народов и был тесно связан с многими общественными деятелями, писателями, учеными славянских земель. В 50-е годы вплоть до создания русских консульств в Бос-

нии и Герцеговине был посредником между местным православным населением и русскими официальными и общественными кругами. В 1850 г. Раевский опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» обширную статью «Краткий очерк Герцеговины», где осветил историю, современное положение, быт и нравы герцеговинцев, уделив особое внимание состоянию и роли православной церкви (см.: П. Р. Краткий очерк Герцеговины. — Журнал Министерства народного просвещения, 1850, № 7, 8. О М. Ф. Раевском и его связях с герцеговинцами см.: Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского; 40—80 годы XIX века. М., 1975, с. 501—502).

² Предложения об учреждении в Боснии русского консульства для оказания покровительства православному населению высказывались русскими дипломатическими представителями еще в конце 40-х годов (см. донесение русского консула в Белграде Д. С. Левшина посланнику в Константинополе В. П. Титову от 16 декабря 1849 г. — АВВР, ф. Канцелярия, 1850 г., д. 27, л. 84).

В Сараево русское консульство было открыто в 1856 г., в Мостаре — в 1859 г. (см. примеч. к док. 7).

³ Архимандрит Памучина вскоре после посещения М. Ф. Раевского герцеговинцами вынужден был бежать в Дубровник, опасаясь репрессий со стороны мостарских властей. Он вернулся в Мостар только в 1853 г. В 1860—1864 гг. Памучина фактически являлся герцеговинским митрополитом, однако, константинопольский патриарх не утвердил его в этой должности.

⁴ Помимо Синода М. Ф. Раевский отправил письмо с изложением просьб герцеговинцев русскому посланнику в Вене П. К. Мейендорфу, русскому консулу в Белграде Д. С. Левшину, а также видным русским сановникам А. С. Норову и Д. Н. Блудову. Сохранилось ответное письмо Блудова, в котором он обещал ходатайствовать о герцеговинцах перед Синодом и императором (см.: Зарубежные славяне и Россия, с. 46—47).

2

*Донесение российского посланника в Константинополе
А. П. Озерова государственному канцлеру К. В. Нессель-
роде со сведениями о преследовании христиан в Боснии*

№ 50

14 (26) марта 1852 г. Пера

Monsieur le comte,

Par son rapport du 4 (16) mars N 38 M. Titoff a rendu compte à votre excellence de son entretien avec Aali pacha sur l'importance pour la Turquie d'une transaction avec la Grèce pour consolider et sauvegarder la tranquillité des frontières entre les deux pays limitrophes. L'expédition de M. le conseiller d'état Persiani en date du 5 mars que j'ai l'honneur de placer ci-joint est consacrée au même sujet. Les difficultés rencontrées par notre chargé d'affaires, auprès du cabinet hellénique justifient les prévisions du comte Metaxa et font appréhender de graves écueils à une négociation également désirable pour le bien des deux pays.

Depuis l'expédition de mes derniers rapports il ne m'est parvenue aucune nouvelle directe de l'Égypte. L'envoi de Fuad effendi est définitivement arrêté à samedi.¹ Les fonctions auprès de la Porte ont été provisoirement confiées à Chefket bey chancelier du Divan. La frégate à vapeur l'état «Gaïki Chadi» est mise à la disposition du délégué ottoman. Sir Stratford Canning retenu au lit depuis le jour de l'audience chez le sultan n'a pu communiquer ses impressions à aucun des membres du corps diplomatique. À la Porte on le croit découragé et mécontent de la fermeté avec laquelle s[a] h[autesse] a résisté aux arguments persuasifs mis en avant par le représentant britannique pour faire abandonner l'idée de l'envoi de Fuad effendi. Ne se bornant plus à se faire une arme de la vivacité de son langage et de la persévérance à faire prédominer son opinion personnelle, l'ambassadeur anglais cita les instructions de son gouvernement et fit entendre qu'elles se prononçaient dans un sens favorable aux dernières représentations d'Abbas pacha qui en s'inclinant devant l'autorité souveraine, sollicitait une délégation du

droit de vie et de mort pour un nombre limité d'années. Tous les inconvénients, tous les malheurs qu'un refus formel attirerait sur l'Égypte furent prévus. Le sultan opposa l'action bienfaisante du Tansimat et de l'exercice de sa prérogative de calife dans les provinces les plus éloignées de son empire et déclara qu'il était décidé à ne pas faire d'exception pour l'Égypte. Le langage des ministres paraît moins péremptoire; ils s'accordent à dire que Fuad effendi a la mission d'examiner les prétentions d'Abbas en s'éclairant de lumières locales. Il a l'ordre d'adresser là-dessus un rapport à la Porte et si la minute ne lui en est pas remise à son départ, on pourrait encore s'attendre vis-à-vis du vice-roi à des procédés plus conciliants. La contradiction de l'attitude actuelle de Mr Canning avec celle qu'il avait adoptée lors de la question du chemin de fer ne laisse pas de faire impression sur le grand visir. Il avoue une certaine gêne dans ses rapports avec l'ambassadeur et en éprouvant le besoin de chercher un appui au milieu des embarras du moment, il penche à se rapprocher de ses antagonistes au sérail. Une reconciliation avec Ahmet Fethi pacha est en voie d'être activement négociée.

Votre excellence lira peut-être avec quelque curiosité l'article du «Journal de Constantinople» du 24 mars qui rend compte en termes pompeux de l'audience congé de M. de Lavalette. Aux détails sur l'accueil tout gracieux que le ministre de France a obtenu auprès du sultan, on ajoute dans le public la promesse d'une marque ostensible de munificence qui consisterait en une tabatière de prix ornée du portrait de s[a] h[autesse] de Klezl dans un rapport au prince de Schwarzenberg qu'il a eu l'obligeance de me lire confidentiellement pour me mettre au fait de sa manière d'envisager la question égyptienne, fait ressortir les dispositions favorables de la Porte pour le représentant français et l'attribue à un commencement de refroidissement visible pour la politique anglaise qu'on espère voir contrebalancée par une influence rivale.

C'est encore aux relations intimes cultivées avec M. le chargé d'affaire d'Autriche que je dois des détails sur les récentes persécutions auxquelles ont été en proie les chrétiens en Bosnie.² Selon des informations reçues de Sarajevo, les turcs s'y sont livrés à des excès honteux et déplorables contre la population chrétienne. M. Atanaskovitch, consul d'Autriche en Bosnie, cite, entr'autres, le fait d'un ecclésiastique grec qui eut à subir d'une populace émeutée les insultes les plus ignominieuses. Des lettres serbiennes confirment ces nouvelles et contiennent de vives doléances sur le sort de leurs malheureux coréligionnaires. Aali pacha interrogé par M. Argyropoulos a émis quelque doute sur l'exactitude des renseignements que possède l'internonciature. Il leur attribue une certaine exagération, vu l'attention inquiète que le cabinet de Vienne dirige sur ce point de la frontière. Le ministre des affaires étrangères n'en a pas moins donnée l'assurance que des ordres pressants ont été expédiés à Omer pacha pour en obtenir les rapports les plus détaillés sur les rumeurs précitées que la Porte penche à attribuer aux mesures de désarmement général de la Bosnie. Elle conteste elle-même au chef militaire ottoman les qualités d'un administrateur et quoiqu'il ait reçu des ordres positifs pour procéder au désarmement, en commençant par la population musulmane, on ne saurait considérer, comme dénués de tout fondement, les bruits sur les rigneurs révoltantes exercées contre les chrétiens.

Il m'est revenu que M. de Klezl a signalé à la Porte, par l'organe de son premier drogman, une certaine activité observée depuis quelque temps parmi les agents de la propagande polonaise en Turquie. J'ai cru de mon côté devoir charger M. Argyropoulos d'y fixer, dans une conversation incidente, l'attention de la Porte. En même temps ayant appris que quelques réfugiés napolitains et gardés qui avaient en 1848 servi dans les rangs de l'insurrection, avaient pris passage sur un bateau à vapeur pour Trébisonde et qu'on leur attribuait, sous le prétexte d'aller en Perse, l'intention secrète de pé-

nétrer dans le Caucase, j'ai pris la précaution d'y rendre attentifs nos consuls à Trébisonde, Erzeroum et Tauris, en leur recommandant de faire parvenir à s[on] ex[ellence] le prince Woronzoff toutes les notions qu'ils seraient à même de recueillir sur des voyageurs suspects dans ces contrées.

J'ai l'honneur d'être, M. le comte, avec le plus profond respect, de votre excellence, le très humble et très obéissant serviteur

A. Ozeroff

P. S. Ce matin le contre-amiral français M. Romain Defossés est entré dans le port de Constantinople à bord de la frégate «Pandore». Ce bâtiment de guerre remorqué par le brik à hélice «la Sentinelle» rendit et reçut le salut d'usage et vient de jeter l'ancre vis-à-vis de Tophané.

Ut in litteris
A. Ozeroff

АВВР, ф. Канцелярия, 1852 г., д. 38, л. 195—199 об. Подлинник.

Перевод

Господин граф!

В донесении от 4 (16) марта № 38 г. Титов дал вашей светлости отчет о своей беседе с Али-пашой относительно важности для Турции соглашения с Грецией в целях укрепления и защиты границ между обеими странами. Донесение г. статского советника Персиани от 5 марта, которое имею честь при сем приложить, посвящено тому же вопросу. Трудности, встречаемые нашим поверенным в делах при греческом кабинете, оправдывают предвидения графа Метаксы и заставляют опасаться серьезных препятствий в переговорах, равно желательных для блага обеих стран.

Со времени отправки моих последних донесений до меня не дошло никаких прямых известий из Египта. Окончательное решение об отправке Фуад-эфенди принято в субботу¹. Исполнение его обязанностей при Porte было временно поручено Шефкет-бею, канцлеру дивана. В распоряжение османского представителя предоставлен казенный паровой фрегат «Гайки Шади». Сэр Стратфорд Каннинг, будучи больным со дня аудиенции у султана, не смог высказать своих впечатлений никому из членов дипломатического корпуса. В Porte полагают, что он приведен в уныние и недовольство твердостью, с которой его высочество воспротивился убедительным доводам, выдвинутым британским представителем с целью заставить отказаться от мысли о посылке Фуад-эфенди. Не рассчитывая более на такое оружие, как собственное красноречие и настойчивость в утверждении своего личного мнения, английский посол процитировал инструкции своего правительства и дал понять, что они выдержаны в духе благосклонности к последним представлениям Аббас-пашы, который, склоняясь перед верховной властью, нижайше просил о предоставлении ему на ограниченное число лет права казнить и миловать. Все трудности, все несчастия, которые обрушились бы на Египет в случае категорического отказа, были предугаданы. Султан противопоставил всему благотворное действие танзимата и осуществления своих прерогатив халифа даже в самых отдаленных провинциях своей империи и заявил, что решил не делать исключения для Египта. Речи министров выглядят менее категоричными. Они в один голос говорят, что Фуад-эфенди поручено рассмотреть претензии Аббаса, изучив местный материал. Он имеет приказание направить об этом донесение Porte, и если текст предписания не будет вручен ему при отъезде, может быть, еще есть надежда ожидать от вице-короля более примирительных действий.

Великий визирь все еще находится под впечатлением противоречия между нынешней позицией Каннинга и той, которую он занимал по вопросу о железной дороге. Он признается, что чувствует себя несколько стесненно в своих отношениях с послом и, испытывая потребность в поддержке в сей затруднительный момент, склонен к сближению со своими противниками в серале. Ведутся деятельные переговоры о примирении с Ахмет Фетхи-пашой.

Ваше превосходительство читали, может быть, с некоторым интересом статью в «Константинопольской газете» от 24 марта, которая в помпезных выражениях дает отчет о прошальной аудиенции Лавалетта. Согласно публичным слухам, одной из подробностей, касающихся совершенно мимошлетного приема, оказанного французскому посланнику султаном, является обещание знака явной щедрости в виде, якобы, ценной табакерки, украшенной портретом его высочества. Г-н Кленцль в довершении князю Шварценбергу, которое он имел любезность доверительно прочесть мне, дабы ознакомить меня со своей точкой зрения на египетский вопрос, подчеркивает благосклонность Порты к представителю Франции и связывает это с началом явного охлаждения к английской политике, которая, как надеются, будет уравновешена соперничающим влиянием.

Все тем же близким отношениям, которые я поддерживаю с г. поверенным в делах Австрии, обязана я подробностями о недавних преследованиях, жертвами которых стали христиане в Боснии. Согласно сообщениям, полученным из Сараева, турки предались там постыдным и достойным сожаления бесчинствам по отношению к христианскому населению. Г-н Атанасович, австрийский консул в Боснии, приводит в качестве одного из примеров некоего греческого священнослужителя, подвергнутого самым позорным оскорблениям со стороны взбунтовавшейся черни. Письма из Сербии подтверждают эти известия и содержат горячие сетования на участь их несчастных единоверцев. В ответ на вопросы г. Аргиропуло Али-паша выразил некоторое сомнение в точности сведений, которыми располагает интернунциатура. Он приписывает им некоторое преувеличение, объяснимое тревожным вниманием венского кабинета к этой точке границы. Министр иностранных дел заверил, тем не менее, что Омер-паше направлены срочные повеления, дабы получить от него самые подробные донесения о вышеупомянутых слухах, которые, как полагает Порты, вызваны мерами по всеобщему разоружению Боснии. Она и сама сомневается в административных способностях османского военного руководителя и, хотя он и получил распоряжения приступить к разоружению, начав с мусульманского населения, нельзя, вероятно, считать совершенно необоснованными слухи о возмутительно суровых мерах, принятых против христиан².

До меня дошло, что г. Кленцль сообщил Порте через своего первого драгомана о некоторой активности агентов польской пропаганды, наблюдаемой с недавнего времени в Турции. Я, со своей стороны, счел долгом поручить г. Аргиропуло во время как бы случайной беседы обратиться на это внимание Порты. В то же время, узнав, что несколько неаполитанских эмигрантов и гвардейцев, служивших в 1848 г. в войсках повстанцев, отправились на пароходе в Тривизонд, чтобы, как полагают, под предлогом поездки в Персию проникнуть на Кавказ, я в качестве меры предосторожности обратил на это внимание наших консулов в Тривизонде, Эрзеруме и Тебризе, рекомендуя им доносить его высокопревосходительству князю Воронцову обо всех новостях, которые им удастся собрать о подозрительных путешественниках в этих краях.

Имею честь быть, г. граф, с глубоким почтением вашего высокопревосходительства нижайшим и покорнейшим слугою

А. Озеров

Р. S. Сегодня утром французский контр-адмирал г. Ромэн Дефозе прибыл в константинопольский порт на борту фрегата «Пандора». Это военное судно, отбуксированное винтовым бригом «Сентинелла», отсалютовало обычным образом и бросило якорь напротив Тофаны.

Все тот же Озеров

¹ Разногласия между Портой и египетским правителем Аббас-пашой были вызваны нежеланием египетского пашы вводить танзимат, что вело к усилению зависимости Египта от османского правительства. В 1851 г. была учреждена турецко-египетская комиссия по этому вопросу. Однако ее работа закончилась безрезультатно. В следующем году Фуад-паша был послан в Александрию в качестве чрезвычайного комиссара Порты. В результате переговоров Аббас-паша согласился на объявление указа о введении танзимата. Однако успех Порты имел чисто символическое значение. Турец-

кое законодательство, в частности танзимат, не распространилось в Египте, который имел свою армию, правительство, законы (см.: Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1965, с. 144; Розен Д. Г. История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижскому трактату в 1856 году. СПб., 1872, с. 149—150).

² В 1850—1851 гг. Омер-паша военной силой подавил сопротивление боснийско-герцеговинского бегавата центральному правительству империи и расправился с главными представителями этого консервативного движения, что в политическом плане означало безусловное подчинение Боснии и Герцеговины султанской власти, ликвидацию прежней автономии. В социальном отношении смысл переворота заключался в фактической ликвидации спахийско-денной системы. Положение крестьянства при этом изменилось к худшему: вводилась десятина в пользу государства и система откупов на ее сбор. В 1852 г., стремясь завершить акцию по полному превращению Боснии и Герцеговины в провинцию Османской империи, Омер-паша приступил к общему разоружению населения *Kapdžić H.* Omer-paša Latas u Bosni: Pacifikacija Bosne. — In: *Gajret Kalendar za 1939.* Sarajevo, s. 50—71; *Šljivo G.* Omer-paša Latas u Bosni i Hercegovini 1850—1852. Sarajevo, 1977; *Поповић В.* Аграрно питање у Босни и турски нареди за време реформог режима Абдул-Мевида (1839—1861). Београд, 1949, с. 98—101).

А. П. Озеров весной 1852 г. неоднократно предпринимал демарши перед Портой в защиту христианского населения провинции в связи с поступающими к нему сведениями о его насильственном поголовном разоружении с применением репрессивных мер. Как указано в документе, фактические данные Озеров получал конфиденциально от поверенного в делах Австрии при Порте Кленцля, он располагал также частными письмами из Белграда от января—марта 1852 г., в которых освещались расправы Омер-паши с населением, аресты и избиения купцов и священнослужителей православной и католической религий, гибель от голода в тюрьмах десятков заключенных. Али-паша в беседах с Озеровым упорно повторял, что сообщения из Боснии представляют события в преувеличенном виде. Но все-таки под давлением иностранных консулов он вынужден был принять определенные меры по ограничению действий Омер-паши и проверке фактов, попавших в европейскую печать (донесения А. П. Озерова К. В. Нессельроде от 4 (16) марта и 24 марта (5 апреля) 1852 г. см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1852 г., д. 38, л. 227—232 об., 201—207 об. Выдержки из частных писем из Белграда о положении в Боснии см.: Там же, л. 233—238).

3

Требования христианского населения Боснии и Герцеговины об улучшении политического и экономического положения, направленные Порте

25 марта 1853 г.

1-vo. Da narod krstianski u Bosni i Erzegovini može slobodno kupiti tursku kuću, niju, livadu, šumu i svaku zgradu, u jednu riječ — sve ono što može turčin kupiti da je to slobodno i krstianinu.

2-go. Neka se plati narodu krstianskome u Bosni i Erzegovini sve ono što su turskoj vojski dali od onoga vremena od kada je Omerpaša u Bosnu došao¹ do sversetka ratovanja sa Cernogorzima, šenizu, ječam, zoob, sieno, slamu, maslo, ovnove, derva i [taki dalje] ovo da se prozjeni po ondašnjoj prodaji. A za svakoga konja koji je u ratu poginuo ili od gladi lipso da se po 300 groša plati, za svakoga vola koji je vukući topove poginuo po 400 groša, svakome čoviku na dan po 5 groša, a tako na svakoga konja koji je živ ostao po 5 groša na dan, za svaka kola koja su muniziju i druge ratne potrebe prevlačili po 25 groša na dan.

3-će. Za moći narodu ovu korist pouzdano dostaviti potreba je ta: da sultan 5 osobitije fermama na 5 duhovnie vlasti u Bosni i Erzegovini izda tj.: 1-no) na tri gvardiana od tri manastira svet[oga] Frane u Bosni; 2) na mitroppolita od Bosne; 3) na mitroppolita zvonickoga; 4) na biskupa fra Rafu Barišića u Erzegovini; 5) na mitroppolita u Erzegovini, pak da isti, po snagi spomenuti fermama, učine popis posredovanjem svoj paroka i kapelana, od svega onoga što je narod vojszi dao, i da se spomenute note predadu generalconsulu u Bosni, i da isti posredstvom internunziature austrinske u Zagrgradu novze primi i narodu dostavi. Svaki drugi put koji bi se preduzeo za ovo izvršivanje, bio bi više ubitačan no koristan narodu krstianskome.

Bolje bi bilo ovo propustiti, nego dopustiti da se ovo obveršuje posredstvom kajmakama, mudira, i pomjestni sura, budući da bi narod od isti mnogo mučen bio. U isto doba neka se obćini ljevanskoj 500 dukata zesarские povratiti što je od njih mudir Husein-begh neprevedno uzeo, i tako i 47.950 groša da se fratrima povratiti, što je isti Husein-beg od njih uzeo.

4-to. Da se narodu u Bosni i Erzegovini svakome svoje oružie povratiti bez koga narod u svakome vidu mnogo strada i štetu trpi; no budući da su mnogo oružie dali samovoljnizima kad su na Zernu Goru išli daklen neka se takomo krstjama plati; za dugu veliku prostu pušku 120 groša, za malu pušku 60 groša, za šešunju 350 groša, za geferdar 450 groša, za svaki nož dugi 100 groša.

5-to. Neka se Prokopie iz Bosne što prie digne, a onaj koji bi na njegovo mjesto morao doći da mu bude data tarifa od sultana i patriarha, koliko mora godišnje od svakoga popa, od svake kuće, od svake oženjene glave uzimati, i da se to odma mora obnarodovati.

6-to. Da se svi fermani koji su u Bosnu poslani od kada se tenzimati u Bosni proglasio prevedu na slavenski jezik i da se štampaju u Zagradu i da se po više kopija u Bosnu i Erzegovinu na 5 duhovni vlasti pošalje da bi ovi mogli narodu u materinskom jeziku zarsku zapovjed priobćiti a ne kao što se do sada radilo: proučivši ferman u vezirevu konaku pred nekoliko turaka — Bošnjaka, pak š njime u kessu, a po čitavoj Bosni i Erzegovini narod niti znade da je ferman došao, niti šta se u njemu piše.

7-mo. Koji seljak svoje vlastite zemlje nejma, no tugiu zemlju obragiva, nek bude slobodan od svakoga poreza što na onu zemlju pada, budući da je to do sada sasvim nepravедно za zemlju — djelza činjeno, t. j. seljak koji tugiu zemlju obragiva, treba da ju sa svojim volovima i gvozdjem uzore, i svojim siemenom posie, i kad mu 30 šinika žita rodi (jedan šinik teži do 85 oka), mora od toga pervo desetinu izvaditi 3 šinika; ostadoše 27 šinika, od ono 27 treba da aghi 9 šinika dade, osta njemu 18 na koje treba da plati poriz; od prilike ako je porez na onu zemlju 150 groša treba da seljak plati loo groša a aga 50. Osim ovoga treba da seljak dade svome aghi od siena, kupusa, kompira, gřaha i lana — od sviega polovinu, i to treba da na svojim konjima i o svome komadu kruha, goni ove stvari aghi, makar i 12 sahata daleko bilo. A kad aga svoje volove, gvozdja i sieme seljaku dade radi usjlelva tada djele sve napola, i napola i porez plaćaju. Ovakovim daklen postupanjem narod krstianski nikada dobro biti ne može. Turzi silom a Prokopie knjigom, osta sirotina gola.

8-no. Da ne može aga svoga kmeta sa zemlje dignuti dok mu nebi platilo; sve ono što je seljak sagradio kao: kuću za sebe (koju obično aga ne gradi), klanizu za volove, pojatu za sieno, ili ako bi kakvu njivu okrcio — to da mu se sve po vriednosti plati. Do sada su se velika zla iz ovoga uzroka dogagiala, kako se i sada dogagiuju, i ako se ovoj stvari u buduće kakav bolji red ne postavi, dojsta će veliko siromaštvo sa svime obvladati.

9-to. Da unapredak ne mogu vojnizi u kršćanskim kućama pribivati, od talem su mnoga zloupotrebljenja, koja se izkazati ne mogu, činjena.

ABH, GK, Op. sp., N 262, Копия.

¹ Имеется в виду подавление Омер-пашой Латасом восстания мусульманской аристократии в Боснии в 1850—1851 гг. (см. примеч. 2 к док. 2).

Обращение представителей православного населения Боснии и Герцеговины к Николаю I с просьбой о защите от притеснений турецких властей и греческого духовенства

17 декабря 1854 г. Мостар

Всепресветлейший, державнейший великий государь император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просим мы, нижеподписанные, во имя целого народа сербского двух провинций Боснии и Герцеговины о нижеследующем:

Вот и мы, несчастные и от всех забытые и презренные жители Боснии и Герцеговины, осмеливаемся сим нашим прошением предстать пред твой могучий престол, чтобы излить пред твоим императорским величеством наши печальные чувства и изобразить наше горестное и жалкое положение и просить твое императорское величество, как отца, покровителя и защитника православных христиан, для освобождения коих подвиг ты священное знамя¹, обратить свой взор и твою милующую могущественную десницу на нас, несчастных. На коленях просим твое императорское величество.

Другая половина пятого столетия нашего рабства давно началась², и наше состояние не улучшилось, и если бы не верили в неисповедимый промысел божий, который управляет всем миром — видимым и невидимым — то до сих пор мы бы должны были пасть в отчаяние и подобно Иуде лишить себя жизни. Фанатизм турок в продолжении стольких веков в отношении к нам не охладил; но были времена и годы, когда не так сильно обнаруживался, вероятно потому, чтобы потом вспыхнуть сильнее. К сему времени относим первые годы этого столетия, когда Сербия, по мощию благочестивейшего императора всероссийского благословенного Александра оспаривала свои права у Оттоманской Порты³; тогда фанатизм турок изливал свои ядовитые стрелы и против нас. Подозревая нас в единомыслии с братьями нашими сербами, жестоко нас мучили бесчеловечные, убивали нас на улицах, в собственных домах, наконец, в довершение всех мучений сдирали кожу с живых людей. От сих мучений не мог никто спастись, на кого пало подозрение. Турки не смотрели ни на пол, ни на возраст. В сих-то страшных минутах нашего испытания мы пришли к такой мысли: наверное, богу так угодно, чтобы нас турки уничтожили с лица земли. Подлинно турки бы давным давно сделали это, если бы их от этого намерения не удерживала та мысль, что после некому будет служить им, некому работать для них. И эта мысль, посредством которой, может быть, промысел божий действовал, спасла нас от конечного уничтожения.

В 1828 году, когда могущественные орлы твоего императорского величества, вступив в пределы Турции⁴, заставили ее дрожать от сознания своего ничтожества и бессилия в сравнении с победоносным войском твоего императорского величества; тогда фанатизм турок излил весь гнев свой на нас, беззащитных и безоружных, как на единоверных и единоплеменных с твоим народом русским.

Теперь уж два года, как открылись военные действия между благословенною Россиею, с одной стороны, и неверной Портой в союзе с нечестивым Западом, с другой⁵. Но мы, следя за ходом дела, можем справедливо уповать на бога, что благословенная Русь и православие должны восторжествовать, потому что на стороне православия бог и святое и справедливое дело: покровительство святого гроба святейшего и защита

святой-соборной и апостольской церкви и улучшение состояния православных христиан в Турецкой империи. Подозрительные турки и в сей войне обвиняют нас в симпатии с русскими, и за это одно подозрение подняли на нас страшное гонение; они думают уничтожить нашу любовь к русским, уничтожить любовь и уважение к твоему императорскому величеству, а не знают того, во что человек внутренне убежден, во что он верит и что в нем насаждено священнейшею религиею христианскою, не может уничтожить никакая сила человеческая, никакие мучения, ни смерть, ни живот, но еще более укореняют ненависть к себе и усиливают в нас любовь к русским. Тяжело нам терпеть. Это не год и не десятка два, но это, так сказать, целая вечность, и мы не имеем другого защитника и не хотим иметь, кроме твоего императорского величества. За католиков заступается австрийское правительство, но за нас никому заступаться, кроме тебя, и мы не признаем другого царя, кроме тебя. Ты отец наш, ты наш царь. К тебе обращены наши взоры, на тебя, царь и отец наш, почивают лучшие наши надежды избавления. Неужели твое императорское величество откажется от своих детей, которые, зная твое любящее отеческое сердце, благородство твоей великой души, уверены, что ты, благочестивейший из монархов, в состоянии понять ихнее бедственное состояние и один в состоянии избавить их о укрепляющем ты госпode, обращаются к тебе с просьбою. Царь! Воззри на нас, несчастных, с высоты твоего величества, на нас, православных сербов, жителей Боснии и Герцеговины, которые исповедуют одну и ту же православную веру, которую исповедуют и братья наши русские. Царь! Скажи одно царское слово о нашем избавлении, и мы избавлены.

Жестокость турок в последнее время достигла крайней степени, и для большей ясности представим несколько фактов вашему императорскому величеству. Вздумает ли какой-нибудь последний турок делать насилия христианину, то, не видя препятствия со стороны власти турецкой, приходит в дом христианина, требует, чтоб его угощал, тот, если ничего дать ему не имеет, то пойдет по соседям просить, чтоб ему уделили за угощение турка. Угощает его, и вместо благодарности тот требует, чтоб ему христианин заплатил (зубарину) за то, что он, турок, евши у него, испортил себе зубы. И если христианин не может заплатить требуемых денег, то он убивает его в собственном доме и за убийство не подлежит никакой казни. Другой случай был у нас недавно в Мостаре. Один купец имел у себя работников человек 15; несколько из них работали на верху дома. Прошел мимо дома один турок, поглядел на рабочих и сказал гласно одному из них наверху: «Не шевелись, я хочу попробовать, мое ружье может ли попасть», и, выстрелив, убил одного из них. Пошли сербы жаловаться местной турецкой власти, но, не имея права свидетельствовать пред судом, возвратились ни с чем. Если турку понравится дом серба, то он берет другого турка-свидетеля, и у пашы сделают так, что серб должен оставить свой собственный дом и идти за город и там сделать себе землянку и в ней жить, если не может себе другого дома купить. Пред Филиповкой у одного священника почевали турки; священник закричал довольно гласно: «Царь Николай! Скоро ли нас избавишь от этих проклятых турок?» Турки слышали и тотчас вырубали его в куски.

Не исчисляя всех (убийств, даем знать вашему императорскому величеству, что этой осенью у нас случилось до 30 явных убийств, а сколько тайных, то единому всеведущему богу известно! Лишая жизни лучшего члена семейства, старшину, тем самым лишают жизни и прочих, например детей, если остаются после него. Бесчеловечие турок [не] на том только, что убивают нас; они отняли все наши земли, мы им должны работать и давать половину от всех произведений. Другая половина при-

надлежит будто бы нам; из нее должны дать султану десятую часть, должны платить подать харач и разные разности. Итак, сосчитая все наши доходы, результат выйдет такой: мы при всем нашем труде убогие и нищие.

Грустно становится, если даже издали взглянуть на наше мучительно униженное состояние. Печально терпеть, но еще печальнее видеть совершающиеся другого рода мучения, тягчайшие из всех мучений. Последователи лжепророка — турки, не довольствуясь тем, что нас беспощадно каждый день гонят, терзают и мучают, как некогда свирепствовали язычники против первенствующих христиан, но посягают в своем бешеном фанатизме и на святыню нашу. Так, таинство брака и чистое супружеское ложе, какое должно быть у истинных последователей господа нашего Иисуса Христа, сделалось у нас предметом смеха, игрою необузданных страстей турок. Дщери наши и сыновья наши опозорены, одним словом, все, что должно быть у христиан предметом глубочайшего уважения, турки попирают ногами. Наши церкви, единственная отрада в тяжких обстоятельствах нашей жизни, единственное успокоительное место, где совершается бескровная жертва, единственное училище веры и благочестия христианского, где христиан, отложив житейские попечения, предает совершенно себя господу, посвящая на служение ему сии священные минуты, возносится теплою молитвою к нему, посылает благодарственные молитвы, забывает свое горестное и печальное состояние — эти церкви, эта единственная наша отрада, завещанная нам нашими отцами, не остается в спокойствии от свирепости турок, которые во время общественного богослужения, войдя в церковь, всех разгоняют, бьют, бесчинствуют и, в довершение всего, священника мучают ужасно. Так на днях три турка схватили нашего одного священника, зауздали его, как лошадь, и сажали на него поочередно, и бедный должен был по всем улицам носить их. Турецкое правительство и турецкие пашы, видя все это, не только не запрещают подобные злочинства, но еще турецкие имамы проповедуют войну против дьяуров, как единоверных с православною Россиею. Свирепый турок, видя в лице своих имамов людей понимающих и сведующих в коране, тем свирепее нападает на христиан, грабит, убивает, позорит, и правительство не внимает на вопли, стенания и жалобы наши.

Государь император, для нас наступила последняя година, потому что бедствия превышают всякое вероятие.

К бедствиям от турок присоединяются бедствия, какие мы терпим от нашего высшего духовенства — митрополитов и епископов.⁶ Они не суть пастиры и преемники св. апостолов, ибо не имеют ни малейшей тени духа апостольского, нет в них смирения и любви апостольской. Они смотрят на свой великий сан не как [на] истинное служение пасомым и приведение их из веры в веру, они не пасут стадо христово, но расхищают, как волки. От них более терпим бедствия, чем от самых турок. Они злоставят нас, обременяют налогами наравне с пашами турецкими, бесчинствуют гораздо хуже пашей турецких. Облеченные в душевный * сан не по душевным достоинствам, но приобрели оный позорным и самым недостойным образом — симониею. Вот почему, государь император, мы терпим больше мучений, нежели первенствующие христиане! Первенствующую церковь мучили и озлобляли язычники, но верные чада церкви в своих страданиях находили целительный бальзам в беседах пастырских, находили утешение в страшных минутах жизни. Мы же, напротив, этого всего лишены; и они не только не соболезнуют, но еще стараются передать

* Так в тексте. Следует: духовный.

нас туркам на мучения. Они не понимают коего духа суть, не понимают дух христовой церкви: вести словесное стадо в меру возраста совершенния христова и употреблять таким образом священнейшую религию христианскую во спасение верующих. Неудивительно, впрочем, что мы имеем таких пастырей, когда знаем, что они, быв несколько лет слугами патриарха, наживши довольное состояние, покупают сан епископский, и патриарх дает им это высокое звание, несмотря на то, что редкий из них знает порядочно читать.

Государь император! Мы вполне чувствуем и совершенно верим, что твое императорское величество может освободить нас от этих негодных пастырей, посему, коленопреклоненно падая пред твой императорский престол, просим у ног твоих освободить нас от наших епископов (греков) и дать нам из нашего круга (из сербов). Говоря сие, мы остаемся чужды той мысли, будто мы желаем отступить от церкви константинопольской и образовать ереси и расколы. Нет! Мы были в союзе с константинопольскою церковью и желаем и опять остаться, только на тех же отношениях, на каких находится и церковь сербская.⁷ Ибо нам наши пастыри стали не любы, потому что вместо того, чтоб действовать, как истинные пастыри, они расхищают или сами, или другим позволяют по своему нерадению и скудости любви к своему долгу, чтобы нас расхищали, как это стараются достигнуть австрийские миссионеры, которые, не видя никаких препятствий со стороны наших епископов, предлагают подписаться на то, что мы желаем принять римскую веру — унию⁸ — и признать над собою покровительство Австрии, и тогда по ихнему будем защищены от насилия турок и будто бы избавимся от всех притеснений, какие терпим ныне. Но мы, пока твое императорское величество и твоя благословенная Руссия существует, не хотим ничьего покровительства, кроме покровительства твоего царства, ибо мы знаем, что ты, государь император, и притом один вполне можешь покровительствовать православных. Мы прежде согласимся быть вытертыми из книги живота, нежели променять нашу праотеческую православную веру на веру римокатолическую. Тебя одного просим быть нашим защитником и покровителем, потому что ты, государь император, один царь на земле, ты — единственный помазанный божий. Греческие императоры в XV столетии, ища себе спасения в союзе с папами и европейскими владетелями, основанном на малодушной измене православия, были покорены турками. Твои же благочестивые предшественники цари русские, приняв в своем гербе двуглавого орла, остались истинными царями⁹. И у нас всегда было и будет это убеждение, что ты — единственный царь на земле. Потому первое всего надеемся на бога и его божественную милость, потом на тебя, великодушный из монархов. Царь! От тебя чаем спасения и утешения погубивший Израиль. Царь и отец наш! Тебя просим быть нашим избавителем. Государь император, коленопреклонно просим как чада той же православной церкви, коей ты первенец, которую исповедует и вся благословенная Русь твоя, просим тебя, как единоплеменные и единоверные с твоим народом русским, не отврати твою отечески-царскую милость от нас, не лиши нас, государь император, последней нашей надежды, не откажи нам в твоём отеческом пособии, дабы могли низвергнуть оковы пятивекового униженного и позорного рабства, которое в последнее время сделалось для нас столь невыносимо, что, несмотря на все наше усилившие терпеть, мы не можем более погашать внутренние порывы души, в которой пылает месть против наших угнетателей-турок и епископов-греков. Мы намерены весной поднять знамя восстания, и хотя мы сознаем, что не будем сражаться с равной силой, но тем не менее намерены встать и бороться за свободу отечества, за спасение матери нашей православной

церкви (здесь понимаем свободу не так, как понимает ее лжеумудрствующий Запад). Встанем, будем сражаться на жизнь и смерть, ибо что за жизнь наша? Нас можно сравнить с телом без души. Поднимаясь против врагов наших и твоих мы ничего не имеем: ни денег, ни амуниции, ни пушек, ибо все это от нас отнято; но мы вполне надеемся на твою помощь, и это мы можем ожидать, потому что и ты, царь православный, поднял знамя именно для того, чтобы нас освободить от униженного рабства.

Целуя полы твоей царской порфиры, остаемся твоего императорского величества, всемогущественнейшего государя, всегда покорнейшие рабы.

Вместо целого народа сербского двух провинций Боснии и Герцеговины:

Из Сараева:
Евган Радловић
Манойло Евтановић
Гавро Елић
Стеван, протопоп сараевский
Из Мостара:
Милан Оборина
Сава Мойћ
Тома Радловић из Банине луки
Василие Уляревић, духовник монт-
[астира] Требиња
Иово Тодоровић из Лиевна
Иово Куиндић из Лиевна
Никола Поповић из Травника
Андрея Глогич из Фоче
Иакша Иовичић из Фоче
Цветко Радловић из Невесиня
Шћепан Шиповић из Невесиня
А. К. Ацикостий из Брода
Ристо Паранос из Брчке
Иово Бабић из Градишца
Тринко Радловић из Модрица
Павле протопоп из Осечани
Иово Дарда из Оштрог луга
Поп Глигорие Стоянович из Во-
лара
Петар Требовац из Миляковца
Тома Вашић из Миляковца

Стеван Аврамовић пр[о]то из
Ороша
Аци Стеван из Грачанице
Коста Белополяц из Приштина
Ђорђе Станимировић из Призрена
Иово Цухић из Пећи
Илија Яним из Пећи
Ђорђе Рибач, кмет из села Дресника
Милутин Седлар, кмет из Баия
Живан, кмет из Приштина
Живан Максимовић из Приштина
Иово Чабака из села Бабуша
Живан Ђамин из Вучитрна
Иово, кмет из Колоаника
Феофан Тинич, еромонах дечан-
ский
Ианикине, игуман монастыря св.
Троице у Таслице
Гмитар Гвозден из с. Усорца
Белош Ђурић из Оштрог луга
Иово Гаић из Оштрог луга
Милентие Ступац из Гасовца
Ристо Евић из Усорца
Марко Никић из Оштрог луга
Андрон-Сочица, игуман монастыря
Пиве у Ерцеговини
Поп Иово Стоянович из Майдана
Ђоко Соколовић из Фоче

АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 605, л. 9—15 а. Подлинник.

⁷ Имеется в виду Крымская война (1853—1856).

⁸ Турки заняли Боснию в 1463 г., а Герцеговину в 1482 г.

⁹ Речь идет о помощи России Сербии в период Первого сербского восстания 1804—1813 гг. и русско-турецкой войны 1806—1812 гг., закрепившей в Бухарестском трактате автономию Сербского княжества.

¹⁰ Имеется в виду русско-турецкая война 1828—1829 гг.

¹¹ В Крымской войне Россия оказалась перед коалицией Турции, Англии, Франции, Австрии и Сардинии.

¹² Православное население проживало преимущественно в восточной Герцеговине. После ликвидации в 1766 г. Печской патриархии церковью в Герцеговине управлял особый архиепископ, назначаемый константинопольским патриархом. Резиденция его находилась в Мостаре. Обычно это был грек, так как высшее духовенство в Герцеговине, как правило, назначалось из греков-фанариотов, не знавших сербского языка и общавшихся с населением с помощью переводчиков. Они поддерживали политику турецких властей. Православное население югославянских земель вынуждено было платить огромные налоги в пользу греческих митрополитов и епископов. Его предста-

вители неоднократно обращались к России и другим европейским державам с просьбой о защите от произвола фанариотов. В 1833 г. церковь в Сербии получила автокефальность. Конвенция об автокефальности православной церкви в Боснии и Герцеговине была заключена с константинопольским патриархом только после Берлинского конгресса 1878 г. (см.: *Екмеичи М.* Српски народ у Турској од средине XIX века до 1878. — Историја српског народа. Београд, 1984, т. V, кн. 1).

⁷ См. примеч. 6.

⁸ Нет достоверных данных о том, что в это время велась униатская пропаганда среди сербов. В тот период Австрия и Франция начинают активно привлекать на свою сторону православных сербов Боснии. Австрия предоставила возможность молодым боснийцам учиться богословию в Задре и начала оказывать денежную помощь православным церквям, чтобы противодействовать влиянию России и Сербии в Боснии и Герцеговине (см.: *Екмеичи М.* Mit o revoluciji i austrijska politika prema Bosni, Hercegovini i Crnoj Gori u vrijeme Krimskog rata 1853—1856. — Годичњак Друштва историчара Босне и Херцеговине, 1962, № XIII).

⁹ С конца XV в. в государственной эмблеме Русского государства появился двуглавый орел — главный элемент герба Восточно-Римской (Византийской) империи, который как бы олицетворял идею преемственности Русского государства от Византийской империи.

5

*Записка российского консула в Дубровнике К. Д. Петковича
со сведениями о населении Боснии и политике турецкой администрации*

Не позднее 18 января 1856 г.*

Несколько слов о Боснии и злополучной участи тамошних христиан. Пространство земли, прилегающее к Адриатическому морю и ограниченное с северо-востока реками Савою, Уною и Дрином, с IX столетия еще носит название Боснии. Босния, получившая свое название от реки, протекающей по середине ее, с древнейших времен входила в круг Великой Иллирии — *Illyricum magnum* — имевшей своих собственных владетелей. Римляне, завладев Иллириею, разделили ее на многие провинции, и Босния вошла тогда в Панонию. Август потом присоединил ее к Далмации. При разделении Римской империи на Западную и Восточную Босния осталась под властью Восточной или Византийской империи¹.

Нынешняя Босния граничит с востока с Сербиею и Пришвинским пашалыком, с запада — Герцеговиною и Далмациею; с севера — Славонию; с юга — Далмацию, Черною Горю и Албаниею. Она имеет около 1063 геогр[афических] кв. миль и простирается между 42°—45°15' сев[ерной] шир[оты] и 33°25'—36°24' долг[оты].

В управлении турки разделили Боснию на два вилайята: Травникский и Мостарский. Народонаселение доходит до 1 104 500, из которых 1 096 000 босняков — славян, 6 000 цыган и 2 500 евреев. Кроме того, в мирное время стоят 6 полков регулярного войска, около 7 000 чел. вместе с албанцами и жандармами.

Босния есть единственная провинция в Турции, где турецкий язык не мог укорениться: как по деревням, так и по городам, кроме славянского языка, другие звуки не слышны. Турецкие вельможи говорят по-турецки только тогда, когда бывают у визиря, и то кой-как и с ошибками. Настоящих турок можно встретить в Сараеве, Травнике и Баялуке, но и они, проживши несколько времени, забывают турецкий язык и начинают говорить по-сербски.

Зная, каким страшным гонениям христиане подвергались со стороны турок и как сильно было желание и стремление их приобрести прозели-

тов, удивляться можно, каким образом христианство удержалось до сих пор в Боснии. Благодаря провидению, оно не только что сохранилось, но еще день ото дня возрастает, между тем как магометанство более и более падает.

Народонаселение Боснии принадлежит к двум главным вероисповеданиям: христианскому и магометанскому: последователи первого делятся опять на православных, известных там под именем рижских, и католиков, носящих название керетян.

Православных босняков считается около 562 000. Их церковь в зависимости от царградского патриарха, управляется митрополитом сараевским и двумя епископами, имеющими свои столицы в Мостаре и Зворнике. Православных монастырей осталось 15, из коих 2 в Сараевской епархии, 1 в Зворнической и 12 в Мостарской. Церкви в жалком запустении, а духовенство в глубоком невежестве. Священники посвящаются епископами за деньги, а не по достоинству, поэтому редко кто из них умеет читать даже правильно.

Число босняков, признающих папу главою церкви, простирается около 150 000. В церковном управлении они делятся на три викарната: 1) Боснийский, учрежденный в 1701 г. и имеющий 46 приходов и три францисканских монастыря: Фойница, Крешево и Сутишка; 2) Герцеговинский, учрежденный в 1845 г. и имеющий 13 приходов и один монастырь на месте, называемом Широкий берег; 3) Требинский, существующий с 1843 г. и имеющий 8 приходов и 8 000 прихожан. В первых двух викарнатах исправляют церковные требы монахи францисканского ордена, а в последнем, находящемся в зависимости от дубровникского епископа — иезуиты.

Из времени учреждения викарнатов в Боснии видно, что католичество между тамошними славянами не так древне: оно новейшего насильственного происхождения и есть дело Римской пропаганды² и иезуитов, которые нашли легкую и богатую добычу в Боснии, особенно с того времени, как сербский патриарх вследствие гонений турок переселился в Австрию и оставшиеся христиане стали управляться епископами, посылаемыми из Константинополя, которые, не зная ни языка, ни обычаев народа, мало заботились о духовных его пользах и оставляли вверенное им духовное стадо на расхищение между католиками и магометанами. Усилия католических миссионеров в Боснии не ослабевают, отпадение угнетенных наших братьев от православия продолжается еще, и, если состояние православных христиан на Востоке не поправится, то скоро увидим в Боснии учреждение и четвертого апостольского викарната.

Состояние духовенства и церквей католических несравненно лучше, нежели у православных, благодаря покровительству австрийских консулов и пособию Римской пропаганды. Католики не подвержены притеснениям и гонениям со стороны турок; их священники — францисканские монахи и иезуиты — получают образование в Венгрии и Италии и заботятся о распространении грамотности между своими прихожанами. Так, кроме трех главных латинских училищ, содержимых монахами в трех монастырях, в 1848 г. открыты еще народные школы в Травнике, Варцаре, Левне, Фойнице и Крешеве. Способнейших из учеников посылают для усовершенствования в Рим или другие города Италии, где также печатаются духовные книги на сербском языке, но латинскими буквами.

Магометане в Боснии не суть турки, а босняки или сербы богатые, которые приняли магометанство единственно для того, чтобы удержать свои обширные поместья. Между всеми турками боснийские магометане суть самые злые враги и притеснители христиан.

* Датируется по предводителю документу.

С IX столетия еще Босния управлялась независимо славянскими владетелями, которые назывались банами. Круг их деятельности ограничивался сношениями с королями сербскими, далматинскими и венгерскими и особенно с Дубровнической республикой³. С 1376 г. боснийские владетели приняли титул королевский и сохранили его почти целое столетие до завоевания Боснии турками.

Ни для одной из христианских провинций иго азиатских пришельцев не было так тяжело, как для Боснии: она выстрадала больше всех и то не от завоевателей-турок, а от собственных своих сыновей, принявших магометанство и терзавших с зверскою алчностью утробу своей матери.

Боснийские турки, потомки древнего славянского дворянства^{2*}, жили в укрепленных замках, окруженные многочисленной дворнею и вооруженною стражею, владели богатыми поместьями, властвовали в городах и проводили время единственно в том, что мучили и терзали христиан, работавших для них. Они управляли и распоряжались краем почти независимо от султанов; ничтожная власть Порты проявлялась только в том, что назначались из Константинополя визирь, которые, однако, должны были во всем угождать прихотям спахив и за малейшее покушение на их права и буйные вольности были сменяемы и изгоняемы.

После уничтожения янычаров Махмудом⁵ Порты стала употреблять все средства, чтобы сломить силу боснийских турок, захватить у них имущества и богатства и передать их в руки настоящих османлиев. К этим мерам склоняла советников Порты врожденная их алчность к богатству и также боязнь, чтобы босняки не отделились подобно пашам скутарскому, янинскому и эгинетскому⁶. И на самом деле могущество боснийских спахив наполовину уже уничтожено: некоторые из них обеднели, потеряли влияние и скитаются по Азии в заточении, а другие держатся еще в Боснии только золотом, которое они сыплют ненасытным и развратным визирям.

«Произошло ли из этого какое-нибудь облегчение для нас христиан? — спрашивает босняк, писавший о Боснии в 1851 г.⁷ — Никакое, потому что все домашние споры и войны проходили через наши головы и мы должны были доставлять военные издержки и боснякам и османлиам без малейшего вознаграждения. Многие иностранцы, прожившие несколько времени в Константинополе или которые прибыли в столицу на пароходе и проехали чрез Турцию, думают и пишут, что Порты сделала для христиан много добра и ввела в управление много полезных преобразований. 10 лет уже я живу в Боснии и не видал еще, чтобы турки сделали для христиан хоть малейшее добро. В 1839 г. султан издал пресловутый гюльханейский хатишериф⁸, в котором христиане сравнивались по правам с турками; но в Боснии об этом нет ни помину, и этот хатишериф послужил только английским и французским дипломатам, протрубившим в своих журналах, что в Турции теперь Eldorado. Визирь, посылаемые в Боснию Портою и так часто сменяемые, заботятся только о том, как бы накопить себе побольше богатств от бедных христиан, и для этого поступают следующим образом: они позволяют мусульманам, кадиям^{3*} и прочим чиновникам турецким притеснять и грабить христиан сколько угодно, и когда рая покажется на них, то визирь отнимает у них накопленные богатства,

^{2*} Дворяне-босняки, принявшие магометанскую веру, носят титул бегов или князей. Знаменитейшие из них и сохраняющие еще славянские фамилии суть следующие: Бабиц, Бакович, Босняк, Видач, Войнович, Дваич, Дугачич, Глушич, Копич, Кресович, Кулепович, Кузавич, Любич, Любичич, Ренович, Скорбич, Соколович, Филипович, Перич, Чекич, Шаранович, Златарович, Журалович и др. (примеч. док.)⁴.

^{3*} Муселим — наместник, уездный начальник; кадия — судья (примеч. док.).

оправдывает и отпускает опять по своим местам, между тем как несчастным христианам не делает никакого удовлетворения, а часто даже запирает и штрафует под разными предлогами. Если христиан в Боснии имеет дело с мусульманином, то никогда не может быть оправдан перед судом, потому что против турка, который в глазах мусульманского судьи не способен лгать, особенно если он еще с седою бородою, никто не может свидетельствовать. Кадия и шура (совет) говорят обыкновенно в подобных случаях христианам: «Молчи, пастух, один правоверный турок знает больше, нежели тысяча неверных пастухов; не забывайте, что вы на турецкой земле, что вы рая, что здесь не звонит церковный колокол, а поет турецкий муэзин и пр.» Таковы судебные приговоры в присутственных местах Боснии. Христиане не могут занимать никакой государственной службы, эта честь принадлежит в Боснии одним мусульманам. В Боснии не только строят новые церкви, но и поправляют старые христиане не смеют, и если кто осмелится вспомнить даже перед турками, то обыкновенно поплачивается за это головою. Сердце разрывается у человека при виде этих несчастных христиан, слушающих слово божие под дождем или снегом, в ограде, обросшей травою, перед развалинами какого-нибудь древнего храма. Мусульмане в Боснии до того ожесточены против христиан, своих братьев по крови, что не позволяют им покрыть полуразрушившиеся церкви даже рогожами и соломой! Вору и разбойнику безнаказанно и среди белого дня грабят и убивают беззащитных жителей. Местные начальства вовсе не заботятся о поправлении дорог и мостов, поэтому каждый год случается, что путешественники сваливаются в пропасти или тонут, а за это окрестные деревни платят туркам штраф, большие суммы денег. Кто не был в Боснии, не видел и не испытал сам турецкого ига, злобы против христиан, суда и расправы турок, тот не может себе представить, что мы терпим и переносим от турок. Англичане и французы выкупают африканских рабов, запрещают торговлю неграми и этим ищут некоторой заслуги перед просвещенною Европою, а об нас, христианах, жалких рабах европейской Турции, и знать не хотят, но что еще хуже — они поддерживают целост Турецкой империи, которую считают законною, не думая о том, законно ли ее основание. Они стараются только о том, чтобы удержать «status quo», а погибает ли кто, им до этого дела нет.»

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 798, л. 5—11 об. Автограф.

¹ С 950 г. Босния являлась самостоятельным феодальным государством. Позднее она попадала под власть попеременно соседних государств и Византии. С XII в. во главе Боснии стояли правители, которые хотя и признавали верховную власть Венгрии, но проявляли самостоятельность и даже иногда воевали против Венгрии. Развитие государственности в Боснии в значительной мере проходило под влиянием соседнего сербского государства. С начала XV в. турки проникают в Боснию, а в 1463 г. полностью ее занимают и превращают в провинцию Османской империи.

² В 1622 г. папой Григорием XV было основано миссионерское общество — Пропганда римская (Congregatio de propaganda fide), чья деятельность направлялась на распространение католицизма в других странах и искоренение еретичества. Главная роль на местах принадлежала апостольским викариям, которые назначались обществом. В Боснийском пашалыке первым апостольским викарием был назначен в 1735 г. Мати Деливич (см.: *Džaja S. M. Katolici u Bosni i Zapadnoj Hercegovini na prjelazu iz 18 u 19 stoljeće*. Zagreb, 1971, s. 104—113, 227—231).

³ «Дубровническая республика» — государство, включавшее город Дубровник и окрестные территории. Управлялась выборным князем, Большим и Малым вечами и Сенатом; с 1526 г. формально зависела от Турции. В 1808 г. Дубровник был аннексирован Наполеоном и управлялся французским наместником Далмации; с 1815 г. город перешел под власть Австрии.

⁴ Обычно считалось, что средневековые феодалы Боснии после того, как эти территории попали под власть турок, приняли ислам с целью сохранения своих феодальных владений. Это положение, однако, не учитывает того обстоятельства, что на всей территории Османской империи собственником земли являлся турецкий султан; к тому же исламское общество не признавало института наследственного дворянства.

⁵ Янычары — особый род турецкого войска, просуществовавшего с XIV в. до июня 1826 г., когда был издан указ о его роспуске. Попытки проведения реформ в Османской империи в начале XIX в. касались преимущественно реорганизации пехоты, в которой янычары занимали привилегированное положение. Янычарский корпус использовался консервативными силами против проведения прогрессивных реформ. Их бунт в 1826 г. был жестоко подавлен.

⁶ Во второй половине XVIII в. внутривеодальная борьба в Албании, проходившая на фоне ослабления султанской власти, привела к образованию полунезависимых пашалыков. В северной Албании представители рода Бушати захватили власть в Шкодринском пашалыке, значительно расширив его владения. Его правитель Махмуд-паша имел свою армию и флотилию. В южной Албании Али-паша Тепелея в 1787 г. подчинил себе Эпир, столица которого Янина стала центром нового пашалыка. К весне 1812 г. вся южная часть страны оказалась под его властью. Попытки Турции подчинить себе эти пашалыки оказались безуспешными. Фактически они стали независимыми от Порты. Лишь в 1822 г. в результате наступления турок завершил свое существование Янинский пашалык, а спустя 9 лет турецким войскам удалось подчинить Шкодринский пашалык. В истории Албании полунезависимые пашалыки сыграли прогрессивную роль, так как ограничивали феодальную раздробленность и активизировали национально-освободительную борьбу против турецкого владычества (см.: Ари Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова И. Д. Краткая история Албании. М., 1965, с. 57—74; Ари Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII—начале XIX в.: Западнобалканские пашалыки Османской империи. М., 1963).

⁷ Здесь К. Д. Петкович дословно цитирует Ивана Франье Юкича и его «Земельные и повешенные Босние» (Иван Франьо Јукић. Сабрана дјела. Сарајево, 1973, књ. 4, с. 319—321). Все данные, которые Петкович приводит в публикуемом донесении взяты из названного труда, напечатанного в Загребе в 1851 г., который был по-видимому ему знаком.

⁸ Гюльханейский хатт-и шериф султана Абдул-Меджида от 3 ноября 1839 г. провозглашал в Османской империи равенство всех подданных перед законом независимо от вероисповедания и этнического происхождения, справедливое обложение налогами, упорядочение набора рекрутов и сокращения срока военной службы; была обещана неприкосновенность жизни, чести и имущества, а также гласность суда и добросовестность следствия. Содержание хатта вызвало отпор консервативной части турецкого общества, что приостановило проведение его в жизнь, затем от него вообще отказались. После Крымской войны 1853—1856 гг. Турция вновь возвращается к этим реформам; в 1856 г. был провозглашен султанский ферман подобного содержания — хатт-и хумаюн (подробнее см.: Новичев А. Д. История Турции. Л., 1973, т. III, с. 415—417; Попович В. Аграрно питање у Босни и турска предрица пре време реформног режима Абдул-Меджида: 1839—1861. Београд, 1949, с. 37—50).

6

Обращение населения Казарацкой нахии к Александру II
с просьбой о защите от произвола турецких властей и
об организации европейской комиссии по делам Боснии¹

30 октября 1856 г.

На белые руки честитого цара Александра другога!

Откако е свети княз Лазар битку на Косову изгубио², и Турци ове пределе заузеше, ние нам никада тако докундисало као што е сада. И у најгора она времена док су яничари и дане беснили могло се живити и некако те, некако^{*} нима плаћати. Али ево нам сада свима пропасти.

О, камо е твоя силна моћ, от други избавителю! Камо су оне наше наде изгледе и свое тракове от нас сасвим сакриле. Ние ли то богу плакати? Кад се е овај последни рат започео свака е християнска душа у тајности

^{*} Так в тексте.

певала веселећи се да иој е близо сунце избављени и да ће скоро засјати, и звезда Даница-предходница да нам е већ огранула.

Но преварисмо се, и како люто! Блажене памети достојни цар Никола поче за нас радити. Ти, честити царе, то настави и, по могућству, и рат доврши. Изгледи наши по уговореном миру чинили су се лиепи бити, но ево гердни последица после тога.

Гердна злота турска већ е мане преузела, и бог нам е сведок, да се више подносити не море.

Никад ние толика множина народа колика е сада под турским ярмом тако стенила као сада. Она вапие за своим избављеним. И готови смо сви, не само физично но и материјално, себе жртвовати. Не мисли, о велики мужу и пресветли царе, да су ово голе риечи. Ннесу, богме, ер излазе из они персију у којима права християнска крв ври и кои вас онако исто као и вањег незабрављеног оца Николу обожавају. Од рода у род спомиња се негово свето име. Што ћемо ми сада? Куд ћемо прибјећи и гди помоћи тражити? Ако е још ту не наћемо.

Ваша светлост море нами помоћи. И не буде ли тога, ондасмо сви образ и подобие божие носећи от Турака сатрени и као марва погажени и битћемо на срамоту свију еуропейски сила сатрени и уништени, кое е и онако једна намера турска.

Ево само неколико примера. Турчин кад нас глоби и отима нашу сиротињу не говори другиче но: дай, влаше, крст ти твој, нека т поможе сада Мойсков^{2*}. Ни е ли то поруга?

Спахие и пандури оглобихе све до голе душе. Последни нам не служе за обрану но служе првим за слипо орудие. Они сами казую да им то мудири и већи османлије тако заповиједају.

Приедорски мудар послао е свога буљобашу да ту покупи од рае 100 дуката, и то се не зна на што е. Овај тешко дочека ту заповед и употребивши неју и на своју корист скупи оно 100 дуката и уз то још 150 дуката за себе. Против овога подише се тужба, и буљобаша каза у очи мудиру да му е то тако заповидно. Но нити овај, нити онај прими и најмању каштигу за то. И тако пропадохе наши новци. Има кућа кое су од 10 до 12 дуката давали. А тако раде и сви други.

О, какове зулуме не чине Турци! Сокруши нји божје. Приедорског капитана синовци, Усеин и Асанбег убише поштенног човека Дмитра Марина и Якова Мићла и двојицу још из Кнеж поля. Па што им учини турски суд за то? Ништа. Но где већер зла примораше нивое сроднике да отступе од те тужбе и да реку да они ннесу то зло учинили и да ннесу томе убилству криви. Ево сада, дакле, горег зла него е и прво било. Турци када из апса изиђоше ударише на сроднике Мићла и Маринове и наплатише се што су у апсу поарчили. Какови су им рачун онда правили то сваки знати море. Ер гди се Турчин наплаћује ту онај крви блже кои плаћа.

Капмаками су највеће огулие, мудири им следую, а буљобаше и пандури извершую ово гадно дело. Турци обесчестише сав християнлук. Гди е боља млада или девојка, та е турска. А не могу ли тога радити, кад им ми одолети не моремо? Турчин попане ятаган свој пак нашем детету или нами на врат метне, и на воли нему онда стои само да притисне. Све они то чинити могу ер су нам одузели оно ш чим би се бравити могли. Оружие, новац и друго — све е ниво.

Када се трећина и десетина купи, ту се чини онако како е Турчин расположен. Од правде нема ни говора, и да би он онако као што би бити

^{2*} Имеются в виду: русские.

морало постуца. Нами даде треће, а нему све оно остало. Узимаю десетину от 30—35 семена, а тога у нас ни нема. Найкашње морамо и лешнике по шуми за ни ићи купити. З десетином е и горе: нју купе Турци—Стамболине или Сарайлине они продаду другима и то са великим добитком, а они опет другима. И тако док се до нас дође, и наши Турци прекупе, копта 10 пута више него е Стамболија за нју дао. И опет онда неће да нју у есен покупе по процене нју по својој ђуди, тефтеришу и тек на пролеће новце купе. Ниов е тефтер увек у својој якости, и ми га морамо по трипут плаћати. И опет га неће да уништи. Од казана шљиве узимаю по 10 цванцика, а ми би га радо по три дали. Ферман, или хатхумајом царски^{3*}, чемуо сви, али какови су нам плодови од нега. Ш неме нам е много и много обећано, али ние ништа изпунено, но остаје голе риечи. И гле, сад нема већ ни отражине от нега, но на жалост нашу велику постаде нам горе него е икада било. Слободе нема никакове, облакшице йошт мане. Нема ништа доброга, но све наиде горе и горе.

Цркве, рекосе да смиемо правити, али сада вала не смие нитко ни помислити, а камолне о грађењу проговорити, од звона ние ни мисли. Камо срећа да не буде никад тай ферман ни изишб боле би нам било ер Турчин каже да му сви цесари оно одузети не могу што му е отац на Косову задобио и бог дао. И оно мало цркви што смо имали већ су уготово еве срушили.

С поповима и кнезовима читава е напаст ер они мораю радити онако као што им Турци заповиједаю говорећи: дао сам тебика сенет, гули влахе, меника и себика. Не мораю ли они то чинити кад им смрт у турском руци стои, а немаду се коме зато потужити?

Султанија се више подносили не море ер Турчин у сваку риеч каже да су власи и рая сва створени од пачареца, и само зато да нема^{3*} раде и ньи ране.

Шура не море гора бити него е сами пянци и огулие, што су новског кадие Мухла Мехмеда синовии то су највећи зулумџари. Сад су Турци лекакви аскерию измислили и у то име страшно глобе: досад е био арап 15 гроша, а сад има кућа, кое су од последнег жалосног фермана већ по 10—12 дуката дати морали.

Пандури добию своју плаћу, али од те ништа не троше, но ми ньи и ниове коње бии бадава ранити морамо. Гди они доћу, ту се коле, пече, вари и сиче. А тко не би има оно што они оће, тай мора чак у десето село ићи тражити, а они жене и девојке околу куће нагоние. Десетари су пет пута гори.

Ето, премилостиви царе! То е од хиляду зала само нешто наведено, али зато тужимо се теби да нам можеш. Израдите да се ствар строго испита, пак ћете се уверити о хрћавом стану јдне Босне и незини християна. Док гоћ Бошняци-Турци господарили буду све ће зло бити. И ми сви бугум пропасти морамо ако нам помоћи не буде с ваше стране. Или у воду или у гору — некуда се мора, царство променити не можемо, осим да нам е могуће под ваше крило прибећи. Радите, дакле, да се састави комесия коя би могла бити с ваше, каурске, француске и турске стране. И тек онда би се вишло, како нам е.

Ово е жеља све Босне, не само християна но и сиромашние Турака. Они би баш више говорили да имаду коме. Ер е и нема^{4*} докундисало као и нами. И не буде ли тебе бити ће ова шта и то наскоро. Та имамо и ми люди кои ће нас водити, нетко пушку, нетко колац, а нетко и сикиру. И тако ћемо се листом дигнути да се или ослободимо или сасвим пропад-

^{3*} Так а тексте.

^{4*} Так а тексте.

немо. Ти можеш нашу крв поштедити и можеш нам помоћи, ти, о честити царе, а нитко други!

Предајући се у отеческа ваша недра, молећи се богу топло за ваше и целе ваше круне и породице здравље остаемо любећи вам скут и колено сви християни в Босној

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 12—17. Подлинник; ф. Посольство в Константинополе, д. 421, л. 172—176. Пер. на рус. яз., современный подлинник.

¹ В препроводительном донесении консула в Сараеве А. Ф. Гильфердинга директору Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевскому от 14 (26) февраля 1857 г. указывалось, что прошение было передано русскому консулу в Белграде М. Милошевичу тайно прибравшимися в Белград четырьмя боснийцами — делегатами населения Козарской нахии. Текст его составили монахи Вацаницкого монастыря, расположенного близ Козары (АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 4—5 об.). В ответном письме от 15 марта 1857 г. Е. П. Ковалевский сообщал, что какие-либо меры по этому прошению можно будет принять, если факты, изложенные в нем, найдут подтверждение у христиан нескольких нахий Боснии и консулов других держав (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 421, л. 177 и об.).

² Выражение «святой князь Лазар» появилось в сербских народных песнях после Косовской битвы 28 июня 1389 г., в которой сербские войска князя Лазара были разбиты Мурадом I и сербский князь погиб.

³ Хатт-и хумаюн — «Священный указ» турецкого султана о реформах от 18 февраля 1856 г. был составлен при участии послов в Константинополе Англии, Франции и Австрии и имел целью предупредить требования более широких реформ, выдвигаемых Россией накануне Парижского конгресса (см. примеч. 2 к док. 119). Он провозглашал правовое равенство всех подданных Османской империи без различия веры, объявлял о допуске немусульман к государственной службе, о равном налогообложении и постепенной отмене откупов. Провозглашалась свобода религиозных вероисповеданий. Религиозным объединениям разрешалось создавать общины для управления церковным имуществом и школами. Церковные налоги отменялись и заменялись фиксированным доходом патриарха. Порта обещала не препятствовать постройке училищ и больниц.

Несмотря на ограниченный характер реформ и последующий фактический отказ от их осуществления, хатт-и хумаюн в определенной степени способствовал укреплению общинного самоуправления и явился правовой основой защиты христианского населения. Он давал легальную опору христианам в борьбе за свои национальные и политические требования, а России — возможность поддержки этой борьбы (см.: Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII—начало XX в. М., 1978, с. 159; Vuchitch W. The Ottoman Empire: Its Revival and Legacy. Princeton, 1956).

7

Доклад министра иностранных дел А. М. Горчакова Александру II о выделении денежной суммы в помощь нуждающемуся православному населению Боснии и Албании

23 февраля 1857 г.

Из собранного в 1854 г. в пользу сербских церквей, разоренных в 1848 и 1849 годах, по подписке капитала 84 289 руб. 3 коп. сер[ебром], отправленного уже чрез венское наше посольство к патриарху Иосифу, осталось в Министерстве иностранных дел 1188 руб. 95 коп. сер[ебром].

Принимая во внимание, что за высланною значительною суммою в пользу сербских церквей последнее пожертвование, остававшееся так долго без употребления, было бы неудобно в настоящее время отправлять патриарху Иосифу и гораздо с большею пользою можно бы обратить на вспомоществование бедным единоверцам нашим в Боснии и Албании, а потому я полагаю бы помянутые 1188 руб. 95 копеек серебром отправить

в консульства наши в Сараеве и Скутари¹, в каждое по равной части, для раздачи на месте более нуждающимся из православных жителей этих областей, на что и приемлю смелость испрашивать всемилоостивейшего разрешения вашего императорского величества.

К[нязь] Горчаков

Резолюция Александра II: Исполнить.
В С. Петербурге, 23 февраля 1857 г.
АВПР, ф. ГА I-1, д. 33, л. 51 и об. Подлинник.

¹ Решение об учреждении русских консульств в Сараеве и Скутари (Шкодер) было принято в октябре 1856 г. В задачу консульств входило наблюдение за проведением в жизнь хатт-и хумаюна 1856 г. и защита интересов православного населения Боснии, Герцеговины и Албании. Консульства подчинялись генеральному консульству в Дубровнике (АВПР, ф. ГА I-4, д. 32, л. 155—156).

8

Депеша А. М. Горчакова российскому послу в Париже П. Д. Киселеву о необходимости выработки кабинетами великих держав мер по проведению в жизнь хатт-и хумаюна 1856 г.

5 марта 1857 г.

J'ai l'honneur de transmettre à votre excellence copie d'un rapport que notre consul à Sarajevo a adressé au directeur du département asiatique ainsi qu'une pétition d'habitants de la Bosnie qui s'y trouvait jointe¹.

Pour le moment ces pièces sont pour votre information personnelle. Elles viennent à l'appui de l'appréciation que dans une dépêche précédente je vous ai communiquée, M. le comte, sur l'application du hatt-i-houmayoun² telle qu'elle a lieu en réalité.

Le cabinet impérial procédera avec circonspection dans cette affaire délicate. Il nous importe d'éviter jusqu'à l'apparence d'une intervention formelle qui n'est point admise dans le traité de Paris³, mais il nous importe aussi de ne point laisser croire au gouvernement ottoman que les puissances chrétiennes envisagent les engagements qu'il a contractés comme une lettre morte; je dis des engagements, car ses promesses pour l'amélioration de la situation de ses sujets chrétiens ont acquis ce caractère par le fait de l'insertion de ces mêmes promesses dans l'acte qui a mis fin à la guerre.

La marche que nous suivrons est celle ci-dessous.

M. Hilferding recevra l'ordre de scruter consciencieusement l'état des choses en Bosnie et de se convaincre s'il répond ou non à celui exposé dans la pétition ci-annexée. Nous ne pouvons pas admettre la déposition de quatre individus, bien que censés être les délégués de la commune, comme une preuve suffisante de la situation qu'ils constatent. Si M. Hilferding se persuade qu'il en est cependant ainsi, il en fera son rapport au cabinet impérial, communiquera les faits aux autres consuls des puissances signataires du traité de Paris résidant à Sarajevo et pressentira leur opinion ainsi que la marche qu'ils comptent suivre.

D'après l'ensemble de ces données, le ministère impérial avisera à la suite ultérieure à imprimer à une question qui ne saurait être ignorée par les puissances ayant signé le traité, du moment où un état de choses aussi intolérable aura été constaté. Nous verrons alors dans quelle forme il y aura

lieu de s'entendre avec ces cabinets pour éclairer le gouvernement ottoman sur la manière dont le hatt-i-houmayoun est effectivement mis en pratique.

Recevez

Резолюция Александра II: Быть по сему.
Марта 5-го дня 1857 г. в С.-Петербурге.
Помета: Записана в исход[ящий] жур[нал] 6 марта, № 891.
АВПР, ф. ГА I-1, д. 33, л. 60—61 об. Отпуск.

Перевод

Честь имею передать вашему высокопревосходительству копию донесения, адресованного нашим генеральным консулом в Сараеве директору Азиатского департамента, а также петицию жителей Боснии, которая была к нему приложена¹.

Пока эти документы предназначены для вашей личной информации. Они подтверждают, господин граф, справедливость оценки истинного положения дел с проведением в жизнь хатт-и хумаюна², содержащейся в моей предыдущей депеше, адресованной вам.

Императорский кабинет будет действовать в этом деликатном деле с осмотрительностью. Нам важно избежать даже видимости формального вмешательства, не допускаемого Парижским договором³, но так же важно не позволить османскому правительству и думать, будто христианские державы рассматривают официально взятые им на себя обязательства как мертвую букву; я говорю «обязательства», ибо его обещания, имеющие в виду улучшение положения его подданных-христиан, обрели характер обязательств, будучи включенными в акт, положивший конец войне.

Наша тактика будет следующей:

Г. Гильфердинг получит предписание добросовестно вникнуть в положение вещей в Боснии и убедиться в его соответствии или несоответствии положению вещей, обрисованному в петиции. Мы не можем считать свидетельские показания четырех человек, пусть даже полагаемых делегатами общины, достаточными доказательствами реальности представленной ими ситуации. Если г. Гильфердинг убедится, что дела обстоят именно так, он составит об этом донесение императорскому кабинету, сообщит факты консулам остальных держав-участниц Парижского договора, находящимся в Сараеве, и выявит их мнения и намерения.

На основании всех этих данных императорское министерство примет решение о характере дальнейшей политики в вопросе, который подписавшие договор державы не смогут игнорировать, если будет установлено столь нестерпимое положение вещей. Тогда мы увидим, какова будет форма договоренности с этими державами в целях информации османского правительства относительно того, как в действительности проводится в жизнь хатт-и хумаюн.

Примите . . .

¹ Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому см. примеч. 1 к док. 6; прошение — см. док. 6.

² Русская дипломатия с самого начала выражала сомнение в возможности осуществления основных положений хатт-и хумаюна 1856 г. Особое недоверие вызывал провозглашенный в нем принцип равенства мусульман и немусульман перед законом, в основе которого лежала идея «слияния» народов Османской империи, поддерживаемая западными, главным образом, английскими политическими деятелями. В связи с этим русским дипломатическим представителям в Болгарии, Боснии и Герцеговине в конце 50—начале 60-х годов XIX в. вменялось в обязанность собирать подробные сведения о проведении в жизнь реформ, объявленных хатт-и хумаюном, с тем, чтобы побуждать державы-гаранты Парижского мира оказывать в этом плане давление на Порту.

³ Статья IX Парижского мирного договора, ссылаясь на улучшение участи христианского населения Османской империи в силу постановлений хатт-и хумаюна 1856 г., подчеркивала, что державы (вместе или по отдельности) не должны вмешиваться в отношения султана и его подданных и во внутреннее управление империей (см.: Сборник

договоров России с другими государствами: 1856—1917. М., 1952, с. 26). Это побуждало Россию проводить осторожную политику в отношении национально-освободительного движения в югославянских землях и делать основной упор в своей деятельности (как самостоятельно, так и привлекая другие европейские державы) на то, чтобы добиваться от Порты выполнения положений хатт-и хумаюна (см. инструкции МИД России А. П. Бутеневу от 17 (29) апреля, 7 и 14 июля 1856 г. — [АВПР, ф. Канцелярия, 1856 г., д. 43, л. 91—102 об., 126—133 об., 333—358]).

9

Прошение представителей католического населения Биелин-ской нахии австрийскому генеральному консулу в Сараеве Ф. Зоретичу о защите от непомерных налогов и произвола откупщиков

11 апреля 1857 г.*

Es sind bereit 7 Jahre verflossen, seit dem wir statt des Neuntels, das Drittel an die Türken entrichten müssen. Auf welche Verbesserung können wir unsern Hoffnungen stützen, wenn wir von jeder gefechten Fruchtgattung ohne Rücksichtnahme auf unsere spätere Subsistenz die dritte Oka dem Grundherra und der Zehent den Pächter zu entrichten verpflichtet sind?

Aber noch ein grösseres Elend herrscht in dieser Gegend, seit dem der Mijaga Pazarac und Ali Aga Talirević und später theil der Peter Teodorović den Zehent gepachtet, alle Häuser der Nahie beschrieben und nach ihrer eigenen Willkühr den Zehent abzunehmen angefangen haben. Diese Zehentpächter haben uns aus Ausserste gebracht und wir sind ohne alle Hoffnung geblieben, uns je aus diese jetzigen äusserst bedrängten Lage zu befreien und zwar darum weil diese Pächter in ihre Rechnungsregister das aufgenommen, was sie wollten und von den willkürlich eingetragenen nichts nachlassen wollen.

Wenn die Pächter in den Döerfern den Zehent einzutreiben beginnen, so wählen sie zu 20 bewaffnete Türken wovon jeder ein ärgerer Räuber als der andere ist und vor welchen keine Einwendung gemacht werden darf und deshalb den Pächtern baar das bezahlt werden muss, was sie eben in ihre Register eingetragen haben. Durch diese ungerechte Zahlungen sind wir auf einmal unseres Vermögens losgeworden und haben selbst unsere Häuser Nebengebäude und Umzäunungen in der Noth verkauft und sind somit aller Lebensmittel beraubt worden.

Während wir auf Verbesserungen unserer bedrängten Lage warteten sind wir immer tiefer in die Ermuth gestürzt werden. Durh die Verlaubarung des Hatti-humajuns hofften wir bis zum Tode gebracht, wieder zum Leben zu kommen; denn darin hiess es, dass die Rajas die Steuer auf Schweine, Häuser, Brantweinkessel und dgl. nicht mehr bezahlen sondern nur den Porez und die Kriegssteuer zu entrichten haben werden; während dies jetzt erhalten von uns Elenden gefordert, und bezahlt wird. Da wir nur gänzlich zu Grunde gerichtet und aller Habe baar geworden, sind wir heute in Folge dieses grossen Elends aufgestanden um uns Recht zu erbitten und an aller zuständigen erhabenen Orten zu flohen. Zuerst bitten wir Sie fussfällig, gnädiger Herr als den Repräsentanten Seiner österr[eichische] kais[erliche] apost[olische] Majestät, dass Sie uns berathen und uns helfen, dass wir durch die Gnade Ihres Kaisers von der Drittelsteuer und den übrigen erwähnten Abgaben befreit würden; denn es scheint uns dass unseren erhabenen Kaiser (Sultan) unsere Bedrückung und unser Verfall unbekannt ist, und dass er nicht wünscht

* Датируется на основании док. 13.

dass seine Rajas (Unterthanen) so geplündert und zu Grunde gerichtet werden.

Es ist doch nicht im Gesetze begründet, dass wir für jeden Dahergelaufenen (subintelligitur Türken) der in einem Dorfe bei 2000 Piaster Zählung macht, seine Zeche bezahlen müssen.

Die gefertigten Rajas welche immer ihrem Kaiser Hilfa geleistet, werden es auch künftighin thun, aber in der Weise, wie unser Kaiser mit den hohen Höfen für Recht befunden und für die Freiheit des Volkes festgesetzt hat. Wir entschlagen uns unsere Kaisers, nicht denn wir wollen Alles, was seinem Willen gemäss, geben und gehorsamen.

Die Bedrückung ist uns aber zu viel geworden und hat uns zu Grunde gerichtet; was wir nicht mehr ertragen können; aber Sie als der im diesem Lande weilende Ablegat Ihres Kaisers hören gewiss unter welchen Verhältnissen und unter wem wir leben, welche Drangfalten und Ungerechtigkeiten wir ertragen. Wir entsenden hier 7 Menschen anstatt uns aller Elenden, welche vor Ihnen erscheinen, und Ihnen in grösster Ergebenheit mündlich Klagen vorbringen, werden damit auch wir Erleichterung und Bewilligung der Freiheit (im Sinne der kais[erlichen] Fermann Ihnen und dem durchlauchtigsten Hohe Seiner österr[eichische] kais[erliche] apost[olischen] Majestät danken, und für die Befreiung aus unserer Knechtschaft ewig für Allerhöchst dessen Leben beten.

Wir verbleiben in der Hoffnung der gnädigen Gewährung der gehorsamen Bitte der zu Grunde gerichteten Sklawen der Nahie (Bezirk) von Bielina.

Folgen die Siegel und Unterschriften von 59 Personen.

HHStA, Wien, Konsulate, K. 120, Fasc. Gen. Kons. Sarajevo, 1857, Fol. 80—82. Пер. с сербохорват. яз., современный подлиннику.

Перевод

Прошло уже 7 лет с тех пор, как нас принуждают выплачивать туркам одну треть вместо одной девятой части урожая. На какое улучшение нашего положения можем мы надеяться, если с урожая каждого вида сельскохозяйственных продуктов нас обяжали отдавать каждую третью око землевладельцу и десятую часть сборщику десятины, не принимая во внимание наши потребности?

Но еще большая нужда наступила в этих местах с той поры, как Муйага Пазарац, Али-ага Талиревич и позднее также частично Петр Теодорович откупили сбор десятины, описали все дома нахии и стали взимать десятину по своему произволу. Эти сборщики десятины довели нас до крайней нужды, и мы совсем утратили надежду когда-нибудь освободиться от такого невыносимого гнета, потому что сборщики записывают в свои регистрационные книги то, что хотят, и из записанного по своему произволу не желают ничего уступать.

Когда сборщики приступают к сбору десятины в деревнях, они отбирают себе 20 вооруженных турок, сильней грабителей один хуже другого, которые не терпят никакого возражения, и поэтому все, что бы сборщики ни писали в свои реестры, должно быть уплачено наличными деньгами. Из-за этих несправедливых платежей мы сразу лишились своего состояния и, находясь в жестокой нужде, продали наши дома, пристройки и даже изгороди, лишись таким образом всех средств к существованию.

В то время как мы ожидаем улучшения своего бедственного положения, наше обнищание все увеличивается. После обнаружения хатт-и хумаюна мы, чувствовавшие себя, как приговоренные к смерти, вновь вернулись к жизни, так как в этом документе значилось, что райа больше не должны платить налоги на свиней, дома, винокурные котлы и т. п., а только налог-порец и военный налог, однако все оставшееся с нас требуют, и мы, несчастные, платим. Так как мы уже совсем разорены и лишились

всего имущества, то, находясь в столь бедственном положении, мы поднялись, чтобы просить о своих правах и посылать свои молибы во все высокие инстанции. Прежде всего мы припадаем к вашим стопам и просим у вас, милостивый господин, как представителя его королевского апостольского величества, совета и помощи в том, чтобы милосердие вашего императора избавило нас от налога на третью часть урожая и от других упомянутых выше налогов, так как нам кажется, что нашему великому императору (султану) ничего неизвестно о нашем угнетенном положении и разорении и что он не хочет, чтобы его райя (подданных) грабили и толкали к гибели.

Ни в каком законе не записано, что мы должны оплачивать счета за питание каждого приезжающего сюда (имеются в виду турки), который в одной деревне съедает примерно на 2 000 пиастров.

Нижеподписавшиеся райя, всегда помогавшие императору и готовые помогать также в будущем, хотят, однако, чтобы эта помощь была такого рода, каковую наш император с высокими советниками сочтут совместимой со свободой народа. Мы не отрекаемся от нашего императора, так как мы готовы согласно его воле все отдать и быть покорными.

Однако гнет стал непосильным, мы не можем больше терпеть и гибнем, но мы, как представитель своего императора, живущий в этой стране, несомненно слышали, под чьей властью мы живем и какие нужды и несправедливость нам приходится выносить. Чтобы не идти всем нам, бедствующим, мы посылаем 7 человек, которые явятся к вам и со всей почтительностью изложат устно наши жалобы с тем, чтобы вы и ваш светлейший император помогли нам добиться избавления от тяжелой участи в соответствии с императорским фирманом, за что мы будем вам благодарны и сможем молиться за жизнь его величества, когда он освободит нас от непосильной кабалы.

Мы остаемся в надежде на милостивое отношение к нашей просьбе склоненных до земли рабов Биелинской нахии (округа).

Следуют печати и подписи 59 человек.

10

Прошение представителей христианского населения северо-восточной Боснии султану Абдул-Меджиду о пресечении незаконных поборов со стороны землевладельцев и откупщиков

8 мая 1857 г.

Мы, нижеподписавшиеся верные райя из шести нахий, возносим молибу нашему пресветлейшему царю султану Абдуль-Меджиду.

Верные и покорные своему царю райя, мы обещаемся с совершенным повиновением платить все царские подати и исполнять все царские приказания.

В прежнее время мы давали нашим агам (турецким помещикам) девятую часть дохода с наших полей и исполняли беглук (барщину) в агинских полях и домах. Когда прибыл Тагир-паша в Боснию,¹ то он и боснийские господа позвали нас и предложили освободить нас от барщины с тем, чтобы мы вместо девятой давали агам третью часть дохода с наших полей, именно с трех хлебов: пшеницы, ячменя и кукурузы, а сено нам предоставляли на старом условии, т. е. чтобы за него каждый дом давал аге по одной юмге (5 фунтов) масла. Но на деле вышло не так: не только с трех означенных хлебов, но со всего, что родит земля, стали брать третину, а с сена половину и не хотели слушать наших жалоб, но самоуправствовали и довели нас до нищеты, а нашу скотину до голодной смерти. Посему молим пресветлого царя и его власти, чтобы дозволили нам платить по законному условию, т. е. давать третью часть пшеницы, ячменя и кукурузы, а за сено по юмге масла. Если этого не одобрите, то царская земля опу-

стеет. Когда у нас падет с голоду вся скотина, чем будем обрабатывать царскую землю? Если, государь, вы не одобрите этого распоряжения относительно сена, то пусть лучше агы не принимают на себя (как это теперь делается) третью часть нашего пореза (т. е. казенной подати), а заставят нас платить весь порез сполна и лишь оставят нам покос сена. Если и этого не сочтете справедливым, то придумайте, государь, другое какое-нибудь средство, чтобы не было тяжело ни нашим агам, ни нам, и чтобы наша скотина не околевала с голоду.

Когда прибыл в Боснию Тагир-паша и назначил нам третину вместо девятины, то он объявил нам: «Райя! Со всех тех земель, которые вновь очистите своими трудами и приготовите для обработки, вы не будете давать аге ничего в продолжении первых трех лет, а будете платить с нее только десятину царю!». Но этого ага не послушались, а берут тотчас с новых земель третью часть дохода. Потому просим, чтобы в этом отношении исполнялся закон.

Многие царские чиновники и члены меджлиса закупают на торгах взимание податей и грабят нас под этим предлогом.² Какая возможность принести жалобу, когда в суде сидят сами грабители. Просим, чтобы этим людям запрещено было взимать подати.

Муяга Пазарац с байракдаром Талиеревичем, Гусейном Арнаутом и другими своими помощниками албанцами, закупая взимание податей, обратили наши села в пустоши в течение последних лет и творят такую неправду, какой не упомянуть в нашей земле. Все, что мы имели, они у нас отняли, и сколько раз мы на них ни жаловались, не было никакой пользы. Они не только берут с нас, вопреки царской воле, несравненно более, чем следует по закону, но употребляют насилие, чтобы нас заставить платить, что они потребуют, бьют многих людей до смерти, убивают беременных женщин с младенцами. Потому умоляем вас, государь, чтобы вы или избавили нас от этих людей или отвели нам другой кусок царской земли, где бы мы могли мирно есть корку хлеба.

Пять лет тому назад определили нам подать со свиней: в тот год, когда леса производили желуди, мы должны были платить по 47 пар с каждой свиньи, а когда желудей не было, то по 7 пар. Но откупщики этой подати берут всегда по 47 пар, все равно в хороший ли год или в дурной; когда видят скотину супоросую, то заставляют платить и с нерожденных еще поросят, назначая произвольно их количество. Кто держит двух свиней, на того записывают откупщик 10, кто держит 10, на того записывают 50, кто держит 50, на того записывают 300, и когда бедняга заплатит подать за это произвольное количество скотины, то откупщик опять вернется к нему через 3 месяца, и если найдет, что родилось в это время 20 поросят, он закричит: «Ты вор, укрыв от меня 20 поросят!» и запишет на него 40 и заставит заплатить за них или продать их для уплаты. И так опять бывает через 6 и через 9 месяцев. Потому просим распорядиться так, чтобы брали с нас подать за свиноводство по закону и перечисляли скотину раз в год, в какое время откупщику угодно.

Все эти незаконные творили помещики и откупщики заодно с слугами тузлинского пашы и мудилов, которые им помогали обирать нас. Они мучили бедных райя, привешивая их за ноги к деревьям и поджигая под ними соломой, чтобы они, задыхаясь от дыму, соглашались платить что угодно откупщику. Нынешней зимою тузлинский паша послал Агмет-агу собирать десятину именем откупщика Талиеревича: он схватил 30 бедных женщин, которые не имеют хозяйства и не обязаны ничего платить, и держал их в ограде среди снега пока мы из сострадания не дали ему денег, чтобы выкупить их.

Если случится, что в селе украдут вола или кобылу и т. п., то мы, узнавши у кого находится украденная скотина, идем донести мудиру или кадию, но они требуют от нас свидетельства двух турок. Я скажу: все село выйдет поголовно и засвидетельствует, что это моя скотина, но это ничего для них не значит, нельзя обойтись без свидетелей-турок. Неужели мы не заслужили еще у нашего многомилостного царя своею покорностью в продолжении более 400 лет, чтобы целое село могло быть принято во свидетельство вместо двоих турок?

В крепости Зворнике находится склад царской пшеницы, но хлеб был дурной и гнилой. Мудир сказал нам про то, и мы добровольно приняли на себя заменить старую пшеницу новою, отборною. Но когда пришлось осыпать ее, то тот, который брал 100 ок старой пшеницы, должен был привезти 130 ок новой, а когда мы спросили мудира, почему это, то он объявил, что это производится в качестве займа. А кто не мог тотчас привезти хлеб, с того брали деньгами по 60 пар за оку, между тем как тот же хлеб на рынке стоил по 30 пар.

Часто случается, что ага (помещик) прогоняет поселенца с своей земли или отрезывает у него часть поля, между тем как последний исправно обрабатывал агинскую землю. Посему просим вас, государь, запретить прогонять поселенца с земли, когда за ним не знают вины и когда все село может засвидетельствовать, что он хороший и исправный хлебопашец.

Здесь мы изложили вам только малую часть бедствий и неправд, нами претерпеваемых. Всего описать не был бы в состоянии никакой писец, и не нашлось бы бумаги, чтобы уместить исчисление всех страданий, под какими стонут несчастные обнищавшие, верные райи царские. Посему и собралась сходка кнезов (старост) и поселен в нахий, чтобы молить царских наместников и милостивого царя об облегчении нашей участи. Но как г. каймакам-паша тузлинский и меджлис приказали собравшемуся народу разойтись по домам, а кнезам и выбранным в нахий представлять желание райи, то мы от имени означенного народа составили и подписали сию нашу жалобу и просьбу.

(Следуют подписи кнезов и выборных как православного, так и римско-католического исповедания нахий Тузлинской, Зворницкой, Белинской, Власианицкой, Берческой, Градащечкой и Грачаницкой).

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2321, л. 20—25. Пер. с сербохорват. яз., современный подлинник.

¹ Опасаясь восстания православных крестьян против мусульманской аристократии, турецкое правительство в конце 40-х годов XIX в. провело в Боснии и Герцеговине некоторые реформы. Для их осуществления был назначен новый вали Тахир-паша, бывший ранее морским министром, а затем наместником Адрианополя (Эдирне). Пытаясь провести в жизнь реформы в духе танзимата см. прим. 3 к док. 19), он намеревался реорганизовать суд и фискальные органы, ликвидировать институт тимаров и зяметов, создать армию на основе рекрутских наборов, расширить функции органов самоуправления. Тахир-паша без султанского фермана отменил трудовую повинность кметов (барщину, беглукче, ангарию). Отмена барщины (беглука) в Османской империи в 1848 г. потребовала введения новой системы податей. В Боснии вводилась трети́на (сбор третьей части от урожая зерна) и половина от урожая сена, в Герцеговине — четвертина (четвертой части с зерна), которые крестьянин-арендатор должен был отдавать ежегодно владельцу земли (читлук-сахиб). Порядок, принятый Тахир-пашой, в 1849 г. был утвержден Портой. Однако на деле договорные условия феодалами не выполнялись. Нововведения, обременительные для крестьянства, вызвали протест кметов (подробнее об этом см.: Попович В. Аграрно питање... с. 67—97; Кондратьева В. Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е годы XIX в.). М., 1971, с. 44—45; Skarić V. Iz prošlosti Bosni i Hercegovini XIX vijeka. — Godišnjak Istorijškog društva BiH, 1949, N 1, s. 10; Bogičević V. Kako je u Bosni ukinuta rabota i uvedena trećina 1848 godine. — Istorijško-pravni zbornik. Sarajevo, 1950).

² Стремясь получать подати деньгами, турецкая администрация ввела систему откупа десятины. Как правило, откупщиками были торговцы мусульманского или православного вероисповедания. На почве злоупотреблений произошел ряд острых столкновений откупщиков с крестьянами, самым крупным из которых был конфликт на землях бывшего имения Хусейна капитана Градашчевича в Посавине. Во избежание волнений турецкие власти иногда отдавали откуп налогов самим крестьянам, но под своим контролем. Турецкие сборщики налогов назывались мультезимами.

II

Письмо российского консула в Сараеве А. Ф. Гильфердинга директору Азиатского департамента МИД России Е. П. Ковалевскому о поездке по Герцеговине и стремлении турецких властей не допустить его общения с населением

17(29) мая 1857 г. Мостар

Милостивый государь Егор Петрович!

Для проезда из Рагузы в Сараево я избрал прямую дорогу через Герцеговину в Мостар, куда прибыл 15 (27) сего месяца после пятидневного путешествия. Из Мостара предполагаю выехать 20 мая (1 июня) и на четвертый день надеюсь достигнуть места своего назначения.

Я предпочел сухопутный проезд через Герцеговину легкому водяному пути по берегу Далмации и р. Неретве до пограничного города Метковичей, отстоящего всего на 6 часов от Мостара. Правда, первый путь представляет большие трудности по необыкновенно дурному свойству дорог, проходящих через цепи скалистых гор; но он мог дать мне случай ознакомиться несколько с внутренним состоянием Герцеговины, на которую статский советник Стремоухов обратил мое внимание в бытность мою в Рагузе, а равно в дополнительных инструкциях, коими он снабдил меня. Означенный путь привел меня в монастырь Дужи, важнейший из всех монастырей Герцеговины, и в три наполовину турецких, наполовину христианских города — Требинье, Любинье и Столац, из них последний имеет большое значение, как прежний центр Герцеговины, как крепкий стратегический пункт и как средоточие некоторой торговой деятельности. При том, как дорога эта есть прямейший, хотя мало посещаемый путь из Рагузы в Мостар, то следование мое по ней не могло возбудить подозрений в турецких властях, предупрежденных пашою по моей просьбе о проезде русского каравана.

Власти эти оказывали мне везде большие почести. Окружные начальники (мудир) выезжали ко мне навстречу при моем приближении к месту их пребывания и заставляли квартировать в своих домах. Паша мостарский выслал ко мне навстречу своего адъютанта с несколькими чиновниками, конвоем и верховыми лошадьми и поместил меня в своем дворце. Но под всеми этими почестями очевидно скрывается систематическое стремление отстранить меня от всякого соприкосновения с христианскими жителями края. Только в Требинье могли выйти ко мне навстречу почетнейшие из православных жителей, но никто из них не посмел явиться ко мне в дом мудира. В городке Любинье, находящемся в совершенной глуши и где мусульманский фанатизм господствует необузданно, о такой встрече и речи не было. В Стольце христиане отправились просить у турецкого начальника позволения приветствовать меня, но просьба их была принята с страшными угрозами и худую против их веры и всего, что есть у них святого. Точно также и в Мостаре запрещено было христианам выйти ко мне с приветствием, хотя два месяца тому назад разрешили если не православным, то по крайней мере католикам выйти из селения навстречу

английскому консульству. Гостеприимство и дружелюбие, оказываемое мне в Мостаре пашою, имеет также целью держать меня под постоянным надзором и отстранять от бесед с христианами.

С своей стороны я стараюсь противодействовать этой системе насколько возможно, не подавая повода к неудовольствию и подозрениям. Я воспользовался наступившим на другой день приездом моего в Мостар праздником вознесения, чтобы немедленно посетить здешнюю православную церковь, хотя обедня в ней служится на рассвете (вследствие того, что литургия во время дня беспокоила бы мусульман). После обедни мне показали прекрасно устроенную первоначальную школу, заведенную с прошлого года при мостарской церкви, и которая, хотя едва начала свое существование и имеет самые недостаточные средства, оказывает уже благотворное влияние на здешний православный народ. После официального визита паше, с которым нахожусь в наилучших отношениях, я поехал к архимандриту Иоанникию Памучине, который за отсутствием архиепископа герцеговинского, объезжающего страну для денежных сборов, есть старшее лицо в здешнем православном духовенстве и отличается своею просвещенною и полезною деятельностью. Затем я послал просить у католического епископа позволения приехать к нему; он предупредил меня и тотчас сам прибыл ко мне, а когда я потом посетил его, то был принят с выражениями особенного дружелюбия. Сделав потом официальный визит австрийскому консулу (английского здесь нет, он уехал две недели тому назад в Сараево), я изъявил желание посетить почетнейших из здешних турок, которые были мне представлены, дабы иметь с тем вместе право побывать и у старшин здешнего православного и католического народонаселения.

Кроме личных бесед, я нашел возможность собрать стороною несколько положительных сведений о состоянии Герцеговины. По приезде в Сараево буду иметь честь представить вашему превосходительству донесение о сем предмете. Оно покажет вам, милостивый государь, сколь велико еще в этом заброшенном крае свирепство мусульманского фанатизма и сколь необходимо будет принять некоторые меры, дабы, с одной стороны, поддержать зарождающиеся в Герцеговине учреждения для образования православного юношества, а с другой — противодействовать укореняющемуся в здешнем православном народонаселении убеждению, что оно обязано исключительно влиянию австрийского консульства всем тем, что в последнее время несколько облегчило его судьбу.

В заключение долгом считаю присовокупить, что по достоверным известиям князь черногорский * присылал приглашать одного из монахов обители Дужи и некоторых почетных христиан Требиньской и соседних нахий на совещание с ним в Острожском монастыре. Дужские иноки объявили мне, что все отказались явиться на его зов. Они спрашивали у меня совета на этот счет; я сказал им, что считаю их образ действия вполне благоразумным, и советовал им и впредь не входить ни в какие тайные сношения с князем Данилою.

Покорнейше прошу у вашего превосходительства извинения в поспешности и небрежности этого письма. Оно было беспрестанно прерываемо, а я не хотел упустить случая отправить его с уезжающим отсюда верным человеком.

С совершенным почтением и истинною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

АВПР. ф. ГА V-A₂, д. 607, л. 6—10 об. Автограф.

* Князь Данила Негош.

Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому с характеристикой внутриполитического положения Герцеговины и о целесообразности учреждения российского консульства в Мостаре

№ 14

31 мая 1857 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Прибыв в Сараево 23-го сего месяца, я до сих пор занят был официальными визитами, приемом разных лиц, приходивших ко мне знакомиться, и материальными заботами водворения. Я не успел осмотреться в новом месте моего пребывания и не могу еще представить вашему превосходительству полных и основательных сведений об нем.

Зато осмелюсь обратить ваше внимание на Герцеговину, значительную часть которой я проехал. Пять дней, проведенных в Мостаре, дали мне также случай узнать несколько состояние этой области. Не простое любопытство путешественника руководило мною при этом. Хотя Герцеговина не входит в круг моей официальной деятельности, я считал тем не менее служебным долгом своим ознакомиться с нею по возможности и уверен, что ваше превосходительство одобрит мой взгляд на особенную важность этого края для нас.

Герцеговина составляла прежде отдельную в администрации область, которую управлял визирь из туземных знатных магометанских родов, зависевший единственно от султана. Со времени переворота, произведенного введением низама и танзимата в северо-западной Турции,¹ Герцеговина поставлена в зависимость от боснийского генерал-губернатора (валя). Паша мостарский управляет ею, как высший местный начальник, но он руководствуется указаниями валия, и важные дела переносятся иногда на рассмотрение из Мостара в Сараево.

Второстепенное значение Герцеговины в администрации объясняется малым относительно пространством этой области и ее бедностью. Но в значении политическом она не уступает Боснии, которая несравненно обширнее, многолюднее и богаче. В Герцеговине народный славянский дух необыкновенно жив, живее, я уверен, чем где-либо в Турции. Турция разорила, обезоружила Герцеговину, но народ герцеговинский остался бодр и крепок; он проникнут верою в лучшие дни. Православное народонаселение Герцеговины составляет, можно сказать, одну семью: членами этого живого единства суть одинаково и поселяне, с дохода которых турки берут чуть ли не 80 процентов ежегодно, и духовенство, пользующееся в Герцеговине большим влиянием и имеющее в ней нескольких прекрасных представителей, и горожане, обогащающиеся в некоторой безопасности своею торговлею. В Боснии, напротив, огромное расстояние разделяет богатых купцов, более или менее уважаемых турками и умеющих с ними ладить, от забитого, изнуренного сельского населения; духовенство же в этой стране не имеет почти никакого значения, столь мало в нем образованности и достоинства.

Не стану утомлять вас разбором причин этой великой разницы между Герцеговиною и Босниею. Если в первой осталось более жизни, более народного сознания, то она преимущественно обязана этим малому распространению магометанства между туземными славянами, тогда как в Боснии чуть ли не третья часть народонаселения приняла ислам. Кроме того, благотворное влияние на Герцеговину имели монастыри, которых там сохранилось до 12, между тем как в Боснии их почти нет. Наконец, близость Черногории поддерживала в герцеговинцах чувства свободы, которых не могло еще искоренить иго турецкое.

Герцеговина, как мне кажется, должна быть разделена по своему политическому характеру на две части. На запад от Мостара, в особенности близ австрийской границы, православное население смешано с католическим, последнее имеет там во многих местах перевес. Австрийское влияние господствует в этом крае, по-видимому, исключительно. Австрия своею заботою позаботилась об учреждении здесь двух консульских агентств, одного в Мостаре, другого в Ливне², и до водворения английского консульства в Мостаре тому назад три месяца пользовалась в Герцеговине монополиею иностранного влияния. Как мне рассказывал сам австрийский консул в Мостаре, его правительство не пропускает ни одного случая, чтобы официально вступаться во всякое дело, где затронуты интересы какой-либо католической церкви или какого-либо турецкого подданного римско-католического исповедания (а количество сих последних немалое: их считают до 40 000 в западной части Герцеговины). Через посредство своего посольства в Константинополе Австрия доставляет им возможность получать бесплатно фирманы на построение церквей и монастырей, между тем как для православных получение такого фирмана на возобновление или постройку самой ничтожной сельской церкви обходится по меньшей мере в 300, а часто в 500 и 600 червонцев. Благодаря Австрии недавно учрежден близ Мостара в Циме католический монастырь, превосходящий своею величиною все православные монастыри в западной Турции: он заключает в себе большую церковь, 40 келий для монахов, странноприимный дом и значительную школу, в которой обучают вызванные из Италии францискане. Кроме того, два других католических монастыря строятся теперь в западной Герцеговине, независимо от нескольких приходских церквей. При новых монастырях основаны будут училища наподобие тех, которые существуют в Циме и в Мостаре. Для всех этих учреждений австрийское правительство дает постоянные пособия; оно же платит жалованье мостарскому епископу и многим другим католическим проповедникам в Герцеговине. Католики составляют самую бедную часть герцеговинского населения; они почти исключительно занимаются хлебопашеством и почему-то лишены торговой предприимчивости, так что в их числе нет ни купцов, ни капиталистов. Таким образом они поддерживаются и успевают в своем умственном развитии единственно по милости Австрии, которая щедрою рукою помогает им и непрестанно об них заботится. Опираясь на массу католиков, Австрия получила решительное преобладание в западной части Герцеговины, несмотря на то, что там живет значительное православное население, весьма неохотно поддающееся ее влиянию.

Турецкие власти в Герцеговине оказывают всегда особенное уважение к требованиям Австрии. Недавно случилось, что паша мостарский велел выдать австрийцам 30 человек, бежавших из Далмации в Герцеговину, между тем как австрийские начальства отказывают ему до сих пор в выдаче одного туренного подданного, скрывшегося в Австрию от преследования своих заимодавцев. Даже в наружных мелочах турки оказывают всегда предпочтение католикам перед православными. Православный ходжа-баши (т. е. член меджлиса, городского совета и суда) сидит ниже католического. Когда я ходил по г. Стольцу (в Герцеговине) для осмотра его, то тамошний католический член меджлиса постоянно шел рядом со мною и с провожавшим меня турецким чиновником, а православный ходжа-баши, несмотря на то, что я старался неоднократно заводить с ним речь, не смел держаться иначе, как со следовавшею позади прислугою.

Часть Герцеговины на восток от Мостара, заключающая в себе три четверти этой области, населена сплошь православным народом; католики

составляют в ней ничтожное меньшинство; мусульмане находятся только в городах. Тут есть края на несколько часов пути «доль и поперек, где нет ни одного неправославного человека. Здесь-то живет горный народ, славящийся во всей западной Турции своею бойкостью, своим нравственным достоинством и своею преданностью вере. Близ черногорской границы в Зубах, Никшичах и Дробняке³ он пользуется почти полною фактической независимостью и не дал себя обезоружить. Далее от Черногории он, правда, принужден был в 1852 г. отдать оружие туркам или закопал его в землю. Но при всем том и несмотря на страшные притеснения, им претерпеваемые, он не утратил своего мужественного характера. В этой части Герцеговины сохранилось более православных церквей и монастырей, чем где-либо в славянских областях Турции. Четыре первостепенных монастыря — Дужи, Завала, Житомышличи и Пива, поддерживают в народе предание православия. Имя России чтится здесь, как святиня. Здесь еще на всех ектениях священник поминает «благочестивейшего царя православного», и народ гласно молит господа бога покорить под ноги его всякого врага и супостата.

Лишним было бы говорить о впечатлении, которое эта молитва, торжественно произносимая, как слово надежды и любви, на чужой, подавленной земле перед благоговеющим народом, производила на меня, в особенности после долгого пребывания в Австрии, где на православной литургии беспрестанно поминается имя другого государя. Но ваше превосходительство простите, если я приведу в виде анекдота случай, который мне показал, до какой степени эти слова ектении проникают в душу страждущего народа. Однажды, когда в мостарской церкви произнесена была молитва за царя православного, то я слышал, как кто-то шепнул за мною «бог помочь!», и какой-то сдержанный гул пронесся по стоявшему народу. В другой раз, когда священник читал отпусковую молитву, то при поминовении православного царя несколько голосов так внятно изъяснили свое участие, что ученики священника и по собственному движению пропели после этих слов громкое «аминь!». В Боснии уже не смеют так явно выражать своих сочувствий.

При этой живой любви герцеговинского народа к единоверной России не удивительно, что он призывает всем сердцем учреждение русского консульства в своей среде. На каждом шагу встречали меня герцеговине с вопросом: «Когда придет к нам русский консул? Почему его еще не назначили?» Люди, в которых размышление и образованность развили политическое сознание, обращались ко мне в этом отношении с горькими нареканиями и мольбами. Они понимают важное значение Герцеговины, как области, в которой православие наиболее твердо и живо между всеми краями западной Турции. Они видят у себя постоянное вмешательство Австрии и чувствуют, сколь сильно ее влияние. «Если Россия останется к нам равнодушна и этим равнодушием отучит народ от сочувствия к ней, — так говорили мне не раз эти люди, — то мы пропадем между турками и австрийцами. Турки начали с того, что нас обезоружили, теперь они все более и более наполняют нашу землю регулярными войсками и албанскими башибузуками, видя шаткость своей власти в Герцеговине. Австрия не ограничивается огромным своим влиянием на католиков и на турецкие власти; она старается подчинить ему и православный народ. Если Россия не хочет, чтобы погиб навсегда для православия и для нее самой прекрасный, чистый, бодрый народ герцеговинский, то пусть она поспешит показать ему свое сочувствие и нравственное участие. Почему Англия, не имеющая в Герцеговине ни одного единоверца, ни одного подданного, никаких торговых связей, подняла в Мостаре свой флаг, а Россия ограничилась

одним консульством в Боснии и забыла про Герцеговину, которая относительно православия так же важна, если не важнее Боснии?»

Я легко заметил, какое тягостное и неблагоприятное впечатление произвела во всех православных герцеговинах несбывшаяся их надежда получить русское консульство в одно время с Боснией и Албаниею. Я не смел разочаровывать их в этом отношении, но говорил им, согласно совету г. генерального консула в Рагузе, что если российское правительство замедлило исполнением их желания, то оно тем не менее сочувствует им наравне с другими православными народами Турции и воспользуется первым случаем для водворения своего агента в их стране.

Смею, однако же, выразить вашему превосходительству свое глубокое убеждение, что это дело не терпит отлагательства. Угнетение, претерпеваемое православным народонаселением Герцеговины, так велико, и действие Австрии в этом крае так сильно, что Герцеговина неминуемо отдастся в распоряжение сей последней и будет искать от нее облегчения своей участи, если она не услышит вскоре слово русского агента, который будет ей советовать терпение и постоянство.

До сих пор Австрия возбуждает еще против себя сильные предубеждения в умах православных герцеговин, в особенности же духовенства и наиболее образованных из горожан. Австрийский консул в Мостаре жаловался мне, что, несмотря на многократные его приглашения, православные старшины Мостара не посещают его и охотнее обращаются с своими жалобами прямо к нам, нежели к его посредству. Недавно холодность между австрийским агентом и православными жителями Мостара увеличилась еще вследствие того, что последние отказались принять церковные книги венской печати, коих большое количество было им послано в дар от австрийского правительства. Но если Россия не покажет своего участия к православным герцеговинам, то вся их недоверчивость к Австрии должна будет уступить перед вещественными выгодами и облегчениями, которые покровительство сей державы может им доставить. Уже теперь я слышал много раз, в особенности от поселян герцеговинских, что они стали пользоваться большою сравнительно безопасностью жизни с тех пор, как «немецкий» (т. е. австрийский) консул приехал в Мостар. Конечно, не учреждение австрийского консульства, а современная ему реформа, произведенная введением танзимата, причиною, что в последнее время ограничился несколько произвол мусульман относительно жизни раий; но тем не менее многозначителен факт, что сознание простого народа приписывает это благодеяние участию Австрии. Этот зародыш, завапший в мысль православного населения Герцеговины, может развиться до важных размеров, если Россия не поспешит заявить своих прав на сочувствие и благодарность этого народа.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 18—27. Автограф.

¹ Автор имеет в виду реформы в Боснии и Герцеговине, проведенные в рамках Танзимата (см. примеч. 3 к док. 19). После подавления мятежа мусульманских феодалов в Герцеговине в 1851 г. Омер-пашой Латасом провинция потеряла административную самостоятельность, которую имела в качестве мутесарифлука с 1833 г. Она была разделена на 3 каймакамды и 60 мударлыкков.

² Австрийское консульство в Сараеве было основано в 1850 г. и открыто в апреле 1851 г. 19 апреля туда прибыл первый австрийский консул Марко Вулетич. В Мостаре в 1853 г. было открыто вице-консульство. В Баниялуке (1852), Тузле (1854), Ливно (1853) созданы австрийские консульские агентства. В 1865 г. агентства были перемещены: из Баниялуки в Бихач, а из Тузлы в Брчко.

³ Дробляки — название населения и области в Герцеговине, граничащей на востоке с Шарапцами, на западе — с Пиньей. К середине XIX в., находясь под официальной властью султана, сохранили определенную автономию. В 1860 г. вошли в состав княжества Черногории (см.: Вукосавлевич С. Организация динарских племен. Београд, 1957).

13

Донесение Ф. Зоретича министру иностранных дел Австрии
К. Булю-Шауенштейну о просьбе христиан Биелинской нахии
ходатайствовать перед Портой об уменьшении налогов

3 июня 1857 г. Сараево

Hochgeborner Graf!

Drei Mann der hier angelangten christlichen Volksabgeredneten der Bjelinär Nahie sind am 31-er v. Monat bei mir erschienen und haben mir eine mit cyrillischen Lettern geschriebene Schrift de dato 11-er April 1857 verseher mit 59 Siegel und Unterschriften überreicht,¹ welche ich Eurer Excellenz in seines getreuer deutscher Übersetzung mit dem gehorsamsten Bemerken ehrerbietigst unterbreite, dass ich den Überbringern gerathen in ruhigen und gelassener Sprache ihre Beschwerden dem Statthalter Mehmed Pascha vorzutragen, wo ich nicht ermangeln werde, ihre gerechter Anliegen beim General Gouverneur zu befürworten.

Die von ihnen geäußerte Absicht unter allen Verhältnissen, auch nach Constantinopel reisen zu wollen, um sich beim Sultan zu beklagen, habe ich ihnen nachdrücklich wiederrathen; bezüglich des grundherrlichen Drittels aber die Bemerkung gemacht, dass Mehmed Pascha nicht in der Lage sein wird, dem unter dem ehemaligen Statthalter Bosniens Tahir Pascha stipulirten und wie es heisst von der Hoher Pforte bestätigten Drittelvertrag zwischen ihnen und den Grundherrschaften aufzuheben; übrigens es ihnen frei steht, sich im Wege der hiesigen Provinzial Regierung hierüber an die Gnade des Sultans bittlich zu wenden.

Die von den Christen so sehr gewünschte Aufhebung des Drittels und dessen Umwandlung ins Neuntel fällt ihnen darum schwer, weil vor der Einführung der Drittel Abgabe, nur das Neuntel dem Grundherrschaften entrichtet wurde, und sie unter Tahir Pascha zur Untersuchung des Drittelvertrages mit den Grundherrschaften gewaltsam verhalten wurden.

Ich berichte hierüber an die hohe K. K. Unternuntiatur.

Geruhen Euere Excellenz den gehorsamsten Ausdruck meiner tiefsten Ehrfurcht und Ergebenheit gnädig zu genehmigen.

Fr. Soretic

HHStA, Wien, Konsulate, K. 120, Fasc. Gen. Kons. Sarajevo, 1857, Fol. 77—79. Подлинник.

Перевод

Высококоротный граф!

Три члена прибывшей сюда депутации христианского населения Биелинской нахии явились ко мне 31-го числа прошлого месяца и вручили написанное кириллицей заявление от 11 апреля 1857 г., под которым поставлено 59 печатей и подписей.¹ Это заявление я почтительнейше пересылаю вашему превосходительству в точном немецком переводе со своими замечаниями о том, что я посоветовал лицам, вручившим мне его, спокойно и обдуманно рассказать о своих затруднениях наместнику Мехмед-паше

и заверил их, что я не премину поддержать справедливые требования перед генерал-губернатором.

Я настойчиво отговаривал их от намерения в любом случае поехать в Константинополь, чтобы пожаловаться султану, что же касается третины, уплачиваемой землевладельцам, то я заметил им, что Мехмед-паша не властен отменить договор об уплате третьей части урожая, который был заключен между ними и землевладельцами во время правления бывшего наместника Боснии Тахир-паши и утвержден Высокой Портой, но, что они имеют впрочем право обратиться к милости султана через органы управления провинции.

Причина, по которой будет особенно трудно добиться отмены третины и установления вместо нее налога в $\frac{1}{3}$ часть урожая, чего так желают христиане, заключается в том, что перед введением третины они были обязаны отдавать владельцу земли только $\frac{1}{3}$ часть, а при Тахир-паше их попытки добиться пересмотра договора о третины насильственно подавлялись.

Донесение об этом я посылаю имперскому и королевскому послу.

Примите, ваше превосходительство, уверение в моей глубочайшей преданности и почтении.

Фр. Зоретич

¹ См. док. 9.

14

Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому с характеристикой деятельности турецкой администрации в Боснии

№ 18

14(26) июня 1857 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Три недели моего пребывания в Сараеве заняты были преимущественно ознакомлением с здешними властями, иностранными агентами и почтеннейшими из христианских жителей.

Генерал-губернатор боснийский Мегемет Решид-паша (прежде бывший губернатором эрзерумским) не принадлежит, по-видимому, ни к числу старых турок-фанатиков, ни к новой школе европейски образованных турок. Его считают вообще человеком благонамеренным и справедливым и в продолжение его пребывания в Боснии (он принял здесь начальство тому назад 10 месяцев) не имели повода жаловаться на его личный образ действия. Но, с другой стороны, он не оказал до сих пор никакой особенной деятельности в обуздании произвола местных властей и в искоренении страшных злоупотреблений, господствующих, особенно в отдаленных краях, при сборе податей мусульманскими откупщиками, которые приобретают право этого сбора на казенных торгах и, уделяя часть барыша чиновникам, пользуются за то полною свободою грабительства. В одном из следующих донесений я буду иметь честь представить вашему превосходительству, до каких размеров дошли эти злоупотребления в северной части Боснии и какие жалобы они, наконец, возбудили в тамошнем христианском народонаселении. Из этого дела, подробности которого я теперь собираю, вы, милостивый государь, усмотрите слабый и нерешительный образ действий Мегемет Решид-паши, ограничившегося обещаниями и отсрочками и вообще оказавшего более благосклонности к откупщикам и чиновникам, разоряющим народ общими силами, нежели к поселянам, приведенным ими в нищету. Бездна казенных людей, возбуждавших против себя всеобщее негодование и уличенных в вопиющих злоупотреблениях и даже нередко в уголовных преступлениях (случалось, что поселян под-

вергали разного рода пыткам и били до смерти, чтобы вынудить у них платеж произвольных поборов), безнаказанность таких людей, говоря, столь мало согласуется с требованиями справедливости и благоразумия, что здешние жители не могут не подозревать своего генерал-губернатора в податливости на подкуп.

В отношении к постройке церквей и к учреждению школ христиане Боснии не находят прения со стороны нового своего начальника. Но если они ожидали от него исполнения других обещаний хати-хумаюна, то, по крайней мере, до сих пор совершенно ошиблись. Не только не сделано ничего для введения обещанного равенства перед законом между членами различных вероисповеданий, но свидетельство христиан еще не принимается в суде, вся тяжесть податей и повинностей лежит на христианах, мусульмане в случае уголовного преступления, совершенного над христианином, остаются почти всегда безнаказанными, пытка не изгнана из темниц и т. д. Из улучшений, предпринятых нынешним генерал-губернатором Боснии, могу назвать только усиление мусульманских школ, в которых дети босняков-магометан, не знающих по большей части никакого другого языка, кроме родного славянского, теперь стали основательно учиться по-турецки, и народную перепись, на сих днях оконченную. По этой переписи оказалось, что в 6 санджаках Боснийского генерал-губернаторства (Сараевском, Травницком, Баялуцком, Тузлинском, Ново-Пазарском и Герцеговинском) находится 326 000 христиан, 211 000 магометан, 6000 цыган и 1000 евреев (все это лишь мужского пола) — результат, которым окончательно опровергается несправедливое мнение, распространенное в последнее время статистиками-туркофилами, будто в этой области перевес населения находится на стороне ислама.

Касательно иностранных агентов Мегемет Решид-паша, как кажется, старается быть со всеми в хороших отношениях, не поддаваясь ничему исключительному влиянию, не как его предшественник Хуршид-паша, который был послушным орудием покойного австрийского генерального консула Атанасовича. Меня он принял весьма приветливо, и я надеюсь, что мне не трудно будет поддерживать с ним самые дружеские отношения.

Дела судебные и важные административные распоряжения зависят от совокупного решения генерал-губернатора и его совета или меджлиса. В меджлисе заседают, кроме нескольких мусульманских чиновников и почетных лиц, один член православного, другой — римско-католического, третий — иудейского вероисповедания. По общему отзыву всех православных босняков и герцеговлян, с которыми я имел случай разговаривать об этом предмете, присутствие их представителей (ходжа-башей) в меджлисах разных турецких городов скорее приносит им вред, нежели пользу. Положение православного ходжа-баша, одинокого в многочисленном совете мусульман, так тяжело и требует столь частых сделок с совестью и честью, что ни одно из лиц действительно почтенных и достойных не может принять на себя эту должность. Выбор ограничивается еще тем, что член меджлиса должен знать турецкий язык, что весьма редко можно найти между здешними славянами.

Обыкновенно ходжа-баша избирается из поселившихся в славянских городах греческих купцов или из торгашей, бывавших в Константинополе и там выучившихся кое-как по-турецки. Эти люди дорожат жалованьем, ими получаемым за свою должность, и случайным значением, которое она им придает. Для сохранения ее они всячески угодяют туркам и нередко опереживают, из желания выслужиться, самих турецких членов в мусульманской ревности. Таков, между прочим, православный ходжа-баша сараевский. Приведу, как пример поведения этого человека, случай, бывший на сих днях. Из Белграда прибыл сюда один сербский под-

данный с рекомендацией от тамошнего паши и с письменным свидетельством известного воеводы Вучича о том, что отец его в присутствии сего воеводы дал взаймы сумму денег одному боснийскому мусульманину. Когда упомянутый серб стал требовать в меджлисе утверждения своего иска на мусульманина, то православный ходжа-баши объявил, что сербский подданный есть не что иное, как турецкий раба, что свидетельство воеводы Вучича не имеет никакого значения и что истец должен для доказательства справедливости своего требования привести свидетелями двух магометан. На том дело и остановилось.

Римско-католическое общество в Сараеве не имеет в настоящее время своего ходжа-баши, но вероятно избран будет в эту должность один францисканский монах, уже занимавший ее прежде и известный своим ловким и изворотливым поведением.

Вообще в последнее время католики стали назначать своими представителями в турецких судах францисканских монахов, большею частью образованных в Риме, основательно знающих язык и законы турецкие и соединяющих с личною ревностью выгоды деятельного покровительства со стороны Франции и Австрии. Во время пребывания моего в Мостаре был именно избран там в католические ходжа-баши один из воспитанных пропагандою францисканцев.

Из мусульманских членов меджлиса некоторые принадлежат к числу старых турок-фанатиков и своею неисправимою исключительностью нередко препятствуют самому генерал-губернатору приступать к необходимым улучшениям и даже в частных тяжбах оказывать христианам должную справедливость. Особенно этим отличается здешний муфтий, дряхлый 80-летний старик, умеющий нередко уничтожать своим духовным влиянием и произвольно толкуемыми изречениями корана полезные распоряжения и справедливые приговоры, предлагаемые другими членами. Христиане ненавидят его до такой степени, что называют не иначе как «кровопийцею». Когда я, обходя главные здешние лица с визитами, посетил и его, то он потом громко объявлял, что принял водворившегося в Сараеве «москова» с таким же чувством, как если бы пришлось ему стоять целью для сотни ружей.

В противоположность этому изуверу могу назвать одну чистую и благородную личность, которая, к сожалению, не в силах была ужиться с здешним мусульманским миром. Личность эта — бывший каймакам — паша травницкий Шевки-ефенди. Прежний адъютант Омер-паши, он прибыл в прошлом году в Травник (второй город Боснии и прежде местопребывание боснийских визирей) с твердым намерением привести в действие обещанную на бумаге равноправность христиан с мусульманами. Он тотчас принял разные меры для развития края и облегчения его жителей; в суде он руководствовался строгою беспристрастностью. Выучившись местному языку (чрезвычайно редкий пример между чиновниками, присылаемыми сюда из Константинополя), он выслушал в жалобы и потребности народа. Боснийцы не запомнят такого чиновника, каким был Шевки-ефенди в Травнике. Наконец, он стал вводить обещанное султанским хати-хумаюном преобразование судопроизводства и приказал принимать свидетельство христиан наравне с свидетельством мусульман. Но эта попытка повлекла за собою его падение. Травницкие мусульмане, не раз уже заводившие интриги против своего начальника, послали тогда на него донос как в Сараево, так и в Константинополь. Шевки-ефенди прибыл в Сараево для оправдания; при его удалении бежал из Травника почетнейший из тамошних православных купцов Ристич, боявшийся мести турок за участие, которое он принимал в нововведениях каймакама, и до сих пор он не смеет возвратиться на родину. Несмотря на то, что Шевки-ефенди со-

вершенно оправдал себя перед генерал-губернатором и что здешние консулы австрийский и французский ходатайствовали у своих посольств в Константинополе об его поддержании, враги его имели успех в Порте. Недавно пришел приказ, по которому он отзывается в Константинополь и на его место назначается другой каймакам. Конечно, после осужденной самим правительством попытки исполнить обещания хати-хумаюна наступит в Травнике реакция мусульманского фанатизма, и участь христиан делается там тяжелее прежнего.

Военная часть в Боснии не подчинена генерал-губернатору и его меджлису. Она зависит от дивизионного генерала, который командует пятью полками низама, расположенными в этой области, и получает приказания прямо из Константинополя. Кроме его здесь находятся инженерный генерал-майор. Военные власти, по-видимому, не имеют влияния на управление краем. По словам здешних жителей, дисциплина в регулярном войске стала теперь гораздо лучше, нежели как она была при занятии Боснии полками Омер-паши. С этой стороны не было в последнее время повода к жалобам и неудовольствиям.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

АВПР. ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 34—41. Автограф; ф. Посольство в Константинополе, д. 2119, л. 38—42. Копия.

15

Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому со сведениями о положении христианского населения Сараева и состоянии торговли

16(28) июня 1857 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Сараево — самый значительный и богатый город в западной части Турции. В нем считают от 60 до 70 тысяч жителей.

Город этот по преимуществу торговый. Между тем как правительственный центр Боснии находился до последних лет в Травнике, Сараево издавна сосредоточивало в себе торговую деятельность страны и этим обязано своим относительным развитием и процветанием. Турки при всей дикости и близорукости своей благоприятствовали этой торговой жизни Сараева. Во времена самого страшного свирепства янычар, которые господствовали в Боснии самовластнее, чем где-либо, в те времена, когда, по простодушному выражению здешних жителей, сам святой Петр отлучился бы (т. е. принял бы турецкую веру), если бы ему пришлось быть в Боснии, сараевское народонаселение пользовалось почти полной безопасностью жизни и имущества. Правда, в старину почти вся торговля находилась в руках мусульман; но и христиане сараевские могли мирно заниматься своими промыслами. Они имели свою церковь, единственную во всей Боснии, в которой богослужение совершалось ненарушимо в продолжение более двух столетий и не было прерываемо насильем мусульман.

В течение последних 30 лет сараевская торговля значительно изменилась в своем характере. Из рук мусульман она мало-помалу перешла к православным купцам. Сношения с восточными и южными областями Европейской Турции уступили место сношениям с Австрией и Западом

через Сплет (Спалатро), Триест, Вену, Пест и Лейпциг. Торговля с Западною Европою сделалась, можно сказать, монополиею православных жителей Сараева и послужила им источником богатства. Менее значительные теперь сношения с Македониею и Румелиею еще отчасти занимают мусульман, но и в эту сторону начинает сильно устремляться деятельность христианских купцов.

Вместе с успешным ходом торговли и число христиан в Сараеве быстро увеличивалось. Из всех городов Боснии и Герцеговины стекались сюда люди предприимчивые и здесь поселялись. Сараевские старожилы помнят еще время, когда в их городе не было 100 домов православных; теперь их считается более 600, в том числе сотня значительных торговых домов, члены которых почти ежегодно ездят для своих оборотов в Австрию и на Лейпцигскую ярмарку.

При всем том огромный перевес народонаселения в Сараеве находится еще на стороне мусульман. Мусульманских домов здесь, говорят, до 7000. Но мусульмане далеко уступают христианам в богатстве и деятельности. Капиталистов между ними пять (я не говорю о тех людях, которые нажились злоупотреблениями на службе или при откупе податей); купцов мало; почти все сараевские магометане живут доходами с земель, которыми владеют в окрестностях и которые обрабатываются для них райями.

Число римских католиков в Сараеве весьма незначительно. Их всего 50 или 60 домов, почти все ремесленничьих; между ними нет ни одного зажиточного торгового семейства. Эта малочисленность католиков в Сараеве происходит оттого, что они вообще как в Герцеговине, так и в Боснии оказывают мало предприимчивости в практической жизни и чуждаются торговой деятельности; поэтому ничего не привлекало их к переселению в Сараево. Главный же центр католиков в Боснии находится отсюда на северо-западе в Травнике и окрестных городах — Хвойнице, Ливне*, Скопле (иначе Вакупе) и Яйце, а равно в селах, рассеянных в том краю. В Травнике и Ливне они имеют сильный перевес над православными; в Хвойнице и Яйце все христианское народонаселение принадлежит к римской церкви. В этой стране католики имеют три старинных богатых монастыря: в Крешеве, Сутиске и Хвойнице, местопребывании их епископа.

По ничтожному католическому народонаселению Сараева нет возможности судить о состоянии этого народонаселения в том крае, в котором оно преобладает и который дает римской церкви такую великую силу в Боснии. Я условился предпринять на будущей неделе в обществе здешнего английского консула и секретаря французского консульства прогулку по направлению трех упомянутых католических монастырей, находящихся недалеко один от другого. Надеюсь, что это даст мне случай ознакомиться с боснийскими католиками и представить вашему превосходительству подробный отчет об их положении¹.

Весьма трудно бы было также, не выезжая из Сараева, получить верное понятие о состоянии православного народа в Боснии. С одной стороны, огромный численный перевес мусульманских жителей существенно отличает Сараево от остальных мест этой области, где христианская стихия почти везде преобладает над магометанскою; с другой стороны, положение Сараева было всегда, как я сказал, исключительное и как будто бы привилегированное. Город этот не может служить мерилом для всей Боснии: один из самых благоденствующих городов Турции, он поставлен чуть ли не в самой угнетенной и бедствующей стране султанских владений.

* Город Ливно обыкновенно причисляется к Герцеговине; по своему характеру он находится в связи с этою римско-католическою частью Боснии (примеч. док.).

Православные жители Сараева пользуются вообще спокойствием и благосостоянием. Притеснения со стороны турок бывают обыкновенно лишь при тяжбах как вследствие продажности властей, так и потому, что правило не принимать в суде свидетельства христиан чрезвычайно затрудняет и искажает ход дел. Но случаи насилия или противозаконных поборов в самом Сараеве весьма редки. Прежде существовавшие обидные внешние различия между христианами и мусульманами (например, запрещение первым ездить верхом в городе, прорезывать в своих домах окна на улицу и т. п.) вывелись в последние годы.

Большая часть здешнего христианского общества состоит из торговцев, более или менее зажиточных. Почти все они много раз бывали в Европе; но, несмотря на то, как старики, так и молодежь строго придерживаются своих обычаев и прежнего образа жизни. Не только они чужды духа слепой подражательности, но чрезвычайно неподатливы на нововведения, даже самые полезные. Это, впрочем, необходимое следствие всего их прошедшего. Если бы православные славяне Турции не были проникнуты этою неискоренимою приверженностью к старине, то они давно бы уже не существовали: они сделались бы мусульманами или католиками.

Этот непреодолимый консерватизм не имеет, однако же, ничего общего с нелюбовью к просвещению. Напротив, нет в Сараеве ни одного православного купца, который не поддерживал бы здешней школы по мере своих средств, не отдавал бы в нее своих сыновей и не старался бы потом послать их на несколько времени в Триест или в Вену для полнейшего обучения.

Вере и церкви все необыкновенно преданы. Не только сараевская церковь поддерживается в весьма приличном виде добродетельными подаяниями прихожан, но сараевские христиане деятельно помогают сооружению новых церквей в других местах Боснии. Они предполагают приступить в скором времени к постройке второй православной церкви в самом Сараеве, так как в одной уже не помещается умножившееся народонаселение. Главное затруднение их — найти место для церкви, ибо церковь должна находиться в отдалении от мечети, а здесь куда ни поглядишь — видна мечеть (их около 120 в Сараеве); притом почти вся городская земля принадлежит мусульманам, которые не соглашаются продать христианам ни клочка ее под церковь.

Как ревностные православные, сараевские христиане большею частью исполнены сочувствия и любви к России. Нечего и говорить, с каким нетерпением они ожидали назначения русского консульства и с какою радостью меня приняли. Я, с своей стороны, стараюсь обращаться с ними со всевозможною ласковостью. Противно примеру других иностранных консулов, я возвратил визит всем здешним почетным христианам-купцам, бывшим у меня.

Конечно, не все эти люди одинаково заслуживают уважения и доверия. Иные неограниченно преданы России, в которой видят единственное спасение своей веры и народности (в славянских областях Турции вера и народность синонимы: православные, католики и мусульмане считают себя тремя различными нациями, хотя говорят одним и тем же языком и принадлежат к одному и тому же племени). Другие, не менее ревностные относительно богослужения и готовые жертвовать много для церкви, скрывают, однако, свои политические сочувствия и стараются льстить туркам и прислуживаться им. В этом отношении характер каждого жителя здесь более или менее известен. В особенности прошлая война искусила здесь каждого: когда прежний митрополит Прокопий служил в православной церкви сараевской молебны за успех султанова оружия, когда турецкие начальства (не без участия австрийского и французского консульств) жи-

гали на площади изображение государя императора Николая Павловича, когда они иллюминировали город после падения Малахова кургана, то легко было тотчас заметить, кто из христиан спешит выказывать свою преданность туркам и кто отстраняется от такого безобразного лицемерия.

Духовенство боснийское, к сожалению, стоит далеко ниже герцеговинского. Не только внутри края, но даже в Сараеве нет ни одного священника, сколько-нибудь образованного и понимающего свое призвание. Духовный глава православного населения Боснии и вместе с тем его законный заступник и ходатай перед турецкою властью есть митрополит сараевский, присылаемый из Константинополя. Уже более 100 лет Босния не видала архипастыря, избранного из среды народа.² Не считая уместным распространяться здесь о всеобщем негодовании народа против этой духовной монополии, которою завладела греческая иерархия, и о недоверии и нелюбви его к своим иноязычным архипастырям. К счастью, нынешний митрополит боснийский Дионисий, недавно переведенный сюда из Крита, если чужд своей пастве по народности, то, по крайней мере, не роняет собою достоинства своего сана. Сколько его знают до сих пор, он человек хорошей нравственности, ревностный к церкви и любящий свою паству. В нем хвалят то, что он в случае какой-нибудь несправедливости не отказывается ходатайствовать за православных перед турецкими властями; что он заботится об умножении церквей в Боснии и старается облегчить христианам получение нужных для этого фирманов; что он покровительствует успехам школы; что он, пользуясь законными доходами своего сана (правда, чрезмерно высокими относительно всеобщей почти бедности христианского населения Боснии), не изощряется подобно своим предшественникам в придумывании разных новых источников обогащения и, например, вывел прежний обычай, по которому ново-прибывший митрополит, знакомясь с своею паствою, делал каждому прихожанину ничтожный подарок, требовавший взаимного дара, десятикрато более ценного. Чтобы сблизиться с народом, по крайней мере, при богослужении, митрополит Дионисий выучил по-славянски те слова, которые архиерей произносит во время литургии, что не могло не стоить значительного труда 65-летнему старцу-греку. При всем том здешние сербы чувствуют непреодолимое, можно сказать, отвращение к иноземцу-владыке и, по-видимому, мало ценят старания своего нового архипастыря с ними сблизиться. Единственная причина нелюбви к нему, кажется, та, что он грек. Таково пагубное влияние, произведенное на умы здешних славян многолетним господством чуждой иерархии. В разговорах с православными босняками мне приходится всегда брать сторону их владыки против внушенных им народной ненависти.

В обращении со мною митрополит Дионисий соединяет, как кажется, большое желание быть со мною в дружбе с неимоверною боязливостью компрометироваться перед турками; боязливость эта, впрочем, составляет, как говорят, общее свойство греческой иерархии в Турции. Так, например, после первого моего официального посещения, при котором митрополит принял меня с большою ласкою и откровенностью, он слишком две недели медлил отдать мне визит и решился прийти ко мне, лишь когда получил на то согласие паши, между тем как он прежде с большою поспешностью ответил на официальный визит английского консула. Другой случай показал мне еще яснее эту чрезмерную боязливость боснийского митрополита. Я узнал, что в нескольких часах от Сараева в местечке Высокое будет освящаться им новая православная церковь (почти невиданное в здешнем крае торжество), и выразил ему желание присутствовать при этой службе. Чтобы не подать повода ни к каким подозрениям, я предупредил о том папу, который с полною готовностью предложил мне конвой

и разные облегчения для пути. Но накануне назначенного дня митрополит прислал просить меня, чтобы я не уехал, говоря, что мое присутствие навлекло бы, может быть, неудовольствие турок на собранный в церкви народ. Я принужден был сказать, что мое присутствие в церкви нездоровым. Потом я узнал от людей, присутствовавших при освящении храма, что турецкие власти в Высоком ожидали моего приезда и что мое присутствие при церковном празднике не могло никоим образом компрометировать христиан^{2*}. Митрополит побоялся единственно, чтобы турецкие начальства не подумали, что он пригласил «москóва» на церковное торжество. Разумеется, в обращении с боснийским архипастырем я показываю вид, как будто не знаю об этой слабой стороне его характера. Впрочем, для меня великое счастье, что глава здешнего православного народа человек, который пользуется уважением и который старается, по-видимому, заслужить любовь своей паствы.

Не таков митрополит герцеговинский. Об нем не слышно ничего другого, кроме жалоб на его корыстолюбие и равнодушие к народу. Его почти не видели в Мостаре; он постоянно объезжает свою епархию, чтобы собирать деньги и жить на счет монастырей и семейств, в домах которых останавливается³.

Зато боснийцы не находят достаточных слов похвалы для другого архипастыря, Агафангела, епископа зворницкого, епархию которого составляет северо-восточная часть Боснии, между австрийскою и сербскою границею. Он — человек еще молодой, грек (кажется, болгарского происхождения), хорошо выучившийся по-сербски и с неутомимою ревностью исполняющий свои пастырские обязанности. Общий голос босняков говорит, что в их земле давно не было такого архиерея. Я постараюсь в одну из поездок моих посетить его и представить вашему превосходительству отчет об его деятельности на пользу народа. К сожалению, опасаются, что он недолго удержится на своем месте. Турецкие власти, недовольные его добросовестностью и ревностью, стараются, как говорят, действовать против него в Константинопольском патриархате.

С отличным почтением и истинною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

АВВР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 42—50 об. Автограф.

¹ Более подробно о положении католического населения и духовенства в Боснии см. донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому № 27 от 15 (27) июля 1857 г. (АВВР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2119, л. 55—59).

² См.: примеч. 6 к док. 4.

³ См. док. 21 и 27.

^{2*} На полях помета Е. П. Ковалевского: Жалею, что он не поехал.

Донесение А. Ф. Гильфердинга российскому посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу с просьбой выделить из фондов константинопольской миссии богослужебные книги для церквей и монастырей Боснии и Герцеговины

17 (29) июня 1857 г. Сараево

Милостивый государь Аполливарий Петрович!

В донесении моем г. директору Азиатского департамента от 1 (13) сего месяца № 16, копию которого я имел честь препроводить к вашему высокопревосходительству, я представил необходимость снабдить богослужебными книгами нуждающиеся в них церкви и монастыри Боснии и Герцеговины¹.

Я надеялся иметь вскоре возможность удовлетворить на первый раз настоятельной потребности здешних христиан в этих книгах из запаса церковных изданий, отправленного несколько лет тому назад в Белград для раздачи в Боснии и Герцеговине и хранившегося при тамошнем генеральном консульстве. Г. директор Азиатского департамента изволил предоставить оный в мое распоряжение, но, к сожалению, я получил известие, что все эти книги уже розданы были в последнее время г. полковником Милошевичем.

Между тем приходящие из разных краев Боснии христиане почти ежедневно осаждают меня просьбами о доставлении им богослужебных книг, в которых они тем более нуждаются, что в течение последних лет сооружены были в этой области некоторые новые церкви, приобретение же означенных книг сделалось для них почти невозможным с тех пор, как Австрия запретила пропуск оных чрез свои владения. Так как доставка их из С.-Петербурга сопряжена будет с значительною медленностью, то я, предполагая, что в императорской миссии в Константинополе находится некоторое количество таких изданий, осмеливаюсь обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою приказать уделить мне часть этого запаса.

На случай, если просьба моя удостоится вашего, милостивый государь, благосклонного разрешения, приемлю смелость приложить при сем в записке г. Новикову указание на удобный, по моему мнению, способ пересылки помянутых книг из Константинополя в Сараево².

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

Помета: Получено 3 июля.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2321, л. 5—6 об. Автограф.

¹ См.: ЦГИА СССР, ф. 832, оп. 1, д. 112, л. 4—8 об.

² Ввиду того, что просьба А. Ф. Гильфердинга осталась без ответа, 17 декабря 1857 г. он вторично обратился к А. П. Бутеневу (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2321, л. 114 и об.). Сведений о получении книг из фондов константинопольской миссии не обнаружено. Впоследствии книги были предоставлены непосредственно Синодом (см.: ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 ст., д. 383, л. 1 и об.).

Отношение управляющего МИД России И. С. Мальцова обер-прокурору Синода А. П. Толстому с просьбой поддержать ходатайство российского консула в Сараеве о помощи школам Боснии и Герцеговины учебными и богослужебными книгами

№ 2440

22 июня 1857 г.

Управляющий консульством нашим в Сараеве ходатайствует о предоставлении в его распоряжение для школ, учреждаемых во многих местах Боснии и Герцеговины, некоторого количества духовно-служебных и учебных книг и несколько кругов церковных.

Вследствие сего обращаюсь к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою сделать, буде можно, благосклонное распоряжение для удовлетворения вышеизложенного ходатайства нашего консульства в Сараево.

Управляющий министерством И. Мальцов
Вице-директор Злобин

Помета: Исп[олнено]. 26 июня¹.

ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 ст., д. 383, л. 1 и об. Подлинник.

¹ По решению обер-прокурора Синода А. П. Толстого для школ Боснии и Герцеговины было отпущено 580 экз. учебников и богослужебных книг на сумму 159 руб. 25 коп. Затем их количество было увеличено до 960 экз. на сумму 933 руб. (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1239, л. 3 и об., 5—8 об.).

Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу с характеристикой аграрных отношений и налоговой системы в Боснии

№ 22

3 (15) июля 1857 г. Сараево

La principale affaire qui préoccupe aujourd'hui les esprits en Bosnie a été suscitée par le système du fermage des impôts. Je prends la liberté de la recommander à l'attention particulière de votre excellence. Car si cette affaire n'est pas promptement réglée de manière à mettre un terme aux souffrances insupportables des rayas, on peut prévoir des troubles sérieux, qui ne manqueraient certainement pas d'amener l'intervention de l'Autriche dans cette province qui la touche de si près.

La population chrétienne de la Bosnie, agricole pour la plupart, ne possède point de terrains à elle. Les rayas cultivent les champs des aghas ou propriétaires musulmans qu'ils peuvent cependant quitter pour se transporter ailleurs, mais qui ont en revanche le droit de les chasser. Anciennement, les cultivateurs établis sur une propriété musulmane, remettaient au maître du sol la neuvième partie de leur récolte de blé; ils gardaient pour eux toute la quantité de foin qu'ils obtenaient des prairies qui leur étaient concédées, et ne livraient à l'agha en retour qu'une certaine mesure de beurre fourni par leurs troupeaux. Ils étaient obligés en outre de labourer par corvées quelques champs que le maître se réservait ou de travailler dans sa maison.

Ces corvées tout indéterminées, mais généralement peu onéreuses, parce qu'elles étaient ordinairement restreintes aux jours de fête, donnaient lieu néanmoins à beaucoup d'inconvénients, tant pour les maîtres que pour les paysans. En 1848, le gouverneur de la Bosnie, Tahir pacha, les abolit sur la demande de la noblesse musulmane du pays, et il tripla en revanche le paiement perçu sur le produit agricole des paysans: du neuvième on le porta

à un tiers de la récolte¹. Cet arrangement fut accepté sans opposition par les chrétiens dans les environs de Saraïevo: car ceux-ci, étant peu nombreux, souffraient par conséquent beaucoup des corvées; ils recevaient de leurs propriétaires sans rémunération les cabanes dans lesquelles ils logeaient, et c'était là pour eux un grand avantage. Mais les rayas du nord et de l'ouest de la Bosnie (c'est la partie la plus importante et la plus peuplée de la province) se trouvaient gravement lésés dans leurs intérêts par le nouvel ordre de choses. Comme ils sont très nombreux, les corvées ne les atteignaient que rarement, tandis qu'ils retiraient de riches profits des champs sur lesquels ils étaient établis de temps immémorial et qu'ils étendaient en défrichant les forêts. Logés dans des maisons qu'ils avaient construites à leurs propres frais et qui leur appartenaient, ils n'avaient donc presque rien à recevoir en retour de la redevance qui allait être triplée. Les anciens (knèzes) de leurs villages, convoqués par Tahir pacha pour signer le nouvel arrangement, protestèrent. Tahir pacha fit condamner à mort quatre d'entre eux; à peine se laissa-t-il fléchir et consentit-il à remplacer l'exécution capitale par 500 coups de bâton. Deux des knèzes en moururent aussitôt; les deux autres survécurent et signèrent l'acte: ils vivent encore pour témoigner de la manière dont on obtint leur consentement. Leurs compagnons suivirent leur exemple et signèrent.

Cependant ce nouvel arrangement ne paraissait pas encore si onéreux pour les paysans du nord de la Bosnie, puisqu'on avait promis de leur laisser, comme par le passé, tout le produit de leur fenaison: point très important pour une contrée où le bétail forme une grande partie de la richesse des habitants. Mais les aghas prétendirent à la moitié de tout le foin qu'on recueillait. Les paysans eurent beau se plaindre aux autorités, elles étaient du côté des propriétaires musulmans, et bientôt la prétention arbitraire devint une règle générale; il ne resta plus un seul domaine où l'on respectât à cet égard l'ancienne coutume. Les paysans durent se défaire d'une grande partie de leurs troupeaux, qui mouraient de faim.

Outre la redevance aux aghas ou propriétaires fonciers, les paysans de la Bosnie en acquittaient une autre, d'un caractère tout différent. Je parle de la dime que recevaient les spahis. Les spahis étaient les successeurs de l'ancienne noblesse féodale du pays. Ils avaient le droit de prélever à leur profit, mais au nom du souverain, la dixième partie de la récolte des rayas, et ils étaient tenus en revanche de se présenter au premier appel pour entrer en campagne avec un nombre de gens armés et équipés proportionné à l'importance de leurs fiefs. Ce droit s'étendait sur toutes les terres de la Bosnie, et il n'avait rien de commun avec les droits de propriété qui appartenaient aux maîtres du sol.

Lorsqu'Omer pacha abattit la vieille organisation féodale de la Bosnie², il s'empessa d'abolir la classe des spahis, devenus inutiles dans une armée régulière telle que la Turquie la voulait. Le sultan dispensa les seigneurs bosniaques de l'obligation de paraître dans ses camps avec leur suite, mais il prit aussi pour lui la dime qui les récompensait de ce service.

Cette dime, on eut la fatale idée d'en affermer la perception.

Il serait impossible d'énumérer toutes les conséquences pernicieuses de cette mesure. Elle a ruiné toute la population agricole d'une grande et riche province.

Au commencement, les fermiers eux-mêmes ne surent pas encore profiter entièrement des avantages que cette carrière pouvait leur donner. Les prix qu'ils offraient au gouvernement étaient modérés et leurs exigences envers les paysans n'étaient pas exorbitantes. Bientôt cependant la concurrence s'accrut, les prix des fermes s'élevèrent prodigieusement et l'oppression

exercée par les entrepreneurs pour se procurer des bénéfices ne trouva plus de bornes. Je connais des districts (nahiés) où la ferme des dîmes s'est vendue en 1852 pour 3 à 4 mille ducats et en 1857 pour 15 à 20 mille.

Les rayas de la Bosnie se rappellent avec regret du bon vieux temps des corvées et des spahis. Il y avait alors sans doute des cas de meurtre et de violence bien fréquents; les corvées étaient souvent bien arbitraires. Mais au moins la fenaison leur appartenait-elle tout entière, et ils pouvaient nourrir de riches troupeaux; mais au moins le spahi qui leur prenait la dixième était-il leur seigneur féodal héréditaire, il connaissait leurs besoins, il les protégeait de son influence et il tenait à ce que leur richesse augmentât: car la sienne et celle de ses enfants augmentait en proportion. Aujourd'hui, un spéculateur paye une somme énorme pour sa ferme qui ne dure qu'une année; l'année prochaine il sera probablement obligé de la céder à quelqu'un qui enchèrira sur lui. Quel intérêt a-t-il de ménager le cultivateur? Son intérêt unique est de lui enlever tout l'argent qu'il peut.

Il ne regarde pas aux moyens de le faire. Il arrive en automne dans un village avec une suite de zaptiés armés jusqu'aux dents; il demande à un paysan combien il a moissonné. Le pauvre homme lui répond qu'il a récolté, par exemple, 800 oques de froment. Le fermier se met à l'accuser de cacher une partie de la moisson; il ne consent pas à mesurer son blé, mais il lui dit qu'il doit en avoir pour le moins 1200 oques et qu'il lui en donnera par conséquent 120 oques; le paysan se croit en être quitte à bon marché. Le fermier se garde bien cependant de prendre sa portion de suite, lorsque le blé n'a pas encore eu le temps d'enchérir; il donne au paysan un certificat (defter), et il en garde un autre exemplaire pour lui. Dans ce certificat, écrit en langue turque que le paysan ne comprend pas, il a marqué que celui-ci doit lui payer la dime non pas de 1200 oques, mais de 2000; le certificat délivré par le fermier et que le cultivateur est incapable de vérifier, a une valeur légale. Le printemps suivant, lorsque le blé est devenue rare et cher, le fermier arrive pour exiger sa part; et il prend la valeur des 200 oques (le quart de la récolte) en argent comptant d'après le prix de la saison, ou bien il force le paysan de transporter ces 200 oques à ses frais à quelque marché éloigné. Après le fermier arrive l'agha, et il enlève au malheureux laboureur non pas le tiers de sa récolte réelle, mais celui des 1800 oques qu'il est censé avoir d'après le certificat du fermier; s'il n'a pas assez de blé, il est obligé de donner le reste en argent. C'est ainsi que toute la récolte du cultivateur s'en va pour payer la dime et le tiers; il est forcé de vendre son bétail ou de s'endetter pour se nourrir, lui et sa famille, et pour acquitter les autres impôts.

Ce ne sont pas des cas isolés que je rapporte. Que votre excellence veuille considérer l'exemple que je viens de citer comme l'expression de la règle générale, et qu'elle ne croie pas que j'exagère. Les données que j'ai l'honneur de lui soumettre sont basées sur le témoignage unanime des anciens de village venus ici des diverses contrées de la Bosnie pour porter plainte au gouverneur-général; elles sont confirmées par tous les prêtres de campagne avec lesquels j'ai eu l'occasion de m'entretenir sur ce sujet, ainsi que par les marchands chrétiens qui avaient d'abord entrepris le fermage des dîmes dans quelques districts, mais que les prix exorbitants offerts par les spéculateurs musulmans et les abus de ce système ont fait bientôt reculer. Des exemples analogues à celui que je viens de rapporter m'ont été cités même par un propriétaire musulman du pays, juge qu'on ne peut guère accuser de partialité pour les rayas, mais qui a toute la peine du monde à défendre ses colons contre la cupidité des fermiers. Malheureusement ces cas sont rares; l'immense majorité des aghas est d'accord avec ceux-ci pour tirer des paysans leur dernière piastre. Si les champs ne sont pas encore laissés en

friche par leurs cultivateurs, la seule raison en est que les rayas ne trouvent pas de lieu où ils pourraient se transporter. Il y a eu des tentatives de se réfugier en Autriche; mais les autorités de cet empire refusent presque toujours le passage de la frontière aux gens qui ne sont pas munis de passeports.

La redevance sur le blé n'est pas tout encore. On en a imposé une, il y a quelques années, sur l'entretien des porcs, branche d'industrie très importante pour le nord de la Bosnie. Les paysans doivent payer une piastre et 7 paras pour chaque porc lorsque la récolte des glands est bonne, et seulement 7 paras lorsqu'elle est mauvaise. Mais les fermiers ont extorqué la première somme lors même qu'il y avait disette complète de nourriture pour ces animaux, et en comptant les troupeaux, ils donnent aux rayas des certificats analogues à ceux dont j'ai parlé plus haut: lorsqu'un paysan élève 20 porcs, ils lui en attribuent 50, et ainsi de suite.

C'est surtout dans le nord de la Bosnie, dans les deux kaïmakamies de Touzla * et de Banyalouka, voisines de la frontière autrichienne, que l'oppression est la plus violente. Comme c'est la partie la plus riche de la Bosnie, les fermiers les plus cupides s'y sont portés de préférence, sûrs d'y trouver le plus de facilités pour faire fortune. Trois associés, Mouïagha de Novi Pazar, Ali Taliérévitch et l'Albanais Housseïn y acquirent les fermes. Housseïn amena avec lui 120 albanais musulmans qui devaient servir d'exécuteurs à leurs ordres. Les associés firent partager leurs bénéfices aux chefs des districts qu'ils affermèrent et aux medjlis (conseils) de ces localités. Le kaïmakam-pacha de Touzla fut de même acheté par eux, comme le prétend l'opinion générale du peuple et comme le prouve la protection qu'il n'a pas cessé d'accorder à ces gens.

Suivis de leurs albanais et des gardes armés que les autorités mettaient à leur disposition, ces fermiers ne connurent pas de bornes à la spoliation. Ils taxaient les rayas sur le triple de leur revenu réel, et ils ont fini, dans les deux dernières années, par les réduire à une misère complète. Je connais des exemples où une famille de cultivateurs a été forcée de leur payer 100 ducats dans une année, tandis que le maximum de toutes ses redevances légales n'atteignait pas la somme de 30 ducats.

Pour extorquer ces paiements arbitraires à des gens qui n'avaient plus de quoi les satisfaire, les fermiers que je viens de nommer avaient recours à toutes sortes de violences. Je prends au hasard quelques cas arrivés pendant les derniers mois.

Dans le village de Tchenghitchi (nahié de Zvornik), le cultivateur Thaddée Bogossavliévitch n'avait plus de bétail ni rien à vendre pour payer la somme que le fermier Ali Taliérévitch lui avait imposée. Celui-ci entra chez lui et fit creuser sous le foyer de sa cabane pour voir s'il y avait enfoui de l'argent. Comme le paysan s'y opposait, il le fit lier, et un des gens de sa suite, le nommé Yakoun beg, le frappa de coups de bâche dont il mourut le lendemain. La femme du paysan, qui était enceinte, se précipita à son secours. Yakoun beg lui donna un coup de pied dont elle mourut sur le champ, elle et l'enfant qui allait naître. Yakoun beg en fut quitte pour 15 jours d'emprisonnement.

Le fermier Mouïagha de Novi Pazar fit suspendre par les jambes aux solives d'une cabane les trois paysans Théodore Héro, Miyata Desposovitch et Etienne Gaïtch du village de Modrane (nahié de Biéliné); on alluma sous leurs têtes un feu de paille pour les faire étouffer. On croyait les forcer par là de payer la taxe pour un nombre de porcs quadruple de celui qu'ils possédaient autrefois et qu'ils avaient été obligés de vendre pour subvenir

à leurs besoins. Comme ces gens n'avaient décidément rien, le village entier se cotisa pour les faire relâcher.

Un des gens du fermier Housseïn, nommé Moustafa, enchaîna le paysan Simo Vassiliévitch de Lioubnitcha (nahié de Bertchko) en lui attachant au cou le collier de son chien, et il le fit courir ainsi dans la neige à côté de son cheval pour le mener en prison, où il resta jusqu'à ce qu'il paya ce que le fermier exigeait de lui.

Je ne veux point fatiguer votre excellence par une longue liste de ces violences de toute espèce par lesquelles on force les malheureux chrétiens de vendre leur dernière tête de bétail ou leur dernier habit afin de satisfaire l'insatiable cupidité des fermiers. On pourrait citer des milliers de cas où ceux-ci ont fait rouler leurs victimes de coups ou les ont affamées dans des cachots afin d'extorquer d'elles ce qu'ils voulaient. — Les choses sont allées si loin qu'un cultivateur du village de Zamaylia dans la nahie de Biéliné (son nom m'échappe) amena un jour son fils sur le marché de la ville et offrit de le vendre pour s'acquitter envers le fermier d'une somme de 500 piastres. Heureusement, c'est un chrétien charitable, le nommé Sekoula Vézilitch, membre du medjlis de Biéliné, qui l'acheta pour le rendre bientôt au père. Les bosniaques de cette contrée sont arrivés à un tel degré de désespoir, qu'ils considèrent la vente de leurs enfants comme une dernière ressource dont je les ai entendu parler sérieusement et à laquelle ils semblent s'être habitués de penser.

C'est là le nouveau régime octroyé à la Bosnie depuis l'intervention d'Omer pacha en 1851. Il répond singulièrement au hatti-houmayoun du sultan, et surtout aux articles 10 et 15 de cet acte, qui ordonnent l'abolition de la torture et promettent une amélioration dans le système de la perception des impôts.

Ce régime n'a pas manqué de produire une grande fermentation dans tout le nord de la Bosnie *. Les plaintes isolées ne servaient à rien, puisque toutes les autorités locales sont aux gages des fermiers. Au mois d'avril de cette année plus de 8000 hommes, — les anciens de tous les villages, tant orthodoxes que catholiques-romains **, des districts soumis au kaïmakam de Touzla se portèrent vers cette ville pour demander justice. Le kaïmakam envoya des troupes à leur rencontre. Mais comme ils étaient désarmés, il entra en pourparlers. Il permit (à ce qu'il paraît, sur les instances de l'agent autrichien) que quelques uns d'entre eux vinssent lui présenter leur requête, dont j'ai l'honneur de placer ci-près un extrait. Votre excellence y verra que les chrétiens de la Bosnie n'exigent aucun droit nouveau; ils ne songent même pas à la réalisation des promesses du hatti houmayoun; ils ne demandent que la cessation des abus criants dont ils sont les victimes.

A la nouvelle de cette démarche populaire, dont le kaïmakam de Touzla s'pressa de rapporter au vali de Saraiévo comme d'une révolte dirigée contre l'autorité souveraine, ce dernier envoya à Touzla une commission composée de membres musulmans et chrétiens pour prendre connaissance de l'affaire. Cette commission constata la situation insupportable des rayas, et elle revint à Saraiévo accompagnée de quelques députés de la partie plaignante.

Cependant le bruit de cette affaire s'était répandu dans les districts voisins. Les chrétiens de Maglai et de Dervend allèrent rejoindre leurs confrères assemblés près de Touzla. Ceux des environs de Banyalouka voulurent s'y

* La population orthodoxe forme la grande majorité dans ce pays. On ne trouve des catholiques-romains que dans les trois nahies de Touzla, Bertchko et Gradatchatz (ensemble 23 500 âmes). Il n'y en a pas du tout dans celles de Biéliné, Srebrnik, Zvornik, Maglai et Gratchanitz (primev. dok.).

* Autrement dite celle de Zvornik (primev. dok.).

porter aussi. Mais le kaïmakam qui réside dans cette ville se mit à leur poursuite avec une troupe de cavaliers. Il les atteignit près de la Save, sur la frontière autrichienne et, se jetant sur eux, il les contraignit à fuir dans un marais ou à se précipiter dans la rivière. Plusieurs s'y noyèrent ou périrent sous les pieds des chevaux. Le nombre des victimes eût été bien plus grand encore; mais heureusement un officier autrichien traversa la Save et se précipita au devant du Kaïmakam; celui-ci vit un corps de troupes sous les armes déployé de l'autre côté de la rivière, et il fit cesser la poursuite; les rayas durent cependant retourner vers leurs demeures.

Les députés venus de Touzla pour présenter leur requête au vali de Saraiévo n'obtinrent de lui que des réponses évasives. Il leur promit d'écrire à Constantinople pour y faire connaître leur vœu que la redevance aux aghas fût réduite à ce qu'elle avait été avant 1848. Il promit que les trois fermiers qui les avaient ruinés seraient punis et que les employés du gouvernement et les membres des medjlis ne pourraient plus participer aux fermes. Il envoya aux moudirs (chefs d'arrondissement) de la province une instruction sur leur devoir de veiller à ce que les impôts fussent prélevés d'une manière équitable.

Cette instruction resta naturellement une lettre morte; les abus continuèrent; le cruel Taliérévitch et ses compagnons gardèrent leurs fermes.

Les députés des rayas de la province de Touzla revinrent à Saraiévo pour la seconde fois au mois de mai, et ils y sont retournés encore il y a quelques jours. Ils n'ont rien obtenu, si ce n'est que les autorités paraissent avoir jugé prudent d'éloigner Taliérévitch et ses compagnons du théâtre de leurs méfaits. Les rayas les accusaient de pillage et témoignaient de leurs actes de violence et d'extorsion. Cependant ils n'ont pas cessé de jouir de la protection du medjlis et du gouverneur général de Saraiévo. Le bruit court que ce dernier a reçu 40 000 ducats des fermes du nord de la Bosnie.

Quoiqu'il en soit, toutes les démarches des rayas n'ont abouti à rien. Par d'habiles manœuvres, le medjlis de Saraiévo les contraignit à déclarer enfin qu'ils ne réclamaient plus pour eux l'argent que les fermiers leur ont illégalement enlevé et qu'ils en abandonnaient le recouvrement aux autorités au profit du trésor public. Les rayas croyaient que cela allait mettre les autorités de la partie pour punir les coupables; pas du tout. On fabriqua un acte et on les força à le signer: cet acte porte que les rayas, en conséquence de la renonciation dont je viens de parler, se désistent de leur plainte contre Taliérévitch et ses complices.

C'est ainsi qu'on a cru pouvoir étouffer cette sérieuse affaire.

Se voyant dans l'impossibilité d'obtenir justice des autorités de la province, les malheureux chrétiens de Touzla n'ont pas de désir plus vif que d'envoyer une députation à Constantinople, afin qu'elle y fasse connaître au gouvernement l'état réel des choses. Mais le gouverneur général de la Bosnie leur en refuse obstinément la permission, et je doute qu'ils l'obtiennent jamais de lui, à moins que la Porte, comprenant la gravité du mal, n'exprime elle-même la volonté de voir cette députation dans la capitale de l'empire.

En rapportant à votre excellence la marche de cette affaire, j'ose lui exprimer ma conviction intime que le mal exige un prompt remède. Les chrétiens du nord de la Bosnie (et c'est là précisément où la population chrétienne est la plus forte relativement à l'élément musulman) est poussée au désespoir. A quoi ne pourraient-ils pas se décider, ces gens qui se sont vu ravir tous leurs moyens d'existence et qui ont été capables de vendre leurs enfants et de se jeter à la rivière? C'est qu'en effet plus de 160 rayas de la province de Touzla sont disparus dans les derniers mois, et on est certain qu'ils sont allés se noyer dans la Save.

Quoique désarmés par ordre d'Omer pacha, il est hors de doute que les chrétiens de la Bosnie possèdent en cachette une bonne quantité d'armes. Si le système que je viens de caractériser dure encore quelque temps, on peut s'attendre à de graves calamités dans cette malheureuse province. Comme la souffrance est la plus vive dans les districts qui bordent la frontière autrichienne, c'est là surtout que pourront éclater de fatales complications, qui finiraient certainement par amener une intervention plus ou moins directe de l'Autriche.

J'ai cru de mon devoir de porter toutes ces circonstances à la connaissance de votre excellence, afin qu'elle pût, si sa sagesse le juge à propos, éclairer les ministres de la Porte sur les périls qui menacent la tranquillité de la Bosnie, dont la situation réelle leur est sans doute cachée par l'intérêt égoïste des autorités provinciales, et les engager à examiner directement l'état des choses sans la participation de ces autorités.

Sans me mêler de la marche ni du règlement de cette affaire, je me croirai cependant obligé d'exprimer au gouverneur général de Saraiévo mon opinion sur la nécessité qu'elle soit promptement terminée à la satisfaction des rayas, avant qu'elle ne prenne des proportions plus menaçantes et n'amène l'intervention de la puissance voisine.

J'ai l'honneur d'être avec une haute considération, Monsieur l'envoyé, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. Hilferding

Резолюция А. П. Бутенева: Dans d'autre circonstance le rapport devait être communiqué à la Porte avec de salutaires représentations, pour faire redresser ces odieux abus. Maintenant, il faut l'ajouter aux autres matériaux que nous rassemblons sur l'exécution du Hat-Humayun⁴.

Помета: Reçu le 26 juillet.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2321, л. 7—19 об. Автограф.

Перевод

Главное событие, занимающее сегодня умы в Боснии, являлось результатом системы откупа налогов. Я осмеливаюсь рекомендовать его особому вниманию вашего превосходительства. Ибо если это дело не будет быстро улажено таким образом, чтобы положить конец невыносимым страданиям райа, можно ожидать серьезных волнений, которые, бесспорно, вызовут вмешательство Австрии в этой столь близкой к ней провинции.

Христианское население Боснии, занимающееся, в большинстве своем, сельским хозяйством, не имеет собственных земельных участков. Райя обрабатывают поля аги, или мусульманского землевладельца, которого могут, однако, покинуть, чтобы перейти к другому. Но и хозяева имеют право выгнать их. Прежде земледельцы, работавшие на мусульманских землях, отдавали владельцу участка девятую часть урожая зерна. Они оставляли себе все сено с переданных в их пользование лугов и взамен поставляли аге некоторую часть масла, получаемого от своих стад. Кроме того, они были обязаны нести барщину, обрабатывая несколько хозяйских полей или работая в доме хозяина.

Эта барщина, регламентированная, но, в основном, малообременительная, будучи обычно ограниченной праздничными днями, создавала тем не менее много неудобств как для хозяев, так и для крестьян. В 1848 г. губернатор Боснии Тахир-паша отменил ее по просьбе мусульманской знати. Но, с другой стороны, он увеличил в 3 раза плату, взимаемую с сельскохозяйственного продукта крестьян: с девятой части он увеличил ее до третьей¹. Это решение не вызвало сопротивления христиан в окрестностях Сараева, ибо они, в силу своей малочисленности, весьма страдали от барщины; они бесплатно получали от своих хозяев хлины, в которых жили, и это было для них большим преимуществом. Но интересы райа на севере и на западе Боснии (это наиболее важная и наиболее населенная часть провинции) оказались сильно ущемленными новым

порядком. Поскольку численность их была велика, барщина задевала их редко, в то время как они извлекали большие доходы из полей, на которых обосновались с незапамятных времен и которые расширяли, выкорчевывая леса. Живя в домах, построенных за собственный счет и принадлежавших им, они почти ничего не получали взамен выплаты, которая устроилась. Старейшины (кнезы) их деревень, созданные Тахир-пашой для подписания нового соглашения, протестовали. Тахир-паша заставил приговорить к смертной казни четверых из них. С трудом он дал себя уговорить и согласился заменить смертную казнь на 500 ударов палками. Двое кнезов тотчас умерли, двое других выжили и подписали акт. Они еще живы и могут засвидетельствовать, каким образом было получено их согласие. Их товарищи последовали их примеру и подписали.

Однако это новое соглашение еще не казалось столь обременительным для крестьян севера Боснии, поскольку им обещали оставить, как и в прошлом, все, что давал сенокос: важный пункт для местности, где скот составляет большую часть богатства жителей. Но ага претендовали на половину всего собираемого сена. Напрасно крестьяне жаловались властям — те были на стороне собственников-мусульман. И вскоре произвольное вымогательство стало общим правилом. Не оставалось более ни одного поместья, где сохранилось бы прежнее положение. Крестьяне вынуждены были забавляться от большей части скота, умиравшего от голода.

Кроме арендной платы, агам или землевладельцу крестьяне Боснии платили еще и другую повинность, но совершенно иную. Я говорю о десятине, которую получали спахи. Спахи были наследниками старой феодальной знати. Они имели право занимать в свою пользу, но от имени государя, десятую часть урожая рая. С другой стороны, они были обязаны являться по первому зову для ведения военных действий с вооруженными и экипированными людьми, число которых было пропорционально значимости их вотчины. Это право простиралось на все земли Боснии, оно не имело ничего общего с правами собственности, принадлежавшими землевладельцам.

Когда Омер-паша разрушил старую феодальную организацию Боснии², он поспешил упразднить класс спахий, ставший бесполезным в такой регулярной армии, какую хотела иметь Турция. Султан освободил помещиков Боснии от обязанностей появляться в своих лагерях со свитой, но он взял себе десятину, которой вознаграждались эти услуги.

И родилась роковая идея отдавать на откуп право занимать эту десятину.

Невозможно перечислить все гибельные последствия этого решения. Оно разорило все сельскохозяйственное население большой и богатой провинции.

Вначале откупщики не могли еще сами воспользоваться полностью преимуществами, которые могло им дать это дело. Цены, которые они предлагали государству, были умеренными, да и их требования к крестьянам не были чрезмерными. Но вскоре конкуренция возросла, стоимость откупа значительно увеличилась, а угнетение со стороны предпринимателей, стремившихся к прибылям, не имело пределов. Я знаю округа (нахию), где откуп десятины продавался в 1852 г. за 3—4 тысячи дукатов, а в 1857 г. — за 15—20 тысяч.

Рая Боснии с сожалением вспоминают о добрых старых временах барщины и спахий. Конечно, и тогда часто случались убийства и насилие; барщина была зачастую весьма незаконной. Но, по крайней мере, им принадлежал весь сенокос, они могли кормить богатые стада. Спахия, бравший у них десятую часть, был, по крайней мере, их феодальным господином по наследству, он знал их потребности, защищал их своим влиянием и хотел, чтобы их богатство возрастало, поскольку соответственно росло его богатство и богатство его детей. Сегодня спекулянт платит громадную сумму за откуп, который длится один год; на следующий год, вероятно, он должен будет уступить его кому-нибудь, кто заплатит дороже. Какой ему смысл щадить земледельца? Его интересует лишь одно: отнять у последнего все деньги, какие возможно отнять.

Для выполнения этого он не выбирает средств. Он приходит осенью в деревню в сопровождении зашнурованных, вооруженных до зубов. Он спрашивает крестьянина, сколько тот собрал хлеба. Бедняга отвечает, что он собрал, к примеру, 800 ок пшеницы. От-

купщик начинает обвинять его в сокрытии части урожая. Он отказывается мерить зерно, но говорит, что должно быть по меньшей мере 1200 ок и что тот даст ему, следовательно, 120 ок. Крестьянин полагает, что легко отделался. Однако откупщик не берет тут же своей доли, так как зерно еще не подорожало. Он выдает крестьянину сертификат (дефтер), оставляя у себя второй экземпляр. В этом сертификате, написанном на турецком языке, которого крестьянин не понимает, отмечено, что крестьянин должен уплатить десятину не с 1200 ок, а с 2000. Выданный откупщиком сертификат, правильности которого крестьянин проверить не может, является законным документом. Следующей весной, когда зерно стало редким и дорогим, откупщик приезжает за своей долей. И он берет стоимость 200 ок (четверть урожая) наличными деньгами по курсу сезона или заставляет крестьянина доставить эти 200 ок за свой счет на какой-либо отдаленный рынок. После откупщика приходит ага и отбирает у несчастного землевладельца не треть реального урожая, а треть из 1800 ок, которые он должен был бы иметь согласно сертификату откупщика. Если зерна не хватает, крестьянин обязан отдать разницу деньгами. Таким образом, весь урожай земледельца уходит на уплату десятины и третины. Он вынужден продавать скот и залезать в долги, чтобы прокормить себя и семью и чтобы уплатить другие налоги.

То, о чем я сообщаю, не отдельные случаи. Пусть ваше превосходительство благоволит рассмотреть приведенный мною пример как выражение общего правила, не думая, что я преувеличиваю. Данные, которые я имею честь изложить, основаны на единодушном свидетельстве старейшин деревень, пришедших сюда из различных мест Боснии, чтобы подать жалобу генерал-губернатору. Эти данные подтверждены всеми сельскими священниками, с которыми я имел возможность поговорить по этому поводу, а также торговцами-христианами, которые вначале попытались откупать сбор десятины в некоторых дистриктах; однако чрезмерные цены, предлагаемые спекулянтами-мусульманами, и злоупотребления в этой системе заставили их вскоре отступить. Примеры, аналогичные тому, что я привел, сообщал мне даже помещик-мусульманин, судья, которого нельзя обвинить в пристрастии к раю, но которому труднее трудного защищать своих арендаторов от алчности откупщиков. К несчастью, подобные случаи редки; громадное большинство аг действуют заодно с откупщиками в вытискивании из крестьян их последнего пиаstra. Если поля еще не заброшены земледельцами, то по той лишь причине, что раия не находят места, куда уйти. Были попытки найти пристанище в Австрии, но власти этой империи почти всегда отказывают в переходе через границу людям, не имеющим паспорта.

Налог с зерна — это еще не все. Несколько лет назад обложили налогом содержание свиней, очень важную отрасль производства на севере Боснии. Крестьяне должны платить один пиастр и 7 пар за каждую свинью, когда урожай желудей хороший, и только 7 пар, когда он плохой. Но откупщики выкачивали первую сумму даже тогда, когда полностью отсутствовала пища для этих животных, и, считая стада, они выдают раия сертификаты, аналогичные тем, о которых я говорил выше: если крестьянин выращивает 20 свиней, ему приписывается 50 и так далее.

Притеснения наиболее сильны на севере Боснии в обеих каймакамлыках Тузлы* и Баяндуки, находящихся рядом с австрийской границей. Так как это наиболее богатая часть Боснии, самые жадные откупщики устремились в основном туда, уверенные, что найдут там больше возможностей разбогатеть. Три компаньона, Муйага из Нови-Пазара, Али Талиревич и Ариаут Хусейн, приобрели там право на откуп. Хусейн привел с собою 120 албанских мусульман, которые должны были служить исполнителями их приказов. Компаньоны поделили доходы с начальниками дистриктов, в которых они получили право на откуп, и с меджлисами (советами) этих населенных пунктов. По утверждению общего мнения, сложившегося в народе, ими был куплен и каймакам-паша Тузлы; подтверждением тому служит покровительство, которое он беспрестанно оказывал этим людям.

* Иначе говоря, Зворник (примеч. док.).

Сопровождаемые своими албанцами и вооруженной охраной, предоставленной в их распоряжение властями, эти откупщики не знали пределов в грабеже. Они взымали с райя треть с их реального дохода и за последние два года довели их до полной нищеты. Я знаю примеры, когда семья земледельцев была вынуждена платить 100 дукатов в год, тогда как максимум всех законных налогов не достигал и 30 дукатов.

Для вымогательства произвольных выплат у людей, не имевших средств, названные мною откупщики прибегали к всевозможным насилиям. Беру наугад несколько случаев, происшедших в течение последних месяцев.

В деревне Ченгичи (Зворинская нахия) у земледельца Таде Богосавлевича больше не было ни скота, ни чего-либо другого, чтобы продать и собрать сумму, к уплате которой его обязал откупщик Али Талипервич. Откупщик вошел к нему в дом и заставил рыть под очагом его хижины, чтобы проверить, нет ли там денег. Поскольку крестьянин противился этому, откупщик приказал связать его, а некто из свиты, по имени Якуб-бег, избил его поленом, от чего крестьянин умер на следующий день. Беременная жена крестьянина бросилась ему на помощь. Якуб-бег ударил ее ногой так, что она тут же умерла — и она, и ребенок, который должен был родиться. Якуб-бег отделился пятнадцатью днями тюремного заключения.

Откупщик Муйага из Нови-Пазара приказал повесить за ноги к балке лачуги троих крестьян: Теодора Херо, Мийата Деспотовича и Степана Ганча из деревни Модран (Биелинской нахии). Чтобы они задохнулись, под их головами подожгли солому. Думали, что так заставят их уплатить налог за количество свиней, превышавшее в 4 раза то, которое у них было прежде и которое они были вынуждены продать. Так как эти люди действительно ничего не имели, вся деревня собирала деньги, чтобы их освободили.

Некто Мустафа, один из людей откупщика Хусейна, посадил на цепь крестьянина Симо Васильевича из Любича (нахия Брчко), надел ему на шею ошейник его собаки. Он заставил крестьянина бегать на привязи по снегу рядом со своей лошастью до тюрьмы, где тот оставался до тех пор, пока не уплатил сумму, требуемую откупщиком.

Я не хочу утомлять ваше превосходительство длинным списком всевозможных насилий, которыми вынуждают несчастных христиан продавать последнюю скотину или последнюю одежду, чтобы удовлетворить неутолимую алчность откупщиков. Можно было бы назвать тысячи случаев, когда откупщики нещадно избивали несчастных или морили их голодом в тюрьме, чтобы выкачать из них то, что они хотели. Это зашло так далеко, что один земледelec из деревни Замалина в Биелинской нахии (фамилии его не помню) отвел своего сына на городской базар и предложил продать его, чтобы уплатить откупщику 500 пиастров. К счастью, милосердный христианин по имени Секула Везилич, член биелинского меджлиса, купил его, чтобы вскоре вернуть отцу. Боснийцы этой местности дошли до такого отчаяния, что считают продажу своих детей последней надеждой. Я слышал, как серьезно они об этом говорили, и, кажется, они привыкли к этой мысли.

Вот он, новый режим, дарованный Боснии после интервенции Омер-пашы в 1851 году. Вот как своеобразно отвечает он хатт-и хумаюну султана, особенно статьям 10 и 15 этого акта, предписывающим отмену пыток и обещающим улучшение в системе сбора налогов.

Само собою разумеется, этот режим вызвал большое брожение на всем севере Боснии^{2*}. Отдельные жалобы не давали результата, так как все местные власти подкуплены откупщиками. В апреле этого года более 8000 человек, старейшины всех деревень, как православных, так и католиков римского толка^{2*}, из районов, подчиненных каймакаму Тузлы, пришли в этот город, чтобы попросить справедливости. Каймакам выслал войска им навстречу. Но так как они были безоружны, он вступил в переговоры. Он разрешил (кажется, по настоятельной просьбе австрийского агента) неко-

^{2*} В этой стране православное население составляет большинство. Католики римского толка встречаются только в 3-х нахиях: Тузле, Брчко и Градацке (всего 23500 душ). Их совсем нет в Биелинской, Сребринской, Зворинской, Маглайской и Грачаницкой нахиях (примеч. док.).

торым из них представить ему их жалобу, отрывок из которой я имею честь приложить к сему. Ваше превосходительство увидит из него, что христиане Боснии не требуют никакого нового права, они даже и не мечтают о выполнении обещаний хатт-и хумаюна; они просят только положить конец вопиющим злоупотреблениям, жертвами которых они являются.

Сараевский вали, получив сообщение об этом народном выступлении, о котором каймакам Тузлы поспешил уведомить его, как о восстании против суверенной власти, направил в Тузлу комиссию, составленную из мусульман и христиан, для ознакомления с делом. Эта комиссия констатировала невыносимое положение райя и вернулась в Сараево в сопровождении нескольких представителей жаловавшейся стороны.

Тем временем слух об этом деле распространился по соседним округам. Христиане Маглая и Дервента присоединились к своим собратьям, собравшимся возле Тузлы. Хотели направиться туда и христиане из окрестностей Банялукы. Но каймакам, находящийся в этом городе, погнался за ними с отрядом кавалерии. Он настиг их около Савы на австрийской границе и, бросившись на них, заставил бегать в болото или спасаться в реке. Многие утонули или погибли под копытами лошадей. Число жертв могло бы быть еще большим, но, к счастью, австрийский офицер пересек Саву и устремился навстречу каймакаму. Последний, увидев вооруженные войска на другом берегу реки, приказал прекратить преследование. Райя, однако, вынуждены были вернуться домой.

Депутаты, пришедшие из Тузлы, чтобы представить свою жалобу сараевскому вали, не добились от него ничего, кроме уклончивых ответов. Он пообещал им написать в Константинополь и сообщить об их желании, чтобы налог в пользу аг был доведен до уровня, предшествовавшего 1848 году. Он обещал, что три откупщика, разорившие их, будут наказаны и что государственные служащие и члены меджлиса не смогут более участвовать в откупе. Он направил мудирам (начальникам округов) провинции инструкцию об их обязанности следить за справедливым взиманием налогов.

Конечно, эта инструкция осталась невыполненной: злоупотребления продолжались, жестокий Талипервич и его компаньоны сохранили свое право на откуп.

Депутаты райя Тузланской области во второй раз пришли в Сараево в мае месяце и побывали там спустя еще несколько дней. Они ничего не добились, если не считать того, что власти, кажется, посчитали благоразумным удалить Талипервича и его компаньонов из района их злодеяний. Райя обвиняли их в грабежах и свидетельствовали об актах насилия и вымогательства. Но они не утратили покровительства меджлиса и сараевского генерал-губернатора. По слухам, последний получил 40 000 дукатов от откупщиков северной Боснии.

Как бы там ни было, все хлопоты райя ни к чему не привели. Сараевский меджлис ловкими маневрами вынудил их заявить, что они не требуют возврата денег, полученных откупщиками незаконно, и передают властям право на их взыскание в пользу государственной казны. Райя полагали, что этим они привлекут власти на свою сторону, чтобы наказать виновных. Не тут-то было. Был сфабрикован акт, и их заставили его подписать. Этот акт свидетельствует, что райя вслед за отказом, о котором я говорил, отказываются и от жалобы на Талипервича и его сообщников.

Таким образом думали замаять это серьезное дело.

Появившись невозможность добиться справедливости от властей провинции, несчастные христиане Тузлы очень хотят послать депутацию в Константинополь, чтобы она сообщила правительству об истинном положении вещей. Но генерал-губернатор Боснии упорно отказывает им в разрешении на это, и я сомневаюсь, что они когда-нибудь получат от него такое разрешение, если только Порты, понимая серьезность дела, сама не выразит желания принять депутацию в столице империи.

Сообщая вашему превосходительству о развитии этого дела, я осмеливаюсь выразить мое личное убеждение в том, что зло требует незамедлительных мер пресечения. Христиане севера Боснии (именно там христианское население преобладает над мусульманским) доведены до отчаяния. На что только не могут решиться эти люди, у которых отняли все средства к существованию и которые были способны продавать

своих детей и бросаться в реку? Действительно, за последние месяцы исчезло более 160 райя на провинции Тузла, и существует уверенность, что они утопились в Саве.

Вне всяких сомнений, христиане Боснии, хотя и обезоруженные по приказу Омержаша, имеют в тайниках значительное число оружия. Если система, которую я описал, будет действовать еще некоторое время, можно ожидать больших бедствий в этой несчастливой провинции. Поскольку страдания наиболее сильны в округах, прилегающих к австрийской границе, именно там могут возникнуть роковые осложнения, которые наверняка приведут к более или менее прямому вмешательству Австрии.

Я посчитал своим долгом довести эти обстоятельства до сведения вашего превосходительства с тем, чтобы вы могли, если посчитаете уместным, осведомить министров Порты об опасностях, угрожающих спокойствию Боснии, положение в которой скрывается от них из-за эгоистических интересов провинциальных властей, и побудить их рассмотреть вопрос непосредственно, без участия этих властей.

Не вмешиваясь ни в развитие этого дела, ни в его урегулирование, я, тем не менее, считаю себя обязанным высказать сараевскому генерал-губернатору мое мнение о необходимости быстрого завершения дела к удовлетворению райя, пока оно не приняло более угрожающих размеров и не вызвало вмешательства соседней державы.

Честь имею быть с высочайшим почтением, господни посланник, вашего превосходительства нижайшим и покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

Резолюция: При других обстоятельствах донесение следовало довести до сведения Порты вместе со спасительными представлениями, дабы заставить поскорее эти гнусные злоупотребления. Теперь же следует присовокупить его к остальным материалам, касающимся выполнения хатт-и хумаюна, которые мы собираем¹.

Помета: Получено 26 июля.

¹ См. примеч. 1 к док. 10.

² См. примеч. 2 к док. 2.

³ А. Ф. Гильфердинг описывает начальную стадию антифеодального крестьянского движения в Боснии, которое можно назвать петиционной борьбой. Это были мирные формы борьбы против усиления феодальной эксплуатации подробнее см.: *Попович В. Аграрно питање...*, с. 154—195; а также док. 10).

⁴ Имеется в виду изменение положения России на международной арене после Крымской войны. Парижский конгресс был использован западноевропейскими державами для ослабления ее влияния на Балканах: христианские народы Османской империи подпадали под коллективный протекторат всех великих держав. В резолюции документа нашли отражение новые задачи внешней политики России на Балканах — следить и настаивать на выполнении хатт-и хумаюна 1856 г., собирать материалы для аргументированного выступления по этому вопросу перед европейскими кабинетами. См. также примеч. 2 и 3 к док. 8.

19

Донесение австрийского вице-консула в Мостаре И. Дубравича австрийскому послу в Константинополе И. Прокешу фон Остену о налоговой системе и тяжелом положении христианского населения Герцеговины

Не позднее 8 июля 1857 г.*

Excellence!

Аrrivé à une époque où les réglemens bienfaisants émanés successivement par le gouvernement ottoman à l'égard de ses sujets Chrétiens devaient avoir leur application du moins partielle, si non entière¹, je me trouve appelé

* Датируется по соседним документам дела.

par mon devoir de soumettre à votre excellence dans la suivante très humble exposition quelques détails sur leur condition dans cette province.

Ce devoir me semble d'autant plus rigoureux que la Sublime Porte, prenant en considération nos rapports de voisinage, avait mainte fois, et bien avant le Traité de Paris, promis à notre auguste gouvernement un traitement plus humain envers ses sujets chrétiens.

Je dois d'abord signaler que quoique les registres de recensement soient bien loin d'être exacts puisqu'on n'y inscrit que les personnes qui contribuent aux charges publiques, la population de l'Herzégovine peut être par approximation évaluée à 200.000 âmes. Sur ce chiffre les deux tiers professent la religion chrétienne.

Les musulmans depuis un temps bien reculé et remontant jusqu'à l'époque de la conquête de ces pays étaient les seuls maîtres des propriétés foncières²; ils le sont encore aujourd'hui pour les neuf dixièmes pour terrains propres à la culture. Comme la propriété foncière et l'éducation des bestiaux forment toute la richesse d'un pays où toute espèce d'industrie manufacturière est inconnue, les musulmans ont entre leurs mains cette richesse, le commerce et l'exercice de quelques métiers ne devant être considérés que comme une ressource fort secondaire pour les habitants. Il s'en suit, que la plupart des chrétiens se trouvent obligés pour pouvoir à leur existence de s'occuper presque exclusivement du métier de laboureur, qui ici comme ailleurs est dédaigné par la race osmanlique.

Mais de tout temps les chrétiens colons se sont plaints des vexations dont ils étaient l'objet de la part de leurs maîtres, de tout temps ceux-ci ont cherché à retirer de leur travail le plus grand profit possible et de ne laisser au colon que ce qui lui suffit pour une misérable existence. Ce système, qui doit...³ et de suivre le progrès de l'industrie agricole et l'exemple qui lui était toujours donné par ses voisins de la Dalmatie, s'est borné au moindre travail possible: il ne demande à la terre qu'un peu de pain. De là vient que de grands traits de belles terres se voyent incultes partout où le voyageur s'arrête.

Les plaintes qui parvenaient de toutes parts aux pieds du Trône ont provoqué d'abord le hattischérif de Gulhané, et plus tard le tansimat qui a été promulgué, si je suis bien informé, en 1844⁴.

Je tâcherai d'examiner si, et en quelle mesure les dispositions du tanzimat ont été exécutées dans cette province.

Ainsi que j'ai eu l'honneur d'exposer plus haut, la grande majorité des chrétiens ne s'occupe que du travail de la terre en tire, le tiers ou le quart du produit selon la qualité plus ou moins bonne du sol. Ils s'obligent en outre à de redevances annuelles à titre de cadeaux qui se payent en certain nombre d'agneaux, en beurre, en poules, en fromage etc. A cette dernière obligation, sanctionnée par un ancien usage oppressif, le réglemant qui a été publié ici en 1853⁴, contenant diverses dispositions sur les rapports entre les colons et leurs maîtres, n'a pas touché à ce que l'on assure.

Lorsque le temps du partage est arrivé, le propriétaire ne retire pas sa part en nature, mais il se réserve de la retirer en argent comptant lorsque le prix de l'article aura atteint son point culminant. Outre cela le colon est obligé avec tous les membres de sa famille à des services personnels et gratuits envers le propriétaire de la terre. Aussi doit-il lorsque les travaux des champs lui accordent quelques jours de repit aller cultiver des terres qui ne retombent point sous les stipulations de son contrat; offrir des présents en légumes, viande et fruits lorsque le propriétaire va visiter ses terres, faire transporter ses effets et les personnes de sa famille par ses chevaux ou mulets. Mais ce

²* Texte supprimé.

qui reind mons tolérable encore la position du colon, c'est que lorsque il est parvenu après plusieurs années de sacrifices de rendre plus lucrative la tenue en rendant plus fertile la terre et en augmentant le nombre des bestiaux, d'y bâtir pour son logement une maison moins chétive et cela au point d'exciter la convoitise d'un autre colon, le maître ne se fait aucun scrupule, malgré le contrat d'exiger de plus fortes redevances, et de la chasser de ses terres s'il les refusa. A tous ces cas, et principalement à ce dernier, les dispositions du tanzimat ont suffisamment pourvu, mais elles sont tombées en désuétude après un commencement d'exécution.

Après avoir dessiné la position des chrétiens comme colons, je parlerai de leurs rapports avec les receveurs des dîmes. L'avidité des ceux-ci est généralement connue, et le gouvernement dans sa sollicitude a émané une loi qui laisse peu à désirer à cet égard⁵. Cette loi par les soins du pacha a été l'année dernière traduite dans la langue du pays et promulguée dans toute la province. Mais à l'instar de celle émanée sur les rapports des colons elle n'apas encore déraciné les abus qui s'y commettent. Le prix des dîmes s'étant depuis quelques années considérablement élevé pour subvenir aux besoins toujours croissants du trésor impérial, les autorités se croient en devoir de venir en toute occasion en aide aux receveurs des dîmes pour leur faciliter les moyens d'opérer le versement de cet impôt dans la caisse publique aux termes fixés à l'époque de l'adjudication. C'est à cette cause, plutôt qu'à toute autre, qu'il faut attribuer la continuation des abus. Le receveur des dîmes aujourd'hui comme autrefois, ne se présente pas dans les villages au moment de la récolte pour y recevoir sa quote-part, aujourd'hui comme autrefois se croit permise une évaluation arbitraire des produits. Il exige, si cela lui convient, la dîme en argent, et non en nature, perçoit le même impôt sur les légumes et fruits destinés à l'usage de famille, finalement il se croit permis de faire peser sur les villageois les frais de sa nourriture et de celle des ses chevaux pendant le temps qu'il s'entretient dans les villages.

Deux autres impôts directs pèsent lourdement sur les chrétiens: ce sont le vergui et l'askerié. Le vergui est levé sur la substance présumée de chaque individu; les musulmans doivent par conséquent y fournir leur part, et la répartition devrait avoir lieu sur les bases de la plus stricte équité. La répartition a eu effectivement lieu il y a quelques années après de longues et tûres délibérations par-devant le pacha, les membres du conseil ou medjlis, et les délégués des communautés chrétiennes, catholique et grecque. Un rapport analogue revêtu des signatures aussi des dits délégués a été transmis à Constantinople où l'on n'élève probablement aucun doute sur le concours spontané de toutes les parties intéressées. Mais personne n'ignore le rôle qui est assigné dans la plupart des medjlis ottomans aux représentants des intérêts chrétiens. Ce rôle consiste, sous peine de s'attirer le courroux des autorités, à tout approuver et à mettre leur signature au bas des masbatas ou protocoles qui leur sont présentés. Voilà pourquoi la distribution la plus inique a présidé à la répartition du vergui, et pour obtenir un résultat favorable aux Turcs, on n'a guère pris en considération la rente présumée de chaque individu, mais iniquement le nombre des familles de chaque religion. Or si l'on considère, ainsi qu'il a été rappelé plus haut, que les grands propriétaires sont exclusivement des Turcs, l'injustice faite aux chrétiens devient patente.

Quant au nouvel impôt dit askerié qui est venu remplacer le droit de capitation ou haratsch, il est payé par les seuls chrétiens comme dans tout l'empire. Le trésor impérial perçoit à ce titre de l'Herzégovine la somme de 1,765.000 piastres. Bienque cette somme s'élève au double de ce qui était précédemment payé à titre de haratsch, les chrétiens n'en feraient pas le sujet des plaintes sérieuses, puisque l'impôt émane directement du gouverne-

ment, s'ils avaient reçu d'autre coté un soulagement quelconque et si une plus grande parification aux musulmans leurs concitoyens, leur avait été accordée.

Parmi les impôts indirects il y a un qui soulève continuellement les plaintes des rayas, c'est celui dit. . . * qui est levé sur les tabacs, raisins et quelques autres produits de la terre. Les tabacs de cette province jouissent d'une certaine réputation quoique la récolte et l'exportation en soient assez limitées. Jusqu'ici on payait en outre de la dîme une autre redevance de demie piastre par ocque sur les tabacs de qualité inférieure, et une piastre pour les qualités supérieures. Le. . . * vient de porter au triple cette redevance. Les produits sont au surplus soumis à un autre droit dit. . . * qui est perçu à raison de la piastres par cent ocques à chaque partage d'un district à l'autre de la province, et si on les envoie dans d'autres provinces de l'empire, les préposées de douanes exigent un surcroît de paiement de 12 % sur la valeur.

Je me hâte de mettre fin à ces désagréables détails par l'exposition d'un autre acte de vexation qui est exercé contre les gens de la campagne. Je veux parler de la fourniture de certains articles comme beurre, suif, fromage, charbon de bois, bois à bruler, etc. destinés à la garnison militaire de Mostar. Ces articles sont livrés par les villageois des alentours de cette ville, la plupart catholiques, à un prix infiniment inférieur au prix de la place, et qui est fixé chaque année d'avance par l'Autorité, qui pense ainsi rendre un service à l'Etat. Au surplus les dits articles sont transportés en ville par les chevaux de ces mêmes villageois qui reçoivent à titre de frais de transport 45 parats par heure de voyage, et qui le plus souvent perdent plusieurs jours ici en attendant la liquidation de leurs comptes. Et comme si ce n'était pas assez de sacrifices, ils reçoivent au lieu de l'argent une assignation rédigée en turc sur la Caisse publique à longue échéance, d'une réalisation souvent problématique.

Pour ce qui est des chrétiens demeurants dans les villes, telles que Mostar, Focchia et Trebigne (le seules auxquelles on peut donner ce nom), on ne peut nier que leur position ne soit beaucoup plus tolérable qu'elle n'était il y a une dizaine d'années. Ils n'osaient alors monter à cheval dans les villes, parer leurs maisons et leurs personnes, se livrer à aucun plaisir ou délassement ni chez eux, ni en public. Chaque Turc se croyait autorisé à les frapper ou à les insulter. Au même traitement étaient exposés les prêtres qui n'osaient circuler dans les rues autrement vêtus qu'en grossiers et humbles habillements de raya. Ils se plaisent à reconnaître que cette différence de traitement date depuis l'institution du vice consulat impérial & Roy[al], dans cette ville⁶.

Cependant, entre cette position et celle que leur assure le Tanzimat il y a une distance énorme. Aussi aucun d'eux ne croit qu'il sera bientôt garanti dans sa vie, son honneur ou sa fortune. Et en effet les habitants des villes doivent aussi bien que les gens de la campagne se soumettre à l'inique répartition du vergui, aux prétentions exagérées des douaniers, et on les voit trembler pour leur fortune et leur réputation si un hazard quelconque les fait dépendre de la décision des tribunaux du pays. Car, comme j'ai eu l'honneur dans d'autres précédents rapports de représenter à v[otre] e[xc]el[lence] le besoin d'une administration judiciaire conforme aux temps qui courent se fait plus que jamais sentir dans ce pays. Tout le monde est même persuadé qu'au défaut d'une pareille administration doivent être attribuées toutes les vexations dont les chrétiens sont victimes. Les nombreux règlements qui arrivent de Constantinople resteront toujours sans effet et à l'état de simples promesses, si leur exécution n'est pas assurée par une administra-

^{3*} Текст утрачен.

tion de justice active et intelligente. A tout ce qui le... * prescrit la loi religieuse (cheriat) s'oppose, et c'est le cheriat qui est pris pour règle dans toutes les décisions. Orce code n'admet que la seule preuve des témoins, et rejette tout témoignage des chrétiens. La même procédure étant observée pour les affaires en matière civile et pénale et d'un autre côté étant à la connaissance de tout le monde la facilité avec laquelle on peut se procurer la faveur des juges et la présence des témoins, on ne peut que partager les appréhensions des honnêtes gens lorsqu'ils se trouvent forcés de recourir dans leurs affaires à de pareils tribunaux.

On ne doit pas passer sous silence le bon effet qu'a produit sur ces habitants l'ordre émis depuis quelques années par le gouvernement ottoman de lui soumettre tous les procès criminels⁷. Mais si on ne voit pas, comme jadis, tant d'innocents marcher à une mort ignominieuse, on ne voit pas non plus les véritables coupables frappés par la main de la justice.

Il est manifeste par ce qui précède, que les intentions de s[a] m[a]jeste le sultan sont bien loin d'être ici suivies. Au reste les dispositions du tanzimat remontent un autre sérieux obstacle dans le manque d'employés aux différentes branches du service, et dans le mauvais choix de la plupart des fonctionnaires publics. Cela dépend de la facilité avec laquelle on obtient des places hors de la capitale et surtout dans les pays éloignés de la capitale. Le système de confier aux medjlis des provinces, toutes les questions en ligne politique, comme en ligne judiciaire est cause qu'aucune n'est sérieusement discutée ni portée à maturité. D'un autre côté le medjlis de Mostar est composé d'un kadi et de cinq à six Turcs du pays dépourvus de toute instruction et ennemis de toute innovation, de tout progrès, et cependant c'est à de telles personnes que les intérêts de 16 district sont confiés. Et si parfois un pacha se trouve animé de meilleures dispositions, comment peut-il répondre à l'attente générale se trouvant entouré de pareils conseillers et n'ayant pour toute aide que deux simples écrivains?

Je prie v[otre] e[xc]cellence d'agréer etc.
(signé) Dubravcich

HHStA, Wien, PA GK, K. 120, Fol. 24—36. Копия.

Перевод

Ваше высокопревосходительство!

Поскольку я прибыл в период, когда благотворные указы османского правительства, последовавшие один за другим и непосредственно касавшиеся его подданных-христиан, должны были бы быть если не полностью, то, по крайней мере, частично проведенными в жизнь¹, мой долг повелевает мне в настоящем нижайшем изложении представить вашему высокопревосходительству некоторые подробности касательно положения христиан провинции.

Эта задача представляется мне тем более тяжелой, что Высокая Порта, принимая во внимание наши соседские отношения, многократно и задолго до подписания Парижского договора обещала нашему августейшему правительству проявлять более человеческое отношение к своим подданным-христианам.

Прежде всего я должен отметить, что, хотя реестры переписи населения далеко не точны, ибо в них внесены лишь те, кто платит общественные налоги, численность населения Герцеговины может быть приблизительно оценена в 200 000 душ. Две трети из них исповедуют христианскую религию.

* Текст утрачен.

С очень древних времен, восходящих к эпохе завоевания этих земель, мусульмане были единственными хозяевами земельной собственности²; они и сегодня еще владеют девятыми землями, пригодной для обработки. Поскольку земледелие и скотоводство составляют все богатство края, где совершенно отсутствует какое бы то ни было фабричное производство, все это богатство сосредоточено в руках мусульман, ибо торговлю и занятия кое-какими ремеслами следует рассматривать исключительно как второстепенный источник жизнеобеспечения населения. Из этого следует, что большинство христиан вынуждены для обеспечения своего существования заниматься почти исключительно земледелием, которым здесь, как и в других местах пренебрегает раса османов.

Однако христиане-арендаторы всегда жаловались на притеснения со стороны своих хозяев; их хозяева всегда старались извлечь из их труда возможно большую выгоду и оставить арендатору лишь столько, чтобы ему хватило на поддержание его нищеского существования. Эта политика, которая должна... * и заниматься развитием сельскохозяйственного производства и следовать постоянному примеру своих соседей из Далмации, ограничился минимумом возможной работы: он просит у земли лишь немного хлеба. В этом причина того, что, где бы ни остановился путешественник, повсюду он встречает большие невозделанные участки прекрасной земли.

Жалобы, со всех сторон ложившиеся к подножию трона, вызвали вначале появление Гюльханейского хатт-и шерифа, а позднее — танизмата, провозглашенного, если я не ошибаюсь, в 1844 году³.

Я постараюсь проанализировать, были ли исполнены положения танизмата в этой провинции и в какой мере.

Как я имел честь изложить выше, подавляющее большинство христиан занимается только обработкой арендованной земли, отдавая за это третью или четвертую часть урожая, в зависимости от более или менее высокого качества почвы. Кроме того, они обязуются ежегодно платить оброк под видом подарка некоторым числом ягнят, маслом, курами, сыром и т. п. Свод положений, обнародованный здесь в 1853 г. и содержащий различные постановления, регламентирующие взаимоотношения между арендаторами и их хозяевами⁴, как уверяют, не коснулся этой повинности, осязаемой прежним обычаям угнетения.

Когда наступает время дележа, землевладелец не берет причитающуюся ему часть натурой, а оставляет за собой право получить ее деньгами, ожидая, когда цена на товар достигнет высшего предела. Кроме того, арендатор вместе со всеми членами своей семьи обязан оказывать личные и бесплатные услуги землевладельцу. Поэтому, когда в его полевых работах наступают несколько дней передышки, он должен возделывать землю, никоим образом не оговоренные положениями его договора; подносить подарки в виде овощей, мяса и фруктов, когда землевладелец посещает его земли; перевозить его пожитки и членов его семьи на своих лошадях или мулах. Но положение арендатора становится еще более тяжелым из-за того, что, когда в результате многолетних жертв ему удастся повысить прибыльность своего хозяйства, сделав землю более плодородной и добившись увеличения поголовья скота, построить для жилья дом лучше, вызывая тем самым зависть другого арендатора, хозяин может без всякого зазрения совести назначить, вопреки договору, более высокую арендную плату и прогнать арендатора с земли, если тот отказывается ее выплачивать. Положениями танизмата в достаточной мере предусмотрены все эти случаи, особенно последний; однако эти положения не выполнялись с самого начала его применения.

Обрисовав положение христиан-арендаторов, я расскажу об их отношениях со сборщиками десятины. Алчность последних общезвестна, и правительство заботливо издало почти безукоризненный закон на сей предмет. Заботами наши в прошлом году этот закон был переведен на язык населения этого края и обнародован по всей провинции. Но по примеру закона, регламентирующего отношения арендаторов, этот закон еще не привел к искоренению допускаемых там злоупотреблений⁵. Поскольку в те-

* Текст утрачен.

ние нескольких лет цена десятины значительно возросла, власти, чтобы покрыть постоянно возрастающие нужды имперской казны, считают своим долгом во всех случаях приходить на помощь сборщикам десятины, дабы облегчить им внесение этого налога в государственную кассу в установленные в период распродажи с торгов сроки. Именно эта причина скорее, чем какая-либо другая, лежит в основе продолжения злоупотреблений. Ныне, как и в прежние времена, сборщик десятины не является в деревни в период сбора урожая, чтобы получить соответствующую его часть; ныне, как и прежде, считается дозволенной произвольная оценка продуктов. Сборщик, если это ему удобно, требует выплаты десятины деньгами, а не натурой, взымает этот же налог с овощей и фруктов, предназначенных для пропитания семьи; в конце концов, он считает дозволенным возлагать на жителей деревень расходы по его пропитанию и по корму его лошадей за тот период, что он ездит по деревням.

И еще два прямых налога тяжким бременем ложатся на плечи христиан: это верги и аскерие. Верги взымается с количества пищи, предположительно необходимого для пропитания каждого индивида; следовательно, мусульмане должны вносить свою долю, и распределение должно бы производиться на основах строжайшей справедливости. Действительно, распределение состоялось несколько лет назад после долгих и зрелых обсуждений в присутствии наших членов совета, или меджлиса, и представителями христианских общин — католической и греческой. Аналогичное донесение, скрепленное также и подписями упомянутых представителей, было передано в Константинополь, где, по всей вероятности, не возникло никаких сомнений относительно непосредственного участия в его составлении всех заинтересованных сторон. Однако всякому хорошо известно, какая роль отведена в большинстве османских меджлисов представителям интересов христиан. Эта роль заключается в том, что они под угрозой навлечь на себя гнев властей должны все одобрять и ставить свою подпись под масбата или протоколами, которые им представляют. Вот почему распределение верги было сделано самым несправедливым образом; для достижения выгодных туркам результатов вовсе не были учтены предполагаемые размеры ежегодного дохода на каждого индивида, а было учтено только количество семей, исповедующих ту или иную религию. А ведь если принять во внимание, как о том упоминалось выше, что крупными землевладельцами являются исключительно турки, несправедливость по отношению к христианам становится очевидной.

Что касается нового налога, аскерие, которым заменяя подушная подать, или харач, его, как и во всей империи, платят только христиане. Имперская казна получает этот налог с Герцеговины в сумме 1 765 000 пиастров. Хотя эта сумма вдвое превышает ту, которую до того достигал харач, этот налог не стал бы предметом серьезных жалоб христиан, поскольку они примирились бы с налогом, инициатива которого исходит непосредственно от правительства, если бы получили какое-нибудь облегчение с другой стороны и если бы их в большей степени уравнили с мусульманами, их соотечественниками.

Среди косвенных налогов есть один, постоянно вызывающий жалобы христиан, это . . . *, назначаемый на табак, виноград и некоторые другие продукты земледелия. Табак, выращиваемый в этой провинции, имеет хорошую репутацию, хотя здешний его урожай и экспорт достаточно ограничены. До сих пор здесь выплачивали, помимо десятины, другой налог, составляющий 1/2 пиастра за оку табака низшего качества и 1 пиастр за высококачественный табак. . . * увеличил размер этого налога вдвое. Кроме того, продукты земледелия подлежат обложению еще одним налогом, . . . *, который взымается из расчета [сколько-то] пиастров за 100 ок при перевозе его через границы округов, входящих в состав провинции; если же их отправляют в другие провинции империи, таможенные надсмотрщики требуют увеличения платы до 12 % от стоимости товаров.

Я спешу покончить с этими неприятными подробностями описанием еще одного акта притеснения, осуществляемого в отношении жителей сельских местностей. Я хочу

* Текст утрачен.

сказать о поставках некоторых товаров, таких как масло, сало, сыр, древесный уголь, дрова и др., предназначенных для мостарского военного гарнизона. Эти товары поставляются сельскими жителями из окрестностей этого города, преимущественно католиками, по цене, бесспорно более низкой по сравнению с ценой на местах и ежегодно устанавливаемой заранее властями, которые рассчитывают оказать таким образом услугу государству. В довершение прочего эти товары доставляются в город на лошадях тех же самых селян, которые получают в возмещение расходов по доставке 45 пара за час пребывания в пути и чаще всего теряют здесь несколько дней в ожидании расчета. И, словно и так недостаточно жертв с их стороны, они получают вместо денег долгосрочное платежное поручение на турецком языке в государственную кассу, реализация которого зачастую сомнительна.

Что касается христиан, проживающих в городах, таких, как Мостар, Фоча и Требины (только их и можно назвать городами), нельзя отрицать, что их положение стало значительно более терпимым, чем десяток лет назад. Тогда они не осмеливались сесть на коня в городе, украшать свои дома, наряжаться, не позволяли себе никаких удовольствий и развлечений ни у себя дома, ни публичных. Всякий турок считал себя вправе ударить или оскорбить любого христианина. Таким же было отношение и к священникам, которые не осмеливались показываться на улице иначе как в бедном и грубом платье раи. Они с удовольствием признают, что перемена в отношении к ним наступила с момента учреждения императорского и королевского вице-консульства в этом городе ⁶.

Однако между этим их положением и положением, которое гарантирует им танзимат, существует огромная разница. Поэтому ни один из них не верит в получение в скором будущем гарантий безопасности их жизни, чести и состояния. И в самом деле, горожане, как и сельские жители, должны покоряться странному распределению верги, преувеличенным требованиям таможенников; они дрожат за свое состояние и репутацию, если в результате какой-либо случайности оказываются в вынужденной зависимости от решения судов провинции, ибо, как я уже имел честь сообщить вашему высокопревосходительству в предыдущих донесениях, необходимость в судебной администрации, соответствующей настоящему времени, ощущается в этой провинции остро как никогда. Бытует даже всеобщее убеждение, что именно с отсутствием подобной администрации следует связывать все притеснения, жертвами которых являются христиане. Многочисленные постановления, поступающие из Константинополя, будут по-прежнему оставаться обычными обещаниями без реальных последствий, если их выполнение не будет обеспечено деятельной и умелой судебной администрацией. Религиозный закон (шариат) восстает против всего, что предписывается . . . *, а в принятии любых решений руководствуются именно шариатом. Но ведь этот кодекс допускает только доказательства свидетелей и отвергает любое свидетельство христиан. Поскольку одна и та же процедура соблюдается и в гражданских, и в уголовных процессах, и поскольку, с другой стороны, всем известно, с какой легкостью можно обещать себе благосклонность судей и наличие свидетелей, не остается ничего иного, как разделить опасения честных людей, вынужденных обращаться в своих делах в подобные суды.

Нельзя обойти молчанием благоприятное впечатление, которое произвел на здешнее население изданный несколько лет назад османским правительством указ передавать ему на рассмотрение все уголовные процессы ⁷. Однако если, в отличие от прежних времен, мы не видим более столь значительного числа невиновных, обреченных на позорную смерть, не видим мы и истинных преступников, наказанных рукою правосудия.

Из сказанного выше становится ясно: замыслы султана весьма далеки здесь от их осуществления. К тому же, положением танзимата противостоит и другое серьезное препятствие, заключающееся в недостатке служащих в различных отраслях системы управления и преимущественно в плохом подборе государственных служащих. Это

* Текст утрачен.

объясняется легкостью, с какой можно получить место вне столицы и особенно в областях, удаленных от нее. Передача в ведение провинциальных меджлисов всех вопросов, связанных с политикой и правосудием, является причиной того, что ни один из этих вопросов не подвергается серьезному обсуждению и не доводится до обдуманного завершения. С другой стороны, мостарский меджлис состоит из кади и пяти или шести местных турок, людей совершенно необразованных и противников любого нововведения, любого прогресса; тем не менее таким вот людям доверены интересы 16 округов. И если иногда и появляется какой-нибудь паша, одушевленный самыми благими намерениями, как может он ответить всеобщим ожиданиям, будучи окружен подобного рода советниками и имея в качестве помощников на все случаи всего лишь двух простых писцов?

Прошу в[аше] в[ысокопревосходительство] принять и пр.

(подписано) Дубравич

¹ Имеются в виду постановления и указы Порты в рамках провозглашенных хатт-и хумаяном 1856 г. преобразований в империи (см. примеч. 3 к док. 6).

² Герцеговина была завоевана турками в 1482 г.

³ Танзимат — эпоха реформ в Османской империи 40—70-х годов XIX в., обусловленная политической, социально-экономической и военной необходимостью в период перехода государства от феодализма к капитализму. Принято различать два периода Танзимата: до Крымской войны (1839—1853) и после нее (1856—1876). Начало Танзимату было положено провозглашением 3 ноября 1839 г. Гюльханейского хатт-и шерифа (см. примеч. 8 к док. 5). Хатт-и хумаян, объявленный султаном 18 февраля 1856 г. под давлением западноевропейских держав открывал второй период Танзимата. Реформы затронули аграрные, коммерческие, юридические отношения, административную и военную сферы, область культуры. Проводниками реформ были идеологи конституционно-монархических кругов турецкого общества. Однако в силу отсутствия у реформаторов прочной социальной базы, наличия шовинистической идеологии, особенно проявившейся в национальном вопросе, сопротивления консервативных сил феодально-теократического режима, экспансионистских устремлений западноевропейских держав и ряда других причин определенную прогрессивную роль для роста буржуазии. Успешные Портой народы Балканского полуострова особенно сильно почувствовали на себе силу консервативных кругов Османской империи. Как общие законы, так и частные указы центральной власти оставались на бумаге. Но народы полуострова в своей национально-освободительной борьбе широко использовали сам факт провозглашения равенства и одинаковых прав мусульманских и христианских подданных империи (подробнее см.: *Новичев А. Д.* История Турции. Л., 1973, т. III, с. 109—198; Л., 1978, т. IV, с. 82—210; *Дуаин Н. А.* Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984).

⁴ Вероятно, речь идет об аграрных законах, принятых в Стамбуле в 1845—1849 гг., но обнародованных в Герцеговине только после разгрома сил местных феодалов в 1851 г., оказавших сопротивление даже их провозглашению. Эти законы Порты дополняли распоряжение Омер-паши, изданное в 1851 г. по случаю ликвидации спахи-луков в Боснии и Герцеговине, по которому крестьянин сам мог решать, платить ли ему десятину натурой или деньгами (см.: *Кондратьева В. И.* Русские дипломатические документы. . . , с. 67).

⁵ Власти неоднократно делали попытки урегулировать отношения между откупщиками и крестьянами-арендаторами. Так, по аграрным законам 40-х годов при продаже сбора десятины на откуп устанавливалась такса, определявшая размеры подлежащих сбору налогов. Выбор натуральной или денежной формы налога формально представлялся крестьянину (см. примеч. 4). Наконец, в хатт-и хумаяне 1856 г., который был переведен на сербскохорватский язык и опубликован в газете «Босански пријатељ», провозглашалось, что великий везир должен изыскать средства для устранения злоупотреблений при сборе налогов, особенно ашара (десятины) и для постепенного перехода к прямой системе их взимания, что означало отмену откупной системы (платежа). Однако на деле это не выполнялось, более того, нужда в дополнительных средствах во время и после Крымской войны привела Порту к увеличению налогов и оказанию всеяческой поддержки откупщикам (см.: *Новичев А. Д.* История Турции, т. IV, с. 83—84; *Попович В.* Аграрно питање. . . , с. 148—153).

⁶ См. примеч. 2 к док. 12.

⁷ По-видимому, имеется в виду указ султана 1854 г. об уголовных судах в провинциях империи.

Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому о деятельности российского консульства в Сараеве в защиту христианского населения от притеснений турецкой администрации и откупщиков

№ 28

15 (27) июля 1857 г. Сараево

Из приложения к донесению моему от 3 июля № 23 ваше превосходительство изволили усмотреть подробности о ходе дела, возбужденного в северных нациях Боснии злоупотреблениями откупщиков податей¹.

По моему поручению г. губернский секретарь Ионин выразил здешнему генерал-губернатору мое убеждение в необходимости скорого удовлетворения справедливым жалобам христиан, дабы успокоить волнение умов в сопредельных с Австриею пределах Боснии. Г. Ионин убедил главного турецкого начальника в справедливости этого взгляда; доводы его, изложенные в виде дружеского совета с уверением, что мы несколько не хотим мешаться в самое дело и в исход его, произвели тем больше впечатление, что генерал-губернатор опасается, как кажется, в этом отношении слишком вмешательства со стороны нового австрийского генерального консула, в скором времени ожидаемого в Сараево.

К сожалению, однако, вместо действия твердого и решительного, прибегли, по обыкновенно, только к полумерам. Генерал-губернатор объявил мне, что сменил всех окружных начальников (мудиров) в крае, где допущены были описанные уже мною значительные злоупотребления откупщиков; но не знаю, приведена ли эта благая мера в исполнение. В последнее время главные виновники — Муяга Ново-Пазарец, Алиа Талиерович и Гусейн Арнаут были посажены под стражу. Отречение от иска на них в пользу казны, которое, как я сказал в предыдущем донесении, тузлинские райи подписали по требованию сараевского меджлиса, признано, кажется, недействительным. Последний приговор вали и меджлиса состоит в том, что Муяга признается виновным в незаконных поборах и обязывается отправиться в Тузлинский край и там в присутствии чиновника возратить лично каждому райе похищенные у него деньги; странная мера, которая поведет к нескончаемым проволочкам и спорам, особенно если не сменены будут местные чиновники, находящиеся, как известно, в сообществе с откупщиками. Не знаю, какое последует решение относительно двух других откупщиков, Талиеровича и Гусейна, которые находятся еще в заключении.

Хотя жалоба христиан чрез осуждение Муяги признана основательною, однако, дело чрез то не кончено, а лишь отсрочено на время. Новые жалобы и волнения произойдут несомненно, если Порты не решится, наконец, обратить внимание на эти обстоятельства и не примет решительных мер для ограждения несчастных райи от произвола откупщиков.

Со всех сторон народ стекается в Сараево для представления генерал-губернатору жалоб на местных начальников и откупщиков. Тузлинские христиане подали, можно сказать, первый знак к выражению всеобщего ропота на нестерпимые притеснения этих людей. Вслед за жителями Тузлинского края явились райи из Бихачского каймакамота (в северо-западном углу Боснии, близ австрийской границы); потом пришли священники и монахи из Препольской нахии в Герцеговине. Судя по некоторым полученным мною письмам, за ними последуют и другие.

Русское консульство ежедневно посещается множеством этих бедных людей, приходящих просить советов и опоры. Я стараюсь по возможности указывать им законный образ действия и когда нужно поручаю их дела вниманию митрополита, прося его быть ходатаем несчастных пред генерал-губернатором. Он не отказывается от этой законной своей обязанности, хотя и не всегда являет должное усердие при ее исполнении.

Кроме как при изложенной мною жалобе тузлинских райи, мне еще не встретилась необходимость обращаться прямо с этими делами к главному турецкому начальнику.

Другие консульства не оказывали в это время особенной деятельности. С тех пор, как умер австрийский генеральный консул Атанаскович и уехал отсюда французский консул Виетт, заступившие их место секретари ограничивались большею частью лишь наблюдательным положением. Водворившийся нынешнею зимою в Сараеве английский консул, как мне кажется, не приобрел особенного влияния на дела. Причину этого я вижу в том, что он отстранил от себя здешних христиан, преимущественно же православных, высказав в разных случаях пренебрежение к ним и ограничиваясь знакомством с турками.

Со всеми этими иностранцами нахожусь в самых дружеских отношениях. Несмотря на то, что австрийское консульство должно было с великим неудовольствием смотреть на мое водворение в Сараеве, я в частном обращении более сблизился с агентом, который исправляет должностные австрийского консула, нежели другие наши иностранные товарищи.

Не знаю, в какой мере можно будет поддерживать эту связь по приезде сюда австрийского генерального консула Реслера, которого разные дошедшие до меня слухи представляют человеком крайне неуживчивым и фанатическим врагом России.

С генерал-губернатором Мегемед Решид-пашою русское консульство поставило себя в самые приятные отношения. Он, кажется, скоро понял, что оно не намерено затруднять его и мешаться в его дела, и стал видимым образом стараться высказывать мне дружбу. Он даже, как мне сделалось известным, действовал в этом смысле на митрополита, который прежде чуждался меня, и внушил ему, чтобы он меня посещал и со мною сблизился.

Митрополит, о котором я уже имел неоднократно случай писать вашему превосходительству, недавно просил меня выписать для него из Москвы наперсный крест, эмалевое изображение 4-х евангелистов для ношения на митре и небольшую золотую табакерку.

Считаю обязанностью донести Вам об этом, милостивый государь, присовокупляя свою покорнейшую просьбу о приказании заготовить и выслать, если сочтете удобным, означенные вещи в сараевское консульство для передачи митрополиту. При этом не могу не заметить, что доставка ему сих предметов в виде подарка будет, по моему мнению, весьма полезна. Липо это имеет очень важное значение, как законный представитель и ходатай православного народонаселения Боснии. От его образа действия зависит во многом благоприятное или неблагоприятное положение здешнего русского консульства. Как известно вашему превосходительству из других моих донесений, поведение митрополита Дионисия было весьма шаткое и двусмысленное. Теперь я замечаю в нем желание сблизиться со мною, внушенное ему, как я сказал, дружескими отношениями консульства с Мегемед Решид-пашою. При другом положении дел он никак не решился бы подать мне повод просить для него подарка из России. При таких обстоятельствах я был бы крайне рад случаю вручить ему какой-нибудь материальный знак дружбы. Как он просил меня

о выписке для него означенных предметов в виде частного одолжения, то я поставлен был в необходимость обещать удовлетворить его желанию, и было бы неблагоприятно с моей стороны не исполнить данного ему слова.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2119, л. 60—63. Копия.

¹ См. док. 10, 14, 18.

21

Донесение секретаря российского консульства в Сараеве А. С. Ионина Е. П. Ковалевскому о своих действиях по урегулированию конфликта между населением Мостарского округа и турецкой администрацией

№ 33

12 (24) августа 1857 г. Сараеве

Милостивый государь Егор Петрович!

За отсутствием г. Гильфердинга осмеливаюсь донести вашему превосходительству о текущих делах Боснии, которые касались российского консульства в Сараеве.

В донесении за № 29 я имел честь довести до сведения вашего превосходительства о деле препольских депутатов, которые приходили из Герцеговины жаловаться на медленность и несправедливость действий тамошних властей¹. Дело это приняло неожиданно довольно хороший оборот. В Сараеве прибыл мостарский губернатор, и я имел случай говорить с ним об упомянутом деле. Но губернатор этот сказал, что, по всей вероятности, он посадит депутатов в тюрьму, потому что они неправы в своих жалобах и не могли идти в Сараеве жаловаться на него. Тогда я сообщил о таком решительном ответе английскому консулу, прося его рекомендовать дело своему вице-консулу в Мостаре. Консул, согласившись на это, говорил между тем и здешнему вали-паше о слишком резких отзывах мостарского губернатора. Я, со своей стороны, делал то же, совершенно уверенный, что целая страна не может бросить свои поля и дома, чтобы идти в Сараеве с вымышленными жалобами. Наконец, общими силами мы склонили генерал-губернатора дать строгое приказание ему подчиненному губернатору мостарскому пересмотреть дело в самом Мостаре, вызвав туда препольского мудира и депутатов. В оправдание свое паша мостарский представлял и то, что православные его области не могут законным образом противоречить отзывам о них мудиров и защищаться отзывами своего владыки, который в Мостаре никогда не живет, дел не знает и находится постоянно при строении новой церкви в Фотыне, а если и спрашивают отзывы владыки, то этот последний не пользуется этим, чтоб защищать христиан, и потому он, паша, поневоле должен довольствоваться результатами розысканий посредством мусульманских своих чиновников. Узнав при том, что паша мостарский в дурных отношениях с митрополитом герцеговинским и весьма рад всякому случаю, позволяющему решать дела без посредства этого архипастыря, я просил сараевского вали приказать паше мостарскому спросить отзыва владыки по этому делу и также подтвердить ему спрашивать и на будущее время подобных отзывов по делам, касающимся православных.

Сараевский ген[ерал]-губернатор поступил в этом деле очень удовлетворительно и даже энергически, что, к несчастью, бывает очень редко.

Я имел честь упомянуть также о священнике Иосифе, который приходил сюда с препольскими депутатами, и о векселе, который удерживал его в Сараеве. Митрополит здешний, вероятно, убежденный, что вексель был действительно фальшивый, не начинал дела о нем и согласился даже

по моей просьбе представить вали-паше о невинности священника Иосифа. Паша принял священника очень благосклонно, согласился дать ему проводников, чтобы избавить его от гонений мудира приепольского и других его недоброжелателей. Паша советовал даже священнику отправиться еще раз с депутатами, которым он взялся помогать, на суд в Мостар.

Сюда приносили также много жалоб на то, что паша мостарский посылает всегда на суд в мехеме (турецкий местный полицейский суд) христиан, не имеющих свидетелями мусульман. Разумеется, что в мехеме христиане всегда обвиняются, где судьи — магометане и судят по шерияту. Об этом я также снесся с английским консулом, который говорил об этом паше мостарскому. Этот же оправдывался тем, что еще не учреждено полицейского суда, где бы могли судиться христиане с мусульманами, имея только свидетелями христиан. Но мы просили его за неимением подобного суда решать дела христиан самому или отсылать их в свой меджлис, где заседает христианский член.

Подобная несправедливость, совершенно противная обещаниям хатти-хумаюна, встречается в Сараеве не так часто, хотя в последнее время я узнал о нескольких подобных делах и посоветовал тяжущимся православному подать жалобу паше не на то, что несправедливо решили их дела, а на то, что их решили в мехеме, где не приняли свидетельства православных.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 92—94 об. Автограф.

1 В донесении Е. П. Ковалевскому от 29 июля (10 августа) № 29 секретарь российского консульства в Сараеве А. С. Ионин писал о приезде в Сараево депутации от Приепоя с жалобой на действия местного мудира и мостарского паша (губернатора). Во главе депутации из 7 человек стоял приепольский священник Иосиф. Герцеговинский митрополит Григорий, недовольный его участием в этом деле, велел задерживать Иосифа в Сараеве под предлогом неплаты долгов. Остальные депутаты были отправлены обратно (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 84—91).

22

Депеша А. П. Бутенева Е. П. Ковалевскому о намерении обратиться к Порте в связи с тяжелым положением христианского населения в Боснии

№ 116

28 августа (9 сентября) 1857 г. Буюк-дере

Monsieur,

J'ai eu l'honneur de recevoir la dépêche que Mr. le ministre des affaires étrangères a bien voulu m'adresser en date du 9 Août, par ordre de sa majesté l'empereur, relativement aux vexations de tout genre que les populations chrétiennes de la Bosnie ont à endurer de la part des autorités turques. Les détails affligeants que renferment sur cet objet les rapports de Mr. Hilferding¹, avaient déjà attiré toute mon attention, et je m'empresse d'informer votre excellence que je ne manquerai pas de saisir la première occasion opportune pour en entretenir confidentiellement les ministres du sultan.

En me réservant de porter les résultats de mes démarches à la connaissance du ministère imperial, je vous prie, monsieur, d'agréer l'assurance de ma haute considération

A. Bouteneff

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 525, л. 105 и об. Подлинник.

Перевод

Милостивый государь!

Я имел честь получить депешу г-на министра иностранных дел от 9 августа, которая касается всевозможных притеснений, претерпеваемых христианским населением Боснии от турецких властей. Содержащиеся в донесениях г. Гильфердинга прискорбные детали на сей предмет уже приковали к себе мое внимание, и я спешу уведомить ваше высокопревосходительство, что не премину воспользоваться первой же подходящей возможностью, чтобы конфиденциально побеседовать о них с министрами султана.

Вменяя себе в долг довести результаты моих демаршей до сведения императорского министерства, прошу принять, милостивый государь, уверения в моем высочайшем почтении

А. Бутенев

1 См. док. 12, 14, 15, 18, 20.

23

Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому об усилении волнений христианского населения Тузлинского округа в связи с высоким налогообложением

№ 43

21 сентября 1857 г.

Я уже имел честь доносить вашему превосходительству о некоторых волнениях, происшедших между христианскими жителями северной части Боснии по поводу злоупотреблений откупщиков десятины¹. Казалось, что лишь эти последние возбуждали решительные жалобы, и паша согласился удовлетворить христиан, ибо нельзя было не найти их требований справедливыми.

Но вам известен постоянный способ турецкой администрации — действовать уклончиво и полумерами. Такие же полумеры паша принял, чтобы помочь христианам без ущерба туркам и старался успокоить на время волнение, которое угрожало обратиться в восстание и эмиграцию. На будущее же время он, по-видимому, решился в подобных случаях употреблять просто силу и тем заставлять молчать недовольных. Случай тому представился теперь и случай тем более драгоценный для турецкого правительства, что оно имеет в нем на своей стороне право формальной законности. Вот как происходило дело.

Когда выборные из Тузлы и Бихача доказали в Сараеве злоупотребления откупщиков десятины, так что не внимать их жалобам была бы слишком явная несправедливость, то генерал-губернатор решился, наконец, обвиненных откупщиков отправить на место их незаконных поборов и велел им возратить райям тот излишек, который они у них взяли насильем во время его управления Босниею. Откупщикам была предоставлена при этом полная свобода. Приказания были посланы тем же чиновникам, которые заодно с ними обирали беззащитный народ, и ваше превосходительство легко поймете, могла ли эта и без того нерешительная мера принести пользу. Чтобы на время успокоить рай, откупщики стали возвращать им деньги в уплату того, что они и их приказчики и кавасы жили на их счет во время собирания десятины, что составляло, разумеется, лишь самую малую часть несправедливо отнятого у рай. Христиане увидели сейчас, что они обмануты, и решились снова собраться и общими

воплями заставить поправить свое положение. Но видя безуспешность своих прежних умеренных жалоб, они стали требовать уже гораздо большего и переступили в своих притязаниях пределы законной справедливости. Они стали просить уничтожения или облегчения третины с хлеба и половины с сена, даваемой агам (помещикам) и недавно введенной войницы (откупа за рекрутскую повинность) и т. д. Понятен ропот раий на эти поборы. Если рассчитать приход раий-поселянина и количество того, что с него взимают аги, откупщики и казна, то ему останется пропитания не больше как на три месяца, а прочее время он должен проживать в долг и отдавать себя, так сказать, в кабалу агам. При таком положении кто обвинит раий, если они требуют изменения тяготеющих над ними законов и угрожают бегством в Австрию, где материальное состояние православных все-таки несравненно лучше. Притом агенты и шпионы последней державы, как нам положительно известно, раздувают в христианах северной Боснии ненависть к туркам и манят их под покровительство Франца-Иосифа.

Недавно толпа людей пришла в Тузлу и спросила турецкий меджлис, указывая на недалекую отсюда границу Сербского княжества: «Чья там земля?» Им отвечали: «Султанская». «Отчего же, — спросили раий, — нас здесь разоряют, а там народ живет в изобилии, если и там и здесь земля того же государя? Мы хотим, чтобы с нас брали столько же, сколько берут в Сербии, или уйдем в немецкую державу». Тогда посадили в тюрьму 12 из их кнезов (старост), но вскоре потом остальные, около 300 человек, пришли к каймакаму и настоятельно с угрозами требовали их освобождения. Вообще, по целому Тузлинскому каймакамоту слышится громкое требование, чтобы восстановлен был существовавший до 1848 г. закон, по которому раий платили агам девятую долю жатвы, а не третью, как теперь^{*}, и отменены были недавно введенные обременительные казенные подати². Во многих местах сборщики сих последних были прогнаны народом из сел. Посланные в те места члены сараевского меджлиса возвращались, не успев усмирить волнения и встретив даже в некоторых местах угрозы.

Эти беспорядки, причина которых лежит в самом корне турецкого законодательства, обрушивающего всю тягость податей на подданных христиан, сильно озабочивают здешнего генерал-губернатора. Еще прежде, зная о действиях Австрии, старался он противопоставить ее интригам одинаковые меры. Он сам признался мне, что стал рассылать шпионов, чтобы следить за ее политикою в северной Боснии. В последнее время он даже выслал из Боснии некоторых австрийских подданных, распространивших возмутительные письма. Но все это не помогло ему восстановить спокойствие в народе, который действительно страдает невыносимо и в котором надежды на Австрию уже крепко укоренились. Наконец, генерал-губернатор, видя бесполезность циркуляра, посланного им к мудирам боснийских городов о справедливом взимании податей, и безуспешное действие отправленной в Тузлу комиссии, прибегнул к последнему средству и отрядил туда несколько эскадронов регулярной кавалерии, объявив, что он решился наказать строго возмутителей спокойствия, которые, ободренные его мягкостью, стали требовать незаконного. Сколько мне кажется, генерал-губернатор такую меру может только произвести открытое восстание в народе, который думал лишь жаловаться.

Начальник кавалерийского отряда взял под стражу, как говорят, до 90 человек главных зачинщиков и приезжал в Сараево просить приказа—

* Ход этого дела изложен мною в донесении от 3 июля № 22 (примеч. док.).

ний генерал-губернатора насчет этих людей. Как слышно, паша велел держать их, пока он сам придет рассмотреть дело.

Главный здешний начальник понимает важное значение этих беспокорств и, по-видимому, желает усмирить их, не употребляя крайних мер, дабы не подать повода к вмешательству Австрии. Он призвал сюда православного митрополита зворникского и католического епископа Боснии, пребывающего обыкновенно в окрестностях Травника, и приказал им действовать своим влиянием на сельское духовенство обоих исповеданий для успокоения умов. Также ожидают здесь каймакама тузлинского для представления отчета о состоянии края. Сам генерал-губернатор собирается на этих днях посетить Тузлу и оттуда хочет ехать по всей северной окраине Боснии до Бихача. С ним вместе поедет английский консул. Последний, сколько я мог заметить, сильно озабочивается этим делом, которое угрожает потрясти власть Порты между боснийскими христианами и усилить в этой области влияние Австрии.

Положение русского консульства в этом деле по необходимости чисто страдательное. Мы не можем стоять явно на стороне тузлинских христиан, которых турки выставляют уже бунтовщиками, и не решались по этому говорить против пагубной меры, предпринятой пашею, именно против отправления войска в северную Боснию. Мы можем только убеждать пашу обратить внимание на то, что христиане при нынешнем положении законов о податях действительно не в состоянии жить.

Донося обо всем этом в[ашему] п[ревосходительству], считаю долгом просить вас, м[илостивый] г[осударь], обратить внимание на тягость дани боснийских христиан, несоизмеренной с данью, платимой раиями других областей Турции, где аги получают только 5-ю часть доходов, а не третью. Миссия наша в Константинополе, если найдет нужным, могла бы представить об этом Порте, прося пересмотра и изменения ненормального и исключительного положения боснийских раий. На это Порта должна решиться рано или поздно. Нельзя предоставить это благодетельное решение единственно влиянию Австрии и Англии, которые всеми средствами стараются заставить здешний православный народ забыть о существовании России.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2321, л. 72—79. Копия.

¹ См. док. 18 и 20.

² См. примеч. 4 к док. 10.

24

Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому о преследовании турецкими властями православного населения Герцеговины по подозрению в связях с Черногорией

№ 48

6 октября 1857 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Господствующие в Герцеговине беспорядки и злоупотребления побуждали, наконец, Порту обратить внимание на эту страну. Она отставила, как известно вашему превосходительству, прежнего губернатора Исаак-пашу и вслед за новым начальником Васьф-пашею отправила туда чрезвычайного комиссара Аджай-ефендия, которому поручено было открыть в Мостаре временный уголовный суд.

Первое заседание было 7 сентября. Суд составляют под председательством комиссара Порты двое присланных из Константинополя чиновников, двое мостарских магометан, двое православных и двое католических членов. Относительно православных депутатов выбор пал на людей, сколько мне известно, ревностных и достойных.

К несчастью, вместо того, чтобы преследовать настоящих виновников бедствий Герцеговины, т. е. мелких местных начальников (мудиров), откупщиков податей и взяточников, окружающих губернатора и заседающих в меджлисах (административных советах), уголовный суд обратил свои действия преимущественно против православных жителей области. Общий голос приписывает этот оборот дела, в начале обрадовавшего всю Герцеговину, главным образом, влиянию мостарского римско-католического епископа Баришича, которого герцеговляне считают самым заклятым и хитрым врагом православной церкви и который во многих случаях уже оправдал это мнение. Ему удалось сблизиться с комиссаром Порты, так что они теперь, говорят, почти неразлучны. Он уверил комиссара (если Аджай-ефенди не приехал уже с этим предубеждением), что все православные герцеговляне — друзья и сообщники черногорского князя и что у него есть тайные агенты во всех городах Герцеговины, даже в самом Мостаре. Несколько разбойников, не имеющих ничего общего с черногорцами, были представлены турецкому комиссару как исполнители воли князя Данилы, и вся православная Герцеговина, в особенности жители Стольца, Невесиня, Гацка, Дробняков и Пивы, обвинены в мнимом укрывательстве их. Комиссар послал в эти нахии 200 чел. регулярного войска и отряд арнаутов. Они схватывают и приводят в Мостар скованными почетнейших православных жителей тех мест. Предубежденный и не понимающий языка своих подсудимых, комиссар не слушает их оправданий и отдает их в мостарскую тюрьму, в которой сидят теперь в цепях более 200 таких узников.

При этих обстоятельствах православные герцеговляне ныне более чем когда-либо сожалеют, что в их страну не назначено русское консульство и, видя себя окруженными со всех сторон врагами своей веры, горько упрекают то правительство, на которое одно они только и надеялись: они уже готовы думать, что правительство это оставляет их без участия.

Православные герцеговляне, от которых я получил изложенные выше сведения, ходатайствуют о том, чтобы сведения эти были сообщены Порте, дабы она могла указать своему комиссару более правильный образ действия.

Между жителями Грахова (близ черногорской границы) и их соседями-мусульманами, жителями Кореничей, возгорелась распря, которая повела к кровопролитию. С обеих сторон пало, как уверяют, до 20 человек. Говорят, что граховляне обратились к черногорскому князю с просьбою о помощи, но что он обещал им ее лишь в таком случае, если кореничане будут поддерживаться турецким войском.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

АВВР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 121—123. Автограф.

Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому о желании молодых людей из Боснии и Герцеговины получить образования в России и о предложениях консульства в связи с этим

№ 49

7 октября 1857 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

[Господин] статский советник Стремоухов, снабдив меня дополнительными инструкциями, изволил сообщить мне для руководства предписание, данное ему министерством касательно высочайше разрешенного отправления в Россию некоторого числа молодых единоверных нам славян для образования в наших учебных заведениях¹.

В Боснии и Герцеговине есть довольно значительное число молодых людей, которые, не имея никакой возможности образоваться в своем отечестве, пламенно желают воспользоваться этою благотворною мерою, указанною государем императором, и неоднократно обращались ко мне с просьбою о принятии их в российские училища².

Согласно основным положениям, заключающимся в означенном предписании, считаю долгом покорнейше просить у вашего превосходительства разрешения на некоторые распоряжения, которые мне кажутся необходимыми для приведения на первый раз в исполнение относительно боснийского и герцеговинского юношества благотельных предначертаний его императорского величества.

В начале будущей весны следовало бы, по моему мнению, отправить в Россию для образования 10 или 12 воспитанников, как боснийских, так и герцеговинских уроженцев, кончивших курс в здешних элементарных училищах, возрастом от 10 до 14 лет. Воспитанников этих консульство избрало бы между самыми достойными как по их способностям и поведению, так и по качествам их родителей, и заблаговременно доставило бы министерству подробные о каждом сведения.

Для сопровождения их в Россию необходимо бы было послать надежного человека, и для этого считаю долгом предложить монаха Прокопия Чокорилу, ефимера мостарской церкви, отличающегося хорошою нравственностью и преданностью православию и России. Сдав детей в учебные заведения, монах этот мог бы, согласно его просьбе, приступить с разрешения святейшего Синода к собиранию в России милостыни для монастырей Герцеговины.

Для проезда этих лиц в Россию считаю удобнейшим путь из Сараева в Белград и оттуда на пароходе в Одессу.

В Одессе министерство могло бы поручить кому следует принять воспитанников и отправить их в те города России, где им назначено будет образоваться. Консульство в Сараеве просило бы уведомления о том, к кому именно в Одессе воспитанникам нужно будет обратиться.

Относительно распределения воспитанников следовало бы, по моему мнению, избрать преимущественно Киев и другие южные города России. Теплый климат особенно нужен для уроженцев Герцеговины; босняков, привыкших к холодной и сухой зиме, можно будет поместить также в Москве, но петербургский климат угрожал бы мальчикам верною смертию.

Так как в Боснии и Герцеговине всего ощутительнее недостаток в образованном духовенстве, то большая часть воспитанников должна быть определена в духовно-учебные заведения. По политическому положению этих стран излишним бы было помещать кого-либо из них в кадетский корпус, тем более, что это возбудило бы опасения турецких властей.

Но было бы крайне полезно, если бы трое или четверо из воспитанников, которые будут чувствовать себя менее склонными к духовному званию, были приняты в одну из наших гимназий, дабы впоследствии получить университетское образование.

На собственные средства ни один из имеющихся в виду воспитанников не в состоянии положить как для проезда в Россию, так и для образования в ней. Посему согласно всемилостивейшему предначертанию его императорского величества необходимо принять их в число казенных пенсioenеров и снабдить их денежным пособием для путешествия.

На проезд 12 воспитанников в сопровождении монаха из Мостара и из Сараева через Белград в Одессу нужно будет по моему расчету 300 червонцев. Отправление их вместе обойдется гораздо дешевле, нежели если бы они были посылаемы в разное время поодиночке.

Так как вверенное мне консульство не имеет в своем распоряжении подобной суммы, то осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство в случае, если мое представление удостоится одобрения, приказать доставить консульству нужные на этот предмет деньги.

Необходимо будет предварительно получить согласие здешнего генерал-губернатора на отъезд монаха Прокопия и воспитанников. Я могу при этом сослаться на пример Австрии, которая ежегодно принимает в свои учебные заведения множество боснийских и герцеговинских католиков; разумеется, я представлял бы отправление воспитанников в Россию лишь в виде частного случая. Но Австрия получила на этот предмет от султана фирман, тогда как Россия не позаботилась в прежнее время исходатайствовать для себя в этом отношении преимущество Австрии. Потому весьма возможно, что генерал-губернатор затруднится дать означенное разрешение, не испросив предварительно согласия Порты. Вследствие этого приемлю смелость просить заблаговременного уведомления о том, могу ли я вступить по сему предмету в переговоры с главным боснийским начальником, дабы отправление воспитанников не было задержано при наступлении благоприятного времени года.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

Резолюция Е. П. Ковалевского: Большое число, зараз отправленное, возбudit подозрение Порты. Весной отправить 4-х с Чокориллой. Они могут ехать просто в Россию, и папе* нет надобности знать о цели их поездки.

АВПР, ф. Славянский стол, д. 6745, л. 1—4. Автограф.

¹ Еще в 1856 г. Азиатский департамент МИД России приступил к составлению проекта «о воспитании в России молодых людей из Болгарии, Сербии и Черногории» (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 147, д. 15, л. 1). С этой целью МИД вел переговоры с Военным министерством, Министерством народного просвещения и Синодом. На 1857 г. для выходцев из южнославянских земель в военно-учебных и духовных учебных заведениях России было предоставлено 85 казенных вакансий.

10 мест предоставило Министерство народного просвещения. В дальнейшем в деле обучения молодых славян в России приняла активное участие общественность. В 1859 г. при Московском университете на частные пожертвования было создано общество обучения южнославянской молодежи. В его состав входили А. С. Хомяков, К. С. Аксаков. С созданием Славянских комитетов организация обучения в России зарубежной славянской молодежи стала важной отраслью их деятельности. Были открыты специальные учебные заведения для славян на частные средства, например, пансион при гимназии в г. Николаеве (1863 г.). В 50—70-е годы молодые люди, выходя из Боснии и Герцеговины (до 1869 г. их было 19 человек), учились в Московском и Новороссийском университетах, в Киевской духовной академии и ряде других высших и средних учебных заведениях России (подробнее см.: Степанова Л. И. Вклад России

* Слово неразборчиво и читается предположительно.

в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е гг. XIX в. Кишинев, 1981, с. 72—73, 80—83).

² А. С. Понкин сообщил Е. П. Ковалевскому 29 июля (10 августа) 1857 г. о намерении воспитанников мостарской школы продолжить образование в духовных заведениях России (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2321, л. 34—36).

26

Отношение И. С. Мальцова А. П. Толстому о выделении денежных средств Успенскому монастырю в Пиве

№ 4058

25 октября 1857 г.

Управляющий консульством нашим в Рагузе донес Министерству иностранных дел, что архимандрит Успенского монастыря в Герцеговине, именуемого Пива, и трое из главнейших лиц племени пивлян представили ему подлинную грамоту, пожалованную означенному монастырю в бозе почивающим государем императором Александром Павловичем в 1816 г. на милостинную дачу по 35 руб. серебром в год, которые назначены были к выдаче посредством миссии нашей при Порте Оттоманской. По причине неблагоприятных обстоятельств помянутая обитель не могла иметь сношений с Константинополем и поэтому до сего времени не воспользовалась высочайше дарованным пособием, почему игумен с пивскими старшинами просят о выдаче им означенной милостинной дачи, в которой обитель имеет крайнюю нужду для починки монастырской церкви и зданий, угрожающих падением, а также и о снабжении церковными книгами и облачениями некоторых православных храмов в окрестных деревнях¹.

Имея честь копию с означенной грамоты, выписку из донесения по сему предмету титулярного советника Петковича и подлинное прошение, подписанное игуменом Феодосием и пивскими старшинами, препроводить на усмотрение вашего превосходительства, я покорнейше прошу вас, милостивый государь, о заключении главного духовного начальства по таковому ходатайству Пивского монастыря Министерство иностранных дел уведомить.

Исправляющий должность товарища министра И. Мальцов
Директор генерал-майор Ковалевский

ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 2, II отд., 2 ст., д. 405, л. 1—2. Подлинник.

¹ В декабре 1857 г. по указу Александра II пивскому Успенскому монастырю была возобновлена выдача 35 руб. в год и выплачена сумма, составившая с 1815 по 1858 г. 1505 руб. (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 ст., д. 405, л. 8—10).

27

Предписание МИД России А. П. Бутеневу о представлении константинопольскому патриарху в связи с злоупотреблениями греческого духовенства в Герцеговине

26 октября 1857 г.

Из доведений консульств наших в тех местностях, где православное население состоит преимущественно из славян, вашему высокопревосходительству известно, что греческое высшее духовенство слишком часто из корыстных видов противодействует развитию славянской народности. К этой причине вредных для православия распри между греческими епи-

скопами и их прихожанами присоединяется еще другая — недостойные духовного звания поступки некоторых лиц греческого духовенства¹.

Управляющий консульством нашим в Сараеве от 31-го прошедшего августа, № 37, донес вам, милостивый государь, что митрополит герцеговинский Григорий заставил, наконец, свою духовную паству искать у турецких начальств защиты против его злоупотреблений. В том же донесении упоминается и о средствах, которыми этот митрополит получил свой сан от патриархата².

К сожалению, не в одной Герцеговине высшее греческое духовенство забывает свои священные обязанности. До Министерства иностранных дел дошли известия, что некоторые греческие архиереи не стыдятся прибегать к ложным доносам, чтобы обратить преследования турков на лиц, посвятивших себя образованию славянского юношества.

Такового рода поступки унижают святую нашу веру в глазах мусульман, лишают православных подданных Порты того покровительства, которое должны бы оказывать им их архиереи, возбуждают вражду между единоверными племенами и облегчают успехи иноверной пропаганды.

По доведении о том до высочайшего государя императора сведения его величеству благоугодно было повелеть, чтобы на этот предмет было обращено особенное внимание.

Во исполнение таковой монаршей воли я прошу ваше высокопревосходительство поручить доверенному от вас лицу со всею ответственностью поставить на вид константинопольскому патриарху таковое положение дел и необходимость без замедления пресечь для пользы православия упомянутые выше злоупотребления.

Единоверному нам духовенству на Востоке довольно милостей оказано было государями России. Защита по мере возможности православной церкви и ее служителей, противодействие всему, что могло бы поколебать ее единство, были всегда существенною целью попечений нашей миссии в Константинополе и подведомственных ей консульств. Дарами высочайшего двора и пожертвованиями наших соотечественников поддерживаются обители Востока; нашими стараниями охранялись до сих пор их достоинства в княжествах; духовные училища империи открыты для православного юношества Турции без различия племени. Мы имеем право ожидать, чтобы этим благодеяниям соответствовали чувства признательности, не словами только выражаемые, и чтобы эти советы, которые вследствие сообщаемой вам ныне воли его императорского величества вы имеете для блага церкви преподать главе православного духовенства на Востоке, не оставались без последствий. Все наши усилия поддержать православную церковь в оттоманских владениях останутся тщетными, если некоторым членам высшего греческого духовенства дозволено будет их начальством приносить в жертву корыстным и себялюбивым видам существенные пользы церкви.

Отзыв вашего превосходительства по этому особой важности делу будет мною доведен до высочайшего его императорского величества сведения.

Примите и проч.

Резолюция Александра II: Быть по сему. В С. Петербурге, октября 26-го дня 1857 г. Помета: Записано в исходящем журнале 29 октября № 4092. АВПР, ф. ГА I—I, д. 33, л. 148—151 об. Отпуск.

¹ См. примеч. 6 к док. 4.

² А. Ф. Гильфердинг писал 31 августа (12 сентября) 1857 г., № 37, А. П. Бутеневу о том, что митрополит Григорий получил герцеговинскую митрополию, предложив

патриарху уплатить долги умершего герцеговинского владыки Иосифа. Приехав в Герцеговину, он увеличил подати священников, стал взимать значительные суммы за освящение церкви, за рукоположения в священнический сан и т. п. Гильфердинг отмечал затруднительное положение российского консульства, вынужденного занимать нейтральную позицию в конфликте между Григорием и православным населением. Он просил А. П. Бутенева ходатайствовать перед патриархом о назначении в Герцеговину другого митрополита (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2321, л. 47—52).

28

Отношение МИД России А. П. Бутеневу о поручении российскому консулу в Сараеве выполнения консульских обязанностей в отношении православного населения Герцеговины

6 ноября 1857 г.

Генеральный консул наш в Рагузе и консул в Сараеве доносили Азиатскому департаменту, что жители Герцеговины чрез своих поверенных обращались к ним несколько раз с просьбою об учреждении консульства в Мостаре для защиты их от притеснений паши и мостарского митрополита Григория, причем свидетельствовали и с своей стороны о пользе таковой меры¹.

Министерство иностранных дел, приступая к учреждению новых консульств, соблюдает в этом случае некоторую постепенность, сообразуясь с потребностями края и с возможною экономною, а потому на этот раз ограничивается тем, что поручает нашему консулу в Боснии заведывать делами и Герцеговины.

Ваше высокопревосходительство благоволите настоять у Порты Оттоманской, чтобы сообразно сему были сделаны ею все надлежащие распоряжения, о чем в свое время не оставьте сообщить нашему консулу в Сараево, снабдив его, буде сочтете нужным, надлежащими наставлениями.

Примите уверение и проч.

Резолюция Александра II: Быть по сему. Ноября 6-го дня 1857 г. В Царском селе. Помета: Записано в исходящем журнале 12 ноября № 4301. АВПР, ф. ГА I—I, д. 33, л. 154 и об. Отпуск.

¹ См. док. 24.

29

Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому о привилегированном положении православного купечества в Боснии и его связях с турецкой администрацией

№ 61

8 ноября 1857 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Из прежних моих донесений вашему превосходительству известно отчасти отношение между тремя отделами боснийского населения: православным, римско-католическим и мусульманским¹.

Постараюсь теперь изобразить вкратце отношения между самими православными жителями Боснии. Эти отношения не представляют, к несчастью, того единства, которого можно было бы желать и ожидать.

Православные жители Боснии резко делятся на два сословия: на горожан или кушцов и на поселян или земледельцев. Класс ремесленников

принадлежит к городскому сословию, но не разделяет всех стремлений купечества и в интересах своих часто стоит заодно с хлебопашцами.

Тотчас по прибытии в Сараево я заметил различие в общественном положении и разлад между торговым и сельским классом православных босняков и обратил тогда же внимание вашего превосходительства на этот разлад. С тех пор наблюдения мои все более и более убеждали меня в существовании и глубине такого разлада.

Торговый класс пользуется значительным благосостоянием, почти совершенно безопасностью и особенно любовью и покровительством турецких властей. Он умеет им льстить и им подслуживаться, он знаком со всеми их хитростями и слабостями. Он понял, что его интересы требуют доверия и соучастия этих властей, и потому обильно доставляет им рабленых слуг и доносчиков. Когда в сараевской церкви несколько лет тому назад учитель здешней школы по неосторожности прочел на клиросе имя российского государя императора, один из первостепенных православных купцов донес об этом паше, и учителя сослали. Когда турки во время минувшей войны делали иллюминации и разные увеселения по поводу настоящих или вымышленных успехов, самые громкие выражения радости слышались от богатейших православных капиталистов. «Боже сохрани нас от москвы!» — говорили тогда православные купцы между собою. — Под властью москвы мы потеряли бы то положение, которым пользуемся теперь».

Когда приходили в Сараево поселяне Тузлинского края жаловаться на нестерпимые притеснения местных начальников и откупщиков десятины, то православные купцы тузлинские и сараевские свидетельствовали перед пашою, что эти жалобы неосновательны и происходят из духа мятежа. Когда один из откупщиков прибил до смерти бедного поселянина, с которого нечего было взять, и его жену, то первый православный капиталист сараевский Мануил Евтанович ходил в меджлис объявлять, что в том селе была тогда повальная болезнь, и тем избавил виновного откупщика от наказания. Когда поселяне Сеницкой нахии — как православные, так мусульманские — обличали перед генерал-губернатором злоупотребления местного начальника, сеницкие православные купцы написали паше просьбу о том, чтобы он оставил у них этого начальника. Это лишь несколько примеров из тысячи.

Таким поведением старается торговый класс поддерживать свое привилегированное положение между райями и заслуживать благосклонность турок. Он платит им подати, для него необременительные, а из сообщества с ними извлекает огромные выгоды. Во всех почти спекуляциях откупщиков, разоряющих сельскохозяйственное сословие, участвуют православные капиталисты или непосредственно, или еще чаще косвенно, как заимодавцы мусульман, которые берут на себя эти откупы. Одни из виновников страшных притеснений в Посавине были православные купцы как тузлинские, так и сараевские. Кроме откупа податей, здешним капиталистам открылся новый и не менее вредный источник доходов: они дают нуждающимся агам (помещикам) суммы денег и получают за то от них право собирать в свою пользу доходы с их имений в течение известного числа лет. Поселяне свидетельствуют, что их временные христианские господа обращаются с ними гораздо хуже, чем мусульмане, и систематически разоряют их. Поселяне подавали здесь жалобы на этих бессовестных арендаторов.

Прямо участвуя таким образом в разорении сельскохозяйственного класса, православное купечество боснийское не переставало извлекать из этого разорения для себя пользу, покупая за бесценок вывозимые в Австрию сырые произведения в то время, когда поселянина преследуют неумолимые

откупщики или сборщики податей и держат его в своих руках, продавая ему в кредит свои товары с огромною лихвою: 5 на 100 в месяц считается в Боснии умеренным процентом.

Разумеется, эта эгоистическая система действий приводит к результатам, невыгодным для самого купечества. Разорение поселян, приносящее ему временную прибыль, должно остановить торговлю, когда оно, достигнув известной степени, обращает в нищенство самый многочисленный и важный класс потребителей. Босния уже отчасти представляет этот результат. Торговцы жалуются, что в последние два года их дела значительно уменьшались, что они не находят уже прежнего сбыта для товаров, ими привозимых из-за границы, и причину этого видят в обеднении поселян, особенно в северной части Боснии, самой населенной и прежде самой богатой. Я не раз слышал эти жалобы от здешних православных капиталистов, но сомневаюсь, чтобы такое сознание повело к исправлению их образа действий.

Когда здесь водворилось российское консульство, богатые купцы, как кажется, надеялись сделать из него свое орудие. Они были недовольны тем, что оно с самого начала стало более принимать к сердцу судьбу бедных поселян, нежели их собственные мелкие интересы. Мне известно, что неоднократно они уговаривали поселян, приходивших из Посавины и других мест с своими жалобами, не посещать консульства и, видя участие его к этим поселянам, сделались к нему гораздо холоднее.

Своей стороны консульство, зная эгоизм и чрезмерное туркофильство здешнего торгового класса, не искало с ним сближения, за исключением немногих надежных лиц, а со всеми прочими ограничивалось теми отношениями благосклонности, которые естественно порождаются единством веры и участием к сараевской церкви и училищу, поддерживаемым преимущественно здешними торговцами.

Такое осторожное удаление здесь тем более необходимо, что между членами торгового класса существует множество личных ссор и интриг, в которые консульство иначе непременно бы вмешалось. Составляя в отношении к поселянам какую-то особую враждебную им касту, торговый класс боснийский, сколько я знаю, везде разделен между собою такими ссорами и интригами. Личный эгоизм мешает в нем развитию общественного духа, который, напротив, сильно развит между поселянами. Это проявляется особенно в отношении к постройке церквей. В торговых городах, где преобладает купеческое сословие и где в руках православных жителей сосредоточены значительные капиталы, например, в Баялуке, Тузле и Ливне, жители эти до сих пор не приступили к постройке церкви единственно по причине своего разногласия, тогда как поселяне при всей своей бедности и тягости своего положения и без всякой посторонней помощи общими силами нередко сооружали себе прекрасные храмы. Приведу для примера церкви в Высоком, в Лепенице (близ Баялуки), в Ломнице (Власяницкой нахии), в Белине, в Осечанах и Модриче (в Посавине), в Сенице, монастыри в Бане, в Папраче и др.

Сохранив свою независимость в отношении к исключительным интересам торгового класса, я стараюсь употребить то влияние, которое имею как агент православной и славянской державы, на то, чтобы внушить обоим сословиям здешнего православного населения пользу и необходимость единения между ними. Естественным и самым лучшим посредником между торговым и сельским классом может служить славянское (т. е. низшее) духовенство, которое, при всей своей необразованности, большею частью исполнено искренней преданности православной и России. Консульство не упускало случая сблизиться с ним и, как кажется, успело приоб-

рести на него влияние, которое может быть употребляемо в пользу единения между православными жителями Боснии.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

АВВР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 126—131. Автограф.

¹ См. док. 12, 14, 15 и др.

30

Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому об ожидаемом приезде в Боснию чрезвычайного комиссара Порты Азиз-паши для расследования причин крестьянских волнений в Посавине

№ 62

10 ноября 1857 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Вашему превосходительству известно, что в северо-восточной Боснии возникли значительные беспокойства по поводу злоупотреблений откупщиков десятины и что к жалобам на эти злоупотребления присоединились жалобы на слишком тяжкие для поселян повинности своим помещикам, которым они платят третью часть дохода, а иногда и половину¹. Турецкие власти хотели приступить энергически к усмирению волнений в самом начале. Не знаю, что помешало ген[ерал]-губернатору исполнить свои угрозы, но он до сих пор не предпринимал никаких мер, даже отказался от предложенной им поездки в тот край для более короткого знакомства с делом. Известия из упомянутого края чрезвычайно неопределенны и темны, и вообще кажется, что ген[ерал]-губернатор с намерением представляет это дело как будто забытым. Из некоторых слухов, дошедших до меня, я мог только заключить, что, с одной стороны, митрополит зворникский Агафангел своими пасторскими наставлениями и увещаниями много способствовал к усмирению волнения (которого, как говорят и как уверял ген[ерал]-губернатор, он был прежде одною из причин). С другой же стороны, из некоторых нахий слышно о новых беспокойствах и волнениях народа, возбужденного равнодушием и молчанием властей и озлоблением помещиков.

Здесь ожидают из Константинополя для исследования дела чрезвычайного комиссара Азиз-пашу, о приезде которого начальник императорской миссии изволил предупредить меня. Вероятно, назначение такого комиссара есть причиною того, что ген[ерал]-губернатор боснийский отказался теперь от деятельного участия в судьбе посавинских рай. Я имел случай видеть Азиз-пашу в бытность мою в Белграде и, сколько узнал там об нем, он с европейским внешним образованием соединяет значительную ограниченность ума; потому думаю, что его присутствие на месте тяжб мусульманских помещиков с райями не принесет большой пользы последним и вообще мало будет способствовать к справедливому решению их распрей. От его приезда можно только ожидать уличения и наказания главных зачинщиков волнений и, может быть, также некоторых виновников злоупотреблений, которые были причиною этих волнений. Но если не окончат теперь этого дела удовлетворительно, то волнения, по всей вероятности, в очень скором времени готовы будут вспыхнуть с но-

вою силою. Мне передавались несколько раз угрозы, которые райи не переставали громко произносить даже пред посланным нарочно в их нахии войском.

Вероятно, распри поселян с их агами представлены были Порте здешним ген[ерал]-губернатором в сильных красках. Ибо я слышал от него самого, что ему велено учредить в Сараеве особый меджлис из 12 членов, из которых 6 будут христиане (3 из торговцев и 3 из поселян) для рассмотрения и решения тяжб и дел между помещиками и их кметами. Из этого можно видеть, до какой степени дела такого рода умножились в Боснии в последнее время. Меджлис этот третьего дня открыл свои заседания, но до сих пор в нем нет ни одного члена из сельского сословия.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

АВВР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 132—133. Подлинник.

¹ См. док. 20 и др.

31

Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому с ходатайством о назначении мостарскому православному училищу ежегодной денежной субсидии

№ 63

10 ноября 1857 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

В донесении от 31 мая, № 16, я имел честь представлять вашему превосходительству о настоятельной потребности усиления православного училища в Мостаре, дабы в высшем классе этого училища могли готовиться молодые люди для поступления в духовное звание¹. Я излагал тогда же пользу, которую подобное учреждение принесло бы в крае, где образование православного духовенства ныне ограничивается единственно знанием грамоты. Я докладывал, что недавно оконченное в Мостаре строение церкви и училища совершенно исчерпало общественный капитал тамошних жителей, и представлял просьбу почетнейшего члена славянского духовенства в Герцеговине архимандрита Иоанникия Памучины и мостарских христиан об исходатайствовании их училищу всемилостивейшего пособия в 300 руб. сер[ебром] ежегодно.

Ныне архимандрит Иоанникий пригласил в Мостар двух молодых весьма достойных и ревностных монахов Дукской обители, с отличием окончивших курс в белградской семинарии, и которые могли бы занять место учителей в предполагаемом богословском классе мостарской школы. Нашлось также несколько воспитанников, которые, получив в этой школе элементарное образование, изъявили желание заниматься науками под их руководством, чтобы потом принять на себя должность приходских священников.

Уведомляя меня об этом, архимандрит Иоанникий возобновляет ныне просьбу о даровании мостарскому училищу из щедрот православного монарха пособия, необходимого для осуществления этого полезного предположения.

Вашему превосходительству известна преданность герцеговинского населения православной вере и любовь его к России, известны также его

надежды на поддержку и пособие со стороны России, надежды, на которые вредно бы было постоянно отвечать разочаровающим равнодушием.

Все эти причины побуждают меня покорнейше просить о назначении мостарскому училищу ежегодного пособия в 300 руб. серебром, которое консульство в Сараеве до водворения российского агента в Герцеговине могло бы высылать по третям в Мостар со внесенным в счет экстраординарных издержек².

Дело это, по моему мнению, следовало бы решить без замедления, потому что после долгого и тщетного ожидания пособия со стороны России мостарские жители могли бы обратиться к Австрии, всячески старающейся подчинять своему влиянию православных жителей смежных с нею турецких областей.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 134—135 об. Автограф.

¹ См. примеч. 1 к док. 16.

² В январе 1858 г. Александром II было принято предложение МИД России о выделении мостарскому училищу ежегодного пособия в 300 руб. серебром (доклад А. М. Горчакова Александру II от 11 января 1858 г. см.: АВПР, ф. Славянский стол, д. 6665, л. 9 и об.). 1 апреля 1858 г. 300 руб. за 1858 г. были получены училищным надирателем С. Шотричем от консула Е. Р. Щулепникова (расписку С. Шотрича см.: Там же, л. 17).

32

Донесение австрийского генерального консула в Сараеве Э. Рёслера К. Булю-Шауенштейну о требовании герцеговинского епископа Р. Баришича уменьшить налоги, взимаемые с католического населения Герцеговины

26 ноября 1857 г. Сараево

Hochgeborener Graf!

Aus den bisherigen hierstelligen Berichten werden Excellenz zu entnehmen geruht haben, dass der katholische Clerus diesen Gegenden seine anliegen höheren Belanges bei der Pforte, mir vorläufig bekannt zu geben pflegt; diese Übung bis nun nur von der bosnischen Geistlichkeit beobachtet, scheint auch in weiteren Briefen Anklang gefunden zu haben denn vor einigen Tagen erhielt ich ein Schreiben des Bischofes aus der Herzegovina, Monsignor Barišić, womit mir die Abschrift eines weitläufigen Aufsatzes zur Berücksichtigung mitgeteilt wurde, den der genannte Prälat im Namen der katholischen Gemeinden aus den Bezirken von Mostar, Libuska und Duvno dem Mutesarif der Provinz, Vassif pascha, und dem dort tagenden Pfortenkommissär Agiah-Effendi vorgelegt um eine Änderung des drückenden Abgabensystemes zu erzielen unter welchem die katholische Bevölkerung ausnahmsweise schmachtet.

In dieser Denkschrift wird in drei Punkten auseinander gesetzt: 1-ten, dass die Christen für bis fünfmal höher besteuert als die Muselmänner; 2-tens, dass die Zehent und Mauthpächter sich die schreiendsten Bedrückungen erlauben, und 3-tens, die Grundherrschaft bei der Einhebung der ihnen gebührenden Abgaben, und bei allen mit ihren Privatinteressen coincidirenden Fällen, auf die gewissenloseste Weise vorgehen.

Diese Behauptungen sind so ziemlich alle durch Daten nachgewiesen, und da der betreffende Mutesarif in gewisser Beziehung auch dem hiesigen General Gouverneur untergeordnet ist, so verfügte ich mich unverzüglich zu Mehmed Pascha schilderte ihm das Bedenkliche jener Zustände an der Grenze der hiesigen Provinz wo ähnliche wenn auch im Allgemeinen minder arge Vorkommnisse noch immer eine Lösung entgegensehen, und forderte ihn auf mir unumwunden zu gestehen ob er Hoffnung habe dass Vassif Pascha in der Lage sei die nötige Abhilfe einzuleiten, indem ich es entgegengesetzten Falle als meine Schuldigkeit ansehen würde unverzüglich im Wege der kais[erlichen] Unternunziatur die Angelegenheit zur Kenntniss der Pforte zu bringen.

Mehmed-pascha versicherte mich dass er über das durch mien Vernomene schon längere Zeit informirt sei, er auch seiner Seits Alles aufbieten wolle um durch den gedachten Mutesarif jene Massregeln Platz greifen zu lassen, die der Moment erheischt in welchem Sinne ich auch vor der Hand Monsignor Barišić, beruhigte, allem es ist sehr traurig dass diese Symptome nun auch in der Herzegovina ausbrechen, ohne dass sie früher in Bosnien unterdrückt worden wären!

Halten es Eure Excellenz für keine unüberdachte Äusserung wenn ich behaupte, dass die Pforte selbst den gegenwärtigen Zustand herauf beschworen hat.

Mehmed-pascha mit dem ich gestern erst wieder den ganzen traurigen Stand der Dinge durchgegangen, erklärte nur offen, dass er auf eine Anzahl von berechtigten Anträgen über dieses Thema an die Pforte gerichtet durchaus keinen entsprechenden Bescheid, wol aber unlängst den Vorwurf erhalten, dass er die dem Divan zur Kenntniss gekommenen Uebelstände in der Posawina einfach durch die verschiedenen Kirchenvorstände heizulegen gedenke! In dieser Auge liegt nach meiner Ansicht viel Ursache für den Statthalter sich gekränkt zu fühlen denn eine Massregel die er zur Vorbereitung der Gemüther für die Aufnahme der von der Pforte zu erlassenden Finalbeschlüsse eingeleitet wird nun in einem Sinne gedeutet, denn sie wahrlich nicht verdient.

Um einem Ausweg für die verschiedenen Bemerkungen zu finden die der kais[erlichen] Internuntius der Pforte über die Lage der Dinge in Bosniens gemacht haben mag, hat diese schon vor Monaten demselben mitgeteilt eine ausserordentliche Mission für diese Provinz bestimmt zu haben, allein weder ist eine solche bisher hier eingetroffen, noch kann der Generalgouverneur nach eigenem Ermessen vorschreiten, indem er bei der Entscheidung zwischen denjenigen welche die Abgaben entrichten, und den Perzipienten derselben ohne Berufung auf höhere Weisungen, in ein sicheres Dilemma betreff der verschiedenen Gegner verfiel.

Nun aber wartet das Volk schon die längste Zeit über auf die ihm gleich Anfangs verheissenen Pfortenbefehle, die Noth welche wirklich vorhanden ist — steigt mit der täglich sich mehrenden rauhen Jahreszeit, und dazu kommen die neuen Anstände in der Herzegovina, wo sicher anzunehmen ist, dass der dortige Gouverneur sich bestimmt nicht besseren Rath schaffen könne — als der hiesige.

Ich habe diese Bedenken wiederholt schon S. E. dem Freiherrn von Prokesch Osten angezeigt, allein um meinen Schilderungen über den Stimmung einer Österreich so nahe angehenden Provinz noch mehr Relief zu geben, glaube ich sie bei dem heutigen Anlasse auch direkt Eurer Excellenz unterbreiten zu müssen, damit Hochdieselben vom eigenen hohen Standpunkte ausgerufen mögen die vorzugleiche Aufmerksamkeit des kais[erlichen] Herrn Unternunzius auf diese die Interessen des Kaiserstaates ebenfalls nahe behrühenden Umstände zu lenken.

Geruhen Euere Excellenz den Ausdruck meiner tiefsten Verehrung und grössten Hochachtung gnädig aufnehmen zu wollen.

E. von Rössler

HHStA, Wien, Konsulate, K. 120, Fasc. Gen. Kons. Sarajevo, 1857, Fol. 176—179. Подлинник.

Перевод

Высочайший граф!

Из предыдущих донесений отсюда ваше превосходительство могли заключить, что католическое духовенство этих территорий в настоящее время ставит меня в известность обо всех своих наиболее существенных претензиях, предъявляемых им Порте. До сего времени такой образ действий практиковался только боснийским духовенством, теперь же, судя по письмам, он начинает находить все более широкое применение.

Так, на днях я получил письмо от епископа Герцеговины монсиньора Баришича, которым он сопроводил копию обширного доклада, направленного указанным предатом мутесарифу провинции Васиф-паше и находящемуся там комиссару Порты Агья-афенди от имени католической общины округов Мостар, Либушка и Дувно. Этот доклад содержит просьбу изменить обременительную налоговую систему, от которой страдает исключительно католическое население. В этой докладной записке в трех пунктах изложено следующее: во-первых, налоги, взимаемые с христианского населения, в пять раз превышают налоги, уплачиваемые мусульманами; во-вторых, сборщики десятины и таможенники недопустимым образом притесняют население и, в-третьих, землевладельцы при взимании причитающейся им дань во всех случаях, затрагивающих их интересы, допускают вопиющие беззакония.

Почти все эти утверждения подтверждены фактами, и так как вышеупомянутый мутесариф в известном отношении поднимается здешнему генерал-губернатору, то я направился прямо к Мехмед-паше, обрисовал ему внушающее серьезные опасения положение на границе этой провинции, где сходные, хотя и менее острые проблемы до сих пор ждут своего разрешения, и попросил его сказать мне откровенно, есть ли по его мнению надежда на то, что Васиф-паша сможет принять необходимые меры, и если нет, то я буду считать своей обязанностью немедленно поставить в известность Порту через посредство императорского посла.

Мехмед-паша заверил меня, что его уже давно информировали о том, что я сообщил ему теперь, и что он со своей стороны также намеревается сделать все возможное, чтобы побудить упомянутого мутесарифа принять меры, которых требует создавшаяся ситуация. В связи с этим я пока успокоил монсиньора Баришича, который все же был очень опечален тем обстоятельством, что эти симптомы появились сейчас и в Герцеговине, притом, что их еще не устранили в Боснии.

Прошу ваше превосходительство не считать, что я высказываю опрометчивое суждение, утверждая, что Порта сама спровоцировала возникновение этой ситуации.

Мехмед-паша, с которым я только вчера вновь обсудил все это печальное положение, сказал мне откровенно, что в ответ на ряд докладных записок, которые он представил Порте по этому вопросу, он не получил никакого ожидаемого разъяснения, но вместо того его недавно упрекнули в том, что он использует церковных руководителей для извещения Порты о неудовлетворительном положении в Посавине. С моей точки зрения, наместник имеет все основания чувствовать себя обиженным в том, что шаги, предпринимаемые им для подготовки общественного мнения к окончательному решению, которое будет принято Портой, получили такое истолкование, какого они вовсе не заслуживают.

Чтобы уклониться от необходимости дать ответ на все запросы, которые мог сделать Порте императорский посол относительно положения в Боснии, Порта сообщила ему несколько месяцев назад, что в Боснию назначена чрезвычайная миссия, однако до сих пор никакая миссия сюда не прибыла, а вместе с тем генерал-губернатор не

может предпринять никаких дальнейших шагов по своему усмотрению. При этом он находится в затруднительном положении, не имея возможности решать без указаний свыше спор между теми, кто платит налоги, и теми, в чью пользу они взимаются.

Таким образом, народ уже долгое время находится в ожидании распоряжений Порты, обещанных еще в самом начале, а нужда, которая действительно имеет место, увеличивается с каждым днем, по мере того, как наступает суровое время года, и к этому добавились еще осложнения в Герцеговине, причем можно с уверенностью сказать, что тамошний губернатор так же бессилен справиться с ними, как и здешний.

Эти соображения я уже неоднократно высказывал его превосходительству барону фон Прокеш Остену, однако, чтобы придать больше веса моим донесениям о настроениях в провинции, столь тесно связанной с Австрией, я решил доложить об этом также непосредственно вашему превосходительству с тем, чтобы вы смогли привлечь внимание г. императорского посла к этой проблеме, близко затрагивающей интересы империи.

Примите, ваше превосходительство, уверения в моем глубочайшем почтении и уважении.

Э. фон Рёсслер

33

Отношение товарища министра иностранных дел И. М. Толстого А. П. Толстому о просьбе мостарского монаха П. Чокорицы разрешить ему сбор пожертвований в России в пользу православных церквей и монастырей Герцеговины

№ 4568

2 декабря 1857 г.

Управляющий консульством нашим в Сараеве донес Министерству иностранных дел, что ефимер мостарской православной церкви монах Прокопий Чокорина *, имеющий прибыть в Россию для сопровождения молодых людей, которые будут отправлены из Боснии и Герцеговины для воспитания в наших учебных заведениях, ходатайствует о разрешении ему по исполнению возложенного на него поручения собирать в России подаяния в пользу православных герцеговинских церквей и монастырей ¹.

О таком ходатайстве монаха Прокопия Чокорины, подкрепляемого и рекомендацией г. коллежского асессора Гильфердинга, имею честь сообщить вашему сиятельству, покорнейше прося уведомить меня о решении, какое по оному последует в святейшем правительствующем Синоде ².

Товарищ министра И. Толстой
Директор генерал-майор Ковалевский

ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 ст., д. 410, л. 1 и об. Подлинник.

¹ См. док. 25.

² 20 декабря 1857 г. состоялось определение Синода, позволявшее П. Чокориде собирать пожертвования в пользу герцеговинских церквей (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 ст., д. 410, л. 3 и об.), утвержденное Александром II 3 мая 1858 г. (см.: Там же, л. 9). Первоначально сбор был разрешен на год, но затем продлен по просьбе П. Чокорины до апреля 1860 г. (см.: Там же, л. 57). О результатах миссии Чокорины см. примеч. док. 108.

* П. Чокорица.

Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу об отказе населения Посавины от уплаты третины и о репрессиях турецких землевладельцев

№ 77

3 декабря 1857 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Положение дел в Посавине (Тузлинском крае), как кажется, не изменилось. К сожалению, известия оттуда приходят редко и то весьма неопределенные. Христиане платят исправно все казенные подати, но упорно отказываются давать своим агам (помещикам) третины (третья часть дохода) на прежнем основании, пока их жалобы на несправедливое взимание этой третины (которую аги требуют даже с не принадлежащих им пустырей, обработанных поселянами без всякого с их стороны пособия), не будут рассмотрены комиссаром Порты.

Во многих местах аги собираются вооруженными толпами и, разъезжая по селам, грабят и бьют поселян. Такого рода самоуправство всего более развилось, кажется, в Градашской нахии, где сам мудир Махмуд-бег предводительствует вооруженными агами и подает им пример жестокости.

Один из первых посавинских бегов призвал к себе на совещание обороняющегося (выборного старшину) посавинских христиан Тому и нанес ему саблею сильную рану, которая, однако, не оказалась смертельною. Говорят, что виновный посажен в оковы по приказанию тузлинского каймакама.

Все это усиливает волнение в народе. Положительно известно, что 10 человек из Зворницкой нахии ушли в Австрию; говорят, что за ними последуют многие другие.

Консулы французский и английский получили известие о выезде комиссара Азиз-паши из Константинополя. Я просил бы покорнейше ваше высокопревосходительство сообщить мне, если возможно, некоторые сведения о том, в каком смысле Порты понимает эти волнения в северной Боснии и решила ли она принять некоторые меры для облегчения участи христиан в этой стране.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

Помета: Получено 18 декабря. Отв[ет] 29 декабря, № 913. Помета А. П. Бутенева: М. Argutopoulos. Le com[missaire] en Bosnie est-il enfin parti et quelles sont ses instructions pour remédier à ces désordres?*

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, ф. 2321, л. 109—110. Подлинник.

* Г-ну Аргутупуло. Отбыл ли, наконец, комиссар в Боснию и каковы его инструкции для устранения этих беспорядков? (фр.).

Прошение герцеговинского митрополита Григория и мостарской православной общины А. Ф. Гильфердингу¹ об оказании помощи в создании православного духовного училища в Мостаре

7 декабря 1857 г. Мостар

Ваше высокоблагородие!

Од падения Србского царства па до данас православный народ христианский у Херцеговини еднако чами у мраку и глупости; и кроз четири и по столећа нико се не нађе, да овоме порабоњеном народу затворене и дремајуће очи отвори. Досад више пута прогутала бы га неизмерима бездна; али га е самый бог сачувао, сачували су га и наши манастири, кои се находе по Херцеговини. Узрок глупости коя е обавита око нашег свештенства и целог народа ест тай што нема никаквы школа осим едны манастира у којима су се до сада свештеници учили само славенски читати. Сад пак увидила се нужда виша него икад за свештенство у Херцеговини, увидила се едно у томе што их мало има; друго у томе што их едва знаю читати: а камоли да знаю свете тайне свршивати, Христову науку приповедати, свое словесно стадо учити и наставляти у истини и страху Божиему, и найпосле чувати га да га вукови кои су зинули не прогутают!

Сад кад е време тако да су научени не само свештеници него и сав народ ер иначе лако бы могли пропасти, то, као што рекосмо, нема школа. А поред тога нема нико да се стара о овоме народу ер правительство будући иноверно неће за то ни главе да окрене. А архиереи којима е овай посао најпречији и којима спада у дужность старати и о врученом му словесном стаду будући су међу нама грчкии те тако и они неће да се стараю о бедном народу христианском. Очевидно е да се свакий дан клони к пропасти не само свештенство него и сав народ. Видећи пак мы обителство мостарско да ћемо у оваком мраку прибывајући пропасти постарали смо и са заедничким договором преподобнога оца Никифора Дучића и Серафима Перовића кои су у Београду богословске науке свршили и са свим господама игуменима, свештеницима и обштинама херцеговачким да оснуемо и заведемо едно духовно училиште овде у Мостару, у коме ће се учити младићи из целе Херцеговине а нарочито они кои желе быти свештеници и народньи учителя. Ево ће нам быти единый пут к будућности и напредку. С овим ћемо се моћи од дремана одпрести и себе у православию задржати. Ово светое дело одобрено нам е и од стране п[егова] в[исоког] п[реосвященства] господина Григория, нашег архиереа. Учинивши с ным такий уговор да од сада не поставля свештеником онага кои не дође у ову школу, коя се сада заводи, и не сврши прописане и нуждне науке за чин свештеничкий. Мы смо се за ово богоугодно дело живо заузели, али смо оскудни и потребиши што се тиче материала за ту школу као: новаца, књига и други потребица. Но, познавајући многа и велика добротинства благочестиве Русие и немајући друге и ни боле надежде него на бога и Руссию обраћамо се к вашему высокоблагородию и наипокорнее молимо мы, общество мостарско, заедно с нашим архиереем и игуменима и прочим обштинама да представите вашему правительству и его императорскому величеству государю Александру за ову нашу духовну семинарицу и за оскудность к одуржыванию такове школе. Откуда подпуно надамо се да ће вашим ходатайством его императорское величество милостивым оком на нашу Херцеговину и убогий народ поглядати ер иначе, ако нам од те стране не буде помоћи, нећемо моћи ово богоугодно дело одржати.

Остаемо у пуной надежди да ће ова наша најпокорнија молба код вас бити примљена и уважена, и да ћете нам скоро ово дело, кое смо на себе узели, олакшати.

Есмо вашега високоблагородија најпокорнији:

Иован Ан. . . скопуд*, Вуко Шотрич, Лазар Кнежић, Сцепан Моич, Ристо Белобрк, Симо Гаврилович, Вуко Куйкур, Михо Милишић
Јером[онах] Григорије, Никифор Дучић, перомонах и учитељ, Се-

рафим Перовић, перомонах, Милинко Р. Оборина, Ристан Тута, Ристо Ковачевић, Шпиро Е. Зепа, Јован Солдо, Лазо Спремо, Лазо Тирић, Евтан Шотрић

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 157—158. Подлинник. Оттиски печатей Мостарской православной общины и храма Пресвятой богородицы; л. 159—161 — пер. на рус. яз., современный подлинник.

* А. Ф. Гильфердинг в донесении Е. П. Ковалевскому от 11 декабря 1857 г. № 83 поддерживал прошение мостарской общины и указывал на роль, которую будет играть училище в развитии народного образования в Герцеговине (АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 799, л. 155—156).

36

Письмо герцеговинских старейшин митрополиту Григорию в связи с нападением турок на собрание старейшин в Требинье

16 декабря 1857 г. Монастырь Дужи

Мы получили письмо ваше чрез архимандрита Иоанникия Памучину и удивились, что вы пишете о бунте и восстании, происшедшем между нами. Нет ни бунта, ни восстания! Злоупотребления властей перешли границы нашего терпения, и мы собрались, чтобы нам прочли и дали царский фирман, который царь (султан) дал нам вследствие конференции. Мы писали мудиру требиньскому и Васиф-паше, мутассарифу герцеговинскому, что мы жалуемся на несправедливости и собрались, чтобы просить позволения у них изложить наши жалобы нашему султану. Требиньские власти поклялись нам богом, что не тронут нас и оставят в покое, но обманули. Мы спокойно ожидали решения нашей участи, быв уверенными, что все семь государств (вся Европа) знают, что мы ищем только нашего права и исполнения хатти-хумаюна, но на нас ударили вооруженные аги, и мы стали защищаться. Тогда они разграбили три села, убили 30 человек и множество ранили. Вот как обманывают, поклявшись богом!¹

Вы знаете, ваше преосвященство, что мы много жаловались на притеснения всем мудирам и пашам, которые так часто переменились у нас, но тщетно. Теперь же с божиею помощью мы не отстанем по-прежнему от своего дела, пока не увидим своими глазами решения участи нашей самим царем. Но мы видим — не хотят, чтобы плач бедных райи доходил до царя!

Еще раз повторяем, что мы не положим оружия, пока не убьют нас всех до одного.

Остаемся и пр.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2046, л. 3 и об. Пер. с сербскохорват. яз., современный подлинник.

* Фамилия неразборчива.

¹ 6 (18) декабря 1857 г. на собрании старейшин многих деревень в монастыре Дужи было принято решение просить турецкие власти не препятствовать оглашению текста хатти-хумаюна 1856 г., которое было намечено на 12 декабря. Из Мостара и Требинья последовало разрешение, мостарский паша просил даже созвать старейшин и депутатов от всех деревень. Накануне оглашения, 11 декабря, турки вероломно напали на собравшихся в Требинье старейшин. В бою, продолжавшемся 4 часа, было убито 7 турок и 10 герцеговинцев. Турки разорили 3 деревни, разграбили церковь. 19 декабря в Герцеговину перешло два отряда черногорских ускоков, один — 230 человек — под командой попа Луки (в составе этого отряда был Пиро Матавич), другой — под командой цуцкого воеводы Ильи (см.: К. Д. Петкович — А. П. Бутеневу от 23 декабря 1857 г. № 268; К. Д. Петкович — Е. П. Ковалевскому от 24 декабря 1857 г. № 271. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2119, л. 117—118; ф. ГА V-A₂, д. 716, л. 56—59).

37

Донесение Э. Рёслера К. Булю-Шауентейну о волнениях в Посавине

16 декабря 1857 г. Сараево

Hochgeborner Graf!

Die jüngsten, seit meinen letzten politischen Berichten bis zum heutigen Tage hiororts eingetroffenen Auskünfte über die Zustände in der Possavina, sind leider nicht geschaffen dem vorhanden gewesen leisen Hoffnungen schlimmer für eine friedliche Beilegung, neue Nahrung zu geben; die Pforte säumt auf unverzeiliche Weise dem Volke durch irgendeine neue Massregel, ihre Theilnahme an seiner traurigen Pose zu zeigen, und die mit Polypenarmen um sich greifende Winternoth, schick sich an den Verzweifelnden jene starre Entschlossenheit zu verleichen — in der Alles gewagt wird um ja nur die unerträgliche Gegenwart abzuschütteln.

Nachdem schon früher zugegeben werden müsste, dass die Bemühungen der katholischen Geistlichkeit um die Gemüther besänftigen — eben keine glücklichen Früchte getragen, ist vor beiläufig 8 Tagen auch der gr. u. o. Bischof des Districtes von Zvornik, Agatangel von seiner zu einem ähnlichen Zwecke in den aufständigen Gegenden unternommenen Reise nach seiner Residenz in Tuzla zurückgekehrt, und gestand, dass alle seine Verwendungen, ungeachtet des Anfangs günstigen Anscheines, im Allgemeinen misslingen sind. Die Christen beider Confessionen bis auf sehr geringe Ausnahmen, verweigern jetzt hartnäckig die Tretina, fordern laut die Verweisung der Fermane welche diese Entrichtung anordnen und fügen bei: dass selbst im Falle des Vorhandenseins solcher Befehle, die durchaus und darüber liegt, kein Zweifel vor — verarmte Raja nicht in der Lage sei bei dem besten Willen diese Abgabengattung welche die Grundherrschaft angeht, zu tragen, dadurch sehen sich die schwer Länderkomplexe befindlichen Begs (das Besitztum von 5 bis 6 derselben zusammen genommen, übersteigt jenes sämtlichen Rajahs Bosniens) in ihren Subsistenzmitteln verkürzt, und seinen auf allerlei Mittel, um sich ihr vermeintliches Rechts zu verschaffen.

So ist vor beiläufig vierzehn Tagen in der Gradacszer Nahie, einer der ahnsehnlichsten Grundbesitzer, Sali Beg, mit 30 bis 40 bewaffneten Reitern in einem ihm abgabepflichtigen Christendorfe erscheinen und wollte unter Androhung von Waffengewalt die Tretina einheben. Er wurde jedoch von einem Haufen von mehreren Hundert Rajahs die sich schnell mit Stöcken und Stangen bewaffneten, verjagt, und ward gezwungen nach Gradačac zu flüchten wo er den Vorfall dem Mudir angezeigt. Ähnliche Scharmüzel sollen schon auf mehreren Punckten vorgefallen, sein obwohl es noch nirgends zu ernsteren Gewaltthatigkeiten gekommen, allein es ist zu befürchten dass der erste vergossene Tropfen Blut — von einer oder der anderen Seite, nach

Раче schreien werde. Die Begs beabsichtigen sich in Massen nach Sarajevo zu begeben damit ihnen der Statthalter zum Bezüge der Tretina ver helfe.

Nachrichten die ich von der österreichischen Grenze erhalten, versichern dass in der verfloßenen Woche neuen Rajahs und zwar 5 der Belliner, 2 der Zworniker, 1 der Gradacazer und 1 der Tuzlaer Nahie bei Rajevoselo nach dem kaiserlichen Gebiete übertreten sind und dem wachthabenden Cordons-offizier die Bitte vortrugen, sich nach Wien begeben zu dürfen um dort Abhilfe zu suchen indem ihnen die türkischen Behörden eine solche weder gewähren noch gestatten wollen dass sie sich in einer ähnlichen Absicht nach Constantinopel wenden. Derselbe Cordonsoffizier soll jene 9 Mann unverweilt an das Brooder Regimentskommando nach Vinkovszje abgesendet haben.

Aber auch unter der Türkischen Bevölkerung herrscht das Prinzip der Tretinaverweigerung; in dem muselmännischen Dorfe Mehaniza nächst Gradacac stämmten sich 20 Familien gegen die Entrichtung dieser Abgabe, 4 Individuen davon wurden in Arrest gesetzt, und als einer der Türken sich darauf zum Tribute bereit erklärte, wurde in der nächst folgenden Nacht sein Heuvorrath ein Raub der Flammen, und ebenso wurden aus der Gegend der Spreča viele Türken wegen Tretinaverweigerungen, in die Kerker von Tuzla abgeführt.

Alle diese Wahrzeichen sind wirklich bedenklich, und je mehrmae Gelegenheit hat in der Nähe zu beobachten wie alle diese Gewitter gleichsam systematisch heraufbeschworen werden, desto grösser wird die Entrüstung gegen das unverantwortliche Vorgehen der Regierung; rechnet man noch dazu dass in der Herzegowina wo Christen in Verhältnisse zu den Türken, für bis fünfmal höher besteuert sind, ähnliche Gährungen herrschen, und die seit Monaten angeschiedten Relationen der Gouverneure — so wie mich wenigstens Mehmed Pascha fortwährend versichert — unbeachtet bleiben, so könnte man fast annehmen, dass es in den Tendenzen der Pforte liege, diese Gegenden einem Aufstande Preis zu geben!

Die mir durch das «Wiener Freudenblatt» gewordene Runde über die bevorstehende Ankunft Azis Paschas als ausserordentlichen Commisär in Bosnien scheint sich zu bestätigen, denn Herr Viett der französische Vizekonsul allhier theilte mir eben gestern mit dass er noch unterm 10-ten v. M. von seiner Gesandtschaft in Constantinopel über die Ersterem zu Theil gewordenen Instruktionen, in Detail informirt und zugleich beauftragt worden, (de le surveiller de tout pris) indem seine Regierung den hiesigen Vorfällen, die grösste Aufmerksamkeit zu widmen gesonnen sei. Ich kann nicht unterlassen zu gestehen, wie nicht bei dieser Confidenie vorzüglich der Punkt unangenehm berührte, dass der französische Vertreter Aufklärungen erhalten die mir, dem wie ich glaube dabei am Nächsten theilhabenden Regierungsorgane⁵, bis zur Stunde vorenthalten sind; die Kaiserliche Internunziatur, die im Vergleiche zu früheren aus den hiestelligen Dienstesakten ersichtlichen Epochen, in neuester Zeit mit Mittheilungen politischen Belanges durchaus aufgehört, hätte in dem gegebenen Falle doch minder reservirt gene mich bleiben sollen, indem ich besonders gegenüber dem Statthalter eine etwas sonderbare Rolle spielen würde wenn ich ihm gestände — dass der Kaiserliche Gesandte bei der Pforte, mich mit weniger Vertrauen beehre als jener Frankreichs, seinen hiesigen Vizekonsul.

Ich will keinen schlimmen Propheten abgeben, aber was soll bei den schon so oft besprochenen hierländigen, in den Fundamentalinstitutionen begründeten Uebeln, ein frender, mit den Nationalzuständen durchaus nicht vertrauter Commissär nützen, wie es von mehreren Jahren Kiamil Pascha gewesen, und wie ihn jetzt wahrscheinlich Azis Pascha abgeben soll? Von ersterem erzählt man sich dass er bereichert von dennen gezogen ohne nur

irgend eine Verbesserung eingeführt zu haben, und ob es die Aufgabe des neuen Abgesandten sein wird die Zahlungsrepartitionen der verschiedenen Abgaben in allen ihren Verzweigungen und Unterabteilungen zu prüfen und das so sehr mangelnde Gleichgewicht unter derselben herzustellen was das dringende Erforderniss ist — das wird die Erfahrung zeigen.

Indem ich beizufügen die Ehre habe, dass vorstehende Notizen auch theilweise zur Kenntniss der Kaiserlichen Internunziatur gebracht werden, bitte ich Euere Excellenz den wiederholten Ausdruck meiner grössten Hochachtung und Verehrung genehmigen zu wollen*.

HHStA, Wien, Konsulate, K. 120, Fasc. Gen. Kons. Sarajevo, 1859, Fol. 190—195. Подлинник.

Перевод

Высококордный граф!

Сведения о положении в Посавине, полученные после отправки моих последних политических донесений вплоть до сегодняшнего дня, не могут, к сожалению, укрепить появившиеся было слабые проблески надежды на возможность мирного урегулирования. Порта непростительным образом медлит принять необходимые меры, чтобы показать свое сочувствие бедственному положению народа. Нужда, еще усилившаяся из-за приближения нового времени года, протягивает свои шупальцы и придает людям ту решимость отчаяния, при которой они могут отважиться на все, лишь бы избавиться от невыносимой действительности.

После того, как уже ранее было признано, что усилия католического духовенства по умиротворению умов верующих не достигли желанных результатов, православный епископ Зворникского округа Агафангел примерно дней 8 назад вернулся в свою резиденцию в Тузле из поездки по повстанческим районам, которую он предпринял с целью достижения умиротворения, и признал, что хотя начало его переговоров как будто бы предвещало удачу, в целом они оказались безрезультатными. Христиане обоих вероисповеданий, за редкими исключениями, отказываются платить третину, требуют отмены фирманов, подтверждающих законность уплаты этого налога, и добавляют при сем, что даже в том случае, если будут изданы указы, безоговорочно требующие таких выплат, обедневшие райя при всем желании не в состоянии будут вносить подати, идущие землевладельцам, из-за чего беги, владеющие огромными земельными угодьями (5—6 таких хозяйств, превышают собственность всех райя Боснии), считают это посягательством на их средства существования и стремятся оградить свои личные права любыми способами.

Так, приблизительно 14 дней тому назад в Градачачкой нахии один из крупнейших землевладельцев Сали-бег появился в сопровождении 30—40 вооруженных всадников в одной из христианских деревень, платящих ему подати, и пытался силой оружия заставить жителей уплатить третину. Однако несколько сот райя, быстро вооружившись дубинами и домами, прогнали его, и он был вынужден бежать в Градачац, где поведал о случившемся мудирю. Аналогичные стычки, по-видимому, происходят в различных местах, хотя до серьезных насильственных актов пока еще дело не доходило нигде. Однако следует опасаться, что первая же капля крови, которая прольется на одной или на другой стороне, может послужить призывом к мщению. Беги намереваются отправиться все вместе в Сараево с тем, чтобы просить губернатора оказать им помощь при взимании третины.

Известия, полученные мною с австрийской границы, показывают, что на прошедшей неделе 9 райя, а именно: 5 из Болниской, 2 из Зворникской, 1 из Градачачкой и 1 из Тузлинской нахий перешли австро-венгерскую границу в районе Райево села и вручили вахтенному офицеру сторожевого поста просьбу разрешить им

* Подпись отсутствует.

отправиться в Вену с тем, чтобы просить там о помощи, поскольку турецкие власти отказывают им в ней, а поехать в Константинополь не позволяют. Согласно донесению, вышеупомянутый офицер без промедления отправил этих девятых к командованию Бродского полка в Випковцы.

Среди турецкого населения также восторжествовал принцип отказа от уплаты третины; в мусульманской деревне Механца вблизи Градачаца 20 семейств воспротивились требованию уплаты третины, при этом 4 человека были арестованы. Когда после этого один из турок заявил о согласии на уплату дани, на следующую же ночь заготовленное им сено стало добычей огня. Точно так же обстоит дело в районе Спреча, где многие турки, отказавшиеся платить третину, были препровождены в тюрьму в Тузле.

Все это дает повод к серьезным размышлениям, и чем более имеешь возможность наблюдать вблизи, как систематически провоцируются эти грозные события, тем большим возмущением пренебрегаешь против безответственных действий правительства. Если же принять во внимание тот факт, что в Герцеговине, где сума налогов, взимаемых с христиан, вдесятеро больше налогов, взимаемых с турок, подобные волнения также имеют место, а донесения губернатора, отосланные правительству уже несколько месяцев назад, остаются без внимания, как меня, по крайней мере, уверяет в том Мехмед-паша, то можно предположить, что в цели Порты входит содействовать возникновению мятежа в этих местах.

Слух о предстоящем прибытии Азиз-паши в качестве чрезвычайного комиссара в Боснию, о котором я прочитал в «Винер Фройденблатт», кажется подтверждается, так как г. Вьет, здешний французский вице-консул, сообщил мне только вчера, что еще до 10-го числа прошедшего месяца он получил от своего посольства в Константинополе подробную информацию об инструкциях, полученных Азиз-пашой, и в то же время ему было поручено установить во что бы то ни стало наблюдение над ним, причем его правительство собирается уделить здешним событиям очень большое внимание. Я не могу умолчать, как неприятно поразил меня при этом откровенном признании тот факт, что французский представитель получил то разъяснение, в котором мне до сего времени было отказано, хотя я принадлежу к правительственному органу, имеющему самое непосредственное отношение к данному обстоятельству, — императорскому посольству, которое в последнее время почти совершенно отказалось от сообщения какой-либо информации политического характера, особенно если сравнить с предшествующими эпохами, о которых можно почерпнуть сведения из местных архивов, в подобном случае все же следовало бы быть менее сдержанным по отношению ко мне. Если бы я признался губернатору, что императорский посол при правительстве Порты удостаивает меня меньшего доверия, чем посол Франции — здешнего французского вице-консула, я выглядел бы весьма странно в глазах губернатора.

Мне не хотелось выступить в роли пессимиста, но каким образом приехавший издалека комиссар, совершенно не знакомый с национальными особенностями, каковым являлся несколько лет назад Камиль-паша, и каковым, вероятно, окажется Азиз-паша, сможет искоренить зло, о котором столько говорилось и которое заложено в самой основе общественного устройства? О Камиль-паше рассказывают, что он уехал отсюда, разбогатев и не осуществив никаких улучшений, и опыт покажет, будет ли входить в задачи нового эмиссара изучение состояния дел в вопросах распределения различных налогообложения всех разновидностей и восстановление недостающего равновесия в этой области, которое крайне необходимо.

Имею честь доложить в дополнение, что посылаемые заметки частично направляются в императорское посольство для ознакомления. Прошу ваше превосходительство принять еще раз выражения моего глубочайшего почтения и благоговения.

Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу о вооруженном конфликте в Дробняках и волнениях в Требинье

№ 88

17 декабря 1857 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

В Герцеговине возникли в последнее время волнения, начавшиеся беспорядками в Дробняках и Пиве.

Жители этих двух нахий давно жаловались на поведение башибузуков, расположенных в их селах для охранения границ от черногорцев. Башибузуки (почти исключительно албанцы), не получая исправно жалования и провианта, жили на счет поселян и позволяли себе всякого рода насилия. Недавно еще депутаты из Дробняков приходили в Сараево к паше с жалобами по этому предмету. Так как турецкие начальства не принимали никаких действительных мер для пресечения зла, то выведенные из терпения дробнячане собрались и выгнали башибузуков из своих сел силою оружия. Подробности этого происшествия еще неизвестны. Но положительно то, что башибузуки принуждены были удалиться из этого края. Если верить слухам, то они потеряли довольно большое количество убитыми. Говорят также, что дробнячанам помогали черногорцы, но вмешательство этих последних в дела Герцеговины для меня тем более загадочно, что едва прошел месяц с тех пор, как черногорские посланцы являлись к новому губернатору мостарскому Васиф-паше для подтверждения с ним перемирия и возвратились, исполнив свое поручение.

Одни эти происшествия уже обеспокоили турецкие власти и магометан Герцеговины; но тут еще в скором времени прибавились новые волнения, возбужденные примером Дробняков. В Требинье вооруженные православные, как говорят, подступили к городу с требованием объявления им хатт-и хумаюна. То же беспокойство распространилось на Гацко, Грахово, Зубцы — по черногорской границе. Испуганные этим турецкие начальства принимают решительные меры, чтобы действовать уже оружием. Из Сараева послано 2 батальона войска в Ташлиджу против дробнячан, другие отряды последуют за ними, и турки надеются собрать в этом месте до 4000 регулярного войска. Мостар укрепляют и объявили на военном положении. Подобные меры защиты принимают и по другим городам Герцеговины. Мусульмане везде вооружаются: из Коницы выступил, говорят, отряд волонтеров на подкрепление требиньским мусульманам. Вообще в ближайших к Черногории турецких городах (так, например, и в Новом Пазаре, в Боснии) готовятся к военным действиям.

Из Мостара отправили в Требинье для увещания взволнованных христиан тамошнего архимандрита Иоанникия Памучину.

Вообще же здешние магометане убеждены, что завяжется новая война с Черногориею.

Можно опасаться значительных кровопролитий в Герцеговине, если Порта не примет немедленно меры к успокоению тамошних христиан, которых лишь ряд нетерпимых злоупотреблений, уже известных вашему высокопревосходительству, побудил прибегнуть к оружию¹.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

Помета: Получено 1 января 1858 г.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2321, л. 112—113. Подлинник.

¹ В одном из последующих донесений (№ 92 от 24 декабря 1857 г.) Гильфердинг сообщал Бутеневу, что в Требишье послан отряд в 350 мусульманских волонтеров из Мостара и готовится другая партия в 1500 чел. Он опасался расширения вооруженного конфликта между христианами и мусульманами и, так как усилие его, а также английского и французского консулов остановить вооружение мусульман местными властями были безуспешными, просил посланника поставить обо всем в известность Порту и добиться предотвращения междоусобной войны (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2321, л. 115—116).

39

Донесение К. Д. Петковича Е. П. Ковалевскому о восстании в Герцеговине и о намерении Австрии использовать его в своих целях

№ 275

31 декабря 1857 г. (12 января 1858 г.) Рагуза

Милостивый государь Егор Петрович!

По вступлении черногорцев в Герцеговину под предводительством пона Луки произошло столкновение между райями и местными турками в Попово, и сии последние были разбиты, потеряв около 30 человек убитыми и ранеными, принуждены покинуть поместья и запереться в Требишье и Любинье¹. Черногорцы эти с герцеговинцами захватили все, что принадлежало им: склады зернового хлеба, рогатый скот и прочее хозяйство; поселяне под страхом смертной казни принуждаемы были при этом показывать в деревнях турецкое имущество.

Герцеговинцами начальствует некто капитан Лука Вукалович из полужавиского племени зубцев², он в постоянной переписке с австрийскими властями, каждый день почти приходит от него курьер к начальнику Рагузского округа. Судя по этим частым и секретным сношениям, с одной стороны, и видя, с другой, сосредоточение войска в Рагузе и в других пунктах Далмации и Боки-ди Катато, нельзя не думать, как полагают многие здесь, что Австрия не совсем безгрешна в этих беспорядках, открывшихся среди зимнего трудного времени. Австрия находит не один интерес в смутах [в] пограничных турецких провинциях. Кроме того, что они доставляют ей выходцев—новых подданных из наших единоверцев, она мечтает еще о возможности вооруженного вмешательства в затруднения Турции, да и желательно ей, может быть, перед открытием Парижских конференций поддержать чем-нибудь пущенную ею нелепую мысль, что будто под соединением Дунайских княжеств кроется революционная пропаганда, имеющая своих приверженцев в турецких провинциях и в Черногории³.

Третьего дня прибыл сюда из Венеции военный пароход «Елизабета» с батальоном егерей, и ждут на днях другого — тоже с войском. От Клека до Суторины по всей границе выставлен сильный кордон солдат, вооружили также поселян-католиков пограничных деревень, собрав их в нескольких пунктах, как-то: в Осенике, Постране и др.

При сем честь имею представить вашему превосходительству копия рапорта консула в Скутари г. действительному [тайному] [советнику] Бутеневу за № 98.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью честь имею быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 716, л. 60—61 об. Автограф.

¹ После того, как летом 1857 г. крестьянские волнения охватили пограничные с Черногорией области Шкодринского санджака и Боснийского вилайета, черногорский князь Данила решил активизировать антитурецкую политику. Черногория обратилась к пограничному православному населению этих районов с призывом выступить против османского господства. В первых числах сентября 1857 г. Нижние Воевоины провозгласили объединение с Черногорией. Их примеру последовали Кучи Дрекаловичи. В Герцеговине волнения охватили Требишскую нахию. Центром восстания была область Зубцы, где предводителем инсургентов являлся капитан Лука Вукалович. Вместе с ним выступило население Грахова и Банин во главе с воеводой Анто Даквичем (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2030, л. 82, 90, 117—118 (донесения русского консула в Шкодере А. Е. Сученкова А. П. Бутеневу от 31 августа (12 сентября), 7 (19) сентября и 29 сентября (11 октября) 1857 г.); *Паровић В.* Лука Вукаловић и херцеговачки устаници од 1852—1862 године. Београд, 1923, с. 32).

Первое время в восстании принимали участие только черногорские ускоки, скрытно перешедшие черногорскую границу. Возникла даже видимость, что Черногория вообще не имеет отношения к восстанию, тем более, что князь Данила неоднократно заявлял о своей непричастности к действиям ускоков, которые, по его словам, самостоятельно отправились в Герцеговину. Последние также делали вид, что не имеют связи с Черногорией (см.: *Хитрова И. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX века. М., 1979, с. 129). В действительности Данила всеми мерами содействовал распространению восстания в Герцеговине и укреплению там влияния Черногории, стремясь добиться фактического расширения территории последней путем привлечения на свою сторону пограничного православного населения и перехода его в черногорское подданство.

² Зубцы — название области и населения в Требишской нахии. К середине XIX в. имели ограниченную автономию, избирали воеводу, командующего войском. С 1863 г. Зубцы получили от турок значительные привилегии в области налогообложения и администрации, что способствовало расширению их автономии (см.: *Вукосављевић С.* Организация. . .).

³ К. Д. Петкович очевидно имеет в виду ситуацию, связанную с подготовкой Парижской конференции 1858 г., призванной определить статус Молдавии и Валахии. Австрия, оккупировавшая княжество в 1854 г., вынуждена была согласиться на постановления Парижского конгресса 1856 г. вывести оттуда свои войска. Однако будучи противницей объединения княжеств, она стремилась сохранить в них свое влияние путем разного рода политических интриг, в том числе и тех, о которых пишет Петкович.

В действительности идея объединения Дунайских княжеств в одно государство имела объективно глубокие социально-экономические и политические причины (подробнее см.: *Виноградов В. И.* Очерки общественно-политической мысли в Румынии: Вторая половина XIX—начало XX вв. М., 1975, с. 121—155; *Черташ Е. Е.* Великие державы и формирование Румынского независимого государства. Кишинев, 1980, с. 27—61).

40

Из отчета А. М. Горчакова по Азиатскому департаменту о причинах восстания христианского населения в Боснии и Герцеговине

Не ранее 1 января 1858 г. *

Славянские племена Турции.

В общем отчете Министерства иностранных дел (по канцелярии) я коснулся только главных оснований политики Турции к европейским державам. Отношения Порты к ее подданным славянам, которые по происхождению и вере постоянно обращают особенное внимание вашего императорского величества, составляют предмет отчета по Азиатскому департаменту.

Положение славянских племен в некоторых провинциях Турции достигло крайних пределов бедствия. Если восстание юго-западных ее провинций в 1833 и 1834 годах сопровождалось кровопролитием и опустошением, то эти провинции были возбуждены какими-нибудь надеждами на будущее лучшее¹. Настоящее же волнение Боснии и Герцеговины и части Албании есть следствие несбывшихся надежд и совершенного от-

* Датируется концом отчетного периода.

чаяния. Хати-гумаюн и другие распоряжения Порты, вынужденные последним Парижским трактатом и настояниями представителей европейских держав в Константинополе, составляют мертвую букву, которую наши несколько не уважают. В некоторых местах хати-гумаюн не только не вошел в законную силу, но даже не обнародован. Доведенные до отчаяния постоянным насилием, злоупотреблением, пренебрежением к нравам, притеснением религиозным, насильственным прозелитизмом жители Боснии и Герцеговины взялись за оружие. Некоторые деревни Албании последовали их примеру. В Сербии и Черногории сочувствуют этому восстанию. Австрийское правительство поощряет его с особыми целями, именно с желанием занять своими войсками восставшие провинции Турции. Бедные райи не подозревают этих затаенных замыслов и поддаются в обман. Можно положительно сказать, что без вмешательства европейской политики восстание охватило бы все турецкие племена не только христианского населения, но и мусульман славянского происхождения и могло бы окончиться совершенным распадом Турции. Направление к общему восстанию отразилось уже частью в Азии.

По последним донесениям, число восставших в одной Герцеговине определяют следующим образом: в Зубцах, Шуме, Драчанице более 2500; в Дробняке 1000; в Грахове 400; в Баньянах 500; в Пиве 1000. В Дужах, кроме того, есть значительное число кривошинцев, жителей Австрии, присоединившихся к восставшим герцеговлянам.

Описавши бедственное положение турецких подданных, выведенных из терпения постоянным, систематическим угнетением правительства, и пройдя молчанием то пассивное, страдательное положение, в котором находится другая часть населения (болгаре), мы не можем не указать на некоторые, может быть, незначительные улучшения нравственного быта православного населения Турции, которым оно обязано живому сочувствию вашего императорского величества и той политике, которую ваше величество предначертало для Министерства иностранных дел.

Вновь учрежденные консульства наши в славянских краях являлись при всяком случае ревностными защитниками прав христианства. Если не всегда успевали они в своих домогательствах, то уже христиане могли убедиться ясно, что правительство наше заботится не о целостности и сохранении Турецкой империи, как было прежде, но о правах и соблюдении религии единоверного нам народонаселения Турции [...]

АВПР, ф. Отчеты МИД, 1857 г., л. 211—213 об. Подлинник.

¹ Речь идет о крестьянских восстаниях 1833—1834 гг. в северной и западной Боснии, вызванных беззаконными бегом, произвольными реквизициями имущества и репрессиями. Во главе восставших стоял приходский священник Повица Илияч. Восстание было жестоко подавлено. По некоторым данным, казнено около 700 чел. «Восстание попа Повицы», как оно стало называться в народе, имело определенную поддержку в Боснийской Крайне, однако, массовые репрессии со стороны местных властей, особенно в с. Машичи, помешали крестьянам объединить силы. Восстание в этом районе осталось в народной памяти как «Машички бунт» (см.: Буе и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку. Београд, 1952, с. 43—46).

* Опушен текст, не относящийся к теме издания.

Донесение А. С. Понина А. П. Бутеневу о расширении восстания в Герцеговине и о помощи Австрии повстанцам

№ 1

1 января 1858 г. Мостар

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Согласно поручению г. Гильфердинга, командировавшего меня в Мостар¹, я осмеливаюсь донести о настоящем положении дел в Герцеговине.

Восстание христиан усиливается с каждым днем. Уже две недели тому назад произошло первое кровопролитие на Поповом поле близ Требины в селе Поличе, где христиане, собравшись, объявили, что они не будут делать никакого наступательного движения, если губернатор мостарский согласится выслушать их жалобы. Но новонабранное войско мусульман-волонтеров первое завязало дело и было разбито, христиане укрепились в селе и подвигаются все далее и далее во внутрь страны, так что теперь стоят уже в монастыре Заборы близ Любичи.

Губернатор Герцеговины Васиф-паша получил вчера письмо от предводителей восстания, в котором они подтверждают, что, несмотря на сделанное уже раз нападение со стороны мусульманского ополчения, они остаются только в оборонительном положении и ждут повелений султана, что одни злоупотребления и насилия побудили их восстать, а не обещания помощи от черносгорского князя, как то объявляет везде Васиф-паша. В доказательство приводили слова письма князя Даниила, написанного к начальникам восставших христиан, в котором князь увещевает их оставить наступательное действие, отодвинуться к монастырю Дужам близ Требины, где они и прежде стояли, и ожидать там удовлетворения их жалобам от своего правительства; и, наконец, они упорно оправдываются от обвинений, что будто они задумали религиозное восстание.

О неучастии Черногории в этом деле было и прежде известно здешнему губернатору, и он теперь решительно не ставит военных намерений ее предлогом к вооружению мусульман Герцеговины, но не хочет верить, что только неудовлетворенные жалобы возбудили христиан к подобному восстанию.

Таким образом дело, начавшееся со стороны христиан жалобами на притеснения от мудиров зубицкого и требиньского и на злоупотребления собирателей разных податей, приняло вид междоусобной религиозной войны. Васиф-паша, как кажется, употребляет все средства, чтобы разжечь ее. Он вооружает всех мусульман оружием, отобранным от христиан Омером-пашою, велит провозглашать в мечетях и даже по улицам войну против неверных. Имея в Герцеговине до 3000 нивама и столько же башибузуков-албанцев, он до сих пор не хотел употребить этих сил против восставших и вооружает тех аг и мусульман Герцеговины, которые своими злоупотреблениями были причиною восстания. Мало того, он поручил начальство над этим ополчением Хаджи-Али-паше, отставленному от должности каймакама в Травнике за противозаконные поступки, который сам, быв откупщиком десятины и других податей, прославился по всей Боснии и Герцеговине как человек, служащий органом всех злоупотреблений. Васиф-паша отодвинул даже к Мостару те отряды башибузуков, которые находились на месте волнений, чтобы отстранить всякое законное участие войск правительства, так что здешние христиане уверены, что он не наказывает мятежников, посылая против них войско, а объявляет им войну.

Все это возбудило еще более христиан, которые решились биться до последней капли крови против своих угнетателей.

Мусульманского ополчения собрано и отослано до 2500 человек: в Требинье 1000, в Стольце 800, в Любинье 300. Остальные разбиты малыми отрядами. Восставших христиан по австрийской границе, в Требинье, Зубцах и т. д. считают до 3000 человек. Кроме того, жители Дробняков и Пивы готовы восстать при первом поводе. Против них стоит в Ташлице отряд низама в 2000 человек и несколько сотен башибузуков.

Мостар объявлен на военном положении, и опасаются восстания здешних христиан, у которых нашлось и оружие.

Не подлежит сомнению то, что христиане были сильно возбуждаемы Австрией, которая в начале восстания открыто снабжала их порохом и свинцом. Здесь ходят даже слухи между народа, что австрийские войска готовы вступить в Герцеговину, что составляет тоже причину упорности волнения.

Честь имею приложить при сем перевод письма зубицких христиан к митрополиту Григорию в ответ на его увещания, посланные к ним с архимандритом мостарским Иоанником Памучиною².

С глубоким уважением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

Революция А. П. Бутенева: М. Argyropoulo pour en parler à la Porte et presser l'envoi de Kiani pacha et de Kemal effendi.*

Получено 22 января.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2046, л. 1—2 об. Автограф.

¹ А. С. Ионин был послан в Мостар официально для информации мостарского губернатора о поручении консульских обязанностей по Герцеговине консульству в Сараево. Неофициально он имел задачу собрать сведения о положении в восставших районах Герцеговины (см.: А. Ф. Гильфердинг — А. П. Бутеневу от 31 декабря 1857 г. № 102. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2321, л. 117—118).

² См. док. 36.

42

Донесение И. Дубравича К. Булю-Шауентштейну о безуспешности переговоров архимандрита И. Памучины с вождями герцеговинских повстанцев и о вооружении мусульман

2 января 1858 г. Мостар

Excellence!

S. e. Vassif pacha avait dernièrement envoyé au monastère grec de Duži près de Trebigne l'archimandrite J. Pamučina afin d'y rencontrer les chefs des divers villages de ce district réunis dans ce monastère, d'entrer en pourparlers avec eux et connaître les véritables causes qui les ont décidés à prendre les armes. Pamučina était porteur des lettres de Mgr Gregoire évêque schismatique de l'Herzégovine dans lesquelles on leur conseillait d'abandonner leurs coupables projets promettant de se faire leur interprète auprès des autorités pour obtenir tous leurs justes desirs. La mission de Pamučina est restée sans succès. La réponse qu'il a apportée avant-hier et qui lui a été remise par les rayas réunis à Duži ne contient que ce[que] l'on entend tous les jours et de toute part, c'est-à-dire que les chrétiens de Trebigne n'ont

* Г-ну Аргиропуло, чтобы сообщить об этом Порте и поторопить отправку Киани-паша и Кемаль-эфенди (фр.).

embrassé le parti désespéré qu'ils viennent de prendre qu'à cause des abus dont ils souffraient depuis si longtemps. La même lettre dépourvue au reste de signatures contient des plaintes amères contre la conduite de Aghiah effendi, arrivé à Mostar depuis six mois pour présider au tribunal pénal nouvellement institué, et chargé par le gouvernement à écouter les griefs des chrétiens de l'Herzégovine. Aghiah effendi est accusé de cruauté envers les chrétiens, manifestée par des nombreux emprisonnements des rayas innocents, exécutés par son ordre¹.

Pamučina a raconté en outre au soussigné qu'à la tête des revoltés se trouve le knez de Zubci nommé Luca Vukalovich, ainsi qu'il a été rapporté dans son très-humble rapport précédent, que les revoltés sont fournis d'argent et de munitions de guerre, que grand est leur espoir de s'affranchir bientôt de la domination ottomane, que parmi les personnes au service de Vukalovich se trouvent des individus connaissant les langues italienne et française, mais qu'il ne pouvait assurer qu'il y eût des monténégrins à Duži.

Sur ces entrefaites, un certain Ante Vujacevich, knez ou chef de Grahovo, se porta à la tête de quelques centaines des siens à Bagnani et après avoir sommé inutilement un certain nombre de bachibozuks, stationnés d'après ordre supérieur près de Bagnani et occupant trois maisons dites kulé, commanda une vive fusillade qui les obligea à la fuite. De là il se rendit à poursuivre les bachi-bozüks dans d'autres endroits, tels que Bileć, Okulische et Vračevini, petits villages situés près de Gazko. Il y tint la même conduite et ravagea même les dits villages après les avoir pillés.

Le bataillon d'infanterie expédié en dernier lieu de Saraievo est arrivé à Foccia, mais il n'a pas encore poursuivi vers Piva. On soutient même qu'il attendra à Foccia l'envoi de renforts.

Haggi Ali Pacha parti d'ici le 24 de l'écoulé à la tête de 500 recrues se trouve encore à Gliubigne, d'où à ce qu'on assure n'ose pas s'avancer attendre que les revoltés se préparent à lui faire une vigoureuse résistance. Au reste, Haggi Ali Pacha est considéré comme incapable de porter aucun remède à la situation actuelle par son ignorance de la science militaire et par les défauts qui ont provoqué sa destitution. On soutient même qu'une partie des recrues parties avec lui, s'est déjà debandée.

Toutes ces circonstances ne peuvent qu'augmenter les embarras de Vassif pacha, gouverneur de Mostar. Aussi a-t-il ces jours-ci cédé aux instances, qu'il avait repoussées d'abord, des Turcs du pays de porter des armes et d'acheter de la poudre et autres munitions de guerre et cela pour se préparer à marcher contre l'ennemi en cas que la révolte des chrétiens eût à prendre une tournure plus sérieuse et qu'elle s'étendît jusqu'aux murs de Mostar. Aussitôt une lettre de souscription a été formée dans laquelle se sont inscrits plus de 1600 personnes parmi lesquelles des pères de famille à cheveux blancs. Au surplus, on a fait dans les mosquées des prières publiques non pour qu'ils soient éclairés, mais au plutôt détruire les infidèles (giaours). Cet armement des Turcs qui dans les temps précédents avait été cause de fréquents désordres, et qui avait été dernièrement rigoureusement défendu, a produit la plus pénible impression sur tous les chrétiens de cette ville, qui à juste titre doivent craindre d'être à chaque instant et dans les moments actuels provoqués pour des motifs les plus futiles par les Mussulmans du pays qui sont peut-être les plus fanatiques de l'Empire ottoman. Cependant Vassif pacha n'est pas seul responsable de cette mesure. Homme faible et inexpérimenté, il s'appuie des conseils de Aghiah effendi ci-dessus mentionné, jeune homme dernièrement attaché au bureau des drogmans à Constantinople et qui n'est pas à la hauteur de sa position ni comme président d'un tribunal pénal, ni comme conseiller d'un pacha appelé à diriger une province

dont l'administration, par sa position topographique, présente des difficultés de plus d'un genre.

On nous mande aujourd'hui que les habitants de Gliubigne se sont unis à ceux de Trebigne et que le nombre des révoltés monte jusqu'aujourd'hui à environ 5000 tous aptes à manier les armes.

M. Zohrab, vice-consul d'Angleterre, est parti il y a quelques jours pour l'Angleterre en vertu d'un congé de trois mois obtenu de son gouvernement. Il a laissé pour remplaçant M. Giurcovich, réfugié hongrois, qui avait fait part dans la guerre de Crimée du corps des volontaires commandés par des officiers anglais, et qui remplit ici depuis quelques mois les fonctions de drogman du vice-consulat d'Angleterre.

Au moment de fermer le présent très-humble rapport, l'évêque grec fit tenir au soussigné une copie exacte de la lettre dont était porteur le père Pamučina et qui lui avait été adressée par les chefs de révoltés. Elle ne fait aucune mention des plaintes formulées contre Aghiach effendi, comme on le soutenait d'abord. Pamučina avait été chargé de les exprimer de vive voix à Vassif pacha.

Je supplie votre excellence d'agréer l'hommage de mon plus profond respect

Dubravicich

HHStA, Wien, PA, GK, K. 126, Fol. 1—5. Подлинник.

Перевод

Ваше высокопревосходительство!

Его превосходительство Васиф-паша недавно направил в православный монастырь Дужи, близ Требинья, архимандрита И. Памучину, чтобы тот встретился там со старостами различных деревень этого округа, собравшимися в монастыре, вступил в переговоры с ними и узнал истинные причины, побудившие их взяться за оружие. Памучина вез при себе письма герцеговинского митрополита-раскольника Григория, в которых содержались обращенный к старостам совет отказаться от их преступных планов и обещание выступить в качестве выразителя их мнения перед властями, дабы добиться осуществления всех их справедливых желаний. Миссия Памучины не имела успеха. Ответ, врученный ему собравшимися в Дужах райя, который он привез позавчера, содержит лишь то, что можно слышать ежедневно и со всех сторон, а именно, что христиане Требинья только что приняли отчаянное решение исключительно из-за правонарушений, от которых они страдали столь долгое время. В этом же письме, под которым к тому же нет подписей, содержатся горькие сетования на поведение Агья-эфенди, прибывшего в Мостар 6 месяцев назад, чтобы председательствовать во вновь учрежденном уголовном трибунале, и уполномоченного правительством выслушивать жалобы христиан Герцеговины. Агья-эфенди обвиняют в жестокости по отношению к христианам, проявляющейся в том, что по его приказу многие невинные из них брошены в тюрьму¹.

Кроме того, Памучина рассказал нижеподписавшемуся, что во главе восставших, как и сообщалось в моем предыдущем нижайшем донесении, стоит князь Зубцов Лука Вукалович, что у восставших есть деньги и военное снаряжение, что велика их надежда освободиться в скором будущем от османского господства; что среди тех, кто состоит на службе у Вукаловича, есть лица, владеющие итальянским и французским языками; что однако, он не может сказать с уверенностью, были ли в Дужах черногорцы.

Тем временем некий Анте Вуйчевич, граховский князь или предводитель, стал во главе нескольких сот своих соплеменников в Баниях и, после безрезультатных настойчивых обращений к башибузукам, расквартированным согласно высочайшему повелению возле Бания и занимавшим три укрепления, называемых куле, открыл яростную пальбу, обратившую тех в бегство. После того он принялся преследовать башибузуков в других местах — в Билече, Окулише и Врачевинах, маленьких дере-

вушках близ Гацко. Он действовал там таким же образом и даже разрушил, предварительно ограбив, названные деревни.

Батальон пехоты, отправленный, наконец, из Сараева, прибыл в Фочу, но еще не выступил в направлении Пивы. Утверждают даже, что он будет ожидать в Фоче высылки подкреплений.

Хаджи Али-паша, выступивший отсюда 24 числа истекшего месяца во главе 500 рекрутов, находится еще в Любине, откуда, как уверяют, не решается двинуться далее ввиду того, что восставшие готовы оказать ему яростное сопротивление. К тому же считают, что Хаджи Али-паша не способен ввести никаких улучшений в нынешнее положение в силу своего неведения в военной науке и ошибок, послуживших причиной его отставки. Утверждают даже, что часть выступивших с ним рекрутов уже разбежалась.

Все эти обстоятельства могут лишь увеличить затруднения Васиф-паши, губернатора Мостара. Поэтому в эти дни он уступил настойчивым требованиям населяющих край турок, которые вначале отвергал, и разрешил им носить оружие и закупать порох и другое военное снаряжение — все это для того, чтобы подготовиться к выступлению против неприятеля в случае, если восстание христиан примет более серьезный оборот и докатится до стен Мостара. Тут же был составлен подписной лист, в который записались более 1600 человек, среди коих седовласые отцы семейств. Кроме того, в мечетях перед собравшимися были вознесены молитвы, но не о просвещении, а о скорейшем истреблении неверных (гяуров). Это вооружение турок, в прежние времена служившее причиной частых беспорядков и решительно запрещенное в последнее время, произвело самое тягостное впечатление на всех христиан города, у которых есть вполне справедливые основания ежеминутно и постоянно опасаться провокаций по самым ничтожным поводам со стороны здешних мусульман, являющихся, быть может, самыми фанатичными в Османской империи. Однако Васиф-паша не является единственным, кто несет ответственность за эту меру. Человек слабый и не имеющий опыта, он руководствуется советами упомянутого выше Агья-эфенди, молодого человека, в последнее время прикрепленного к канцелярии драгоманов в Константинополе, человека, который не соответствует высоте своего положения ни в качестве председателя уголовного суда, ни в качестве советника паши, призванного руководить провинцией, управление которой в силу особенностей ее топографии представляет различного рода трудности.

Ныне нас извещают, что жители Любинья соединились с жителями Требинья и что число восставших к настоящему моменту достигает 5000 человек, способных владеть оружием.

Г. Зораб, английский вице-консул, несколько дней назад отбыл в Англию в трех-месячный отпуск, предоставленный ему его правительством. Своим заместителем он назначил г. Джурковича, венгерского беженца, принимавшего участие в Крымской войне в составе добровольческого корпуса под командованием английских офицеров; здесь он вот уже несколько месяцев исполняет функции драгомана английского вице-консульства.

В момент завершения настоящего нижайшего донесения православный епископ передал нижеподписавшемуся точную копию письма, привезенного отцом Памучиной и адресованного ему главарями восставших. В нем вовсе не упоминается о жалобах на Агья-эфенди, как то утверждалось вначале. Памучина был уполномочен изложить их Васиф-паше в устной форме.

Прошу, ваше высокопревосходительство, принять уверение в моем глубочайшем почтении

Дубравич

¹ Как сообщал А. С. Ионин А. Ф. Гильфердингу из Мостара 5 января 1858 г., на Агья-эфенди возлагалась задача прекратить грабежи в Герцеговине. Под этим предлогом он начал жестокую расправу с христианским населением. По его указанию было арестовано и посажено в мостарскую тюрьму около 300 христиан, поощрялись насилие башибузуков. Действия Агья-эфенди в значительной степени спровоцировали восстание в Герцеговине (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 43—46).

Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу о приезде в Сараево Азиз-паши для расследования жалоб населения Посавины и о стремлении Австрии усилить свое влияние в северо-восточной Боснии

№ 9

13 января 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Сюда приехал на прошлой неделе Азиз-паша, давно ожидаемый комиссар Порты, для исследования жалоб и беспорядков, возникших в Тузлинском крае (Посавине). Он на этих днях намерен отправиться в Тузлу, а потом предполагает посетить и Герцеговину.

Здесь консулы, французский и английский, говорили мне, что им обещано миссиями их правительств в Константинополе сообщение инструкции, коими Порты снабдила этого комиссара. В таком случае и я покорнейше просил бы ваше высокопревосходительство о благосклонном доставлении мне, если возможно, сего документа, который указал бы консульству степень полномочия Азиз-паши и дал бы оному возможность судить, будет ли образ действия комиссара согласен благонамеренным видам султанского правительства.

Вашему высокопревосходительству известна важность дела, которое поручено исследованию Азиз-паши. Справедливое решение этого дела упрочит спокойствие в Боснии, тогда как ненимание к бедственной участи посавинских райи или новые отлагательства в разборе их жалоб легко и в скором времени могут возбудить во всей северной Боснии междоусобную войну между мусульманскими землевладельцами и христианскими поселянами. Свидания, которые я имел с Азиз-пашою, предупредили меня в пользу комиссара Порты, и его речи, отличающиеся благоразумием и здравым взглядом на дело, обещают в нем справедливого судью распри, разделяющей помещиков и поселян Посавины. Он понимает, что и те и другие имеют относительно права: аги, защищая неотъемлемость своей собственности, кметы, требуя возможности пропитываться и исполнять казенные повинности на землях, которые они обрабатывают для аги, и что, с другой стороны, требования и тех и других преувеличены. Сколько я мог заметить из его слов, Азиз-паша считает справедливым, с одной стороны, оставить за помещиками право брать третину (третью часть жатвы) с кметов (фермеров), но, с другой стороны, обязать землевладельцев вознаграждать кметов за их труды для улучшения своих участков, строить им избы и платить за них $\frac{1}{3}$ поземельной повинности; все эти условия соблюдаются издавна в санджаках Сараевском и Травникском, где и не было жалоб на гнет помещиков. Для Посавины определены были эти же самые правила, когда в 1848 г. там взамен уничтоженной барщины введена была вместо прежней девятой части третья; но в этой стране означенные правила никогда не исполнялись агами.

Вместе с тем Азиз-паша выражался с негодованием о страшных злоупотреблениях откупщиков десятины и мудиров, с которыми они делятся барышами, и говорил о необходимости наказать виновных и пресечь зло. Дай бог, чтобы он действительно представил Порте дело в таком виде и получил от своего правительства возможность привести в исполнение эти две меры (т. е. определение отношений помещиков и кметов в Посавине на вышеприведенных условиях и ограждение поселян от произвола откупщиков десятины). Тогда, можно надеяться, в пограничной с Австрию части Боснии надолго уничтожены будут причины волнений и беспорядков.

Из одной фразы полученного мною предписания вашего высокопревосходительства от 29 истекшего декабря, № 913, я мог заключить, что

турецкому правительству известна двусмысленная роль, которую играет Австрия в деле посавинских райи, с одной стороны, подстрекая тамошних христиан против начальства и помещиков, а, с другой, усиливая вследствие этих волнений свое влияние на турецкие власти в Боснии. Это до такой степени справедливо, что один из влиятельнейших кнезов (старост) посавинских, приходивший недавно сюда по поручению тамошних поселян, признался мне, что, несмотря на все их страдания, поселяне эти продолжали бы сносить свою долю безропотно, как и прежде, если бы начальники пограничных австрийских военных постов, куда они беспрепятственно отправляются продавать свои произведения, не уверили их, что третья наложена на них помимо воли султана и что они должны требовать ее уничтожения. 13 человек христиан, недавно перешедшие из Посавины в Австрию с намерением идти жаловаться в Вену, возвращены в Боснию по приказанию австрийского министерства, но приняты официально под покровительство здешнего австрийского генерального консульства. Впрочем из Посавины не слышно теперь ничего. Обе стороны ждут, как кажется, решения Порты. Сюда приезжала депутация посавинских бегов (знатных помещиков) и возвратилась, кажется, с предписанием не принимать пока ничего против христиан в ожидании этого решения. С месяц тому назад один бег убит был своими кметами римско-католического исповедания; но это до сих пор, к счастью, единственный пример насилия со стороны христиан.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

Резолюция А. П. Бутенева: Le pr. Lobanoff, ensuite à M. Argyropoulos. P[our] la lettre visière à obtenir, demandée par Hilferding dans [le] N 10, il serait nécessaire d'accélérer cette demande, qu'il vient de renouveler instamment *.

Помета: Reçu le 2 février **.

АВВР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 6—8. Автограф.

44

Донесение И. Дубравича К. Булю-Шауенштейну о выводе черногорских отрядов из Герцеговины и о своих представлениях турецким властям в защиту христианского населения

17 января 1858 г. Мостар

Excellence!

Après la dépêche télégraphique adressée le 6 du courant par S. E. M. le lieutenant de la Dalmatie baron de Mamula au prince Danilo, l'état des choses dans la basse Herzégovine a tout à coup changé de face, et nos appréhensions commencent à s'évanouir. Déjà M. Jones, parti d'ici le 9 du courant pour Trebigne ¹ a écrit à Vassif pacha que les monténégrins se retirent par ordre du prince et que les rayas rentrent dans leurs foyers. D'après cette même lettre M. Jones aurait persuadé les divers chefs des communes chrétiennes du district de Trebigne de se rendre avec lui à Mostar pour présenter leurs griefs détaillés au pacha, leur promettant oubli parfait du passé ². Avant-hier le dit fonctionnaire anglais a adressé au même gouverneur une

* Князю Лобанову, затем г. Аргиропуло. Что касается получения письма визиря, запрошенного г. Гильфердингом в № 10, необходимо было бы ускорить эту просьбу, которую он только что настойчиво возобновил (фр.).

** Получено 2 февраля (фр.).

дépêche télégraphique du 14 du courant portant la date de Castelnuovo confirmant la teneur de la précédente, et lui annonçant son prochain retour à Mostar à vu les dits chefs. On ignore le motif qui a conduit M. Jones à Sutorina et à Castelnuovo.

Aussitôt qu'il est parvenu à la connaissance publique que le gouvernement autrichien désapprouvait hautement l'entrée des Monténégrins dans l'Herzégovine, personne n'a douté de la bonne tournure qu'aurait pris l'émotion populaire dans ce pays. Aussi le soussigné dans ses fréquentes entrevues avec le Pacha, rendues plus fréquentes par l'impériosité des circonstances actuelles, ne lui dissimula pas ses craintes que les divers mudirs subalternes et les musulmans des districts révoltés ne se livrent à des représailles et à des actes de cruauté qui exaspéreraient les rayas et ouvriraient le chemin à de nouveaux désordres. Vassif pacha m'a donné toujours l'assurance qu'il prendrait toutes les mesures pour que les rayas ne soient nullement molestés, et même qu'il avait autorisé M. Jones de jeter cette assurance dans l'esprit de tous ces chrétiens. Mais tel est le désordre dans l'administration de cette province, les rapports de dépendance entre les divers fonctionnaires publics sont si peu observés, et telle est la haine entre la population turque et la chrétienne, qu'il y a lieu à craindre que les intentions du pacha ne soient que très imparfaitement réalisées. L'autorisation dernièrement accordée aux Turcs de Mostar de prendre les armes et de marcher contre les chrétiens lui a infiniment nui dans l'esprit public. On a reconnu dans cette circonstance que cette concession avait été arrachée ou à sa peur ou peut-être à une tendance fanatique. Toutefois après la réception de la dépêche télégraphique de s. e. M. le baron de Mamula du 13 du courant, de nouvelles démarches à ce sujet ont été faites par le soussigné auprès du pacha, qui lui a répété les mêmes assurances.

Ci-joint j'ai l'honneur de soumettre deux pièces qui m'ont été communiquées en copie par ce gouverneur. Elles ne portent pas de date, mais on présume du 8 ou 9 du courant. L'une est adressée par les chefs des communes de Gliubomir à Haggi Ali pacha, résident à Gliubigne et commandant les troupes irrégulières dernièrement recrutées dans les environs de Mostar et de Stolat, et l'autre est adressée à Hamzabey mudir de Stolat par les chefs des communes de Zubzi, de Krusevizza, de Dracevizza et de Summa. Toutes les deux annoncent la retraite des Monténégrins par ordre du prince de Monténégro. La seconde est écrite par ces mêmes chefs qui s'étaient en Octobre dernier si chaudement recommandés à Danilo, comme il résulte de leur lettre à ce prince insérée dans le journal de Vienne le «Svetovid» et rapportée dans le très humble rapport du 22 Décembre dernier No 37. Ils font usage de beaucoup d'artifice dans le langage pour captiver les bonnes grâces des autorités. Il est remarquable le passage contenu vers la fin de la lettre par lequel ils voudraient faire entendre que les autorités autrichiennes auraient désirer les attirer. Cette insinuation perfide n'est qu'une intimidation dans le cas où les autorités voudraient sévir contre eux, car de tout temps aucune menace des chrétiens n'a été plus propre à agir avec effet sur les Turcs comme celle d'une émigration en masse en Autriche.

M. Yonine secrétaire du consul de Russie à Sarajevo, dont l'arrivée à Mostar a été annoncée dans le très humble rapport du 12 du courant, était muni d'une lettre de Méhémed pacha gouverneur général de la Bosnie qui le désignait comme chargé des affaires consulaires jusqu'à l'arrivée d'un consul russe en Herzégovine. Comme j'eus l'honneur de rapporter il avait pris logement à son arrivée chez l'archevêque grec Msr Grégoire. Le lendemain il rendit visite en uniforme à Vassif pacha, mais en sortit quelques minutes après très fâché de la réception froide qui lui avait été faite. Bien qu'il parvint à la connaissance du gouverneur que M. Yonine s'est trouvé très offensé

d'un tel accueil, il s'est borné à lui envoyer un petit écrivain (kiatip) pour lui rendre visite. Si l'on réfléchit que tous les fonctionnaires étrangers arrivés ici ont été reçus avec de grands égards par le pacha, qui à l'arrivée du soussigné du retour de son dernier congé à Mostar, a envoyé à sa rencontre sa propre voiture ainsi que plusieurs employés et un bon nombre de gardes ou cavass, on ne doutera pas qu'il n'a su maîtriser son ressentiment à la vue d'un fonctionnaire dont le chef M. Hilferding est supposé avoir puissamment contribué à faire éclater la récente émotion populaire en Herzégovine.

Je prie votre excellence d'agréer l'hommage de mon plus profond respect *.

HHStA, Wien, PA GK, K. 126, Fol. 16—21. Подлинник.

Перевод

Ваше высокопревосходительство!

После того, как его высокопревосходительство г. наместник Далмации барон Мамула направил князю Даниле телеграфную депешу 6-го числа текущего месяца, положение вещей в нижней Герцеговине внезапно изменилось, и наши опасения начинают рассеиваться. Г. Джонс, выехавший отсюда 9 января в Требинье¹, уже написал Васиф-паше, что черногорцы отступают по приказу князя и что райя возвращаются к своим очагам. Из этого же письма следует, что г. Джонс якобы убедил нескольких старост христианских общин Требиньского округа отправиться вместе с ним в Мостар, чтобы представить подробные жалобы паше, обещая им полное забвение прошлого². Позавчера вышеозначенный английский чиновник направил этому губернатору телеграфическую депешу из Кастель-Ново, датированную 14 января и содержащую подтверждение изложенного в предыдущей депеше, а также сообщение о скором его возвращении в Мостар из-за упомянутых старост. Неизвестно, какие мотивы привели Джонаса в Суторину и Кастель-Ново.

Сразу же после того, как стало широко известно, что австрийское правительство откровенно не одобряет вступления черногорцев в Герцеговину, исчезли всякие сомнения в том, что народное волнение в этом крае примет благоприятный оборот. Поэтому нижеподписавшийся во время своих частных встреч с пашой, ставших еще более частыми под давлением нынешних обстоятельств, не скрыл от последнего своих опасений, как бы многочисленные подчиненные ему мудиры и мусульмане восставших округов не принялись за репрессии и жестокие действия, которые могли бы привести райя в отчаяние и стать причиной новых беспорядков. Васиф-паша вновь заверил меня, что примет все меры к тому, чтобы райя не подверглись притеснениям, и даже уполномочил г. Джонса дать такие же заверения всем христианам. Однако беспорядок, царящий в администрации этой провинции, так велик, отношения подчиненности между различными государственными чиновниками соблюдаются столь слабо, а взаимная ненависть турецкого и христианского населения столь сильна, что есть все основания опасаться, что осуществление намерений пашы будет носить весьма несовершенный характер. Данное недавно мостарским туркам разрешение взяться за оружие и выступить против христиан бесконечно подорвало его авторитет в глазах общественного мнения. Все признали, что подобная уступка в такой ситуации явилась следствием либо его страха, либо, быть может, склонности к фанатизму. Тем не менее, после получения телеграфной депешы его превосходительства г-на барона Мамулы от 13-го числа текущего месяца нижеподписавшийся предпринял новые демарши на сей предмет перед пашой, который повторно дал мне те же заверения.

Честь имею представить в приложении к сему два документа, которые были переданы мне в копии этим губернатором. На них нет даты, но предположительно они со-

* Подпись отсутствует.

ставлены 8-го или 9-го числа текущего месяца. Один из них адресован старостами Любомирской общины Хаджи Али-паше, пребывающему в Любине и командующему иррегулярными войсками, набранными недавно в окрестностях Мостара и Столаца; второй адресован Хамза-бейю, столацкому мудиру, старостами общины Зубцев, Крушеницы, Драчевицы и Сумы. В обоих сообщается об отходе черногорцев по приказу черногорского князя. Второй документ написан теми самыми старостами, которые в октябре месяце минувшего года столь горячо верялись Даниле, как то следует из их письма к этому князю, опубликованного в венской газете «Svetovid», о котором сообщалось в нижайшем донесении от 22 декабря минувшего года за № 37. В своей речи они пускают в ход всевозможные ухищрения, чтобы снискать милость властей. Примечателен пассаж в конце письма, которым они хотели бы дать понять, что австрийские власти желали бы заманить их. Этот коварный намек — не более чем прием устрашения на случай, если бы власти надумали строго наказать их, ибо во все времена никакая угроза христиан не могла подействовать на турок сильнее, чем угроза массового переселения в Австрию.

Г. Ионни, секретарь российского консула в Сараеве, о чьем прибытии в Мостар сообщалось в нижайшем донесении от 12-го числа текущего месяца, привез с собою письмо Мехмед-паши, генерал-губернатора Боснии, который назначил его поверенным в делах консульства вплоть до прибытия русского консула в Герцеговину. Как я имел честь сообщить, по прибытии он поселился у греческого митрополита Григория. На следующий день он нанес официальный визит Васиф-паше, но спустя несколько минут вышел от него, весьма рассерженный оказанным ему холодным приемом. Хотя губернатору и стало известно, что подобный прием очень оскорбил Г. Ионни, он ограничился тем, что отправил ему мелкого писаря (кватип) вместо ответного визита. Если поразмыслить о том, что все прибывающие сюда иностранные должностные лица были приняты пашой с большими почестями, что, когда нижеподписавшийся возвратился в Мостар из последнего отпуска, паша выслал мне навстречу свою личную карету, а также несколько служащих и значительное количество стражников, или кавасов, станет совершенно очевидно, что он не смог преодолеть злобу при виде чиновника, начальник которого, Г. Гильфердинг, как предполагают, весьма и весьма способствовал недавней вспышке народного волнения в Герцеговине.

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверения в моем глубочайшем почтении.

¹ Джонс временно исполнял обязанности английского вице-консула в Мостаре, заменяя уехавшего в отпуск Зораба (см. док. 42). Джонс — отставной офицер, служивший в Индии, а затем прикомандированный к сараевскому английскому консульству без официальной должности (см.: А. С. Ионни — А. Ф. Гильфердингу 5 января 1858 г. — АВНР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 13).

² Переводы этих писем приложены к донесению А. С. Ионни А. Ф. Гильфердингу от 10 января 1858 г. (АВНР, ф. ГА V-A₂, д. 608, л. 9 об.—10). В донесении А. С. Ионни сообщал о деятельности Джонса, выдававшего себя за агента русского консульства. Уговаривая герцеговинских старейшин взять обратно свои жалобы, Джонс стремился возложить ответственность за волнения в Герцеговине на Черногорию, поддерживая таким образом версию турецких властей (см. донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому от 7 января 1858 г. — Там же, д. 800, л. 4—5).

Донесение А. С. Ионни Е. П. Ковалевскому о направлении турецких войск в Требиньский округ и о готовности христиан Шумы восстать

№ 8

19 января 1858 г. Мостар

Милостивый государь Егор Петрович!

В последнее время сделались очень ясными намерения турецких начальников Герцеговины произвести мятеж из восстания христиан по южно-западной границе этой провинции, в чем они было и успели, разжигая фанатизм народа.

Несколько дней тому назад Васиф-паша (губ[ернатор] мостарский) послал своего брата в Требине будто бы для переговоров с восставшими и объявил здесь, что будет считать их мятежниками, если они не склонятся на мирные предложения брата его. Но посланный этот не входил даже в сношения с христианами и, пробывши два дня в Требине, употребил это время на новые тщетные попытки вмешать Черногорию в дело христиан и на переписку с кн. Даниилом, но, воротившись сюда, объявил, что христиане к нему не хотели явиться.

Прибывший сюда из Сараева Салих-паша (начальник войск Боснии и Герцеговины) отправляет войска во все стороны, но против требинцев посылают опять волонтеров-мусульман, которые были главной причиной всему злу. Отзыв Салих-паши о цели его приезда, что «он должен заставить уважать свое правительство», заставляет заподозрить его мирные намерения. Сегодня он отправился из Мостара, вероятно, в Требине, за ним последует малый отряд низама.

Начальники здешние, которые чрез нескольких посланных и прежде обещали христианам не действовать против них оружием, не выслушав их жалобы, нарушали всегда эти обещания, что ожесточало христиан и в нахиях, доселе покойных. Я имею причины думать, судя по словам людей, приходивших ко мне из разных концов Герцеговины, что восстание готово вспыхнуть и в других нахиях, если турецкие войска будут действовать наступательно.

По последним известиям Шума наполнилась вооруженными христианами. Теперь еще они могут быть успокоены, если согласится рассмотреть их жалобы, но после первого натиска мусульман это будет невозможно: страна эта приготовилась к правильной и решительной обороне. Они перевели своих жен, детей, имущество и скот в Далмацию, села их сделались вооруженными лагерями, даже жители тех сел, которые были разграблены и разорены волонтерами, перешли в Австрию в числе около 150 семейств. Австрийское правительство дает им средства к жизни. По последним известиям из монастыря Дужи, австрийские чиновники в Далмации опять явно снабжают восставших свинцом, порохом и даже деньгами. В рядах их считают до 300 человек австрийских подданных — жителей сел Мокрина и Кривошина в Южной Далмации. Мне передали на словах из монастыря Дужи, что офицеры австрийских войск, расположенных по границам, уверяют восставших, что получили приказание готовиться им на помощь.

Регулярные турецкие войска все отправляются против Гацко и Дробняков. Как говорят, в этих странах вооруженных христиан и черногорских ускоков может быть до 7000 человек.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 608, л. 11–12. об. Автограф.

46

Донесение А. С. Ионина А. Ф. Гильфердингу об установлении контактов с митрополитом Григорием и о подготовке создания духовного отделения в мостарской православной школы

№ 13

19 января 1858 г. Мостар

Милостивый государь Александр Федорович!

Познакомившись ближе с митрополитом герцеговинским Григорием, я мог убедиться, что в последнее время он исправил свое поведение. Общество на него не жалуется и весьма довольно уступчивостью, которую он показывает с тех пор, как переехал из Фочи в Мостар. Правда, как и прежде, он делами не занимается и не сделался заступником обиженных христиан, но, по крайней мере, он не показывает также чрезмерного страха и раболепства пред турецкими властями. Несмотря на то, что Вассиф-паша принял меня так недружелюбно, митрополит употребил все средства, чтобы оставить меня жить во все время пребывания моего в Мостаре на своем дворе в доме школы при церкви, и продолжает быть со мною в самых лучших отношениях. Он не только не скрывает от меня сведений, до него доходящих, но даже всегда при получении какого-нибудь известия присылал сам известить меня о нем.

С обществом митрополит заключил род контракта, которым он обязуется на будущее время действовать только с согласия христиан и духовенства мостарского и не рукополагать в священники никого, кто не кончит курса в имеющем устроиться отделении школы здешней, которое назначается для приготовления к священническому сану молодых людей.

Митрополит мне говорил, что он получал выговор из патриархата вследствие донесения вашего его высокопревосходительству г. Бутеневу о его поступках в Фоче, но он не только не выразил своего негодования, но еще просил передать вам, что он будет стараться исправиться и заставить вас переменить об нем мнение.

Архимандрит Иоанникий Памучина показал особенную ревность, когда отправлялся примирителем к возмущенным христианам и действовал с большим благоразумием. Вассиф-паша готов даже преследовать его за то, что он, воротясь, упорно утверждал, что не видал в Дуках черногорцев и что трепиньцы и зубчане восстали только вследствие неудовлетворения их многократным жалобам и никем не были возмущаемы. Как вам известно, такое донесение не согласовалось с идеями турецких начальников в Мостаре.

Предположение устроить при школе новое отделение для приготовления священников еще не осуществляется по недостатку средств для того, но 15 человек детей, которые изъявили желание принять священнический сан, готовятся особо для поступления в [имеющие] устроиться классы богословия. Для этого трудятся два известные вам монаха Никифор Дучич и Серафим Перович с большим рвением. Меня удивило то, что г. Памучина почти не участвует в этом полезном деле. Было бы очень полезно, если бы вы заблагорассудили написать ему об этом с вашей стороны, ибо он мог бы быть очень полезен своими знаниями и светлым умом.

приняв на себя преподавание какого-нибудь предмета. Вам известно, что он довольно сведущ в греческом языке, почти необходимом при изучении богословия.

Директоры школы Шотрич и Оборина избраны очень удачно, как я успел убедиться. Это люди благонамеренные и совершенно бескорыстные.

В заключение я должен сказать, что школа ощущает большой недостаток даже в учебных книгах, потому что она отказалась принять изданные в Австрии катехизисы и часословы, которые были приняты школой в Сараево. Поэтому она должна довольствоваться уже обветшалыми сербскими изданиями этих книг, но и тем снабжена весьма в недостаточном количестве.

С истинным уважением и совершенною преданностью имею честь быть вашим, милостивый государь, покорным слугою

А. Ионин

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 32–33 об. Автограф.

47

Предписание боснийского генерал-губернатора Мехмед Решид-паши о посылке войск из Травникокого санджака на подавление восстания в Герцеговине*

20 января 1858 г.

‘İzzetlu paşa

Herseg sancagında ‘isyan eden ba ‘z-i nevahi ehali-i hristyanin daire-i ita’ at iddihali ve uskoklerin dahi vak’ i- mazarreti ile istikmal esayış liva zammında olunan teşebbusat üzerine bu tarafdан tertib ve i ‘zam kilinmakta olduğu mesellu Travnik sancagında bulunansipahiyanin dahi tahdid olunan me ‘aşlerinden birer aylıklarile oner gönluk ta ‘yinlerinin sebt-i i ‘tasile inticab ve ta ‘yin kılmacak bikebaşıye terfikan Nevesin kazasi canibinde bulunan ‘İzzetlu Yahya paşa me ‘iyyetine irsalları husus bundan çend-i ruz akdem ba tahrirat sop valalarına iş ‘ar ve bu hususi zammında mal kalemi ketebesinden Abdullah efendi dahi tesyar olunmuşidi bu kerre Hersek tarafından alınan tahriratlar mefedına nazaren lehu-İ-hamd maslehatın kesh-i hift eylediği anlaşılıp. Bu cihetle bu tarafdан tertib ve tesvik kılman asakir muvezzife ile sipahiyan. . .^{2*} şimdilik derece-i kifayede görünmekle artık Travnik sipahiyanin ‘acaleten irsali luzum geldiğinden ba ‘de iş kesh eder ise ana göre icabına bakılmak üzere şimdilik sipahiyan-i merkumenin peşinat i ‘tasile sevk ve i ‘zamından sarf-i nazarile fakat şayid luzumi takdirinde sevkleri zammında hanelerinde mevcut bulunmak üzere liva-i mezkürede bulunan sipahilerin kemiyet-i vasim ve şöhretlerini mebin iktiza eden defterlerinin tanzimile defter-i mezkurun muma ilehv Abdullah efendinin i ‘adesile beraber bu tarafa tesyari ve bunun için gönderilmiş olan buyuruldunun dahi i ‘ade ve irsali hususuna himmet eylemelerin siyakında meclis-i kebir karar-i muzakeresine tatbikan işbu şakka-i terkim olundu.

OIS, VA, № 295/58. Копия.

* Адресат неизвестен.

^{2*} Далее слово неразборчиво.

Poštovani pašo,

U vezi sa nemirima u Hercegovačkom sandžaku preduzete su mjere da se uspostavi pokornost hrišćanskog stanovništva u nekim nahijama i da se prekinu štete koje prouzrokuju uskoci, te da se tako zavede mir u sandžaku. Trebalo je tamo poslati spahije iz Travničkog sandžaka kao pratnju binbaši koji je postavljen i kao svitu časnom Jahja-paši koji se nalazi u Nevesinju, ali su oni tražili da im se da predujam od po 10 dnevnica i po jedna mjesečna zarada. Ali, prije nekoliko dana je poslato valjino pismo i dopis Abdullah efendije, pisara kancelarije za finansije iz kojih se vidi da je, hvala bogu, traženje ove zarade bio nedostatak ozbiljnosti. Tako je za sada dovoljno redovne vojske koja je odavde poslana, kao i spahija, te nije potrebno da se hitno šalju travničke spahije. Prema tome, sada je potrebno, bez obzira na to hoće li oni biti poslani uz navedeni avans, sastaviti defter spahija koji se nalaze u spomenutom sandžaku, u koji će biti unesen njihov broj, imena i zvanje, s tim da oni budu kod svojih kuća. Potrudite se da spomenuti Abdullah efendija pošalje defter zajedno sa naredjenjem koje je u tom smislu poslato. Ovaj spis je sastavljen u tom smislu na sjednici Velike skupštine.

48

Донесение К. Д. Петковича А. П. Бутеневу о беседе с делегатом герцеговинских повстанцев М. Любичем о намерении направить депутатов к представителям держав в Вену

№ 10

20 января (1 февраля) 1858 г. Дубровник

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Представляя при сем вашему высокопревосходительству рапорт консула нашего в Скутари, за № 7, честь имею почтительнейше присовокупить, что, по прибытии из Мостара в Требинье английского вице-консула и православного архимандрита Намучины, посланного пашою с увещаниями и уверениями, что будут приняты во внимание справедливые жалобы райи и прекращены претерпеваемые ими злоупотребления, большая часть вооружившихся христиан возвратились в свои дома, а в то же самое время и черногорцы удалились из Герцеговины вследствие приказа черносгорского правителя, побужденного к этому английским агентом. Данило отправил в Герцеговину для этой цели двух сенаторов — Ива Радонича и Петра Вукотича, которые и по настоящее время остаются еще в Грахове, ожидая инструкций для устройства пограничных дел, по которым не могли согласиться с турками. За удалением черногорцев осталось только небольшое число вооруженных христиан в монастыре Дужи и в его окрестностях, не полагаясь слишком на обещания паши и уверения английского вице-консула и опасаясь, не без основания, вероломного нападения со стороны требинских турок.

Третьего дня ночью явился в императорское консульство некто Любич-ратич, посланный из м[онастыря] Дужи с письмом ко мне от тамошних старшин¹. Изложив подробно все угнетения, какие терпят в Герцеговине паши единоверцы, их недостаток в оружии и амуниции и невозможность защищаться против угрожающего им нападения турок, просил совета: могут ли герцеговинцы при таких затруднительных обстоятельствах отправить депутацию в Вену к представителям великих держав и просить у них представительства и защиты, так как они не восставали против своего государя, а вынуждены были взяться за оружие, чтобы защищаться против местных турок — ослушников его власти, напавших на них в то время, когда с одобрения паши они желали обнародовать султанский хатти-гу-

маюн и просить, дабы с христианами поступали согласно его постановления. Выставив на вид посланному, что императорское консульство в Рагузе находится в пределах Австрии и дела Герцеговины не состоят в круге его деятельности, а, напротив, в ведении нашего консульства в Сараеве, я сказал, что не могу считать себя вправе давать какие бы то ни было советы, особенно в деле, обстоятельства и подробности которого мне не совершенно известны. Тем не менее, я дал ему заметить, что не в Вене а в Конст[антинопо]ле следует быть рассмотрену их делу, что отправление депутатов в настоящее время может быть сопряжено с затруднениями и повлечет за собою проволочку времени, в продолжение которого турки могут напасть на незащитных христиан, вырезать их и разорить их жилища, если паша с имеющимися в его распоряжении войсками не возьмется оградить их, и что поэтому может быть лучше было бы, если бы они обратились к консулам, которые ближе к ним, с просьбою требовать у паши прежде всего ограждения христиан от нападения, а потом рассмотреть их жалобы и представить куда следует. Посланный между прочим сказал мне, что у бывшего предводителя вооруженных христиан Вукаловича находятся письма от здешних властей с обещаниями войска и амуниции.

Считаю не излишним представить при сем вашему высокопревосходительству также перевод с помянутого письма.

С глубочайшим почтением честь имею быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

*Резолюция А. П. Бутенева: Le pr. L[obanoff]. P[our] l'information ensuite à M. Grote et Novikoff. **

Помета: Подучено 3 февраля.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2120, л. 1—2 об. Автограф.

¹ В этом письме, подписанном игуменом Дужского монастыря Е. Дучичем и 7 старейшинами, содержались жалобы на притеснения турецких властей и невыполнение обещанных хатт-и хумаюном 1856 г. реформ (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2120, л. 3).

49

Донесение А. С. Ионина Е. П. Ковалевскому об интригах английских агентов в среде восставших герцеговинцев¹

№ 14

21 января 1858 г. Мостар

Милостивый государь Егор Петрович!

В скором времени после прибытия моего в Мостар я мог убедиться, что вице-консул австрийский своим участием много способствовал губернатору Герцеговины произвести из восстания почти междоусобную войну². С его настоянием Васи́ф-паша (губ[ернатор] Мостара) не посылал в Требинье низама, против которого не хотели сражаться христиане. Когда же Васи́ф-паша протестовал против явного оказывания помощи восставшим австрийскими чиновниками в Далмации, то агент австрийский поспешил обратить его внимание на Черногорию. Васи́ф-паша, которому нужно было непременно иностранное участие в восстании, чтобы оправдаться самому перед Портою, понял, что ему будет легче обвинять Черногорию,

* Князю Л[обанову]. Для последующего сообщения г. г. Гроту и Новикову (фр.).

нежели Австрию. К тому же и агент австрийский обещал ему при этом помощь.

Губернатор, по-видимому, так уверился в участии Черногории, что уже не хотел выслушивать жалоб восставших, наконец, чтобы и Порту склонить верить тому же, он хотел заставить самих христиан обвинить Черногорию в официальном письме к нему, обещая им помилование только с этим условием.³ Для большего успеха в таком предприятии он, вероятно, не без согласия агента австрийского просил отправиться в Требинье временного английского агента капитана Джонса с драгоманом английского консульства в Мостаре Александром Джурковичем, эмигрантом из Венгрии. Английские чиновники согласились с радостью помочь Васиф-паше и отправились, как агенты турецкие. Здесь даже говорили, что паша их послал. Они прибыли в монастырь Дужи и на другой день возвещали свое торжество, писав к паше, что христиане готовы обвинить Черногорию и, благодаря его за милости, расходятся с миром по домам, Васиф-паша и агент австрийский послали во все стороны телеграфические депеши, извещая о конце восстания и их торжестве. Но недолго оно продолжалось.

Мусульмане-волонтеры, видя усмирившихся христиан, не бывши останавливаемы своими фанатиками-начальниками, начали грабить беззащитных жителей сел, не участвовавших в восстании. Христиане уже подозревали обман английских агентов при этих нарушениях обещаний мира, которые эти агенты им давали от имени пашы мостарского, и снова стали собираться.

Я передал монахам мостарским мнение, что турецкие власти стараются вменить Черногорию в дело восстания с намерением оправдаться самим от обвинений на них в потворствовании злоупотреблениям в стране; передал им и ту мысль, что если христиане сами обвинят Черногорию, склоняясь на обманчивые увещания, то их накажут, как мятежников, и убедят правительство, что не существует тех насилий от турецких местных чиновников, на которые жалуются восставшие. Монахи, движимые чувством человеколюбия, решились сообщить это своим братьям в Дужах. Восставшие опять, как и прежде, стали упорно отекаться в каких-либо соглашениях с Черногориею. Это подтвердили непременно и неуспешные розыски пашы, и письма из разных стран южной Герцеговины. Неудача попытки англичан заставила губернатора мостарского оставить дальнейшие происки обвинить Черногорию. Губернатор Зары барон Мамула тоже перестал посылать депеши с этою целью. Про Черногорию не говорит никто, ни даже австрийский агент.

Губернатор мостарский не хотел верить, что хитрость англичан, которые было успевали так легко, не удалось потому только, что войска магометан-волонтеров начинали наносить обиды христианам, едва соглашавшимся на примирение. Для этого ему пришлось на помощь обстоятельство, которое наделало здесь много шума.

Обстоятельство это следующее:

Упомянутый драгоман английского консульства в Мостаре, бывший в Дужах, выдавал себя за русского агента консульства в Сараеве и тем вошел в доверенность к православным. Нет сомнения, что минутный успех его обмануть христиан зависел от этой хитрости; но когда он уехал из монастыря, хитрость эта открылась, и все поняли, что обещания, которые он давал именем пашы, были удочкою заманить их в свои сети, и путешествие его не только не принесло пользы, но еще способствовало к большому восстанию христиан.

Это обстоятельство рассказывается в Мостаре с намерением в искаженном виде: не упоминают, что английский агент (он же и турецкий, как публикуют это и журналы) именем русского успел было успокоить хри-

стиан и что открывшийся обман взволновал их с большою силою. Говорят просто, что явились в Дужи 2 человека, выдававшие себя за русских, и волновали страну.

Мне передали, что в междлесе (правительственный совет страны) и прежде осмеливались говорить что есть наши агенты между восставшими, что г. Гильфердинг путешествовал с целью взволновать христиан. Австрийский драгоман первый уверял в этом турок. Теперь поступок англичан дал этому еще более поводов, потому что губернатор Мостара, вероятно, с намерением притворяется не знающим, что человек, выдававший себя за русского, был их же посланный.

Таким образом хотя дерзость английского драгомана и дала повод магометанам говорить, что в Дужах был просто русский, но христиане знают истину, и нет границ их справедливому негодованию на низкий поступок англичан. Влияние их правительства этим случаем отброшено далеко назад в этой стране.

Не знаю, в какой мере виноват капитан Джонс, который не говорит ни по-сербски, ни по-турецки, но, во всяком случае, венгерец Джуркович, находясь при английском консульстве, отправлялся с ним как лицо официальное.

Австрийский вице-консул наружно негодует на дерзость Джурковича и уверял меня, что он опишет поступок его в самых черных красках своему правительству.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 608, л. 13—16. Автограф.

³ В своей ближневосточной политике Англия придерживалась традиционной линии — сохранения статус-кво на Балканах и Османской империи как «европейской необходимости». Она одобряла все действия Турции, направленные на скорейшее прекращение восстания в юго-восточных областях Герцеговины.

² Австрия проводила двойственную политику. Вынашивая планы овладения Боснией и Герцеговиной, австрийские власти подстрекали христианское население Боснии и Герцеговины к антиосманским выступлениям и снабжали повстанцев оружием и боеприпасами, призывая их перейти в подданство монархии Габсбургов. В то же время монархия Габсбургов была противницей ослабления Османской империи, а также дальнейшего развития национально-освободительной борьбы на Балканах, которая могла стимулировать развитие аналогичных процессов в самой многонациональной дунайской империи. Вена чинила препятствия Черногории, которая оказывала поддержку восстанию, стремясь в свою очередь проникнуть в Герцеговину, запретила продавать черногорцам оружие и боеприпасы, что было на руку Турции. Когда Турция стала подготавливать экспедицию для подавления восстания в Герцеговине, Австрия оказала ей содействие (см.: *Borhević B.* Црна Гора и Аустрија: 1814—1894. Београд, 1924).

³ О причинах восстания в Южной Герцеговине, стремлении турецких властей обвинить в его возникновении Черногорию, о позиции Черногории и Австрии по отношению турецко-герцеговинского конфликта см.: донесения А. С. Ионина А. Ф. Гильфердингу № 3 от 5 января 1858 г. (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 13—16 об.), № 7 от 10 января 1858 г. (АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 608, л. 7—8 об.) и записку его же, составленную около 10 февраля 1858 г. (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 54—61).

Донесение Э. Рёслера И. Прокешу фон Остену о безосновательности попыток турецких властей объяснить причины восстания в Герцеговине внешним вмешательством

21 января 1858 г. Сараево

Mein letzter Bericht vom 24-ten I. M. Z. 86 über den Stand der hierländigen Verhältnisse war bereits abgegangen, als ich heute die Ehre hatte E. E. vertrauliche Depesche vom 13-ten I. M. Z. 75 zu empfangen.

Erlauben E. E. auf die mir zu Theilgewordene Eröffnung zu erwiedern, dass die Behauptung der Pforte betreff des Einflusses fremder Emissäre auf die Klagen aus diesen Gegenden, jeder Wahrheit entbehre.

Um ihre taktloses Auftreten zu beschönigen mögen der Mutesarif der Herzegovina und einzelne Mudire der Possawina behaupten dass russisch-montenegrinische und dann auch serbische Umtriebe hier im Spiele sind, und ebenso das türkische Ministerium es willkommen heissen, die Ursache der Ereignisse auch fremde Schuld wälzen zu können, aber ich kann durchaus nicht zugeben dass in diesen Voraussetzungen, der Hauptschlüssel zu Allem zu suchen sei.

Dass durch Willkürlichkeiten welche wie bekannt unausgesetzt in der Herzegovina herrschen, einige Hundert ausgehungerte Montenegriner jene Momente benützen um im Trüben zu fischen, wo die bis aufs Blut gereizten Rafahs—über dies meistens ihre Glaubensbrüder sich aus Verzweiflung zu Nothwehr setzen — ist unter den vorhandenen Umständen eben so begreiflich als es natürlich ist, dass die an die Possawina grenzenden Serben ihren hierländigen Stammverwandten begreiflich machen, wie ungerecht es sei dass sie gegenüber ihren Begs eine Menge von Verpflichtungen einzuhalten gebunden sind, welche den Rajahs in den übrigen Districten Bosniens nicht obliegen.

Regle die Pforte von Grund aus die Unterthenverhältnisse in diesen Provinzen, führe sie eine Gleichheit in den Besteuerungen ein und dulde sie nicht dass — wie mir Monsignor Barisić anzeigt, die Katholiken in der Herzegovina fünfmal höher belastet sind als die Türken—verfahre sie endlich exemplarisch gegen das Heer von höheren und minderen Beamten die mit den Zehnpächtern unter einer Decke spielen, und sie wird sehe dass die «Fremden Umtriebe» von selbst aufhören, aber ohne einer gründlichen Säuberung dieses Angiastalles, ist kein Heil abzusehen.

Was soll man von den Absendung aller dieser potenziert in Aussicht gestellten Portenkommissäre hoffen? Diese Herren überfließen von schönen philanthropischen Redensarten, aber praktisch in das Rad der Verwirrungen eingreifen, nimmt sich keiner die Mühe. Hier sind keine Matestätsverbrechen zu untersuchen, keine ausserordentlichen Gnadenakte zu üben — oder Vorkehrungen zu treffen, um durchdachten Revolutionen entgegenzuarbeiten, die Sache ist zum Glück viel einfacher und beruht nur auf der Verfassung eines neuen ordentlich und unparteiisch angelegten Kadasters¹ um alle erhobenen Streitigkeiten für die Zukunft ohnmächtig zu machen, und diese Arbeit käme wie mir deutet einzig und allein den Attributionen der einzelnen Landesbehörden unter der Obhut des Provinzialchefs — zu. Aber man gefällt sich politische Zwecke unterzuschieben wo ein ruhiger Beobachter bloss Schäden in den Verwaltungsmaximen findet; man sieht in jedem Rajah einen Rebellen der sich unterfangt zu klagen dass er durch die immer steigenden Erpressungen der Zehnpächter von einem früheren bekannt gewesenen Wohlstande auf den Bettelstab gekommen, entblödet sich nicht jenen harmlosen Bosniaken welche unlängst bei unseren Grenzbe-

hörden über die ihnen durch die Begs erwiesene harte Behandlung Klage führte, republikanische Tendenzen zu zuschreiben, treibt aus allen Ecken und Enden Baschi-Bozuk zusammen so dass man einen neuen Krimfeldzug ausgebrochen glaubt, und nach dem die letzten Nachrichten hier eingetroffen dass die scharfe Sprache die Baron Mamula geführt, die Aufständter um Trebigne herum², niedergeschmettert habe — geht der hiesige Ferik nach der Herzegovina um—verstehen zu geben; dass durch sein Erscheinen die Ordnung der Dinge zurückgeführt worden! Diese Unzahl von Widersprüchen, irrigem Auffassungen, und unnöthigen Massregeln macht nicht nur die Menge sondern auch die dabei betheiligten Landesbehörden verwirrt, und wurde man eine präzise Antwort auf die Frage verlangen was man eigentlich beabsichtigt, so wäre man verlegen eine zu geben.

Diese Abstand also, der zwischen dem Charakten — den man den hiesigen Vorkommnissen zu geben sich abmüht und ihrer eigentlichen Beschaffenheit herrscht, war fortwährend für mich eine der unerquicklichsten Beobachtungen, und ich bitte E. E. Wiederholt, glauben zu wollen, dass der alleinige Krebschaden, in der hiesigen Administrativsverhältnissen zu suchen sei.

Betreff jener Rajahs welche bei unseren Grenzbehörden über die ihnen zu Theil gewordene Behandlung Klage geführt, und welcher E. E. in der oben erwähnten Depesche zu gedenken geruhten, ermangelte ich nicht seiner Zeit und später nach der mir die einschlägigen Weisungen des Hohen Ministeriums zugekommen waren, das Nöthige zu verfügen.

Genehmigen etc.

HHSta, Wien, Konsulate, K. 126, Fasc. Gen. Kons. Sarajevo, 1858, Fol. 24—27. Konus.

Перевод

Мой последний доклад от 24-го числа текущего месяца № 86 о положении в здешних местах был уже отправлен, когда я получил сегодня секретную депешу от вашего превосходительства от 13-го числа этого месяца № 75.

Позвольте мне, ваше превосходительство, возразить на полученное сообщение. Утверждение Порты относительно того, что жалобы, поступающие отсюда, вызваны вмешательством иностранных эmissаров, лишено всякого основания.

Чтобы оправдать лишние всякого политического такта действия, мutesариф Герцеговины и некоторые мудиры Посавины утверждают, будто здесь имеют место интриги со стороны России, Черногории и Сербии. Точно также турецкое министерство поддерживает попытки искать на стороне причину возникновения беспорядков. Я никак не могу согласиться с тем, что такой подход может помочь выяснять истинную причину.

То, что несколько сот изголодавшихся черногорцев в ответ на произвол, который как известно, постоянно царит в Герцеговине, пользуются всяким удобным случаем, чтобы ловить рыбу в мутной воде, что заставляет раздраженных до крайней степени райя, которые в большинстве своем являются их собратьями по вере, хвататься за оружие для самообороны — это вполне понятно при создавшихся обстоятельствах, также как неудивительно, что сербы, живущие вблизи границы Посавины, стараются дать понять своим сородичам, живущим здесь, как несправедливо то, что им приходится выполнять массу обязательств по отношению к своим бегам, от которых избавлены райя в других районах Боснии.

Если бы Порты коренным образом изменила отношение к подданным в этих провинциях, ввела равные для всех налоги, не допуская, чтобы, как мне доложил мونسеньор Баряшич, католики в Герцеговине платили налогов в 5 раз больше турок, провела, наконец, показательные расследования деятельности бесчисленных высших и низших чиновников, действующих заодно со сборщиками десятины, тогда она бы увидела, что «иностранные интриги» сами собой бы прекратились. Но без основательной чистки этих авгиевых конюшен невозможны никакие улучшения.

Чего можно ожидать от всех этих комиссаров, посылка которых ожидается в перспективе? Эти господа не жалеют красивых слов и филантропических выражений, но не дают себе труда вникать в эти беспорядки. Речь идет не о том, чтобы расследовать преступление против монарха или чтобы издать какие-то чрезвычайные указы о помиловании, или принимать меры, чтобы сорвать разработанные революционерами планы. К счастью, дело гораздо проще и заключается в создании нового упорядоченного и беспристрастно составленного кадастра¹ с тем, чтобы предотвратить в будущем возникновение подобных инцидентов. Как мне кажется, эта работа подлежит исключительно компетенции органов власти отдельных провинций под контролем губернатора. Однако там, где непредубежденный наблюдатель увидит просто дефекты в принципах управления, там стараются отыскать политические цели, в каждом рае видят бунтовщика, который осмеливается жаловаться на то, что от прежнего общезвестного благосостояния он опустился до нищенской суммы из-за беспрестанно увеличивающихся поборов со стороны сборщиков десятины, не стесняются приписать республиканские настроения тем безобидным жителям Боснии, которые недавно подали жалобу нашим пограничным властям на жестокое обращение со стороны бегов, и сгоняют башмачников со всех концов страны, создавая впечатление, что начался новый Крымский поход. И после того, как здесь стала известна последняя новость о том, что гневная речь, которую произнес барон Мамула, поразила повстанцев в окрестностях Требины², здешний ферик отправляется в Герцеговину, чтобы показать, что порядок восстановлен благодаря его появлению! Эти бесчисленные противоречия, ложные понятия и ненужные наказания сбивают с толку не только народ, но и правительственные органы в провинциях, к которым имеют отношение происходящие события, и если бы кто-нибудь потребовал дать точный ответ на вопрос, какая же собственно говоря преследуется цель, то для спрашиваемого было бы весьма затруднительно дать ответ.

Это расхождение между видимостью, которой стараются прикрыть происходящие здесь события, и истинным смыслом вещей было для меня одним из самых печальных наблюдений, и я еще раз прошу ваше превосходительство поверить мне, что главное и единственное зло следует искать в здешней системе управления.

Что касается тех рай, которые подали жалобу нашим пограничным властям по поводу жестокого обращения с ними и о которых ваше превосходительство изволили напомнить в своей депеше, я не преминул сделать все необходимое согласно указаниям, полученным от высокого министерства.

Примите и пр.

¹ Введение кадастра было предусмотрено общим земельным законом 1858 г., однако этот закон не был осуществлен в течение долгого времени.

² Имеется в виду противодействие австрийского наместника в Далмации барона Мамулы участию черногорцев в Герцеговинском восстании. В телеграмме черногорскому князю Даниле от 24 сентября 1857 г. заявил протест против поддержки инсургентов князем. Данила в ответной телеграмме в январе 1858 г. заверил Мамулу в лояльности по отношению к Австрии.

51

Депеша А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу о требованиях дробняков предоставить им внутреннюю автономию и удалить турецкие власти

№ 21

28 января 1858 г. Сараево

Les Drobnjaks¹ ont adopté le code de lois Monténégin. Ils veulent payer un tribut au sultan, mais ne pas souffrir de Turcs chez eux, demandant la même faveur que les Vassoëvitchis². Ce serait un grand bienfait si tout pouvait s'arranger ainsi. Les Drobnjaks inattaquables jusqu'à la fonte des

neiges, seront écrasés ensuite si on ne demande à la Porte de mesures pacifiques. Eux et les rayas de Trébigné agissent séparément.

(Signé) A. Hilferding

Пошта: Reçu le 12 (24) février 1858.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 35. Копия.

Перевод

Дробняки¹ приняли черногорский кодекс законов. Они хотят платить дань султану, но не желают терпеть турок у себя, требуя той же привилегии, что и вассовичи². Было бы великим благодеянием, если бы все могло уладиться таким образом. Дробняки, неуязвимые ныне, будут раздавлены, едва сойдут снега, если не потребовать от Порты мирных мер. Они и тревинские райа действуют раздельно.

(Подписано) А. Гильфердинг

Пошта: Получена 11 (24) февраля 1858 г.

¹ См. примеч. 3 к док. № 12.

² Вассовичи — название области и населения на севере Черногории, на территории Лиева Риека между реками Морача и Тара у подножья горы Комовы. Разделялись на верхних (горные) вассовичей, живущих вдоль р. Лима, и нижних (долины) вассовичей («Беранска нахия»). Географическое положение способствовало сохранению их общности. Под властью турок вассовичи имели политическую автономию и управлялись, как и соседние горные районы, выборным вождем. В 1829 г. был принят «Закон вассовичей» из 12 пунктов, своего рода конституция, определявшая их внутреннее автономное устройство (см.: Вешович Р. Племя Вассовичи у вези са историјом Црне Горе и племенским животом суседних Брда. Сарајево, 1935).

52

Телеграмма А. М. Горчакова А. П. Бутеневу с предписанием требовать от Порты предотвращения репрессий в Герцеговине

31 января 1858 г. Петербург

L'Autriche, selon Hilferding, donne aux raïas d'Herzégovine de la poudre, du plomb et de l'argent¹. Les chrétiens de Mostar demandent s'ils doivent se rendre aux Turcs. Il est à craindre que ceux-ci sévissent terriblement.

L'empereur vous ordonne d'insister auprès de la Porte pour que des ordres soient donnés immédiatement afin d'éviter des excès.

Резолюция Александра II: Быть по сему.
АВПР, ф. Канцелярия, 1858 г., д. 48, л. 39. Отпуск.

Перевод

Согласно сообщениям Гильфердинга Австрия снабжает герцеговинских райа порохом, свинцом и деньгами¹. Христиане Мостара спрашивают, должны ли они покориться туркам. Следует опасаться ужасающей свирепости со стороны последних.

Император повелевает вам требовать от Порты незамедлительно отдачи соответствующих приказов во избежание бесчинств.

¹ См. док. 40, 43.

Донесение А. С. Ионина, Е. П. Ковалевскому о расширении восстания в Герцеговине и о присоединении к нему католического населения

№ 15

1 февраля 1858 г. Мостар

Милостивый государь Егор Петрович!

Я уже имел честь доносить вашему превосходительству, что восставшие христиане решились защищаться отчаянно от наступательных действий мусульманской милиции. Восставшие уже перестали давать жалобы на злоупотребления турецких чиновников, как то было в начале волнений, и обнаруживают более отважные намерения.

Христиане собрались на Требиньском поле, услышавши о движении на них милиции. Они приготовились напасть на мусульман, чтобы не дать им соединиться с требиньскими турками. Но при всем том, увидевши между мусульманскими милиционерами Салих-пашу, окруженного малым числом низама, они пропустили войска турецкие, не выстрелив ни разу, говоря: мы не восстали против султана и не дерзнем сражаться с его низамом. Но Салих-паша не остался в Требинье, чтобы выслушать жалобы восставших, как он то обещал в Мостаре. Он сделал ошибку, двинувшись далее во внутрь Зубцев и объявив (как говорят), что идет осаждать Цетинье. Вследствие этого движения восставшие обнаружили намерение не склоняться на мирные предложения пашы.

Зубцы (нахия между Шумою и Дробняком) оставили свои дома и ретируются к австрийским и черногорским границам, чтобы заманить Салих-пашу ложным отступлением в глубину страны между Шумою, Дробняком и Зубцев и потом напасть с трех сторон на его войска. Мне передали, что зубцам велено делать упомянутые движения. Но кто делает такие повеления, я не мог узнать положительно. Верно только то, что вся Герцеговина убеждена, что войска австрийские, растянутые по Далмации, намерены защищать восставших и бегущих в Австрию.

Я не имею повода сомневаться в точности этих показаний, ибо описанная хитрость дубчан удалась даже. Сейчас Васиф-паша, губернатор Герцеговины, передал мне известие, что христиане первые напали на низам и произошло сражение, о последствиях которого еще не знают. Так и восставшие в Пиве напали на башибузуков третьего дня (30 января). Нападения возобновлялись три раза, бились белым оружием*. Незвестно о потерях с той и другой стороны, но по всему вероятно, они весьма значительны, и христиане одержали верх. Очевидец этого сражения представил его мне в ужасных красках.

Новые восстания обнаруживаются вокруг Шумы. Говорят, что к православным присоединяются и католики. Францисканский монах дон Илья Вукас (с Попова поля) перешел сам на сторону Шумы с 400 вооруженных католиков.

Никшичи теперь в совершенном мире с Черногорией и, говорят, что даже и мусульмане предлагали князю свои услуги.

Приблизительное число восставших следующее: в Зубцах, Шуме, Драчанице более 2500, в Дробняке 1000, в Грахове 400, в Баньянах 500, в Пиве 1000. В Дужах, кроме того, есть значительное число кривошипцев, жителей Австрии, присоединившихся к восставшим герцеговлянам.

* Вероятно, холодное оружие.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 608, л. 18—19 об. Автограф.

Донесение И. Дубравича К. Булю-Шауенштейну о направлении турецких войск в Требинье и о своих действиях в защиту христианского населения Герцеговины

2 февраля 1858 г. Мостар

Excellence!

Le 20 de l'écoulé le férik Salih pacha est parti pour Trebigne. Il était accompagné d'un bataillon de chasseurs à pied qui se trouvaient depuis longtemps en garnison à Mostar et d'environ 200 bachibozuks. Yaya pacha qui se trouve à la tête de deux bataillons arrivés de Sarajevo devait le même pour s'acheminer de Gazko vers Trébigne pour se joindre du petit nombre de troupes parties avec Sélim pacha. Si l'on ajoute les bachibozuks sous les ordres de Haggi Ali pacha résidant à Gliubigne, le nombre reuni de troupes régulières et irrégulières dirigées à Trebigne ne monte qu'à 3000 hommes. Au reste d'après les assurances du dit général et des autorités même locales, la présence de dites troupes n'a d'autre but que celui de tenir en respect les séditieux, mais nullement de les attaquer.

Comme toutes les démarches faites auprès des Autorités par les clergés catholique et grec pour rendre plus supportable la condition des rayas dans cette province sont toujours restées infructueuses, Msr Barissich évêque catholique, s'était dernièrement recommandé pour cet objet à M. de Rössler consul général à Saraievo qui à son tour avait engagé le soussigné de décrire à Salih pacha la position des rayas dans l'Herzégovine.

Le soussigné a donc dans un long entretien avec le dit férik fait une longue énumération des vexations qui depuis tant d'années pesaient sur les malheureux chrétiens et qui étaient exercées non seulement par les autorités, mais encore par les propriétaires des bien-fonds qui sont pour la plupart Turcs, ainsi que par les fermiers des dîmes. J'ai fait usage dans cette rencontre d'un papier qui ricolait dans la ville, envoyé par les religieux du monastère de Duxi contenant les principales plaintes des rayas et qui tenait naturellement à justifier le dernier mouvement insurrectionnel de la partie méridionale de l'Herzégovine. Le férik écoutait attentivement et avec beaucoup d'intérêt le récit des souffrances des chrétiens et paraissait surpris de l'insouciance des gouverneurs qui se sont succédés dans l'administration du pays. Il m'a ensuite prié de lui donner traduction en turc du dit papier. Je m'empressai de la lui faire tenir le même jour. Copie du même écrit j'ai l'honneur de soumettre à votre excellence, quoiqu'il ne contient que les griefs que j'ai plusieurs fois porté à sa connaissance.

Le soussigné a la satisfaction d'annoncer que l'entretien ci-dessus mentionné avec Salih pacha a porté pour premier fruit la destitution de Haggi Haki beg mudir de Trébigne, natif du pays, ennemi de tout progrès, persécuteur infatigable des chrétiens, et qui avait su se maintenir en place par la faveur intéressée des gouverneurs de Mostar. Sa destitution non seulement est un acte de justice, mais elle fera naître l'espoir dans l'âme de tous les rayas de ce district et espérer en un meilleur avenir. Car ainsi que je l'ai

franchement expose à Salih pacha, les chrétiens de ce pays-ci, aux habitudes et mœurs primitives, ne se laisseront jamais entraîner par des influences étrangères, et ne serviront d'instrument à aucun parti tant qu'il y aura chez eux justice et pain.

L'employé consulaire Russe M. Yonine s'étant présenté à Salih Pacha pour lui rendre visite, celui-ci lui parla de l'inutilité d'une institution consulaire dans l'Herzégovine, où il n'existe ni des sujets ni des intérêts russes, et lui tint d'autres discours pareils qui blessèrent M. Yonine, qui n'a eu jusqu'ici aucune satisfaction pour l'affront reçu de la part de Vassif pacha.

Le même gouverneur s'est conduit d'une manière singulière envers les deux fonctionnaires anglais envoyés dernièrement à Trébigne. Dans le rapport qui rendait compte au gouverneur général de la Bosnie de la mission des Anglais vers les lieux des désordres, il ne les nomma point, mais annonça simplement y avoir envoyé des personnes de sa confiance. Cette réticence a fortement indisposé M. Churchill, qui s'en est amèrement plaint à Méhémed pacha. Au surplus Vassif pacha avait dernièrement demandé à M. Jones des conseils par écrit qui devaient lui servir de guide dans les circonstances actuelles. M. Jones s'empessa d'accéder à sa demande, et lui communiqua ses idées dans un long mémoire en français. Quelques jours plus tard il demeura prouvé que non seulement le pacha n'avait fait aucune attention au travail de M. Jones, mais il eut à soutenir que le dit travail ne lui avait jamais été présenté.

Je prie votre excellence d'agréer l'hommage de mon plus profond respect

Dubravcich

ИИStA, Wien, Konsulate, K. 126, Fasc. Gen. Cons. Sarajevo, 1858, Fol. 32—37. Подлинник.

Перевод

Ваше высокопревосходительство!

20-го числа истекшего месяца ферик Салих-паша отбыл в Требинье. Его сопровождали батальон пехоты, уже давно стоявший гарнизоном в Мостаре, и около 200 башибузуков. Яйя-паша, возглавляющий два батальона, прибывших из Сараева, тоже должен был выступить, чтобы направиться из Гацко в Требинье и соединиться с незначительным количеством войск, выступивших с Селим-пашой. Если прибавить к этому башибузуков под началом Агья Али-паши, размещенных в Любине, общая численность регулярных и нерегулярных войск, направившихся к Требинью, не превышает 3000 человек. Впрочем, согласно заверениям упомянутого генерала и самих местных властей единственная цель присутствия означенных войск — острастка мятежников, но никак не нападение на них.

Поскольку все демарши, предпринятые перед властями представителями католического и греческого духовенства с целью добиться более терпимых условий существования раи в этих провинциях, никогда не приносили плодов, мюнсьиор Баршич, католический епископ, недавно обратился с этой целью к г-ну Рёслеру, генеральному консулу в Сараеве, который в свою очередь предложил нижеподписавшемуся обрисовать Салих-паше положение раи в Герцеговине.

Таким образом, нижеподписавшийся в длительной беседе с упомянутым фериком долго перечислял притеснения, на протяжении многих лет гнетущие несчастных христиан и осуществляемые не только властями, но и владельцами недвижимости, в большинстве своем турками, а также сборщиками десятины. Во время этой встречи я воспользовался имеющим хождение в городе документом, отправленным монахами монастыря Дужи, содержащим перечень основных жалоб раи и, разумеется, старающимся оправдать последнее повстанческое движение в южной части Герцеговины. Ферик внимательно и с большим интересом слушал рассказ о страданиях христиан и,

казалось, был удивлен беззаботностью губернаторов, сменявших друг друга в управлении страной. Затем он попросил меня перевести ему этот документ на турецкий язык. Я поспешил передать ему перевод в тот же день. Копию этого документа имею честь предложить вниманию вашего высокопревосходительства, хотя он не содержит никаких жалоб, кроме тех, о которых я неоднократно сообщал вам.

Нижеподписавшийся с чувством удовлетворения сообщает, что первым результатом вышеупомянутой беседы с Салих-пашой явилась отставка Хаджи Хаки-бега, требиньского мудира, уроженца этого края, противника любого прогресса, неутомимого преследователя христиан, который удерживался на месте небескорыстной милостью мостарских губернаторов. Его смещение является не только актом справедливости, оно возродит надежду в душах всей раи этого округа и позволит им надеяться на лучшее будущее, ибо, как я откровенно сказал Салих-паше, христиане этой страны, чьи нравы и обычаи примитивны, никогда не пойдут на поводу у чуждых влияний и не станут орудием какой бы то ни было партии, если у них будут справедливость и хлеб.

Когда чиновник российского консульства г. Ионин явился к Салих-паше с ответным визитом, последний сказал ему о бесполезности учреждения консульства в Герцеговине, где нет ни российских подданных, ни российских интересов, и держал перед ним другие подобные речи, оскорбившие г. Ионина, который до сих пор не получил никакого удовлетворения за оскорбление, нанесенное ему Вассиф-пашой.

Этот же губернатор своеобразно повел себя по отношению к двум английским чиновникам, недавно отправленным в Требинье. В докладе генерал-губернатору Боснии о поездке англичан в районы беспорядков он не назвал их, а просто сообщил, что направил туда лиц, пользующихся его доверием. Это намеренное умолчание сильно испортило настроение г. Черчиллю, который горько сетовал на него Мехмеду-паше. Кроме того, Вассиф-паша недавно попросил г. Джонса о письменных наставлениях, которые должны были помочь ему ориентироваться в нынешних обстоятельствах. Г. Джонс поспешил отозваться на его просьбу и сообщил ему свои соображения в пространной памятной записке, составленной на французском языке. Спустя несколько дней он получил доказательства того, что паша не только не удостоил вниманием труд г. Джонса, но утверждал, что сей труд вообще не был ему представлен.

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверения в моем глубочайшем почтении

Дубравcich

55

Письмо из Винковца * с текстом письма депутатов повстанцев Посавины о требованиях решения поземельных и налоговых вопросов

3 февраля 1858 г. Винковцы

Любезна браћа и миле народе!

Са великом жалосту могли смо чути како нас наши неки и ваши злотори код народа опадају и кое каквоје лажи на нас износе. Да би любезну нашу браћу и мили народ доволно уверити за нужно смо нашли ово неколико речи у народ пустити да сва наша добра и любезна браћа знају и виде да мы овам не седимо бадава као што неки наши непријатељи потварају. Но уколико е можно све смо силе употребили да онај ярам, кога већ толико година срамно носимо, са нашег врата за навек скинемо. За болји доказ сво ови од речи до речи стављамо следеуће писмо, кое смо из Бећа од браће наше добили. Па нека сва наша браћа виде и знаду да мы овам не седимо бадава.

Препис писма: У Бећу 27-и јануара 1858.

* Автор и адресат неизвестны.

Здравствуйте, мила браћа!

Ваше почитаемо писмо примили смо преко г. Андрића, у ком смо разумели читаве ваше желе. За то вам доходимо јавити и молити како е у Босни да нам што чешће овамо пишете. Јучер у 5 саати били смо код турског посланика Калимака кои е пореклом Грк! И молбено е наше писмо примио. И он обећа нам се да ће га по првом куриру у Стамбул послати говорећи да цар за такве зулуме ништа не зна! А он ће се колико е могуће за то заузети. Писмо смо предали у 2 языка, едно на француском, а друго на нашем, у коме јављамо све наше терете кое терпимо, и молимо честитог цара: 1) да нам сасвим укине чифтлике, то ест трешину; 2) десетину да не продае у аренду већ ону незину сумму новаца која е у Цариграду да приметне у порезу; 3) да войници у новце не плаћемо, већ цару войнике да даемо као што и сам царский ферман (хатхумаюм) гласи; 4) да нам се даде царский ферман у руке да нам га Турци не прекрећу као до сад, особито да се можемо кући слободно повратити.

Даклем, мила браћа, будете тако добри и ово наше молене препишите на ваша табака, пак пошаљите преко у Босну да се оны тамо владати знају и да и Азиз-паша на што друго не превари а што се слаже са царским ферманом, кога смо морали као и молбеницу за честитог цара упутити. Будући да смо научени од овлашње браће наше Срба кои нас тешко дочекаше да очима виде и тако нас свакиј дан походе, но ми иош доспети писмо могли да у варош изиђемо. За новце што се тиче, гледајте на свакиј начин; новаца нам пошаљите и Леополд-Штат, Национал-хотел, № 326 у четвртом кату, соба 176.

Са тим остаемо вас еднообчно поздрављајући есмо у Бечу. Позната ваша браћа.

Любезна браћо!

9 друга

Гледајте за име бога на свакиј начин да трошка у народу скупите и по овом нашем посланику, кога са овим опуномоћавамо и у народ шаљемо што прие нам пошлите. Само да назначите писмено колико му у руке даєте да знамо колико из кое нахне примили. Ест ли до данас и по коме овамо новци шалили. Мы не знамо почемо едне паре у руки примили писмо.

У Винковци 3 фебруара 1858.

Ваша браћа.

Дале молимо да што се год тамо догађело буде сообщтаите нам да знамо шта се тамо ради, а мы ћемо одуда опет вама сообщтавати успехи у предузећу нашем. Г. г. свештенике, учитеље, кнезове и кметове учтиво молимо да ово наше писмо пред целим народом гласно и разговорно пробитају.

Исти.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 106—107. Копия.

56

Письмо руководителей герцеговинских повстанцев К. Д. Петковичу о причинах восстания и требованиях восставших¹

3 февраля 1858 г. Дубровник

Ваше благородие!

Уверени смо да сви посланици, олти консули, неговог величества православнаго императора российског труде се и желе уверити се о жалостном

132

станю и положаю православни христиана у турской замаћи, двору неговог величества представити и оваме бедном народу руку помоћи пружит, зато ми, ниже подписати, налазимо се у дужности саобщити и укратко вашему благодарию * силетке кое неприятели ћине на пропаст православнаго народа у време кодара он само своя права тражи. Молимо, ваше благодарие, да нас саслушате.

Будући да су христиани од окружия требинског више пута плакали и тужбе стариему подносили на угнетание и тиранство кое трпи од турака, наипосле уследству нѣихови тужба, добию на дан 4 децембра 1857 недну бурунѣю, олти дозволене, од наше мостарскога да се имаду састати села од више реченог окружия, то јес: Зубци, Крушевица, Драчевица и сва Шума требиска, да преставе стариему свое зло стане у коме се палазе. Тако уверени христиани од тог дозволения састају се у манастир Дужи сва више поменуѣта села на дан 5 децембра под своим поглаварем Луком Вукаловићом кои е одма за тај састанак известио писмено у Дубровник г. градоначалника аустриинског, уверивши га да су тако христиани поступали по заповеди папшином у самоем сакнелу затражит праву и царски хатхумаюм да се има извршавати а не посебица турска и да ни најмане не иду противу царске власти, ни да се с киме бию мада би се храбро бранили када би у случаю од кога били нападени. На кое писмо градоначалник аустриински одговори да ће он христианима допустит вазда што им узтребуе праха и олова. Иза тога и на 10 истога месеца састаше се 3 посланика од стране христиана а 3 од стране Турака и заключише веру да неће недни на друге нападати.

Када напротив, сутридан, ударише Турци преко вере на християне кои бравећи се имали су муке и у том обстоятелству потраже од градоначалника дубровачког обећани прах и олово, ма од истога буде одбачени и названи бунтовницима без добити ништа. Тако е трајало до 29. К кои дан дође из Мостара Ибрага Силиваторезић, иедан капетан англиски **, и Александер Ђурашковић, секретар енглјеског консула из Мостара, кои су уверавали християне у име 3 консула, то ес: рускога и осталне, да баце оружје, а да ће они како нѣихови посланици ствар намирне свршит, а да ће христиани права која траже добити, овако су говорили пред калуђерима и свима поглаварима християнским и дали нѣихово писмо под печатом, кое вам овде приклоћуемо, да Турци неће по себи више насилия радити.

Али напротив тие све уверения. Иедан свештеник идући из села у манастир буде на путу доћекан од 2 зликовца Турѣина, погулен и не би био ни живот спасао да се нису десила 3 Срба кои су га обранили. И потле тога поћеше Турци више злодеяния чинити него игда разбѣравши християне, поробили су многе манастирске куће и све остало што су могли. Ето каква е права и слобода код Турака.

До мало дана потле приспио е у Требиниѣ Сали-паша са низамом и друго[м] нерегуларном войском и позвѣ опет све поглаваре и калуђере говорећи да е дошѣ наша права бранит. На негов позив оду неколико наша ђовека кое одма одпусти рекавши им: ви сте чобани, него нека сви остали дођу. Али они не смеше се усудит отићи. И тако паша удари са своим силом на село Зубце и поби се за ** оним християнима. Али они су се храбро јунаци бранили, и пало е мртвие преко 20 Турака, и не зна се колѣко е ранение, али унаприед јасније ћемо вам јавит.

Сувише вама у то на исти поверевамо како е градоначалник дубровачки нудно игумна. И неке поглаваре били се уз суседну државу при-

* Так в тексте. Следует: благородию.

** Джонс.

*** Так в тексте.

133

слонили и признали незино покровительство. Кое питане нами се врло чудно учинило, не знавши шта хоће то покровительство рећи, ербо ми болега покровителя и господара од нашега милостиваго султана не тражимо и само желимо да се негова воля и хатихумаом кои е био у Паризу закључен у действие приведе и да се жалостно стане бедни христијана поболши. Из овог изложения ваше ће се благодарие уверити која е права намера овога народа и да нема презрати намишления противу власти свога господара милостиваго султана, како што непријатели панкаю. И уздамо се, несумено, да ће своја права обећана у хатихумаому добити прие са милостивом подпором великог православног императора коме лежи на срцу благостане овога бедног народа.

Молимо најпокорније ваше благородије да овако представи двору неговог величества за кое остаћемо увек благодарни, уверите се о нашем високопочитању, с којим пребивамо

вашег благородија покорније слуге: Евстатие Дучић, игумен, Василије Уляревић, иеромонах, Мелентие Перовић, иеромонах, Ристо Мариновић, Васо Вулегић, Лазар Томовић, Томо Герун, Тривко Памучина, Вуле Правица, Саво Куртовић и остали сви главари и христијани.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 717, л. 36—38 об. Подлинник; л. 101—103 — пер. на рус. яз., современный подлинник.

¹ Одновременно с этим письмом Е. Дучич и Н. Будович направили от лица герцеговинских повстанцев обращение к представителям европейских держав в Константинополе, в котором писали о бесчинствах и насилиях турок и просили обеспечить проведение в жизнь реформ, обещанных хат-и хумаюмом 1856 г. (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 717, л. 39—40).

57

Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу об условиях проезда четырех сараевских уроженцев в Россию для обучения в русских учебных заведениях

№ 25

4 февраля 1858 г. Сараево

Милостивый государь Анолинаруий Петрович!

По содержанию предписания вашего высокопревосходительства от 12 января, № 25, имею честь донести:

1) Пересылка из Константинополя 100 черв[онцев], назначенных на проезд из Сараева в Одессу 4 здешних уроженцев в сопровождении монаха Чокориля может быть, мне кажется, всего удобнее произведена через Рагузу. Если не представится случая с каким-нибудь курьером или другим верным лицом, то миссия могла бы приказать справиться, нельзя ли переслать деньги в тамошнее консульство через контору австрийского Ллойда. Мне известно, что Ллойд принимает на себя пересылку денег с вычетом умеренного процента из Триеста в Рагузу, и я полагаю, что это учреждение распространяется и на другие его конторы. В противном же случае следовало бы взять в Константинополе вексель на один из главных банкирских домов в Вене и прислать этот вексель в Сараево, где он мог бы быть продан без затруднения.

2) Считаю удобнейшим отправить означенных воспитанников при наступлении весны (т. е. в апреле) из Сараева в Белград, откуда они могут ехать на пароходе в Одессу.

3) Не имею никакого указания министерства за счет того, какими видами на проезд должны быть снабжены эти воспитанники. Они могут отправиться в Белград с турецкими тескере и в случае каких-нибудь вопросов объявить, что хотя и учатся в Сербии по примеру некоторых других уроженцев Боснии; в Белграде же наше ген[еральное] консульство снабдило бы их паспортами для проезда в Россию. Но, быть может, ваше высокопревосходительство сочтете лучшим для предохранения консульства от возможности обвинения в скрытности действий предписать ему снабдить их российскими видами из Сараева. В таком случае я покорнейше просил бы о благосклонном распоряжении для доставления в консульство паспортных бланков.

Вообще я долгом считаю представить вашему высокопревосходительству, что консульство, не получив таковых бланков из министерства, может вскоре иметь в них нужду, ибо уже трое или четверо из здешних жителей выразили мне свое намерение отправиться нынешним летом в наши черноморские порты для торговых дел.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

Резолюция А. П. Бутенева: MM. Grote et Novicoff *.

Мне кажется, что консульство не вправе выдавать паспорта в Россию иностранным подданным. Спросить мнение Павла Николаевича.

Пометы: Recu le 20 février 2*.

Отв[ет] от 21 марта, № 204.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 36—37. Автограф.

58

Обращение посавинских депутатов в Вене к Александру II с просьбой выступить перед Портой в защиту боснийского народа

9 февраля 1858 г. Вена

Ваше императорское величество!

Ядноє стане нашего народа у Босни, кое ми трпимо и више трпоти не могосмо, за кое морамо и ваше императорско величество сасвим просто и писмено покорно молити.

Прие 10 месеца дана плакасмо и кукасмо по Тузли и по Сараеву код босански паша и везира да нам даду допуштене у намери у Цариград нашу молбу честитому султану предати. Нажалост и то нам све би залуду. Ми, доле подписати, од 5 наиа са пуномоћием од све рае, восточне и римокатоличке цркве, кое бисмо преморати ноћом побиећи у ц[есарску] к[ральевску] Аустриинску државу, која нам не дозволи у Цариград ићи са истом молбом, коју и вашем величеству са овим писмом заједно прилажемо. И то нам тешко дозволише пут до Беча, ди приморани будемо нашу молбу, овде у Бечу, код Турског посланика предати. Зато доодимо ваше императорско величество у највећој покорности повизно молити да ваше великодушно око на ядноє стане наше сиротине обрати, која не има другога избавителя православне цркве и вероисповедания восточног да ваше императорско величество, кое у највећој покорности као отца нашего

* Г. Г. Гроту и Новикову (фр.).

2* Получено 20 февраля (фр.).

молимо да даде налог преко вашег императорског величества посланика у Цариграду да добро слово за нас код нашег великог османског министерства рекне кое нам велику помоћ учинити може. И то се усуђујемо ваше императорско величество понизно молити да не упућујемо служебним путем нашу молбу, кое би нас могло у велику опасност увалити. А ми смо мирним путем од нашег народа послати, за кое и ми узимамо слободу нашем императорском величеству по реду наша имена назначити будући да не знамо својом руком писати, за кое народ имена свое ручним крстом потврђујемо

Танасија Веселиновић, Симо Јовановић, Јово Коић,
Божо Гликић, Ђорђе Ровћевић, Јван Божић, Ђока Тодоровић
Тома Мршић

АВВР, ф. ГА V-A₂, б. 339, л. 9. Подлинник.

59

Донесение К. Д. Петковича Е. П. Ковалевскому о попытках Австрии посредничать в переговорах между герцеговинскими повстанцами и турецкими властями

№ 27

9 (21) февраля 1858 г. Рагуза

Милостивый государь Егор Петрович!

Водворившееся спокойствие в Требинском округе по удалении зубчан и ускоков вследствие увещаний английского вице-консула в Мостаре, о чем я имел честь донести вашему превосходительству от 21 января (2 февраля) за № 11, недолго продолжалось, и недоверие и опасения наших единоверцев вполне оправдались. Прибытие английского агента в монастырь Дужи с мирными и, по-видимому, благоприятными для христиан намерениями имело целью обмануть их, удалить зубчан и черногорцев от Требины и дав этим возможность туркам собраться с силами. Для достижения этой цели английский агент позволил себе даже говорить герцеговинцам и от имени русского консульства.

Требинские турки, получив подкрепление из Мостара, ворвались 27-го января в предел зубчан и крушевичан, но были наголову разбиты сими последними, успевшими зажечь свои хаты, истребить все, что могло попасть в руки неприятеля, перегнать скот в Суторину и частью в Австрию — в Канавлье и засесть в неприступных местах. В то же самое время другой отряд башибузуков под начальством Рустем-бега Ченгича направился против пивлян, принудив также около 100 человек из христиан следовать за собою, но был тоже разбит и потерял два значка и амуницию; начальник ранен, а поселяне в начале сражения перешли на сторону своих братьев.

С самого начала возмущения в Герцеговине я позволил себе выразить подозрение на счет отношения австрийских властей к делам наших единоверцев и имел честь неоднократно в своих рапортах обращать внимание вашего превосходительства и императорского посольства в Вене на интриги и происки австрийцев. Многие факты затем подкрепили мои предположения. Из сведений, доставленных мне игуменом монастыря Дужи, перебравшим на сих днях в Рагузу для спасения монастырских священных вещей и с которым я немедленно позаботился войти в сношение посредством доверенных мне лиц мимо полиции и шпионов, явствует, что Австрия сначала через здешние власти одобряла восстание и обещала христианам амуницию и даже войско, требуя взамен, чтобы они просили

посредничества и покровительства австрийского императора. Игумен сообщил мне, что многие письма, написанные в этом духе начальником Рагузского округа, находятся у воеводы зубчан Луки Вукаловича, и обещал доставить мне некоторые из них. Австрийцам нужно было иметь повод прокричать, что на границе у них беспокойства, что в турецких провинциях господствуют возмущения, революционные и славянские пропаганды; иметь повод сосредоточить значительные гарнизоны в пограничных местах в ожидании возможности предложить свои услуги Порте вооруженным вмешательством — цель, о которой Австрия давным-давно мечтает и готовится все пути к тому под видом дружбы и доброжелательства своему соседу и союзнику. Христианам в Турции, а еще менее славянам желать искренно добра Австрия не может — это не в ее интересах; поэтому она подстрекнула герцеговинцев обещаниями для своих видов, но ничего не исполнила. Мало того, здешние власти запретили продажу пороха христианам, а туркам доставляют через католиков пограничных австрийских селений. При нападении турок на зубчан под предводительством Салих-паши, о котором мною упомянуто выше, многие христиане из Зубчан, Крушевицы и других мест перегнали свой скот и перевезли разные свои вещи в Австрию; австрийцы приняли их хорошо, но на возвратном пути в Стрияче, недалеко от Канавля, отобрали у них оружие — около 130 ружьев и значительное количество пистолетов, ятаганов и пр., несмотря на слезы христиан, умоляющих не отнимать у них единственное средство защищать свою жизнь против турок.

Известно мне из достоверных источников, что австрийцы на сих днях расспрашивали подробно о дорогах, ведущих в Герцеговину через Боргат и Мерцину, и о расстоянии между Требинием, Клобуком и Никшичем, и поэтому многие полагают, основываясь на словах генерала Десимона и начальника Рагузского округа, что Австрия, стараясь из домашнего дела райи с помещиками-турками сделать настоящую революцию, угрожающую будто целостности Османской империи и собственной ее безопасности, помышляет о каком-нибудь движении ее войск.

Для удаления совместных консульств прочих держав в дела Герцеговины австрийцы задумали принять сами роль посредников между христианами и турками и пригласили для этой цели в пограничное австрийское местечко Мерцина Салих-пашу, зубчских старшин и их предводителя Луку Вукаловича. Сему последнему, чтобы склонить его легче на свою сторону, обещали разные почести, медаль, орден и пр. Паша ответил, что он не прочь принять таковое посредничество, зная, что австрийцы будут действовать скорее в пользу турок, нежели христиан; но зубцы, имея в свежей памяти еще поступок английского агента в монастыре Дужи, отказались, сказав, что они не воюют ни с кем, а защищаются против своих притеснителей и ослушников султанской воли, что они не могут принять посредничества кого бы то ни было и мириться на австрийской территории, что они ищут защиты от султана и что их справедливые жалобы могут и должны быть рассмотрены его людьми и представителями великих держав совокупно. Австрийцы за ласками и обещаниями употребили угрозы арестовать или выслать обратно в Герцеговину перебравших христиан, говоря, что ожидается 50-тысячный корпус турецких войск, что их страна будет наводнена и разорена; но и это средство им не удалось. Здешний начальник, со своей стороны, принуждал тоже под опасением высылки за границу игумена [монастыря] Дужи * просить письменно посредничества Австрии от имени всего народа. Ему было тоже отказано.

* Е. Дучич.

Считаю не излишним передать вашему превосходительству, как слух, и то известие, по которому австрийское правительство обращалось будто с угрозами к правителю Черногории, обвиняя его в участии в герцеговинском возмущении, и что Данило ответил, что не только не причастен в этих беспорядках, но что, напротив, он старается по возможности сохранить спокойствие на границах управляемого им края.

На днях приезжал сюда из Цетинья Влахович, секретарь князя по внутренним делам¹, пробыл 4 дня и вчера отправился обратно в Катаро с пароходом. Уверяют, что он имел здесь поручение, но какое именно, пока еще неизвестно.

При сем честь имею представить вашему превосходительству в подлинниках вместе с переводами два прошения, доставленные мне вышепомянутым игуменом, — одно на мое имя, а другое в 5 экземплярах для представителей 5 великих держав в Константинополе². Экземпляр сего последнего мною препровожден г. действительному [тайному] советнику Бутеневу, а также в императорское посольство в Вене.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью честь имею быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 717, л. 32—35 об. Подлинник.

¹ Секретарь черногорского Сената Влахович находился в Дубровнике в начале февраля 1858 г. вместе с русскими консулами из Сараева и Мостара. Велись переговоры с герцеговинскими повстанцами и людьми из окружения Луки Вукаловича. Однако результаты этих переговоров неизвестны (см.: *Королев В.* Лука Вукалович и Герцеговачки устанци од 1852—1862 године. Београд, 1923).

² См. док. 56 и примеч. к нему.

60

Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу об увеличении в Боснии налога на свиней и о росте недовольства христианского населения

№ 41

14 февраля 1858 г. Сараево

Мonsieur l'envoyé,

C'est avec une profonde tristesse que je vois la pitoyable manière dont les affaires de la Bosnie sont conduites. On semble vouloir y faire naître exprès les plus grandes calamités. Lorsque je suis arrivé ici, il y a neuf mois, toute la province était tranquille; on s'y plaignait des abus, mais rien n'y faisait pressentir des troubles. Aujourd'hui, en me préparant à quitter mon poste, je vois une partie de l'Herzégovine en flammes, et tout le nord-est de la Bosnie prêt à la révolte. Tels sont les fruits de l'incapacité des autorités et de leur connivence avec les oppresseurs de la population, aussi bien que de l'impardonnable ignorance et incurie de la Porte à l'égard de ces pays.

Le gouvernement ottoman vient d'en donner une nouvelle preuve. Votre excellence connaît la fermentation qui règne dans la Possavina (province de Toulsla). Un des griefs de rayas de cette contrée, c'était l'impôt prélevé sur les troupeaux de porcs. Cet impôt (1 piastre et 7 paras pour chaque animal) était odieux aux chrétiens à double titre; d'un côté il donnait aux musulmans l'occasion de leur rappeler à chaque instant leur infériorité religieuse; d'un autre côté, il portait sur la seule source de revenu qui assu-

rât aux rayas de la Possavina leurs moyens d'existence. Cette contrée est très favorable à l'éducation des porcs, à cause des grandes forêts de chêne qui s'y trouvent et de l'excellent débouché qu'offre la Hongrie; les paysans y avaient donc voué toute leur industrie. Les troupeaux de porcs leur fournissaient les moyens d'acquitter tous leurs impôts et leurs redevances aux aghas, et ils pouvaient en conséquence conserver pour leurs propres besoins une grande partie de la récolte de leurs champs. Comme cet impôt sur les porcs causait, comme je viens de la dire, des plaintes continuelles, le gouvernement général en proposa l'abolition. Mais au lieu de faire attention à ses représentations et aux vœux de la population, le gouvernement du sultan vient d'ordonner que cet impôt détesté soit porté de 1 piastre 7 paras à 10 piastres. Longtemps, je ne voulais pas croire à la possibilité d'une mesure aussi impolitique, surtout dans le moment actuel; mais le pacha m'a certifié que tels étaient en effet les ordres arrivés de Constantinople. C'est assez pour faire éclater la révolte dans tout le nord de la Bosnie. Les rayas ne pourront d'aucune manière acquitter le nouvel impôt: car il faut qu'ils élèvent un porc trois ans, c'est-à-dire qu'ils payent 30 piastres pour pouvoir le vendre pour un ducat (55 piastres: tel est le prix du ducat en Bosnie); il ne leur reste que 25 piastres, mais la nourriture de l'animal pendant trois ans leur coûte plus cher. Forcés par conséquent de se défaire de ces troupeaux qui forment leur seule richesse, les chrétiens de la Possavina tomberont dans la plus profonde misère où ils seront réduits à émigrer. Mais dans l'état d'excitation où ils se trouvent aujourd'hui, ils préféreraient je le crains, d'avoir recours aux armes, d'autant plus qu'ils ne pourront s'empêcher de voir dans le nouvel impôt une sorte de provocation et une preuve que la Porte au lieu de compatir à leurs souffrances tâche exprès de les aggraver.

Il n'y a pas de doute que le gouverneur actuel de la Bosnie, Méhémet Rechid pacha est un homme de peu de capacité; mais du moins il a montré dans l'affaire de la Possavina une prudence et une modération qui ont maintenu la paix dans cette contrée; sa conduite mérite des louanges quand on la compare à la stupide et fanatique brutalité de Vassif pacha, qui, après trois mois d'administration, a provoqué la guerre civile dans l'Herzégovine.

Malgré tout le bien qu'on dise de Kiany pacha qui va remplacer le gouverneur actuel de la Bosnie, je ne puis m'empêcher de croire que ce changement est dans le moment actuel une faute très grave de la part de la Porte. Il n'y aura personne en Bosnie sur qui la responsabilité des événements pourra retomber. Dès qu'il a appris la nouvelle de sa destitution, Méhémet pacha s'est condamné à une inaction complète; il sera charmé de pouvoir se mettre à couvert en abandonnant les affaires à son successeur, et celui-ci qui prendra en main la direction de la Bosnie à la veille d'une conflagration, aura en toute occasion l'excuse de ne pas pouvoir être rendu responsable pour des affaires commencées avant son entrée en fonctions.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, monsieur l'envoyé, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. Hilferding

Помета А. П. Бутенева: М. Novicoff. Le rapport suivant convertit la tristesse en bonnes espérances.

Помета: Reçu le 9 mars.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 69—71. Автограф.

Перевод

С глубокой печалью я наблюдаю, сколь плачевным образом ведутся дела в Боснии. Создается впечатление, будто в этой провинции специально хотят вызвать величайшие бедствия. Когда я прибыл сюда 9 месяцев назад, по всей провинции царил покойствие; были жалобы на злоупотребления, но ничего не предвещало волнений. Ныне,

когда я готовлюсь покинуть свой пост, часть Герцеговины объята пламенем, а весь северо-восток Боснии готов восстать. Таковы плоды несостоятельности властей и их попустительства угнетателям народа, равно как непростительного поведения и нерадивости Порты по отношению к этим землям.

Османское правительство только что дало новое тому доказательство. Вашему превосходительству известно о брожении в Посавине (провинция Тузла). Одной из причин недовольства райи этого края является увеличение налога на стада свиней. Этот налог (1 пиастр и 7 пар на каждое животное) был вдвойне ненавистен христианам: с одной стороны, он давал мусульманам возможность на каждом шагу напоминать им о своем религиозном превосходстве, с другой стороны, им был обложен единственный источник дохода, обеспечивавший существование райи Посавины. Этот край весьма благодатен для разведения свиней благодаря наличию огромных дубовых лесов и великолепного рынка сбыта, каким является Венгрия. Все хозяйство тамошних крестьян зиждется на разведении свиней. Стада свиней давали им средства для уплаты всех налогов и податей агам, благодаря чему они могли сохранять для собственных нужд значительную часть урожая со своих полей. Поскольку, как я уже говорил, этот налог на свиней является источником постоянных жалоб, генерал-губернаторство предложило его отменить. Однако вместо того, чтобы отнестись со вниманием к его представлениям и чаяниям населения, правительство султана только что приказало увеличить этот ненавистный налог с 1 пиастра 7 пар до 10 пиастров. Долгое время я не хотел верить в возможность столь неразумной с политической точки зрения меры, особенно в настоящий момент, но паша поручился мне, что, действительно, именно таковы повеления, поступившие из Константинополя. Этого достаточно, чтобы вызвать мятеж во всей северной части Боснии. Райи никоим образом не смогут уплатить новый налог, ибо, поскольку для выращивания одной свиньи требуется 3 года, они должны будут выплатить 30 пиастров, чтобы иметь возможность продать ее за 1 дукат (55 пиастров: такова стоимость дуката в Боснии). Им остается всего лишь 25 пиастров, но прокорм животного в течение 3 лет обходится им дорожке. Вынужденные вследствие этого прибавляться от своих стад, составляющих единственное их богатство, христиане Посавины впадут в глубочайшую нищету или будут вынуждены эмигрировать. Но я боюсь, что, находясь ныне в возбужденном состоянии, они предпочтут ввязаться за оружие, тем более, что они невольно будут видеть в новом налоге провокацию и доказательство того, что Porta вместо того, чтобы посочувствовать их страданиям, нарочно старается их усугубить.

Не вызывает сомнений, что нынешний губернатор Боснии Мехмет Решид-паша — человек малоодаренный, но тем не менее в деле Посавины он проявил благоразумие и сдержанность, благодаря которым удалось сохранить мир в этой провинции; его образ действия заслуживает похвал в сравнении с тупой и фанатичной жестокостью Вассиф-паши, который после трех месяцев правления спровоцировал гражданскую войну в Герцеговине.

Несмотря на все хорошее, что говорится о Киани-паше, который вскоре сменит нынешнего губернатора Боснии, я не могу помешать себе считать, что такая замена является в настоящий момент очень серьезной ошибкой со стороны Порты. В Боснии не окажется ни одного человека, на кого могла бы пасть ответственность за события. Едва узнав новость о своей отставке, Мехмет-паша впал в полное бездействие; он будет рад возможности укрыться, передав дела своему преемнику, и тот, кто возьмет на себя управление Боснией накануне пожара, будет иметь, во всяком случае, оправдание, что на него нельзя возложить ответственность за дела, начатые до начала его правления.

Честь имею с глубоким почтением, господни посол, быть вашим покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

Помета А. П. Бутенева: Г-ну Новикову. Это донесение обращает печаль в добрые надежды.

Помета: Получено 9 марта.

*Письмо жителей Црнолева * о намерении принести жалобу тузлинскому паше на действия откупщиков*

15 февраля 1858 г. Црнолев

Любезный поздрав целой браћи!

Цвелећи и тужећи сва сиротиня због зулума турског. И ево година дана већ е прошла од како тражимо да би нам, честити цар, од зулума ослобођењу били. И ми посласмо нашу браћу преко и дадосмо тужбу на други цареве да нам буду они у помоћи. И они су почели радити, искати од цара да нема зулума они на наше сузе ради да трећине не буде. Ал, ево тужан сад од велике боести и неволе што се нас поради од три човека ће они одоше код паше у Тузлу и кабулили код паше да ћеду да даду трећину, з бегови се помирише и излюбише се и обизнатише да ће сав народ да да трећину.

Ето што се ради од сиротине јадне! Ми оћемо унапредак, а они окренули стрмо. Едно е из Пучила Филип Андрић и друго е из Жабара Исайло и треће е Теодор Крчанац из Крчана што су кабулили код паше.

Друго вам јављам за другу тројцу што су отишли у Тузлу паше, з бегови правили су, лажлива писма са бегови и сва наша имена подписали, у прст ударили да смо ти кабулили, да ћемо дати трећину. Него ми вама пишемо и молимо што брже да дижете люде де идемо код паше као и пре што ишли и плакали да нас ове изданице не издаду; ер, ако не одамо сад, ми смо онда пропаднији као год што е Јуда Христа изда за тридесет сребрника. Зато што брже купите люде и разписуйте на све стране, нека се купи сиротиня рая да што брже идемо у Тузлу па да опет заплачемо и молимо да е раи тешко и горко да се више живети не може, или да нам олакшају, или да нас све исеку; ер, јако не идемо, а они лажлива писма оправити цару, па тешко нама и горе оной браћи. Што смо и послали. Ми смо се скупили и спремили да идемо у Тузлу, у Тузлу паши. Тако и ви гледајте што брже да купите люде и да им пишете — нека што брже, нека се купе, па сви заједно да идемо.

Следует 9 подписей.

Приписка рукою простолудина:

Молимо вас, браћа, да понесите у Тузлу, као и пре гвожђа, мотика, коса, сикира сломлена и, ако има, каквије крвави аљина.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 112—113. Копия.

Записка А. Ф. Гильфердинга российскому консулу в Сараево Е. Р. Щупенникову о задачах и условиях деятельности консульства¹

№ 46

22 февраля 1858 г. Сараево

Передавая в[ашему] в[ысокоблагородию] дела консульства в Сараево, считаю не лишним изложить вам вкратце главнейшие выводы моих наблюдений над положением здесь этого консульства и важнейшие дела, которые будут вам предстоять на первых порах. Я надеюсь, что обзор этот будет вам полезен, пока вы сами не успеете осмотреться в новом месте вашего служения.

* Адресат неизвестен.

Главная невыгода настоящего положения русского консульства в Сараеве состоит в том, что оно не имеет здесь никакой твердой точки опоры ни в турецких властях, ни в иностранных агентах, ни в городских жителях. При всем том вам очень легко будет поставить себя в наилучшие отношения почти со всеми окружающими вас лицами.

От турецкого генерал-губернатора и подчиненных ему властей нельзя русскому агенту ожидать особенного расположения. Главное влияние на них принадлежит консулу австрийскому, потому что он имеет с ними постоянные сношения по делам, часто весьма важным, и, находя всегда усерднейшую поддержку в константинопольской интервентуре, может легко вредить им в случае неудовольствия. Кроме его, еще английский консул пользуется влиянием на турок, убежденных, что одно только английское правительство действительно благоприятствует им. При всем том я мог заметить, что турецкие власти не имеют желания вредить нашему консульству и действовать против него враждебно; они даже могут искать в нем некоторой опоры против преобладания австрийцев, и вы будете, конечно, без труда продолжать с ними хорошие отношения, о заведении которых я не совсем безуспешно старался.

Австрийский генеральный консул прибыл сюда недавно и вначале имел явные притязания быть властелином Боснии и распоряжаться другими консульствами, как будто бы они были подчинены ему. Он нашел дружный отпор во всех остальных трех консульствах, и я не могу не выставить вам на вид, м[илостивый] г[осударь], той благоразумной твердости, с какою г. губернский секретарь Ионин, управлявший в то время российским консульством в мое отсутствие, умел отклонить его неуместные претензии, сохраняя в то же время лучшие с ним отношения, чем в какие поставили себя консульства французское и английское. Возвратившись из своей поездки в Призрен, я мог только продолжать начатое г. Иониным. С тех пор, несмотря на совершенную противоположность всех наших интересов и действий, я находился в постоянной дружбе с г. Ресслером. Он старался о поддержании и скреплении этой дружбы и всячески выказывал ее перед народом в надежде усилить чрез это свое влияние на православных жителей; для нас же такие отношения весьма выгодны, ибо мы можем быть уверены, что сочувствие православных от этого не перейдет к Австрии, а в то же время благоволение к нам австрийского агента значительно облегчает наше положение и дает нам случай узнавать от него много весьма любопытного. Вы, конечно, не сочтете нужным переменить эти отношения к австрийскому консульству. Но, поддерживая с ним величайшую дружбу, вы будете, я уверен, постоянно помнить, что оно старается пользоваться даже всякою мелочью, чтобы показать свое преобладание над нами и над нашими товарищами-иностранцами; что оно непрестанно стремится к тому, чтобы запутать нас в какие-нибудь интриги и компрометировать нас; что оно пускает в ход на наш счет отвратительнейшие небылицы и что оно, наконец, имеет всегда целью сеять раздор и возбуждать беспокойства в Боснии и Герцеговине, дабы иметь случай упрочить свое владычество в этих областях. Эта политика Австрии находит, естественно, явное противодействие в консульствах французском и английском так же, как в русском. Поведение г. Ресслера неоднократно побуждало эти три консульства противоборствовать ему общими силами. Потому между вами и г. Черчилем и Вьеттом будет, естественно, существовать тесная связь. Поддерживая эту готовую уже связь, вы тем не менее можете без затруднения быть, как и я, в лучших отношениях с австрийским консульством, нежели агенты английский и французский, которые едва ли не слишком резко выражали г. Ресслеру свои враждебные чувства. В заключение всего этого рассуждения о на-

шем австрийском товарище не могу не вспомнить пословицы: жмите ему руку, но держите камень за пазухой.

Консульство английское получило по каким-то делам одинаковые инструкции с австрийским. Несмотря на то, их отношения вовсе недружелюбны. Австрийцы завидуют англичанам за их влияние на турецкие власти и сердятся на их чересчур бесцеремонное обращение, англичане же не терпят претензий австрийцев на преобладание и, обязанные своим правительством придерживаться общих с ними политических начал, выказывают им свое неудовольствие в частных сношениях. Английское консульство решительно враждебно православным жителям и нашему влиянию; пользуясь особенным расположением турок, оно могло бы сильно вредить нам, но по личным качествам г. Черчила вы будете находить с ним, я уверен, в очень хороших отношениях.

Из всех консульств французское занимает здесь самое слабое и невыгодное положение. Турки ему не благоволят. Католики только на словах выражают ему сочувствие, а на деле решительно питают отвращение к его либеральным началам и находятся в полной зависимости от австрийского агента; православные же весьма враждебны ему. Австрийское консульство с завистью смотрит на французское, которое, с одной стороны, старается примкнуть к английскому во имя союза западных народов, а, с другой, к русскому вследствие полученных недавно общих инструкций по делам религиозным. Для вас очень выгодно будет поддерживать эту связь и все более и более скреплять ее.

Теперь перехожу к туземному народонаселению. Нечего говорить о мусульманах, которые ненавидят «москова» хуже всякого другого гяура, и о католиках, которые всею душою принадлежат Австрии. Остаются одни православные.

Православные жители составляют большинство населения Боснии и Герцеговины, и в них мы должны искать нашей единственной опоры и силы. При характеристике их я должен просить вас строго отличать: 1) митрополита-грека, 2) низшее духовенство, 3) торговый класс, 4) поселян и 5) жителей Герцеговины.

Митрополит есть не только религиозный, но и гражданский глава и официальный представитель православного народонаселения своей епархии. Он имеет в своих руках огромную власть. От его отношений к вам будет преимущественно зависеть положение ваше в Сараеве. К несчастью, митрополит сараевский, как вы имели случай заметить на другой же день приезда вашего сюда, в полном смысле враждебен консульству. Он с самого начала старался выказывать свое равнодушие ко мне, выставя напоказ свое предпочтение другим консульствам, запрещал священникам ходить ко мне и во всяком деле только после долгого сопротивления соглашался на самые простые и справедливые мои требования. Этим поведением он, с одной стороны, думал выслужиться пред турками, а, с другой, заискать благоволения австрийцев. Должно иметь в виду, что его предшественник Прокопий за ревностное противодействие католической пропаганде был отставлен по настоянию австрийского консульства. Митрополит Дионисий приехал сюда под впечатлением страха пред австрийским влиянием, и Австрия не имеет в Боснии более рабленного слуги, нежели каков этот трусливый и бездушный грек. Между тем от митрополита зависит, как я сказал, все положение наше в Сараеве: если бы он лучше понимал свое призвание, все дела православных шли бы через наши руки или производились бы, по крайней мере, с нашего ведома. Теперь же они нарочно скрываются от нас владыкою, и мы можем только косвенными путями получать сведения о них. Влияние наше в Боснии начнется только с того дня, когда митрополит Дионисий отозван будет

по ходатайству императорской миссии в Константинополе. Я уже представлял ей о беззаконных поступках этого архиерея, роняющих достоинство его сана и посрамляющих церковь. Я не сомневаюсь, что вам будут неперестанно встречаться случаи возобновлять эти представления и что вы употребите все свои усилия, чтобы содействовать его смещению. Если бы даже его преемник был такой же эгоистический и корыстолюбивый фанариот, как Дионисий, то он все-таки не осмеливался бы служить так исключительно интересам Австрии и так решительно отстранять себя и свою паству от нашего влияния.

Почти все низшее духовенство в Боснии душою предано России. Вы найдете даже в самых грубых и необразованных членах его ревностнейших приверженцев. К некоторым священникам здешним можно иметь полное доверие. Назову вам в особенности следующие лица: мостарских — архимандрита Иоанникия * и монахов Прокопия ** и Никифора *** и Серафима **, сеницкого священника Илию, власяницкого священника Захарию и препольского — Иосифа. Это лучшие лица между здешним духовенством и они имеют большое влияние на народ в тех краях. Несмотря на все старания владыки, низшее духовенство очень охотно обращается к консульству и доставляет ему сведения. Я всеми средствами старался снискать расположение этого класса и отчасти успел в этом, в особенности, благодаря моим поездкам, давшим мне случай посетить многие церкви и монастыри.

Интересы торгового класса, к несчастью, находятся в разладе с интересами поселян. Поселяне боснийские говорят единогласно, что торговцы православные для них не лучше турок. В особенности эгоистическими стремлениями отличаются торговцы сараевские. Они все продали себя Австрии, с которою исключительно ведут торговлю и всячески заискивают благоволения австрийского консульства. Они также весьма склонны выслуживаться перед турками в качестве донощиков. Самые низкие из них будут на первых порах распространяться перед нами в наибольших уверениях преданности «православному царю» в надежде выманить от вас какое-нибудь слово, передачу которого могли бы снискать благодарность турок и австрийцев. Вы заметите также, что торговцы эти стоят горю за митрополита Дионисия, который льстит им необыкновенно. Есть впрочем и между сараевскими торговцами более благородные личности; но между старшим поколением они чрезвычайно редки. Я надеюсь, что молодое поколение будет менее раболепно и станет смотреть на свои интересы с менее ограниченной точки зрения. В других городах Боснии, а особенно в Герцеговине торговый класс показывает больше благородства и преданности к своей православной братии; но привыкший жить под постоянным гнетом, он везде до крайности боязлив и недоверчив.

Поселяне в Боснии находятся в самом жалком состоянии. Их разоряют все: и турецкие начальники, и аги, и откупщики податей, и владыки, и, наконец, торговцы. Они почти все доведены до нищеты и забиты до высшей степени. Несмотря на то, вы найдете в них искреннюю преданность и любовь к России, о которой они знают впрочем только, что в ней есть православный царь: про него они говорят не иначе, как «наш царь». К несчастью, мы не можем сказать, чтобы при всем том консульство имело действительно влияние на этот класс. Поселяне, правда, очень охотно обращаются к нему с изложением своих жалоб; но когда дойдет до дела, они поступают по советам Австрии, а не по нашим. Это происходит, весьма

* И. Памучина.

** П. Чокорило.

*** П. Дучич.

** С. Перович.

естественно, оттого, что Австрия имеет своих агентов во многих местах Боснии, что она постоянно действует на боснийские села посредством своих подданных-путешественников и посредством офицеров военной границы своей, с которыми поселяне Посавины и Крайны имеют постоянные сношения; оттого, наконец, что она льстит страстям поселян, подстрекая их против властей и помещиков, тогда как русское консульство считает обязанностью советовать им терпение и благоразумие. Но со временем, можно надеяться, голос разумного сочувствия, подкрепляемый уроками опыта, одержит верх в умах боснийских поселян над внушениями эгоистического, властолюбивого расчета.

Православное население Герцеговины совершенно отличается от боснийского своим добрым и мужественным характером и своею безграничною преданностью церкви и русскому имени. Духовенство и простой народ одушевлены одинаково этими чувствами, и даже торговцы не скрывают их. Замечательно, что в Герцеговине поминают на ектениях православного царя, тогда как в Боснии это выведено влиянием греческих владык. Жители Герцеговины гораздо свободнее от влияния Австрии, которая не может действовать на них из Далмации так сильно, как она действует на Посавину и Крайну из Кроатской и Славонской военной границы. При том же соседство Черной Горы поддерживает в герцеговинском православном населении дух независимости и придает ему важное политическое значение. Мы могли бы располагать этим народом совершенно, если бы только имели с ним некоторые сношения. Но, к несчастью, эти сношения не существуют и теперь существовать не могут. Вы знаете уже, что в здешнем крае царствует полнейшее разобщение. Мостар и Герцеговина так же далеки от Сараева, как Константинополь; нельзя почти иметь здесь верных сведений о делах Герцеговины, а поддерживать отсюда связь с тамошним народом нет никакой возможности. В том-то и состоит главная невыгода для нашего консульства, что оно разобщено с тою частью народонаселения, которая именно всего более предана православной вере и России. Невыгода эта исчезнет только тогда, когда в Мостаре учреждено будет русское консульство подле австрийского и английского. В таком только случае положение русских агентов в славянской части Западной Турции могло бы соответствовать благотворительным видам правительства; в таком только случае консульство в Сараеве, следуя общим началам и поддерживая связь с консульствами в Мостаре и Рагузе, могло бы быть действительно полезным православному народонаселению этих стран. Вы сами в скором времени убедитесь в справедливости этих мыслей и воспользуетесь, я уверен, всяким удобным случаем, чтобы представлять министерству о необходимости установить консульство в Мостаре. Без этого вы скоро с сожалением уверитесь в бесплодности всех ваших усилий на пользу службы.

Закрываю эту записку, обращая ваше внимание на крайнюю нужду, в какой находятся православные церкви и училища в Боснии и Герцеговине. Вы можете принести здесь истинную пользу и приобрести себе благодарность десятков тысяч народа раздачею церквям богослужебных книг и священных риз и утварей. Очень полезно будет также выписывать из Сербии учебные руководства, чтобы мало-помалу вытеснить из Боснии безвредные книги, распространяемые здесь Австриею.

Повторяя еще, что, по моему убеждению, все ваши старания для приобретения здесь полезного влияния должны прежде всего клониться к тому, чтобы: 1) содействовать смещению митрополита Дионисия, 2) испросить учреждения русского консульства в Мостаре, прошу вас, милостивый государь, принять уверение и проч.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 800, л. 67—74 об. Копия.

¹ Е. Р. Шулешиков прибыл в Сараево 17 февраля 1858 г., официально вступил в должность консула 25 февраля (АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 800, л. 65—66; ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 84).

63

Донесение российского посла в Вене А. Ф. Будберга А. М. Горчакову о пребывании в Вене посавинских депутатов и о своей встрече с ними

№ 25

23 февраля (7 марта) 1858 г. Вена

Mon prince,

Notre consul à Saraiévo avait prévenu dans le temps le ministère impérial de l'envoi possible d'une députation bosniaque à Vienne afin d'exposer à l'ambassadeur de Turquie et au gouvernement autrichien les griefs de la population chrétienne contre les exactions ottomanes.

Cette députation avait eu d'abord l'intention de se rendre à Constantinople, mais n'ayant pu obtenir de passeports pour ce voyage elle est venue à Vienne où elle a remis au prince Calimaki une pétition au nom du sultan.

Il paraît que l'ambassadeur de Turquie a jugé nécessaire de défendre expressément aux députés bosniaques de s'aboucher avec qui que ce soit à Vienne et nommément d'éviter de se mettre en contact avec l'ambassade de Russie.

Malgré cette défense la députation a été reçue au ministère des affaires étrangères où elle a exposé ses plaintes à un employé supérieur. Elle s'est également adressée au prêtre de l'ambassade impériale* et c'est par son entremise, qu'elle m'a fait parvenir la pétition ci-jointe au nom de notre auguste maître¹. Je n'ai pas cru devoir la refuser, quelque difficile qu'il soit pour nous d'agir dans cette affaire. Dans la position particulière où nous nous trouvons vis-à-vis des populations chrétiennes de l'empire ottoman nous ne saurions leur refuser le même intérêt bienveillant que leur témoigne le gouvernement autrichien, avec moins de franchise, il est vrai, mais avec une ostentation qui ne manque pas de produire une certaine impression.

Je crois en outre devoir soumettre à votre excellence deux rapports^{2*} que j'ai reçus à peu de jours de distance de notre consul à Saraiévo relativement à cette députation bosniaque². Vous verrez, mon prince, que M. de Hilferding juge avec sévérité tant les individus que le but de cette députation. Son opinion que le gouvernement autrichien n'est pas étranger à son envoi me paraît justifiée par la circonstance que la députation bosniaque est arrivée à Vienne avec des passeports autrichiens ce qui est, pour le moins, étrange quand on sait combien les employés autrichiens se prêtent difficilement à de pareils actes de condescendance lorsqu'ils n'y sont pas expressément autorisés par les autorités supérieures.

Toutefois, je dois relever une importante contradiction dans les dépêches de notre consul. Tandis que dans le rapport du 5 février il dit que les députés qui se sont rendus à Vienne n'avaient aucun mandat des paysans de la Possavina, il affirme dans celle du 10 février que la population se soumet aveuglément à toutes les directions que leur envoient ces députés. M. de Hilferding paraît donc avoir jugé d'abord avec trop de légèreté le caractère de la députation qui semble avoir plus d'importance qu'il ne lui en a attribué dès l'origine. J'ignore sur quelles données il base l'opinion que tout le mouvement de la Possavina est exclusivement fomenté par l'Autriche. Les exa-

* М. Ф. Раевский.

^{2*} На полях помета А. М. Горчакова; Он en fait des extraits.

ctions turques me paraissent justifier suffisamment ce soulèvement qui, comme toujours, dépasse le but qu'il avait dans l'origine. Mais il n'en paraît pas moins certain, et les rapports de M. de Hilferding en font l'aveu implicite, que le gouvernement autrichien paraît avoir gagné beaucoup de terrain parmi ces populations qui il y a peu de temps encore, lui étaient tout à fait étrangères et sur lesquelles il n'exerçait aucune influence.

J'ai l'honneur d'être avec une très haute considération, mon prince, de votre excellence, très humble et très obéissant serviteur

Budberg

Помета Александра II: Que l'Autriche y est pour quelque chose n'est pas à nier. АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 339, л. 6—8 об. Подлинник.

Перевод

Князь,

Некоторое время назад наш консул в Сараево предупредил императорское министерство о том, что, возможно, в Вену будет направлена боснийская депутация, чтобы изложить турецкому послу и австрийскому правительству жалобы христианского населения на репрессии со стороны османов.

Вначале эта депутация намеревалась отправиться в Константинополь, но, не добившись получения паспортов для этого путешествия, направилась в Вену, где вручила князю Калимаки петицию на имя султана.

Турецкий посол, кажется, счел необходимым недвусмысленно запретить боснийским депутатам вступать в переговоры с кем бы то ни было в Вене, а особенно входить в контакт именно с русским посольством.

Несмотря на этот запрет, депутация была принята в Министерстве иностранных дел, где изложила свои жалобы одному из высших чиновников. Она обратилась также к священнику императорского посольства* и через его посредство передала мне прилагаемую к нему петицию на имя нашего августейшего государя¹. Я не счел возможным отказаться принять ее, сколь бы трудно ни было нам действовать в этом деле. Ввиду нашего особого положения по отношению к христианскому населению Османской империи мы, вероятно, не сможем отказать им в такой же благожелательной заинтересованности, какую, менее искренне, правда, но с подчеркнутостью, неизбежно производящей определенное впечатление, свидетельствует им австрийское правительство.

Кроме того, я почитаю своим долгом представить вашему сиятельству два донесения^{2*}, полученных мною несколько дней назад от нашего консула в Сараево и касающихся этой боснийской депутации². Как вы увидите, князь, г. Гильфердинг сурово осуждает как цель, так и членов этой депутации. Его мнение, будто австрийское правительство приложило руку к ее отправке, подтверждается, как мне кажется, тем обстоятельством, что боснийская депутация прибыла в Вену с австрийскими паспортами, что, по меньшей мере, странно, поскольку известно, как неохотно австрийские чиновники проявляют подобное снисхождение, когда не имеют особого на то разрешения вышестоящих органов власти.

Однако я должен указать на существенное противоречие в депешах нашего консула. В то время как в донесении от 5 февраля он говорит, что явившиеся в Вену депутаты вообще не имели мандата от крестьян Посавины, в донесении от 10 февраля он утверждает, что население слепо подчиняется всем указаниям, которые направляют ему эти депутаты. Таким образом, создается впечатление, что вначале г. Гильфердинг слишком недооценил характер депутации, которая, кажется, имеет большее значение, чем он придал ей вначале. Я не знаю, на каких данных основывается его мнение, будто любое движение в Посавине есть следствие исключительно подстрекательств Австрии.

* М. Ф. Раевский.

^{2*} На полях помета А. М. Горчакова; Из них делаются выписки.

Мне кажется, это восстание, которое, как всегда, выходит за рамки своей изначальной цели, в достаточной мере объясняется турецкими репрессиями. Однако это не мешает с уверенностью утверждать, и донесения г. Гильфердинга служат косвенным тому свидетельством, что австрийское правительство, по всей видимости, завоевало значительный авторитет среди этих народов, которые еще недавно были совсем чужды ему и на которые оно не оказывало никакого влияния.

Честь имею быть с высочайшим почтением, князь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

Будберг

Помета Александра II: Нельзя отрицать, что Австрия там кое-что значит.

¹ См. док. 58.

² В донесении А. Ф. Будбергу от 5 февраля 1858 г., № 27, А. Ф. Гильфердинг сообщал, что депутация из Посавины во главе с Ристо Йовичичем представляет население «самое большее 2—3 деревень», и выражал недовольство требованием отмены арендной платы, выдвинутым крестьянами. По его мнению, эта была слишком «революционная мера», неосуществимая к тому же практически и внушенная австрийцами, стремящимися вызвать смуты и «беспорядки» в Боснии (АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 800, л. 40—41). В следующем донесении от 10 февраля Гильфердинг уже писал, что население Посавины поддерживает требования депутатов и что во многих местностях даже была принята клятва «не отречься от своих собратьев, отпавших в Австрию» (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 65—66).

64

Донесение Е. Р. Шулепникова А. П. Бутеневу с рекомендацией боснийского депутата Г. Вучковича, избранного представителем православного населения на конференцию по делам церкви в Константинополе

№ 55

26 февраля 1858 г. Сараево

Приемлю смелость поручить милостивому вниманию вашего высокопревосходительства подателя сего Гавриила Вучковича, родом из г. Петровца, в северо-западной Боснии, избранного депутатами 6 санджаков Боснийского пашалыка, чтобы быть представителем православных жителей этой области на совещаниях, открывшихся в Константинополе для устройства церковных дел¹. Человек этот, по-видимому, заслуживает доверие, которое ему оказали его единовверцы.

При сем считаю не излишним заметить, что сей Гавриил Вучкович может взять на себя отправление из Константинополя в Сараево транспорта церковных книг, если, как я имею основание ожидать вследствие предписания Азиатского департамента г. коллежскому ассессору Гильфердингу от 15 октября 1857, № 3931, таковые книги по доставлении в миссию будут назначены по милостивому распоряжению вашего высокопревосходительства для раздачи церквям Боснии и Герцеговины из вверенного мне консульства.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Е. Шулепников

Помета: Получено 12 апреля. Отв[ет] 18 мая, № 394.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 87. и об. Подлинник.

¹ Конференция представителей православного населения Османской империи собралась в Константинополе в патриархии (с середины 1858 по 1860 г.) с целью решения

вопроса о положении православной церкви в империи. Представители южнославянского населения (среди которых был и депутат от Боснии Гавро Вучкович) выступали с резкой критикой действий высшего греческого духовенства. В своей речи на конференции 17 марта 1859 г. Г. Вучкович протестовал против богослужения на греческом языке, бесконечных поборов со стороны греческих митрополитов, притеснений имисельского духовенства, продажи мест священников и т. д. (см.: Вучкович Г. Рјеч Крајинишника. Земун, 1866, с. 26—31).

65

Донесение Э. Рёслера К. Булю-Шауенштейну об изменении порядка сбора третины в Посавине

10 марта 1858 г. Сараево

Hochgeborener Graf!

Über das in der Possawina erzielte Arrangement dessen ich mit der letzten Post nur oberflächlich zu erwähnen in der Lage war, kann ich—nach so eben erhaltenen Mittheilungen aus den betreffenden Gegenden, jetzt folgendes anzeigen.

Nachdem Azis Pascha die Lage der Dinge an Ort und Stelle geprüft, und mit den Partheien in persönliche Berührung getreten war, eröffnete er endlich am 26-ten v. M. der versammelten Nahiaabgeredneten in kategorischer Sprache dass es des Sultans fester Wille sei die Tretina in der bezüglichen Districte abgeliefert zu sehen, dass aber den dazu Berufenen, nachstehende Erleichterungen geboten werden.

a. Die Grundherrschaften sollen für die Folge nicht befugt sein, die Tretina in Pacht an Andere zu überlassen.

b. Dieselben sollen verpflichtet werden, die Wohn—und Wirtschaftsgebäude ihre Kmets (Grundholde) zu repariren ebenso den dritten Theil der Umzäunung herzustellen, um an den Ausräuterungen und sonstigen Verbesserungen mitzuhelfen. Fals aber ein oder andere dies nicht gutwillig thun wollte, so kann es der Kmet auf eigene Kosten machen lassen, und dem Grundherrschaft die bezügliche Auslage einrechnen.

c. Die Tretina soll in der Folge nicht im Gelde, sondern in Natura gegeben werden, ausser wenn sich Grundherrschaft und Kmet gutwillig dazu verstehen sollten.

d. Von Gartengewächsen als Kraut, Rüben, Fisolen, Knoblauch etc. soll keine Tretina abgenommen werden, es wäre denn dass diese zum Verkaufe gelangen.

e. Endlich, was die Heufechung anbelangt, und von welcher früher die Hälfte abgegeben werden musste, ist von nun an auch nur das Drittheil zu verabfolgen¹.

Die Vergoldung der Pille, wollte anfangs der einberufenen Versammlung durchaus nicht münden, denn das monatlange Stillschweigen welches die Pforte in den schwebenden Frage beobachtet, ward sowol von den Tributpflichtigen als den Lehenherren zu eigenen Gunsten ausgelegt, erstere schmeichelten sich zu früheren ungeregelten Abhängigkeitsverhältnissen zurückzukehren wie es zum Beispiel die Verabfolgung des Neuntels gewesen, und das türkische Begenthum, war der Ansicht: es könne an seinen alten Privilegien nicht gerüttelt werden. Daher die allgemeine Überraschung als Azis Pascha in voller Uebereinstimmung mit den Zeiterfordernissen, und nach den von dem hiesigen Statthalter Mechmed Pascha tracirten Anleitungen, seine Postulate klar und deutlich zu erkennen gab, und indem er das Lehenssystem im Prinzip aufrecht erhalten, zugleich den früheren Druck des Vasalenthums beteutend lockerte.

Es kann daher den versammelt gewesenen Adegaten der einzelnen Distrikte nicht verargt werden, dass sie auf diese Weise in ihren Voraussetzungen getäuscht — nur nach wiederholten längeren Besprechungen und Sitzungen (es würden deren vier abgehalten wovon besonders die letztere stürmisch war) und einige von ihnen sogar unter Thränen sich entschlossen, dem über den eingegangenen Vergleich aufgenommenen Protokolle ihre Handzeichen beizudrücken. Ebenso ist es eine Thatsache dass zwei Ausschussmänner der Zvorniker, und zwei der Brzkaer Nahie erklärten, lieber ihr Leben verlieren als das Handzeichen beisetzen zu wollen, und es endlich nur der Art zuzuschreiben sei, wie im Momente der Entscheidung, der katholische Franziskanerpriester Marian Matuzović, und der gr. u. o. Bischof von Tuzla, auf ihre bezüglichen Glaubensgenossen einzuwirken wussten — dann die Dinge waren schon so weit gekommen dass einen Augenblick Azis Pascha daran gedacht, die ganze Unterhandlung abzubrechen.

Wie dem auch sei, so ist es jetzt ein unläugbares Faktum dass die Abgabe des Drittels in der Possawina durchgesetzt worden, und die deshalb entstandenen Wirren, welche laut so vielen eingegangenen Zeitungsberichten und Kundschaftsnachrichten fortwährend als «die bedenklichsten Anzeichen eines bevorstehenden Blutbades» geschildert wurden auf das Gültichste beigelegt sind, allein möge es auch erlaubt sein — die Rückseite der Medaille zu betrachten.

Als solche sind zwei Punkte herauszuheben:

1-tens, die auffallende Weigerung der Rajahs, auf die augenscheinlich vortheilhaften Anträge des Pfortenkommissärs nicht unbedingt eingegangen zu sein, und

2-tens, die nach einer genaueren Prüfung sich herausstellende unklare Fassung der oben erwähnten Erleichterungen.

ad. 1. Die gegenwärtig beobachteten Renitenzversuche, so wie die gleich beim Ausbruche der Affaire vorgekommenen Ausflüchte gegen alle von dem hiesigen Statthalter im ähnlichen Sinne gemachten Propositionen — sind ein trauriger aber leider auch nicht unbegründeter Beleg für das geringe Vertrauen welches die Rajahs zu den Verheissungen der Pforte und jenen ihrer Beamten — hegen.

Seit dem Jahre 1739^a wo die vorausgegangenen Christenverfolgungen in Bosnien endlich etwas nachgelassen, und sich in den fruchtbarsten Gegende des Landes d. i. in der Possawina und in der Kraina — wieder Christen niedergelassen, wurden zwischen diesen und den Grundbesitzenden Türken Verträge über den in Anspruch genommenen Boden abgeschlossen, und die Abgaben beliefern sich ursprünglich auf den neunte Theil der Ernte. Das genügte im Verlaufe der Zeit natürlich nicht den wachsenden Bedürfnissen der Lehnsherren, und diesen führten den Frohdienst ein, der mit dem Vorschreiten der Jahre, wieder so drückend und bedeutend geworden, dass im Jahre 1840 die hierländigen Christen sich gezwungen sahen das Kaiserliche Kabinet in Wien um Hülfe in der bedrängten Lage anzuflehen — die zweimal angerufen, auch zweimal Früchte getragen, denn im Jahre 1843 wurde die Frohnleistung auf zwei Tage herabgesetzt, und später im Jahre 1848 — unter dem Statthalter Tahir Pascha gänzlich aufgehoben.

Diese von der Pforte verordnete Aufhebung gefiel aber den in ihren Einkünften sich verkürzt sehenden Begs nicht, und sie wussten es dahin zu bringen dass im Jahre 1849 ohne irgend einen bezüglichen Kaiserlichen Fermane, allgemein die Abgabe des Drittels — statt der früheren lediglich nach der Uibereinkommen der paktirenden Theile festgestellten Neuntel, Siebentel, und auch Fünftel — eingeführt wurde.

Solche häufige Schwankungen in den Verhältnissen des Grundholden zu seinem Grunherren, waren zugleich auch von barbarischen Massnahmen

begleitet, und als die Tretina nicht überall geleistet werden wollte, wurde sie von den mit dem Statthalter im Einverständnisse handelnden und dabei besonders beteiligten Primaten mit Gewalt eingeführt und die Furchte vor Strafen und Grausamkeiten, brach ihr endlich mühsam eine Bahn. Die Pforte sah diesem Treiben gleichgültig zu — ja man kann sagen, es war ihr eben nicht unwillkommen, den dort, wo das neu eingeführte Drittheil in die Kaiserlichen Kassen floss hatte, man ein Objekt mehr um es in das allgemeine Pachtsystem einzuziehen kümmerte sich aber nicht darum, dass ungeachtet des lange früher noch ausgesprochen Grundsatzes dass der Bodenertrags-sentheil dem Grundherrn in natura zu leisten — ist die Pächter das Volk zwangen das Drittheil im baaren Gelde und dazu noch rein nach deren Willkührlichkeit bemessen — zu entrichten, denn Paschas, Kaimakams, Mudire und selbst noch untergeordnete Beamte — waren Compagnons der Pächter und dadurch die tributpflichtigen Klassen ganz à la merci der letzteren.

Diese schauerhafte Wirtschaft zog endlich im Jahre 1852 wieder die allgemeine Aufmerksamkeit auf sich, und die Pforte sah sich bemüssigt Kiamil Pascha als ausserordentlichen Kommissär nach Bosnien abzuschicken um den begründeten Klagen abzuhefen. Abermals ein Hoffungsstrahl dass es besser werden könne, und abermals eine Erfahrung bitterer Täuschungen! Der Pfortenabegat versprach das Beste, that aber in der Wirklichkeit gar nichts — und wie es allgemein im Lande verlautet, waren es die Bestechungen welche die bei dem Pachtsysteme beteiligten Matadore angewendet, um am status quo im Wesentlichen nicht zu rütteln.

So kann das Jahre 1857 herangezogen, die Lage der Rajahs gränzte an Verzweiflung, sie konnten durchaus nicht das nöthige Geld erschwingen um den Anforderungen des Pächtertrusses zu entsprechen und um damit diese peinliche Lage aufhören, erklärten sie sich einstimmig bezüglich der Tretina insolvent. Da wird nach monatlange Vortellungen des Statthalters; endlich mit den ersten Tagen les laufenden Jahres abermals in der Person Azis Paschas — ein Untersuchungskommissär abgesendet, und man schliesst wieder ein Uibereinkommen ab, das wohl die Christen bindet, allein bezüglich der Verpflichtungen der Grundherren, Repetitionen jener Punkte enthält die seit den ersten ursprünglichen Transaktionen hütten beobachtet werden sollen, aber leider es nicht wurden.

Kann man unter solchen Umständen wohl verwundert sein, dass die Rajahs denn aufgewärmten Verheissungen nicht trauen?

Aber so wie ich von meinem hiesigen Standpunkte aus, der Lage der Rajahs alle Theilnahme zolle, ebenso halte ich es auch für meine Pflicht ihnen unbeschränktes Vertrauen in das neue Uibereinkommen einzuflössen; ich unterlasse keine Gelegenheit um besonders dem katholischen Theile derselben, durch die hiesige Geistlichkeit die Versicherung zu ertheilen, dass Azis Pascha in Gesinnung und Handlungsweise mit seinen Vorgänger vom Jahre 1852 nicht zu vergleichen sei, und überhaupt die Zeitverhältnisse es mit sich bringen, dass die administrative Lage der türkischen Provinzen grossartige Reformen erlebe — allein es wäre unverantwortlich, wenn abermals die wirklich musterhafte Langmuth der Christen, auf eine neue Probe gestellt würde!

Unwillkührlich muss sich jedoch diese Idee aufdrängen, wenn man das weitere Hinderniss in Erwägung zieht dessen ich ad 2 erwähnte, nämlich die unklare Fassung der Eingangsbezeichnete 5 Erleichterungspunkte.

Diese Artikel obwohl von grosser praktischer Bedeutung, entbehren aller gründlicher Voruntersuchung, und tragen das Gepräge der grössten Ueber-eilung an der Stirne. So lange die Gründ — und Realitätenbenützungverhältnisse hierlands nicht geregelt sind, die scharfe Abgrenzung der Terito-

риалbeziehungen zwischen dem Fiskus, dem wirklichen oder vermeintlichen Grundbesitzer, und dem jeweiligen Nutzniesser nicht festgestellt ist, und darüber nicht zur Entscheidung in Streitangelegenheiten — glaubwürdige Register vorliegen d. i. ein vollständiger Landescataster angelegt wird, bleibt der Behandlung der Grundherrschaft gegen die Kmetts (Grundholde) ein zu grosser Spielraum offen, und es sind daher bezüglich des Punktes b, fortwährend Anstände zu erwarten. Auch der Punkt d ist ganz der Beurtheilung und Entscheidung des Grundherrn überlassen, und er war mit ein Hauptanstand, das einige der zu Azis Pascha berufen Gemeindevertreter, die Beisetzung ihrer Handzeichen zu dem Protokollsabschlusse verweigerten.

Jetzt bleibt daher Alles den weiteren Massnahmen der Pforte anheim gestellt: wird sie in letzten Beziehung bleibende und bindende Normen für beide Theile erlassen, so können die leichten Striche mit welchen der Pfortenkommissär das künftige Verhältniss angedeutet Wurzel fassen, und zu einem neuen heilsamen Fundamentalgesetze sich heran bilden, sollte man aber in Constantinopel der Ansicht sein, dass mit dem, was Azis Pascha so bene veranlasst — das Übel in der Possawina gründlich gehoben sei, und in diesem Sinne den auswärtigen Regierungen Versicherungen ertheilen, so überlässt man sich einer Chimäre.

Indem ich beizufügen die Ehre habe, dass vorstehende Notizen gleichzeitig auch zur Kenntniss der Kaiserlichen Internunziatur gebracht werden, bitte ich Eure Excellenz den wiederholten Ausdruck meiner grössten Hochachtung und Verehrung genehmigen zu wollen.

E. von Rössler

HHStA, Wien, Konsulate, K. 126, Fasc. Gen. Cons., Sarajevo. 1858, Fol. 61—69. Подлинник.

Перевод

Высококоротный граф!

Поскольку я только что получил известие из Посавины, я могу теперь сообщить следующее о начавшемся там урегулировании, о котором в своем последнем дописании я мог лишь поверхностно упомянуть.

После того, как Азиз-паша расследовал положение на месте и установил личный контакт с заинтересованными сторонами, он категорически заявил собравшимся представителям нахия 26-го числа прошедшего месяца, что султан твердо намерен требовать сбора третины, но что для подлежащих обложению будут сделаны следующие облегчения;

а) землевладельцы в будущем не уполномочены сдавать на откуп сбор третины другим лицам;

б) им вменены в обязанность ремонт жилья и хозяйственных построек своих кметов (зависимых крестьян), а также установка одной третьей части ограды, чтобы таким образом участвовать в работах по выкорчевыванию и иных улучшениях. Если же кто-нибудь откажется делать это добровольно, то кмет может сделать это на свой собственный счет и затем требовать возмещения расходов с землевладельца;

в) в дальнейшем третина должна собираться не деньгами, а натурой, кроме тех случаев, когда землевладелец и кмет приходят к добровольному соглашению;

г) с таких огородных культур как капуста, корнеплоды, фасоль, чеснок и т. д. третина не должна взиматься, с тем чтобы их можно было продавать;

д) наконец, что касается сена, с которого раньше взималась половина урожая, теперь следует взимать только треть¹.

Эта позолоченная пилюля вначале пришлось не по вкусу собравшимся, так как молчание, которое хранила Порта в течение месяца, было истолковано в свою пользу как крестьянами, платящими дань, так и феодалами. Первые тешили себя надеждой

вернуться к прежним неурегулированным отношениям, когда, например, взималась девятина, а турецкие беги придерживались мнения, что их старые привилегии не будут затронуты.

В связи с этим для всех оказалось неожиданностью, когда Азиз-паша в полном соответствии с ведением времени и следуя предложениям, сделанным здешним губернатором Мехмед-пашой, четко и ясно объявил свои решения, и хотя он в принципе сохранил систему аренды, все же облегчил положение вассалов.

Поэтому трудно упрекать собравшихся представителей отдельных районов за то, что, разочаровавшись в своих ожиданиях, они решились поставить свои подписи под протоколом достигнутого соглашения лишь в результате многочисленных затяжных обсуждений и заседаний (их было 4, из которых последнее было особенно бурным). И некоторые из них сделали это со слезами.

При этом произошел инцидент, когда два члена комитета из Зворника и два из округа Брчка заявили, что скорее расстанутся с жизнью, чем подпишутся под протоколом, и подписание состоялось только благодаря тому, что во время принятия решения, католический священник-францисканец Мариан Матузович и православный епископ из Тузлы сумели повлиять на своих собратьев по вере, так как дело зашло так далеко, что был момент, когда Азиз-паша хотел прекратить все обсуждение.

Как бы то ни было, но теперь издание указа о сборе третины в Посавине является неопровержимым фактом, и беспорядки, возникшие по этому поводу, о которых во многих газетных заметках и дописаниях агентов, беспрестанно говорилось как о «несомненных признаках предстоящего кровопролития», улажены самым мирным способом. Однако да будет позволено взглянуть на обратную сторону медали.

Здесь следует выделить два момента:

во-первых, явное нежелание райа согласиться на предложения комиссара Порты, несмотря на всю их видимую выгоду и,

во-вторых, туманное изложение упомянутых выше облегчений, что выявляется при более внимательном изучении документа.

К пункту 1. Наблюдаемые в настоящее время попытки противодействия, так же как имевшие место в самом начале событий отказы от всех предложений губернатора, сделанных в том же духе, — это печальное, но, увы, вполне обоснованное доказательство того недоверия, с которым рай относится ко всем обещаниям Порты и ее чиновников.

Начиная с 1739 г.², когда преследования христиан в Боснии, наконец, несколько уменьшились и христиане вновь поселились в наиболее плодородных местностях страны, т. е. в Посавине и Крайне, между ними и турками, владевшими этими землями, были заключены соглашения, и первоначально налог, которым они облагались, составлял 1/9 часть урожая. По прошествии времени это перестало удовлетворять феодалов, потребности которых росли, и они ввели барщину, которая с течением времени превратилась в такое тяжелое бремя, что в 1840 г. здешние христиане были вынуждены обратиться за помощью к императорскому правительству в Вене. Они обращались дважды, и дважды это принесло свои плоды, так как в 1843 г. барщина была уменьшена на два дня в неделю и затем в 1848 г. во время губернаторства Тахир-паши совсем упразднена.

Беги были недовольны этим решением Порты, очень сократившим их доходы, и они сумели добиться того, что в 1849 году, без издания султанского фермана, был установлен налог, составляющий одну треть урожая, вместо прежнего налога, который в зависимости от договоренности сторон составлял 1/9, 1/7 или 1/5.

Эти частые колебания в отношениях между крестьянами и землевладельцами происходили в обстановке сохранения варварских мер по отношению к крестьянам и так как не везде соглашались платить третины, то заинтересованные в этом феодалы, действовавшие с согласия губернатора, вводили ее силой, и страх перед наказаниями и жестокими насилиями проложил, наконец, дорогу третины. Порта равнодушно взирала на происходящее, даже можно сказать, что это было ей желательно, так как вновь установленный налог частично попадал в султанскую казну, что давало основания ввести это во всеобщую арендную систему. Порте не заботил тот факт, что, попирая

принцип, провозглашенный задолго до этого, согласно которому принадлежащая земле-владельцам часть урожая должна взиматься натурой, сборщики требовали с народа наличные деньги и при этом определяли размер взимаемой суммы по своему произволу, так как в дележе вместе со сборщиками участвовали паша, каймаками, мудир и даже нижестоящие чиновники, и поэтому подлежащие обложению третьей классы были отданы в полную власть последних.

Этот чудовищный порядок привлек к себе, наконец, всеобщее внимание в 1852 году, и Порта оказалась вынужденной послать Камил-пашу в качестве чрезвычайного комиссара в Боснию с тем, чтобы принять решения по жалобам, которые будут сочтены обоснованными. И вновь блеснул луч надежды, что наступит облегчение, и вновь жизнь принесла жестокое разочарование. Посланец Порты давал множество обещаний, но в действительности не сделал почти ничего, и, как говорят повсюду здесь в провинции, взятки, полученные от всех, участвующих в системе арендования, явились причиной того, что в существующем положении не произошло никаких существенных изменений.

К началу 1857 г. положение райа стало прямо-таки угрожающим, они не могли достать денег, требуемых кликой сборщиков, и чтобы прекратить это невыносимое положение, единогласно объявили себя неплатежеспособными в отношении третин.

После доклада генерал-губернатора, занявшего месяц, наконец, в первых числах текущего года был вновь послан комиссар, на этот раз в лице Азиз-паши, для расследования дела, и вновь заключают соглашение, которое связывает обязательствами христиан, в отношении же обязательств землевладельцев повторяются те пункты, которые должны были пересматриваться с самых первых переговоров, но, к сожалению, не пересматривались.

Разве удивительно в таких обстоятельствах, что райи не верят без конца повторяемым обещаниям?

Однако, хотя положение райа представляется мне заслуживающим полнейшего сочувствия, я считаю своей обязанностью внушить им безграничное доверие к новому соглашению и я пользуюсь каждой возможностью, чтобы с помощью здешнего духовенства убедить их и в особенности католиков, что Азиз-паша по своему образу мыслей и по своим действиям не идет ни в какое сравнение с предшествовавшими комиссарами и вообще новые веяния времени требуют осуществления радикальных реформ в управлении турецкими провинциями, — однако, было бы легкомысленно подвергать новому испытанию достохвальное долготерпение христиан!

Вместе с тем, когда размышляешь о том препятствии, которое я упомянул в разъяснении к пункту 2, а именно неясная формулировка вышеуказанных пяти пунктов, касающихся облегчений, эта мысль невольно приходит на ум.

Хотя эти параграфы имеют большое практическое значение, вместе с тем они показывают отсутствие серьезного предварительного изучения вопроса и свидетельствуют о поспешности принятых решений. Пока не будут урегулированы принципы пользования земельными наделами и поместьями, пока не будут разграничены сферы влияния государственной казны, настоящим землевладельцем или его ставленником и лицом, пользующимся землей, и пока не будут созданы для решения спорных вопросов реестровые записи, соответствующие истинному положению дел, т. е. пока не будет составлен полный кадастр провинции, у землевладельцев останется слишком много возможностей для притеснения кметов (зависимых крестьян) и поэтому в отношении пункта б следует ожидать постоянного повторения столкновений. По поводу вопросов, содержащихся в пункте г, право судить и решать также оставлено за землевладельцами, и этот пункт был одной из главных причин, побудивших некоторых представителей общин, созданных Азиз-пашой, отказаться поставить свои подписи под протоколом.

Теперь все будет зависеть от дальнейших шагов Порты: если она установит нормы, обязывающие и объединяющие обе стороны, то те формы будущих отношений, которые были намечены комиссаром Порты, обретут плоть и кровь и превратятся в новый и благоприятный основополагающий закон, если же в Константинополе будут придерживаться мнения, что так удачно начатого Азиз-пашой, вполне достаточно для искорене-

ния зла в Посавине, и сделают соответствующие заверения иностранным правительствам, то это будет означать, что Порта предается неосуществимым надеждам.

Имею честь доложить, что предлагаемая записка направлена также для ознакомления императорскому послу, и прошу ваше превосходительство принять заверения в моем совершеннейшем почтении и уважении

Э. фон Рёслер

¹ В основу этого порядка была положена менее обременительная для крестьян система аграрных отношений, существовавшая в Сараевском и Травникском санджаках. Однако на практике в других местностях она не была реализована. После отъезда Азиз-паши из Боснии аги возобновили прежние притеснения, стали требовать от кметов уплаты всех задолженностей за прошлые годы, что вызвало новое восстание в Посавине и Боснийской Крайне (см. док. 79 и др.).

² После Белградского мира 1739 г. между Османской империей и империей Габсбургов была установлена граница по р. Саве. На отошедшей к Турции территории были поселены мусульмане-феодалы из Боснии (см.: Шлихо Г. Бамил-паша у Боснии и Херцеговины у 1853 години. — Balcanica, 1979).

66

Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу о положении в Герцеговине и необходимости учреждения российского консульства в Мостаре

№ 4

20 марта 1858 г. Мостар

Monsieur l'envoyé,

Mon précédent rapport aura pu faire connaître à votre excellence la position respective des rayas insurgés et des troupes musulmanes dans l'Herzégovine. Depuis lors, aucun changement n'y est survenue, si ce n'est qu'au lieu de disposer à Stolatz et à Mostar tous les 4 bataillons débarqués à Klek, on en a dirigé deux sur Gatzko et Trébigné. J'ai appris que les chrétiens de Zoubti sont tellement exaspérés contre leurs voisins, les musulmans de Trébigné, et croient si peu aux promesses pacifiques des autorités, qu'ils sont décidés à ce défendre jusqu'à la dernière extrémité et à se réfugier dans le Monténégro plutôt que de se soumettre. Cette obstination rendra probablement la mission de Kémal-effendi très difficile, et il est à craindre que les bonnes intentions qui animent, sans doute, ce fonctionnaire, n'amènent aucun résultat satisfaisant.

Il faut se rendre compte de l'état dans lequel la population de l'Herzégovine se trouve aujourd'hui, pour bien comprendre le cercle vicieux qui l'enlace et d'où elle commence déjà à tâcher de se faire une issue par la force des armes.

La tyrannie qui l'opprime est telle, qu'elle ne peut cesser de se plaindre et de demander à haute voix quelque soulagement. Mais d'un autre côté, le système poursuivi depuis longtemps par les autorités, fait que pas un des chrétiens de l'Herzégovine n'a plus la moindre confiance aux paroles et aux promesses les plus solennelles des Turcs. Les Turcs ne parlent aux chrétiens que pour les tromper, telle est l'opinion enracinée dans l'esprit de tous les rayas. C'est qu'en effet, une perfidie incorrigible distingue les musulmans indigènes et bien plus encore, les moudirs et les pachas envoyés de Constantinople, dans leurs relations privées et publiques avec les chrétiens. La mesure même la plus solennellement garantie semble illusoire à ces derniers, puisqu'ils font tous les jours l'expérience que les pachas en se succédant les uns aux autres (et ces changements arrivent à peu près tous les ans) ne recon-

naissent plus les actes de leurs prédécesseurs; le gouvernement central lui-même leur inspire la même méfiance.

Il est bien difficile de donner une juste idée de l'oppression qui pèse sur cette malheureuse province et des vexations que les aghas, les fermiers des dîmes, les percepteurs des impôts, les moudirs, les bachi-bouzouks, et enfin les simples zaptiés de la police locale y exercent sur les rayas. Ces vexations que je me réserve de faire connaître en détail à votre excellence, sont d'autant plus lourdes en Herzégovine, que les terres y sont improductives et que les Turcs y enlèvent aux chrétiens, non pas le surplus de leur revenu, mais leur stricte nécessaire et les réduisent souvent à se nourrir de plantes sauvages et d'écorce d'arbres et à voir leurs enfants mourir d'inanition.

Ainsi donc les rayas souffrent trop pour pouvoir s'empêcher de désirer un changement dans leur régime, et les concessions que les autorités leur promettent toujours, ne peuvent apaiser leur mécontentement, parce qu'ils n'y voient qu'une perfide amorce, et qu'en effet ces prétendues concessions sont toujours éludées dans l'application.

Cet état de choses fait prévoir que l'Herzégovine ne pourra pas être pacifiée de si tôt, et que quand même l'ordre matériel y serait rétabli, soit par la force, soit par un arrangement amiable, un nouveau soulèvement y sera toujours imminent.

Quand on ajoute à ces circonstances l'importance que le voisinage de la Dalmatie et du Monténégro donne à l'Herzégovine, on ne peut s'empêcher de croire qu'il est du devoir de la Russie de s'occuper très particulièrement de cette contrée, où elle inspire la plus vive sympathie à la population orthodoxe qui y forme la grande majorité des habitants. Dans cette conviction, j'ai vu avec la plus vive satisfaction que mes précédents rapports ont tourné l'attention de votre excellence sur l'Herzégovine, et que le consulat impérial à Saraiévo a été chargé de s'occuper des affaires de cette province. Cependant je crois de mon devoir d'exposer à votre excellence les considérations qui me font présumer que cette mesure n'atteindra pas son but.

D'abord, j'ai déjà exposé plus d'une fois, qu'il n'y a presque pas de communications entre la Bosnie et l'Herzégovine. Sans se transporter matériellement à Mostar, les employés du consulat à Saraiévo n'auront jamais le moyen d'être au courant des événements de l'Herzégovine et moins encore d'y acquérir quelque influence. Il faudra par conséquent qu'ils viennent de temps en temps dans cette province. Mais sans parler de ce que les affaires du consulat en Bosnie souffriront nécessairement par ces absences fréquentes, de pareilles excursions entraîneront des frais de voyage et de logement assez considérables et qui équivaldront bientôt à ceux de l'établissement d'un consulat spécial pour l'Herzégovine. Jusqu'à ce que ce consulat ne soit créé, notre influence y sera nulle: car en supposant même que nos employés visitent Mostar assez fréquemment, ils ne pourront pas, cependant, y rouer des relations stables, et la plupart des personnes qui se rapprocheraient volontiers d'un consulat russe permanent n'oseraient pas le faire, vis-à-vis d'un agent de passage, par crainte de se compromettre et d'avoir des désagréments après son départ. Quant aux autorités turques, mécontentes de voir leurs actions surveillées par nous, elles ne cesseront pas de nous montrer leur mauvais vouloir et de nous susciter des embarras, pour nous dégoûter d'aller à Mostar, aussi longtemps que l'organisation définitive d'un consulat n'aura mis un terme à la fausse position dans laquelle nos agents se trouvent aujourd'hui en Herzégovine. M. Yonine aussi bien que moi, nous avons fait l'expérience de ces désavantages. Malgré toutes les lettres de recommandation et même celle du grand visir, le pacha et les autorités de Mostar disent assez haut: «Qu'ont les agents russes de Saraiévo à faire chez nous? ce ne sont que

des espions et des instigateurs de révolte». Et tout leur semble permis envers eux¹.

Il n'y a pas de doute que les Autrichiens n'ont aucun intérêt à ce qu'un consulat russe soit établi à Mostar. Cependant l'agent de cette puissance n'a pas pu s'empêcher de me dire, dans un accès de franchise: «La Russie veut-elle ou ne veut-elle pas être informée de ce qui se passe en Herzégovine? Si elle le veut, pourquoi n'y envoie-t-elle pas un consul? Vous dites que votre consul pour la Bosnie portera aussi le titre de consul pour l'Herzégovine, mais ce ne sera qu'un vain mot, aussi longtemps qu'il restera à Saraiévo. Et pourra-t-il venir ici chaque fois que les affaires de l'Herzégovine deviendront intéressantes. Quant à être informé, à Saraiévo, sur le compte de l'Herzégovine, vous savez que cela est une chose impossible. L'Angleterre l'a compris, et elle nous a envoyé un agent spécial. L'isolement est si grand dans ces pays de montagnes, que le poste que j'occupe à Mostar ne suffit plus aux intérêts autrichiens; aussi ai-je proposé à mon gouvernement de créer deux nouvelles agences, l'une à Fotcha pour le nord de l'Herzégovine et l'autre, pour l'est, à Trébigné. L'établissement de cette dernière a déjà été ordonnée par le ministère. Je vous le dis pour vous faire comprendre combien vous serez embarrassé de connaître à Saraiévo ce qui se passe chez nous, si moi qui réside dans le centre de l'Herzégovine, je suis souvent obligé d'envoyer quelqu'un à Trébigné pour m'en rapporter des informations».

Voilà des paroles qui n'ont certes pas été dictées par la politique autrichienne, mais que la connaissance du pays a inspirées. Je n'ai pas pu m'empêcher de citer ces témoignages à l'appui des considérations que j'ai pris la liberté d'exposer.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, monsieur l'envoyé, de votre excellence, le très humble et très obéissant serviteur

A. Hilferding

Помета: Reçu le 7 avril.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2046, л. 256—25е об. Автограф.

Перевод

Господин посланник! Из моего предыдущего доведения вашему превосходительству должно быть известно о взаимном расположении восставших раия и мусульманских войск в Герцеговине. С тех пор не произошло никаких изменений, разве что, вместо того, чтобы расположить все 4 батальона, выгруженных в Клеке, в Столаде и Мостаре, 2 из них направили в Гацко и Требинье. Мне стало известно, что зубцевские христиане испытывают столь сильное ожесточение против своих соседей, требиньских мусульман, и столь мало верят в мирные обещания властей, что исполнены решимости защищаться до последнего и скорее бежать в Черногорию, чем покориться. Вероятно, это упорство весьма осложнит миссию Кемаль-эфенди, и следует опасаться, что благие намерения, которыми, по-видимому, воодушевлен этот чиновник, не приведут ни к какому удовлетворительному результату.

Следует отдавать себе отчет о нынешнем состоянии населения Герцеговины, чтобы составить правильное представление о том порочном круге, в котором оно находится и из которого начинает делать попытки выйти с помощью оружия.

Гнетущая его тирания такова, что народ беспрестанно жалуется и во всеуслышание просит хоть какого-то облегчения. Однако, с другой стороны, издавна проводимая властями политика приводит к тому, что ни один христианин в Герцеговине не испытывает более ни малейшей веры в самые торжественные слова и обещания турок. Турки дают христианам обещания лишь затем, чтобы обмануть их, — таково мнение, прочно укоренившееся в сознании раия. Действительно, отличительной чертой местных мусульман и еще в большей степени мудиров и нашей, присылаемых из Константинополя, явля-

ется их несправное коварство в частных и официальных отношениях с христианами. Христиане даже самым торжественным образом гарантированную меру воспринимают как иллюзорную, поскольку их повседневный опыт убеждает их, что паша, сменяя друг друга (а такие замены происходят почти ежегодно), не признают актов своих предшественников; само центральное правительство внушает им такое же недоверие.

Очень трудно представить в полной мере, сколь тяжок гнет в этой несчастной провинции и каковы притеснения, которым подвергаются райа со стороны ага, откупщиков десятин, сборщиков налогов, мудиров, башбузук и, наконец, простых записей местной полиции. Я воздерживаюсь от сообщения подробностей этих притеснений вашему превосходительству, но они тем более тяжелы в Герцеговине, что земли там неплодородны, а турки отнимают у христиан не излишки их доходов, но жизненно необходимое, и часто вынуждают их питаться дикими растениями и древесной корой и видеть своих детей умирающими от истощения.

Таким образом, райа страдают слишком сильно, чтобы помешать себе желать изменений в своем положении, и уступки, постоянно обещаемые им властями, не способны уменьшить их недовольства, ибо райа видят в этих уступках всего лишь вероломную приманку, и в действительности эти мнимые уступки никогда не реализуются.

Такое положение вещей позволяет предвидеть, что в Герцеговине не так скоро удастся восстановить мир; когда же силой ли, полюбовным ли соглашением в этой провинции будет восстановлен порядок, там сохранится неизбежная угроза нового восстания.

Если же к этим обстоятельствам прибавить то, какое значение приобретает Герцеговина в силу своего соседства с Далмацией и Черногорией, невозможно избавиться от мысли, что долг России — особо заняться этой провинцией, христианское население которой, составляющее подавляющее большинство ее жителей, испытывает к России самую живую симпатию. Испытывая подобное убеждение, я с глубочайшим удовлетворением узнал, что мои предыдущие донесения обратили на Герцеговину внимание вашего превосходительства и что императорскому консульству в Сараеве поручено заняться делами этой провинции. Однако я почитаю за долг свой изложить вашему превосходительству соображения, заставляющие меня думать, что эта мера не достигнет желаемой цели.

Во-первых, я уже не раз говорил, что между Боснией и Герцеговиной нет почти никакой связи. Не находясь в Мостаре, служащие консульства в Сараеве никоим образом не смогут быть в курсе событий, происходящих в Герцеговине, ни, тем паче, приобрести там какое-то влияние. Следовательно, необходимо, чтобы они время от времени приезжали в эту провинцию. Однако, не говоря уже о том, что в результате частых отлучек служащих будут страдать дела консульства в Боснии, подобные поездки потребуют расходов на проезд и проживание, уровень которых вскоре достигнет уровня расходов, необходимых для учреждения специального консульства в Герцеговине. Пока это консульство не будет открыто, наше влияние там будет ничтожно, ибо даже если предположить, что наши служащие станут посещать Мостар достаточно часто, они, тем не менее, не смогут наладить там прочных отношений, и большинство тех, кто охотно сблизился бы с постоянным российским консульством, не осмелится пойти на сближение с заезжим агентом из опасения скомпрометировать себя и иметь неприятности после его отъезда. Что касается турецких властей, они, недовольные тем, что мы наблюдаем за их действиями, беспрестанно будут выказывать нам свое недоброжелательство и чинить нам препятствия, чтобы отбить у нас охоту ездить в Мостар, и будут делать это до тех пор, пока окончательное открытие консульства не положит конца ложному положению, в каком ныне оказываются наши агенты, приезжая в Герцеговину. И я, и г. Ионин уже имели подобный опыт. Несмотря на все рекомендательные письма, вплоть до письма великого визиря, паша и мостарские власти достаточно громко заявляют «Что нужно у нас русским агентам из Сараева? Все они шпионы и подстрекатели, готовые к восстанию». И им кажется, что по отношению к нашим агентам все дозволено¹.

Нет никакого сомнения, что австрийцы совершенно не заинтересованы в учреждении российского консульства в Мостаре. Однако агент этой державы, не удержавшись,

сказал мне в припадке откровенности: «Хочет или не хочет Россия иметь сведения о том, что происходит в Герцеговине? Если хочет, то почему не направит туда консула? Вы говорите, что ваш консул в Боснии будет называться еще и консулом в Герцеговине, но этот титул будет пустым звуком до тех пор, пока он будет пребывать в Сараеве. А разве сможет он приезжать сюда всякий раз, как в Герцеговине будут происходить события, вызывающие интерес? Вы же знаете, что иметь информацию, касающуюся Герцеговины, находясь в Сараеве, невозможная вещь. Англия поняла это и отправила к нам специального агента. Изоляция в этих горных областях столь велика, что должностные, занимаемой мною в Мостаре, уже недостаточно для обеспечения интересов Австрии; поэтому я предложил своему правительству открыть два новых агентства: одно в Фоче — оно будет заниматься северной частью Герцеговины, а второе, для восточной ее части — в Требине. Уже есть решение министерства об учреждении второго из них. Я говорю вам это для того, чтобы вы поняли, насколько трудно вам будет, находясь в Сараеве, знать, что происходит здесь у нас, если даже я, находясь в центре Герцеговины, часто вынужден отправлять кого-нибудь в Требину, чтобы он сообщил мне о тамошних новостях».

Таковы слова, которые, конечно, были продиктованы не интересами австрийской политики, но знанием страны. Я не смог не привести этих свидетельств в подтверждение правильности соображений, которые осмелился изложить.

Честь имею быть с глубоким почтением, господин посланник, вашего превосходительства нижайшим и покорнейшим слугою

А. Гильфердинг

Помета: Получено 7 апреля.

¹ А. Ф. Гильфердинг неоднократно ходатайствовал перед правительством об открытии русского вице-консульства в Мостаре, объясняя это необходимостью получения полной информации о положении в Герцеговине, а также тем, что оно сможет облегчить защиту интересов православного населения данной провинции. Он утверждал, что Герцеговина имеет большее значение для России, чем Босния, в силу ее связей с Черногорией (А. Ф. Гильфердинг—Е. П. Ковалевскому от 10 февраля 1858 г.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 800, л. 44—47). С подобным же ходатайством в Петербург обращался Е. Р. Щуленников (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 116). 13 марта 1858 г. Порты дала, наконец, разрешение на открытие вице-консульства, которое было учреждено в июне 1858 г., вице-консулом стал Е. Р. Щуленников (Там же, д. 2322, л. 145: Щуленников—Бутеневу от 17 июня 1858 г. № 120). Вице-консульство официально было открыто 30 августа (Там же, л. 212). В связи с трудностями совмещения должностей консула в Сараеве и вице-консула в Мостаре Щуленников в 1859 г. добился назначения на постоянную должность вице-консула в Мостаре В. В. Безобразова (см. док. 121).

67

Обращение комиссара Порты Киани-паша к христианскому населению Герцеговины с призывом подчиниться властям

16 апреля 1858 г.

Il muscir Kiani-pascia dell'ordine di Megidié, visir della Bosnia colla dipendenza dell'Erzegovina, agli abitanti dei villaggi

E noto ad ognuno che Sa Majesté il nostro augusto sovrano desidera egualmente e cerca i mezzi per far godere ai suoi sudditi la pace, e questa grazia sovrana sia da tutti goduta. In alcune parti però si sono sentite cose contrarie a questa volontà e buone intenzioni sovrane, le quali hanno dato occasione a lagnanze.

Queste cose appena giunte alla cognizione del governo ottomano vi ha spedito per arrestare il male S. E. Aziz-pascia. Per tale grazia sovrana e paterna

sollicitudine era dovere di tutti i sudditi di mostrare la loro riconoscenza ed attendere gli effetti. Se non che certuni di spirito irrequieto non hanno voluto attendere che l'autorità vi metta riparo, ma hanno cominciato in certi distretti a suscitare i cristiani contro la legittima loro autorità. Tali perturbatori furono ascoltati d'alcuni cristiani, i quali si sono permessi di prender le armi contro l'autorità, e così hanno commesso un'enorme delitto. Questo delitto quando venne a notizia di Sa Majesté il sultano, spedì subito una parte delle sue truppe ad oggetto di far cessare tali disordini e di sottoporre i colpevoli, come pure per dimostrare la sua clemenza. Per raggiungere meglio lo scopo la prefata Macata ha spedito me qual visir della Bosnia che son qui giunto colle truppe. Quindi a quelli che sono stati delusi, e che ascoltando i consigli dei perturbatori dell'ordine escirono dalla linea dei loro doveri, tosto che saranno rientrati in se e gettando le armi ritorneranno sul retto sentiero, mi fu concessa facoltà dall'augusto Sovrano di accordare perdono. Ma quelli che hanno tirato gli altri nell'inganno, ed litigandoli al male li hanno condotti a epargere sangue umano, saranno resi responsabili e saranno castigati, ed ho perciò pure pieni poteri. Quelli poi che restarono fedeli al sovrano e non si sono trovati nel numero dei rivoltosi, godranno della piena sua benevolenza. Ma quelli che non sapranno apprezzare il presente atto di sovrana clemenza, ma vorranno anche in seguito opporsi ai suoi ordini, non faranno che attirarsi il di lui sdegno. D'ora innanzi che ognuno viva onestamente e tranquillamente occupandosi de' suoi affari.

Sia ben noto a tutti che in virtù delle facoltà accordatemi da firmano gransignorile, io sono il difensore di tutti i sudditi a qualunque religione appartengono, e voglio che ognuno viva tranquillo. Finalmente spero che ognuno di essi sentirà con piacere tali disposizioni, e cercherà di vivere onestamente e tranquillamente dedicandosi alle proprie occupazioni.

In Mostar li 3 Ramazan 1274 (16 April 1858)

HHStA, Wien, PA GK, K. 126, Fol. 95—96. Пер. с сербскохорват. яз., современный подлиннику.

Перевод

Мушир Киани-паша, кавалер ордена Меджидие, визирь Боснии и подчиненной ей Герцеговины к жителям деревень

Каждому известно, что его величество наш августейший государь в равной степени желает и ищет средств, чтобы дать возможность своим подданным наслаждаться миром, и пусть этой милостью государя наслаждаются все. Однако в некоторых местах приходилось слышать жалобы, противные этой воле и добрым намерениям государя.

Как только об этом стало известно османскому правительству, оно послало туда, чтобы остановить зло, его превосходительство Азиз-пашу. За такую милость государя и отеческую заботу долгом всех подданных было выказать свою благодарность и ждать результатов. Однако некоторые с беспокойным настроением ума не пожелали ждать, чтобы власть навела порядок, и в некоторых округах они начали подстрекать христиан против их законных властителей. Этих смутьянов послушали некоторые христиане, которые позволили себе взять оружие против власти и таким образом совершили тяжкое преступление. Когда об этом преступлении узнал его величество султан, он сразу же послал часть своих войск с целью прекратить эти беспорядки и обуздать виновников, а также чтобы доказать свое милосердие. Чтобы лучше достичь цели, префектура Мака-тата послала меня как визиря Боснии, и вот я здесь вместе с войсками. Так вот тем, кто были обмануты и, послушавшись советов возмутителей спокойствия, сошли с пути, предписанного им долгом, — как только они придут в себя и, бросив оружие, вернуться на путь истинный, августейший государь предоставил мне право даровать им прощение. Но те, кто ввел других в заблуждение и, вовлекая их в злодеяние, заставил их

пролить людскую кровь, понесут всю ответственность и будут наказаны, и я наделен для этого всеми полномочиями. Те же, кто оставались верными государю и не оказались в числе мятежников, будут пользоваться его полным благоволением. Но те, кто не сумеют оценить настоящий акт государственного милосердия, а вознамерятся в дальнейшем также противиться его приказам, лишь навлекут на себя его гнев. Так пусть же отныне и впредь каждый живет честно и спокойно, занимаясь своими делами.

И пусть знают все, что в силу прав, предоставленных мне высочайшим ферманом, я являюсь защитником всех подданных, к какой бы религии они ни принадлежали, и хочу, чтобы каждый жил спокойно. Наконец, я надеюсь, что каждый из них воспримет эти распоряжения с удовольствием и постарается жить честно и спокойно, предаваясь собственным занятиям.

Мостар. 3-го дня месяца рамазана 1274 (16 апреля 1858)

68

Предписание канцелярии Боснийского вилайета окружным властям огласить распоряжения турецкой администрации на сербском языке

21 апреля 1858 г.

'Izzellu paša

Mukaddema 'isyan suretini gösterup. Mueharen dagilarak ihtilaflarina sukünet gelmiş ve gerek aslen 'isyan etmeyup kendü hallarında bulunmuş olan ehaliye bu kerre srp lisani üzere ettirilen memhur tercümesile heraber kezalike suretai memhuresi leffen irsal kılınan i'lannamenin neşrine ibtidarile te'min ve tatmin ihzarlarına i'tina ve reft kılınmış. Taraf-i aciziye irsal buyurulan ta'limat-i sinniye icab-i 'alsinden bulunmuş olmasile işbu nemika-i muhlis ve solunda zira vare-i valarında bulunan Travnik sancığına her kaç pare kura ve kasabat var ise zikr olunan tercümeden beher karye ve kasabaya istinsah ettirilerek balalarina tarafimizdan varid olan i'lannamenin sureti olduğu ve falan karye ehalisine hataben bulunduğu derc olunup. Muhur-i valalarile temhirden sonra der hal-i neşrilerle ber vech-i matlub te'min ve tatmin efkar ehaliye mubaderet kılınmış. Ve zikr olunan kura ve kasabattan ehali latin bulunan için tercüme-i mezkürenin latin hurufat ile yazuruluş neşr edilmiş olduğu ma lum-i nizametluzum valaların her vech-i muharrer icra-i icab halde musare 'at ve himmet buyurulmaların mutemenna-i sinaveridir.

7. ramazan 74

OIS, VA, N 7/58. Копия.

Перевод

Poštovani pašo,

Ranije se pojavila pobuna. Treba izdati obavještenje da su nemiri razbijeni i onome stanovništvu koje živi tamo gdje nije bilo pobune i to kao ovjereni prepis i takodjer ovjereni prevod na srpskom jeziku. Mora se uložiti veliki trud da se postigne sigurnost. Kada stigne ova obavijest koju vam šaljem, neka se umnoži u više primjeraka spomenuti prevod i pošalje u sva sela i gradove u Travničkom sandžaku i pismeno dostavi stanovništvu. Za katoličko stanovništvo u spomenutim selima i gradovima neka se spomenuti prevod objavi latiničkim slovima. Potrudite se da u ovome postupite na opisan način.

21. april 1858

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

По поручению г. Шулепникова вчера я прибыл в Требинье и согласно данному мне от него приказанию осмеливаюсь донести вашему высокопревосходительству о положении дел в южной Герцеговине.

Комиссары Порты прибыли сюда уже неделю тому назад. Согласно обещаниям, которые они давали в Мостаре — употребить все средства к усмирению мирным образом восставших рай, первым их долгом было разослать в Зубцы, Баняны, Грахово и Пиву письма или воззвания к народу с повелением положить оружие и явиться в Требинье высказать свои жалобы¹. Но восставшие, не решаясь вдруг склониться на приказания комиссаров, вероятно из страха быть заключенными и наказанными, непременно хотели, чтобы Киани-паша ответил им решительно о том, как он хочет поступить с ними, и удовлетворил бы прежде их жалобам. Киани-паша, оскорбленный их ответом, послал сказать только, что он не пришел делать с ними условия, а усмирить их, и что они должны ожидать помилования себе только от великодушия правительства.

Так кончились безуспешные мирные переговоры, укрепившие комиссаров в несчастном убеждении, что райи не восстали вследствие злоупотреблений, а были только возбуждены извне, то есть Черногориею. Не оправдывая рай, нельзя не сказать, однако же, что комиссары не действовали в этом случае с всею доброю волею и с твердым намерением мирно кончить дело. Холодность и гордость Киани-паши в его поступках и воззваниях смутили восставших христиан. Он начал переговоры эти с целью показать, что он употребляет средства миролюбивые и что он не подвинул дела. Настоящею же целью его было не упустить случая войти с оружием в Грахово и принудить черногорцев защищать эту спорную нахию. Киани-паша очень ясно выразил это сегодня в разговоре со мною, сказав хотя почти шуточно, что Порта очень рада настоящим событиям, которые могут ей определить свои отношения к Черногории.

К обвинению последней Киани-паша думает иметь достаточные доказательства: он мне показал сегодня воззвание воеводы граховского к христианам этой нахии. Воззванием этим воевода приглашает народ защищать свою страну от нападения турок, говоря, что и кн. Данила того желает и поможет им в случае необходимости. Из этого Киани-паша заключил, что черногорцы заняли Грахово и считают его своею землею, хотя из слов воеводы этого вовсе не следует; было бесчисленное число примеров, что начальники восставших, дабы более воодушевить их, говорили без всякого основания, что им обещал помощь кн. Данила.

Кемаль-эфенди, напротив, не думает видеть черногорцев в Грахово, но говорит только, что если войска турецкие встретят их там, то без всякого сомнения Гуссейн-паша, начальник этих войск, перейдет, согласно приказанию Порты, чрез границы Черногории.

Теперь турецкие войска стоят в Банянах против Грахова и пойдут на него в скором времени. Кемаль-эфенди, хотя и уверен теперь, что князь останется в своих границах, но рассчитывает, что он поможет граховлянам². Комиссар этот, основываясь на том, что князь прервал свои сношения с ним, думает, что он готовится на открытую войну с Турциею. С другой стороны, он предполагает, что прервание этих сношений есть след-

ствие неосторожного поступка секретаря кн. Данилы. Вашему высокопревосходительству известно, что секретарь князя г. Деларю был в Мостаре с письмом к комиссару Порты. В письме этом, как говорит и сам комиссар, не заключалось ничего — ни оскорбительного, ни неосторожного. Князь просил его высказать свое мнение и намерения Порты касательно Черногории. Но, как сказал мне сегодня Кемаль-эфенди, Деларю, преступив инструкции, данные ему от князя, в выражениях не совсем приличных требовал окончательного ответа касательно вопроса о Грахове, Банянах и Зубцах. Кемаль-эфенди, думая, что секретарь князя говорил согласно поручениям его правителя, отвечал очень холодно, что не может решить подобных вопросов, но будет ждать от князя более благоразумных в Требинье, прибавя, что князь будет всегда пользоваться возможным уважением турецкого правительства и что оно никогда не думало его сделать ни мудрым, ни каймаком. Но теперь Кемаль-эфенди, кажется, убедился, что неосторожные его требования, решившие Киани-пашу войти в Грахово, были следствием его слишком большого усердия и вовсе не были сделаны по приказанию князя. Кемаль-эфенди, говоря мне об этом, заметил, что князь не поправил до сих пор поступка своего секретаря, который не явился в Требинье, что и заставило его предположить, что князь не хочет входить в дальнейшие переговоры. Здесь, впрочем, известно, что князь недоволен поступком Деларю и отправлял его в Скутари к протектору его французскому консулу Эккару, который, вероятно, чтобы устроить это дело, приехал сегодня в Требинье.

Приведу еще слова Киани-паши, доказывающие его решительное намерение идти в Грахово и далее в Черногорию, пользуясь настоящим запутанным положением дел; пока трудно узнать кто прав, кто виноват. Он сказал мне касательно движения войск, что он не счел нужным посылать их в Зубцы, потому что нахия эта хотя и составляет зерно восстания, но окружена австрийскими границами таким образом, что войска турецкие не могут преследовать бегущих рай, между тем как в Грахове он может не останавливаться, и только войдя в него, решит вопрос об отношениях рай к Черногории. При конце свидания со мною Киани-паша как будто с печалью заметил, что ему чрезвычайно жаль несчастных рай, которые ни в чем не виноваты и страдают только, как слепое орудие происков кн. Данилы, что ему больно быть в необходимости проливать кровь невинных подданных султана.

Смею думать, что войска турецкое остановилось в Банянах близ села Билеча и не идет далее решительно только потому, что считает свои силы недостаточными для дальнейших операций. Из Мостара пошел в Баняны последний там оставшийся батальон, а из Клека ждут еще четыре батальона. С прибытием их Киани-паша, как он сам сказал, даст приказания войскам идти дальше.

При занятии Банян низамом жители этой нахии ушли все в Грахово, даже и монахи монастыря Косерева. Первый великодушный поступок турок в Герцеговине сделан фериком Гуссейн-пашою: он велел прогнать в Грахово вслед за бежавшими туда жителями Банян ротатый скот и 6000 овец, оставленные поселянами в бегстве. Жители Банян сожгли сами свои дома, дворы и имущество, которое не могли взять с собою.

Можно надеяться, что появление русского чиновника в Требинье даст смелость монахам монастыря Косерева и игумену мона[астыря] Дуки прийти к комиссарам Порты. Монахи выразили это сами некоторым требиньским христианам. Особенно было бы полезно сохранить герцеговинским христианам игумена Дужей, человека умного и благородного, но я теперь остерегаюсь входить в сношения, хотя и посредственные, с восставшими, имея в виду сохранить доверие комиссаров к русским агентам,

доверие, в котором я сегодня мог убедиться. Киани-паша и еще более Кемаль-эфенди приняли меня с крайнею вежливостью и предупредительностью. Оба они выразили мне удовольствие, что решение дел Герцеговины будет происходить в присутствии русского агента³. Я даже не имел надобности спрашивать их о чем-либо, они первые сообщили мне все то, об чем я имею честь доносить теперь вашему высокопревосходительству.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

Помета: Получено 9 мая.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2046, л. 54—58 об. Автограф.

¹ Для расследования положения в Герцеговину прибыли комиссары Порты Кемаль-эфенди и Киани-паша. В разосланных им прокламациях и восставшим давалось обещание помиловать тех, кто добровольно сложит оружие (см. док. 67).

² Кемаль-эфенди был уполномочен вести переговоры с чернотгорским князем Давидом относительно спорных пограничных территорий, на которые претендовала Черногория (Грахово, Баняны, Зубцы и др.). Комиссар Порты соглашался удовлетворить претензии князя только при условии признания последним верховной власти Порты, на что Давид не соглашался. Переговоры были прерваны, 26 апреля 1858 г. турецкие войска вошли в пределы Грахова (Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении. . . , с. 134—135).

³ Опасаясь, что дальнейшее сопротивление герцеговинцев приведет к войне Турции против более слабой Черногории, русские дипломатические представители предприняли попытки убедить инсургентов подчиниться требованиям комиссаров (см.: Е. Р. Щулепников А. П. Бутеневу от 9 апреля 1858 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2046, л. 49—50).

70

Донесение А. С. Ионина Е. Р. Щулепникову о продвижении турецких войск к Грахову и о намерении кореничей и зубчан сложить оружие

№ 3

27 апреля 1858 г. Требинье

Милостивый государь Евграф Романович!

После донесения моего вашему высокоблагородию от 26-го сего месяца не произошло ничего, что бы могло переменить положение дел в южной Герцеговине. Турецкие войска, впрочем, подвигаются вперед и стоят теперь против Грахова. Говорят, что куреничи*¹, бывшие в Грахове с другими восставшими, будто бы приходили к ферику Гуссейн-паше изъяснять свою покорность.

Зубцы еще прежде присылали депутатов к комиссарам с изъяснением готовности покориться, но комиссары не приняли их под предлогом, что они пришли после срока, по истечении которого все восставшие должны были положить оружие².

Комиссары сказали депутатам, что они не вмешиваются уже в дела восставших и что они должны являться к начальнику войска (который находится в Грахове), так что и Зубцы теперь считаются между восставшими, пока к ним не пошлют какого-нибудь лишнего отряда низама, отряда, который, может быть, не скоро найдется.

Слухи, что черногорцы находятся в Грахове, совершенно не подтверждаются, хотя эта страна считается спорною и ки. Давида имеет в ней влия-

* Правильно: кореничи.

ние, но собственно его войска там, кажется, до сих пор нет. Со дня на день ждут нападения на Грахово, и турки решительно надеются, что дело это определит их отношения к Черногории.

Я продолжаю находиться в самых хороших отношениях, по крайней мере, наружно, с комиссаром Порты. С завтрашнего дня я буду жить с секретарями Кемаль-эфенди и обедать у него. Я принял это предложение в видах удалить от себя всякое подозрение и неприязнь, которую здешние мусульмане могут питать к русскому агенту.

Как я слышал, комиссары были не совсем довольны приездом сюда французского вице-консула в Скутари г. Эккара, который уехал, впрочем, вчера обратно.

С истинным почтением честь имею быть вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 127—128. Автограф.

¹ Кореничи — область в Герцеговине юго-восточнее Требинья. В средние века была отдельной жупанией. Населена мусульманами и православными. Играла значительную роль во всех крестьянских восстаниях в Герцеговине в XIX в.

² По всей вероятности, это было сделано по совету Е. Р. Щулепникова, который убедил монастырских монахов отправить в Зубцы письмом с согласием «безусловно положить оружие перед комиссарами» и тем самым дать возможность им заняться искоренением злоупотреблений и предотвратить опасность для Черногории войны с Портой (см. примеч. 3 к док. 69).

71

Записка Г. Вучковича А. П. Бутеневу о бесправии боснийских христиан и злоупотреблениях откупщиков и турецкой администрации

29 апреля 1858 г. Константинополь

Мы обращаемся к вашей великой милости и доброте с этим письмом, чтобы познакомить вас с нашей неволей и нуждой, которую мы терпим постоянно уже несколько столетий, а в настоящее время в особенности.

1. В 1852 г. отобрали у нас из целой Боснии оружие, которое стоило по меньшей мере 50 млн. грошей (пиастр), не заплатив нам ни одной пара.

2. Сколько мы ни выставляли во времена Омер-паши для царского войска припасов: баранов, масла, ржи, пшеницы, дров, сена, коров, подвод для крепостных работ, за все обещали нам выплатить, а не дали ни одной пара.

3. В то время пало у бедных жителей 5000 лошадей и более, за которые также ничего не выплачено.

4. В Боснии сколько ни пребывало аг, бегов, а также пашей и визирей, все, хозяйничая по-своему, довели бедных жителей до крайности.

5. Бег может отнять у жителя жену и держать ее, сколько ему хочется, а после убить ее, как это сделал, например, Дервиш-бег Куленович у Петровца.

6. Они убили бесчисленное множество бедных поселян.

7. В одном Новосельском кадилуке найдется более 50 человек потурченных.

8. Всякий день посылают на работу и гоняют на барщину.

9. Берут третину от всякого жита, а сена и половину, а не дают ни вола, ни лошади.

10. Спайя* может у своего поселенца (кмета) отнять все его имущество и самые жилые строения: двор, амбар, сеной сарай и т. д.

11. У нас священники не священники, а невольники, они обходят дворы по царскому делу и собирают деньги с заплатами. Соберет, например, в казну 10 тыс. пиастров, а ему дают расписку в 5 тыс., что ему делать? Оп, бедный, не знает и своей грамоты, а и подавно турецкой. Так все у нас делается. Чего бы ни требовали от народа, хоть бы он каждый день давал, все будет оставаться в долгу. Такова была для нас десятина арабашника: вот уже семь лет, как выплачивают ее бедные поселенцы и избавиться не могут. Есть села, которые давали ее по 5 раз.

12. Священник имеет в своем приходе 100 дворов, а иные и больше. Пока его посылают за вышеупомянутым сбором, а младенцы умирают без крещения. Его нет, а где он? Собирает кое-какие несчастные подати.

13. В мае месяце 1856 г. наложили на нас повинность, которую мы уплачивали три раза в год и которая приносит, если не ошибаюсь, от 400 [тыс.] до 60 000 цесарских червонцев. А другие подати следующие:

14. Порез два раза в год (по 63 пиастра).

15. Амрия по два раза в год (по 14 пиастров).

16. Казания, подать с винокурения (с каждого котла по 50 пиастров).

17. Пелузия, пошлина со всякого борова по 10 пиастров, а до сих пор было по 1 пиастр 10 пара.

18. Пошлина с курения табаку и со всего продаваемого в трактирах.

19. Десятина, о подробностях коей я не буду передавать на письме.

20. Во всей Боснии нет и 20 училищ.

21. Нет книг.

22. В судах нет ни одного нашего человека, которому царь давал бы жалованье (как туркам), кроме ходжа-баши, который употребляется на то, чтобы приносить турецким членам меджлиса огня для раскуривания трубок и, сохрани бог, если он будет им перечить.

23. 100 тыс. крещенных людей не имеют права свидетельствовать на одного турка. Обидчик-турок и судья-турок; каково же должно быть правосудие?

24. С тех пор, как султан завоевал Боснию и покорил ее под свою руку, наши люди никогда не противились ему, а турки — часто и очень много раз, а все они правы, а мы виноваты. Мы даем всякие подати, а они ничего; а все мы кривы, они только правы, хоть стеклом бей о камень, хоть камнем о стекло — все равно, все стекло разобьется, так и наше дело с турками.

25. Есть у нас кадии и другие судьи, зависящие от шейх-уль-ислама; как скоро умрет кто-либо из старейшин (саибиев), кадия описывает все его имущество, и собственное его и чужое, если что имел, и со всего берет подать — мертвому, и не берет с того, сколько нашел налицо, а впятеро больше.

26. Заплата, когда приходит в деревню, нагрянет на ночлег, требует есть и пить, водки, хлеба, кур, а платит ни за что не хочет; он если скажет: «не помогай бог», а я «помогай бог», все ему больше верят.

27. Мы не смеем заявлять никаких неправд, причиняемых нам, ни жаловаться судьям. Когда мы идем приносить жалобу за сделанное нам оскорбление, нам отвечают: хотите ли потурчиться и т. д. Так, несчастных поселенцев, искавших своего права, до сих пор бьют и вяжут, и гонят на все стороны. Нам до сих пор не было пользы жаловаться и плакаться, терпи тело и помни душа: турок заклялся небом и землею действовать не правдой, а насильем.

* Правильно: спайя.

28. У нас арестанты умирают от голода и жажды. Когда умрет кто-либо из них, его вытаскивают, как животное какое-нибудь, и без всякого обряда зарывают его.

29. Мы своему государю никогда противниками не были, и теперь особенно тяжело нам, что мы не имеем к нему доступа и не можем высказать ему нашего горя и бедствий. Нам кажется, что он ничего не знает, что с нами делают. Я, один из уполномоченных народа, прибыл сюда по его приказанию с свидетельствами и письмами и передал их каждое по принадлежности. Я думал, что меня будут спрашивать о чем-нибудь, касающемся до нашего бедного народа, но никто ни о чем не спрашивает. Мы люди простые, языков никаких не знаем; хорошо еще, что того, на котором говорим, не забыли; если нас спросят, в каком мы положении, ответ: как бог велел, а дай бог лучшего. Но мы надеемся на бога и на вашу доброту и милость, что вам угодно будет объяснить наше положение тем, кому о том знать надлежит, и что тем дела наши поправятся. Вот сколько дней я здесь и начинаю просто терять всякий разум, не знаю, как еще писать. На свете еще не родился человек, который бы мог высказать словами и описать пером нашу тугу и неволю; свет дошел до последней крайности; те, которые послали меня, хотели мне дать по 20 пара с каждого дома и того не в состоянии дать.

Итак, остаюсь вашего высокопревосходительства покорнейший и нижайший слуга, поручающий себя вашей милости

боснийский уполномоченный Гавро Вучкович

АВПР, ф. ГА V-A₂₁, д. 800, л. 232—236. Пер. с сербохорват. яз., современный подлинник.

72

Донесение И. Дубравича К. Булю-Шауенштейну о нежелании герцеговинских повстанцев сложить оружие на условиях, предложенных комиссарами Порты, и о подготовке турецких войск к выступлению против Черногории

3 мая 1858 г. Мостар

Excellence!

Un ordre du général Hussein pacha est parvenu hier au commandant du seul bataillon d'infanterie qui se trouve en garnison à Mostar de se tenir prêt à marcher vers Bileć, village situé à moitié chemin entre Trébigne et Gazko, et vis-à-vis de Bagnani, un des foyers de l'insurrection. Il est enjoint aussi au dit commandant de faire transporter à Stolaz les malades de l'hôpital militaire. Le point de Bileć est considéré comme le plus propre à la concentration des troupes et le plus adapté à une expédition contre Monténégro.

Quatre pièces de campagne arrivées ces jours-ci de la Bosnie doivent incessamment prendre la route du dit quartier général.

Ces nouvelles jointes à celles qu'aucun arrangement ne s'en est suivi entre le Prince Danilo et les commissaires ottomans, et que les rayas insurgés ne se sont pas encore rendus à l'appel de ces derniers, ont jeté l'alarme dans le public, qui commence à croire inévitable une guerre contre Monténégro, et une punition sévère des rayas récalcitrants.

Dans son très humble rapport du 17 Avril dernier No 20 le soussigné a en quelques mots relaté la substance d'une Circulaire adressée par S. E. Ki-ani pacha aux rayas des districts révoltés¹. S'étant procuré une copie de cette pièce rédigée en langue serbe, le soussigné à l'honneur de la soumettre à la

haute appréciation de votre excellence. Elle a été le sujet de plusieurs désagréables commentaires de la part de ces rayas, qui n'y voient que la répétition des promesses qui leur ont été faites précédemment par maints commissaires ottomans, sans aucune assurance qu'on s'occupera de suite de leurs justes griefs. De l'autre côté les menaces contenues dans la circulaire contre les chefs de l'insurrection pouvant frapper un grand nombre d'individus, on pense généralement, que ceux-ci auront employé et emploieront tous leurs efforts pour empêcher leurs compatriotes de se rendre à l'appel du pacha. Aussi ce n'est pas surprenant si on n'entend pas encore parler de leur soumission.

Au surplus la circulaire de Kiani—Pacha semble s'éloigner de la lettre des instructions qui lui furent données dans la partie au moins qui regarde l'amnistie accordée aux rayas. On dirait en lisant ces instructions que le gouvernement ottoman ne considère les rayas révoltés que comme des aveugles instruments d'intrigues provenant de dehors, tandis que la circulaire livre les promoteurs à la vindicte publique.

On ignore la part qu'ont pris les consuls d'Angleterre et de France partis pour Trébigne le 28 de l'écoulé dans les négociations des commissaires ottomans.

Dans mon très humble rapport du 20 février dernier No 10, j'annonçais à votre excellence que M. Giurkovich dragman anglais, avait prié le vicaire catholique résidant à Dubrava de charger un des curés dépendants de lui prêter ses services pour une affaire secrète, lui promettant une large récompense. Des nouveaux renseignements puisés à bonne source me font connaître, que les services demandés par M. Guirkovich se bornaient à informer exactement, mais d'une manière confidentielle, le vice-consulat anglais de Mostar des événements importants qui allaient se passer dans le district de Trébigne et des menées des Monténégrins. Cependant aucun de dits curés n'a accepté l'offre.

Des nouveaux brigandages nous sont signalés dans quelques districts de l'Herzégovine, malgré la présence des troupes. D'un autre côté des plaintes continuelles nous arrivent de la part des gens de campagne qui se trouvent engagés avec leurs chevaux au service du transport des vivres et des munitions. Hussein pacha avant son départ de Mostar avait réglé les prix de ce service, mais les employés subalternes font bon marché de tels ordres. Aussi une partie des chevaux et d'autres bêtes de somme qui forment une des principales ressources du pays a déjà succombé aux fatigues et à la faim après avoir été abandonnés par leurs maîtres qui ne recevant en entier ni la ration promise, ni leurs gages sont retournés au sein de leurs familles.

Je prie votre excellence d'agréer l'hommage de mon plus profond respect

Dubravcich

HHStA, Wien, PA GK, K. 126, Fol. 91—94. Подлинник.

Перевод

Ваше высокопревосходительство!

Вчера командир единственного батальона пехоты, стоящего гарнизоном в Мостаре, получил приказ генерала Хусейн-паши о готовности выступить в направлении Билеча, деревни, расположенной на подороже между Требинье и Гацко и напротив Банян, одного из очагов восстания. Командующему приказано также организовать перевод в Столац больных из военного госпиталя. Пункт Билеч рассматривается как наиболее подходящий для концентрации войск и как самый приспособленный для экспедиции против Черногории.

Четыре полевых орудия, доставленные на днях из Боснии, должны со дня на день отправиться вслед за упомянутой штаб-квартирой.

Эти новости в сочетании с известиями о том, что между князем Данилой и османскими комиссарами не достигнуто никакого соглашения и что восставшие райя еще не явились на приглашение последних, посеяли тревогу среди населения, которое начинает верить в неизбежность войны с Черногорией и сурового наказания строптивых райя.

В своем нижайшем донесении от 17 апреля сего года за № 20 нижеподписавшийся в нескольких словах изложил сущность циркуляра, направленного е[го] пр[е]восходительством [Кiani-пашой райя восставших округов¹. Раздобыв копию этого документа, составленного на сербском языке, нижеподписавшийся имеет честь предложить ее высокому вниманию вашего высокопревосходительства. Этот документ стал предметом многочисленных неприятных комментариев со стороны этих самых райя, видящих в нем не более как повторение обещаний, которые и прежде давались им многочисленными османскими комиссарами без всякой гарантии, что их справедливые претензии будут рассмотрены. Поскольку, с другой стороны, содержащиеся в циркуляре угрозы в адрес руководителей восстания могут коснуться большого числа лиц, общее мнение таково, что эти руководители должны употребить и употребят все свои усилия, чтобы помешать своим соотечественникам явиться на приглашение паши. Поэтому неудивительно, что все еще нет известий об их повиновении.

Кроме того, циркуляр Кiani-паши, кажется, не отвечает букве инструкции, данных ему, по крайней мере, по части амнистии, предоставляемой райя. Читая эти инструкции, можно было бы сказать, что османское правительство рассматривает восставших райя всего лишь как слепое орудие интриг, организованных извне, в то время как циркуляр обрекает зачинщиков на преследования как государственных преступников.

Неизвестно, какую позицию заняли английский и французский консулы, выехавшие 28 апреля в Требинье на переговоры с османскими комиссарами.

В моем нижайшем донесении № 10 от 20 февраля сего года я сообщал вашему высокопревосходительству, что г-н Джуркович, английский драгоман, просил католического викария, помещающегося в Дубраве, поручить какому-нибудь одному из находящихся у него в подчинении юре предоставить ему свои услуги для секретного дела, обещая щедро вознаградить его. На основании новых сведений, полученных из надежного источника, мне стало известно, что услуги, о которых просил г-н Джуркович, заключались лишь в том, чтобы точно, но конфиденциально информировать английское вице-консульство в Мостаре о важных событиях, происходящих в Требиньском округе и о поисках черногорцев. Однако ни один юре не согласился на это предложение.

Нам сообщают о том, что в некоторых округах Герцеговины, несмотря на присутствие войск, совершаются новые акты разбоя. С другой стороны, к нам поступают нескончаемые жалобы от сельских жителей, которых обязали на их лошадях нести службу по перевозке провианта и военного снаряжения. Хусейн-паша перед своим отъездом из Мостара установил размер платы за эту службу, однако служащие более низкого ранга не считаются с такими приказами. Поэтому часть лошадей и другого вьючного скота, составляющего одно из основных богатств страны, уже пали от изнурения и голода, брошенные своими хозяевами, которые, не получая ни обещанного фуража, ни причитающегося им жалования, возвратились к своим семьям.

Прошу ваше высокопревосходительство принять изъяснение моего глубочайшего почтения

Дубравчич

¹ См. док. 67.

Донесение Е. Р. Шулепникова А. П. Бутеневу о продолжающихся налоговых притеснениях крестьян в Посавине и об усилении турецких войск в Герцеговине

№ 85

13 мая 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

На днях я виделся по моему выздоровлению с Азис-пашою. Он уверяет меня, что приехал сюда единственно, чтоб отдохнуть, и что дела посавинские он совершенно окончил и не имеет надобности ими более заниматься. Зная между тем, что он всякий день заседает в меджлисе, я ему заметил, что, по-видимому, однако, он имеет здесь какое-нибудь поручение от своего правительства. На это он мне отвечал, что Княин-паша просил его заняться ускорением разных приготовлений для войска, находящегося в Герцеговине. Не могу при этом случае не довести до сведения вашего высокопревосходительства, что военные приготовления эти особенно тяготят над христианами, которые иногда вовсе не получают платы за подводы, а иногда принуждены дожидаться ее так долго, что, будучи отняты от своих сельских работ, предпочитают, бросая лошадей, возвращаться домой без платы.

Хотя Азис-паша и уверял меня, что он устроил дела в Посавине ко всеобщему удовольствию аг и райи, однако, по слухам, доходящим до меня, это далеко не правда. Притеснения бедных кметов продолжают по-прежнему, так что многие из них, не видя исполнения со стороны аг обещанных в их пользу условий, противятся платить третину, а человек 15 из них томится в здешних темницах.

Целая толпа райи из Тешпы (около Брод) отправилась в Сараево, чтобы жаловаться на угнетения, претерпеваемые ими при сборе десятины. Дошедшие сюда вчера первые 8 человек были немедленно схвачены и посажены в тюрьму; видя это, митрополит Дионисий выслал к остальным навесточку протоиерея и своего каваса и убедил их вернуться.

Известие о разбитии турок черногорцами под Граховым¹ навело на здешних мусульман панический страх, и всякий день выдумываются здесь новые нелепые толки о движениях черногорцев, которые, по испуганному воображению турецких жителей, собираются идти даже на Сараево. Между тем правительство занимается здесь вооружением мусульман и отправляет их в Герцеговину; до сих пор отправлено их в продолжении этой недели до 430 человек.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугой

Е. Шулепников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 129—130 об. Автограф.

¹ Граховская битва 1 (13) мая 1858 г. между черногорскими отрядами под командованием воеводы Мирко Петровича и турецкими войсками Хусейна-паши и Кадрипаши закончилась решительной победой черногорцев, на стороне которых участвовали и герцеговинские повстанцы. Турки потеряли 3 тыс. человек убитыми, 8 пушек и обоз. После поражения Турция была вынуждена пойти на переговоры с Черногорией об установлении границ, что явилось негласным признанием самостоятельности Черногорского государства. При проведении границы между Черногорией и Османской империей восставшие области Герцеговины — Зубцы, Баняны, Пива, Дробняки, Наляние Васоевичи, Кучи Дрекаловичи — были оставлены в составе Османской империи.

Донесение А. С. Ионина Е. Р. Шулепникову о позиции Австрии в отношении восстания в Герцеговине

№ 11

25 мая 1858 г. Мостар

Милостивый государь Евграф Романович!

Положение дел в Герцеговине не приняло еще определительного характера. Войска, собранные в Боснии, отправляются в Требинье, куда направляется и весь низам, прибывший из Константинополя. Княин-паша сообщил мне, что хотя Порты и желает прекращения неприязненных действий против Черногории, но что ему она дала приказание в особенных случаях действовать по собственному его усмотрению. Вообще по действиям их заметно, что они направлены не против восставших райи, о усмирении которых уже не думают, а против Черногории. Теперь в Герцеговине находится столько регулярного войска, что оно было бы весьма достаточно для усмирения всех восставших, но, несмотря на то, здесь собирают мусульманское ополчение. Из Боснии тоже приходят башибузуки-босняки. Даже принуждают католиков Герцеговины взять оружие против православных, разумеется, для доказательства, что только одни православные — вредные возмутители страны. На днях мы ждем этого католического ополчения, составленное из людей, которые три месяца тому назад по приказанию Австрии помогали восставшим шумлянам. Но Австрия, как известно, переменяла свой образ действий в Герцеговине, когда уже она достаточно взволновала ее, когда она может быть уже уверена, что здесь произойдет кровопролитная междоусобная война, а вооруженные христиане, подавленные турецкою силою, перейдут в Далмацию, когда уже не будут в состоянии защищаться. Но и до сих пор она не перестала поджигать восстание и вовсе не хочет, чтобы оно скоро потухло.

Вам уже известна непреложная истина, что огромное число кривошия сражалось с турками в Грахове. Несмотря на то, барон Мамула в последней депеше своей вице-консулу австрийскому в Мостаре велел ему божиться пред турками, что не было ни одного кривошия в Грахове. Вице-консул верно исполняет данное ему приказание, и турки уже готовы отказаться от того, что они кричали в Требине, что если б не кривошия, они бы разбили черногорцев. Но не в системе турок теперь обвинять Австрию. Впрочем, они теперь будут осторожны, если пойдут в Зубцы и встретят там кривошия. Они об этом теперь не донесут в Константинополь, и Австрия будет беспрепятственно делать здесь, что ей угодно: с турками обвинять Черногорию, а к восставшим райам посылать кривошия. Но по последним известиям из Зубцев, письма далматских начальников к капитану Луке Вукаловичу находятся у князя Даниила, следовательно, доказательства возмутительных действий Австрии не уничтожены.

Приняв в соображение меры, принимаемые турками к увеличению отчаяния райи, которые для передвижения войск должны давать лошадей и хлеб, оставлять свои жатвы и другие работы без всякого вознаграждения, можно решительно сказать, что восстание будет увеличиваться с каждым днем, несмотря на присутствие военных сил в стране.

С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокоблагородия покорнейшим слугой

А. Ионин

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 608, л. 54—55 об. Автограф.

Прошение повстанцев Дробняков, Пивы и Шарапцев К. Д. Петковичу о защите от притеснений турецких властей

Не позднее 2 (14) июня 1858 г.*

Мы, несчастные жители Дробняка, Пивы и Шарапцы, извещаем вас, что Кияни-паша писал к нам и приглашает к себе. Мы бы пошли добровольно к нему, но не посмеем, боясь, что турки побьют нас. Боймся и самого пашу, чтобы он не заковал нас и не побил. Христиане были вынуждены взять оружие против злоупотреблений и угнетений турок, которые забрали и поели у нас все, что мы имели, осквернили наши церкви, потоптали нашу святыню и, наконец, изнасиловали наших жен и наших сестер; и мы имеем несчастье крестить детей, прижитых этими извергами с нашими женами и сестрами. Это чистая правда, и мы вовсе не преувеличиваем насилий, делаемых турками христианам, особенно, жителям Дробняка и Пивы, извуренным постоями турецких полчищ с того времени, как Омер-паша вступил в Боснию и Герцеговину. Мы, злополучные рая, не подняли оружия против султана, бог нам свидетель в этом, но против злодеев, не слушающих самого султана и не поступающих по его законам. Мы принадлежим богу и султану, пусть только не присылают к нам злодеев. Слышно теперь, что милостивый султан шлет войска против нас, чтобы притеснять и давить нас. Мы ничем не виноваты перед султаном и жалуемся только на злодеев-турок, но султан, кажется, отдает справедливость нашим притеснителям и поэтому помогает им, посылая войско против нас. Султану не нужны войска против нас, пускай только он выведет измежду нас злодеев и притеснителей, и мы остаемся богу и ему. Но клянемся живым богом: если султан не выведет этих злодеев и не даст нам законное облегчение, мы готовы все до единого умереть или утопиться в воде со всем, что осталось еще у нас. Но мы полагаем еще надежду свою на бога и на европейские силы, что они не предадут несчастных христиан огню и турецкому мечу и защитят и охранят нас. Мы не смеем явиться на зов пашы, если вы нам не скажете и если паша и вы не пришлете нам конвоя из надежных людей, ибо турки побьют и вырежут нас наверно. Боймся также и пашы, потому что турки и пашы двадцать раз нас обманывали, и когда попадались им в руки, то половину из нас убивали, а прочих запирали, мучили долго и отпускали только за большие деньги. Но бога ради и любви христианской, помогите нам, это в ваших руках, а надеемся также, что и в вашем желании, ибо если мы были против султана, то было бы несправедливо, чтобы вы нам помогали и даже смотрели на нас. Но мы были только против разбойников и злодеев, которые не оставили нам ни веры, ни чести, поэтому и надеемся на бога и на европейские державы и что вы имеете основательные причины пособить нашему горю¹.

В ожидании счастливого ответа вашего остаемся покорные вам слуги, несчастнейшие и самые жалкие христиане:

Милован Караджич, поп Милован Томич, Иван Малович,
Окица Виданович, Милутин Башович, Филипп Жугич

Верно: Титул[ярный] сов[етник] К. Петкович.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2120, л. 67—68 об. Пер. с сербскохорват. яз., современный подлинник.

* Датируется по препроводительному допесению.

¹ Сохранилось еще одно письмо повстанцев к К. Д. Петковичу с просьбой оказать содействие в примирении их с турками (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 717, л. 93), написанное не позднее 1 июня 1858 г. Такие же письма были направлены консулам других европейских держав (см. док. 77 и примеч. к нему).

Телеграмма А. М. Горчакова А. П. Бутеневу о совместном демарше России и Франции перед Портой в защиту христианского населения Герцеговины

4 июня 1858 г.* Петербург

En chiffres: Thouvenel a ordre de prévenir la Porte qu'elle assume une grande responsabilité vis-à-vis de l'Europe et surtout vis-à-vis de la Russie et de la France, si elle permet des violences contre les chrétiens de l'Herzégovine. Joignez-vous à cette démarche¹.

En clair: Bulwer parti hier de Paris pour Constantinople par Vienne.

Резолюция Александра II: Быть по сему.
АВПР, ф. Канцелярия, 1858 г., д. 48, л. 148. Отпуск.

Перевод

Шифром: Тувенель имеет указание предупредить Порту о том, что она примет на себя большую ответственность перед Европой и особенно перед Россией и Францией, если допустит насильственные меры против христиан Герцеговины. Присоединитесь к этому демаршу¹.

Открытым текстом: Булвер выехал вчера из Парижа в Константинополь через Вена.

¹ После Крымской войны Франция, пользуясь ослаблением позиций России на Балканах и опасаясь проникновения Австрии в этот регион, активизировала там свою политику. Лозунг «принципа национальности», демагогически выдвинутый Наполеоном III в качестве внешнеполитического принципа Франции, привлекал к ней симпатии поработенных народов Балкан, рассчитывавших с ее помощью добиться избавления от османского гнета или, по крайней мере, его ослабления. Наполеон III, стремясь к укреплению на Балканах экономических позиций французской буржуазии, использовал эти симпатии для реализации своих внешнеполитических планов. Во второй половине 50-х годов происходит сближение Франции с Черногорией. Это дало возможность России действовать совместно с Францией в черногорском и герцеговинском вопросах. Весной 1858 г. обе державы совместно оказывали давление на Порту, стремясь предотвратить войну Турции с Черногорией, а затем, когда это не удалось, прекратить военные действия. С этой целью в Адриатическое море была послана французская эскадра, которая оставалась там в период работы демаркационной комиссии по разграничению территории Черногории и Османской империи (см.: Рыжова Р. И. Из истории русско-черногорских отношений: Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории. — Истор. зап.; 1958, т. 63, с. 140—150; а также примеч. 2 к док. 175).

* Датируется по копии.

Донесение И. Дубравича К. Булю-Шауштейну о действиях турецких властей в Герцеговине и приезде в Требизне Азиз-паши

14 июля 1858 г. Мостар

Excellence!

Son excellence Aziz Pacha est parti hier pour Trébigne accompagné de deux notables du pays nommés Haggi-Drace et Arif effendi. Les deux autres Commissaires Kémal effendi et Kiani pacha semblent attendre des nouvelles instructions de Constantinople. Depuis quelque temps on croit s'apercevoir qu'un certain désaccord s'est glissé entre les trois commissaires. On l'attribue à l'entêtement de Kiani pacha, qui chercherait toujours à faire prévaloir ses opinions qui ont amené à ce qu'on croit généralement le désastre de Grahovo, et qui n'attesterait pas de sa capacité à conduire les affaires dans des pareils moments.

Les dits notables mussulmans ont été choisis parmi les individus les plus habiles de cette ville, et parfaitement au courant des tendances et des besoins des différentes races de la population. Hommes d'un âge avancé ils ont en outre joué dans les temps passés un rôle important dans les fréquents conflits avec les Monténégrins, mais tous les deux appartiennent à la classe des Turcs aux vieux préjugés et pour lesquels l'introduction des réformes en Turquie est un signe précurseur de la chute de l'empire. Le premier surtout Haggi-Drace plus adroit, plus intelligent que son collègue a été plusieurs fois chargé des négociations importantes auprès des différents gouverneurs de la Dalmatie. Il y a appris à apprécier nos institutions dont il ne manque en toute occasion de se déclarer sincère admirateur.

Aziz pacha devra à ce qu'on assure tirer profit à Trébigne de leur longue expérience et de leur connaissance de la langue.

Ahmet pacha général de Cavalerie arrivé avant-hier de Sarajevo va partir aujourd'hui pour Trébigne où depuis quelque temps on dirige troupes, chevaux, munitions, vivres, et cela précipitamment et avec une confusion sans exemple.

De l'autre côté Mehmet pacha ex-gouverneur militaire de Pera est attendu ici en qualité de commandant en chef des forces militaires en Herzégovine, de sorte que bientôt il va y avoir sur 14 bataillons de réguliers arrivés jusqu'ici et 5000 irréguliers, 7 généraux c'est-à-dire Mehmet, Halim, Hussein, Yaya, Hassan, Ahmet, et Haggi-Ali Pacha.

Des lettres parvenues de Monastir par exprès annoncent l'arrivée prochaine de quatre régiments de rédifs, en troupes de réserve, expédiés par le général en chef résidant à Monastir Ismail pacha.

Les communications entre Nikšić et le reste de la province ne sont pas aussi interceptées qu'auparavant, une partie des insurgés qui l'entouraient s'étant retirée. Deux individus suspects provenant de Nikšić ont été ces derniers jours remis à l'autorité. Les soupçons à leur charge proviennent de ce qu'ils s'étaient introduits furtivement dans le camp turc sous les ordres de Yaya pacha. Ils ont été de suite écroués et soumis à un sévère régime comme espions; on prétend qu'ils seront pendus demain ou après demain sur le grand pont de Mostar, point le plus fréquenté de la ville.

Le soussigné a reçu il y a quelques jours une lettre d'une nature étrange en langue serbe sans signature, et sans date. Les auteurs chefs de quelques districts insurgés, mais sans indication des noms des districts, expriment le désir d'une intervention du soussigné pour les réconcilier avec les Turcs avec lesquels ils sont en guerre. Ils y déclarent comme tant d'autres fois qu'ils n'ont pas pris les armes que pour se défendre contre les fonctionnaires

et autres Turcs leurs oppresseurs. La lettre contenait cependant dès son commencement une déclaration fautive, telle que celle, que plusieurs autres fois, on s'était adressé au soussigné. Cette circonstance et la forme vague et irrégulière de cette pièce ont dû faire supposer que le rédacteur cherchait à compromettre le vice-consulat aux yeux du gouvernement local, et ce soupçon se trouvait raffermi par la considération que la lettre avait été remise par Kémal effendi, qui l'avait trouvée incluse dans une des siennes. Je me suis donc empressé de demander à Kémal effendi la provenance de cette lettre tout en lui donnant communication de son contenu. Il répondit que Churchill consul anglais de Saraiévo actuellement à Trébigne la lui avait envoyée en disant qu'il avait reçu lui-même une pareille et que les auteurs en étaient les chefs des insurgés de Zubci, de Crusevyje et Dracevize. Kémal effendi de son côté avait reçu une prière égale, mais il a justement fait observer qu'on ne pouvait prendre en aucune considération une pièce aussi peu régulière.

Le soussigné a l'honneur de joindre la dite lettre avec sa traduction¹.

Au milieu des graves complications qui nous entourent on a lieu de s'étonner que les autorités ne cherchent à adoucir le sort des rayas qui sont restés fidèles et que l'ancien système des vexations soit poursuivi avec une imperturbable opiniâtreté, particulièrement vis-à-vis des gens de la campagne qui forment le neuf dixièmes de la population de la province. Non seulement le système vicieux des impôts pèse lourdement sur eux comme auparavant, mais ils se voient forcés depuis le commencement des troubles de contribuer de leurs personnes et avec leurs bêtes de somme (leur principale richesse) aux transports des vivres et des bagages destinés aux milices. Quoiqu'il existe des tarifs pour chaque article fourni, les employés subalternes qui dans les circonstances actuelles s'agitent en foule pour en profiter, font bon marché de ces tarifs. Ce qui fait que les villageois outre la perte de leur salaire se voient dans la nécessité d'abandonner avec leurs chevaux pour retourner aux champs délaissés. Je viens d'être assuré que les habitants presque tous catholiques du district de Duvno, un des plus petits districts de l'Herzégovine, ne contenant qu'environ 3500 âmes a perdu à lui seul depuis le commencement des troubles plus de 300 chevaux. Aussi les pauvres rayas se présentent par bandes aux vice-consulats d'Autriche et d'Angleterre pour demander assistance, et lorsqu'il y a quelques jours je cherchais à apitoyer Kiani pacha sur le sort de ces malheureux, et que je l'assurais qu'on ne leur permettait guères de monter les escaliers des pachas pour y porter leurs plaintes, il n'hésita à répondre: «il est dans les habitudes des rayas de se plaindre, mais s'ils s'en trouvent empêchés, qu'ils crient fort sous mes fenêtres, je les ferai monter».

Quant à l'administration de la justice, j'ai déjà eu l'honneur de rapporter que le cours des affaires litigieuses se trouve depuis longtemps suspendu. Aghiach effendi président du tribunal correctionnel ne consacre son attention qu'à l'approvisionnement des vivres: on connaît généralement ce que rapporte une semblable occupation. En attendant, les prévenus des crimes se trouvent détenus dans les cachots, sans savoir le sort qui les attend. Parmi ceux-ci se trouve un prêtre grec nommé Pop Ante de Nevesigne, que les autorités cherchaient comme un des promoteurs de la révolte, mais qui s'était présenté de son gré aux autorités avec des preuves contraires. Au commencement il fut placé malgré les réclamations de l'archevêque grec dans les prisons pour dettes, mais après la bataille de Grahovo il a été jeté dans les cachots destinés aux plus grands coupables et chargé de chaînes. — Une jeune grecque avait disparu il y a quelque temps de Mostar: tandis que sa famille avait intéressé les autorités à la rechercher on trouva son cadavre flottant sur les eaux de la Narenta. Bien que des graves soupçons planassent

sur un individu du pays et malgré les instances des rayas schismatiques, Aghiaich effendi n'a trouvé à propos d'entreprendre aucune enquête. Je finis par soumettre à votre excellence une lettre di vicair catholique de Trébigne. Elle y verra les persécutions et les cruautés auxquelles un pauvre villageois de Dubrava a été exposé par le fanatisme mussulman. D'accord avec mon collègue anglais j'ai cependant fait des démarches officielles en faveur de cet infortuné.

Je prie votre excellence d'agréer l'hommage de mon plus profond respect.

Dubravcich

HHStA, Wien, PA GK, K. 126, Fol. 127—131. Подлинник.

Перевод

Ваше высокопревосходительство!

Е[го] п[ре]восходительство Азиз-паша вчера выехал в Требине в сопровождении двух местных именитых граждан — Хаджи-Драче и Ариф-эфенди. Оба других комиссара, Кемаль-эфенди и Киани-паша, видимо, ожидают новых инструкций из Константинополя. Несколько времени назад возникли догадки о каком-то несогласии между тремя комиссарами. Его причиной считают упрямство Киани-паши, который, видимо, всегда старается добиться перевеса своих мнений, приведших к тому, что получило всеобщую оценку как граховское бедствие, и показывающих его неспособность к ведению дел в подобные моменты.

Названные именитые мусульмане были избраны из числа наиболее ловких и хорошо осведомленных о настроениях и нуждах населения различных национальностей жителей этого города. Кроме того, будучи лицами преклонного возраста, они в прежние времена играли важную роль в частых конфликтах с черногорцами; однако оба они принадлежат к классу турок, находящихся во власти старых предубеждений и расценивающих введение реформ в Турции как знак, предвещающий падение империи. Главным образом, первому из них, Хаджи-Драче, более ловкому и толковому, чем его коллега, много раз поручали вести важные переговоры с различными губернаторами Далмации. Там он научился ценить по достоинству наши институты, искренним почитателем которых он объявляет себя при всяком удобном случае.

Как уверяют, Азиз-паша должен выгодно использовать в Требине их многолетний опыт и знание языка.

Ахмет-паша, генерал-от-кавалерии, прибывший позавчера из Сараева, должен сегодня выехать в Требине, куда с некоторых пор направляют войска, лошадей, снаряжение, провиант, и делают это поспешно и в беспорядочной путанице.

С другой стороны, ожидают прибытия сюда Мехмет-паши, бывшего военного губернатора Перы, в качестве главнокомандующего военными силами в Герцеговине; таким образом, вскоре здесь у него под командованием окажется 14 батальонов регулярных войск, прибывших сюда к настоящему моменту, и нерегулярные войска численностью 5 000 человек, а также 7 генералов: Мехмет, Халим, Хусейн, Ййя, Хасан, Ахмет и Хаджи Али-паша.

В письмах, доставленных с нарочным из Манастира, объявляется о скором прибытии четырех полков редифов, посланных главнокомандующим Исмаил-пашой, чья ставка находится в Манастире.

Пути сообщения, связывающие Никшич с остальной частью провинции, перекрыты не в такой степени, как раньше, ибо часть окружавших его повстанцев отступила. В последние дни органам власти были переданы двое подозрительных людей из Никшича. Их сочли подозрительными из-за того, что они украдкой проникли в турецкий лагерь под командованием Ййя-паши. Вследствие этого их взяли под стражу и обращаются с ними сурово, как со шпионами; говорят, что завтра или послезавтра они будут повешены на большом мосту Мостара, в самом посещаемом месте города.

Несколько дней назад нижеподписавшийся получил странное письмо на сербском языке без подписи и даты. Его авторы, вожди нескольких охваченных восстанием округов, изъявляют желание, чтобы нижеподписавшийся вмешался и примирил их с турками, с которыми они воюют. Они заявляют в этом письме, как заявляли неоднократно, что выжили за оружие для того лишь, чтобы защитить себя от чиновников и других турок — своих угнетателей. Однако уже в самом начале письма содержалось ложное заявление, а именно, что к нижеподписавшемуся уже неоднократно обращались. Это обстоятельство, а также неясная и беспорядочная форма этого документа вызвали предположение, что его составитель старался скомпрометировать вице-консульство в глазах местного правительства, и подозрение это было усилено тем соображением, что письмо было вручено Кемаль-эфенди, нашедшим его среди своей почты. Поэтому я поспешил спросить Кемаль-эфенди о происхождении этого письма, сообщив ему его содержание. Тот ответил, что письмо было отправлено ему г. Черчиллем, английским консулом в Сараеве, находящимся ныне в Требине, который сообщил, что и сам он получил подобное письмо и что их авторами являются главарь восставших из Зубцев, Крушеваца и Драчевине. Кемаль-эфенди, в свою очередь, получил аналогичное прошение, однако он справедливо указал, что никоим образом не следует принимать во внимание документ, столь мало соответствующий правилам.

Нижеподписавшийся имеет честь приложить к сему упомянутое письмо и его перевод¹.

Есть основания удивляться тому, что, несмотря на окружающие нас серьезные осложнения, власти не стараются облегчить участь райя, сохранивших верность, и что прежнее политическое притеснение проводится с прежним непоколебимым упорством, особенно в отношении сельского населения, составляющего 9/10 населения провинции. Мало того, что их, как и прежде, тяжело гнетет порочная система налогов; с самого начала беспорядков они принуждены самолично вместе со своим вьючным скотом (составляющим главное их богатство) участвовать в перевозках провианта и грузов, предназначенных для войск. Хотя существуют тарифы на каждый вид поставляемого товара, низшие служащие, которые во множестве стараются воспользоваться нынешними обстоятельствами в целях собственной выгоды, не считаются с существующими тарифами. Это приводит к тому, что жители деревень не только теряют в заработке, но и оказываются вынужденными бросать своих лошадей, чтобы возвратиться к заброшенным полям. Я только что убедился, что жители, почти без исключения католики, одного лишь только округа Дувно, одного из самых маленьких округов Герцеговины, насчитывающего всего лишь около 3 500 душ, потеряли с начала беспорядков более 300 лошадей. Поэтому толпы бедных райя являются в австрийское и английское вице-консульства, чтобы просить о помощи; когда же несколько дней назад я пытался вызвать сочувствие Киани-паши к участи этих несчастных и уверял его, что им не позволяют взойти на лестницы, ведущие к нам, чтобы оставить там свои жалобы, он не колеблясь ответил: «Райя привыкли жаловаться; если же им мешают это делать, пусть они погромче кричат под моими окнами, я прикажу открыть их».

Что касается отправления правосудия, я уже имел честь доносить, что разбирательство спорных дел давно приостановлено. Внимание Агья-эфенди, председателя уголовного суда, занято исключительно заготовкой запасов продовольствия. В общем известно, каковы плоды подобного занятия. Тем временем обвиняемые в преступлениях находятся в заключении, не зная, какая участь их ожидает. Среди них находится греческий священник из Невесинья по имени поп Анте, которого власти разыскивали как одного из зачинщиков восстания, но который по доброй воле предстал перед властями с доказательствами своей невиновности. Вначале, вопреки протестам греческого архиепископа, его заключили в долговую тюрьму, но после граховского сражения он был брошен в одну из камер, предназначенных для наипоопаснейших преступников, и заключен в цепи. Несколько времени назад из Мостара исчезла православная девушка: в то время, как ее семья призвала власти заняться ее розысками, ее тело было найдено плавающим в водах Наренты. Хотя на одного местного жителяпали серьезные подозрения, Агья-эфенди, несмотря на настояния православных райя, не счел уместным

начать расследование. В заключение я представляю вашему высокопревосходительству письмо требиньского католического викария. Из него вам станет известно, каким преследованиям, какому жестокому обращению подвергся один бедный сельчанин из Дубравы в результате мусульманского фанатизма. Вместе с моим английским коллегой я предпринял официозные демарши в защиту этого обездоленного.

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверения в моем глубочайшем почтении

Дубравич

¹ Письмо австрийскому консулу написано от имени руководителей герцеговинских повстанцев. В нем говорилось о гонениях на народ со стороны местных властей, препятствовавших введению реформ султана, и выражалась просьба помочь в восстановлении справедливости (письмо см.: HHStA, Wien, PA GK, K. 126, Fol. 132; а также примеч. к док. 75).

78

*Письмо требиньского викария В. Ковальковича Маслача
П. Дубравичу с просьбой содействовать освобождению
из тюрьмы Т. Пашана, несправедливо обвиненного в
убийстве турецкого солдата*

14 июня 1858 г. Дубравы

Illustrissime signore!

Tomo Pašan, cattolico de villaggio di Odova spettante a questa parrocchia die Dubrave, venerdì scorso 4 corrente, recandosi di buon mattino a Mostar con 2 cavalli carichi di legna, e passando per Ratimno incontrò vicino all'acqua di Colima una compagnia di basci-bozuk provenienti da Skoplje, i quali per forza gli presero le legna, e fre di loro essendosi presi in baruffa si strapavano le legna, uno di essi tirò un colpo di pistola sul suo compagno che lo passò da parte a perte, e ferì pure leggermente un altro ed un cavallo. Tutti i basci-bozuk gridarono «Il Cristiano ha ammazzato il soldato». Benche il cristiano si trovasse lontano in quel momento e che molti abitanti di Ratimno vi erano presenti, nondimeno dopo averlo ben bastonato lo legarono e lo condussero a Stolaz, e tutti gridarono arrivando «Il cristiano ha ucciso il guerriero del Sultano, non aveva arma, ma l'ha preso ad uno dei nostri compagni, occorre fucilarlo». Il Mudir è prevenuto col comandante delle truppe di prenderlo dalle loro mani, l'ha gettato in carcere in fondo di una torre. Al 7 corrente io sono stato in Stolaz. Mi disse il Mudir aver scritto al governatore di Mostar. Lo stesso giorno comparvero a Stolaz due abitanti turchi di Ratimno chiamati Ibraim Berber ed un certo Peschikan come testimoni. Ma i turchi di Stolaz andando al loro incontro dissero ai medesimi «Voi dunque preferite un Cristiano ad un fratello turco». Allora quelli ritornarono a casa senza presentarsi al giudizio. Cercai di far venire di nuovo alcuni di Ratimno per narrare la cosa, ma non vollero venire. Vi erano presenti al fatto 20 persone che raccontano che l'uccisore vestiva calzoni di tela, e giacchetta bianca.

Quello sventurato giace in carcere. Non è permesso ad alcuno de' suoi di avvicinarlo. Il primo giorno i soldati gettavano pietre nella carcere. Il Mudir lagnatosi al colonello ha batto cessare quel gettamento. Furono al Cristiano esportati i cavalli i sacchi etc. Vedo che il Mudir si è raffreddato con noi. E in collera coi cristiani, che non si vogliono arrestare. Vorrebbe che io loro dicessi andate, ma io non voglio dirlo.

178

Prego la sua bontà per amor di Gesù Cristo di procurare presso il mutesarîf che compariscono Ibraim Berber e Peschikan i quali dichiararono non esser colpevole il cristiano, e che lo cavano dalla carcere, poiché lo uccideranno i soldati e lo faranno morir di fame. Se lei non s'interporrà, questo poveretto sarà perduto.

Resto con rispetto

umilissimo servo Vito Kovalkovich Maslach, vicario generale di Trebigne
HHStA, Wien, PA GK, K. 126, Fol. 133–134. Подлинник.

Перевод

Сиятельнейший господин!

Томо Пашан, католик из деревни Одова, относящейся к приходу Дубравы, в прошлую пятницу, 4-го числа этого месяца, направляясь рано утром в Мостар с двумя лошадьми, нагруженными дровами, и проходя через Ратимно, встретил недалеко от реки Колима группу башбузук, едущих из Скопле, которые силой отняли у него дрова, а когда между ними завязалась драка и они стали вырывать друг у друга дрова, один из них выстрелил из пистолета в своего товарища, которого пуля пронзила насквозь, а также легко ранил еще одного и одну лошадь. Все башбузук закричали: «Христианин убил солдата!». И хотя этот христианин в тот момент был далеко и многие жители Ратимно присутствовали при этом, тем не менее, башбузук связали его и, сильно избив, привели в Столац; все они кричали, когда подходили туда: «Христианин убил воина султана, у него не было оружия, но он его взял у одного из наших товарищей, нужно расстрелять его!». Появился мюдир вместе с командиром, забрал его у них и бросил в тюрьму в подвале одной башни. 7-го числа этого месяца я был в Столаце. Мюдир сказал мне, что он написал губернатору Мостара. В тот же день в Столаце появились двое турок — жителей Ратимно в качестве свидетелей: один по имени Ибрагим Бербер, другой — некий Пешикан. Но турки из Столаца, выйдя им навстречу, сказали: «Значит, вы предпочитаете какого-то христианина турецкому брату». Тогда те возвратились домой, не явившись на следствие. Я постарался, чтобы снова пришел кто-нибудь из Ратимно и рассказал, как было дело, но никто не захотел прийти. На месте происшествия присутствовало 20 человек, которые рассказывают, что убийца был в холщовых штанах и белой куртке.

Тот несчастный находится в тюрьме. Никому из его родных не разрешается приходить к нему. В первый день солдаты швыряли в тюрьму камни. Мюдир, пожаловавшись полковнику, добился, чтобы это прекратили. У этого христианина отобрали лошадей, мешки и другие вещи. Я вижу, что мюдир стал холоден с нами. Он гневается на христиан, которые не хотят успокоиться. Он хотел бы, чтобы я им сказал «прекратите», но я не хочу говорить этого.

Взываю к вашей доброте, ради любви к Иисусу Христу, добейтесь у мутесарифа, чтобы явились Ибрагим Бербер и Пешикан, которые заявили, что этот христианин невиновен, и чтобы его освободили из тюрьмы, потому что его убьют солдаты или уморят голодом. Если вы не вмешаетесь, этот бедняга погибнет.

Остаюсь с уважением
покорнейший слуга Вито Ковалькович Маслач, главный викарий Требинья

179

12*

Донесение Е. Р. Шулепникова А. П. Бутеневу о начале восстания в Боснийской Крайне и его причинах

№ 12

17 июня 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

На севере Боснии в Бихачском каймакестве (что называется Крайной) началось такое же восстание, как было в Герцеговине в начале этого года¹. В Крайне, как и в Герцеговине, народ долго терпел от башибузуков, которые под предлогом поисков за разбойниками сами грабили села. В последнее время в Боснии собрали мусульманскую милицию. Из Бихачской нахии назначено было собрать 1500. Но под предлогом этого вооружилось 3000 турок, которые не оставались покойными. Угнетенные райи уже давно питали ненависть к мусульманам Крайны, отличавшимся всегда фанатизмом. Теперь к этой ненависти присовокупилось еще влияние новых событий, влияние, которое пограничные австрийские войска не преминули употребить в пользу своих проищек — всегда держать в возмущенном состоянии границы Боснии. В Бихаче начали появляться неизвестные люди под видом торговцев овцами и ремесленников, и около них собирались райи. Замечены были даже в этих сборищах австрийские офицеры. Два из упомянутых торговцев были убиты и брошены в реку Уну. Вследствие этого события, которое, кажется, не должно было бы служить поводом к восстанию райи, все христиане сел Иваньска, Гладины, Добрини, Добросела (нахии Новая и Крупа) восстали с оружием. Окружи эти увлекли в восстание села Горицы и Подгорья, которые вооруженною массою пошли на Бихач. Хотя тамошний каймак употребил, как говорят, некоторые средства, чтобы остановить эту толпу мирным образом, но все-таки произошла маленькая стычка, в которой было убито несколько турок и христиан. Восставшие разрушили притом несколько хлебных магазинов.

Нет сомнения, что события Герцеговины были первым поводом начавшегося восстания в Крайне, но главною причиною его было необузданное своеволие откупщиков десятины и злоупотребления какого-то Местанги, которому поручено было ловить разбойников, — новая система производить восстания в Турции, где до сих пор ни одного разбойника не могли поймать. Что скажут теперь турки и кого обвинят в восстании Крайны? Черногория слишком далека. В своих злоупотреблениях они не признаются, а Австрию обвинить не время. Восстание в Бихаче будет обвинением для Порты. Оно докажет, что Герцеговина могла восстать без побуждения со стороны Черногории, а что причиною их были одни жестокости турецких чиновников, а не честолюбивые виды кн. Даниила. Бихачское восстание покажет кроме того, что райи могут иметь и оружие и порох не из одной Черногории. Наконец, это восстание покажет, что вооружать местных мусульман против христиан — значит вооружать фанатизм, не достигая цели внутреннего охранения края. Такие меры будут всегда причиною новых восстаний, не будучи в состоянии потушить старые, ибо эти полунатие мусульмане способны только увеличивать собою число убитых и беглецов, когда дело касается до сражений с восставшими.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугой

Е. Шулепников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 146—147 об. Подлинник.

¹ См. док. 40, 41.

Отношение Е. П. Ковалевского А. П. Толстому с просьбой о денежной помощи сараевской женской школе

№ 2325

20 июня 1858 г.

Милостивый государь граф Александр Петрович!

Спешу уведомить ваше сиятельство, что церкви в Болгарии, Боснии и Герцеговине все вообще так бедны, что всякая из них нуждается в пособиях и деньгах, предназначенные щедротами государя императора, составят истинное благодеяние для каждой из них.

Не могу, однако, не заметить, что в препровождаемой вами ко мне записке означен монастырь Вышниця в Боснии: такого монастыря в Боснии не существует. Вероятно, это Моштаница, очень старинный монастырь в Боснии же, но в котором только один монах, и тот неблагонадежный; а потому он едва ли употребит деньги с пользою.

Не излишним считаю присовокупить, что в Сараеве (в Боснии же) обрывается женское училище тамошнюю жительницею Стакою Скендеровою, первое еще в тамошнем крае¹. Мне кажется, что деньги, предназначенные для монастыря Вышниця (Моштаница), могли быть с большою пользою употреблены для этого училища, весьма в них нуждающегося.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

Егор Ковалевский

ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 ст., д. 419, л. 12—13. Подлинник.

¹ 8 марта 1858 г. общественная деятельница Сараева Стака Скендерова обратилась к А. Ф. Гильфердингу с просьбой содействовать открытию в городе женской школы. Вернувшись в Петербург, Гильфердинг начал ходатайствовать об этом, испрошив на нужды учебного заведения денежное пособие в размере: на первый год — 700 руб., на последующие годы — по 400 руб. (см.: АВПР, ф. Славянский стол, д. 6668, л. 2—4). В августе 1858 г. С. Скендерова получила на названные нужды пособие в размере 1384 руб. (см.: Там же, л. 14). Об открытии женской школы см. док. 102.

Обращение боснийских беженцев в Австрии к российскому консулу в Белграде М. Р. Милошевичу с просьбой о защите и покровительстве России¹

30 июня 1858 г.

Ваше высокоблагородие, милостиви господин консуле!

Несрећни народ сербски у Турској држави живећи заокружен са безграничним угнетавањем свои беснилом опоени ага и спаия, данас више не што е икад, усуђује се као предани синови и покорне слуге од малог до великог вашем високоблагородию, а чрез вас и великоможном престолу непобедиме православне Русие, најкраће са печалним срдцем допринети.

Да е турска сила наших ага и спаия сада већа е беснија нежели игда сведочи тай доказ што су многе босанско-србско-православне породице у овој години гомилама свой завичај и огниште оставити и у несарској земљи себи и породицама препитанье тражити морала. Но већа часть не могућ се на таково што решити волеа е задржати своју старину и у тој надежди да ће и њима већ едном сунце правде синутити да ће велике христианске силе сетити се бедне тако назване рае босанске и њой по уговору париском хатхуманон у давнопожелаемо

човеческо дело привести уздржавала се уедино и од сваки штета и подужећа, с којима би може бити пред туђим светом као бунтовни народ назвати се могао. Кажемо да смо се уздржавали у границама стрпеливости док ево пису све мере силног людског прогонства до највећег степена иступљенија дошле, што е нас од малог до најстаријег у највећи пламен раздражености и огорченја довело те смо се сви на робске ноге наше подигли да, ако можно буде, да се ови наши крвопија и силеђија, ага и спаија, конечно ослободимо или при том до последњег да пропаднемо, зашто нам е свагда боле не существовати него ли и дале робови османови последоватеља остати да нам осим свега што смо крвавим знојем и трудом прибавили још и последњу краву, коју за препитанье нејаке наше децице придржавати морамо, насилно грабе и присвојавати могу.

Ваше високоблагородие, милостивни господи консуле, и осим ове наше плачевне молбе значе ваша неоценима особа да су бесни потурчџијац бошняци, наши аге и спаије, а с њима сви зулумџари на нашу босанску сиротинију варварски напали и грозна своја безчињија не само на одраслим него и на невиној децици тирански чине тако да су ови дана нејаку децицу спопадувши за власи од главе са едном руком а са другом душманским мачом своим свие по комад од неџа док до жалостне главе не дође. И многа подобна свирепства која се пису могла ни сама она времена измислити кад су гоненија највећи мах заузела била.

Несрећни положај нашег народа србског и све ове и друге подобне беде вальда се нигде на свету толико ублажити не би могао колико у великоможној, непобедимом и единоверној и сродној нам Росийској империи. Зато ми и опет слободно и пуном надеждом очи и мисли наше на север бацамо заклинајући вашу велику особу, а преко вас великоможни и православни престол благословене Руссии да нам као браћи по вери и сродству у беде и невољи стегнући ону благодат и помоћ милостивно пружи као нам као людама већ едниот и праведно па ма коим начиним уделита бити би могла; а та е да се ови бесни зулумџари наши, спаија, и са овим скопчани непогода конечно избавимо и као люди и христиани мучно на корист богу и нашим ближним поживити узможемо. Само озбиљна беседа силне и простране Руссии ту е незадржано и избављене рода православног у овим несретним краевима. До тога времена кое жельно на побольшане наше битности очекуемо старање се православног народ србски одбити и нападати на свог од векова највећег душманина, еда бог да, да се и нас што скорие богата милост велики сила, а особито нам обожаеме и неустрашине Руссии изиле.

Препоручујући ову нашу плачевну молбу вашем високоблагородию да би исту по милости вашој до знања великог и общемилоствителног императора Александра отечески преподати умилиствовали се са највећим страхопочитањем и конечном синовском преданности изумиремо.

Вашег високоблагородия, милостивног господина консула, препокорни слуге-раја или цели народ христианскобосански. Сви за едного и едан за све.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 241, л. 26—27. Подлинник.

¹ 11 јула 1858 г. боснийские беженцы вторично обратились к М. Р. Милошевичу. Сообщая, что в Австрии находится около 20 тыс. беженцев из Боснии и что австрийские власти относятся к ним недоброжелательно, авторы обращения просили оказать помощь беженцам (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 800, л. 241).

Записка, составленная со слов посавинского депутата Й. Ковича о пребывании посавинской депутации в Вене¹ и об отказе депутатов принять австрийское подданство

Не позднее 30 июня 1858 г.*

В Винковцах нас приняли очень хорошо и дали квартиру у капитана Чиче и назначили к нам одного человека — Ристо Петровича, чтобы он везде нас водил. Риста этого мы знали и прежде, он был родом из Посавины и бежал в Австрию. Ему было приказано также писать, что нужно от нас к народу. Нашлись и другие наши приятели, которые везде нас водили и всегда говорили: «Дадут вам ваши права, восстаньте и бейтесь, не думайте о том, что будет. Увидите, что вам помогут, сколько хотите». Мы же отвечали: «Пока мы не увидим нашего султана и не передадим ему жалоб нашего народа, нет пользы нам говорить о другом». Но все-таки к нам приходило много, чтобы советовать, как начать бой, так что это нас начинало сердить. Наконец, пришло письмо от владыки зворнишского, чтобы мы воротились и что если пойдем дальше, то будет хуже. А Ристо нам посоветовал другое: «Пошлите ко всем четырем консулам в Сараево, и если они поручатся, что вам не сделают ничего дурного, тогда воротитесь». Но Ристо не написал консулам, а сказал нам, что получил ответ и что консулы не хотят поручиться.

Некоторые из нас хотели остаться в Винковцах, а некоторые хотели идти в Вену, но чиновники австрийские не давали нам паспортов, все думали, что мы перейдем в австрийское подданство. Но мы, как простые люди, начали кричать и шуметь, и нам, наконец, визировали 9 паспортов за 9 червонцев и сказали, что это они делают тайно. Мы взяли паспорта и пошли в Вену.

Когда мы пришли в Вену, там нас приняли хорошо и там мы еще больше добыли друзей, все сербов, которые к нам приходили, чтобы давать советы. А больше других Вук Карачич, который нас уверял, что он православный.

Мы явились к Калимаки, который нас хорошо принял и сказал: «Если вы посланы от народа к султану, то вы не бунтовщики, и я возьмусь окончить ваше дело. Все, что вы хотите представить султану, принесите мне, но те жалобы, которые вы представите мне, не давайте чужим государям». Тогда пришли к нам писаря и начали нам писать. Сперва сделали полномочие, как бы от всего народа — христиан, латинов и даже от турок, которые страдают от третины. Писаря сказали, что это нужно прежде всего. А потом написали жалобу султану и изъяснили все злоупотребления. Калимаки все это принял и послал в Стамбул.

Но мы еще написали просьбы, чтобы дать четырем государям и спрашивали, могут ли быть исполнены наши просьбы уничтожить третину. Но только Австрия отвечала, что можно.

Мы думали, что в Вене все желают нам добра, а вышло иначе. Все тамошние друзья хороши только для себя, и все их советы клонились к тому, чтобы обмануть нас и заставить нас перейти в подданство к цесарю. Советовали нам биться, чтобы заставить турок уничтожить третину. Видно было, что они хотели нашего страдания. Но не могли нас заставить записаться в подданство чужого государя и записать наш народ. Если были между нами люди пустые — были и умные. Те, которые были умнее, шли к другим, а не к австрийцам, и тайно были у русского протоиерея Раевского. Там нам говорили, как надобно вести себя во всяком государстве.

* Датируется по док. 83.

Но мы и сами видели, что в Австрии не так хорошо, как хвалятся австрийцы.

Однажды мы чуть не подрались между собою. Некоторые из нас и латинин (католик) Божко хотели принять подданство Австрии и обещали сделать войну в Посавине. Но мы сказали, что не оставим их живыми, хоть они и наши братья. А они отвечали: «Что же нам делать, когда в Турции мы никогда не дождемся своего права. Будет ли война, нет ли, все-таки придется умереть от муки». Австрия им обещала дать в помощь 12 000 войска и денег, ружей и пороха. В это время пришел один капитан, который всегда к нам ходил с советами начать войну. Он опять начал говорить: «Вы можете и без оружия драться косами, которыми косите траву, сделайте из них сабли; на турок можно напасть со всяким оружием, а мы тогда выйдем с войском на границу». Тогда я вскочил с места и другие со мною, и мы закричали на капитана, чтобы он убирался с богом. «Не приходи к нам с такими речами, — говорили мы, — нам довольно и нашей муки. Мы знаем — вам бы хотелось, чтобы мы покосили, а вы бы то готовое собрали, но не думайте, что выйдет по вашему желанию». После того капитан уже не приходил.

И прежде много раз пробовали обещать нам это, и мы все думали, что Австрия нам в самом деле хочет помогать, а до сих пор ничего не вышло. Теперь же думаем, что если султан узнает, что ему народ так верен — не хочет никого слушаться, кроме его, то сделает ему какую-нибудь милость.

Мы взяли письма от Калимаки, чтобы идти домой, где бы нас рассудил Киани-паша. Ристо начал было переводить людей из Боснии через Саву, чтобы получить много денег, которые цесарь ему обещал за это дело. Перешло уже 118 домов. Тогда Калимаки сказал нам доброе слово от честного султана и просил, чтобы мы воротили тех людей на свое место. И мы их воротили. И не хотели сами воротиться в Боснию, пока не воротили всех, переведенных Ристою к цесарю. Мы сделали так, что теперь всякий сидит в своем доме, как и прежде сидел.

Если исполнят наши просьбы, то мы не Австрии будем благодарны, а честному султану и тем, которые нам давали добрые советы. Слава богу, что нас не обманули, как хотели. Правда, мы по недобрым советам требовали сначала, чтобы нам дали землю наших аг, но теперь видим, что этого нельзя сделать, и просим только, чтобы нам аги заплатили за свои неправды. Мы думаем, что на это мы имеем право, и другие государи не скажут нам, что мы виноваты в бунте. И странно нам показалось то, что Австрия много нам обещает, а у самой нет денег — все какие-то бумажки. Она говорит нам, что даст помощь, а мы на каждом шагу слышали, как нам говорили сербы, что живут в Австрии, что они готовы восстать против своего цесаря, потому что он, как и у нас, в турецкой земле, не делает того, что обещал.

Нет, не дай бог ее власти. Если силы европейские скажут ей, чтобы она шла в Боснию освободить нас от турок, то мы сами будем с нею же биться хоть камнями. Немцы думают, что депутатам понравилась Вена и они пойдут и взбунтуют Посавину, но этого не будет.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 153—156. Пер. с сербскохорват. яз., современный подлинник.

¹ См. док. 37, 48.

Донесение А. С. Иопина А. П. Бутеневу о возвращении посавинской депутации из Вены в Сараево и о встрече с Й. Ковичем

№ 127

30 июня 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлиний Петрович!

Депутаты посавинские, воротившиеся из Вены, находятся теперь в Сараево и ожидают, чтобы рассмотрели жалобы поселян, которых они представители. Азиз-паша, бывши в Тузле, объявил народу, что турецкое правительство не признает законными депутатов, отправившихся в Вену, и потребовал других, которые подписали новое положение об отношениях поселян к их помещикам¹. Но после того, как положение это было объявлено, народ, недовольный им, начал волноваться, а депутаты, подписавшие его, объявили, что они были принуждены к тому угрозами и силою. Но Азиз-паша уже не был в Тузле и доносил в Порту, что дела Посавины кончены к общему согласию. Между тем, депутаты, возвратившиеся из Вены, принесли Киани-паше письма от Калимаки, вследствие которых он обошелся с ними весьма ласково и признал их законными депутатами от народа Посавины для окончательного устройства дел, и теперь они протестуют против положения Азиз-паши, которое, как они говорят, было сделано без ведома народа, только с согласия одних аг (помещиков).

Один из депутатов, Иово Кович, был у меня советоваться, что сказать им, когда позовут их в суд, и я увидел, что он не совсем искренно желает скорейшего и полюбовного окончания дел и, показывая уступчивость, требует того, в чем ему, вероятно, откажут. Он соглашался, что уничтожить третину нельзя, потому что она была установлена по просьбе самих поселян; признался, что для них весьма легко платить эту повинность, если уничтожат злоупотребления и подтвердят закон — платить агам третью часть только от трех хлебов (рики, пшеницы и маиса.) Но вот уже 8 лет, как аги поступают против этих постановлений. Кроме того, они не строили домов своим кметам (поселянам), как это было условлено. Кметы принуждены были держать своих волов, лошадей и сельскохозяйственные орудия, что было тоже против установления. Теперь депутаты соглашаются платить третину, как и прежде, но требуют, чтобы аги заплатили им, во-первых, за все несправедливо взятое от них обманом или насилием в продолжении 8 лет, во-вторых, за дома, которые кметы построили на свой счет на земле своих аг и, наконец, чтобы заплатили за то, что кметы без вознаграждения расчищали леса и неудобные места для своих аг. По положению кмет, расчистивший такое место для пашни, мог не платить ничего с этого нового поля в продолжении двух лет, хотя бы оно и принадлежало аге. Наконец, депутаты требуют, чтобы или * им дадут новое положение для платы их податей и повинностей, то [гда] для обеспечения на будущее время справедливых сборов и предупреждения злоупотреблений аг и полицейских чиновников назначили бы новых чиновников, которые могли бы действовать только с согласия выборных из деревень (кнезов).

То, что депутаты требуют платы за прошедшие злоупотребления, опять отодвинет окончание дела на долгое время. Мне сказал Иово Кович, когда я ему заметил, что турецкое правительство обвиняло их в намерении доказывать, что аги владеют землей незаконно, что они ее отняли в старину насилием и что земля, на которой работают поселяне, должна принадлежать им. «Нам не нужно доказывать этого, — сказал мне депутат, — когда

* Так в тексте.

мы можем и без того взять эту землю. Пусть заставят аг заплатить нам за все прошедшие злоупотребления, тогда земля сама собою отойдет к нам, потому что требуемая нами плата почти превосходит ценность земли».

Из этого видно, что депутаты не оставили еще надежды на исполнение своих смелых требований, и видно, что наставления австрийских агентов не остались совершенно бесплодными; дело далеко от конца, смуты еще будут волновать Посавину и увеличивать бедность в ней христиан, которые долго еще не будут довольны своим положением. Вот все, чего хотят эти агенты.

Иово Кович говорил со мною с полным доверием, не скрывал своих видов и часто признавался в необдуманности некоторых поступков депутатов, его товарищей. Он мне прислал записку о том, как они жили в Австрии. Перевод этой записки осмеливаюсь приложить при сем донесении².

Замечательно, что человек этот, поддаваясь влиянию и советам австрийских агентов, совсем не симпатизирует австрийскому правительству и с большою верностью подметил его недостатки и отношения к Боснии. Кажется, что в Посавине австрийцы и босняки, хитря друг с другом, не полагаются на обоюдную дружбу. Босняки видимо желают пользоваться временем и, ласкаясь к Австрии, извлечь из нее возможную для себя пользу, причем не обижаясь за то, ни даже благодарностью.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2922, л. 150—152. Автограф.

¹ См. док. 65.

² См. док. 82.

Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о роли Австрии в подготовке восстания в Боснийской Крайне

№ 128

30 июня 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Граховская битва произвела сильное впечатление на христиан Боснии, но нельзя думать, чтобы она могла произвести здесь восстание или даже волнение, если бы пограничные кроатские австрийские войска и агенты не воспользовались этим случаем, рассчитывая не без основания, что теперь Турция, благодарная Австрии за дела в Герцеговине, не будет обращать внимания на их происки в северной Боснии и даже будет стараться не обижать Австрию¹. С другой стороны, турецкие войска, слишком занятые в Герцеговине, будучи развлечены происшествиями в северной Боснии, ослабляют свои силы близ Черногории, что будет понято восставшими раями в Герцеговине, которые вследствие этого не будут спешить покориться. Агенты австрийские, возмущающие эти страны, действуют систематически: начальник восставших зубчан Лука Вукалович пишет в Брод на Саве, а из Брода посылали уже несколько раз людей в Невесиње (близ Мостара), чтобы возмутить эту страну.

Все это сообщил мне некто Брлич, адвокат в Броде, который приезжал сюда под видом путешественника. Этот человек — самый деятельный агент австрийской политики². Осмеливаюсь донести вашему высокопревосходительству то, что он сообщил мне, вероятно, думая, что русское консуль-

ство тоже намеренно производить здесь восстания и потому поможет его проискам. Он даже сам просил меня довести до сведения русского правительства его слова как можно скорее, надеясь, вероятно, быть нашим агентом. Но он уверял меня, что все им мне сообщенное делается без ведома австрийского правительства под величайшею тайною только кроатскими славянофилами³.

«Народ в Крайне сохранил всю свою бодрость, потому что был постоянно под гнетом фанатических турок и беднел с каждым годом, — говорил мне Брлич. — Мы прежде старались произвести серьезное восстание в Посавине, но там поселяне богаты и не решаются скоро рисковать своим имуществом. А так как гнет турок и в Посавине очень чувствителен, то там производились легко только малые вспышки, где об оружии большею частью не было и помину.

Крайна — совсем другая страна. Народ там очень беден. Издавна из Крайны перебегали большие толпы в Австрию; но когда этих беглецов там заставляли работать, то они возвращались назад совершенно обедневшие и потерявшие уже право возделывать землю того аги (помещика), у которого они прежде были. Таким образом они строили шалаши и в них селились, питаясь чем бог послал, а чаще даже грабежами. Эти люди, ничего не имея, ничем не рискуют, и, как истинные пролетарии, готовы восстать при первом знаке. Мы никогда не думаем увеличить свое население и приобрести работников для нашей земли, переманивая к себе босняков, — заметил Брлич, — нет, мы очень хорошо знаем, что они через год, много через два возвратятся в Боснию, чему мы не препятствуем. Мы знаем, что эти люди всегда останутся в нашем распоряжении. Так как они бедны, то им нужно обещать очень немного, чтобы их побудить к восстанию. Это наши органы, войска, можно сказать, скитающиеся по Боснии в лохмотьях и без приюта.

Итак, мы на этих людей обратили свое влияние, когда слова реляции Мирко: «Черногорцы на Грахове отомстили [за] гибель Милоша на Коссовом поле»⁴ отделились в сердце каждого православного серба. Вся граница наша состоит из людей, которые прежде служили в войске, и все они носят оружие. Люди эти без труда переходят в Боснию. В последнее время я принялся тайно составлять отряд из тысячи таких отставных солдат, который предназначался перейти при удобном случае в Крайну и идти смело на Приедор и Банялуку. В последнее время случай тому представился — турки упали духом. Некто капитан Рашкович, главный орган всех этих намерений, который будет для Боснии тем, чем был для Сербии Кара-Георгий, уже перевел несколько таких людей, и уже они, соединясь с краинниками, напали на хлебные магазины близ Бихача, разрушили их и долго бились с турками. Потом мы намерены идти на Приедор и тем возмутить всю западную Боснию».

Брлич показал мне письмо капитана Рашковича к поселянам Крайны, которое можно принять за прокламацию. В письме этом говорит он, что Босния не может существовать при настоящем положении дела, что ее нужно сделать тем, чем теперь Сербия. Брлич сказал, наконец, что они пересылают в Боснию нужное оружие и что австрийские торговцы приносят в Крайну большое количество железных вил и продают их христианам дешевле деревянных. Вилы эти при восстании с успехом заменяют белое оружие.

«Но пороку у нас только 20 центов, а денег очень мало, — продолжал Брлич. — Все затруднение заключается в этом. Будь у нас деньги, мы сейчас поставили бы на ноги 1000 человек в Крайне. Дойдя до Приедора, имели бы 4000 под оружием, а дойдя до Банялуки, имели бы и 10 000. Во всей Крайне регулярного войска только один батальон, который, разу-

меется, нас не остановит, и прислать еще войска сюда не будут в состоянии, потому что если удастся нам первая попытка, то по горам проберется от нас отряд в Невесинье, которое в таком случае непременно восстанет и займет турок в Герцеговине. Восставшие в Герцеговине уже научены нами — они будут долго хитрить с турками, заставляя их миним желанием покориться или, снова восставая, терять время и стоять в бездействии, между тем, мы будем пользоваться тем временем, которое турки будут терять.

Вот наш план, кажется, хорошо составленный. Мы уверены в нашем влиянии на Боснию, но нам нужны деньги, чтобы соблазнить бедняков: одного оружия для них мало».

Хотя Брлич уверял меня, что эти планы — личное дело кроатских патриотов, воодушевленных любовью к славянам, но они слишком смелы, чтобы можно было предполагать, что они не начертаны самим правительством. Деньги есть для исполнения этих планов. Но что Брлич жаловался на недостаток их, можно отнести к тому, что он хотел запутать в это дело русское консульство.

В том, что слова Брлича справедливы и вышеизложенные планы существуют, нет почти сомнения: уже в Бихаче было сражение, и даже донесения турецкого каймакама говорят, что христиане возмущены неизвестными людьми, которые показались в большом количестве в Крайне под видом ремесленников и которые называют себя греками. В бое близ Бихача между христианами было большое число людей, одетых по-европейски. Близ Приедора уже появились шайки, которые нападают на турецкие села. На днях распространились слухи, что и Банялука окружена восставшими, но толпы эти скоро удалились, вероятно, считая себя еще слабыми, чтобы отважиться на что-нибудь решительное. Во всяком случае видно, что сделано начало восстания и именно по тому плану, который мне передал Брлич.

К тому же Австрия весьма усилила свои пограничные с Крайною войска, и это, вероятно, поможет восстанию, как то было в Герцеговине, где, несмотря на все войска, стоявшие в Ризано и близ Крушевицы, в граховском сражении было большое количество австрийских крушевчан, которые очень удобно и с оружием могли переходить в Турцию. При том австрийские войска всегда начинают тем, что объявляют христианам, что они пришли помогать их восстанию.

24-го числа сего месяца выехал из Сараева Киани-паша в сопровождении митрополита Дионисия и направился в Крайну, чтобы принять решительные меры к потушению восстания в той стране. Между тем меры эти разжигают только начавшиеся беспокойства: теперь почти явно вооружаются все мусульмане страны.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 157—162. Автограф.

¹ См. док. 79, а также донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу № 6 от 1 мая 1858 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2046, л. 61—63 об. Имеется в виду протурецкая позиция Австрии во время второго восстания во главе с Л. Вукаловичем в Герцеговине 1857—1858 гг. и поражения турок под Граховым, а также в период работы конференции представителей европейских держав в Стамбуле по турецко-черногорскому разграничению (1858—1860).

² По-видимому, русский дипломат не имел достаточно точной информации о деятельности Андрия Торквата Брлича (1826—1868). Литератор, адвокат и общественный деятель из Славонского Брода, одно время личный секретарь епископа И. Штрессмайера, активный участник югославянского национально-освободительного движения, он на-

меревался стать представителем католиков в верховном суде Боснии в случае его создания согласно хатт-и хумаюну 1856 г. Начиная с 1848—1849 гг. Брлич близко сошелся с боснийскими католическими кругами, с лидерами францисканцев Ф. Юкичем, М. Шуничем и М. Недичем. Вместе с ними активно сотрудничал в хорватских и сербских газетах, оповещая южнославянскую и европейскую общественность и дипломатию о бедственном положении христианского населения Боснии. Участвовал в составлении известного Мемоара М. Шунича 1858 г. и был посредником в передаче документа представителям европейских держав в Вене. Высшее католическое духовенство Боснии было против революционных акций крестьянства, выступало за мирные и дипломатические методы облегчения их участи. В ответ на обещание сохранить старые привилегии францисканцев оно легко пошло на сделку с властями в ущерб интересам крестьян (подробнее см.: Поповић В. Аграрно питање... с. 92—96, 129—130, 158—159, 188—189).

³ Имеются в виду наследники иллирийского движения 30—40-х годов, сторонники югославянского сотрудничества в борьбе против османского владычества на Балканах, к числу которых, видимо, принадлежал и Брлич. Недич и Шунич (см. примеч. 2) наладили связи с хорватскими славянофилами через боснийско-сремского епископа И. Штрессмайера, а с правительством Сербии через его агента в Боснии Тому Ковачевича. Из круга Штрессмайера к плану подготовки общего вооруженного выступления против турок, разрабатываемого в Сербии, примкнул капитан Орешкович. Названные представители высшего католического духовенства Боснии, как и высшего хорватского духовенства, сохраняли лояльность по отношению к Габсбургам, но, поддерживая внешнеполитическую активность Сербии, свои связи держали втайне от австрийского консула Д. Атанасовича (см.: Поповић В. Аграрно питање... с. 121—127; Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, с. 90, 91 и др.).

⁴ Победа черногорского войска над турками при Грахове в 1858 г. рассматривалась современниками как месть за поражение сербов на Косовом поле 28 июня 1389 г. и за гибель серба Милоша Обилича, убившего тогда султана.

85

Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о вооруженных столкновениях христиан и мусульман в Крайне и о вооружении мусульманского населения

№ 130

1 июля 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполливарий Петрович!

В то время, как я уже запечатывал донесение вашему высокопревосходительству от 30 июня, № 128, пришло известие из Крайны с нарочным курьером австрийского ген[ерального] консульства, что там произошли три значительные стычки между христианами и мусульманами к северу [от] Бихача; последняя из них весьма значительная и имела вид сражения¹.

Вся страна к северу от Бихача и Приедора восстала с оружием; беспрепятственные убийства увеличивают ожесточенное состояние христиан и мусульман, которые окончательно разделились между собою².

Во всей Боснии мусульманам позволено носить оружие. Всем жителям Сеницы (близ Травника) велено ополчиться и идти в Крайну. Даже в Травнике появляются смуты, и Банялука в опасности. Во всей стране только 2 батальона пизама и 2 эскадрона кавалерии в Тузле.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ионин*

Помета: Отв[ет] 20 июля, № 580.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 165 и об. Автограф.

* Над текстом документа зачеркнутая помета А. П. Бутенева: À M. Argyropolo, aujourd'hui. Ce rapport plus vrai qui les précédents partant déjà d'un combat acharné entre les Turcs et les Bosniaques main sans détails; les autres rapports surtout le N 128.

¹ См. док. 84 и примеч. 2 к нему.

² В донесении от 7 июля 1858 г. № 133 А. С. Ионин сообщал А. П. Бутеневу о том, что после сражения около с. Нового и неудачной попытки овладеть г. Старым Майда-ном (близ Баяндуки) отступившие повстанцы намеревались перейти через р. Саву на территорию Австрии, но были встречены ружейным огнем австрийских войск. Ионин отмечал роль хорватских деятелей в возбуждении восстания в Крайне (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 167, 170).

В июне 1858 г. русским консулом в Белграде были получены от И. Гарашанина документы, свидетельствующие о причастности к восстанию в Крайне офицеров граничарских полков, снабжавших боснийцев оружием и порохом. В их планы входило объединение Боснии, Герцеговины, Черногории и Горной Албании с Сербией, Хорватией и Славонией в единое государство. Во главе организации из 42 офицеров стоял капитан Орешкович, активное участие в заговоре принимал адвокат из Брода Брлич (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 240, л. 19—20, 24—25, 28—29). По мнению А. П. Бутенева, в основе волнений в Посавине лежали притеснения крестьян мусульманами-земле-дельцами, но, как он писал А. М. Горчакову 22 июля (3 августа) 1858 г., «нельзя недо-оценивать роли советов австрийских агентов в этих событиях» (АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 526, л. 67—69).

*Донесение Е. Р. Шулепникова А. П. Бутеневу о данном им руко-
водителем герцеговинских повстанцев совете не возобновлять вос-
стание в связи с событиями в Боснии*

№ 5

12 июля 1858 г. Рагуза

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Кемаль-эфенди вчера вечером отправился обратно в Требинье. При-
чиной его отъезда было отчасти также опасение, чтобы герцеговинские
райи, покорившиеся ему, но не положившие, однако, своего оружия, обод-
ренные смутами в Боснии, не восстали снова против турок. Хотя и трудно
предполагать, чтобы они решились пойти с оружием против довольно
сильного турецкого регулярного войска, собранного ныне в Герцеговине,
зная при том, что при теперешних обстоятельствах они не могут ожидать
помощи от черногорцев, однако же, при долгом промедлении исполнения
обещания, данного им Кемаль-эфендием, рассмотреть и удовлетворить
их жалобы могло бы случиться, что отчаяние заставило бы их снова поднять
оружие против турок¹.

Вчера получил я от главных начальников восставших письмо², в ко-
тором они опять повторяют, что они, не могут много доверять туркам и что
вся их надежда на европейские державы, а особенно на нас, и просят
моего совета, что им делать. При том принесший ко мне письмо их объявил
мне, что, узнав о восстании в Боснии и о том, что турки посылают туда
из Герцеговины часть своего войска, они теперь раскаиваются, что поко-
рились Кемаль-эфендию. Я им отвечал словесно, что, напротив, они очень
хорошо сделали, что покорились, чтобы они спокойно и терпеливо ожидали
устройства своей судьбы и что только в таком случае они могут надеяться
на наше покровительство.

Завтра отправляюсь я в Требинье. Находясь с Кемаль-эфендием в до-
вольно дружеских отношениях, я надеюсь быть в состоянии, не навлекая
никакого подозрения и не возбуждая его недовольности, наблюдать за его
действиями и лично убедиться на деле, до какой степени можно полагаться

bien qui diffus mérite d'être lu (Г-ну Аргиропуло, сегодня. Это донесение более свежее,
чем предыдущие, в которых уже сообщалось об ожесточенной борьбе между турками и
боснийцами, но без подробностей, остальные донесения, особенно № 128, хотя и про-
странные, заслуживают прочтения (фр.)).

на его благонамеренность в отношении к христианским жителям Герцего-
вины.

С глубоким почтением и с совершенною преданностью имею честь быть,
милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим
слугой

Е. Шулепников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 175—176. Автограф.

¹ См. док. 79, 85.

² См. док. 75.

*Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о злоупотреблениях
при взимании третины в Посавине и об ослаблении восстания
в Боснийской Крайне*

№ 136

15 июля 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Кяни-паша, уезжая из Сараева, советовал депутатам из Посавины
написать поселянам, что они могут надеяться на то, что их жалобы будут
рассмотрены и чтобы они оставались спокойными, ожидая решения их
участи. Письмо было написано совершенно в этом смысле и отправлено,
но около Тузлы гонца схватили, привезли сюда и посадили в тюрьму,
а депутатов обвинили в не позволенных сношениях с беспокойными жи-
телями Посавины, которым они будто бы советовали скорей восстать,
нежели согласиться платить третину. Турецкие власти говорят, что они
нашли письмо такого содержания на упомянутом гонце, что я могу смело
сказать — решительно несправедливо, ибо я письмо это читал прежде
его отправления; но это не остановит турок обвинить депутатов, а с ними
и народ.

И в самом деле, поселяне, не имея никакого известия от депутатов, не
зная, что делать, опять почти готовы отказать в послушании местным
властям.

Поселяне написали письмо к своим депутатам, спрашивая их советов,
и при этом описали новые злоупотребления своих начальников, которые
кажется опять готовы поколебать их покой.

Посавинские кметы (поселяне-фермеры) не согласились на исполнение
того, что им предписал комиссар Порты Азиз-паша. Комиссар же этот
все-таки уехал, уверяя Порту, что он все уже сделал. Аги начали брать
третью часть дохода за прошлый год и, разумеется, никем не удерживае-
мые, начали делать злоупотребления. В письме описано несколько при-
меров, что из домов поселян аги (помещики) уводят в уплату долга волов,
лошадей, сельскохозяйственные орудия и даже прогоняют с своей земли тех
поселян, с которых нечего взять.

Поселяне эти, в прошлом году занятые жалобами, находясь в беспре-
станном волнении, почти не обрабатывали земли; в этот год им мешают
собрать жатву, отнимая средства к тому и заставляя платить третину
за год, который ничего не принес поселянам. Это поставит их в оконча-
тельное разорение. Откупщики десятины делают то же, что и аги; хотя
они уничтожены на будущее время, но им позволено собирать долг за прош-
лый год, причем им дали совершенную свободу действия, хотя они и были
так гласно обвинены в жестокостях¹.

Поселяне жалуются не только на злоупотребления, но и на самый сбор третьей части, производимый в настоящее время, когда еще поселяне находятся в споре с своими агам, когда еще ничего не решено, когда в Сараеве находятся депутаты, которые должны окончательно с местными властями определить отношения поселян к агам. В письме своем они говорят, что «если мы должны агам третину за прошлый год, то все-таки они ее не имеют права собирать, потому что мы ищем на них долг за 8 лет злоупотреблений и за дома, которые мы, против положения, должны были построить на их земле. Если агам позволяют взять долг с нас, то пусть и нам позволят взять с них долг гораздо больший. Если еще их долг нам не признан действительным, то и мы еще оспариваем у них третину и не признаем нашего долга, пока Киани-паша не прикажет его заплатить, решив, что третина законна». И в самом деле, аги Посавины слишком поспешили в настоящее смутное время, когда Посавина успокоилась только в ожидании конца дела. Теперь поселяне считают себя опять обманутыми, ибо им обещали оставить их в покое, пока дело не решится. К этому еще присоединяется медленность решения, между тем как власти турецкие позволяют делать опять жестокости с поселянами. В письме их описано, кроме многих случаев, где аги вместе с полицейскими башибузуками просто грабили дома кметов и били их, и то, что башибузуки эти отправляют в тюрьмы Тузлы толпы людей, которые не имели чем заплатить требуемые с них деньги. Все же казенные подати заплачены сполна поселянами Посавины.

В Крайне Киани-паша, кажется, делает некоторые успехи к усмирению восстания. Вот уже целая неделя прошла без битв, и многие христиане около Бихача спешат покориться, но толпы их плотными массами собираются по берегам Уны и Савы, и 3 тысячи из них перешли в последнее время чрез реку в Австрию. Если восстание и будет теперь приближаться к концу, то эти 3 тысячи беглецов — новое оружие для Австрии, чтобы опять произвести в Крайне восстание, [как] только настоящее будет усмирено.

Здесь австрийский генеральный консул выражался об Киани-паше очень дурно, сообщая мне эти известия; он говорил, что не видал еще такого пани-фанатика. Австрийскому агенту могут не нравиться успехи к усмирению восстания, но он сказал мне, что Киани-паша объявил полковнику Вагнеру, посланному в Бихач от бана хорватского, что он решился немилосердно преследовать раий. И в самом деле, характер Киани-паши слишком заносчив, некоторые его меры, как-то: вооружение всех мусульман, могут много способствовать восстаниям в Боснии. Здесь говорят, что никогда не видали фанатизма турок в таком раздраженном состоянии. Киани-паша явно способствует этому, неумеренно и с запальчивостью провозглашая везде, что христиане восстали единственно против магометанства и что нет к тому других причин. Его подчиненные действуют еще более в этом смысле. Это зло не скоро исправится, если даже и успокоятся волнения, и окончательно утвердит непримиримую ненависть между христианами и мусульманами. Трудно будет привести в исполнение обещания хатти-хумаюна, когда в стране будут раздаваться проклятия богатых и сильных мусульман против бедных христиан, которых громко и безнаказанно называют врагами веры. Кто остановит этих фанатиков, когда визирь первый подает тому пример и говорит даже нам, что против Турции затеваются крестовые походы?

Турецкие власти здесь, между прочим, подтверждают известие, что австрийские войска сначала стреляли по христианам, бегущим к их границам, но 2 дня спустя приняли 3000 под свою защиту. Кроме того, они говорят, что католическая школа и церковь в селе Иваньском была

сожжена не турками, а православными, что очень невероятно, ибо католики села Иваньского присоединились к православным, восставшим в Крайне.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

*Резолюция А. П. Бутенева: Ce rapport est passablement incohérent et Ionine à l'air de ne pas très désirer la pacification de la Bosnie, parce qu'il la croit précaire. Je ne suis pas de son avis là-dessous *.*

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 177—180. Автограф.

¹ По аграрному закону, принятому 6 июня 1858 г., откуп десятины был заменен системой прямого взимания десятины (натурой или деньгами). Это приводило к тому, что, освободившись от откупщиков, крестьяне попадали в руки не менее алчных местных чиновников, осуществлявших сбор налога. К тому же сбор десятины в денежной форме налагал большие дополнительные тяготы на крестьянство. Но и откупа фактически продолжали существовать вплоть до восстания 1875 г. и были одним из самых невыносимых для крестьянства пороков феодального строя, вызвавших восстание (подробнее см.: Кондратьева В. П. Русские дипломатические документы. . . , с. 68; Ekmečić M. Ustanak u Bosni 1875—1878. Sarajevo, 1960, s. 11—32).

89

Донесение М. Р. Милошевича Е. П. Ковалевскому о роли Австрии в возбуждении восстания в Боснии и о бедственном положении боснийских беженцев

№ 111

27 июля 1858 г. Белград

Милостивый государь Егор Петрович!

Вслед за отправлением г. Карцева в Вену с экспедицией от 22-го числа явился ко мне босняк с приложенным у сего прошением от народа спасшегося в Австрию от преследования турок ¹. На вопрос мой, зачем прошение никем не подписано, он ответил: «Так как я должен был приехать в Белград на австрийском пароходе по р. Саве, то из опасения быть компрометированными в случае обыска, сочли благоразумнее не подписывать своих фамилий», уверив меня, что все единогласно просили его доставить мне это прошение и рассказать в подробности о их страданиях. В истине показаний я удостоверился от одного влиятельного лица здешнего правительства, которое тоже получило те же самые известия.

Представляя на благоусмотрение им[ператорского] министерства жалкое положение несчастных босняков и их сердечные излияния перед Россиею и ее августейшим венценосцем, вменяю себе в обязанность обратить внимание ваше на коварные действия австрийцев в этой кровавой драме.

Г. Гарашанин сообщил мне, что княжески[й] представитель получил на днях из австрийского консулата ноту о каком-то Симе, проживавшем в прошедшем году в Белграде в услужении, что он предводительствует теперь восстанием и что заодно с другими агентами подстрекает босняков именем России к восстанию, вследствие чего упомянуты[й] консулат просит сербское правительство, ежели имеет какие-нибудь данные по

* Это донесение изрядно непоследовательно и создается впечатление, что Ионин не слишком желает восстановления мира в Боснии, ибо считает, что он будет непрочен. Я не разделяю его мнения, изложенного ниже (фр.).

этому предмету, сообщить ему. (Ответ сербского правительства был отрицателен.)

В показании же под Л. С., препровожденном при рапорте моем к его сиятельству князю Александру Михайловичу * от 22-го числа, мною сказано, что исправляющий должность бана Кroatии генерал-лейтенант Шокчевич позволил боснякам покупать ружья и военные снаряды². К тому же нынешний [и] податель прошения подтверждает то же самое; он говорит: «Сначала австрийские власти смотрели сквозь пальцы на приобретение босняками пороха и оружия, но как только что началось восстание, тотчас строжайшее воспрещение восследовало продавать им военные припасы.

Сообразив все эти обстоятельства, нельзя более сомневаться, что Австрия хотела только компрометировать босняков в глазах Европы и перед Портою и заставить этот несчастный народ искать у нее прибежища и ввериться ее покровительству; а может быть, что тайная мысль кабинета австрийского состоялась и в том, чтобы, воспользовавшись смутами, занять Боснию вооруженным вмешательством. Здесь, по крайней мере, все убеждены, что Австрия много способствовала к нынешним замешательствам в Боснии, хотя она и старается, следуя своему исконному правилу, взвалить на других свои интриги.

По рассказам свидетелей, положение босняков, бежавших в Австрию, ужасное, они упадают духом и предаются отчаянию. Подобные обстоятельства слишком выгодны для деятельной политики Австрии и Римской пропаганды. Я полагаю, что очень полезно было бы послать туда от нас кого-нибудь, (ежели наш сараевский консул не находится уже там) и не предоставлять одним туркам и австрийцам расправу этих кровавых и темных происшествий. По моему скромному усмотрению, следовало бы для поддержки нашего влияния безотлагательно (пока не предупредят нас другие) послать денежное пособие несчастным жертвам мусульманского изуверия и австрийских козней, издающим бесприютно на ее границах; этим доказательством босняки, клонувшие духом, [увидели бы], что Россия не оставляет без призрения и защиты своих соплеменников и единоверцев.

Политика не может противиться тому, чего так убедительно требует человечество. Когда Гамбург сгорел, все германские племена притекали в помощь. И еще недавно, когда в Майнце пороховой погреб взлетел на воздух, не только все немцы делали денежные сборы, но из Англии тоже, и если не ошибаюсь, даже из Франции посылались им пособия; а можно ли сравнить частные несчастья отдельных городов с страданиями целого народа, где более 20 тысяч семейств, преследуемых мечом варварства, блуждают на границах негостеприимной Австрии³?

С совершенным почтением и искреннею преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

М. Милошевич

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 241, л. 9—10 об. Автограф.

¹ Обращение беженцев к М. Милошевичу от 11 июля 1858 г. — АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 800, л. 241 и об.

² См.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 241, л. 19—20 об. и приложения к данному документу. — Там же, л. 21—29 об.

³ Как доносил А. С. Ионин А. П. Бутеневу 26 июля 1858 г. № 139, в Австрию перешло более 38 тыс. боснийцев, не считая женщин и детей. На оставшееся население христианского вероисповедания обрушились массовые репрессии (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 188—191).

* А. М. Горчаков.

Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о продолжении восстания в Боснийской Крайне и о вооружении мусульманского населения в Посавине

№ 140

29 июля 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

По последним известиям из севера Боснии только христиане нахний Новой, Костайницы и Дубицы перешли в Австрию. Горная же Крайна еще не усмирена, и большие толпы стоят под оружием близ Приедора и Козарца. Перебежавшие в Австрию уже начали возвращаться в Горную Крайну, чтобы помогать тамошним христианам; а некоторые присоединяются к малым толпам, рассеянным по лесам близ Костайницы, которые нападают на турецкие села и уводят из них скот, чтобы после переправлять его чрез реку Уну в Австрию.

В Крайне были давно волнения, но последнюю побудительную причину к восстанию было всеобщее вооружение мусульман, сделанное без всяких к тому причин: Княин-паша приказал вооружиться двум тысячам человек, чтобы идти на границы Черногории. Под этим предлогом открыты были арсеналы, и оружие, которое прежде Омер-паша отобрал от рай¹, было роздано мусульманам. Если б христиане были покойны и довольны своим положением, то и тогда простое чувство самоохранения заставило бы их вооружиться и собраться массами. При возбужденном же состоянии духа это было сигналом к междоусобицам. То же самое теперь происходит и в Посавине. Мусульмане все вооружены и предаются до того буйствам, что почти во всех городах лавки закрыты и христиане не смеют выходить на улицы. Один из депутатов Посавины вчера сказал мне, что это заставит скоро христиан вооружиться, тем более что австрийские агенты там теперь чрезвычайно деятельны и уговаривают рай перейти в Австрию.

Посавину можно было бы успокоить, если б мусульмане не вооружились под предлогом восстания рай, которого в Посавине никогда не было. Но кажется, что в политике турок не успокаивать рай, когда они показывают только покорное неудовольствие. Напротив, тогда турки медлят, возбуждают фанатизм мусульман, вооружают их, делают все, чтобы увеличить неудовольствия рай, и доводят их до того, что они, боясь быть перерезанными своими бегами и агами, берутся за оружие. Тогда паши здешние заставляют рай уважать свое правительство (как они выражаются), то есть приказывают мусульманам напасть и разбить сборища христиан, которые, кроме того, провозглашаются бунтовщиками и свобода их признается вредною для спокойствия страны. Тогда турки жалуются на вооруженные восстания христиан, не замечая того, что они всегда прежде вооружают мусульман. Как требовать, чтобы одна часть населения была покойна, когда другая вооружена и безнаказанно предается буйствам?

Депутат Посавины Иово Кович говорил мне, что он очень боится, чтобы и их не обвинили, как бунтовщиков, и не посадили бы в тюрьму, если народ их восстанет². Он бы желал и мог сделать что-нибудь для умирения страны, но у депутатов отняты к тому все средства, гонцов их сажают в тюрьму, и они не могут сообщаться с народом. Я советовал Ковичу письмо к народу послать чрез здешних турецких властей. Не знаю, может ли оно дойти этим путем.

Сюда привели из Посавины более 30 человек кметов-христиан связанными за то, что они не соглашались платить третины своим помещикам, пока дело их не решится в Сараеве в присутствии депутатов.

Из Нового Базара пришло вчера известие, что там христиане, пограничные с Сербиею, начали восставать и собираться вооруженными толпами.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Иовли

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 192—193 об. Автограф.

¹ Омер-паша приказал в 1850 г. разоружить христиан Боснии и Герцеговины. Насильственное изъятие оружия вызвало недовольство населения, воспринималось им как нарушение традиций и ущемление чувства национального достоинства, поэтому подчинившись запрету носить оружие, славянское население православного и католического вероисповедания использовало любую возможность остаться вооруженным и часто успешно прятало свое оружие.

² См. док. 82 и 83.

91

Обращение представителей православного населения Боснийской Краины к Александру II с просьбой о помощи и защите от преследований турецких и австрийских властей¹

3 августа 1858 г. Босния

Всепресветлейшему всероссийскому величеству привносится сие свидетельство от целого народа боснийского

Известно уже целому свету, как при посредстве самых сильных и великих держав европейских вышел в свет гатигумаюн в пользу наших бедных и несчастных братьев, живущих в турецком подданстве в Боснии, Герцеговине и других землях Турецкой империи, дабы они не могли больше быть угнетаемы и удручаемы.

Видя сие, турки, живущие с нами в помянутых странах, как только узнали, что вышел в свет таковой гатигумаюн, остались им недовольны и тотчас же восстали против него. Они начали убивать народ по всем местам, жечь церкви, дома и все прочее наше имущество. Народ, бывший всегда верен и покорен султану, видя себя в такой крайности, начал бросать жилища свои, уходить в леса и скрываться в них, оставляя все свое добро и имущество в руках турок. Турки же сожгли многие наши села и церкви, сперва село Гленицу, потом Аво, Градину, Збориште, Гресевац, Црваревац, Череч, Церквену, Стабанцу, Задач, Завицу, Бойну, Высокий Задач, Бучевцы, Липу, Новобердо, Новоселле, Добро-село, Зуичку, Иванску, Дабри, Баштру, Бушевич, Подвидачу, Линник, Кришине и т. д. — всего 180 сел, также сожгли два монастыря: Линник в нахии Цахинской, а другой в Читлуке в Козарачской нахии, и 14 церквей, а именно: Чиницкую, Боричскую, Задачскую, Добринскую, Бушевичскую, Зуичскую, Добросенскую, Малозуичскую и т. д.

Но мы не только от турок должны были терпеть на родине страшные притеснения, с другой стороны, нас постигли и от соседа нашего немца (шваба) еще большие и опаснейшие гонения. Ибо когда мы стали уже часто претерпевать от турок самые тяжкие муки, какие только могут быть на свете, когда они стали резать и давить наших малых и беззащитных детей, бесчестить и мучить наших сестер, жен и дочерей, тогда мы для спасения остальных наших семейств стали переходить в Австрию. Австрийцы же, видя нашу тугу и скорбь, еще больше радовались тому, что не только не приняли ласково наших семейств, но отняли у нас также бывшее при нас оружие на честное слово, уверив нас, что когда мы посе-

лим наши семейства в их пределах, тогда они отдадут нам оружие на возвратный путь, а вместо того обманули нас и никак не хотели отдать нам отобранного от нас оружия. Сверху того они всегда держали руку турок, тайно снабжали их, когда было нужно, порохом, свинцом и ружьями, при всяком случае повторяя нам, что турки весьма добрые и почтенные люди, а мы, напротив, разбойники и убийцы, и что они, австрийцы, самые лучшие друзья турок.

На это мы постоянно отвечали им, что мы никогда не восставали против воли султана и что единственною причиною восстания нашего было насилие. Мы просили у них также дозволения проехать чрез их земли в Париж, Россию, а также и в Вену, но они никак не хотели позволить нам этого, а советовали нам идти к туркам без оружия.

Ныне мы просим ваше всепресветлейшее всероссийское величество, смилуйтесь вы над бедным нашим боснийским народом, вашими братьями, над нами, бедными осужденными, которые уже выведены на место казни и которых смерть готова уже поглотить, и никто не хочет вырвать нас из ее челюсти, т. е. избавить нас от проклятых боснийских аг. Кому мы откроем тернистую нами неправду, кто протянет нам руку помощи, кроме вашего всепресветлейшего всероссийского величества? Мы надеемся на бога и на вас и не знаем никого другого, кроме бога и вашего всепресветлейшего всероссийского величества и пр.

Мы, представители целого народа боснийского, вашего величества всепокорнейшие, умилнейшие и всепреданнейшие слуги Христо Ейч, за себя и за Повицу Ковачевича, Иовета Милитиновича, Вида Ромича и за священника Пера Вранеша поклоняемся единодушно вашему императорскому величеству.

Мы, сиротствующий и бедный народ боснийский.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 800, л. 237—240. Пер. с сербскохорват. яз., современный подлинник.

¹ Сохранилось обращение представителей боснийских христиан к султану Абдул-Междиду с просьбой об ограничении произвола администрации, уничтожении третины и откупов (АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 794, л. 6—7 об. Опубл.: Попов Н. А. Положение райи в современной Боснии. — Славянский сборник. СПб., 1875, с. 331—337).

92

Донесение Е. Р. Шулепникова А. П. Бутеневу о насильственном взимании третины в Посавине и о необходимости принятия мер для возвращения женщин-христианок, захваченных турками в Боснийской Краине

19 августа 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Представляю на усмотрение вашего высокопревосходительства следующий факт, который характеризует способ управления Князи-паша.

Депутаты Посавины находятся в Сараеве и ничего не делают, потому что их ни об чем не спрашивают, хотя и уверяют, что они пребывают в Сараеве для окончания дел своего народа. Между тем в Посавине Княи-паша дал приказание тамошнему низаму и башибузукам собрать всех райи и заставить их платить третины за последние два года. Те, которые сопротивлялись, были брошены в тюрьмы и в кандалы. В Белине и Модриче (на реке Босне) были, как говорят, малые стычки, в которых было убито несколько христиан. Станный способ оканчивать спорные дела!

Какой христианин не вправе сказать: «Если вы нас окружаете войском, чтобы заставить платить третину за 2 года, то почему вы не заставьте тем же способом аг заплатить нам за 8 лет злоупотреблений? Если аги жалуются на неуплату нами третины, то и мы жалуемся на этих аг».

В самом деле, подобные меры способны только возмутить страну, которая ждет, чтобы как-нибудь кончили их дело. И что же? Не хотят произнести даже какого-нибудь суда над ним. Пусть Киани-паша сначала законным образом в присутствии депутатов скажет, что раин неправа, и потом в силу этого решения пусть заставляя их платить третину, но так внезапно действовать силою — значит показывать себя тираном и каким-то деспотом, чья воля выше законов.

Депутаты, боясь, чтобы подобные поступки Киани-паши не повели к пагубным следствиям, просили меня переслать их просьбу к Кемаль-ефенди, призывающую его в Боснию рассмотреть их дела так же миролюбиво, как он поступил и с герцеговинскими райями. В бытность мою в Требини Кемаль-ефенди говорил мне конфиденциально, что он бы желал отправиться в Боснию для окончания тамошних дел, которые только запутываются Киани-пашою, и просил меня быть ему в этом случае полезным. Вследствие этого я теперь согласился переслать ему просьбу депутатов, которую он, вероятно, представит Порте. Я не хотел упустить этого случая некоторым образом обязать комиссара, надеясь тем иметь на него впоследствии большее влияние, чем агенты других держав. При этом, в самом деле, надобно отдать ему справедливость за его поступки в Герцеговине, между тем на Киани-пашу нет никакой надежды.

Из Краины до меня дошли слухи, что в то время, когда раин бежали в Австрию, многие жены и девушки были захвачены мусульманами; некоторые убиты, дома их сожжены, оставшиеся в живых были взяты как добыча победителей и теперь находятся в домах бегов и аг в качестве работниц и наложниц. Киани-паша не обращает на это внимания, желая всячески ласкать мусульман, но судьба этих несчастных женщин достойна всякого участия. Принимаю на себя смелость представить вашему высокопревосходительству, что было бы очень полезно, если б Порта велела строго исследовать, в каком положении находятся эти женщины и возвращены ли они, по крайней мере, своим мужьям, которые переходят теперь большими толпами из Австрии. Не зная, в какой мере справедливы слухи, могу, однако, заметить, что, как мне известно, в Боснии существовал этот обычай — брать пленных жен в подобных стычках мусульман с христианами, причем женщин этих заставляли принимать исламизм.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугой

Е. Шуленников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 207—209. Подлинник.

93

Обращение боснийцев С. Аврамовича, П. Майсторовича и К. Несторовича к Александру II с просьбой о помощи боснийскому народу и о предоставлении оружия из выделенного Сербии

20 августа 1858 г. Босния

Ваше величество, најмилостивији государу!

Сад се четврто столетије навршује како је нама држава Босна под тиранску руку турску нешто пријеваром, нешто пак соревновањем тад

владајућих хришћанских царева и због препирака о закону, пала и пропала. Од оног доба до данашњег по историчкој истини зна се како је наш народ до данас све постепено већма и већма страдао и пропадао, каква су безаконија Турци чинили, какова насиља и непоштење проводили, и како су страшно и немилине глобили.

Зна се, да су Турци, или боље рећи, да је Мехмед II преко 7000 племића у Зворник на ријеци Дрини претворно пријатељски позвао и домамивши их све исекао, да само кукавни народ босански обезглави, те да га лакше притисне и подјарми. Зна се да су Турци заоставше племиће који су или као дјеца или из других узрока дома заостали били или силом или пријеваром истурчили и тако им господство и спашилуке оставили. Та су племена и данас жива, као на [и] [пример] Тодоровићи, Филиповићи, Лубовићи и т. д., и чувају и сад за сваки случај своје старе дипломе крај турског берата, исто и данас знаду, које им је Крсно име било, т. ј. свети Никола, Ђурђев дан или свети Аранђео и т. д.

За овијем истурченим племством повело се послје и више бољег и богатијег свијета те се потурчи да је само на своме дому миран и да му глава остане. По времену ти потурченици гори су постали него прави Турци, и дотле су наш народ дотерали и у такову невољу бацали да већ сад ништа нема до једине главе на себи и душе у себи.

Ми знамо да је нашег величества покојни родитељ велики цар Никола прије девет година Србији по Јефрему Ненадовићу, бившем совјетнику, неколико хиљада пушака са бајонетима поклонити благоволио. Ми се најпокорније молимо да би ваше величество нама спротивском народу босанском милостиву руку помоћи пружити и ербском правителству наложити не одрекло да нама 2000 комада од оних пушака испоручи¹.

То оружје ми данас у обрану од зликоваца и силеџија Турака потребујемо који свога цара не почитују и његове заповијести — хатхумајум — не слушају нити доруштају да се у дјество приведе.

Турци су нас пријеварно прије четири стотине година задобили, ми смо ради данас да се од њих јувачки ослободимо и славу нашу и слободу повратимо. Кад је Турцима слободно било хајдучки и непоштено на нас који им нисмо никако криви били, ударати и нас јармити да је и нама слободно наше добро, то јест слободу и државно право, од њих натраг повратити.

Нашег величества покојни родитељ је свуда нас бранио, но ми никад нисмо те згодне прилике имали дићи се као што сад имамо. Ми хоћемо да само за ваше величество, као за нашег императора и цара знамо, а ни за ког другог.

Зато се високој милости препоручујемо и остајемо са страхопочитањем

Вашег величества најпокорнији
прото Стефан Аврамовић, Петар Майсторовић, Крто Несторовић

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 800, л. 244 и об. Подлинник.

¹ В Сербском княжестве большое значение придавалось развитию военного дела: была открыта военная школа, молодые люди посылались за границу для изучения военного искусства, в Крагуеваце и Белграде были основаны литейные заводы для изготовления пушек. Однако ружья в княжестве не выпускались, а закупались за рубежом. В 1848 г. Ефрем Ненадович, ездивший в Россию с несколькими офицерами, привез 10 тыс. ружей (см.: Попов И. Россия и Сербия: Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. М., 1869, ч. 2, с. 368).

Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о недовольстве населения Боснии усилением налогообложения

№ 175

8 сентября 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Известие о восстании в Посавине, о котором я имел честь доносить вашему высокопревосходительству от 31 августа за № 161, не подтвердилось¹. Было только малое изъяснение негодования христиан близ Зворника на новую меру Кнани-паши — собирать третину за прошлые года, но все это окончилось тем, что одних арестовали, а другие разошлись по домам.

Дела здесь не принимают новых оборотов. Власти турецкие по-прежнему ничего не делают и обещают много. Посавинские депутаты совершенно забыты, как и те, которые невинно сидят в тюрьмах по каким-то подозрениям, между ними много священников.

Две недели тому назад Кнани-паша велел из всякой нахии (уезда) прислать в Сараево по три человека: православного, мусульманина и католика в виде депутатов. До сих пор здесь радовались этой мере, думая, что людей этих зовут, чтобы от них узнать положение народа. Но скоро все разочаровались. Кнани-паша объявил еще другую свою меру.

До сих пор население Боснии, особенно христиане, платили до 20 разных мелких податей. Кроме того, платили разные налоги за права: возделывать табак, гнать водку, иметь свиней и т. д. Платили за это те, кто пользовался этими правами. Теперь Кнани-паша объявил, что все без исключения будут платить все подати и пошлины за вышеупомянутые права и будут платить все вдруг, чтобы, как он говорит, не затруднять контроль мелочами. Вышло так, что за право гнать водку, возделывать табак будут платить и те, которые не могут или не хотят пользоваться этими правами, а мусульмане должны будут платить за право держать свиней. Мера эта была придумана Кнани-пашею для поправления финансов страны; и, кроме того, ему этим хотелось показаться и поправиться своею деятельностью Порте. Здесь узнали это, как и то, что он не имел никакого предписания объявлять такую меру, и негодование было общее. Депутаты объявили совершенное свое несогласие, говоря, что они не могут говорить за свой народ, который не знал ничего о предложенной пашею мере, не мог уполномочить их изъяснить свое согласие или несогласие. Кнани-паша сердится и страшит депутатов, но на первый раз дело тем и ограничивается.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 222—223. Автограф.

¹ А. С. Ионин доносил А. П. Бутеневу 31 августа 1858 г., № 161, о восстании в Зворникской и Биелгской нациях, в котором будто бы приняли участие сербы из Княжества (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 221).

Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу об отправке молодых людей из Боснии и Герцеговины в Россию для обучения в Одесской семинарии и Лазаревском институте восточных языков

№ 176

8 сентября 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Честь имею донести вашему высокопревосходительству, что согласно поручению, данному мне г. Шулепниковым, я отправил в Белград 4-х молодых людей, назначенных в Одесскую семинарию: из Сараева Николая Спахича, Афанасия Батинича и Дмитрия Богичевича, из Герцеговины Христофора Миленковича, а также и отправляющегося в Москву в Лазаревский институт восточных языков Евтана Оборину. Всем им выданы от сараевского консульства билеты в виде паспортов на въезд в Россию¹.

Ее величеству государыне императрице Марии Александровне благоугодно было пожаловать 1400 руб. с[еребром] на устройство женской школы в Сараево. Деньги эти были препровождены сюда на имя одной женщины — Стаки Скендеровой, которая взяла на себя устроить эту школу². Милость, оказанная этой женщине, пользовавшейся большим влиянием не только в Сараево, но и во всей Боснии, навлекла на нее зависть здешних богатых торговцев, которые думали, что деньги эти будут вручены им. Торговцы эти начали делать самые низкие интриги, чтобы очернить Скендерову пред турецкими властями. Женщина эта хотела отправиться в Белград для покупки книг и вещей для школы, а также для присканья там хорошей учительницы. В то же время она хотела сопровождать до Белграда и детей, отправляющихся в Россию; на ее опытность и ум вполне можно было положиться в этом случае, но вследствие интриг торговцев, которые уверили пашу, что Скендерова идет возмутить Посавину и оттуда в Россию, ей не дали тескеры (паспорта). Я принужден был отправить детей без этой надежной проводницы, но успел, впрочем, прискать известного здесь хорошим поведением молодого православного, который будет сопровождать детей до Белграда за очень умеренную плату.

Так как здесь настали холода, и четверо детей, назначенных в Одесскую семинарию, имеют бедных родителей и не в состоянии были сделать себе теплое платье, то я с разрешения г. Шулепникова снабдил их нужным для пути платьем.

Деньги, назначенные на проезд всех пятерых молодых людей до России — 150 червонцев — я вручил под расписку Евтану Оборине, как довольно взрослому и надежному, для передачи в Белграде полковнику Милошевичу, при чем 130 червонцев я вручил Оборине запечатанными, а остальные 20 предоставил ему для расходов его и его товарищей во время пути до Белграда, примерно полагая, что путь этот не станет им более чем в 20 червонцев.

С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 224—225 об. Автограф.

¹ См. док. 25, а также донесение Е. Р. Шулепникова А. П. Бутеневу от 28 августа 1858 г. о получении средств для отправки 3-х молодых людей из Боснии на учебу в Россию (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2046, л. 67).

² См. док. 80, а также записку А. Ф. Гильфердинга от 1 мая 1858 г. об открытии в Сараево женской школы (см.: АВПР, ф. Славянский стол, 1858—1876 гг., д. 6668, л. 2—4).

Донесение К. Д. Петковича А. П. Бутеневу о бездействии комиссара Порты Кемаль-эфенди в удовлетворении требований герцеговинцев и об обращении их к российскому и французскому консулам с просьбой о защите¹

№ 256

8(20) сентября 1858 г. Рагуза

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Наш консул в Сараеве имел честь месяц тому назад донести вашему высокопревосходительству о свидании в Требинье герцеговинских старшин с Кемаль-эфенди, сообщив вам перевод примирительного условия, по которому комиссар Порты обещал недовольным христианам от имени своего правительства полное удовлетворение их жалоб².

К несчастью, щедрые обещания Кемаль-эфенди остались на бумаге, и не только герцеговинцам доселе не сделано никакого облегчения вслед за изъявлением ими покорности и заключением примирения, но местным туркам, кажется, дана воля притеснять и угнетать христиан еще хуже прежнего. Турецкий комиссар живет в Требинье преспокойно и, быть может, видя себя окруженным значительными военными силами, для которых отсюда перевозятся провиант ежедневно целыми караванами, мало заботится о том, что тысячи несчастных ждут с тревожным нетерпением удовлетворения их жалоб исполнением данных обещаний в смысле хати-гумаюна для того, чтобы возвратиться спокойно к своим пашадам и предаться с уверенением в безопасности полевым и домашним своим занятиям. Он не обращает внимания на просьбы и жалобы христиан и в своей беспечности забывает, что таковая медлительность в удовлетворении справедливым жалобам и безнаказанное продолжение прежних злоупотреблений от местных турок и башибузуков могут быть причиною новых внутренних беспорядков и кровопролитий.

Герцеговинцы, видя себя обманутыми в своих надеждах, не перестают описывать свое жалкое положение и представлять жалобы: то князю черногорскому, то консулам, то французскому адмиралу. Вчера прибыли сюда двое из Шумы, близ Требинья, с письмами от тамошних старшин ко мне, Журдену³ и здешним властям. Считаю не излишним представить вашему высокопревосходительству перевод с письма ко мне и извлечение во французском переводе из прошения герцеговинцев, присланного на имя французского адмирала⁴.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

Помета А. П. Бутенева: Je crois qu'on pourrait communiquer l'annexe Française à M. Gravière; les Herzégoviens paraissent, à l'instar des Candides, vouloir mettre des conditions à leur soumission*.
АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2120, л. 102—103. Автограф.

¹ См. примеч. 1 к док. 76.

² См. док. 88.

³ Письма руководителей герцеговинских повстанцев К. Д. Петковичу и французскому адмиралу Ж. де ла Гравьеру (около 8 (20) сентября 1858 г.) с жалобами на бесчинства турок, невыполнение властями реформ, обещанных хатт-и хумаюном и с из-

* Я полагаю, что можно было бы сообщить французское приложение г-ну Гравьеру; кажется, жители Герцеговины, по примеру кандидов, желают диктовать условия, на которых они покорятся (фр.).

дожением своих требований см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2120, л. 104—107.

⁴ В прошении старейшины Шумы К. Д. Петковичу содержались следующие требования: избрание в Шуме начальника из представителей христианского населения, самоуправление церквей, беспрепятственное открытие школ, уничтожение откупа десятины, ликвидация турецкой стражи (пандуров), снижение размера обязательной сдачи урожая до 1/4 (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2120, л. 104—105).

Донесение А. П. Бутенева А. М. Горчакову о приезде в Константинополь боснийского депутата Р. Ейча и выдаче ему паспорта для проезда в Одессу

№ 375

16 сентября 1858 г. Буюкдере

Секретно

Милостивый государь князь Александр Михайлович!

Находящийся здесь черногорский комиссар по разграничению Черногории с Турцией Вукович представил мне прибывшего сюда на днях боснийца из Краины Христо Ейча, который вручил мне прошение, поданное от лица всех боснийских христиан на высочайшее имя государя императора¹, изъявляя желание отправиться в Россию, дабы в качестве уполномоченного от своего народа, повергнуть оное к стопам его императорского величества.

В означенном прошении боснийские христиане, исчислив бедствия, претерпеваемые ими от мусульман со времени появления в свет гатиугумаюна, не только оставшегося мертвовой буквою в христианских областях Турции, но еще вызвавшего в Боснии новые, более жестокие проявления мусульманского фанатизма, подвергают дальнейшую судьбу свою на всемогущественное воззрение государя императора, единственного, по словам их, заступника их веры и народных прав.

Доставление сего прошения возложено было боснийцами на выборного депутата Христо Ейча, уроженца селения Церквены в Краине, с 4-мя его товарищами, имена коих означены на самом прошении. Выехав из Боснии в минувшем августе месяце, они прибыли чрез Шибеник в Катаро с намерением проехать оттуда в Цетин, но не были допущены к тому тамошними австрийскими властями, которые в жестоких выражениях укоряли их в непокорстве и мнимой измене турецкому правительству. Принужденные выехать в Рагузу, депутаты после многих приключений пробрались чрез Герцеговину в Цетин, где были приняты ласково черногорским правителем. Во избежание подозрений, которые могла бы навлечь на себя эта боснийская депутация при дальнейшем странствовании, Христо Ейч по совету черногорского князя отпустил из Цетина своих товарищей обратно на родину, а сам продолжал путь свой чрез Бар в Константинополь, снабженный для большей безопасности от князя Даниила черногорским паспортом, в котором он наименован Стефаном Джуровичем, черногорцем из округа Ричко, и некоторым денежным пособием на проезд сюда. Отпуская его в Константинополь, правитель Черногории поручил ему по приезде сюда обратиться к комиссару Вуковичу, дабы чрез его посредство быть мне представленным и вручить мне вышепомянутое прошение.

Ваше сиятельство изволите усмотреть из содержания этого прошения, прилагаемого у сего в подлиннике и в переводе, что удовлетворение возносимой в оное к высочайшему лицу государя императора всенародной жалобы на притеснения турок или даже хотя некоторое обложение нужд

боснийских христиан предстательством в пользу их пред турецким правительством превышает средства действия миссии нашей в Константинополе. Не говоря уже о том, что таковое официальное предстательство повлекло бы подозрение Порты и, может быть, новые гонения на лица, писавшие прошение, но оно было бы, кроме того, и бесплодным, находясь в тесной связи с вопросом о приведении в исполнение гатигумаюна, вопросом, решение коего предоставлено лишь будущему и совокупному действию всех первостепенных европейских держав¹. Тем не менее, дабы избавить депутата боснийского Ейча от опасности, коей он неминуемо подвергнулся бы при дальнейшем пребывании в Константинополе, если бы настоящая цель приезда его сделалась известною турецкому правительству, и во уважение ходатайства правителя Черногории в его пользу, я не считая возможным отказать ему в разрешении ехать в Россию и снабдил его проездными деньгами до Одессы и пособием в 100 руб. серебром². Отклонив в то же время предпринимаемое им путешествие в С. Петербург^{2*}, я предписал ему оставаться в Одессе впредь до дальнейших об нем приказаний Министерства иностранных дел. Может быть, вашему сиятельству угодно будет повергнуть прошение боснийского народа к стопам его императорского величества и исходатайствовать пострадавшим в последнее время христианским жителям Краины от монарших щедрот какое-либо вспомоществование, которое могло бы быть доставлено им чрез посредство того же Христо Ейча или же чрез консульство наше в Сараеве и облегчить хотя сколько-нибудь страдания этого народа^{3*}.

К сему не излишним считаю присовокупить извлечение из представленной мне еще в прошедшем мае месяце записки другого боснийца Гавра Вучковича, прибывшего в Константинополь по требованию православного боснийского народонаселения для принятия участия в совещаниях, имеющих открыться в патриархии по вопросу о церковных преобразованиях на основании 3-го пункта гатигумаюна, и ныне проживающего уже более 4-х месяцев, в числе других выборных из внутренних областей Турции, в тщетном ожидании начала сих совещаний. Закрывающиеся в записке Вучковича данные о печальном положении христиан в Боснии подтверждены свидетельством нашего консульства в Сараеве и служат любопытным дополнением к прошению, повергаемому ныне боснийцами на высочайшее воззрение чрез посредство другого их депутата Христо Ейча.

В ожидании дальнейших указаний Министерства иностранных дел по предмету настоящего моего отношения имею честь быть с совершенным почтением и таковою же преданностью вашего сиятельства покорнейший слуга

А. Бутенев.

Помета Александра II: В настоящее время мы, к сожалению, ничего не можем сделать в их пользу, кроме разве денежного пособия, о чем прошу представить соображения. АВВР, ф. ГА V-A₂, д. 526, л. 124б—127 об. Подлинник.

¹ См. док. 83.

² Приезд Р. Ейча в Петербург был отклонен Александром II (затем последовало сокращение времени его пребывания в Одессе), так как русское правительство опасалось обвинений со стороны европейских держав и Порты в открытой поддержке повстанцев.

* На полях пометы А. М. Горчакова: Россия в этом случае, верно, их не забудет и Александра II: Да, но теперь действовать в их пользу преждевременно.

* На полях пометы А. М. Горчакова: В Петербург, мне кажется, невозможно и Александра II: И было бы даже вредно для них самих.

* На полях пометы А. М. Горчакова: Здесь, мне кажется, должно бы помочь словесными средствами и Александра II: Я на это готов.

В особенности в период, когда на последних оказывалось усиленное давление с целью приведения их к покорности султану (см.: А. М. Горчаков—А. П. Бутеневу от 27 сентября 1858 г. — АВВР, ф. ГА I—1, д. 34, л. 136—137). Тем не менее боснийским беженцам была оказана значительная материальная помощь (см. док. 98).

98

Доклад А. М. Горчакова Александру II о выделении 10 тыс. руб. в помощь православным жителям Боснии и Герцеговины

1 октября 1858 г.

Вследствие донесений консульств наших в Герцеговине и Боснии о бедственном положении тамошнего православного населения и присланного босняками через своего депутата Христо Ейча прошения вашему императорскому величеству благоутробно было изъяснить свое согласие на вспомоществование наиболее пострадавших жителей Боснии и Герцеговины от гонения турок.

Осмеливаюсь испрашивать высочайшего повеления на ассигнование для означенного предмета 10 000 рублей серебром из государственного казначейства.

К[нязь] Горчаков

Резолюция Александра II: Исполнить.

Помета: Докладываю государю императору в Царском Селе 1 октября 1858 г. АВВР, ф. ГА I—1, д. 34, л. 140 и об. Подлинник.

99

Письмо жителей Брчанского кадилука шабацкому епископу с жалобой на незаконные поборы сараевского епископа Иосифа

10 октября 1858 г.

Пречестни господине, являмо вама како нам е пре неколико дана дошо епискуп саревски у нашо Среб[р]ничку и и бавио попове пред ове и дао им писмо од свое руке да подигну зулум: прву венчаницу — 2 талира, а другу — петдесет гроша, а трећу — шестдесет гроша; ошело мало — десет гроша, а велико — петдесет гроша, кршчене — 12 гроша, молитва велика — 6 гроша, а мала молитва — 4 гроша, а да покупе нему на сваку кућу по 10 гроша. И кои нису штели на то прстоти, он се био навбио после пређе у Власанице бирчанском суду. И ту е бавио свешченике и узо им на сваку оженеу главу по 3 гроша и четири паре и на сваки дим по шесет и четири паре и [ракамом]билеж[и] им од дима по 64 паре. А себи и момцима по 75 гроша и то су му све поштево дали. И опет заиште од свакога свешченика по 100 гроша и од народа на сваки дим по 10 гроша и на то му свешченици нису могли пристати док упитано тужного народа могу ли на то пристати, и он се на то ражљоти и пошале пандуре по коцобаше. А народ не пушта пред нега сами е коцобаша него е пошло много народа. И изиђу пред нега и то им поиште на кућу по 10 гроша, а они му заглачу како не могу то дати. А он им онда псова веру и анио е коцобаше и био за то, анио и био попа Захариу и попа Луку. И поискаво им е ферман од школе и пито и [х] кои им е реко да граде школе и реко е зашто сте правили школе кад е ћу вам и манастир Папраћу затворити. И допушаво е да човек може свою жену отерати па се другом женити. За то е узимо по 20 дуката и доп[у]што е много безаконство ме у народ.

А саде вас молимо вас милостиви господине и целуемо вашу десницу да нам то наредите како ви и знате, а што буде трошка, ми ћемо послати вама, него само час пре да се баци у новине, како ви и наредите. Притом вашу десницу сцелуюћи ми и тужни народ, кои се налазимо у Бирчаньском кадилуку.

Остаемо . . . * пречестни господине, и јављемо вама какво нам пре неколико дана дошло епискуп сар[а]јевска.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1379, л. 137—138. Подлинник; л. 136 и об. — пер. на рус. яз., современный подлинник.

100

Донесение Е. Р. Шулепникова А. П. Бутеневу о волнениях в Тузле в связи с отказом крестьян платить подати землевладельцам

№ 194

21 октября 1858 г. Сараево

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

В донесении моем от 14 октября сего года, № 182, я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства о возвращении в один день со мною Киани-паша из последнего пребывания его в Тузле, куда он отправлялся по случаю бывших там смут¹. Сведения, которые я мог собрать по этому предмету и которые кажутся мне довольно основательными и достоверными, послужат вашему высокопревосходительству дополнением к донесению г. Ионина от 6 октября, № 181². Я полагаю, что возмущение это вовсе не так важно, как могут его представить турецкие власти: в нем нет ничего политического, и оно имеет более характер громко выраженного недовольствия райи против владельцев аг, которым хотело воспользоваться австрийское правительство.

Христиане тузлинские, уплачивая в течение 8 лет заработную плату по условию их с агами и не видя исполнения обещаний аг, жаловались уже несколько раз, прося удовлетворения, для чего и был прислан, как известно вашему высокопревосходительству, комиссаром для посавинских дел Азиз-паша. Ныне каймакам тузлинский Нуреддин-паша отправился по своей каймакамии для обнародования полученного им будто бы из Константинополя фирмана, по которому кметы должны уплачивать подать эту по-старому. Требуя ее с них за текущий и прошедший годы, за которые она еще не выплачена, и приказав, согласно предписанию Киани-паша, чтоб уплата эта произведена была в три раза, он сообщил об этом агам, которые и начали насильственными мерами побуждать кметов к уплате оной. Двое владельцев — Хашим-бей из Тузлы и Авди-бей из Градашца начали принуждать христиан к уплате силою, и при этом, конечно, не могло обойтись без жестокостей со стороны аг и недовольствия и ропота райи. Австрийское правительство воспользовалось этим и употребило протопопа Орашинской церкви в Градашском мудирлике Стефана, бежавшего несколько времени тому назад в Австрию, орудием к возмущению, прислав его в Градаш, снабженного оружием. Священник этот успел убедить только от 20 до 30 чел. восстать открыто, и это послужило поводом к жестокостям и насилиям. В Градашском округе разграблена церковь в Обдовоцах, разорено около 200 домов и убито в разных местах от 500 до 600 человек христиан; кроме того, около 2000 человек перешло в Австрию³. Не довольствуясь этим, двое помянутых аг сожгли, говорят, сами собствен-

* Слово неразборчиво.

ные дома и обвинили в этом христиан. Весть об этом волнении побудила Киани-пашу отправиться в Тузду. Но при прибытии его туда все было уже окончено и вошло в прежний порядок. Набранные им в Сараево и по дороге вооруженные мусульмане, видя, что там нет никакого возмущения, начали громко роптать и жаловаться на него, и Киани-паша опасаясь их угроз, должен был поспешно удалиться из Тузлы и возвратиться в Сараево. Вслед за ним привели сюда и заключили в тюрьму 49 чел. христиан, гораздо большее количество которых заключено в Тузле.

Все восставшие и заключенные христиане православного исповедания; католики, угнетаемые наравне с православными, говорят, были удержаны от восстания тузлинским австрийским агентом и тамошним католическим священником, убеждавшими их оставаться спокойными и ожидать результата восстания православных.

Сюда дошло известие, что Акиф-паша, доехавший уже до Сеницы, находящейся часах в 40 от Сараева, постигнут был там татаром* с приказанием от Порты остановить свое путешествие и ждать новых ее распоряжений. По поводу этому здесь разнесся слух, что Киани-паша остается генерал-губернатором Боснии.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугой

Е. Шулепников

Помета: Получ[ено] 3 ноября.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 243—244 об. Подлинник.

¹ Донесение Е. Р. Шулепникова А. П. Бутеневу о временном подавлении восстания в Посавине № 182 от 14 октября 1858 г. см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 240—241.

² Восстание христианского населения в Тузле началось в первых числах октября 1858 г. Поводом послужила конфискация землевладельцами-мусульманами имущества кметов в счет третьины. Как отмечал А. С. Ионин, «движение восставших есть движение отчаянного населения, которое уже не надеется на справедливость властей и хочет защитить свои права последнеею оставшеюся у него силою». Восстание распространилось на всю Посавину (А. С. Ионин А. П. Бутеневу 6 октября 1858 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 235—239).

³ В донесении А. Б. Лобанову-Ростовскому от 31 марта (12 апреля) 1859 г. № 40 Е. Р. Шулепников приводил доказательства причастности к восстанию в Крайне и Посавине австрийских агентов. По его сведениям бежавшие из Боснии Симо, Ристо Ейч и Йовица Ковачевич обосновались в Киние и стали набирать отряды для перехода в Боснию весной 1859 г. Их деятельность была известна австрийским властям (АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 801, л. 47—48).

101

Донесение Е. Р. Шулепникова Е. П. Ковалевскому об открытии православного духовного училища в монастыре Житомишлицы и о назначении учителями его С. Перовича и Н. Дучича

№ 196

25 октября 1858 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Честь имею донести вашему превосходительству об открытии духовного православного училища в монастыре Житомишлицком, находящемся в расстоянии 3-х часов от Мостара. В монастыре сем незадолго пред сим назначен новый игумен Серафим Перович, бывший до сих пор учителем в Мостарской светской школе. Он человек отличной нравственности и

* Курьером.

пользуется уважением всей мостарской православной общины. Ему в помощь главным учителем школы назначен другой перомонах — Никифор Дучич. Оба они кончили с успехом курс наук в Белградской семинарии, и при их рвении и неутомимой деятельности нет сомнений, что духовная сия школа принесет со временем весьма полезные плоды. Митрополит герцеговинский Григорий дал мне торжественное обещание, что он будет рукополагать в священники только молодых людей, кончивших курсы в сем училище. В нем находятся только 5 учеников, и о. Серафим и о. Никифор с прискорбием объявили мне, что им очень трудно будет увеличить значительно их число, так как у них кроме 300 рублей, высочайше дарованных его императорским величеством ежегодно в течении 6 лет, других средств для содержания училища почти вовсе нет, а они должны строить весной для него особое здание, доходы же монастыря весьма незначительны¹.

При первой моей поездке в Мостар я посетил Житомилецкий монастырь и тогда не премину сообщить вашему превосходительству более подробные сведения о ходе училища и об употреблении высочайше дарованных денег.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугой

Е. Щуленников

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 800, л. 168 и об. Подлинник.

¹ См. док. 34, 35, 46, а также доклад А. М. Горчакова Александру II 10 марта 1858 г. о благодарности христианского населения Мостара за пособие России духовному училищу в городе (см.: АВПР, ф. ГА I—4, д. 34, л. 80).

102

Донесение Е. Р. Щуленникова Е. П. Ковалевскому об открытии в Сараеве женской православной школы

27 октября 1858 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Честь имею донести вашему превосходительству, что Стака Скендерова, отправившаяся в Белград для закупки там книг и всего нужного для учреждения в Сараеве женского училища, возвратилась оттуда и привезла с собой учительницу *. Для отклонения недоброжелательства, могущего встретиться со стороны митрополита, я советовал Скендеровой пойти к нему, объявить ему о своем намерении, просить его как главу православной здешней общины принять училище под свой непосредственный надзор и покровительство и дать ему свое архиепископское благословение. Он очень благосклонно принял ее предложение и при совершившемся на днях торжественном открытии училища сам служил молебствие, окропил дом святой водой и благословил детей на учение. На торжество сие были приглашены Скендеровой агенты всех держав, но, кроме меня, присутствовал при том только французский вице-консул.

В училище ходят теперь до 75 девушек, из коих очень мало детей зажиточных родителей. Многие из здешних торговцев смотрели прежде с некоторым недоверием на предприятие Скендеровой. Видя же теперь успех ее и неутомимое рвение на пользу общую, они изъявили желание, чтобы и их дочери посещали ее училище. К несчастью, она принуждена была почти

* Е. С. Нешкович.

всем отказать, объявив, что в настоящее время она более не может принимать детей, но через год она приищет себе другой дом, более просторный, выпишет из Белграда еще учительницу и тогда она будет в состоянии удвоить число учениц.

От времени до времени Скендерова будет сообщать мне сведения об употреблении денег, высочайше пожертвованных ее императорским величеством, и я не премину представлять таковые на благоусмотрение вашего превосходительства, а равно и сведения о ходе самого училища.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугой

Е. Щуленников

АВПР, ф. Славянский стол, д. 6668, л. 15 и об. Подлинник.

103

Письмо настоятеля монастыря Дужи Е. Дучича и жителей Шумы К. Д. Петковичу с просьбой о защите от насилиев турок

13 ноября 1858 г. Дужи

Высокоблагородни господине!

Кад су возлюблена наша браћа Руси! нас ради, ньюову драгоцену крв проливали, ми смо у највећем степену радости били, мислећи да ће надобство оставит, и нови нам живот почет; али забадава Турци бесне већма нежели икад. Познато вам е како су убили Петра Трапариха, Сима Лечића, Милоша Шкери, Марка Тасовца, Вука Шушића; сад су убили Јазара Шисуда у собственој кући, убили су Арслан Биедић и Суљо Бусуларих. Кажу неки Турци, да е меллиз* заповидио да се у Шуми убије 11 ljudi, међу којим неки свештеници.

Милостиви господине! Ако е могуће препричите пут ньюовом злоупотреби од бога и вас милости просимо.

Евстатие Дучић настоятель и сви Шумаци

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 717, л. 186. Подлинник; л. 184 и об. — пер. на рус. яз., современный подлинник.

104

Донесение К. Д. Петковича А. П. Бутеневу о высылке Р. Ейча из Дубровника и аресте депутата от Зубцов

№ 328

24 ноября (6 декабря) 1858 г. Рагуза

Милостивый государь Аполлинарий Петрович!

Честь имею представить при сем вашему высокопревосходительству письмо от князя черногорского на ваше имя, доставленное ко мне чрез воеводу Иво Ракова, присланного сюда нарочно.

Вместе с Радоничем приехал из Катаро также известный вашему высокопревосходительству босняк, называющий себя народным старшиною и воеводою, Ристо Еич, одетый в богатом черногорском платье и с саблею. Он из Антивари пробрался в Цетинье, но для возвращения на родину в Боснию имел неблагоприятное избрать путь через Австрию и потому, когда явился в Катаро в своем костюме, то австрийская полиция, следившая за

* Так в тексте, следует: мецлис.

ним еще в Константинополе, задержала его, не признавая в качестве черногорского подданного, и повела к начальнику округа, который подвернул его полицейскому письменному допросу и выпытал у него всю подноготную¹. Он признался австрийцам, что был принят в Константинополе вашим высокопревосходительством, что ездил в Одессу и подавал прошение на высочайшее имя и что государь император сообразил назначить в пособие пострадавшим от турок христианам в Боснии около 10 тыс. гульденов, что эта сумма будет доставлена к нашему консулу в Сараеве и роздана кому следует по указанию его, Еяч².

Такое признание не могло не возбудить у австрийцев, и без того уже чересчур опасавшихся каких-то замыслов против себя со стороны России, подозрение и сильное беспокойство. У него отобрали черногорский паспорт (черногорское правительство не захотело его признать своим подданным) и снабдили билетом до Зары, где, без сомнения, уже приняты меры к задержанию или к сдаче его турецким пограничным властям. Он отправился отсюда в Зару вчера на пароходе и улучил время зайти ко мне на минуту и выразить свои опасения насчет будущей своей участи.

17(29) ноября прибыл сюда из Константинополя на турецком пароходе дивизионный генерал Дервиш-паша, назначенный командовать войсками в Герцеговине и Боснии³. Противные беспрестанные дожди помешали ему отправиться немедленно в Требинье, и он остается еще здесь вместе с Кемаль-ефенди и множеством герцеговинских турок, приехавших ему на встречу. Дервиш-паша написал отсюда к старшинам зубчан, приглашая их явиться к нему в Требинье безусловно, с покорною головою, как султанские раи. Положение наших единоверцев в Герцеговине самое отчаянное теперь, потому что их надежды осуетились* при грустном убеждении, что со стороны Черногории им нельзя ожидать ни помощи, ни убежища против турецкого насилия, что обещания Кемаль-ефенди не исполнились и не исполнятся и что при настоящих обстоятельствах даже оружие, бывшее доселе единственною их опорой в горах и лесах, не спасает их больше, ибо Дервиш-паша, как говорит, едет с намерением покорить их или истребить силою оружия.

Не зная, что делать в таком критическом положении, боясь идти в Требинье без всякой гарантии за свою безопасность, но также не смея ослушаться Дервиш-пашу, которого крутой и жестокий нрав им довольно известен из экспедиции Омера-паши против черногорцев, зубчане решились прислать сюда одного из своих людей с тем, чтобы просить советов и заступничества у Кемаль-ефенди; но по распоряжению начальника здешнего округа австрийские жандармы схватили его на улице и сдали на руки туркам, как преступника. Несчастный депутат не воображал себе, что на земле христианской державы он мог быть схвачен и посажен в темницу под присмотром турецких солдат. Но подозрительность до того довела австрийцев, что они из опасения за себя сделали злейшими врагами православных герцеговинцев и готовы содействовать даже к совершенному их истреблению, если только это возможно, воображая себе, что они суть орудие распространенных повсюду панславистов, подкапывающих существование Австрии. Чтобы следить ближе за их внутреннюю жизнь, австрийское правительство учредило недавно в Требинье консульское агентство и послало на это место одного жандармского офицера отсюда, обязанного вести переписку с начальником жандармов Рагузского округа, зависящим от тайной полиции в Заре. Для предварительного же настроения Дервиш-паши против наших единоверцев здешние австрийские власти распустили

вчера слух, что посланы из Черногории или от зубчан люди, чтобы убить его. Эту комедию перед турками, не новую и не первую в своем роде впрочем, разыграли вчера жандармы со своим майором, расхаживая хлопотливо и с таинственным видом по улицам Рагузы и отыскивая мнимых убийц, которые имели будто приехать сюда морем из Боки ди-Катаро или сухим путем из Герцеговины.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью честь имею быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Петкович

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2120, л. 125—127. Подлинник.

¹ См. док. 97.

² См. док. 98.

³ После проведения черногорско-турецкой границы в октябре 1858 г. восставшие области — Зубцы, Баяны, Пива, Дробняки и др. — были оставлены в составе Османской империи. Население Баяны, Зубцев и Крушевицы не согласилось с этим и заявило Порте, что рассматривает себя черногорскими подданными. Порта решила силой восстановить там прежний порядок. Дервиш-паша предпринял несколько карательных экспедиций с целью ликвидации местного самоуправления в этих областях. Однако волнения там происходили и в 1859 г. и в 1860 г. (Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении... с. 137).

105

Донесение боснийского вали* о трудностях в подвозе продовольствия турецкому гарнизону крепости Клобук, осажденному повстанцами

14 декабря 1858 г.

'Izzet lu efendim

Klobuk kal'asi civarında tehaşşud eden eşkiya ile muharebe vku 'ile hu muharebede asakir-i nustet-i muessir hazret-i şahane saye-i muvefikiyyet-vaye-i cenab...^{2*} teveccuhle muztarr olarak eşkiya-i merkumenin munhezimen firarları vuku 'bulmuş olduğu telbeşiratinin dair Herseg mutesarri fi se 'adetlu hazretleri tarafından varid olan tahriratin meclisce kiraet ve l'anile edasi meferr ve husn olan re 'aya efzaviş-i umr ve ikbal ve nusret ve şan ve iclal-i hazret-i padişahinin tekrarinin ibtidar olunmak üzere leffen teşyar kılınmış, olduğu beyanile şakka-i...^{2*} terkimine ibtidar kılındı.

8. c. I 75

OIS, VA, N 226/58, Подлинник.

[Перевод

Poštovani gospodine,

Odmetnici koji su se skupili oko tvrđave Klobuk su napadnuti i u ovoj bici uspješna je bila pobjedonosna carska vojska, tako da su se spomenuti odmetnici, nakon što su bili pobijeđeni, razbježali. O ovome je obavijetio časni mutesarif Hercegovine svojim pismom koje je pročitano u medžlisu, a nakon toga je učinjena molitva za duži život, sreću i pobjedu našeg uzvišenog cara. O tome vas ovim obavještavam.

* Адресат неизвестен.

^{2*} Слово неразборчиво.

* Так в тексте.

Донесение Е. Р. Шулепникова российскому посланнику в Константинополе А. Б. Лобанову-Ростовскому о недовольстве христианского и мусульманского населения Боснии действиями Киани-паши и о волнениях в Герцеговине

№ 8

20 января (1 февраля) 1859 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Долгом считаю сообщить вашему сиятельству некоторые сведения о людях, о которых я имел честь упоминать в донесении моем от 23 истекшего декабря за № 218. Между ними три священника, два торговца, из коих один — Меринкович, о коем я доносил г. действительному [тайному] советнику Бутеневу 16 декабря истекшего года за № 216, и два довольно зажиточных поселянина доставлены сюда обманом тузлинским каймакамом Нуреддин-пашой¹. Сей последний, призвав их к себе, объявил им, что они должны ехать в Сараево для слушания будто бы чтения фирмана. Явившись сюда свободно без всякого конвоя, они остановились в хане и на другой день отправились к Киани-паше, который немедленно велел их заковать и заключить в тюрьму. Людям сим не сделано было никакого допроса, а только по масбате, доставленной сюда от каймакама, поверены были их имена, и, кажется, Киани-паша вовсе не намерен исследовать, виноваты ли они в чем действительно, полагаясь совершенно на донесение Нуреддин-паши, не сделавшего им также никакого допроса. Другие священники, находящиеся в тюрьме, сколько я мог узнать стороною, а также и от митрополита Дионисия, содержатся более или менее безвинно; те же из них которые подвластны Зворникской епархии, сделались жертвами интриг тамошнего епископа, по проискам которого отозван в Константинополь митрополит зворникский Агафангел, коего он желал бы заместить в сем сане.

Вашему сиятельству не безызвестно распоряжение Порты, вследствие коего должны отправиться в Константинополь 36 депутатов, из каждого санджака по 6 (3 мусульманина и 3 христианина) для решения там вопроса о третине. Мера сия, вероятно, принятая Портою с намерением ускорить решение этого вопроса, по моему мнению, может только еще более запутать это дело, а между тем вопрос этот о третине есть самый важный и был до сих пор одною из главных причин всех здешних беспорядков и возмущений. Кроме того, отправление депутатов в Константинополь произвело довольно сильное неудовольствие между мусульманскими жителями, видящими в этой мере новую слабость Порты, по их мнению, действующей в этом случае в пользу христиан по настоянию европейских держав. Христиане же также не могут остаться довольными, ибо они ясно видят фанатическое пристрастие Киани-паши, назначившего в мусульманские депутаты известных своею ненавистью к христианам и между прочим Сун-Алла-ефенди, президента уголовной следственной комиссии, человека весьма лукавого и хитрого и особенно отличающегося фанатизмом и враждебными чувствами к нашим единоверцам. Все депутаты должны были быть назначены по выборам, которые, однако же, сколько мне известно, произведены не были, а если где и были, то совершенно по указанию властей.

Не могу не скрыть от вашего сиятельства, что с некоторого времени заметно здесь довольно сильное брожение умов и что при фанатическом и совершенно произвольном управлении Киани-паши в скором времени во всей Боснии может произойти восстание не только христиан, но и мусульман, начинающих также довольно громко выражать свое против него неудовольствие. Восстание сие не может не принять серьезных размеров,

ибо правительство не будет в состоянии подавить его в самом начале, тем более что не имеет в своем распоряжении порядочного регулярного войска, а только 2 батальона редифа, на кои вовсе нельзя положиться. Третьего дня доставлено сюда 2 тысячи ружей, кои привезены из Константинополя в Рагузу на военном пароходе «Силистрия», на коем приехал также и ферик Дервиш-паша, командующий ныне войсками в Герцеговине. Я еще не успел узнать о причине присылки сюда сих орудий.

Прежде чем кончить сие мое донесение, долгом считаю, ваше сиятельство, сказать вам несколько слов и о положении дел в Герцеговине. Находясь в отсутствии из сей провинции слишком три месяца, я, к несчастью, принужден сознаться, что не могу дать вашему сиятельству совершенно удовлетворительного сведения о сей стране. Однако же по слухам довольно положительным, доходящим до меня, а также и по сообщениям, доставленным мне г. Кудрявцевым, имевшим случай собрать некоторые сведения при проезде своем чрез Мостар, я смело могу вас уверить, что дела в Герцеговине находятся в таком же, а может быть и в более критическом положении, чем в Боснии, принимая в соображение, что восстание приняло там уже год тому назад гораздо более серьезные размеры и христианское народонаселение, находясь некоторым образом под влиянием храброй толпы черногорцев, напитано воинственным духом, коего почти вовсе лишены босняки.

Тамошние христиане, находившиеся в довольно продолжительном совершенном восстании против турецкой власти, покорившиеся Кемаль-ефенди, но не положившие оружия, видя, с одной стороны, неисполнение обещаний, им данных, с другой же, возбуждаемые новыми притеснениями, претерпеваемыми ими от турок, намерены если не снова восстать, по крайней мере, сильно защищаться против турок. Отъезд Кемаль-ефенди из Требинья и переселение его в Мостар могут, по моему мнению, быть приписаны отчасти сильному волнению, царствующему между христианами, обитающими южную Герцеговину. В самом деле, положение его в Требинье в последнее время должно было быть нестерпимо. Будучи проникнут чувствами человеколюбия и справедливости, какими глазами мог он смотреть на христиан после торжественных обещаний, им данных, и кои Порты по своему обыкновению медлила до сих пор исполнить!

Турецкое правительство, желая увеличить в Герцеговине число башибузуков, намерено сделать рекрутский набор и между христианами. Говорят, что число христиан будет простираться до 25 тыс. человек, а мусульман до 75 тыс. Так дошли до меня слухи, судя же по народонаселению всей Герцеговины, цифры сии кажутся мне невероятными.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою.

Е. Шулепников

Помета: Recu le 2 février *.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 3—6. Подлинник.

¹ Е. Р. Шулепников писал А. П. Бутеневу 16 (28) декабря 1858 г. о получении сведений из Герцеговины с жалобами на бездействие европейской комиссии по урегулированию волнений, а также об аресте турецкими властями видного представителя православного населения Бвельны Маринковича (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 261—262).

* Получено 2 февраля (фр.).

Донесение Е. Р. Щупеникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о выборах депутатов в Константинополь от православного населения Боснии для решения вопроса о третины и о просьбе сараевских депутатов рекомендовать их российскому послу

№ 22

10 февраля 1859 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Из последнего донесения моего от 27 января сего года, № 13, вашему сиятельству благоугодно было усмотреть между прочим, как избраны были депутаты, отправленные в Константинополь для решения вопроса о третины¹. Перед отъездом их отсюда 4 (16) сего месяца депутаты Сараевского сандака, от наших единоверцев — Матич-кмет и Скерлета, обрабатывающий сам свою землю, были у меня и просили снабдить их рекомендательным письмом к вашему сиятельству. Полагая более осторожным не давать им ничего в руки, что бы могло компрометировать консульство, я отвечал, чтобы они явились в посольство, а что я донесу об их желании вашему сиятельству. Это люди простые, не знающие даже по-турецки, и присутствие их в Константинополе не в состоянии принести никакой существенной пользы для общего дела. Они рассказали мне, как произведены были выборы их в депутаты. Их вытребовали сюда по три человека с каждой нахии, не объявив ни им, ни вообще жителям сандака, зачем их вызывают. Из всех их назначили двоих вышеупомянутых, а остальных, сделав произвольно представителями их единоверцев, заставили приложить пальцы к какой-то бумаге, которую им не прочли, но которая есть, вероятно, не что иное, как полномочие от православных, ничего не знающих. И после этого только объявили избранным, что они едут в Константинополь. Таким же точно образом произведены были выборы и в других округах, и правительство, как кажется, нарочно поставило себе целью назначать со стороны раий представителей, подобных Матичу и Скерлете.

В том же донесении я доводил до сведения вашего сиятельства о деле Периша. Несколько дней тому назад он выпущен из тюрьмы на поруки, но все вещи, захваченные как у него в доме, так и в лавке, оставлены в мехеме, где они и будут находиться в течение года на том основании, что будто бы укрывательство краденых вещей, в котором его обвиняли, было доказано меджлисом, тогда как мне положительно известно, что Периша — человек весьма тихий и почтенный и что подобное обвинение не может быть основательно; то же самое подтверждают митрополит и все торговцы сараевские.

Чрез несколько дней Киаши-паша отправляется в Брод для рассмотрения на месте сделанного Австрии обещания уступить ей северную часть Боснии от Брода до Градаца по течению реки Савы. Предположение это сделано во время проверки границ особой комиссией, где со стороны турок был инженерный генерал Абди-паша.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугой

Е. Щупеников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 24—25 об. Подлинник.

¹ От 7 сандаков Боснии и Герцеговины было избрано 42 депутата, которые 17 марта 1859 г. прибыли в Константинополь. Через месяц туда же прибыли беги, которые 9 июля были ознакомлены с проектом земельной реформы. 27 сентября текст закона был зачитан всем депутатам. Это был известный аграрный закон (так называемая «Саферская наредба»), принятый 12 сентября 1859 г. (см.: Попов Н. А. Положение раий. . . , с. 337—360; Попов В. Аграрно питае. . . , с. 274—285).

Записка П. Чокорило А. П. Толстому о нуждах православных церквей Герцеговины

25 февраля 1859 г.

Славяно-сербы подлежат турецкому владычеству 468 лет. Я был приходским священником под именем Петр Чокорило, а ныне перомонах Проконий, состою при греческом митрополите с исправлением прежнего звания при кафедральной церкви Рождества пресвятые богоматери в главном городе Герцеговины Мостаре.

Места нашей страны гористые, почва весьма твердая и каменистая, которую для посевов нужно измельчивать ломом с большими усилиями, возобновляя труды эти года чрез два; но и при всем том даст она плод скудный. По сим и многим другим причинам народ Герцеговины беден.

Он образования гражданского почти не имеет. Духовным просвещением по безграмотности также не озарен и по темноте своей едва держится в христианстве верою в Иисуса Христа.

Равным образом и состояние внешней церкви в крайнем упадке. Большая часть жителей Герцеговины суть православные славяне. Они находятся в крайнем разорении. Многие церкви и монастыри в Герцеговине страшно пострадали в последнее время от гонителей. Есть в Герцеговине многие места, где православные, живя между иноверцами, не имеют церквей и богослужения, подвергаются искушениям со стороны людей другого исповедания, принимая иное вероисповедание и даже вовсе оставляя христианский путь. Таковых некоторые родители и родственники принимают гостеприимством в свои кривы, но взирают на них, как на отпадших; а другие чуждаются их и вовсе не видят. И те, и другие болеют и сердечной злострядают.

Церквей в Герцеговине 142. Но они нуждаются в священнических облачениях; в них служебные книги крайне ветхи и изорваны; они не имеют в подобающем порядке св. евангелия и вообще Нового Завета, не говоря уже о Ветхом Завете. Священники носят святые дары, завернутые в бумажечки, и сообщают прихожан при исходе душ деревянными ложечками.

Соборная в главном городе Мостаре церковь слишком мала и находится в подземелье; в нее нужно спускаться десятью ступенями. К ней подлежат 5 тысяч прихожан из окрестных селений, отстоящих от 2 до 20 часов ходьбы. Многие беременные женщины от тесноты и духоты в ней выкидывают детей, впадают в сухотку и умирают.

Александр Федорович, г. Гильфердинг, будучи 24-х лет от роду, сперва путешествуя с 1856 г. в нашей стране с ученою целью и для поправления своего здоровья, а потом, будучи консулом в Боснии, пожалел и полюбил наш народ, который, как бы от сна воспрянув, радуясь сообщал друг другу: «Он наш второй Савва».

Савва был первый просветитель и покровитель нашего народа, признанный им мужем, посланным к нему от бога.

Таковым впечатлениям нашего народа вовсе удивляться не следует. Ибо он вообще взирает на Россию и своих единоплеменных и единоверных российских братьев, как на небесных людей, его счастливейших и старших.

Попечением Александра Федоровича я, совершив трудные перевалы верхом на переменных лошадях через высокие горы в течение 15 дней до Белграда, плавание на пароходе в течение 9 суток до Одессы, откуда чрез Киев и Москву прибыл в С. Петербург и милостиво принят высокими благодетелями. Кроме того, 40 отроков наших благодетельно уже призрепы.

Вековые надежды наши сбылись. Вопль наш создателем услышан. Помазанник его, великий монарх всея России, соизволил отечески покровительствовать и славяно-сербский народ.

С высочайшего соизволения его величества благочестивейшего императора Александра Николаевича святейшим правительствующим Синодом выдана мне книга на исполнение пожертвований во всей России с 8 июля 1858 по 6 июля 1859 г.¹

Их высокопреосвященства митрополиты московский Филарет и с. петербургский Григорий лично удостоили меня благословения и щедрых подаваний.

Ваше сиятельство, удостоив меня отличной благосклонности, благодеяний и внимания, повелели мне представить вашему сиятельству на бумаге, чего именно народ Герцеговины желает и просит.

Сиятельный граф! Крайне болезнью сердцем много лет о герцеговинском народе и ревнуя о вечном его счастье, покорнейше прошу от лица его покровительства вашего сиятельства чрез отцов и его высокопревосходительство господина министра внутренних дел возлюбленную, старшую во Христе братию нашу — Россию благочестивыми даяниями их:

1. Соорудить в городе Мостаре соборную, просторную, поверх земли, церковь Рождества пресвятыя богородицы, возвратя по купю или другим способом прилежавшую к ней землю, отобранную умершим Али-пашою Ризван-Беговичем, называемую Пейкоина, шириною 102, а длиною 122 аршина, которою ныне владеет сын его Афиз-паша, живущий в Константинополе.

2. Соорудить в городе Мостаре новую церковь во имя св. Троицы.

3. Соорудить в окрестностях Мостара церкви:

Во имя св. Николая в Дувне.

Во имя св. Дмитрия в Любушом.

Во имя св. вел[икомученицы] Екатерины в Белом Поле.

Во имя Успения пресв[ятой] богородицы в Старой Габелле.

Во имя св. первоверховных апостолов Петра и Павла в Борках.¹

4. Довершить строение большой церкви во имя св. архангела Михаила в городе Фоче.

5. Восстановить разоренные в 1853 и 1858 годах монастыри Косерева и Добрычева во имя Рождества пресв[ятой] богородицы и Успения пресв[ятой] богородицы.

Во имя пресв[ятой] богородицы в Дужи.

Во имя Введения во храм пресв[ятой] богородицы в Завала.

В тех местах небольшие церкви могли бы быть воздвигнуты с самыми незначительными издержками, ибо при непривычке православных герцеговинцев к великолепию в своих храмах и готовности окрестных жителей содействовать сооружению их трудом своих рук на постройку каждой из таких церквей достаточно бы было по 500 руб. [серебром].

6. Пожертвовать во все 155 церквей по одному священническому облачению, одно архиерейское, архимандритское, архиерейское и диаконовское, по одному уставу, все церковные утвари, дарохранительницы, сосуды для освящения воды, хлебов, крещения младенцев, паникадила, кадила, блюда для просфор, сосуды для теплоты, венцы для браком сочетающихся, хоругви, плащаницы со светильниками, пелены на святые престолы, потиры, св. дискос со звездицею, конь, воздух и все, что принадлежит св. потиру. Списки святых икон местных: спасителя (художника Боровиковского) и матери божией с предвечным младенцем вышиною в аршин и более; Тайной Вечери (Леонардо Винчи); образов царских врат (Боровиковского) в меньшем виде из церкви Казанской божией матери и распятия; храмовые и другие иконы; врата царские вышиною в сажень, шириною в полсажени с лучами св. духа, тайнок вечерю над вратами или нерукотворным образом; библии, св. евангелие, страстное евангелие; служебники: архиерейский, священнический, диаконовский; молитвенники; слова Иоанна Златоуста; жития св. отец, последовательный псалтырь, требники, часословы, четьи-миней, триоди, апостолы, служебники светлой седмицы, пентекостары, словом, все книги, потребные для православной церкви на всякое время.

7. Для всех священников по одному малому требнику, полууставу, епитрахили и кресту.

8. Выстроить здания и завести в Мостаре училища, а при каждой приходской церкви школы для напечатления в сердцах обоюбого пола герцеговинского народа евангельского учения и дабы он не переходил по дальнейшему своему непросвещению в иные вероисповедания, для преподавания ему сладостного хвалебного церковного пения, для просвещения ума его словесными науками и для обучения его полезным рукоделиям.

Подробный отчет об употреблении пожертвований будет представлен мною с подлинными расписками святейшему правительствующему Синоду. Извлечение из сего отчета будет опубликовано в «Русских ведомостях» для сведения благочестивых жертвователей, за коих возносились будут теплые молитвы во всех храмах единоверной и единоплеменной Герцеговины: «Да будет едино стадо и один пастырь во всех»².

Вашего сиятельства покорнейший слуга и глубочайше признательнейший герцеговинский перомонах

Проконий Чокорило

Жительство имею в С. Петербурге Московской части 1 квартала в Кузнечном переулке в доме Демидовых под № 10; квартиры № 7 во 2-м этаже, подъезд с улицы.

ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 140, д. 377, л. 2—3. Автограф.

¹ Выписку из определения Синода о разрешении П. Чокорило сбора подаваний в России в течение одного года от 10 марта 1858 г. см.: ЦГИА СССР, ф. 797, II отд., оп. 27, 2 ст., д. 410, л. 8 и об.

² П. Чокорило публиковал призывы о пожертвованиях в пользу православной церкви в ряде русских газет. 31 марта 1859 г. он обратился с просьбой о содействии этой кампании к обер-прокурору Синода А. П. Толстому (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 140, д. 377, л. 5—6 об.). В советских архивах хранятся списки добровольных пожертвований на названные нужды населения и Синода России (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 ст., д. 410, л. 41—42; АВПР, ф. Славянский стол, д. 6668, л. 24—25 об.). Согласно списку, составленному самим П. Чокорило, за период с 28 апреля по 28 июля 1859 г. им было получено от частных лиц денежных пожертвований на сумму 374 руб. (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 ст., 1857—1860 гг., д. 410, л. 50—51). Кроме того, П. Чокорило получил пожертвования на организацию женского училища в Мостаре в размере 1200 руб. (АВПР, ф. Славянский стол, 1859—1863 гг., д. 6677, л. 8). Деньги и церковная утварь поступала в Боснию и Герцеговину также через М. Ф. Раевского, к которому обращались православные общины ряда городов и сел (см., например: АВПР, ф. Славянский стол, д. 3924, л. 5), и через русского консула (например, в 1859 г. церковь и училище в Травнике получили пособие 800 руб. через Е. Р. Щуденникова, см.: АВПР, ф. Славянский стол, д. 6674, л. 2—3). Согласно списку Синода финансовую и иную помощь получили школы и церкви во многих населенных пунктах Боснии и Герцеговины — Високо, Травник, Зеница, Тузла, Жабар, Грачаница, Баня и др. (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 161—162).

Донесение Е. Р. Шулепникова Е. П. Ковалевскому об успешной работе сараевской женской школы

2 марта 1859 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Согласно предписанию вашего превосходительства от 25 июля истекшего года за № 2717 честь имею представить при сем счет расходов, учиненных по 1 февраля сего года в сараевской женской школе, учрежденной на деньги, высочайше пожертвованные ее императорским величеством.

Школа сия учреждена с конца октября месяца прошлого года, и в сие короткое время девушки, в ней учащиеся, сделали видимые неимоверные успехи. Поступив в нее без малейшего образования, без преувеличения, можно сказать, полудикими, почти все они бегло читают как церковную, так и гражданскую печать, многие из них уже весьма порядочно пишут и почти все занимаются разными женскими рукоделиями; все они, изучив главные молитвы, привыкли теперь совершать крестное знамение и молиться богу, о чем они прежде не имели ни малейшего понятия.

Отдавая полную справедливость Стаке Скендеровой как за ее неутомимые труды и за ее совершенно патриотические чувства, так и за удачный выбор привезенной ею из Белграда учительницы Елены Стефановой Нешкович, успевшей своим кротким и привлекательным обхождением приобрести любовь всех учениц и подстрекнуть их тем к более быстрым успехам, долгом считаю довести до сведения вашего превосходительства, что и здешний митрополит Дионисий, совершенно переменявший с некоторого времени свое поведение, видимо и безбоязненно покровительствует сей школе.

Мостарские жители, узнав об учреждении оной в Сараеве, изъявили желание иметь у себя такую же. Я обещал им представить о сем на милостивое благоусмотрение нашего правительства, а между тем велел приискать в Мостаре бедную девочку-сироту, кою и поместил в школу пансионеркой на свой собственный счет. Примеру моему последовали французский вице-консул, платящий теперь за трех пансионеров, и митрополит Дионисий — за одну. Плата за пансионерку положена нами с общего согласия ежегодно по 2000 пиастров*, за каковую сумму они получают в школе учение, квартиру, пищу и одеяние.

Из прилагаемого при сем счета ваше превосходительство изволите усмотреть, что плата за детей весьма незначительна; при том в скором времени Стака Скендерова вынуждена будет вызвать из Белграда еще одну учительницу, тем более, что в нынешнем году число учениц (простирающееся ныне до 70), может быть, удвоится, при скудности же здешних жителей доходы останутся весьма малые.

Принимая все сие в соображение, осмеливаясь просить ваше превосходительство обратить ваш благосклонный взор на все сии обстоятельства и употребить ваше ходатайство о пожертвовании новой суммы по истрате находящейся ныне в руках Скендеровой, а также принять в милостивое внимание усердие, показанное ею и учительнице Еленой Стефановой Нешкович, и истинно пастырское попечение, которое имеет митрополит Дионисий о сем благоугодном заведении. Я нахожусь с ним теперь в самых дружеских сношениях, и было бы весьма полезно для поддержания

* На полях помета: 100 руб.

и подкрепления оных, если бы я мог передать ему какую-нибудь всемилоштивейшую награду, которую он теперь вполне заслуживает.

Через несколько месяцев будет в школе экзамен, и тогда я буду в состоянии дать еще лучший отчет об успехах находящихся в ней учениц, причем не премину представить и счет расходов.

С отличным почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугой

Е. Шулепников

АВПР, ф. Славянский стол, д. 6668, л. 16—18. Подлинник.

Донесение К. Д. Петковича российскому послу в Вене В. П. Балабину об участии в работе черногорской скупщины старейшин герцеговинских областей

№ 69

10(22) марта 1859 г. Рагуза

Милостивый государь Виктор Петрович!

Донесением моим от 4 (16) сего месяца за № 64 я имел честь между прочим довести до сведения вашего превосходительства, что 1 (13)-го того же месяца была скупщина в Цетине.

Ныне я извещился, что на этой скупщине присутствовали старшины зубчан, крушевичан, банян, Пивы и Дробняка, следовательно, не черногорские подданные, а начальники соседственных герцеговинских округов, находящихся в восстании. Было в Цетине также несколько человек из Захолмских или Нижних Васоевичей. Мне пишут, что князь Даниил обещал им при этом дать помощь на случай, если бы турки их атаковали, и советовал обратиться к комиссарам, которые имеют провести черногорскую границу, и просить о подтверждении им права управляться самим без вмешательства турок, платя Порте то, что следует.

Если бы удалось этим племенам достигнуть мирным путем такового желания, то можно было бы надеяться на весьма благодетельные последствия сколько для герцеговинцев, столько и для самой Черногории, ибо получением внутреннего управления без вмешательства турецких властей округи эти сделались бы как бы нейтральною землею между черногорцами и турками, не было бы больше непосредственного соприкосновения между ними, от чего происходят постоянные раздоры и столкновения. А черногорцы, кроме пограничного спокойствия, приобрели бы силу еще в том, что эти племена de facto составляли бы часть Черногории и, стремясь постоянно к совершенному слиянию, были бы для нее не без особенного важного значения при случае опасности со стороны Турции.

Работы по укреплениям в Гравозе и Боки-ди-Каттаро продолжаются даже по воскресеньям; некоторые батареи в Гравозе уже окончены и вооружаются пушками из здешнего арсенала. Императорский форт (forte imperiale), построенный на горе, которая господствует над Рагузою и предместиями, тоже вооружается артиллериею. Ежедневно почти приходят в Гравозу или в Боки-ди-Каттаро пароходы австрийского Ллойда, таща за собою мелкие суда с военными снарядами и строевым материалом¹.

Новый губернатор Далмации генерал-лейтенант Марциани на пути отсюда в Каттаро высадился со свитою в старую Рагузу и продолжал свой путь до Кастель-Нова сухим путем для того, чтобы осмотреть долину Ко-навля и Суторину.

С глубоким почтением и неограниченной преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

АВПР, ГА V-A₂, д. 719, л. 51—52 об. Автограф.

К. Петкович

¹ Укрепление побережья австрийскими властями проводилось в преддверии австро-итало-французской войны, начавшейся в апреле 1859 г.

111

Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о проекте изменения порядка уплаты налогов в Боснии и Герцеговине и об опасениях населения Посавины в связи с отправкой участников восстания в Константинополь

№ 35

17 (29) марта 1859 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

На пути своем в Мостар г. Безобразов встретил депутатов Герцеговины, отправлявшихся в Сараево по требованию Киани-пашою для приведения в исполнение предположенного им соединения косвенных податей (русумат) с государственными налогами (вирги). Из разговоров своих с некоторыми из этих депутатов г. Безобразов заметил, что высказывается неудовольствие на подобную меру и готовность противиться ей как в мусульманах, так равно и в христианах, и сообщил мне об этом из Мостара. Французский вице-консул, к которому я обратился за объяснениями, сообщил мне, что мера сия после некоторого сопротивления со стороны депутатов была ими принята и что они уже возвратились в Герцеговину. Сведения эти оказались весьма различными с привезенными г. Безобразовым известиями из Мостара, где он виделся с некоторыми из депутатов, жаловавшимися ему на оказанные им Киани-пашею настойчивые и резкие требования согласия. Я счел нужным собрать более положительные сведения по сему предмету и теперь спешу донести вашему сиятельству сообщенное мне Хаджи Ферид-эфендием, комиссаром Министерства финансов для устройства в Боснии и Герцеговине сбора и платежа податей и налогов, не давая их на откуп, как то было прежде.

До настоящего времени как подати косвенные, так и налоги сдавались с откупа, и вашему сиятельству известно, как много вреда приносила подобная система не только для благосостояния края, но и для выгоды правительства в руках откупщиков, заботившихся единственно о личном своем обогащении. Порта, слыша постоянные жалобы жителей, страдавших при своевольных и необузданных поступках откупщиков, решила изменить этот образ сбора податей, уничтожив откупа и поручив производить сборы эти своим чиновникам, находившимся под ведомством дефтердара. При этом возник вопрос о косвенных податях, вследствие которого Киани-пашою предложено было соединить их с налогами, распределив поровну на всех жителей как христиан, так и мусульман. По мнению паши, этим значительно уменьшались затруднения, происходившие от множества мелких разного рода податей. Но, с другой стороны, подобное соединение податей с прямыми налогами, будучи распределено на все народонаселение области и обращенное в государственную повинность, не могло не быть слишком обременительным для жителей, которые решительно отказали в согласии своем на подобную меру, несмотря на угрозы вали. Между тем с предположением Киани-паши Хаджи Ферид-эфенди

еще прежде предложил другой проект, который, будучи утвержден Портою для Травнического каймакамлика, послужит образцом и для всей Боснии и Герцеговины. Вследствие ираде, утверждающего этот новый способ уплаты косвенных налогов, сделано, по моему мнению, значительное облегчение для жителей. Некоторые подати, как-то — подать за музыку во время рамазана и байрама (зугурие), плата за место на рынках и заставочные — уничтожены совершенно. Общая же система нового порядка — плата подати только производителями. Так, например, подати: хамрие — за водку, шарабие — за вино и казганье — за винокурни, распределены следующим образом: сумма этой подати, означенная в списке Мадие, равняется 9 тыс. кесе *; из них 3 тыс.^{2*} распределены будут из всех продавцов вина или иначе на все мейгеде^{3*} — винные лавочки. Остальные же 6 тыс.^{4*} будут распределены на производителей крепких напитков по 3 % на 100 ок выкуреного вина. Что же касается других податей, как-то: весов, табаку, кофе и тому подобное, то они падут также на производителей, равно как и подати со скота. Подобного рода система, если только она будет добросовестно приведена в исполнение, положит конец постоянным мелким недоимкам, доставляя верный и положительный доход правительству и облегчая сбыт произведений страны.

При сем долгом считаю донести вашему сиятельству, что несколько времени тому назад здесь распространился слух об отправлении в Константинополь новой партии содержащихся здесь христиан; следствием этого был панический страх, овладевший нашими единоверцами, которые видят в подобных мерах возобновление обычая правительства, переселявшего во время беспорядков между мусульманами целые семейства в другие области. На замечания, делаемые по сему поводу Киани-паше, он дает почувствовать, что поступает так по распоряжению Порты относительно политических преступников, как называют посавинцев и других, хотя, как я уже доносил о том г. действительному тайному советнику Бутеневу по случаю последних волнений в Посавине, волнения эти большей частью почти совершенно вымышленные¹. Посавинцы подали мне прошение от целой области своей, в котором просят меня ходатайствовать перед вашим сиятельством о воспрепятствовании подобного переселения, ибо большая часть содержащихся здесь вполне невинны и притом оставляют семейства свои в крайней нищете и без всяких средств к пропитанию.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою Е. Шулепников.

Р. S. Сейчас приходил ко мне с прощальным визитом секретарь Абди-паши, инженерного генерала, Бедри-бей, отправляющийся послезавтра в Константинополь вследствие вызова великого визиря для участия в комиссии по делу о третине. Бедри-бей, бывший здесь очевидцем всех последних событий и притом человек, по-видимому, благонамеренный, может доставить довольно подробные и верные сведения Порте о положении дел в Боснии, почему я и счел нужным донести об его отъезде вашему сиятельству.

Е. Шулепников

Пометы: Получ[ено] 31 марта. Rep[ondu] le 6 avril 1859, N 130^{5*}.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 43—46. Подлинник.

¹ См. донесение Е. Р. Шулепникова А. П. Бутеневу от 11 (23) ноября 1858 г. № 206 (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2322, л. 252—254).

* На полях помета: 4 500 000 p[iastres].

^{2*} На полях помета: 4 500 000 p[iastres].

^{3*} На полях помета: cabaret.

^{4*} На полях помета: 3 millions p[iastres].

^{5*} Ответ 6 апреля 1859 г. (фр.).

Отношение И. М. Толстого А. П. Толстому о возможности награждения сеницкого протоиерея И. Поповича золотым крестом

№ 906

18 марта 1859 г.

Православные жители Сеницкой нахии в Боснии обратились к государыне императрице Марии Александровне с письмом, в котором между прочим просят о награждении их протоиерея и старшины Илии Поповича за усердие его в пользу православия и услуги, оказанные им при построении церкви и училища, каким-либо знаком монаршего благоволения.

Государь император, узнав о сем ходатайстве сеницких жителей, высочайше повелеть соизволил, чтобы Министерство иностранных дел предвзительно вошло в сношение с святаейшим Синодом о том, не найдет ли оный препятствия к награждению упомянутого протоиерея Илии Поповича золотым наперсным крестом¹.

Вследствие сего обращаюсь к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою почтить меня вашим, милостивый государь, отзывом по сему делу.

Товарищ министра Н. Толстой
Директор генерал-майор Ковалевский

ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 29, II отд., 2 ст., д. 331, л. 1 и об. Подлинник.

¹ Золотой крест был пожалован И. Поповичу указом Александра II от 16 мая 1859 г. (АВПР, ф. ГА I-1, д. 35, л. 38).

Донесение Е. Р. Шулепникова Е. П. Ковалевскому об успешной деятельности православного духовного училища в монастыре Житомирском

№ 39

19 марта 1859 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Донесением моим от 25 октября 1858 г., № 196, я имел честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства об открытии духовной школы в монастыре Житомирском близ Мостара¹. Пользуясь командировкой г. Безобразова в Мостар, я поручил ему лично наблюдать за положением школы и за степенью успехов, оказанных ее воспитанниками, содержащимися по большей части на высочайше пожалованную государем императором ежегодную сумму. Ныне г. Безобразов, возвращаясь из Мостара, доставил мне самые удовлетворительные сведения, о которых я поставлю себе непременною обязанностью донести вашему превосходительству. Учащихся в школе семеро, из коих шестеро на счет дарованной государем императором суммы. В короткое время воспитанники эти, дети бедных священников или сироты, поступившие в школу, не умея читать, сделали весьма большие успехи, вполне говорящие в пользу заботливости и неутомимого усердия начальников и преподавателей этой школы игумена монастыря о. Серафима и о. Никифора. Все воспитанники не только

свободно и правильно читают и пишут, но знают весьма отчетливо св[ященную] историю, катехизис, 1-ю часть грамматики сербского языка и первые правила арифметики. Кроме того, так как они готовятся к священническому или монашескому званию, им преподается круг церковный и церковное пение. Вообще можно надеяться, что продолжая идти так счастливо, школа эта доставит чрез несколько лет достойных и просвещенных пастырей церквам Герцеговины. К сожалению, монастырь при всем желании своем, находясь в большой бедности, не может увеличить числа воспитанников, не имея для содержания школы других средств, кроме высочайше дарованных его императорским величеством.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

Е. Шулепников

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 801, л. 44—45. Подлинник.

¹ См. док. 101.

Письмо драгомана австрийского консульства в Мостаре М. М. Елича А. Ф. Гильфердингу о положении в Боснии и Герцеговине

22 марта (3 апреля) 1859 г. Мостар

Высокоблагородный милостивый государь!

По отсутствию его высокоблагородия, милостивый государь, не могах се обуздать мучанем да вам штогод не спробштим од ових жалости достойних по раю страна Босне и Херцеговине*, и после отшетствия его благородия господина Ионнина^{2*}. Отшествие ваше проузроковало свим Сербима жалость велику, а особито пак селяцима од коих за дуго време слушао сам говорити: «Хей леле! Отиде нам наша сиромашка майка!» Но я их утешавам говорећи им: не мыслите, неће он вас заборавити, испросит не он нешто лицепо за вас код свепресветлейшега великога царя православия, само малко потерпите.

Преходеће године случившаја се буна у окупираним Краини и Посавини босанске међу раиом и Турцима кои као хишници нападаху. Раја у почетку те буне са свим тим што е лишена была оружја и проче потребе нуждне за такова приключения ипак надычавала е Турке, добро оружане и снабдене са свом потребом. Али Панин-паша не сматрајући (као тобож словесный човек) на неправду бегова, агах и спахиях кои на ту бедну рају тирански и свирепо поступаху и са сваким злом на ню безчеловечно нападаху отимајући до најпоследнег зерница жита, указом дозволи свакому Турчину ићи оружием у рукама на ню тамо гди и сам с неколико хиљада низама (регулаши) поје. Овако от свию странах сваког реда и рода Турцы нападаше величайшом множином на ту жалостну рају скрежетајући на ню зубима, називаху ю Москов — Ђаур. Неколико хиљадах те бедне рае што мога побегне преко воде у Аустрију, а неколико што, мога разбежа се по шуми кроз плавине, а оно што не мога никуд буде жалостина и ядовита жертва кровожаждущим зверовом подобних Тураках кои све мужско и женско, да што пошт више плача достойно, дечицу малену к небу бацајући на свое ятагане (велике ножеве) дочекаваху, дечицу

* Так в тексте.

^{2*} В. С. Ионин.

из утробах матерних и ножеве свое ваѣху, и овако ове под меч ^{3*} окре-
нуше; куће, житнице и све што е было непокретно попалише и разурише,
стада овацах, волова и коня пленише, пак и ово им не бы доста, но иошт
несправедливый Ђанин-паша от мирне рае на стотине похватаи, међу
коима и много священниках, све православног нашег закона и у тамницу
затворити даде, от коих поглавити е посла у Царыграду султану за знак
славне победе одержане над ђаурима, а от остальных нешто е померло и
нешто иошт кроз темнице тужи с издыхан ем при концу бедног свога жи-
вота. И несть списая! Это, што се урадило после вашего отсутствия
у Босни. Сада е тобож мирно.

У Херцеговини пак дошо е ферик Дервиш-паша кои е родом из Бол-
гарие, за коега, кад опазити отметнувшая се рая: Зубцы и сва села с Сутори-
ном при мореузу Боке Которске, Банини, часть Пиве и Дробняцы (будући
да е овај Дервиш-паша с своим войском, године рата сердар-екрем Омер-
пашина на Церну гору, био на Грахово код Требиня и тамо на превару
заробио войводу от Грахова с свом его фамилиом и 72 Граховлянина от
коих само Анто, сын покойного войводе с супругом и матером с еданаест
людинх, живи повраћени буду, а други сви по темницама биени топу-
зима, помру, покойног войводу баце низ высокую стену градића Клобука
близу Требиня, и тамо сконча се) кои угледавши да е онај летец кои е при-
бе на Грахово долазио иошт се већма разяре тако да от Порте Отманске ко-
нечно прекину и наймано точку надежде о будућем поболшанию. Они
међусобом кровию закуну се да се до найпоследне капли крови свое от Ту-
рака бране, не надаюћи им се више ни на одну державу европейску зато
што су чули да су остали у подданству турецком ослонили на г[оспо]да
бога и с[на]са нашего Иисуса Христа и на славу велику Русию на кою
се спромаси надаю да их до конца испустити неће.

У Херцеговини е рая сасвим пала и као тело без душе лежи, но са
свим тим Дервиш-паша дошавший овди у Мостару не застыди се сазвати
на своје совету митрополита херцеговскога Григорию и бискупа западне
цркве Баришића с неколико избраних торговаца из Мостара, и скупивши
им се на том совету (медлис) Дервиш-паша рече им: «Рая Херцеговине
окаляна е неверством и отступством код нашего милостивого султана,
«пак за то сад е време настало да се вы от того кала очистите и пред султа-
ном светли и паче всех вернейши покажете, а то би се исполнило онда кад бы
вы без икакве плате оружия се примили и с нама заедно на бунтовнике
братскии се борили и с нама заедно их султану нашему покорили. Што
се тиче плате, имате пешак по одну оку хлеба на дан, а коньик по одну
оку хлеба и четыре оке сена и три оке жита, а и то да кад бы се храна зака-
сила за три-четыре дана да се не бы нитко покушао таковых дана за храну
плату истраживати ербо вам бы код султана велика срамота была».

Нитко ту от рае проговорити смео ние до господина бискупа Баришића
кои рече: Не бы право било раю на войску водити будући да рая на себе
плаћа новцями аскерию (войнину). Но Дервиш-паша на то отговори:
рая плаћа за то да у солдате не иде, а ова ствар тиче се за свеобщу
корысть ербо от ово мало айдукх сви вообще страдамо терпели зла и штете
велике. Дакле, кад се мы сви единодушно на войску дигнемо бунтовницы
ће се, може быт, поплашити и настояли бы, може быт, молбом да се пре-
даду. А ако ли предати се на буду хтели онда ћемо с ними силом оружия
нашего поступити и ных султановой власти силом подложити.

Овако на овом уставу жалостна рая не смеде се отговорити, но молча-
нием засведочи, како оно пословица каже: тко мучи, он подтверждава.

^{3*} Так в тексте, следует: меч.

Сербский повстанец, Боснийский поп, Герцеговинская крестьянка

Боснийские женщины. Любичич, вожь восстания в Герцеговине. Пандуры

Герцеговинские райя

Турецкие беги

Вид старого Мостара

Турецкие башибузуки

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГ

Е. Р. ЖУЛЕПНИКОВ

А. Н. БУТЕНЕВ

17 (29) января с. г. Дервиш-паша изиде да разгледа и расмотри по странама близ бунтовниках како му се треба владати с войском, по до-
ставши у Невесине (гди сад зидаю Турцы на верху еднога берда одну малу
твердиню) шест саата далеко от Мостара к востоку уразуме ту да ће от
бунтовниках заклетих нападен быти и свою главу изгубити, чрез кое
сутрадан т. е. 18 (30) петог месеца января 1859 года врати се натраг
у Мостару.

20 (1) февруариа херцеговский губернатор мутесариф Васиф-паша
по навету ^{4*} ферик Дервиш-паше скупио на совет (мецлис) митрополита
херцеговског Григорию, бискупа римског Рафаила Баринића и неко-
лико трговаца силом на тай мецлис доведена да се подпишу у мазбати
(решителна сентенца совета) како султанова войска која се находи овди
у Мостару подноси се мирна и тиха, баш како треба. Но трговцы сум-
няюти се не знаюти турский ни читати, ни говорити да у той мазбати не
буде уписано за сву войску султанову, т. е. регулярну и нерегулярну,
коя е по селима кроз Херцеговину различных зала, као: убиства, оти-
мания, биения и женама усилования бедной раии и овим подобним безделияма
починила и чини непрерывно. Чрез кое ових данах не могути више под-
носити овакови тегобах и ругобах христиани бедни у окружию от Гацка
скупившим им се хтедоше доћи код овог мутесарифа Васиф-паше на тужбу.
Но тамошний Яхя-паша и мудир у договору за такову продержливість
те бедне рае ове избише, ове разтераше, а два священника с 30 и више
люди под стражом с единым писмом у коему препоручуе Дервиш-паша
да бы право и добро было, за страх и пример другим ове два священника
с своим дружеством обезглавити коварством, да су тобож держали между-
собно соответствование с Банянима, Зубцыма и прочим бунтовницама,
кое зло от них и учинити хоћаху да се Темал-ефендия, великий комисар
султанов, не намери овди у Мостару, кои испитавших, после 4 5 дана
отпусти их вратиле се к своим кућама. Но суетно от их намерения ербо
им никакве ауденции не даде и обустави овди у Мостару попа Богдана
Зимоњића с два кнеза, т. е. поглавара, за то што они дволично посту-
паху, т. е. бяху у договору христианима, тужити се на Яхя-пашу и мудира
и на сав мецлис от Гацка и на остале Турке подписавши се с христианима
у молбено писмо тайно от Турака, а с друге стране с Турцыма у мазбату
против христиана да су у согласию с бунтовницама. Овако кроз бедна села
терпећи и тугуюти, и ако кроз вароше с миром се живи не сматраюти граж-
дани на бедне селяке или силом или добром вољом подписаше се.

Ових данах дође заповед от правительства турског из Царыграда да
тамо поју от сваког вероисповедания по два избрана от свог народа чо-
века из Херцеговине и Босне. Но овди Турцы напротив представиле на-
роду да се позиваю по двоица, т. е. два Турчина, кои свое земље и добра не
покретна имаю, два христианина селяка кои су наемницы, кои ништа
свога не имаю и два латинина такоер наемницы. Дакле отидоше преко
ючер от Турака Хаци Ибрахим Драче из Мостара и Мехмед-бег из Поч-
теля зовомый ^{5*} Гавран капетан, а от христианах обоих вероисповеданиях
из Дувна два бедака земљедельца и от Приполя едан.

Ядна ова дваю вероисповедания рая знаюти да се забранило свим кон-
сулима свию державах европейских мешати се или у чему-нибудь помагати
пой пред пашама и субашама сад грозно тужи и говори: кад мы не будемо
у Царыграду имали ни найманег наслона, подноре, ни узданице код
министра европейских державах, каковом храбростию и дерзновением мо-
жемо исповедити толика неизброена зла и пакости што су нам Турцы по-

^{4*} Так в тексте, следует; по совету.

^{5*} Так в тексте, следует; звали.

чинили! Кад мы овди не смею пред овим Турцма кои су много мавьши от оних онамо у Царыграду кои знаду заплаквати и очи заслепљати свои словесно Европи коя их держи за наибольши и наипоштенни народ на овом свету називаюши их незлобним будалама мыслии да мы сви у Турской врло добро и богато уживаю. Што ћемо мы отговорити кад бы нас питало Турско правительство у Царыграду: е ли вам добро, или ние? То се зна да нам треба отговорити страхом и трепетом: добро нам е у цареву здравле. Имате ли от кога зулума (сваког реда угнетаваня)? То се зна да нам треба отговорити: немамо никаква зулума у цареву здравле. Ерго ако бысмо рекли и исповедили све право онда не само што нам не бы Турцы у Царыграду веровали но и шот к тому под крайну ненависть упали бысмо а оттуда овамо у Херцеговини никад се вратити смели не бысмо, а и шот, међутим, кад бы, страха ради, други комисари от рае христианске с мазбатов у Царыград дошли и све оно испровергли што бы перви право представили тад бы перви комисари до смерти на робию предани были. Ето се ясно види да морамо силом молчати и великом невољом све тяготе терпеливо сносити и до века у овом робству пребывати.

Вашему высокоблагородию, милостивый государь, врло добро е познато жалостно стане христианах у ове стране потому што сте трудолюбиво шетаюши обилии свуда, раздаюши богате милостыне нищим и убогим, разсматраюши све сте вашим благоразумием истражили, испитали и точно познали и разумели, ние нужно вам о тому што неведати. А из вишенаведенных примерах ясно се види у каквой су невољи сви вообще христиани у ове стране лишени сваког добра и доброг воспитания, нити училища добра имаду ни учителей, нити новаца ни разумных управителей, по градова живущи, и ако уживаю штогод мирные и боле него ли по селима, и ови опет из глузости невежия свога после Турака представляю се тужним селяцма као да би некакво первенство над нима имали. Ето, милостивый государь, у каквой слепоти живи сербский овдашний народ!

Турский милитари имаю овди у Мостару шест топова [малых кое по едан мазга носит может и шест великих. У свой Херцеговини има войска милитарске около дванаест табора (батальона) кои едва износе седам хиляда люди милитара и около две хиляде люди арнаута и прочих башибозуках (нерегулярных). Сва ова войска очекива дан по дан заповед из Царыграда да бы воевала с Зубцыма, Банянима, Пивляницами и Дробляцма кои опазивши да су их европейске силе оставиле под владом турском крепко се надаю жестокой освети турске погибели на Граховцу, решительно отважили су се пасти оружием у рукама на бойно поприще сви до одного нежели се слишо предати Турцма на жертву ниховог беснила. Свех ових бедных Сербх едва излази от три до четири хиляде людих способных за бой.]

По милости вашего в[ысокого] благородия и по пространству разума вашего надат ми се требуе да ћете ово на благо разсуждение примити ако буде могуће ово преправлено кровопротитие икаквим поводом и начинном сусрести!

Милостивый государь! Ваше к меня любско снисходительство побудило е у меня неограничену желю к привержению в[ашего] в[ысокого] благородия чрез кое усудю сам се дерзновенно ово мало новости о жалостном станю народа овог вама сприобщити, кое, ако вам повольно буде, обещавам се за унапредок точные и обширные по реду описивати и боле истраживати ствари како иду кое по изобилию пространства вами от бога одареного разума сами вы без мое слабе помощи лучше и боле постићи и дознати можете.

Моем свеунижепокорнейшим поклоном примите любезный поздрав и уверени будите о моёй к вашему в[ысокому] б[лагородию] желаемой привержености називати ми се вашего высокоблагородия, милостивый государь, свеунижепокорнейший слуга

Марко Маркович Елић, драгоман

АВПР, ф. ГА V-A₂, б. 609, л. 5—9. Автограф.

115

Предписание А. М. Горчакова А. Б. Лобанову-Ростовскому добиваться от Порты улучшения положения христианских подданных Османской империи

18 мая 1859 г.

Vos dernières dépêches reçues à St-Petersbourg portent la date du 9 (21) mai.

Je vous envoie quelques pièces pour votre information personnelle.

Je n'ai rien à ajouter aux directions que je vous ai adressées en dernier lieu, d'ordre de sa majesté l'empereur.

Fortifier la confiance renaissante de la Porte, l'engager à user de circonspection et de bienveillance à l'égard de ses sujets chrétiens, la détourner de toute mesure précipitée, lui fournir la preuve de nos efforts incessants pour calmer l'agitation qui existe dans diverses contrées de la Turquie d'Europe, telle est la tâche qui continue à être la votre.

Les ministres du sultan doivent s'être convaincus que c'est aujourd'hui un moment bien critique pour la Porte; dites leur qu'ils rencontreront de la part de notre auguste maître un appui bienveillant pour traverser cette crise, mais qu'en retour, nous comptons fermement que le gouvernement Ottoman ne procédera à aucune mesure de nature à froisser nos sentiments religieux et les préceptes de l'humanité.

Ce n'est pas dans la force matérielle que git le salut de la Porte. C'est dans le choix des gouvernements en qui elle placera sa confiance, c'est surtout, dans nos efforts, aujourd'hui combinés avec ceux de la France, pour calmer une exaspération produite par de longues souffrances et excitée par les événements qui se passent en Europe.

Si les populations chrétiennes de races diverses se persuadent que la Russie et la France, dont les sympathies leur sont connues, verraient avec regret toute tentative de soulèvement, et nous travaillons assidûment à leur inspirer cette persuasion, elles se résigneront plus facilement à la patience, surtout lorsque, d'un autre côté, elles verraient que le gouvernement Ottoman veille efficacement au maintien de leurs droits et à la protection de leurs intérêts.

La Porte a fait l'essai d'un système de défiance à notre égard. Nous abandonnons aux hommes d'état Ottoman de définir eux-mêmes le bénéfice que le sultan en a retiré. Elle paraît vouloir faire aujourd'hui l'essai du système opposé. Qu'elle y apporte de la loyauté et de la persévérance, et elle ne tardera pas à se convaincre de la direction où ses intérêts seront mieux servis.

Recevez etc. etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему. АВПР, ф. Канцелярия, 1859 г., д. 46, л. 257—258 об. Оттиск.

Последние донесения ваши, полученные в С.-Петербурге, датированы 9 (21) мая. Направляем вам несколько документов для вашего личного сведения.

Мне нечего добавить к указаниям, которые я адресовал вам в последнее время по повелению его императорского величества.

Укреплять возрождающееся доверие Порты, побуждать ее к проявлению осмотрительности и благожелательности по отношению к ее подданным-христианам, отговаривать ее от любых скоропалительных мер, давать ей доказательства наших непрестанных усилий, направленных на то, чтобы унять беспокойство, существующее в различных областях европейской Турции — вот что остается вашей задачей.

Министры султана должны проникнуться убеждением, что именно настоящий момент является весьма критическим для Порты; скажите им, что в преодолении этого кризиса они встретят благожелательную поддержку нашего августейшего повелителя, но взамен мы твердо рассчитываем, что османское правительство не предпримет ничего, что могло бы задеть наши религиозные чувства и принципы гуманности.

Спасение Порты вовсе не в материальной силе. Оно — в выборе ею правительства, которым она доверится, и, главным образом, в наших, ныне совместных с Францией, усилиях, направленных на смягчение ожесточения, порожденного долгими страданиями и воодушевляемого событиями, происходящими в Европе. Если бы христианские народы разных национальностей убедились, что Россия и Франция, чьи симпатии им известны, с сожалением встретят любую попытку к восстанию, а мы приложили бы все усилия, чтобы внушить им такую убежденность, они легче смирились бы с необходимостью терпеть, особенно если бы, с другой стороны, увидели, что османское правительство действительно заботится о сохранении их прав и охране их интересов.

Порта попыталась проводить по отношению к нам политику недоверия. Мы предоставляем государственным мужам Османской империи самим судить о том, какую выгоду извлек из нее султан. Теперь, кажется, она желает сделать попытку проведения противоположной политики. Если она будет следовать ей честно и последовательно, она не замедлит убедиться в руководстве, в большей степени отвечающем ее интересам.

Примите. . .

116

*Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому
об отказе жителей Зубцов, Банян и Пивы сложить оружие
и об усилении турецких войск в Герцеговине*

№ 65

2 (14) июня 1859 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Донесением моим от 14 мая сего года, № 59, я имел честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства сведения, доставленные мне г. Безобразовым из Мостара¹. Ныне г. Безобразов, возвратившийся несколько дней тому назад в Сараево, пополнил свои известия некоторыми позднейшими собранными сведениями и сообщил мне свои наблюдения о положении дел в Герцеговине.

Как уже известно вашему сиятельству, Дервиш-паша пред выступлением своим из Мостара в Билеч отправлял гонцов к восставшим райям с письмами от себя и митрополита, предлагая единоверцам нашим всеобщую амнистию, если они добровольно возвратятся в оставленные ими жилища. Так, к зубчанам послан был Петр Кулена, в монастырь Косиерово близ Банян — Коста Ковачевич, в монастырь Пиву — Ристан Таушан, который в 3-х часах от Мостара под Бигшеном близ Благой был оста-

новлен восставшими и должен был возвратиться в Мостар. Ответы, доставленные посланными Дервиш-паше, почти все одинакового содержания: восставшие объявляют себя верными подданными султана, восставшими против притеснений и злоупотреблений пашей и местных властей, видя, что их просьбы и жалобы остаются без всякого последствия. Лука Вукалович же приказал сказать паше, что он никогда не сдастся ему, помня его еще со времен Омер-паши и зная, что на его обещания нельзя полагаться. Видя, что его попытка покончить дело миролюбивым образом не удалась, Дервиш-паша обратился к противоположным средствам и начал жечь опустелые села. Выступив из Мостара 10 мая, до 24-го он оставался в совершенном бездействии в своем лагере при Билече и занимался стягиванием туда всех сил, которыми он мог располагать, требуя между тем беспрерывно присылки новых войск, денег и провианта из Константинополя. Между тем вся восточная и юго-восточная часть Герцеговины от Невесињи до Пивы открыто отказалась повиноваться, и толпы вооруженных райй начали нападать и отбивать обозы провианта, идущие в лагерь и другие места. Крепостца Клобук, окруженная христианами, угрожала сдаться, если ей не доставят припасов, и Дервиш-паша решился, наконец, в ночь с 21 на 22 мая отправить бригадного генерала Махмуд-пашу с 3½ батальонами и около 2 тыс. башибузуков доставить провиант в Клобук. При приближении низама к Клобуку христиане после нескольких выстрелов начали отступать в горы, видимо с целью завлечь на более знакомую им почву турок, которые бросились было за ними, но вскоре возвратились на свою прежнюю позицию, откуда передали провиант и усилили гарнизон крепости, равняющийся теперь 60 человекам. Отступая к лагерю, Махмуд-паша оставил в горах на пути к Клобуку около 300 человек, сделав небольшое земляное укрепление. Потеря в этом деле весьма незначительна как с той, так и с другой стороны, как мог убедиться г. Безобразов, официально спрашивавший Васиф-пашу, из донесения Дервиш-паши. Кроме того, была еще незначительная стычка близ Банян. Дервиш-паша, желая восстановить бодрость в войске и мусульманском народонаселении провинции, придал этому незначительному делу весьма большую важность, а в Мостаре известие это обнародовано со всем возможным торжеством тотчас по прибытии туда явера Дервиш-паши. Из донесения Дервиш-паши г. Безобразов убедился ясно, что черногорцы не принимали ни малейшего участия до сих пор во всех смутах в Герцеговине, несмотря на то, что, по словам австрийских агентов в Мостаре и Требинье, черногорцы замешаны во всех действиях восставших. Число башибузуков постепенно увеличивается и, по словам Васиф-паши, они желают довести число это до 10 тыс. Дервиш-паша требовал 300 больших и малых знамен для башибузуков и в Требинье начал брать в число нерегулярных и христиан.

Вообще действия Дервиш-паши далеки от того, чтобы водворить спокойствие не только между христианским народонаселением Герцеговины, но и среди мусульман. Последние помнят очень свежо еще прошлогоднее поражение низама и башибузуков, и как войско, так и башибузуки идут весьма неохотно, тем более, что войско не получило жалования за несколько месяцев и башибузукам не заплачено было еще и за их прошлогоднюю экспедицию. Христиане же, подозреваемые в сношениях с восставшими, беспрерывно подвергаются разнообразным притеснениям и, конечно, подобная система не может привлечь их на сторону турок.

Военные силы, которыми располагает Дервиш-паша, состоят из 5 батальонов, расположенных лагерем при Билече, одного батальона в Требинье, одного в Гацко и одного в Невесиње; кроме того, по словам местных властей, из 5 тыс. башибузуков. Сверх того ожидают в Герцеговину еще

2 батальона из Константинополя, которые должны были высадиться в Клеке вместе с провiantом и военными снарядами, и один батальон из Боснии; так что все военные силы в Герцеговине будут простираются до 11 батальонов низама или около 8800 человек и 5 тысяч башибузуков.

Что же касается беспрерывно повторяемых жалоб на митрополита всей православной общины мостарской и жителей окрестных деревень, то г. Безобразов, которому поручено было мною удостовериться на месте в степени справедливости жалоб этих, вполне убедился в их основательности. Митрополит Григорий, позволяя себе всякие противозаконные поступки, до того восстановил против себя всех единоверцев наших, что ни один из них не обращается более к нему, встречая постоянно отказ. Лишенный с усиливающимся постепенно восстанием всех средств к своему содержанию, митрополит принял систему торговать местами приходских священников [в] нациях, еще не отложившихся от него, и, продав приход одному священнику, чрез несколько времени перепродает его другому, отнимая его без всякой законной причины у первого, а в случае неудобства за то жителей угрожает им оставить их без священника. Кроме того, задолжав кругом, он не уплачивает ни своих, ни принятых им на себя долгов предшественника его митрополита Иосифа, так что многие из его заимодавцев, в числе которых есть несколько мусульман, подают его векселя ко взысканию и зовут его на суд, что производит весьма дурное впечатление на народ.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

Е. Щулепников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 77—80 об. Подлинник.

¹ В. В. Безобразов выехал в Мостар в начале мая 1859 г. в связи с участвовавшими столкновениями черногорцев с турецкими войсками и начавшимися военными приготовлениями турок. Кроме того, он должен был рассмотреть жалобу мостарской православной общины на незаконные действия митрополита Григория, переместившего без согласия общины священника (см.: Е. Р. Щулепников — А. Б. Лобанову-Ростовскому от 12 (24) мая 1859 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 72—74). Ранее Е. Р. Щулепников неоднократно доносил А. Б. Лобанову-Ростовскому о злоупотреблениях Григория, открыто торговавшего местами священников и уклонявшегося от защиты интересов православного населения. В донесении от 17 (29) марта 1859 г., № 36, он сообщал о требовании мостарской общины удалить Григория (Там же, л. 47—49).

117

*Обращение боснийских беженцев в Сербии к Александру II
с просьбой о защите от беззаконий и произвола турецких
властей*

8 июня 1859 г. Белград

Ваше величество, православный государь!

Из дальне по разстоянию земле но близке по человеколюбию престола великого народа руского, подижемо мы вапнючий глас к човечно-христианском срцу племеном цара руского и молимо за милостивый погляд на яде страшного нашего положения.

Мы, несреѣни христиане у Турской, а нарочито у турской Босни посеи иго отоманско веѣ изнемогосмо под страшним притиском силеция

мусломана тако, да — нама одакле управо и да одпочнемо опис плачевного станя свога.

Мы писмо люди, пред очима наши нечовечны тираны: мы смо погани љаури и пси, кое мучити и киньити, найвеѣа е заслуга сваком Турчину.

Мы немамо слободе имати бар едину неумуѣну утеху у својој вери. Не само да нам ние слободно — и ако хатихумаиум гласно дозвољава — подизати нове цркве и школе, него насилници иош и досад сачуване храмове божие руше, плене, безчесте и злоставља наше свештенике, од коих многи носе о врату епитрахиле на њима, самима прорешетане куршумима турским у време свештенодействованя, а колико их е главом платило сме-лост служити службу божью!!

После таког страшного угнетаваня наше личности и вере, о иманю и о мирном уживаню плодова трудова свои ни говорити не треба, и доста е ако само кажемо да е 31 куѣа платила за 1858. му годину баяги закониты данака 190 кеса = 95 000 гроша. То е узето по рачуну а колико е иош оглоблено сваког рачуна!! Та на сама свештенодейства ударене су страшне таксе!

Овако горко стане довело нас е до крайне сиротине и очаяня тако, да смо кое од зулума, кое гонена и мученя, кое од свакидашнег убийства приморани живити као дивльи зверови по шумама, и ранити се травом и коренем. Па уздајући се у православног цара среѣне Русие, без кое бы мы давно избрисани были из кнѣге православне цркве, сад при найвеѣој опасности вере наше и миле нам славенске народности, узели смо слободу из дубльине маглом уздисая и крвљу покривене несреѣне земле србске Босне вапити к теби племенити човеколюбче и молити, да бы се смиловао за любовь бога, за любовь погаженог достоянства човечег и за любовь единства наше вере и единоплеменности помоѣи у робству гинуѣм народу, не были се кадгод и нама тешка судба у делу а не само на арти наболе окре-нула; па ако и одатле ништа не буде, мы вам се исповедамо да ѣмо устати па сви изгинути или сви ослободити се, ер овако зиму дочекати не можемо. Молимо, да се Турци кои нису солдати раоруѣаю као и мы христиане, да се у судовима наместе не ондашњи спаше наши крвопие, него они кои немаю земле у Босни и да у тим судовима буду христијани примлени и за судне и за сведоке и да се треѣина коа нас ликом опасасвим укине, како бы и мы уровняли се бар са осталим поданицима султановим.

Погледай славни царе православный на тежку судьбу единоверного тужного народа кои на очи христианске Европе стене и у робству подобног старим робовима и кои од тебе очекуе или вест избавления или самртну пресуду. Помисли каква сладка благосияния очекую тебе човеколюбче и твой народ из уста угнетеног а тобом освобоѣеног народа и целог неговог потомства па промисли облакшати у делу неподносиму с уѣбу.

Очекуючи скору помоѣ с найдубльим почитанием остаемо степноѣи под тежким игом нечовечны и безбожны мучителя.

Несреѣни Босанли: Ристо Стояновиѣ, Давид Ђурѣвиѣ, Градаѣка наия, Крста Несторовиѣ, Брѣка наия, Лазар Шарчевиѣ, Беленска наия, Паво Симиѣ, Баниа Лука наия, Аѣим Ђурѣвиѣ, дето, Тодо Стойановиѣ, Новска наия, Иовица Ми-лиѣвиѣ, Маидаиска наия, Васил Лазиѣ, Круиска наия, Голуб Бабиѣ, Биаѣка наия, Нина Мандиѣ, Цазинска наия

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 242, л. 29—30. Подлинник.

Донесение управляющего российским генеральным консульством в Белграде К. А. Соколова А. Б. Лобанову-Ростовскому о беседе с князем Милошем Обреновичем по поводу перехода в Сербию беженцев из Боснии

№ 95

19 июня (1 июля) 1859 г. Белград

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Имел честь получить на сих днях предписание вашего сиятельства от 8 (20)-го настоящего месяца за № 279, и найдя в нем полное подтверждение увещаний и советов, высказанных мною прежде сего главе сербского правительства, я признал приличным откровенно прочесть ему содержание этой депеши.

Князь Милош чистосердечно сознался мне, что хотя по сведениям, полученным здесь из турецких провинций, пограничных с Сербиею, поддержание порядка между доведенными до отчаяния христианами весьма сомнительно и что облегчение их участи при нынешних преследованиях едва ли будет возможно, но что он с своей стороны предпримет все меры для избежания столкновений с турецким правительством. Его светлость сообщил мне, что почти ежедневно множество христианских семейств, обманывая бдительность турецкой пограничной стражи, переходит в Сербию из Боснии и умоляет здешнее правительство о дозволении поселиться в сем княжестве.

Предвидя, что турецкое начальство будет со временем требовать выдачи этих переселенцев, князь Милош просил у меня совета, должно ли возвращать их для избежания несогласий с Портою или необходимо дать приказание о недозволении им укрываться на сербской границе?

Я взял на себя представить его светлости, что отказ в убежище гонимым христианам усугубит их страдания и, отняв у них последнюю надежду на спасение, неминуемо принудит к поднятию оружия, что подобная мера произведет весьма неприятное впечатление на самих здешних жителей, искренне сочувствующих бедственному положению своих родичей, и что она может повредить тому уважению, коим пользуется имя его светлости между христианскими подданными Турции.

Князь Милош, найдя в этом совете отголосок своего собственного мнения, искренно признался мне, что сын его, князь Михаил Обренович, во время последнего своего пребывания в Лондоне¹ имел подобное же объяснение с лордом Malmosbury и что тогдашний министр иностранных дел в Англия отвергнул с негодованием мысль о возвращении в Турцию христиан, ищущих спасения в Сербии. Его светлость кончил свою беседу со мною следующими многозначительными словами: «Вы можете передать вашему правительству, что я вполне убежден в верности ко мне сербского народа. Он последует за мною повсюду, а я поведу его по той дороге, на которую укажет мне императорское правительство».

Я воспользовался этими словами, чтобы еще раз повторить его светлости, что все советы, передаваемые ему императорским министерством чрез мое посредство, имеют единственную цель — благо Сербии и что правительство наше, вполне полагаясь на обещания его светлости, не оставит его своим указаниями, во всяком случае, когда по ходу политических обстоятельств признает их нужными.

Распространяясь все более и более в откровенных признаниях, князь Милош дал мне довольно ясно заметить, что по восстановлении мира между воюющими ныне державами и будущем начале конгресса он надеется, что Сербии будет дозволено отправить с своей стороны депутатов для оконча-

тельного решения недоразумений по поводу содержания в Сербии турецких гарнизонов.

Имею честь быть с истинным почтением и беспредельною преданностью вашему сиятельству покорнейшим слугою

Соколов

Р. С. Поспешаю, кроме того, донести вашему сиятельству, что по определению княжеского совета комиссия, которая, по желанию князя, будет заниматься изготовлением проектов, касающихся до будущих преобразований во внутреннем устройстве сего княжества, имеет быть составлена из 42 лиц. В число это войдут по 2 депутата из каждого округа, 2 из Белграда, 2 от духовенства и по 2 от каждого из здешних присутственных мест. Начало своих занятий комиссия должна открыть к 29-му текущего месяца.

Ut in litteris *

Соколов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2342, л. 60—63. Подлинник.

¹ Накануне австро-итало-французской войны сербские государственные деятели стремились выяснить планы великих держав относительно Балкан и их отношение к Сербскому княжеству. С этой целью князь Милош Обренович направил своего сына Михаила в поездку по столицам держав — гарантов Парижского мира. Михаил посетил Вену, где имел беседу с В. П. Балабининым, Париж и Лондон. В столице Англии он вел переговоры с министром иностранных дел лордом Малмсбери и затронул вопрос о беженцах из пограничных с Сербией земель Османской империи. Михаил просил министра воздействовать на Порту с целью прекращения злоупотреблений турецких властей по отношению к христианскому населению Турции и тем приостановить поток беженцев из этих районов в Сербию. Малмсбери пообещал оказать Сербии поддержку, посоветовал одновременно нормализовать отношения с Портой (см.: Јакишић Г., Вучковић В. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила: Први балкански савез. Београд, 1963; Стојанчевић В. Милош Обренович и његово доба. Београд, 1966).

119

Донесение К. А. Соколова Е. П. Ковалевскому о встрече с представителями боснийских беженцев в Сербии и о возможности нового восстания в Боснии

№ 96

21 июня (3 июля) 1859 г. Белград

Милостивый государь Егор Петрович!

Некоторые из почтеннейших боснийских уроженцев, удалившись в Сербию от претерпеваемых на родине гонений, явились ко мне в качестве депутатов со стороны своих соплеменников и представили препровожаемое при сем в оригинале прошение, умоляя доставить оное в императорское министерство¹.

Услышав от них, что соотечественники их, изнуренные невыносимыми требованиями бегов, разоренные беспрерывно увеличивающимися налогами и доведенные до отчаяния истязаниями местных турецких властей, твердо решились на новое и, как должно полагать, поголовное восстание, я старался по возможности отклонить их от этой крайности и, представив всю трудность борьбы без денег, без устроенного войска и почти без оружия, советовал им употребить влияние на своих соотечичей для удержания от восстания, которое должно быть неминуемо подавлено сосредоточенными в разных местах турецкими войсками.

* Все тот же (лат.).

Депутаты отвечали мне, что они согласны с моим мнением о несвоевременности и о гибельных последствиях восстания и что употребят усилия, дабы несколько успокоить своих соотечественников и удалить на некоторое время народное волнение, но что при нынешних обстоятельствах нет никакой возможности удержать народ в спокойствии и что восстание обнаружится само собою в будущую осень во время сбора податей, потому что разоренные христиане не предвидят никаких средств для выплаты всего, что требуют сборщики.

Донося о сем вашему превосходительству, вменяю себе в обязанность присовокупить, что подобное же прошение представлено французскому генеральному консулу и что г. Des-Essaris сообщил мне, что он, со своей стороны, напрасно старался убеждать приходивших к нему депутатов отклонить их родичей от восстания и получил те же самые возражения, которые они и мне высказывали.

Отдав отчет г. поверенному в делах при Порте о последнем совещании моем с князем Милошем по поводу положения умов в соседних с Сербиею турецких областях и вследствие наставлений, данных мне по сему случаю его сиятельством, долгом поставляю представить при сем на ваше, милостивый государь, благоусмотрение копию с донесения моего от 19 июня (1 июля) за № 95².

Имею честь быть с глубочайшим почтением и беспредельною преданностью вашего превосходительства покорнейшим слугою

Соколов

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 242, л. 23—25. Подлинник.

¹ См. док. 117.

² См. док. 118.

120

Донесение австрийского генерального консула в Сараево К. Васича министру иностранных дел Австрии И. Резбергу об усилении влияния России в Боснии

20 июля 1859 г. Сараево

Hochgeborener Graf!

Der Artikel über Bewegungen in den türkischen Nordprovinzen datirt aus Pera untern 26 v. M. welchen die «Augsburger Allgemeine Zeitung» N 249 aufweist—enthält ungeachtet des darin vorkommenden Angriffe auf die gegenwärtige österreichische Consularvertretung in Bosnien, so eine Wahres und Richtiges, dass ich es für meine Pflicht erachte seinem Inhalte einen weiteren Comentar beizufügen.

Die russischen Anstrengungen um auf die Slavischen Einwohner des türkischen Nordens einen Einfluss zu üben werden nicht so sehr durch politische Agitatoren als vielmehr durch den systematisch betriebenen Plan gefördert, auf Schulen und Kirchen, die grösste möglichste Rücksicht zu nehmen. Dieses weit unschuldigen scheinende Mittel um sich Personen und Körperschaften dankpflichtig zu erhalten, wird sowohl hierlands als in Bulgarien wo ich es jahrelang zu beobachten Gelegenheit hatte—unter den verschiedenen Formen in Anwendung gebracht, und während man sich in der letztgenannten Provinz bis zur Errichtung des russischen Consulats in Widdin (im J[ahre] 1857) mehr darauf beschränkte einzelne der christlichen Einwohner zu bewegen dass sie ihre Kinder an russische Unterrichtsanstalten

abgegeben hat sowie in Bosnien von jener Zeit an nicht nur allein dem Schulwesen sondern insbesondere der Dotirung und Ausstattung einzelnen Kirchen die thätigste Aufmerksamkeit zugewendet.

Seit dem Jahre 1857 welches meine Bestimmung nach Bosnien mit sich gebracht, halte ich zu wiederholten Malen Gelegenheit anzuzeigen wie diese oder jene g. u. o. Kirche — kostbare Ornate und Einrichtungstücke durch Vermittlung des russischen Consuls, zugeschickt erhalten (die letzten Geschenke für die Kirche von Wissoka einem unbedeutenden Orte unweit Sarajevo, übersteigen an Werth bei 1500 Dukaten) wie Massen von russischen Kirchen — und Schulbüchern unter das Volk verteilt werden, wie die russische Kaiserin hier auf sie freigebigste Weise eine Mädchenschule gegründet, welche Beispiele zusammen genommen es natürlich machen, dass hierlands in den beiden letzten Jahren, die ohnehin durch Religionsverwandschaft gestifteten Bande zwischen den eingeborenen Christen die nicht Katholiken sind, und dem russischen Consul der allerdings im Munde der Rajahs unser Consuls heisst, noch mehr befestigt worden. Ja, soll ich aufrichtig sprechen, so begnügt sich Herr Schulepnikof nicht allein mit dem Einflusse welcher er sich bei seinen Glaubensgenossen verschafft, sondern ich sah schon manchen jenen bosnischen Franziskaner die ich für exaltirte Vertreter der slawischen Nationalität haltefleissig in sein Hand ein — und ausgehen, und daher würde es mich gar nicht wundern eines Tages zu vernehmen dass auch diese frommen Männer durch ein all zu eifriges Forschen nach Beweisen für die vergangene Grösste ihres Vaterlandes — dem modernen Panslawismuswesentlichere Dienste geleistet, als es eben nöthig gewesen.

Dass ein so geartetet Einfluss russischer Seits, in diesem Gegenden verwalte — ist eine von Tag zu Tag mehr an Terrain gewinnende Thatsache, allein dass die türkische Regierung Bosnien noch immer von demselben Gesichtspunkte aus betrachtet wie es sich bis vor zwei Jahren präsentirte, wo bloss die beiden katholischen Grossmächte hier ihre Vertreter halten, und Russland eine mehr von der Ferne als der Nähe aus gekannte Grösse für die bosnischen Christen gewesen — ist eine unbegreifliche, um nicht zu sagen eine unverzeihliche Gedankenerlähmung!

Die Regierung, so wie die Statthalter, bekümmern sich nicht in Geringsten um den Einfluss welchen sich in dieser Beziehung — vorzüglich in jüngsten Zeit, der russische Consul auf den Gang der inneren Angelegenheiten Bosniens und Herzegowina anmasst, und doch war es nach dem letzter Pariser Friedensschlusse eine der Hauptforderungen Vali Paschas, den Freunden Regierungsrepräsentanten in den einzelnen türkischen Provinzen — jede, auch die harmloseste Einnengung ähnlichen Natur zu untersagen¹.

Als ich vor einigen Tagen bei Osman Pascha des nach russischem Gebrauche abgehaltenen letzten Tedeums zu schauen dass Harem erwähnte, wunderte sich der gute Mann wie die hiesige Geistlichkeit dazu gelangt die Gotteschandlungen immer einiger und zwangloser sich gestalten können, und nimmt man dafür den Fortschritt zum Masstabe, welche insbesondere meine seit letzterer Zeit gemachte Beobachtungen herausstellen — so lässt sich den türkischen Interessens in der Zukunft — eben nicht des befriedigendsten Handlung stellen.

Je später die Türkei damit beginnen wird ihren christlichen Völkern das zu bieten, was denselben durch die russische Propaganda als nächste Vortheile in Aussicht gestellt ist — nemlich möglichst öffentliche Anerkennung ihres Kirchenritus, und Ausbildung der Jugend nach russischen Begriffen, desto ein grössteres Feld räumt sie den öffentlichen und geheimen

Agenten jener ihr in jeder Beziehung feindlich entgegen stehenden Macht ein, und eben so wird es schwerer fallen fallen später grössere, auf die Dankbarkeit der Nation Anspruch machende Anerbieten oder faktische Leistungen der russischen Consularorgane zurückzuweisen wenn man sie bisher gewöhnt hat, selbst bei unbedeutenderen Anlässen, stets den ersten Schritt machen zu dürfen. Selbst jetzt glaube ich, würde der Generalgouverneur Osman Pascha die auf den hiesigen Plätze vorkommenden russischen Uebergriffe energischer zurückweisen, wenn er nicht zu befürchten hätte, dass die Protektion, welche Fürst Lebanof in Constantinopel Herr Schulepnikof in Serajevo dann angedeihen lieste — leicht den Verlust des hiesigen Statthalterposten nach sich zöge, und so lässt man geschehen, und geschehen, bis es unmöglich sein wird das Ganze — ungeschehen zu machen.

Die Bemühungen die ich mir gegeben um in Erfahrung zu bringen mit welchen Hoffnungen der russische Consul, die hiesigen Christen nähert — hatten das Ergebniss das ich vernommen es handle sich nicht so sehr darum sie auf meine künftige Unterordnung unter direkte russische Botmässigkeit vorzubereiten, als es vielmehr gelte dem Projekte Eingang zu verschaffen: aus Bosnien, der Herzegowina, so wie aus den anderen Slawenbevölkerten Provinzen der Türkei² — einzelne Gebietskonglomerate nach Art der Donaufürstenthümer zu bilden³, dem Anscheine nach die neuen Schöpfungen unter des Protektorat der Grossmächte zu stellen — in der Wahrheit aber, durch die Supremation in St. Petersburg, vom religiösen Standpunkte aus — doch auf das Ganze zu wirken und zu drücken.

Bis hierher muss ich dem Eingangs bezeichneten Journal — Artikel alle Gerechtigkeit wiederfahren lassen, und wünschen, dass seine warnende Stimme angezeigten bald Beherzigung finde, was aber den Ausruf am Schlusse desselben anbelangt: dass Oesterreich seinen Einfluss in Bosnien verloren seit es dort durch keinen der slawischen Nationalität angehörenden Consul vertreten wird, so entbehrt er jeder Stichhaltigkeit.

Versteht der Verfasser unter Einfluss den Umstand, dass bis zum Jahre 1857, wo der ersten russische Consul hier eingetroffen, ausser dem zwei Jahre früher eingetroffenen französischen Vice-consul — früher immer nur der österreichische Generalkonsul in Bosnien es gewesen dem die christlichen Familien als Vermittler in kritischen Momenten angerufen, so liegt der Grund einfach darin, dass unser letzte Vertreter, Herr von Atanaskovics, der übrigens auch zur g. u. u. Religion sich bekannte der einzige Consul damals im Lande gewesen; jetzt aber, wo mit dem englischen, vier Consule hier residiren, steht den Rajahs eine freiere Wahl offen, und wem sie sich mehr dem russischen Vertreter zuwenden, so muss Manches auf Rechnung der Mittel zugeschrieben werden, welche die betreffende Regierung eben seit dem Jahre 1857 in diesen Ländern spielen lässt wo sie Errichtung russischer Consulate in Bulgarien, Bosnien und der Herzegowine statt gefunden.

Sonst aber können die von dem Verfasser des Artikels gefürchteten russischen Intriguen, unseren Einfluss in Bosnien nicht paralisiren, den er ist ein natürlicher, mit der Zeit durch bewährte Erfahrungen heran gebildeten, und daher bloss durch einige auswärtige politische Demonstrationen, nicht so leicht zu verdrängen.

Freilich würde es den österreichischen Interessen unendlich schaden, wenn die Türkei ruhig zusähe, wie fortan die russischen Projekte in diesen Gegenden wuchern — um später jene Ernte zu Stande zu bringen, welche nach der Meinung Herrn Schulepnikofs die slawischen Provinzen des osmanischen Reiches in der Zukunft abzuwerfen haben, allein da kann der «Einfluss» des österreichischen Generalkonsuls hierlands unmöglich einen Ausschlag geben und diesen höheren und mächtigeren Hebeln überlassen, muss es nur seines

Amtes bleiben, über vorkommende Schwingungen, ununterbrochen und treulich zu berichten.

Genehmigen Eueren Excellenz den Ausdruck meiner grössten Hochachtung und Verehrung *.

HHStA, Wien, Konsulate, K. 132, Fasc. Gen. Kons. Sarajevo, 1859, Fol. 124—131. Подлинник.

Перевод

Высококордний граф!

Заметка из Перы о движениях в северных провинциях Турции, опубликованная 26-го числа прошлого месяца в «Дугсбургер Альгемайне Цайтунг» № 249, хотя и содержит нападки на теперешнее консульское представительство Австрии в Боснии, выражает, однако, столь точные и верные суждения, что я считаю своим долгом более подробно остановиться на ее содержании.

Попытки России оказать влияние на славянское население турецкого севера осуществляются не столько стараниями политических агитаторов, сколько посредством проведения в жизнь систематического плана, направленного на то, чтобы уделять как можно большее внимание церквям и школам. Этот метод, который кажется совершенно безобидным, направлен на то, чтобы связать чувством благодарности отдельных лиц и корпораций, и используется в разных формах как здесь, так и в Болгарии, где я имел возможность наблюдать это в течение многих лет. И если в вышеуказанной провинции до появления российского консульства в Видине (в 1857 г.) русские ограничивались в основном тем, что побуждали отдельных христианских жителей отдавать своих детей в русские учебные заведения, то в Боснии с того времени уделяется самое деятельное внимание не только школьному обучению, но, в особенности, материальной поддержке и оборудованию отдельных церквей.

Начиная с 1857 г., когда я получил назначение в Боснию, я неоднократно имел случай докладывать о том, что та или иная православная церковь получала через посредство российского консула драгоценные облачения или предметы для убранства церкви (последние дары для церкви в Высоко, незначительном местечке недалеко от Сараево, имеют ценность около 1500 дукатов), что множество русских книг духовного содержания и школьных учебников раздаются населению, что русская императрица основала здесь школу для девочек, проявив удивительную щедрость. Все эти примеры вместе взятые, имеют своим естественным результатом то, что в последние два года связи, возникшие между местными христианами не католического вероисповедания и российским консулом, которого райи называют между прочим «наш консул», окрепли еще более. Да, я должен сказать откровенно, г-н Шулепников не довольствуется уже только тем влиянием, которым он пользуется у своих собратьев по вере, но я видел уже некоторых боснийских францисканцев, с моей точки зрения, экзальтированных представителей славянской расы, которые хлопотливо входят в его дом и выходят из него, и потому я бы не удивился, если бы услышал однажды, что в своих изысканиях с целью доказательства прошлого величия их отчества эти святые мужи оказывают важные услуги панславизму, проявляя излишнее рвение, чего впрочем и ждут от них.

То, что русское влияние, принявшее такие формы, преобладает в этих местах, стало фактом, который каждый день находит новые подтверждения; однако, то обстоятельство, что турецкие власти Боснии смотрят на это так же спокойно, как и два года тому назад, когда только две католические державы имели здесь своих представителей, а Россия была для боснийских христиан некоей величиной, известной лишь издали, это непостижимая, если не сказать непростительная тупость.

Правительство, как и губернаторы, ни в малейшей степени не обеспокоено влиянием, которое российский консул оказывает, особенно в последнее время, на внутренние дела Боснии и Герцеговины по этой линии, а между тем одним из главных требований, выдвинутых вали-пашой во время заключения Парижского мирного договора,

* Подпись отсутствует.

было запретить представителям правительства дружественных стран в отдельных турецких провинциях любое, даже самое безобидное вмешательство подобного рода.¹

Когда я несколько дней назад у Осман-паши упомянул о последней мессе, которую служили по русскому обычаю, этот добрый человек выразил свое удивление, каким образом здешнее духовенство добилось того, что церковные службы стали проходить в атмосфере такого единодушия и непринужденности и в этом отношении достичь такой большой прогресс, по крайней мере так показали мои наблюдения, что турецким интересам грозит весьма неутешительное будущее.

Чем позднее Турция решится предоставить христианским народам, находящимся под ее управлением, то, что русская пропаганда им обещает в перспективе как самые необходимые привилегии, которые они получат в первую очередь, а именно, открытое признание их вероисповедания и обучение молодежи в соответствии с русскими понятиями, тем больше возможностей предоставит она явным и тайным агентам этой враждебной ей во всех отношениях силы и тем труднее впоследствии будет отклонить предложения услуг и фактические услуги со стороны российских консульских учреждений, которые принимают все большие масштабы, если уже к настоящему времени русские привыкли к тому, что по любым, даже самым ничтожным поводам, они могут проявлять инициативу. Я считаю, что даже сейчас генерал-губернатор Осман-паша мог бы более энергично противодействовать попыткам русских вмешиваться в здешние дела, если бы он не опасался, что протекция, которую оказывает граф Лобанов в Константинополе г-ну Щуленникову в Сараево, может послужить причиной того, что он потеряет свое место губернатора, и поэтому все продолжается по-прежнему и будет продолжаться до тех пор пока этот процесс не станет необратимым.

В результате усилий, которые я предпринял, чтобы выяснить какие надежды внушает русский консул здешним христианам, я узнал, что речь идет не столько о том, чтобы подготовить их к будущему подчинению прямому русскому господству, сколько об осуществлении русского проекта образовать из Боснии, Герцеговины и других турецких провинций со славянским населением отдельные территории², объединенные по типу Дунайских княжеств³, формально поставить эти новые государственные образования под протекторат великих держав, но в действительности оказывать влияние и давление на все эти территории через верховную власть в Петербурге, выступая с религиозных позиций.

По всем затронутым выше вопросам я должен согласиться с упомянутой вначале газетной статьей и пожелать, чтобы ее предостерегающий голос был услышан, но что касается заявления, содержащегося в конце статьи, о том, что Австрия утратит свое влияние в Боснии, если среди ее консулов не будет представителей славянских народов, то оно лишено всякого основания.

Если автор статьи, говоря о влиянии, имеет в виду тот факт, что до прибытия сюда первого российского консула в 1857 г., если не считать французского вице-консула, прибывшего за два года до этого, христианские семейства во всех критических ситуациях обращались раньше только к австрийскому генеральному консулу в Боснии, то причина этого заключается в том, что наш представитель в то время г-н Атанасович, который, кстати, также исповедовал православную религию, был тогда единственным консулом в стране; теперь же, когда, считая вместе с английским, здесь находятся четыре консула, у раи появилась свобода выбора, и если они склоняются больше на сторону представителя России, то следует принять во внимание те средства, к которым прибегает правительство его страны в этих провинциях с 1857 г., когда были основаны российские консульства в Болгарии, Боснии и Герцеговине.

Впрочем интриги русских, внушающие опасения автору статьи, не могут парализовать наше влияние в Боснии, так как это влияние возникло естественным путем и окрепло за истекшее время, и поэтому не так легко его вытеснить, предприняв просто некоторые внешнеполитические демарши.

Конечно, если Турция будет спокойно смотреть на то, как русские осуществляют свои проекты на этих территориях, чтобы в дальнейшем получить те плоды, которые, по мнению г-на Щуленникова, должны созреть в славянских провинциях Османской

империи, тогда «влияние» австрийского генерального консула может утратить свою силу и перейти к более могущественным и высоким инстанциям, и ему не останется ничего иного, как только постоянно фиксировать происходящие изменения.

¹ Помните, ваше превосходительство, выражение моего величайшего почтения и уважения.

² См. примеч. 3 к док. 8.

³ По-видимому, речь идет о «Проекте предложений относительно прав христиан и их церкви», составленном русскими уполномоченными в период предварительных переговоров о мире в Вене в январе 1855 г. Проект, представленный А. М. Горчаковым, К. М. Базили и В. П. Титовым, содержал программу решения Восточного вопроса, которая предусматривала создание в европейских провинциях Османской империи национальных автономных образований на базе христианских общин. Проект предусматривал постепенный переход к административной автономии через организацию и развитие органов национального самоуправления, а также постепенное распространение на эти области права иметь своего представителя при Порте, каким пользовались Сербия и Дунайские княжества. В проекте содержались также предложения, направленные на уравнивание христианского населения в политических, гражданских и религиозных правах, улучшение его экономического положения, развитие народного образования и т. п. Русские уполномоченные стремились добиться поддержки своего проекта от представителей Австрии на венских переговорах. Текст проекта также был приложен к инструкции А. Ф. Орлову, русскому уполномоченному на Парижском конгрессе 1856 г. Однако русские дипломаты не успели предложить свою программу конгрессу: накануне его открытия Порта издала хатт-и хумаюн, который при поддержке западных держав был одобрен конгрессом.

Подъем национально-освободительного движения в Болгарии, Боснии и Герцеговине в конце 50-х годов XIX в., объединение Дунайских княжеств активизировали политику России на Балканах. Требуя от Порты выполнения реформ, обещанных хатт-и хумаюном, Россия в то же время не оставляла идеи создания автономных государств в этом регионе. Этот вопрос затрагивался ею при переговорах с Францией и, как видно из публикуемого документа, пропагандировался русскими дипломатическими представителями на местах в среде христианского населения (текст «Проекта» см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1855 г., д. 123, л. 1—15; Опубл.: Москва, 23, 24 марта 1867 г.; см. также: Шатолина Е. М. Балканская политика на Русия и Българияското националноосвободително движение през първите години след Кримската война. — В кн.: Българияското възраждане и Русия. С., 1981, с. 366—373).

⁴ Решение вопроса о Дунайских княжествах было достигнуто в результате длительной и упорной борьбы между европейскими державами, нашедшей отражение в подписанной ими конвенции 7(19) августа 1858 г. в Париже, согласно которой Объединенным княжествам была предоставлена автономия, но юридически они остались под сюзеренитетом султана. Для Боснии и Герцеговины, желавших получения политической самостоятельности на данном этапе мирным путем, о чем, по-видимому, идет речь в документе, важно было то, что княжества получали право «осуществлять самоуправление свободно, без всякого вмешательства Порты в рамках, установленных по договоренности держав-гарантов с сюзеренным двором» (История Румынии: 1848—1917. М., 1971, с. 117; см. также: Виноградов В. И. Очерки общественно-политической мысли в Румынии: Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1975, с. 150—155).

Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину о необходимости назначения постоянного российского вице-консула в Мостар

№ 490

16(28) августа 1859 г. Рагуза

Милостивый государь Виктор Петрович!

Препровождая при сем следующие в Азиатский департамент рапорты нашего консула в Сараево, позволю себе представить на благоусмотрение вашего превосходительства некоторые мои соображения в дополнение и подкрепление тех доводов, которые г. Щуленников излагает в № 99, доказывая пользу и необходимость пребывания в Мостаре нашего агента¹.

Не только Австрия, которая считает западные провинции Турции, прилежащие к ее прибрежным владениям, почти своими и которой явные и тайные агенты распоряжаются там чуть ли не как австрийские мудирь; но также Англия, для которой Герцеговина, по-видимому, не может иметь особенной важности, не представляя в настоящее время прибыточных рынков для сбыта ее фабричных изделий, держит вице-консула в Мостаре, Австрия, кроме консула в Мостаре, имеет еще агента в Требине в лице одного жандармского офицера. Если пребывание в Герцеговине австрийских и английских агентов оправдывается политическими видами и интересами этих держав, то в этом отношении присутствие там наших и естественнее, и необходимее, потому что мы имеем защищать в этой провинции положительные интересы, племенные и религиозные, между тем как цель других держав не может быть, как только отрицательная, т. е. действовать против истинных интересов страны, парализируя и уклоняя от нее наше естественное, благотворное влияние.

Герцеговина, страна чрезвычайно важная по своему положению между Сербиею, Черною Горою и австрийскими приморскими владениями, имеет около 300 тыс. жителей — славян, из коих две трети составляют наши единоверцы, отличающиеся чистотою нравов, храбростию и необыкновенною приверженностию к православию и преданностию к России. История сношений России с Черногорию свидетельствует, что герцеговинцы первые из южных славян прибегли к русским монархам, обратили их внимание на Черногорию, Герцеговину и прочие славянские провинции и оказали немаловажные услуги России этим сближением. Имена Владисавичей, Милорадовичей и других знатных родов, покинувших Герцеговину и жертвовавших собою из любви к России, неизвестны в наших военных летописях XVIII столетия. Сношения России с Герцеговиною были довольно деятельны в то время, и об них свидетельствуют еще сохранившиеся в монастырях следы щедрот и благодеяний русских монархов². На Герцеговину смотрели тогда, как на Черногорию, и нужно отдать справедливость, что и в настоящее время герцеговинцы мало отличаются от своих соседей черногорцев, сохранив такую же храбрость и ненависть к мусульманам и такую же беспредельную любовь и преданность к России. Польза от поддержания в герцеговинцах таковых чувств к нам не подлежит сомнению, ибо эти чувства сберегли у них веру и народность, а это поддержание едва ли возможно без постоянного пребывания между герцеговинцами нашего официального агента, в особенности в настоящее время, когда есть столько искушений со стороны других держав, следующих политике, враждебной нам.

Наконец, пребывание нашего агента в Герцеговине важно и необходимо еще и в отношении к Черногории, и эта необходимость доказывается уже и тем, что у нас есть консул в Албании, на которого между прочими обязанностями возложено также смотреть за пограничными делами черногорцев с турками. Скажу даже, что отношения Черногории с Герцеговиною несравненно важнее в политическом смысле, нежели с Албаниею, где черногорцы не имеют сродного элемента, и в особенности что касается смежных с Черногорию герцеговинских воинственных племен, которые находятся в восстании против местных турок и не скрывают своего желания соединиться рано или поздно с своими братьями.

Итак, необходимость постоянного нахождения нашего агента в Мостаре могла бы быть оправдана: 1) защитою наших единоверцев перед местными властями и поддержанием в них чувств врожденной любви и преданности к России; 2) ближайшим наблюдением за происками австрийской политики, обращенной против нашего влияния, и за действиями католической пропаганды, подрывающей православие; и 3) возможностью служить

посредником для черногорского правительства в пограничных делах черногорцев с турками и следить за событиями между упомянутыми мною герцеговинскими племенами, стремящимися к соединению с Черногорию.

Если вышеизложенные мною соображения удостоятся благосклонного одобрения вашего превосходительства, я осмелюсь покорнейше просить вас благоволить подкрепить с своей стороны где следует представлению нашего консула в Сараеве, которое, надеюсь, не встретит затруднений в императорском министерстве тем более, что консульство наше уже существует в Мостаре официально³, есть там и дом, и герб, и консульский флаг поднимается в праздничные дни.

С глубоким почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 719, л. 187—190. Автограф.

¹ Донесение Е. Р. Шулепникова Е. П. Ковалевскому с характеристикой В. В. Бездарова и предложением назначить его вице-консулом в Мостаре от 7 (19) августа 1859 г. см.: АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 801, л. 107—109.

² Под влиянием усиления экономического, политического и религиозного гнета Османской империи, Венецианской республики и Габсбургской монархии представители населения югославянских земель с начала XVIII в. переселились в Россию, где им отводились земли, давалось денежное и продовольственное содержание, предоставлялось право иметь школы и церкви. Из югославян создавались гусарские полки, несущие службу в южных пограничных районах России и в составе действующей армии в период военных действий. В числе переселившихся в Россию были представители знатных родов, как, например, Милорадовичи, Властелиновичи и др. Переселение демонстрировало рост влияния России на югославянское население, показывало заинтересованность русского правительства в привлечении югославян на военную службу и для колонизации неосвоенных районов страны (см.: Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982, с. 118—158).

³ Об открытии вице-консульства в Мостаре см. док. 66 и примеч. к нему.

122

Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину о вынужденном согласии зубчан и банян сложить оружие

№ 194

23 августа (4 сентября) 1859 г. Рагуза

Милостивый государь Виктор Петрович!

Пишут мне из Герцеговины, что депутаты из зубчан и банян, ездившие в Мостар на зов Дервиш-паши и комиссара Шефик-бея, обещавших им всепрощение, защиту от башибузуков и местных турок и другие облегчения по внутреннему управлению, покончили там народное дело самым несчастным образом. Попав в руки турецким властям, они не только не получили ничего из всего того, что им было обещано, но принуждены были еще угрозами связать себя и народ хуже, нежели было им до восстания; их заставили дать от себя письменные обещания, что на будущее время они будут вести себя, как остальная рая в Герцеговине и Боснии, и давать туркам все, чего от них потребуют. Эти собственноручные обещания по требованию Дервиш-паши скрепили своими подписями и печатями герцеговинский митрополит, мостарский архимандрит Иоанникий Памучина и городской голова. Отпуская депутатов домой, паша в то же время отправил в их край отряд башибузуков для охранения порядка и спокойствия и дал приказание приступить немедленно к постройке казармы в Суторине для предупреждения будущих случайностей.

Корреспондент мой оканчивает письмо замечанием, что это вероломная сделка возбудила всеобщее негодование в христианах и что спокойствие в пограничных с Черногорием герцеговинских округах не может быть прочно и долговременно, ибо наши единоверцы едва ли согласятся забыть так легко двухлетнее кровопролитие и неслыханные бедствия, претерпленные ими в это время, и отдать себя опять безусловно на произвол башибузуков и местных тиранов — мусульман.

Бывший воевода зубчан Лука Вукалович удалился в Грахово с некоторыми из своих приближенных, а старшины племен Пива и Дробняк упорствуют еще в своем недоверии к турецким обещаниям и не соглашаются приехать в Мостар с покорною головою, подобно баньянам и зубчанам.

Наша комиссия¹ все еще не может тронуться в путь за отсутствием австрийского и турецкого комиссаров: первый сидит преспокойно в Заре, а о втором не имеется еще никаких известий. Если они приедут послезавтра, то, может быть, удастся нам выступить отсюда в четверг или субботу. Погода стоит прекрасная, и нельзя не сожалеть, что мы теряем это время понапрасну, ожидая турецкого комиссара, который должен бы был находиться первым на месте сбора.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 719, л. 196—197 об. Автограф.

¹ Речь идет о консульской комиссии, имевшей целью завершение демаркационных работ на границах Черногории и Османской империи. Комиссия начала работать в марте 1859 г. в Которе. К. Д. Петкович входил в ее состав (Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении. . ., с. 138).

*Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому
о тяжелом финансовом положении Боснии и о злоупотребле-
ниях каймакама Ахмед-паши в Крайне*

№ 117

7 (19) сентября 1859 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Положение дел в Боснии находится в самом критическом состоянии, несмотря на добрую волю Осман-паши улучшить оное. Несчастья, угнетавшие в течение последних двух лет жителей Посавины и Крайны, в нынешнем году заменились другими, еще более ужасными; все посевы в помянутых местностях, равно как и в Герцеговине, сгорели от солнца, тогда как, наоборот, в санджаках Сараевском и Травникском весь хлеб от непрерывных в течение всего лета дождей сгнил на корню. Голод, угрожающий Боснии и Герцеговине, до того всеобщ, что Осман-паша вынужден был написать в Порту, представляя необходимость запретить снова вывоз хлеба в Австрию — запрещение, отмененное около трех месяцев тому назад вследствие настояний австрийского интернунция в Константинополе, как мне сообщил то здешний австрийский генеральный консул и подтвердил генерал-губернатор Осман-паша. Как главную причину необходимости возобновления этого запрещения Осман-паша выставляет необходимость прокормить не только всю провинцию, но и значительное число войска и башибузуков.

Финансовое состояние провинции еще в ужаснейшем положении; вследствие неурожае нет ни малейшего сомнения, что все народонаселение Боснии — как христиане, так и мусульмане — не в состоянии будет заплатить ничего из своих податей, и генерал-губернатор, получивший приказание уплачивать войскам и башибузукам из доходов Боснии, не знает, чем удовлетворить не только войско и милицию, не получавших уже более 7 месяцев ни копейки следующего им жалования, ни и поставщиков, отказавшихся по истечении сроков их контрактам продолжать поставку провианта. Хотя Осман-паша и уверял меня, что он нашел средство продержаться еще несколько времени и заключил новые контракты, но мне положительно известно, что здесь, в Сараеве, войска получают уже сухари вместо хлеба. Сено для кавалерии покупается по вольным ценам на базаре, а ячмень разложен по селам в счет денежных податей; поставка же этого ячменя никогда не может быть осуществлена по вышеизложенным причинам. Подобное распределение само собою уже опровергает справедливость заключения новых контрактов, тем более что на предложенных торгах поставщики, не желающие входить в новые обязательства, пока им не уплатят должных им по прошлогодним контрактам сумм, равняющихся, по словам одного из них, 25 миллионам пиастров, назначили такие цены, на которые местные власти не могли согласиться.

В одном из предшествующих донесений моих я имел честь представлять на благоусмотрение императорской миссии, что главною причиною восстания в Крайне были злоупотребления тамошнего каймакама Ахмед-паши и его сына, бывшего при нем каею. Возвратившийся 2-го числа сего месяца из своей поездки по епархии митрополит Дионисий доставил мне сведения, подтверждаемые и самим Осман-пашою, которые я долгом моим считаю представить на благоусмотрение вашего сиятельства. Ахмед-паша, смещенный два месяца тому назад, задержан теперь в Бихаче, где действия его рассматриваются комиссией, состоящей из нового каймакама Шакир-бея, первого секретаря Маллие Садик-эфенди и викарного епископа здешнего. Злоупотребления этого чиновника, поддерживаемого здешним австрийским генеральным консулом и дефтердаром, вполне подчинившимся австрийскому агенту, были одною из главных причин прошлогоднего восстания в Крайне. По уверению митрополита и из донесений комиссии, если бы правление Ахмед-паши продолжилось еще несколько месяцев, то неминуемо воспоследовало бы всеобщее восстание как мусульман, так и христиан. Одних признанных им несправедливо взятых поборов с жителей — 4 тыс. червонцев, тогда как он отпирается в большей части подаваемых на него жалоб. Сын его, чрез которого производилась эта гнусная система взяточничества, видя действия его открытыми и боясь наказания, хотел лишить себя жизни, но нанес только незначительную рану и теперь еще болен. Меры, принимаемые комиссией и новым каймакамом, мне лично известным за человека беспристрастного и прямого, желающего добра и входящего в несчастное положение жителей, вполне заслуживают одобрения, но поведет ли все это к должному и заслуженному наказанию Ахмед-паши, я сильно сомневаюсь, так как он имеет сильную поддержку в австрийском консульстве и еще недавно получил меджидие 3-й степени за отлично ревностную службу свою.

Что же касается Герцеговины, то, по доходящим до меня слухам, восставшие христиане, подчинившиеся было Дервин-паше, снова начинают волноваться, видя, что они обмануты и что ни одно из условий, на которых они смирились власти, не исполняется. При сем долгом считаю почтительнейше обратить внимание вашего сиятельства на несправедливость донесений моих французского и английского коллег о деле в Таре, которое они сообщили своим посольствам в Константинополе¹. Из всех собранных мною

сведений как от частных лиц, приходивших из Таслидже, в 2-х часах от которого находится мусульманская деревня Тара, так и из официальных источников, дело это не имеет никакой особенной важности. Один черногорец, имевший на базаре в Таре ссору, был убит людьми бея тарского на возвратном пути своем. Шайка его товарищей, узнав о его участии, по своему обычаю хотела отомстить за убитого и вместе с дробняками в числе 150 до 300 человек напала на Тару, сожгла деревню и отняла несколько скота. При этом не могло обойтись без убитых с той и с другой стороны. Число нападавших, приводимое моими коллегами — до 8 тысяч человек — не имеет никакого вероятия, а как незначительно было это дело, доказывается уже тем, что расположенный в Таслидже стрелковый батальон и не был даже послан на помощь жителям Тары, несмотря на близость расстояния. Теперь собирают башибузуков, чтобы отправить их в окрестности Таслидже, но мера эта, совершенно несвоевременная, имеет, кроме того, те дурные последствия, что башибузуки, которым не платят жалованья и не дают провианта, обобравав контрибуцию с окрестных деревень, разбегутся по домам или уйдут в горы разбойничать, как то случилось недавно с башибузуками, посланными в Вишеград и Сеницу. Недостаток продовольствия для собранных в Герцеговине 15 батальонов заставляет Дервиш-пашу переслать часть их на зиму в Боснию, где не знают, где их расположить и как продовольствовать, и это породило большие неудовольствия между здешним фериком Мустафа-пашою, сторону которого держит и Осман-паша, и Дервиш-пашою.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугой

Е. Шуленников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 130—134 об. Подлинник.

¹ В донесении от 6 (18) октября 1859 г. № 125 Е. Р. Шуленников уточнил, что нападение черногорцев и жителей Дробняков было совершено не на д. Тару, а на д. Огражденцу близ р. Тары (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 141—142 об.).

124

*Растиска П. Майсторовича и Я. Живковича в получении от российского генерального консульства в Белграде денежной сумм для боснийских беженцев в Сербии*¹

26 ноября 1859 г. Белград

По приложенным у сего 6 спискам, мы, нижеподписавшиеся (Петр Майсторович и Яков Живкович), приняв от российского генерального консула г. полковника Милошевича 390 руб. серебром для раздачи нуждающимся в пособии 65-ти боснякам, означенным в вышеупомянутых списках, в чем и свидетельствуем своими подписями и приложением своих печатей.

Петр Майсторович
Яков Живкович

Генеральный консул полковник Милошевич
Секретарь генерального консульства В. Кожевников

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 244, л. 35. Подлинник.

¹ См. док. 93.

125

Донесение Е. Р. Шуленникова А. Б. Лобанову-Ростовскому с характеристикой реформы, регулирующей аграрные отношения в Боснии

№ 147

1 (13) декабря * 1859 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

В дополнение к донесению моему от 10 ноября, № 141,¹ честь имею ныне сообщить вашему сиятельству о главных переменах, сделанных турецким правительством в отношениях кметов Боснии к их помещикам².

До сих пор кметы платили своим помещикам в иных местах половину, в других же третью, четвертую и даже пятую часть. В этом не сделано никакой перемены, кроме того, что уровень платеж продуктов, ибо во многих санджаках кмет, который платил третину хлебом, должен был давать помещику половину сена, фруктов и овощей. Ныне же кмет обязан платить аге всех продуктов третью часть, где существует третья. Только в санджаках Бихачском и Баньялукском, где существовала только третья, кмет будет платить аге четвертую часть со всех овощей вместо платимой им до сих пор третины.

Помещик обязан строить своему кмету дом и все постройки, нужные для хозяйства; дома же, построенные самими кметами, должны быть ими же поддерживаемы до совершенного их разрушения.

Хотя со времени Омер-пашы насильственные работы уничтожены, но фирман, присланный ныне, подтверждает о совершенном уничтожении их.

В случае, если кмет захочет оставить землю своего помещика, то если дом, обитаемый им, был построен им самим, помещик обязан дать ему вознаграждение, определенное с помощью местной власти. Желая оставить землю своего помещика, он обязан предупредить его о том после жатвы хлеба и собрания всех продуктов; в противном случае он должен вознаградить помещика суммою, которая будет назначена местною властью.

Помещик отныне впредь не имеет права самовольно прогнать своего кмета, право это представляется ему только в таком случае, если кмет, не исполняя своих обязанностей, приносит видимый вред помещику, что, однако же, должно быть исследовано местною властью.

Доходы помещика, взимаемые им с кмета, ни под каким предлогом не могут быть им отдаваемы в откуп; в противном случае он будет подвергаться строгому наказанию. При приезде помещика на свою землю он не имеет право обитать дом своего кмета, ни жить на его счет.

Одна из главных отраслей промышленности жителей Боснии есть сливы, из которых гонится водка. Многие из помещиков имели обычай требовать с кметов часть, следующую им с этого продукта, водкою. Принимая в соображение, что приготовление водки довольно дорого, отныне впредь это им запрещается, и они должны брать свою часть сливами, свежими или сухими.

Все условия, заключенные до сих пор между помещиками и кметами и не вполне согласные с ныне новыми распоряжениями, должны быть уничтожены, и отныне впредь должны быть заключаемы между ними контракты, долженствующие быть засвидетельствованы местною властью, которая ни за составление контракта, ни за его засвидетельствование не имеет право взимать пошлины и должна блюсти за строгим и неприязненным

* В документе ошибочно: 1 (13) ноября.

исполнением всех находящихся в нем условий; в противном случае чиновники будут подвергаемы наказанию согласно новому уголовному своду (джезанамсу).

Осман-паша получил из Константинополя 600 печатных экземпляров этого нового фирмана и надлежащее количество их разослал к каймакам и мудирам для приведения в исполнение.

Не могу скрыть от вашего сиятельства, что при приведении в исполнение сего акта могут встретиться большие затруднения. Так как все перемены, сделанные в отношениях кметов к помещикам, хотя и не весьма существенные, клонятся по-видимому в пользу первых, то они непременно должны не нравиться мусульманам, что я даже мог заметить из разговоров моих с Осман-пашей, который сам заинтересован в этом вопросе, так как он считается одним из самых богатых помещиков в Боснии. Кроме того, по моему мнению, фирман носит на себе отпечаток какой-то недоделанности; например: все насильственные работы (соргвées) уничтожены, между тем помещик в некоторых местах имеет право требовать, чтобы кмет отвозил следующую ему часть жатвы по его произволу или в амбар, или же в ближайший город на базар, тогда как ближайший город может быть на довольно далеком расстоянии. В некоторых же других местах помещик имеет право заставить своего кмета работать в садах как цветочных, так и в фруктовых, и в огородах.

В санджаке Сараевском местами существовала до сих пор третья часть, местами же половина; где была последняя, помещик давал кмету не только дом и все постройки, но и плуги, волов и, наконец, семя для посевов; об этом в фирмане ничего не упоминается, а третья часть и половина сохранены.

Я не премину доносить вашему сиятельству как о том, как будет приводиться в исполнение этот фирман, так и о том, какие затруднения и сопротивления представляются при том.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

Е. Шулепников

АВПР, ф. [Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 148—151. Подлинник.

¹ В этом донесении Е. Р. Шулепников сообщал о получении в Сараеве фирмана от 12 сентября 1859 г., так называемой Саферской наредбы (см. примеч. 2), изменявшей систему налогов в Боснии и Герцеговине и регулирующей аграрные отношения между феодалами и кметами. Шулепников указывал, что реформа не может привести существенного облегчения положения зависимых крестьян, ибо практически повсеместно сохранялась третья часть. Несколько ранее, 3 августа 1859 г., Шулепниковым была направлена А. Е. Лобанову-Ростовскому обширная записка с характеристикой аграрных отношений в Боснии, где он утверждал, что только полная отмена третьей части и замена ее добровольным контрактом об аренде земли между бегом и кметом, а также введение единого поземельного налога вместо множества существовавших налогов на сельскохозяйственные продукты явятся кардинальной мерой в деле улучшения положения крестьян (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 102, 118).

² Имеется в виду провозглашение Саферской наредбы — указа от 12 сентября 1859 г., или 14 сафера 1276 г. по мусульманскому календарю. Он последовал за аграрным Рамазанским законом от 21 апреля 1858 г. Как закон, так и указ, вводивший его на территории Боснии и Герцеговины, явились следствием непрерывных крестьянских волнений, конфликтов с землевладельцами и восстаний в этих провинциях Османской империи. В 1858 г. Портой была созвана конференция в Константинополе из представителей феодалов и кметов, на которой последних принудили согласиться с положениями вышеуказанных актов. Аграрные отношения в Боснии и Герцеговине были реорганизованы следующим образом: предусматривалось подписание договора между землевладельцем и кметом с фиксированием взаимных обязательств, запрещалось необоснованное изгнание кметов с арендуемых участков, отменялся откуп третьей части. В то же время сохранялся большой размер феодальных повинностей, кмет был обязан отдавать вла-

дельцу земли от 1/5 до 1/2 части урожая, были облегчены лишь некоторые косвенные повинности. Фактически третья часть была сохранена. Закон содержал множество оговорок, которые были использованы землевладельцами в своих интересах для последующей жесточайшей эксплуатации кметов (см.: Поповић В. Аграрно питање у Босни и турске нареди... с. 279—285, 302—305; текст наредбы см.: Там же, с. 316—323; Поповић Н. А. Положеніе раи в современной Боснии... с. 362—366; Кондратьева В. И. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине: 60—70 гг. XIX в. М., 1974, с. 37—40).

126

Донесение Е. Р. Шулепникова Е. П. Ковалевскому о просьбе православной общины Модрича предоставить модричской церкви богослужебные книги, облачения и утварь

№ 153

20 декабря 1859 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

Честь имею представить при сем на благосклонное внимание вашего превосходительства прошение общины города Модрича, доставленное мне чрез одного сараевского торговца, в котором просят снабдить их новый храм, построенный и освященный в конце 1857 года, книгами, одеждами, потиром, кадилом, словом, всею церковною утварью, в которой нуждается их храм. Община прибегает к милостивым щедротам государя императора, прося его императорское величество не оставить храм и в особенности школу их и пожертвовать какую-нибудь сумму для их поддержания и улучшения.

При сем долгом моим считаю представить вашему превосходительству стихи, сочиненные учеником школы того же города Модрича, писанные им самим в знак любви и преданности к государю императору и к России и доставленные мне вместе с прошением.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

Е. Шулепников

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 801, л. 143 и об. Подлинник.

127

Обращение беженцев Боснии, Старой Сербии и Болгарии к Александру II с просьбой об избавлении от османского гнета¹

21 января 1860 г. Белград

Ваше императорское величество цар православный!

Познато е в нашем царском величеству како народ босански, Старе Србие и Булгарие у тешким оковима агарянским цвилий, но нису, може бити, познате мукe и срамоте народне од Турака, кое они сваки дан тиранство изкушава, трплена овог народа достигли су степен немогућности, ер притиснења неизказано са стране Турака. Да овом народу ништа друго не остане избирати, но или општи востание, или поваргнути се коночној погибели, нема тог поретка ко би могло описати такови неправде и гоњени тиранство турско, шта Турци чиниу овим нашим земляма, како са кућне старешине у народу чувени люди гоне и зло у оковом стављаю. Жене и децу нашу посрамлема и поруганима излажу, света вера гази и цркве

притискују и плачкају и руше. Додјало се све ово гледати, а камоли тар-
пити, долуподписани у име целог народа нашег припадамо колено прикло-
нено вашем императорском величеству као едином избавителю и утеш-
ителю, молећи да милостиви поглед баца на овај јадни кукавни народ,
из робства га избави буди на кој начин, ер више овако тиранство и
робство, и убиство трипти се не може, долу назначени зулуми у двадесет
едно писмо могући усмено показати, а камоли описати ги.

У нахию Градачку босанској сву раю Турци у лику апасаше, и отераше
сву стоку. Говеда и овце, коњи и рану шта су нашли отерали су. Да сирот-
инио голом душом оставили су нас и нашу браћу. А тако после дођу
[X]yсе[i]и Арнаутовић Абди бег из Градачаца, Ага бег и Мустаф бег Сма-
ловић из Белине, они су тешки и велики зулумчари. Тако с толико друство
по селима иду едев пию, незаконство чину пред народом некаку децу без-
честуев по сва селима однесоше и оплачкаше. Сву браћу нашу голом ду-
шом оставише нас, вар све тога толико тиранство доста не бијаше, него
да нашу децу, девојке христански на силу поудаше и узимаю као робове.
Уместо дуга да будев Турцима робови и потурченици на силу. Дамјанино
тиранство и тешког зулума очима се гледати не може се, а него са пером
изписати се овакво робство и тиранство турског. Надамо се на бога
да инедним у Европи великим силама мило бити неће, и богу драго ние.
Сажалите се ваше императорско величество над нама и нашу жалосну
браћу избављајте од окова нас.

17 јунија 1859. год[ине] у Босну белинско окруж[ие] Турци су преко
40 куће христанске пра и [не]пел преобратили, упропастили. Само го-
лог живота, шта е у народу остало, све су сиротинску рану и живу стоку
Турци поотимали, и однели, по сва селима шта су пронашли однели су.
Дакле сад у Босну Турци нашу браћу по перве люде враћаю на силу и
шледу да гину на Црну Гору, и на Италију Австрију у помоћ.

На 5 јунија. Сад у Видиньску нахию и Лом-Паланку село Раковица.
Турци су га сасвем исто село упропастили, све народ изселили, нека
част шта могли пребегне у Србију за избавление живота њиног. А пета
част народа све су Турци повезали, жене и децу одвелиги у шанцу и у колу
да ги силују и потурчју ги на силу неброено. А люде метуге у си циру
и бацени у тамницу у Видину. У Лом-Паланку и он 5 села друга видиньско
Турци су преко 400 куће пра пепел су пропаштени су, жене, децу у робство
одведено су. А люди пуне апсане су у сваком варашу патурско. Неброено
браћа наша, кое данас сујни у тамницу и у робство цвиљу, наша браћа
и попове по узаточению и по апсама. И по Цариграду у заточению одведене
су, и све то нашу браћу па перве люди с стотинама по турско у тешким
оковам бацени у апсу: како из Булгарие, и Старе Србие, а тако из Босне
неброено. Пуне апсе на правду божу. Цвиљу народ. У Видину, у Лом-
Паланку, у Бедуадич, у Ђустендил, у Софию, у Берковачко, у Пирот,
у Нишу, у Лесковцу, у Вране, у Приштину, у Цариграду и у Брусу и т. д.
у Босну, у Белину, у Градачу, у Зворнику, у Тузли, у Дервеш, у Са-
раево и броя се не зна, како цвиљу народ православни и попове по там-
ницу, а жене и деца у робство се носу, закон и веру нашу погазише, цркве
и манастири наше запалише и поараше, шта и богу драго ние. Велики жа-
лост чути, а камоли гледати жалосну нашу браћу плач и ридание, од
окова турског тиранства терпети се више не може се, или ослободити се
од тешког окова зулума турског, или утаманити се пра и пепел. Да род
православни по турско више на никаки начин бити не може се терпети.
Приморало е нас ели сви единоголасно изгинути, или спасение потражити.
За то брату народном пуномоћнику и поверителю нашем Симчи Ми-
хаиловићу Призренском у Београду да би могао престављати сиротинске
тужбе и тежбе. Како нашем императорском величеству, тако и светлome

князу Милошу и великим силама нашим консулама престављаю и замолио
за избавление нашем народу, избави от тешког окова зулума турског,
милостиво православном народу високою его милост уселите. О пресвет-
лейши православни вселенски император наш, погледи на православни
род твой живећи по турско као сваки скот, а не као человек, избављай
нас о тешког зулума, да не у тами и у нужди изгинемо, као стока, пошто
оћеду Турци данас на силу род христански да утамани в нас, кажу Турци
да се више не наће. Православни народ по турско, больше и ми сами с њим
е да сви единоголасно устанемо с голе руке и утаманити се да не смо више
живи на овоме свету, кад немамо данас велике силе сајало нас да Европа
за нас кукаю ли ми наша браћа у тамницу и у робство. Нико данас не чуе
и дам помоћ учиню. Да нас избавив о тешког окова турског и тешког
зулума избавити род православни. О пресветлейши и державнейши велики
император православни цар наш, избавитель покровитель и утешитель
православного народа нашег, пружи все пресветлейшу свету десницу
над нами, и покри все пресветлейшем светом покровом нашим на нас,
православному роду христанскому живећи по турской, да не у тами
и у мраку единоверци род христански не изгинемо. И племе православно
по турско да се не изгуби, бога ради, ваше императорско величество право-
славни велики цар наш, не остави у тами и у робство нас, избав-
ляй.

Гореназначени зулуми у педесет едно писмо могући у стемо показати.
А камоли се с перо оти сами не може.

Оваки е страшни зулум био у 1844 год[ине] у Враньско, у Лесковачко,
у Кумановско, у Скопачко да су поперве нашу жалосну браћу на ватру
пекли и печене люде на колима зулумчари су шияли у варошу пашама
на уверение. И сваки е зулумчар милост од наше добивали су, кои су та-
ково тиранство поступавали. Тако однако преко 60 девојке наше после
силувано. Сисе су ги исекли на живот, кои су много поумрели, тако е да-
нас, ваше императорско величество, тешки неописани страшни зулум
да нашу браћу биу и мучу и робив и незаконство чиниду и на ватру у са-
дашню време пеку. Кои су скоро х[рисћанског] попа Петка Петковић
у Босну на ражен свестеника на ватру Турци су га изпекли.

А шта нашу жалосну браћу и некаку децу биу и мучиду, [нине] у стане
гледати народне тужбе, јук, плач и ридание описати се не може, до небо
се чуе сиротиньски плач: ваше императорско величество, надајући се мы
ваше императорско величество за праву потвердено на конгресу 1856. год,
у Паризу, и народу обьявлено Хатигумаюном султаньски. Да ни най-
мане едно слово право потвердено не получисмо. [Но] па против султана
руку не дигосмо. Горе и горе, жалост и плач, зулум умножавав намеравав
Турци род православни по турско утаманити пра и у пепел преобратити,
о пресветлейши и державнейши велики император православни, цар наш,
ради бога с помоћом избављай единоверци, народ твой од тешког окова
турског тиранства.

На 2 јунија 1859. года Турци у Дрину подавив христане до 60 душе по-
топу. За то с великом страхопочитанием приступамо поверителне и народа
Бугарско, Српско, Старе Србие и Босне у име целог народа нашег припа-
дамо колениприклонено вашему императорском величеству. Православни
цар наш, пружи всепресветлейшу свету десницу вашу над нами, усели над
нас великую его милост и благослов, да би се и како могли с божом по-
моћом и са вашим императорском величество помоћом и благословом из-
бавити се од окова и тешког зулума турског тиранства. Сад е време или ни-
кад више бити неће овакво времена доћи. Све е готово единоголасно по турско
православни народ наш. Само с божом помоћу отчекамо од ваше импера-
торско величество великую его милост и благослов да дозволение изба-

вити род православни од ярма и окова ига турског. Есмо заштитници руски преподавници заступници и страдалници за народ

препокорни робови, народ[ни] поверит[ели]
и полномошнике у име свию

21 јануариа 1860.
у Срби у Београду

[Печат]	Симча Михайловић, призре[нац]
[Печат]	Иован Ангелов из Метковаца
[Печат]	Божо Модранић, наја Биеленска
[Печат]	Марко Миливоевић, наја Градачка
[Печат]	Томо Ракић, наја Дервенска
[Печат]	Илија Стојановић, наја Биеленска
[Печат]	Теодор Марковић, наја Градачка
[Печат]	Благое Яхимовић, наја Зворничка *

АВВР, ф. ГА V-A₂, д. 244, л. 166—168 об. Подлинник. Оттиски 98 личних печатей.

¹ По-видимому, данное обращение было передано адресату через русское генеральное консульство в Белграде. К. М. Р. Милошевичу обращались и отдельно боснийские беженцы в Сербии (см. док. 128). В начале 1860 г. аналогичных прошений было несколько. В архиве сохранилось обращение представителей из османских областей Болгарии, Боснии и Старой Сербии (ныне—Косово) от 18 февраля, в котором наряду с просьбами о покровительстве России выражалась благодарность ей [за оказанную помощь в спасении беженцев от голодной смерти и гибели (см.: АВВР, ф. ГА V—A₂, д. 244, л. 170—171)] и прошение боснийских беженцев за 37 подписями от 11 апреля того же года, авторы которого сообщали о массовых арестах и вызвали к защите и помощи России (см.: АВВР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1380, л. 65—67). Позиция русского консула выражена в его донесении А. Б. Лобанову-Ростовскому от 22 февраля 1860 г. С одной стороны, он стремился удержать славянских беженцев от переселения на территорию Австрии, а с другой — показывал необходимость оказания им срочной материальной помощи (см.: Там же, л. 33—34). Помощь беженцам была оказана (см., например, расписку Р. Ейча и Н. Мандича от 4 февраля о получении от русского консула 180 руб. для раздачи беднейшим боснийцам: АВВР, ф. ГА V—A₂, д. 244, л. 38).

128

Обращение боснийских беженцев в Сербии к М. Р. Милошевичу с просьбой о помощи России в облегчении положения боснийского народа

28 января 1860 г. Белград

Ваше превосходительство!

Имамо чест приложити к овом прошению писмо, кое е на ваше превосходительство послато из Босне.

Срби из тамошних предела непрестано у Србию прибегаваю, и премда сербско правительство многима помоћ пружа, онет већина нѣх остае сваке помоћи лишена.

Мы не можемо равнодушно гледати да браћа наша, која страда за веру и отечество, живи у крайной оскудици, па укидамо од наше плате и под-
помажемо их, колико можемо!

Али тѣм нѣх не избавляемо из оскудице, а себе у оскудицу бацамо, те тако сви оскудевамо.

Обраћамо се дакле преко вашего превосходительства великодушной Руси, која као мати бди над свим Славенима, и молимо да нам свима

* Далее следует 90 подписей с оттисками личных печатей.

у издржавању помогне, док не куцне час да се огледамо на угнетателѣма нашим. Мы чекамо тај час највећим нестрпелен и положемо све наше надежде у бога и ведеможног славено-руског цара да нам он при ослобођењу нашем на руци буде, како би и мы и потомци наши вечиту благодарност майци Руси посведочили.

У надежди да ће прошение наше услышено бити, препоручуемо се вашем превосходительству и есмо у покорности

одборни люди и покорни слуге

[Печат]	Ристо Еић
[Печат]	Нина Мандић
[Печат]	Паво Шпанић
	Иовета Тодић
	Давид Ђурђевић
[Печат]	Ванкан Јазић

АВВР, ф. ГА V-A₂, д. 244, л. 39 и об. Подлинник. 4 оттиска имених печатей.

129

Прошение христиан Градацкой нации австрийскому консульскому агенту в Тузле с жалобой на злоупотребления и произвол турецких властей и откупщиков

2 февраля 1860-г. Винковцы

Hochgestellter k. k. Consul!

Die armen christlichen Bewohner Bosniens, kamen hieher nach Vinkovce auf k. k. Gebieth und bathen mich ihre Worte niederzuschreiben.

Da wir Ihre herzliche Theilnahme für das traurige Schicksal des Volkes der Gradačacer Nahie (Bezirk) können, welchem nicht erlaubt ist zum Pascha nach Tzla klagen zu kommen, so sind wir auf das Gebieth seiner k. k. Majestät gekommen, um Ihnen diese Worte zuzusenden, mit der Bitte, dieselben dem Pascha mitzutheilen und sich dafür zu verwen — den dass er aus erhöhe, und mit uns so verfare wie wir bitten.

Geehrter Pascha!

Sie sendeten unter uns einen Ihrer Leute, dessen Name Bekir Effendi sein soll, und Ihnen und dem Kaiser wahrhaft zugethan ist, damit der von der ganzen Welt, verlassen und elenden christlichen Bevölkerung geholfen werde. Allein wozu nützt dessen guter Wille, wenn die Gradačacer Turken dagegen sind! Fragen Sie ihn und er wird Ihnen die Uebelstände Misstrauche schildern die er sah und hörte. Erwarten Sie jedoch nichts vom Gebrauche die Rajahs vor Ihr Conseil zu führen und zu verhören da unter solchen Umständen Niemand die Wahrheit sagt, wie sie aus nachstehenden Gründen leicht entnehmen werden.

1. Wenn Ihr Abgeordneter seinen Bericht überreicht hat, wird er im Conseil verlesen und man sendet um die armen Rajahs. Aber bereits unterwegs droht ihm der von Čenetić verleitete Polizeiman, dass falls er gegen die Türken aussagen würde, er es mit dem Leben bezahlen würde; und bevor er noch vor Sie gelangt wird er nicht selten beschimpft oft sogar gebunden.

2. Ihre Abgeordneter verweilt nur 5 bis 10 Tage im Orte. Der Bauer muss jedoch dort sein ganzes Leben zubringen und wird von den Türken gegen die er aussagt bis an sein Lebensende auf jegliche Art verfolgt.

3. Ihr Abgeordneter hat gehört von Hadži Bey und Hadži Bekir Begović dass uns Hessein Arnaut nicht als die nackte Haut gelassen habe. Dieser

sind wir sicher solange wir schweigen. Sobald wir aber vor Ihnen erscheinen und Beweise vorbringen, wird er oder seine Leute Nachts in unsere offenen schlecht verwahrten Hütten eindringen und uns tödten oder wenigstens elendlich misshandeln. Nachdem wir also Zeugniß gegen Hussein Arnaut abgelegt hätten bliebe uns kein Ausweg übrig als aus Bosnien zu fliehen, wie dies von Banjaluka aus geschehen soll.

Auch mögen Sie erwägen dass kein Weizen ohne Unkraut ist. Unter den Rajahs gibt es auch selbstsüchtige Leute denen nur der eigene Vortheil als Leitstern ihres Benehmes dient. Den Bedrückern wird es leicht derlei Leute zu Dorfrichtern zu machen. Bei der Tretina — Einhebung werden dann der Dorfrichter und zwei drei ähnlich gesinnte gesetzlich behandelt die übrigen aber um so mehr gedrückt. Kommt es zur Klage so erscheint der Dorfrichter mit den geschonten Bauern die freilich mit guten Gewissen aussagen können, dass sie keinerlei Bedrückung erlitten haben. Wie wir vernehmen hat sich ein solcher Vorfall so eben in Mala Dolna zugetragen. Der dortige Knez (Dorfrichter) wurde wider den Willen das ganzen Dorfes von Čenetić eingesetzt, welche letzterer dem Tretina beauftragten Hassan Mula Mukatović bei der Einhebung freies Spiel lässt. Hassan ging nach eigener Willkühr zu Werke, liess in das Buch eintragen was ihm gut schien, und liess weder Dorfbewohner noch Grundeigenthümer der Tretinaeinhebung beiziehen. Das kais[erliche] Gesetz ordnet an dass die Dorfbewohner ihrerseits 12 Leute der Einhebung beiziehen, aber der Knez und Hassan sagten wozu dienen diese Leute und zogen nur zwei bis drei Vertraute bei die ohne Widerspruch die Hälfte anstatt das Drittels nehmen liessen und doch als Zeugen betrachtet werden.

Das kais[erliche] Gesetz ordnet ferner an dass jedes Dorf seinen Tretina-register oder Kerbholz habe worauf notirt was in Gegenwart der Bestellten, des Schreibers und der Bauern für Recht befunden wird, und ebenso im Register des Tretinasammlers. Aber jener Knez hat weder Register noch Kerbholz und lacht mit dem Čenetić in Conseil über die Bauern die klagen dass man kein Kerbholz halte.

Es wurde ihnen berichtet dass Hassan es auf den Ruin der Staatsbauern abgesehen habe, Ihr Abgeordneter hat es auch im geheimen Wege erfahren. Allein in Gradacsac erschien vor der Conseil der Knez mit den ihm gleichgesinnten Bauern und der Beweis über die Bedrückungen einerseits und über die Bestechlichkeit anderseits konnte nicht hergestellt werden; dass aber Hassan sich bei der Tretinaeinhebung in Mala Dolna bestechen liess ist gewiss; denn er erhielt von Ivo Deljković 10⁺ von Jozo Duljeva 1⁺ von Ivo Jočković 1⁺, von Damjana 9⁺ von Time Bernatova 6⁺, von Ilija Ambrožina 5⁺, von Mio Stanić 5⁺ von Pejo Dragine 2⁺, von Tunje Pavić 5⁺, und ausser dem von manchen andern die zu arm sind um nach Tuzla zur Zeugen, schaft zu kommen, oder welche wir nicht kennen. Zürnen Sie den armen Rajahs nicht wenn sie zur Bestechung greifen im Momente wo man ihnen alle Vorräthe wegnehmen will, ihnen bleibt kein anderer Ausweg.

Rufen sie diese Leute zu sich und sie werden die Wahrheit hören, aber nehmen Sie sich nicht die Mühe sie vors Conseil zu stellen, eine derlei Aussage kann mit dem Leben bezahlt werden. Rufen Sie diese Leute durch Ihre Kawassen aus ihren Häusern nach Tuzla und bedienen Sie sich nicht das Čenetić welcher die Mittel findet um ihnen den Mund zu verschliessen. Sie sind Kaimakam in Tuzla aber Čenetić ist Kaiser in Gradacsac. Die Begs selbst sind gedrückt und können sie nicht helfen wie sollen es die Rajahs thun.

Fragen Sie die Begs wer den Hassan zum Bestellten der Tretina gemacht habe, und Sie werden hören, dass es Čenetić war und dessen Bruder Afis Osman Zirat der Mudir. Bereits im verflossenen Jahre begann er auf den

Staatsgütern die Tretina einzubeheben, wurde aber wegen seiner Willkühr alsogleich vom Kaimakam Nuredin Pascha abgesetzt.

Wir bitten Sie fussfällig sich durch ihre eigenen vertrauten Leute zu überzeugen wie man mit den Rajahs verfährt und den Dodlaner Knez vorzurufen und ihm das Halten des Kerbholzes anzubefehlen, denn sonst wird der Gebrauch der Register und Kerbholzer in allen Dörfern Kastreća und Tolisa werden Ihnen sagen in welcher Weise das Conseil ihnen Recht wiederfahren liess. Alles dies kennt bereits Bećir Effendi.

Die Rajahs der Gradacsacer Nahie küssen Ihnen den Saum des Kleides, wünschen Ihnen die höchsten Würden, und senden für Ihre Gesundheit Gebethe zum Himmel.

Die Rajahs der Gradacsacer Nahie

HHStA, Wien, Konsulate, K. 138, Fasc. Gen. Kons. Sarajevo, 1860, Fol. 48—51. Пер. с серботорват. яз., современный подлиннику.

Перевод

Ваша милость, г-н императорский и королевский консул!

Бедные христианские жители Боснии прибыли сюда, в Винковцы, на территорию его императорского и королевского величества и попросили меня записать ниже следующее.

Зная, с каким сердечным участием вы относитесь к печальной участи населения Градацкой нахии, которым не дозволено было принести свои жалобы паше Тузлы, мы пришли на территорию его императорского и королевского величества, чтобы послать вам эти слова с просьбой сообщить их паше и ходатайствовать перед ним, чтобы он принял нас и поступил с нами так, как мы просим.

Почтённый паша!

Вы послали к нам одного из ваших людей по имени Бекир-эфенди, истинно преданного вам и императору, с тем, чтобы он помог несчастному христианскому населению, покинутаго всеми. Однако что может сделать добрая воля этого человека, если все турки в Градаце воспротивились его намерениям? Спросите его, и он вам расскажет о тех невероятных бедствиях, которые он наблюдал и о которых слышал. Но не ждите ничего хорошего от обычной вызывающей райя в ваш совет и допрашивать их там, т. е. в таких случаях никто не говорит правду по причинам, которые вам станут ясны, если вы ознакомитесь с нижеприведенным списком.

1. Когда ваш посланный передает свое донесение, оно зачитывается в совете и затем посылают за бедным райя. Но уже по дороге в совет полицейский, наученный Ченетичем, грозит ему, что если он даст показания против турок, то поплатится за это жизнью и нередко еще до того, как райя явился в совет, его оскорбляют и даже связывают.

2. Ваш представитель находится в том месте, куда он послан, лишь от 5 до 10 дней. Крестьянин же должен жить здесь всю свою жизнь, и турки, против которых он выступил, будут преследовать его всю его жизнь, до смерти.

3. Ваш представитель слышал от Хаджи-бея и Хаджи Бекир Беговича, что Хусейн Арнаут отнял у нас все, буквально оставив в чем мать родила. Это правда, и так будет продолжаться, пока мы будем молчать. Но как только мы явимся к вам и предъявим доказательства, он или его подручные прокрадутся ночью в наши открытые убогие лачуги и убьют нас или жестоко изувечат. После того, как мы выступим свидетелями против Хусейна Арнаута, нам останется только бежать из Боснии и придется это сделать из Банялуки.

Как вы знаете, нет пшеницы без сорняков. Среди райя находятся своекорыстные люди, для которых выгода является единственной целью их действий. Для угнетателей не составляет труда назначать таких людей судьями в деревне. Во время взимания третины с деревенским судьям и двумя—тремя людьми, имеющими такой же образ мыслей, поступают по закону, зато остальных притесняют еще больше. Если поступает жалоба,

то является деревенский судья с теми крестьянами, которым было оказано снисхождение и которые могут сказать со спокойной совестью, что не страдают от притеснений. Как мы слышали, такой случай произошел в Мала Дольна. Тамешний кнез (деревенский судья), назначенный Ченетичем вопреки воле всей деревни, предоставил полную свободу действий Хасану муле Мукатовичу, собирающему третину. Хасан действовал по собственному произволу, записал в книгу все, что хотел, и не позволял ни жителям деревни, ни землевладельцу участвовать в сборе третины. Закон предписывает, что в сборе третины должно участвовать 42 человек от жителей деревни, но кнез и Хасан сказали, что эти люди ни к чему, и привлекли к делу только двух или трех доверенных лиц, которые без возражения позволяли, чтобы взымалась не треть, а половина, и несмотря на это их же вызывали свидетелями.

Императорский закон далее гласит, что каждая семья должна иметь реестровую книгу или бирку с насечками, в которой бы отмечалось количество собранной подати, правильность которого устанавливается в присутствии назначенных для этого людей, писаря и крестьян, и точно так же делаются записи в регистрационную книгу сборщика. Однако кнез не имеет ни регистрационной книги, ни бирки с насечками и вместе с Ченетичем смеется в совете над крестьянами, которые жалуются на отсутствие бирки с насечками.

Им было сказано, что Хасан намерен разорить крестьян, работающих на государственных землях. Ваш представитель также узнал об этом секретным образом. Однако кнез явился в ваш совет в Градачае вместе со своими единомышленниками — крестьянами, и оказалось невозможным представить доказательства как притеснений, так и ваяточничества, тем не менее несомненно, что во время сбора третины в Мала-Дольна Хасан брал взятки, т. е. он получил от Иво Дельковича 10#, от Позо Дулева 1#, от Иво Почковича 1#, от Дамьяна 9#, от Тиме Бернатовца 6#, от Илип Амброжича 5#, от Мило Станича 5#, от Нейо Драгина 2#, от Туше Павича 5# и кроме того от некоторых других, которые слишком бедны, чтобы явиться в Тузлу для дачи свидетельских показаний, и тех, кого мы не знаем. Не гневайтесь на бедных райя за то, что они дают взятки, т. к. у них не остается иного выхода в тот момент, когда им грозят отнять все их припасы.

Вызовите этих людей к себе, и вы услышите правду, но не пытайтесь вызывать их в совет, т. к. за показания, данные там, они могут заплатить своей жизнью. Пусть ваши кавасы приведут этих людей прямо из их домов в Тузлу, и при этом не обращайтесь за помощью к Ченетичу, который найдет средства заткнуть им рот. Вы каймакам в Тузле, а Ченетич — это император в Градачае. Притесняют даже бегов, и те бессильны себя защитить, так что же могут сделать райя?

Спросите бегов, кто поставил Хасана сборщиком третины, и вы услышите, что это сделал Ченетич и его брат Афис Осман Зират. Еще в прошлом году он начал собирать третину, однако из-за творимого им произвола был сразу же отставлен от этого каймаканом Нуретдин-пашой.

Мы припадаем к вашим стопам и просим убедиться через ваших собственных доверенных людей, как обращаются с райя, вызвать к себе долланского кнеза и приказать ему завести бирку с насечками, т. к. употребление реестровых книг и бирок с насечками в деревнях Кастреча и Толнза покажет вам, справедливо ли с ними поступают. Бечир-эфенди все это уже знает.

Райя Градачакской нахия целуют край вашего платья, желают вам высочайших почестей и молятся за ваше здоровье.

Райя Градачакской нахия

Донесение Е. Р. Шулепникова Е. П. Ковалевскому о просьбе митрополита Дионисия оказать помощь в устройстве близ Сараева монастыря и духовной школы

№ 27

9 марта 1860 г. Сараево

Милостивый государь Егор Петрович!

На днях вследствие изъявленного митрополитом Дионисием желания имел я с ним свидание, в котором, выразивши мне всю симпатию и любовь к православным христианам Боснии, он представил мне все опасности, угрожающие как церкви, так и единоверцам нашим сей провинции. Видя действительно непритворные со слезами выраженные им чувства его ко благу и пользе церкви и видя справедливость его слов, я считаю обязанностью моею представить на благоусмотрение вашего превосходительства все содержание моего с ним конфиденциального разговора.

Из донесений как предшественника моего, так и моих вашему превосходительству известно, как недостаточно и жалко образование здешнего духовенства. Ныне обстоятельства принимают серьезные обороты, могущие быть вредными для будущности здешнего православия. Католическая пропаганда, все более и более распространяясь в Боснии, угрожает превращению значительной части православного народонаселения в католицизм. Католическая епархия в Боснии, имея священников, в сравнении с православным духовенством довольно образованных и получивших воспитание в Риме или в Австрии, строит теперь монастыри и школы на деньги, пожертвованные папою и французским и австрийским правительствами. Так, в одном часе от Травника уже построен монастырь в обширных размерах со школою, в которой устроено до 100 комнат. Эта школа, устроенная для молодых людей от 17 до 25 лет, приготавливает их в священники, которые разумеется, будут иметь всегда превосходство над православными священниками. В Ливно также устроена школа, в которой уже воспитывается до 15 молодых людей. Для обеих этих школ выписаны учителя из Австрии. Кроме того, получая от католических держав, а в особенности от папы немалые пожертвования, пропаганда их легко все более и более распространяется по Боснии.

Христианское православное народонаселение, не имея средств ни к образованию себя и детей своих, ни к приготовлению духовных пастырей себе, не имеет ни одной школы, которая могла бы дать им, подобно католикам, хороших и образованных священников. Православные, понимая свое жалкое положение, желали бы устроить школы, но скудные средства их не позволяют им того. При том, видя процветание и благосостояние католических школ, которые имеют умных и хитрых учителей, они, наконец, предпочитают посылать детей своих в католические школы, и тогда, разумеется, это будет главною причиною распространения католицизма. Обративши взор на будущее, невольно рождаются опасения, которые еще можно предупредить. Для предотвращения-то этого несчастья митрополит Дионисий желал меня видеть и советоваться со мною.

Он сказал мне, что хочет устроить недалеко от Сараева, именно между Травником и Сараевым, монастырь с духовною школою вроде наших семинарий. В этой школе воспитывались бы дети православных жителей Боснии всех сословий и только из нее рукополагаемы бы были священники. Митрополит Дионисий на высочайшие пожертвованные деньги устроил духовную школу с тою же целью при Баньском монастыре, но дальнейшее расстояние его от Сараева не дает довольно возможности наблюдать за успехами и благосостоянием школы, а равно и я не в состоя-

нии давать точный отчет о совестливом употреблении высочайше пожертвованной суммы. Напротив, школа, будучи не в далеком расстоянии от Сараева, может более процветать под надзором как самого митрополита, так и моих.

Так как во всей Боснии не имеется ни одного образованного священника или учителя, то митрополит Дионисий находит нужным выписать одного священника или монаха русского, который был бы и главным директором и надзирателем упомянутой школы.

Основание монастыря и школы без помощи правительства нашего не может состояться; потому согласно просьбе всей православной общины сараевской я осмеливаюсь просить ваше превосходительство принять живейшее ваше в этом деле участие и, повергнув к стопам его императорского величества государя императора полезный для православия в Боснии план митрополита, испросить как денежное пособие, так и назначение в предполагаемую школу ученого священника или монаха.

При этом я долгом своим считаю просить ваше превосходительство, дабы вы почтили меня уведомлением о сем деле, ибо если желание митрополита удобоисполнимо, он тотчас напишет в Константинополь для испрошения фирмана на постройку монастыря, причем он и сам готов на сей конец пожертвовать довольно значительную сумму.

Что же касается до отправления кого-либо из России, то митрополит Дионисий сказал мне, что, по его мнению, назначенный сюда должен будет ехать сначала в Константинополь, где чрез ходатайство миссии нашей он будет представлен патриарху, который снабдит посланного инструкциями с своей стороны, и тогда приезд сюда русского духовного лица не возбудит ни малейшего подозрения со стороны здешних властей.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугой

Е. Щуленников

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 802, л. 13—16 об. Подлинник.

131

Донесение К. Васича И. Рехбергу о подготовке к строительству укреплений в Новопазарском санджаке и о жалобе христиан Градацкой нации на злоупотребления властей

27 марта 1860 г. Сараево

Воспокоительный Граф!

Из Berichte vom 1-ten Februar I. J. N 1 erwähnte ich dass vom Rumelischen Armee Comando ein Genie Oberst nach Novi Pazar entsendet wurde um Befestigungen vorzunehmen. Auch Oberstleutnant Tosum Bey begab sich im verflossenen Monate in jede Gegend Bosniens, wohin nun auch der General Major in Geniecorps Abdi-Pascha abgereist ist.

Diese Entsendung höherer Genie — Offiziere nach Novipazar berechtigt zur Erwartung dass es der ernstliche Wille der Pforte ist sich die Verbundung mit Bosnien für alle Fälle zu sichern. Wie leicht dieselbe unterbrochen werden kann haben im serbischen Aufstande die Ereignisse des Jahres 1809 hinlänglich dargethan. Kara Georg, dem an der Ostseite die russische Armee zur Hilfe kommen sollte, entschloss sich von der Westseite aus bei Zvornik

und Sjenitz in Bosnien ein Zufallen, sich mit den Montenegrinern zu vereinigen, und die Christen Bosnien und der Herzegowina gegen die Türken in die Waffen zu rufen. Georg überstieg im Frühjahr 1809 das hohe Gebirge bei Sjenitz schlo die Türken, vereinigt: sich bei Drobnjake mit den Montenegrinern, und sach die Christen längst der serbischen und montenegrinischen Grenze gegen die Türken sich erheben. Allein diese Erfolge wurden durch die Niederlagen der Serben bei Nisch und an der Morava überwogen, und die Gefahr ging für diesmal worüber, da Kara Georg alle Streitkräfte nach dem Südwesten abrücken lassen müssen¹.

Diese Gegend ist es welche nun Befestigungen erhalten sol Man spricht von einfachen Verschanzungen bei Novipazar, Sjenitz und Taschlitca, in welche sich die türkische bevölkerung im Falle eines Angriffes der Serben oder Montenegriner fluchten könne. Allein eine oberflächliche Prüfung dieser Angabe genügt, um die Richtigkeit derselben mit Recht zu bezweifeln. Der Kreis von Novipazar zählt 4 000 waffenfähige Türken, die auf den ersten Ruf und in wenigen Stunden sich in den fertig stehenden befestigten Lagern versammeln und die Communication zwischen Bosnien und Macedonien ohne Schwierigkeit offen erhalten können. Die friedliche türkische Bevölkerung dagegen würde schwerlich in derley Schanzen ihre Zuflucht suchen, sondern wie bisher sich entweder in entfernte sichere Orte begeben oder der Gefahr selbst trotzen, die übrigens aus dem Grunde nicht vom Belange ist, da zwischen Serben, Bosniern und Montenegrinern keine Racenverschiedenheit obwaltet, der Kampf selbst bisher in Grusamkeiten gegen Wehrlose nur selten ausartete.

Ich glaube daher nicht ohne Grund anzunehmen, dass man die Absicht hat in jenen Gegenden mehrere günstig gelegene Punkte zu befestigten Positionen einzurichten, in denen der türkische Bandsturm allerdings ersprissliche Dienste leisten könnte.

Wie viel die bosnische Administration noch zu wünschen übrig lässt werden Euer Excellenz auch aus Nachstehenden entnehmen können.

Bekanntlich empörte sich im Jahre 1813 der Capitan Husein von Gradacsac² als Janitschare, und wurde im nächstfolgenden Jahre als das Waffenglück sich zu Gunsten des Sultans erklärte mit der Einziehung der Güter und dem Exile bestraft. Unter den eingezogenen Gütern befinden sich 13 katholische Dörfer der Posavina bei Gradacsac die in 1300 Höusern eine Volksmenge von 10.000 Serben zählen mögen. Die Namen der Hervorragenden dieser Dörfer sind Doljna Mala, Tolisa, Matica, Žabre etc. Den Zehent und die Tretina dieser Orte bezieht der Staat entweder direkt durch die Behörden, wie es gegenwärtig der Fall zu seyn scheint, oder verpachtet die Einhebung an der Neistbiethenden.

Die Bauern dieser Dörfer haben von Vinkovce ein anonime Gesuch an den k. k. Consular-Agenten in Tuzla gerichtet und um Untersuchung und Abstellung der daselbst geschilderten Missbrauche gebethen. Der k. k. Consular-Agent hat dieses Gesuch wovon eine Übersetzung beifolgt, dem Kaimakam Azis Pascha vorgelesen, welcher letzterer zwar allsogleich die bezeichneten Bauern zu sich rufen liess, und an die Provinzial — Regierung ausführlich zu berichten versprach, mit Rücksicht jedoch auf den Anhang der Bauerbedrückten ein selbstthätiges Auftreten nicht am Olatze fand. Da derlei Bedrückungen und Betrügereien die Interessen des Staates auf das Empfindlichste berühren, so will ich mich der Hoffnung zugesellen, dass die Provinzial — Regierung nicht versäumen wird ihr Amt zu handeln. Ich habe mich daher jeder Einmischung enthalten, und nur die Consular-Agentie beauftragt über den Erfolg des gemachten Schrittes seiner Zeit zu berichten.

Ich habe gleichzeitig einen gleichlautenden Bericht dem Kaiserlichen Unternuntius eingesendet.

Geruchen Euer Excellenz den Ausdruck etc.
Wassitsch

HHStA, Wien, Konsulate, K.138, Fasc. Gen. Kons. Sarajevo, 1860, Fol. 16—25. Подлинник.

Перевод

Высочайший граф!

В донесении № 1 от 1 февраля с. г. я отметил, что командование Румелийской армии направило полковника инженерных войск в Нови Пазар, чтобы тот взял в свои руки работы по возведению укреплений. Кроме того, подполковник Тосум-бей отправился в прошедшем месяце в тот же район Боснии, куда выехал теперь и генерал-майор инженерного корпуса Абди-паша.

Отправка высших офицеров инженерных войск в Нови Пазар подтверждает предположения о том, что Порта серьезно намерена на всякий случай крепить связь с Боснией. События 1809 года, когда произошло восстание в Сербии, убедительно доказали, насколько легко эта связь может быть нарушена. Карагеоргий, которому русская армия должна была придти на помощь на восточной стороне, решился напасть с запада на Зворник и Сеницу в Боснии, соединиться с черногорцами и поднять христиан Боснии и Герцеговины на борьбу против турок. Весной 1809 года Карагеоргий перешел через высокие горы близ Сеницы, соединился у Дробняка с черногорцами и способствовал тому, что христиане на сербской и черногорской границах поднялись против турок. Однако поражения, нанесенные сербам у Ниша и Моравы, перевесили этот успех, и в тот раз опасность миновала, т. к. Карагеоргий был вынужден отвести все войска к юго-западу¹.

Именно в этих местах сейчас готовятся возводить укрепления. Говорят о том, что у Нови Пазара, Сеницы и Ташлицы будут строиться простые траншеи, в которых найдет себе убежище турецкое население в случае внезапного нападения Сербии и Черногории. Однако даже при поверхностном размышлении над этим сообщением возникает сомнения в его правильности. Округ Нови Пазар насчитывает 4000 турок, способных сражаться, которые по первому же призыву соберутся в течение нескольких часов в готовом укреплённом лагере и без труда смогут поддерживать сообщение между Боснией и Македонией. Мирное турецкое население едва ли стало бы искать убежища в таких траншеях, а, как это было и раньше, скорее бежало бы в отдаленные местности, либо пренебрегло бы опасностью, которая впрочем невелика по той причине, что между Сербией, Боснией и Черногорией не существует расового различия, и до сего времени в этой войне случаи жестокого обращения с беззащитными людьми встречались редко.

Поэтому, как мне кажется, есть основания предположить, что в указанных районах планируют превратить ряд удачно расположенных пунктов в укрепленные точки, используя которые атакующие части турецкой армии смогли бы добиться немалых успехов.

Как многого еще оставляет желать управление Боснией, ваше превосходительство сможет понять из нижеследующего сообщения.

Как известно, капитан Хусейн из Градачаца, будучи янычаром, взбунтовался в 1813 году², и, когда в следующем году военная удача перешла на сторону султана, он был наказан конфискацией поместья и ссылкой. Среди конфискованных поместий находятся 13 деревень с католическим населением в Посавине близ Градачаца, в которых имеется 1300 домов с общим числом жителей 10 000 по национальности сербов. К наиболее значительным из этих деревень относятся Дольна Мала, Толиса, Матицы, Жабре, и др. Десятину и третину в этих местах собирает само государство либо непосредственно через своих чиновников, либо отдает в откуп сбор этих налогов тому, кто предлагает наивысшую цену.

Крестьяне этих деревень направили анонимную петицию из Випковцев на имя агента императорского и королевского консульства в Тузле с просьбой, чтобы было проведено расследование и прекращение описанных ими злоупотреблений. Агент императорского и королевского консульства прочел эту петицию, к которой был приложен перевод, каймакуму Азиз-паше, и хотя последний тотчас приказал позвать к себе указанных крестьян и обещал подробно доложить об этом деле властям провинции, однако он не считал возможным вмешаться в дело лично, считаясь со сторонниками лиц, угнетавших крестьян. Так как подобные притеснения и мошенничества самым чувствительным образом ущемляют интересы государства, я присоединяюсь к тем, кто выражает надежду, что власти провинции сумеют выполнить свои обязанности. Поэтому я воздержался от всякого вмешательства и только поручил агентам консульства доложить в свое время о результатах принятых мер.

Одновременно я направил такое же донесение императорскому интернунцию³.

Примите, ваше сиятельство, выражение и т. д.
Васич

¹ Во время Первого сербского восстания (1804—1813) Карагеоргий обратился к боснийским сербам с просьбой поддержать восстание. Весной 1809 г. сербские повстанцы предприняли широкое наступление на турецкие войска, в том числе в Боснии, где им удалось захватить ряд населенных пунктов и осадить города Сребреница и Зворник. Однако вскоре сербские отряды были вынуждены отступить за р. Дрину. Первое сербское восстание оказало большое влияние на население Боснии и Герцеговины. В конце сентября 1809 г. в Боснийской Крайне вспыхнуло восстание сербов во главе с Йованом Явичем, оружейным мастером из Сараева, поддерживавшим связи с Сербией. Восстание было жестоко подавлено турками (см.: Чубрилович В. При српски устанак и босански Срби. Београд, 1940).

² В документе ошибка. Восстание против Порты под предводительством Хусейна-капетана Градашчевича произошло в 1831 г.

132

Отношение К. Д. Петковича российскому консулу в Мостаре В. В. Безобразову о просьбе зубчан содействовать улучшению их положения и выполнению обещаний турецких властей

№ 108

10 (22) апреля 1860 г. Рагуза

Считаю нужным препроводить при сем к вам для вашего сведения письмо, полученное мною от старшин зубчан, в котором они описывают бедственное положение своего края, жалуются на местные турецкие власти, обещавшие им золотые горы при их добровольном покорении¹, но доселе ничего не исполнившие и продолжающие по-прежнему притеснять и грабить их, и просят защиты и покровительства и советов, как им вести себя при таких обстоятельствах.

Несколько дней спустя по получении этого письма зубчане прислали ко мне секретно доверенное лицо с тем, чтобы сообщить мне и словесно о своем состоянии и просить представительства у османских властей через посредство нашего консульства в Мостаре об облегчении их участи исполнением того, что было им торжественно обещано. Этот посланец заключил изложение жалоб зубчан объявлением, что в последних смутах они все потеряли, у них теперь нет ни домов, ни домашних пожитков, живут в горах и пещерах, подобно диким зверям, и не имеют ни одной церкви в целости, где бы могли богу помолиться, что они остаются как и всегда послушными султану и его законным властям, но не могут терпеть насилий и угнетений от башибузуков и местных турок и желают, чтобы с ними поступали, как им обещал Кемаль-ефенди торжественно перед

европейскими консулами, т. е. чтобы не впускали к ним башибузуков и чтобы оставили им народных старшин, которые обяжутся перед местными властями за спокойствие края, за безопасность дорог, за своевременное и исправное доставление следующих в казну податей, которые должны быть сведены все в одну статью, и за точное отправление других государственных повинностей.

Если вы найдете возможным иметь разговор по этому предмету с турецкими властями, то, полагаю, не бесполезно было бы поставить на вид Дервиш-паше и особенно комиссару Порты и губернатору Герцеговины, что кроткое и снисходительное обращение не только с зубчанами, но и с прочими смежными с Черногориею герцеговинскими племенами находится в интересах турецкого правительства, что оно может утвердить пограничное спокойствие с Черногориею и избавить местные власти от беспрерывных тревог и хлопот, а правительство от больших расходов, которые оно теперь тратит на содержание башибузуков, которые не приносят ему никакой пользы, а, напротив, причиняют еще большой вред, возбуждая своим поведением неудовольствие, ропоты и восстания христианского населения.

В бытность мою в Цетине в последний раз князь Даниил сообщил мне, что старшины зубчан и других пограничных герцеговинских племен приходят беспрестанно к нему с жалобами на турок, и сказал, что такое положение не может благоприятствовать тишине и спокойствию между его собственными подданными и что поэтому желал бы, чтобы Порты поспешила устроить участь этих несчастных христиан, как было им обещано. Ваш консул в Мостаре, присвокупил его светлость, может много сделать в этом деле своим посредничеством у оттоманских местных властей, пусть они исполняют добросовестно то, что обещали, а я с своей стороны могу поручиться им за будущее сохранение спокойствия и мира между ними.

Примите и пр.
Верно: Лаговский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2122, л. 92—93. Заверенная копия.

¹ По-видимому, речь идет об обещаниях «всяких щедрот» от султана в обмен на покорность, содержащихся в обращениях к повстанцам Князи-паша и Кемаль-эфенди (см.: док. 67, 69 и примеч. к нему).

133

*Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому
о разорении населения Краины феодалами и чиновниками и
о массовом переселении христиан в Австрию и Сербию*

№ 40

12 (24) апреля 1860 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

В донесении моем от 9 (21) февраля сего года за № 8 я имел честь уведомить ваше сиятельство о переселениях, начавшихся из Посавины в Австрию, и при том представил мое мнение, что таковые могут скоро воспоследовать и в Краине¹. Ныне предположения мои оправдались, ибо в Краине в настоящее время совершается довольно серьезное переселение. По рассказам одного торговца, заслуживающего доверия, прибывшего на днях из Краины в Сараево, бедность и страдания несчастных жителей краинских довели их до отчаяния; они бегут, оставляют свои

дома и с женами и с детьми переселяются в Австрию. Не имея не только денег, но часто и куска хлеба, кроме того, притесняемые как своими агам, так и каймакамами, мудирами и другими турецкими чиновниками, особенно при сборе податей, они решились искать в Австрии не только дневного пропитания, но и безопасности своей жизни. По словам торговца, их переселилось уже до 20 000 человек; хотя число это, вероятно, и преувеличено, но еще фальшивее показание здешнего генерал-губернатора Осман-паши, который при свидании моем с ним объявил мне, что из Краины переселилось всего 74 дома (до 500 человек). Я был поражен хладнокровием и спокойствием паши, с которым он меня уверял о ничтожности сих происшествий, когда до 25 000 человек, несколько не преувеличивая, уже оставило его провинцию и из этого числа из Краины до 6 000. Осман-паша сказал мне, что пожертвованная султаном сумма в 100 000 пиастров и собственная его в 20 000 пиастров была послана в Краину для раздачи беднейшим райям и что он отдал приказание раздать эту сумму не деньгами, а хлебом, но по достоверным сведениям, дошедшим до меня, почти ничего не было роздано, ибо, сколько я особенно в последнее время мог убедиться, паша лишен всякой энергии и он сам служит игрушкой нескольких окружающих его лиц, из которых первый — его кайя. Хотя он и отдает полезные для края приказания, как, например, он велел агам отворить амбары свои с хлебом для продажи семян и для ежедневного пропитания жителей, ибо рынки вследствие голода почти что не бывают, но приказание его аги не слушают, хотя между ними находятся весьма зажиточные, как в Баньялуке, например, Хаджи Али-Бег Джинич имеет амбары, наполненные хлебом, которым он один может в продолжении нескольких месяцев пропитать до 40 000 человек. Паша равно приказал помещикам давать заимообразно своим кметам семена и брать с них обратно натурой же после урожая, но они, напротив, берут деньгами и вдобавок двойную, тройную цену. Вследствие всего этого несчастные кметы находятся в наипобеднейшем положении. Доказательством того может служить между прочим факт, рассказанный мне тем самым торговцем: он имел получить несколько тысяч пиастров от райи в Краине за товары, проданные им в прошедшем году в долг, и ныне вырученная им сумма состоит почти вся из монет с ушками, т. е. служивших украшениями их жен и дочерей, ибо по боснийскому обычаю всякая женщина и девушка должна иметь украшения из золотых или серебрянных монет, переходящих от матери к дочери.

Не знаю, до какой степени справедливы дошедшие до меня слухи, но, говорят, что Австрия, принимая к себе переселенцев, дает им за работу хлеб взрослым людям по 7 карантов, а детям — по 4 карантов в сутки и имеет намерение переселить их далее от границы Боснии, взяв от них письменное обязательство, что они более не возвратятся в свое отечество.

В Посавине переселение, начавшееся еще в феврале месяце, продолжается до сих пор. Паша же уверяет меня, что жители переходят только в Сербию с выданными от турецких властей тескерями (паспортами) и что их не перешло более 24 домов или 150 человек. Из этого должно заключить, что паша или не хочет сознаться в несчастном положении его провинции, или же он обманывает каймакамами и мудирами, стыдящимися представить ему истину.

Впрочем система молчания и произвола есть, как кажется, система, принятая турецким правительством, ибо, как мне говорили христиане в Сараево, Осман-паша посылал три раза в Константинополь древесную кору, из которой приготавливали райи себе хлеб, которым они питались всю зиму, но он не получал никакого ответа на столь важное обстоятель-

ство. Бедность и голод, претерпеваемые даже в самом Сараеве, где производятся воровство муки и съестных припасов и бывают даже случаи голодной смерти между мусульманами, нисколько не рекомендуют административную деятельность паши и его энергию к предотвращению могущих произойти от того происшествий. Напротив, он считается иллюзиями, для меня непостижимыми, говоря, что в Боснии все спокойно, что лучше, чем он, управлять провинцией нельзя, что фирман о третины исполнен к всеобщему удовольствию, ибо 40 000 контрактов между агами и кметами уже заключены и разосланы, и что он ожидает еще 30 000, которые в скором времени должны быть присланы из Константинополя, словом, по словам его, Босния не страдает, и притеснения нигде в его провинции более не совершаются, тогда как мне положительно известно, что притеснения одного баньялукского каймакама превосходят все меры жестокости. В продолжение 8 месяцев своего управления в Баньялуке заключено им было в тюрьму безвинно до 300 христиан, из которых более половины умерло как от голода, так и от жестокого обращения.

Долгом считаю в доказательство увеличивающейся в Боснии бедности представить вашему сиятельству еще один факт: ежегодно в Сараеве в марте месяце продаются многочисленные русوماتы (косвенные доходы), к которым принадлежат подати на кофе, табак и пр. В нынешнем году все они проданы вдвое дешевле, и при том Осман-паша для некоторых из них должен был упрашивать охотников.

С глубоким почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства, покорнейшим слугою

Е. Шуленников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2324, л. 24—27. Подлинник.

¹ Из письма представителя Нишского и Лесковацкого округов Х. Тадица поверенному в делах боснийских эмигрантов в Сербии С. Михайловичу следует, что австрийские власти запрещали эмиграцию христианского населения из Боснии в Сербию через территорию Австрии, опасаясь усиления влияния князя М. Обреновича. При попытках боснийцев тайком перейти австро-сербскую границу, австрийские солдаты открывали огонь (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1380, л. 56—57). В отношении жителей Боснии, переданном российскому консульству, содержится сведения о массовом переселении населения православного вероисповедания в Австрию (Там же, л. 169—170).

134

Письмо старшин мостарской православной общины и архимандрита И. Памучины Е. П. Ковалевскому с выражением благодарности за назначение консулом в Мостар В. В. Безобразова

23 апреля 1860 г. Мостар

Ваше превосходительство!

С явим нашим препонишим писмом усуђуемо ее вашему превосходительству покорнейше молити да бисте вы благоизволили од стране народа православного изывати велику благодарност негово величеству великому и всемилостивейшему императору и государю Александру Николаевичу за учинену велику милост православному народу пославши међу нас своего заступника консула вриедного и почитачия достоиног господина Валериана Владимировича Безобразова.

Ни една милост за ови бедный и угнетенный народ ние тако могла велика бити како што ова што нам е всемилостивейший цар учинио: ер одкад е међу нас дошао ови господин консул, кога смо толико времена жельно чекали. Православный народ у целой Херцеговини много е оживео и од турские неправда оддахнуо. Праведно казати можемо, да е он велики бранитель православног народа, кои смо до сада трпили, и трпимо непростана зла и неправде од Турака. А сада слава всевишнему, ови народ има велику подпору и надежду у овога нашег бранителя господина консула.

За овлику непроценену милост, благодаримо всепресветлейшему и великому императору кои се ние заборавао за ови бедный народ, кои у срдцу и души кличѹ: Живио наш единоверный цар Александр Николаевич.

Не сумњамо, да ће моћи наши неприятельи гледати овог великог бранителя православног (когог прославля и почитуе мало и велико) него да ће свакояке лажи употреблявати и измишляти против нег, како бы га одалечили од све велике народне любви; али уздамо се у велику милост пресветлаго императора, да ће негово величество сусавити међу нама овога великог бранителя православног народа за пуно и много година.

У осталом усуђуемо се назвати вашего превосходительства покорнейше слуге, имајуи у вама велику надежду.

Председательи православного общества, у Мостару

Иоанникий Памучина, архимандрит	Ђорђе Белобрк
Вуко Шотрич	Милинко Оборина
Иово Ристић	Евтан Шотрић
Христо Шола	
Ђуро Додер	

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 610, л. 187—188. Подлинник; л. 189—190. — Пер. на рус. яз., современный подлиннику.

135

Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о недовольстве населения действиями местных властей и о приезде в Мостар австрийского военного атташе Милошевича

22 мая (3 июня) 1860 г. Мостар

Monsieur le prince,

Par mon dernier rapport du 8 (20) Mai, N 51 ¹, j'ai eu l'honneur de porter à la connaissance de votre excellence les derniers événements à Gazko, qui ont motivé l'envoi d'ici d'un binbachi des bachi-bouzouks, dans les vues de prevenir quelque nouveau massacre des musulmans, et de ramener de nouveau à l'obéissance des deux villages de Dulitch et de Bratkovitch dont les habitants avaient déserté vers le Monténégro après le meurtre des frères Tanovitch. Ayant trouvé une opposition assez forte chez les Bagnants pour leur livrer passage, les habitants des villages susmentionnés sont rentrés dans leurs foyers, avant même l'arrivée des bachi-bouzouks à Gazko.

Ce fait si regrettable, en soi-même, a malheureusement servi d'exemple aux autres chrétiens, surtout dans les nahias les plus éloignées de Mostar. Ainsi à Tassidja une bande d'ouskoks a tué deux musulmans dans un combat où il est resté quelques morts du coté des ouskoks aussi. Le fait ayant été rapporté ici, le commandant des troupes Dervich pacha m'a dit, qu'on avait trouvé sur l'un des morts une croix monténégrine qu'il aurait envoyé comme preuve contre la participation des Monténégro dans cette affaire—à Constan-

tinople. La position, expectative jusqu'à présent du Monténégro vis-à-vis la Herzégovine me donne lieu à douter, sinon à la rejeter totalement de l'assertion du général; j'ose même représenter très humblement à votre excellence que les sentiments bien connus de haine portés contre les chrétiens et le désir de ce général de s'attirer les grâces de son gouvernement par ses talents militaires ne seraient peut-être étrangers à toutes ses assertions, comme moyen de réveiller les anciens griefs de la Porte contre le Monténégro et motiver une démonstration contre ce pays.

Le gouverneur complètement dominé par Dervich pacha et le medjlis, provoque le mécontentement général non seulement des chrétiens, mais aussi des musulmans. Toutes les réclamations des chrétiens restent sans résultat; tous les procès s'ils ne sont pas recommandés à quelqu'un des membres du medjlis ne sont pas jugés. Les rayas kmètes (cultivateurs) portent presque journellement plaintes contre leurs propriétaires, et tant que je connais aucune de leurs demandes n'a été trouvée juste par l'autorité. Les aghas mécontents du nouveau règlement pour les terrains décidés à ne pas l'accepter, ont pris des mesures propres à forcer les fermiers ou à rester sans asile ou à se conformer à toutes les exigences des propriétaires. Le petit nombre de ceux des cultivateurs que ont eu le courage de s'opposer aux exigences exorbitantes des propriétaires, ont été forcés à quitter les tchiftliks qu'ils cultivaient depuis plusieurs années, sans recevoir aucun de dommage pour les constructions qu'ils y avaient fait. J'ai fait à ce sujet plusieurs représentations tant au pacha qu'au commissaire de la Porte, et j'ai reçu toujours l'assurance que les rayas avaient attiré sur eux le mécontentement de leurs aghas, qui les ont renvoyés conformément au nouveau règlement. Ces faits ont été très nombreux dans le district de Mostar, où on connaît tant par le clergé, que par les négociants les dispositions du dernier règlement, quant aux districts un peu éloignés comme ceux de Fotcha, Gatzko, Priepol et autres, le règlement n'y est pas même connu, comme me l'ont assuré les knezs de ces différentes contrées.

Quant au mécontentement des musulmans mêmes, les injustices dont les plus pauvres parmi eux sont victimes ne le rend que trop juste. Je ne porterai qu'un seul exemple à la haute considération de votre excellence. Un habitant d'ici, nommé Hadji Ibrahim Effendi Nemaz, ayant acheté du temps de Tahir pacha un terrain du gouvernement situé dans le casa de Liubutchka, ayant un hadjet du trésor impérial, ayant dépensé un grand argent pour défricher le terrain a été privé sans aucun droit de sa possession. Trois fois il s'est rendu à Constantinople et trois fois il en a rapporté des firmans de la S. Porte, intimant au pacha de l'Herzégovine les ordres les plus formels pour le réintégrer dans la possession de ses biens, et le dédommager de tous les frais et intérêts. L'affaire ayant été revue au medjlis d'ici, l'arrêté a été prononcé en faveur du réclamant contre lequel les adversaires n'avaient aucune preuve à produire. Néanmoins le pacha tout en délivrant au nommé Ibrahim Effendi les ordres pour le mudir de Liubutchka a trouvé le moyen de traîner tellement l'exécution de ses propres ordres que le précité Hadji s'est adressé au consulat impérial en demandant son intervention. Ne pouvant lui refuser, j'ai parlé officieusement à Vassif pacha qui malgré ses promesses à moi de terminer l'affaire, n'a rien fait jusqu'à présent. Portant ce fait à la connaissance de votre excellence comme preuve des injustices commises ici presque journellement envers les musulmans et à plus forte raison envers nos coreligionnaires, j'ose en même temps soumettre à votre excellence que si on pouvait obtenir un ordre de la Porte, prescrivant de rendre justice au nommé Hadji Ibrahim Effendi cela ne pourrait que produire l'impression la plus favorable pour le consulat sur les musulmans d'ici parmi lesquels Hadji Ibrahim Effendi jouit d'un grand respect. Le 7/19 de ce mois est arrivé

ici un officier autrichien le capitaine Miloshevitch attaché militaire au consulat général d'Autriche à Sarajévo. Le but annoncé de son arrivée ici, était qu'il se rendait à Raguse. Néanmoins j'ai dû me persuader bientôt que sous le but avoué, le capitaine cachait un autre projet. Parlant de son désir de faire des excursions dans le pays, il était pourtant indécis de la direction qu'il prendrait, et en attendant il prenait des informations très précises sur les distances entre Mostar et différents points de la frontière autrichienne. Le 15/24 de ce mois est arrivé ici tout-à-fait inopinément de Sarajévo le général de génie Abdi pacha avec un officier supérieur de la même arme et son secrétaire. Cet arrivée sans annonce, le désir de M. Miloshevitch d'avoir au plus vite une entrevue avec le général, désir qu'il a montré très ouvertement ont réveillé mon attention. Connaissant les anciennes relations d'Abdi pacha avec le consulat d'Autriche à Sarajévo, j'ai taché d'avoir les plus strictes renseignements sur le but de son voyage. Le surlendemain de son arrivée le général avait fait une longue visite chez le vice-consul d'Autriche, n'étant venu ni chez moi, ni chez le gérant du v. consulat britannique. Le jour suivant le v. consul d'Autriche lui rendant sa visite, ils ont eu une très longue conférence qui m'a été rapportée en termes généraux. Comme avant la dernière guerre de Crimée, aujourd'hui aussi le gouvernement autrichien paraît vouloir commencer la question de Sutorino et de Klek, et le but du voyage d'Abdi pacha se rendant à Raguse, est de reviser de concert avec les commissaires autrichiens, les limites entre la Dalmatie et les états de la Porte depuis Sutorino jusqu'à Douvno. De là il reviendrait de nouveau à Mostar pour se rendre à Travnik et Bihach, afin de reviser les frontières de la Bosnie et de la Croatie et de combiner les moyens de réaliser un plan aussi ancien celui de creuser un canal entre Brood et Gradachaz, pour éviter le détour que fait dans ces endroits la Sava. Jusqu'à quel point ces informations, qui m'ont été données sous le plus grand secret, sont vraisemblables, je n'ose encore dire, Abdi pacha venant à peine à se rendre à Raguse, mais je crois pouvoir sans crainte de me tromper de soumettre à la haute attention de votre excellence que le voyage d'Abdi pacha paraît être en grand rapport avec celui du capitaine Miloshevitch, le dernier immédiatement après une entrevue avec Abdi pacha est parti pour un couvent catholique à 4 ou 5 heures d'ici. En même temps j'ai appris qu'il avait demandé par l'entremise de son v. consul un bouyouroulti au pacha pour se rendre à Imotchi petit bourg autrichien sur les confins et à Douvno, sur la frontière aussi. Toutes ces démarches, faites avec beaucoup de secret m'ont décelé à tacher de prendre des renseignements plus positifs sur le voyage du capitaine et j'espère soumettre sous peu ces renseignements à votre excellence. Quant à Abdi pacha j'en ai déjà prévenu par une lettre particulière le gérant du consulat de Raguse M. Lagowsky. Dans une entrevue que j'ai eu hier avec Vassif pacha l'ayant demandé sur le voyage d'Abdi pacha il m'a répondu qu'il était chargé de redresser les anciennes limites, sujet à des disputes assez fréquentes entre les propriétaires autrichiennes et turques ainsi qu'une question de propriété dans les environs de Klek.

Abdi pacha n'ayant fait de visite qu'au v. consul d'Autriche, ce qui a fait parler les habitants de Mostar, j'en ai fait des observations à Vassif pacha en lui faisant observer que probablement un manque de convenances pareil envers moi, ne serait pas bien vu par la mission impériale.

Les renseignements que je viens de recevoir de la frontière monténégrine conformément d'une manière presque positive les nouvelles du rassemblement pour aujourd'hui de tous les chefs des tribus chrétiennes à Ostrog où ils doivent avoir une entrevue avec le prince Danil. Les mêmes informations m'apprennent que les musulmans de Nikchitch et de Kolachin se seraient déclarés secrètement sujets du Monténégro. Quoique ces informations me soient con-

firmées par différentes personnes, néanmoins je n'ose encore les soumettre comme fait positif à votre excellence.

Agréez, monsieur le ministre, l'assurance de mes plus profonds respects et des sentiments de la haute considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le prince, de votre excellence le très humble et très obéissant,
serviteur
Val. Besobrasow

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 31—34 об. Подлинник.

Перевод

Князь! В моем последнем донесении от 8(20) мая, № 51¹, я имел честь сообщить вашему сиятельству о недавних событиях в Гацко, послуживших причиной отправки отсюда одного бинбаша башибузуков для предупреждения возможности новой резни мусульман и вернуть к повиновению две деревни, Дулич и Браткович, жители которых после убийства братьев Тановичей бежали в направлении Черногории. Встретив довольно сильное сопротивление со стороны баян, не желавших пропустить их, жители вышеупомянутых деревень возвратились по домам еще до прибытия башибузуков в Гацко.

Это событие, само по себе весьма достойное сожаления, послужило примером для других христиан, в особенности в наиболее удаленных от Мостара нахиях. Так, в Таслиджке банда ускоков застрелила двух мусульман в стычке, во время которой погибло также и несколько ускоков. Когда здесь стало известно об этом, командующий войсками Дервиш-паша сказал мне, что на одном из мертвых был найден черногорский крест, который он в качестве доказательства участия Черногории в этом деле отправил в Константинополь. Позиция Черногории по отношению к Герцеговине, до сих пор выжидательная, дает мне основания, по меньшей мере, подвергнуть сомнению утверждения генерала; я осмеливаюсь даже покорнейше представить вашему сиятельству, что хорошо известные чувства ненависти к христианам и желание этого генерала заслужить милости своего правительства своими военными талантами, возможно, не чужды всем этим утверждениям, выступая в роли средства пробудить давнюю ненависть Порты к Черногории и обосновать выступление против этой страны.

Губернатор, целиком находящийся под влиянием Дервиш-паши и меджлиса, вызывает всеобщее недовольство не только христиан, но и мусульман. Все жалобы христиан безрезультатны; все тяжбы, если разбирательство их не поручено кому-либо из членов меджлиса, заканчиваются несправедливыми приговорами. Райя — кметы (земледельцы) почти ежедневно обращаются с жалобами на своих землевладельцев, и, насколько мне известно, власть не сочла справедливой ни одну из их жалоб. Ага, недовольные новым положением о земельных владениях и полные решимости не подчиниться ему, приняли свои меры, предназначенные поставить арендаторов перед выбором: либо лишиться земли и крова, либо подчиниться всем требованиям землевладельцев. Незначительное число земледельцев, имевших мужество не подчиниться непомерным требованиям земельных собственников, вынуждено было покинуть свои чифлики, которые возделывали много лет, не получив никакого вознаграждения за возведенные на них постройки. Я неоднократно делал представления в этой связи как паше, так и комиссару Порты, и всякий раз получал заверение, что райя навлекли на себя недовольство своих аг, которые выводят их в соответствии с новым положением. Эти факты были весьма многочисленны в Мостарском округе, где благодаря духовенству и торговцам известны постановления последнего положения; что до более отдаленных округов, как, например, Фоча, Гацко, Приполе и другие, там, как уверяли меня князья этих местностей, о положении даже не известно.

Что касается недовольства самих мусульман, случаи несправедливости, жертвами которой становятся самые бедные из них, делают это недовольство более справедливым.

Я обращаю высокое внимание вашего сиятельства всего лишь на один пример. Один адепский житель по имени Хаджи Ибрагим-эфенди Немац, купивший во времена Тахира-паши государственный земельный участок в казе Любушка, имевший ходячий императорский казы и затративший большие деньги на раскорчевку и обработку участка, был без всякого права лишен своего владения. Он трижды ездил в Константинополь и трижды привозил оттуда фирманы Блистательной Порты, самым решительным образом повелевавшие герцеговинскому паше восстановить его в правах собственности и возместить ему все расходы и проценты. По рассмотрении дела адепским меджлисом было вынесено решение в пользу истца, противники которого не могли привести ни одного доказательства. Тем не менее паша, выдав названному Ибрагим-эфенди приказания для мудира Любушки, нашел способ так затянуть исполнение собственных распоряжений, что упомянутый Хаджи обратился в императорское консульство с просьбой о вмешательстве. Не имея возможности отказать ему, я официально обратился к Васиф-паше, который, несмотря на данное мне обещание покончить с делом, до сих пор ничего не сделал. Доводя до сведения вашего сиятельства этот факт в качестве доказательства несправедливостей, почти ежедневно допускаемых здесь по отношению к мусульманам и в гораздо большей степени по отношению к нашим единоверцам, я одновременно осмеливаюсь обратить внимание вашего сиятельства на то, что если бы удалось добиться от Порты повеления, предписывающего восстановить в правах указанного Хаджи Ибрагим-эфенди, это произвело бы исключительно благоприятное для консульства впечатление на адепских мусульман, среди которых Хаджи Ибрагим-эфенди пользуется большим уважением.

7 (19)-го числа этого месяца сюда прибыл австрийский офицер капитан Милошевич, военный атташе австрийского генерального консульства в Сараеве. Здесь было объявлено, что цель его приезда сюда — поездка в Рагузу. Однако вскоре я смог убедиться, что эта объявленная цель скрывала иной план капитана. Говоря о своем желании совершить поездки по стране, он, тем не менее, пребывал в нерешительности относительно выбора направления, а тем временем собирал весьма точные сведения о расстояниях между Мостаром и различными пунктами австрийской границы. 15(24)-го числа этого месяца сюда совершенно внезапно прибыл генерал инженерных войск Абди-паша в сопровождении высшего офицера того же рода войск и своего секретаря. Этот неожиданный приезд и желание г-на Милошевича как можно скорее встретиться с генералом — желание, высказанное им весьма открыто, — насторожили меня. Зная о прежних отношениях Абди-паши с австрийским консульством в Сараеве, я постарался добыть самые точные сведения о цели его поездки. На следующий день по прибытии генерал нанес длительный визит австрийскому вице-консулу, не посетив ни меня, ни управляющего британским вице-консульством. На следующий день австрийский вице-консул явился к нему с ответным визитом, и они имели очень длительную беседу, содержание которой мне сообщили в общих словах. Создается впечатление, что сейчас, как перед последней Крымской войной, австрийское правительство желает вновь поднять вопрос о Суторине и о Клеке, и цель поездки Абди-паши, направляющегося в Рагузу, состоит в совместной с австрийскими комиссарами ревизии границ между Далмацией и владениями Порты от Суторины до Дувно. Оттуда он якобы возвратится в Мостар и направится в Травник и Бихач, чтобы провести ревизию границ Боснии и Хорватии и изыскать средства осуществить один, также старый, план — прорыть канал между Бродом и Градацем, чтобы сгладить изгиб, который в этих местах делает Сава.

Я еще не решаюсь сказать, насколько достоверны эти сведения, сообщенные мне под строжайшим секретом, поскольку Абди-паша только что отбыл в Рагузу, но полагаю возможным, не боясь ошибиться, обратить высокое внимание вашего сиятельства на тот факт, что, похоже, поездки Абди-паши и капитана Милошевича находятся в тесной связи, поскольку последний сразу же после встречи с Абди-пашой уехал в католический монастырь, находящийся в 4—5 часах езды отсюда. Одновременно мне стало известно, что он через посредство своего вице-консула попросил грамоту у паши, чтобы поехать в Имочи, маленький австрийский пограничный городок, и в Дувно,

также расположенный на границе. Все эти демарши, совершаемые под большим секретом, побудили меня постараться добыть более достоверные сведения о путешествии капитана, и я надеюсь вскоре представить такие сведения вашему сиятельству. Что касается Абди-паши, я уже предупредил о нем посредством партикулярного письма управляющего консульством в Рагузе г-на Лаговского. Во время моей вчерашней встречи с Васиф-пашой я спросил его о поездке Абди-паши; он ответил мне, что тот уполномочен выправить старые границы, служащие, как и вопрос о земельных владениях в окрестностях Клека, предметом довольно частых споров между австрийскими и турецкими землевладельцами.

Поскольку Абди-паша нанес визит только австрийскому вице-консулу, что послужило предметом разговоров среди жителей Мостара, я указал на это Васиф-паше, заметив, что, вероятно, такое несоблюдение приличий, допущенное по отношению ко мне, вызовет неудовольствие императорской миссии.

Сведения, только что полученные мною с черногорской границы, почти целиком подтверждают известия о назначенном на сегодня съезде всех вождей христианских племен в Остроге, где они должны иметь встречу с князем Даниилом. Из тех же сообщений мне стало известно, что мусульмане Никшича и Колашина якобы тайно объявили себя черногорскими подданными. Хотя разные люди и подтвердили мне справедливость этих сообщений, я, тем не менее, пока не осмеливаюсь представить их вашему сиятельству в качестве достоверного факта.

Примите, господин посланник, уверения в моем глубочайшем почтении и высоких чувствах уважения, с которыми честь имею быть, князь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

Вал. Безобразов

¹ См.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 29 и об.

136

Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину о планах Австрии по присоединению Герцеговины и Боснии

№ 139¹

24 мая (5 июня) 1860 г. Рагуза

Милостивый государь Виктор Петрович!

И нынешним моим рапортом я должен опять обратить благосклонное внимание вашего превосходительства на тайные проiski австрийского правительства в Боснии и Герцеговине.

По новым сведениям, полученным мною на днях из достоверных источников, Австрия, кроме раздачи паспортов в пограничных постах турецко-подданным — как христианам, так и мусульманам, отправила своих эмиссаров в Боснию и Герцеговину с тем, чтобы действовать на народ ласками и денежными средствами и приучать его к идее австрийского владычества. Если верить слухам, то австрийское правительство намерено в скором времени отправить в Боснию также майора Йовановича, бывшего членом комиссии разграничения Черногории с Турцией. Этот офицер, сколько мне известно, был посылаем в эти провинции и другой раз и занимался там топографическою съемкою и собиранием статистических сведений о народонаселении и богатстве края. Он заслужил особое доверие у своего правительства тем, что развелся с своею женою — православною и сам изменил православие, приняв католическое исповедание в угождение начальству.

Уверяют все, что эти проiski австрийцев имеют целью приготовить босняков и герцеговинцев к добровольному покорению — к присоединению к Австрии путем изъявления народного согласия.

Не знаю, до какой степени справедливы эти уверения, но если в самом деле Австрия имеет сколько-нибудь надежды найти в этом начале опору для присоединения к своим владениям новых провинций, то горько ошибается, ибо на одном основании этого принципа она не только не должна ожидать новых приобретений для себя, но рискует еще потерять намеренное и то, что ныне с силою удерживает. Австрия была и будет всегда против начала народностей, потому что самое ее существование лежит на отсутствии всякой народности. Следовательно, как кажется с первого раза, ей вовсе не выгодно предлагать угнетенным народностям Турции свободный выбор правительства, ибо таковой выбор может быть возбужден в ее собственных провинциях и подкопать основание собственного ее существования^{*}.

Как бы то ни было, принимая в соображение разные несомненные факты, нельзя не признать, что Австрия не хлопочет даром около Боснии и Герцеговины, а преследует непременно какую-нибудь политическую цель. С этою целью, я полагаю, сопряжено и решение правительства увеличить гарнизоны в Далмации и Боки-ди-Каттаро. В здешней крепости имеется в настоящее время один батальон пехоты и одна рота артиллеристов, а ожидают еще 3-х батальонов пехоты, а для всей Далмации должны прибыть 25 тыс. нового войска. Кроме того, закупают мулов для горных орудий и лаптей (опанке) для солдат, которыми разумеется, не будут щеголять ни в Зарю, ни в Рагузу, ни в Каттаро, а предназначаются для страны, где нет ни дорог, ни мостовых¹.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

Сию минуту я узнал, что турецкие регулярные войска напали вероломно на оставшуюся в Турции часть племени Дробнякя, отрубили головы многим из старшин и совершили другие варварства над малолетними и женщинами.

К. П.

Помета Александра II: Нет ли в этом подстрекательства со стороны Франции? АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 721, л. 99—100. Автограф.

¹ Австрийская империя, начиная с первой половины XVII в., вынашивала экспансионистские планы в отношении турецких провинций Боснии и Герцеговины. Она пыталась решить этот вопрос также в войнах с Турцией 1697, 1737—1739, 1788—1791 гг., но без видимого успеха. В 1857 г. маршал Радецкий и генерал Теgetгофф решительно заявили о необходимости присоединения или оккупации этих территорий, обосновывая свое предложение стратегическими интересами Австрии — обеспечением безопасности ее приморских владений на Адриатическом побережье (Истрия и Далмация). Во второй половине XIX в. в правящих кругах Австрийской монархии возникла идея аннексии Боснии и Герцеговины. Укрепление Австрии на Адриатическом побережье, аннексия этих территорий, по замыслам Вены, позволила бы ей усилить экономическую и политическую экспансию на юго-восток, в бассейн Средиземного моря. Присоединение Боснии и Герцеговины к монархии Габсбургов должно было пометать образованию большого славянского государства на Балканах, которое могло стать центром притяжения для славян Австрии (см.: *Seton-Watson R. W. The Role of Bosnia in Internatio-*

^{*} На полях помета Александра II: Весьма справедливо.

137

Письмо боснийских беженцев из Брчанского, Тузланского и Градчанского округов М. Р. Милошевицу с благодарностью за помощь продовольствием

Не позднее 2 июня 1860 г.* Белград

Долу подписани првенци од села, окружия Брчанског и Тузланског, Градчанског и Граданац, примили смо од нашег хаџи Ђорђа Поповића, трговца београдског, 20 300 ока и словом двадесет хиљада и триста ока, кукуруза да са страхом божјим поделимо сиротиняма оним, кои нема да купи а има ситну деџицу и умире од глади без помоћи. И ми првенци у име целе сиротине благодаримо од земље до неба, са сузама богу се молимо, кои год био те се сетити и поклонио нама ову храну да проживимо мало времена.

Боже милостиви, подаи му и од наши година да живи много година и што жели од бога. Бог премилостиви да му скоро помогне и даде по вољи неговој. Смирено покланяемо се богу и вама, премилостивом благодетелю¹.

Иово Коић, села Бодржи
Блаже Шонев, село Ђађавац
варош, Марко Иаковлевић
Митар Гаћ, кнез, село Дубрава

Тривико Иовановић, Бузекар
[Иа]ков Пурић, село Улице
Перо Иовић, кнез,
Горня Бузекар
Андрија, кнез...^{2*},
село Долни
Боджила[и]
Васо Иовић, село Доњи Жабар

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 244, л. 54 и об. Подлинник.

¹ Прошение жителей Тузлы и соседних округов Боснии с описанием их бедственного положения и с ходатайством о помощи передано российскому консульству в Белграде 11 апреля 1860 г. Консул М. Милошевич, осведомленный ещё ранее очевидцами о страданиях населения этих районов, не откладывая дела, отпустил из фонда консульства деньги российскому подданному купцу Хаджи Георгию Поповичу для покупки последним продовольствия и его раздачи при помощи боснийских старейшин голодающему населению. Жители названных районов, получив помощь, выразили России глубокую благодарность (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1380, л. 64—67, 169—171).

* Датируется по препроводительному донесению.
^{2*} Далее неразборчиво.

Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о репрессиях властей в Тузле и Банялуке и аресте Р. Ейча

№ 59

7 (19) июня 1860 г.

Из последнего донесения моего от 31 мая (12 июня) № 56, вашему сиятельству уже известно, что в Сараево были приведены 18 человек из Тузлы, из коих двое, по словам генерал-губернатора Осман-паши — эмиссары, подосланные князем Милошем, как-то будто бы показали на сделанном валнем допросе¹. Ныне, по собранным мною достоверным сведениям, долгом моим считаю донести, что упоминаемый мною Ристо есть действительно известный вашему сиятельству Ристо Ейич, бывший в России и представлявшийся в императорской миссии нашей в Константинополе². Чрез одного верного человека, посланного мною в тюрьму и имевшего свидание с Ристо Ейичем, я узнал, что он в последнее время находился в Белграде, где имел случай видеть князя Долгорукова, который будто бы давал наставления, как должны действовать сербы, а равно и христиане Боснии и других турецких провинций при настоящем положении Европы. Из Белграда Ристо Ейич отправился в Шабац, где встретил черногорца Петра Вука Николича из Риечской нахии в Черногории, бывшего, как я имел честь упомянуть в предыдущем донесении моем к вашему сиятельству, в продолжении нескольких лет в услужении у Осман-паши в бытность сего последнего губернатором в Скутари. У Петра Николича, как говорит он, находился русский паспорт. Ристо Ейич, предложивший Николичу отправиться с ним в Градишку в Боснии, где у него находится дом и недвижимое имущество, собрал для безопасности путешествия, так как у него не имелось никакого паспорта, 4-х человек, и, отправившись все вместе, они добрались до окрестностей Тузлы. Здесь они двое были схвачены, другие же их товарищи убежали и унесли все бумаги их, которые были препоручены для хранения одному из сопровождавших их людей; между бумагами находился и русский паспорт Петра Николича. Сдавшись туркам, они были обезоружены, притом у Ристо Ейча взяли 30 червонцев и 70 серебряных рублей, а равно и стоящее, по словам его, до 300 червонцев оружие. Закованные в весьма тяжелые цепи, они находятся в самом жалком положении, так что я по просьбе их тайно послал им денег для их пищи, в которой они претерпевают большую нужду. Им до сих пор не делали никакого допроса, и я полагаю, что сведения, сообщенные мне Осман-пашою, доставлены ему звоникским каймаком и переданы мне за положительные в надежде, что они будут подтверждены на допросе самим Ристо Ейичем, который, однако, уверяет, что он никогда ничего не покажет того, что в глазах турецкого правительства могло бы компрометировать сербского князя, и что он будет стоять на том, что он прибыл в Боснию по своим собственным делам. При сем, однако, долгом считаю присовокупить, что на подобные его уверения полагаться нельзя, ибо, сколько мне известно, во время бытности своей в Боснии до поимки он имел неосторожность несколько раз проговариваться христианам о своих намерениях и цели своего прибытия в Боснию³. При этом задержаны еще в Тузле 50 человек, которые уже ведутся в Сараево, куда они на днях придут; им также будет сделан допрос, о результате коего я не премину довести до сведения вашего сиятельства.

Негодования на здешнего генерал-губернатора увеличиваются с каждым днем. Я не говорю уже о христианах, но многие мусульмане выражали мне неоднократно свои неудовольствия на него. Я находился прежде с ним в дружеских сношениях, которые ныне я принужден был прекра-

тять, но, однако, в этом случае я не считал нужным последовать примерам моих коллег — французского и английского, из коих первый прекратил всякие с ним сношения, другой же имеет с ним только весьма редкие свидания. Устраивая дела христиан и даже иногда самих турок, я нашел неуместным прерывание всяких сношений с Осман-пашой, тем более, что сей последний, видя, что он только со мной еще видится, старается иногда для сохранения моей дружбы удовлетворять мои ходатайства в пользу бедных наших единоверцев.

На днях митрополит Дионисий сообщил мне, что в Баньялуке каймакам Мехмед-ефенди продолжает с неистовством угнетать христиан. Из предыдущих донесений моих вашему сиятельству известно, что баньялукские тюрьмы были наполнены христианами, которые вследствие голода, холода, нечистоты умирали десятками всякую неделю. Ныне же митрополиту положительно известно, что в тюрьмах умерло более 230 человек. Он со слезами рассказывал мне о том, прибавляя, что лучше рубить головы, чем убивать невинных единоверцев наших смертью страдальческую, отягощая их оковами, оставляя без пищи и содержания в тюрьмах, наполненных ядовитым воздухом. Паша же, с которым на днях я говорил об этом, опровергает положительно эти известия, но я имею достаточно основания верить более словам митрополита, чем паше, в фальшивости показаний коего я неоднократно имел случай удостовериться¹.

С глубоким почтением. . .

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 802, л. 33—36. Копия.

¹ В донесении от 31 мая (12 июня) 1860 г. Е. Р. Щулепников сообщал А. Б. Лобанову-Ростовскому следующее: арестованные Р. Ейча и другие показали на допросе, что они были эмиссарами князя Милоша, который послал их в Боснию для организации восстания. Их чета состояла из 6 человек. Всего же, по словам Щулепникова, в Боснии насчитывалось до 30 таких отрядов (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2324, л. 37—38). Эти сведения подтверждались В. В. Безобразовым в донесении А. Б. Лобанову-Ростовскому от 12(24) июня. Из писем, отобранных у арестованных турецкими властями сербов, сообщал В. В. Безобразов, видно, что общее число эмиссаров, отправленных из Сербии в Боснию и Герцеговину составляло 400 человек. В конфискованных письмах, утверждал Безобразов, содержался призыв готовиться к всеобщему восстанию (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 47—49).

² См. док. 97, 104.

³ Официальная версия Р. Ейча во время пребывания в тюрьме состояла в утверждении, что он прибыл из Сербии в Боснию для свидания с родственниками. Однако, — писал 19 октября 1861 г. Е. Р. Щулепников Н. П. Игнатьеву за № 139. — «почти нет никакого сомнения, что цель его прибытия сюда была возмутить христианских боснийских жителей» (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 803, л. 154, 156). Долгое пребывание в заточении заставляло Р. Ейча обращаться за помощью в Россию, в частности, около середины июня 1860 г. он писал Е. Р. Щулепникову, 14 октября 1861 г. обращался к Александру II с просьбой оказать содействие его освобождению (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2324, л. 46 и об.; ГА А—V₂, д. 803 л. 155), а также — к А. Б. Лобанову-Ростовскому, с которым был лично знаком. О помощи Ейчу Щулепников писал: «Я ему всегда помогал и ныне помогаю небольшими суммами. . . в прошлом году при его намерении бежать из тюрьмы выдал ему согласно его просьбе 60 червонцев» (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 803, л. 156).

⁴ См. донесение Е. Р. Щулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому от 27 января (8 февраля) 1859 г. о производстве турецкой администрации в Боснии и недовольстве населения деятельностью Кияни-паши (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 8—15).

*Обращение боснийских беженцев в Австрии к В. П. Балабину
с изложением бедственного положения христиан в Боснии и
Герцеговине и с просьбой о защите и покровительстве*

Не позднее 14 июня 1860 г.*

Ваша светлость!

Мы овдеподписаныи свештеници и народныи люди из Босне побеглисмо из отечества нашег даби оваи живот обезбедили и могли се без опасности паптити за обезбеђење браће наше оставше у Босни, Грцеговини и Старой Србии.

Од туда нам стигоше ови дана жалостни гласови да Турци због немира кои се появлюю у Мађарској, а особито због вреве коя бива у Хрватској, Славонии и Србској Войводини, одакле им браћа наша здраво прете, боећи се каквог обштег покрета у кой би се и босанско-ерцеговачкии христиани умешати могли, почели су свирепиом него до сада строгошћу поступати, убияюћи потаино наше главне люде, и претећи да ће крштени народ сав погубити.

Христиани не сматраю то за голу претню, већ здраво слуте да би се каква почастна а можда и обшта сеча могла действительно покушати, почем су Турци и у пређашня времена прибегавали том крволомном средству кад год би се побояли какве опасности од наше стране. Док е народ наш сав оружан био, бияше мы лако сечу ограничити на поедина места, ер Турци видећи га готова на одбрану свуд у земљи, и боећи се да се сав се побунити, [поделити] би се међу собом у мению и одустали би. Али тай страх сад и надржава од кад е Омер-паша христиане коначно обезоружао, сад Турци виде да нас могу као овце лако поклати, па су бесни; а у свом беснилу и у слутаньи какое вероятие погибели са стране, могли би свашта покушати.

У тако ужасном положению мы понизики овдеподписаныи обраћамо се пуним поузданем на вашу светлост, молећи вас да благоизволите доставити погибел кою предвиђамо великодушном православном цару Александру покорно замоливши га од стране свега србског христианског народа да се смилюе поставити га што прие у стане како би могао успешно одбранити се од сваког могућег турског напада. Народ имао би сву нуждну отважност се од сваког могућег турског напада. Народ имао би сву нуждну отважност да се брани, али голим рукама то не може, па духом клонява.

Знаюћи вашу благонаклоност к Србству, а велико милосердие неговог величества цара према свима христианима особито Словенима, мы се твердо надамо да нас неће оставити без заштите у овом магновеню кад нам смртни турски мач над главом виси, већ да ће се отчинским чувством побринутити за наше потаино и благвремено обезбеђење, да и мы не би прошли као христиани у Сирии, коима е цар французски ако и великодушно ипак одвећ доцкан у помоћ притекао.

Молећи свесрдно бога за цареву и ваше здравле, и за благополучие мошне Русие всмо у найвећей покорности

нижайше слуге**

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 802, л. 142—144. Подлинник. 53 оттиска личных печатей.

* Датируется по предпродительному донесению.

** Далее следует 89 подписей и 53 оттиска личных печатей.

16 июня 1860 г. Сараево

Hochgeborner Graf!

Wie gerne ich auch die Schilderung aller Zustände Bosniens ohne Ausnahme einem spätern Zeitraume vorbehalten hätte um gestützt auf eine jahrelange Erfahrung dieselbe um so ausführlicher und lichtvoller abfassen zu können: so nötigt mich dennoch die mächtig in der Vordergrund sich drängende orientalische Frage wenigstens die Administration dieses Landes ohne Aufschus in Kurzen, aber scharfen Umrissen zu zeichnen und zum bessern Verständnisse dieser Darstellung, und des Standpunktes, von dem ich die Dinge ansehe, eine gedrängte Schilderung der Volksparteien vorangehen zu lassen.

I. Volksparteien

Die dem Mittelalter eigenthümlichen Institutionen hatten wie überall, so auch in Bosnien die gänzliche Unterdrückung des Landvolkes zur Folge. Bald versank dasselbe in drückende Abhängigkeit, endlich in Leibeigenschaft und wurde von nun an vom Adel als Sache betrachtet und behandelt. Mahmud Fathi Bosniens Eroberer, zwang wohl den Adel, den Islam anzunehmen veränderte jedoch in keiner Beziehung die Lage der Bauern. Die Eroberung dieses Landes durch die Türken hatte daher zur Folge, dass der bereits vorgefundene Zwiespalt des Volkes hinsichtlich des Standes und Vermögens nun auch durch den Religionsunterschied vergrößert wurde. Von nun an war die Benennung «Türke» gleichbedeutend mit Reichtum, Adel und Herrschaft, während der Name «Christ» die Armuth, Niedrigkeit und Unterwürfigkeit kennzeichnete.

Die aus dem Mittelalter übernommene und durch die Türkenherrschaft noch erweiterte Kluft zwieschen diesen Volksparteien vermochte ein Zeitraum von 400 Jahren nicht zu schliessen. Gibt es auch in Centralbosnien wohlhabende Christen und allenthalben verarmte Grundbesitzer oder Handwerker türkischen Glaubens, so sind dies eben nur Ausnahmen von der Regel, die vor der Hand noch keinen Einfluss üben auf diese ohne verbindende Mitglieder schroff dastehende Parteistellung.

Während im Verlaufe dieser Jahrhunderte die Aristokratie anderer europäischer Staaten theils durch Vermittlung Städtbevölkerung, theils durch die Fortschritte der sittlichen Entwicklung zu einem zeitgemässen Nachgeben genöthigt war, verhärtete der bosnische Adel in mittelalterthümlicher Barbarei spießte und köpfte seine Bauern nach Gutdünken, bis vor 12 Jahren die mit einer Armee nach manchen blutigen Kämpfen durchgesetzte Einführung des Tanzimats diesem Treiben ein Ziel setzte.

Die Fortschritte des Christenthumes und der Humanität ins Auslandes im Allgemeinen, die zweckmässigen, auf unbedingter Herrschaft ins Gestzes gegründeten Institutionen Oesterreichs, endlich die wilde Freiheit, die in Serbiens und Montenegros Gebirgen wohnt, werfen dagegen ihre leichtenden Strahlen weit hinein in die Thäler Bosniens. Im Lichte dieser Strahlen erkannte die christliche Bevölkerung dieser Länder seine traurige Lage sah aber auch, dass das Ausland dieselbe kennen lernen und mit der Zeit verbessern wird.

Die Hauptfaktor in dieser Stellung der Volksparteien sind daher die Vermögensverhältnisse und namentlich der Grundbesitz. Hier zu Lande ist

der Handel gering, die Industrie null und die Gewerbe in primitiver Entwicklung. Die Massen des Volkes sind daher auf die Landwirtschaft angewiesen und genöthigt, auf jede Bedingung hin sich als Pächter zu verdingen. Nun ist aber das hier übliche System, wornach der Pächter ein Drittel der Ernte dem Grundherrn, ein Zehntel dem Staate geben muss, und mit dem Reste den Saamenbedarf zu decken, Steuer und Gemeindelasten jeglicher Art zu entrichten hat, nicht geeignet, den Wohlstand der Landleute zu ermöglichen, die im günstigsten Falle ihr kümmerliches daseyn fortriften. Ohne in Details einzugehen schliesse ich die vom katholischen Bischofe Barišić in Jahre 1858 entworfene Schilderung der bauerlichen Verhältnisse der Herzegovina bei, und bemerke dass die bosnische noch heut zu Tage in der Hauptsache ersteren analog sind.

Bei den derzeitigen agrarischen Verhältnissen kann selbst der thätigste Bauer, nur vom Zufalle nicht aber von der natürlichen Folge angestregten Fleisses eine bessere Zukunft erwarten. Aus diesem Grunde dem Existenzberechtigung nicht abgesprochen werden kann, findet der Bauer den Fortbestand der derzeitigen Zustände unerträglich, und glaubt in seiner Einfall nur das Christenthumes wegen im Schweisse des Angesichtes für die bequeme Existenz des arbeitsscheuen Türken arbeiten zu müssen.

Die Religion, die beiden Partheien den Namen leicht und der Hauptfaktor scheint, spielt in Wirklichkeit eine sehr untergeordnete Rolle. In der That werden dem christlichen Kultus unbedeutende Beschränkungen abgerechnet, keinerlei Hindernisse in den Weg gelegt, und es ist der geringe Aufschwung, den derselbe demungeachtet nimmt lediglich der Armuth der Christen zuzuschreiben. Es ist seit Jahren in dieser Beziehung keine Klage vorgekommen.

Das Nationalitätsbewusstsein, eines der ersten Anzeichen der beginnenden Volkscultur und des Erkennens des eigenen Werthes its im edlern Sinne des Wortes bei diesem rohen Volke noch nicht erwacht. Das Lesen und Schreiben ist hier noch eine Kunst, der sich nur Wenige und meistens Beamte rühmen können. Den Massen ist es gleichgiltig in welcher Sprache geschrieben wird, da sie die eigene nicht lösen können. Der fremden Beamten (Osmanen) gibt es wenige und es werden dieselben von den Christen, die ohnehin keine Staatsämter erhalten, nicht weiter beachtet.

Der oberwähnte Zustand der Verhältnisse zwieschen Grundherrn und Pächter musste in seiner naturgemässen Entwicklung zwei im tödtlichen Hasse sich gegenüber stehende Partheien erzeugen. Jede derselben folgt nur dem angeborenen Triebe der Selbsterhaltung, wenn sie ihr Augenwerk auf die Vernichtung der andern richtet. Türken glauben nur dann sich der Ruhe erfreuen zu können, wenn der Rajas keinen Heller in der Tasche und kein ganzes Kleidungsstück am Leibe hat; Christen sehen sich nach dem Tage, an dem ein christlicher Eroberer mit flammenden Schwerthe die Türken aus Bosnien treiben werde. Die einen wollen bestehenden Verhältnisse um jeden Preis aufrecht erhalten, die andern sie in eben dem Masse verwerfen. Der ohne Leidenschaft nach einer über diesen Partheibestrebungen stehenden Überzeugung ertheilenden Christen und Türken gibt es noch so wenige, dass deren die extremen Richtungen vermittelnde Einfluss kaum genannt zu werden verdient.

Ich werde jedoch auch dieser Wenigen in einer ausführlichen Schilderung der bosnischen Bevölkerung nach der Eintheilung in Katholiken, Gräkoslawen und Muhamedaner gedenken. Diese Schilderungen künftigen Berichterstattungen vorbehalten, glaubte ich heute nur der wesentlichen Volksparteien gedenken zu müssen, da bei Schilderung der Wirksamkeit der Regierungsorgane deren Benehmen dieser Partheien gegenüber vorzüglich berücksichtigt werden muss. Nach der Unpartheilichkeit der Regierungsorgane

beurteilt das Volk die Regierung und überzeugt es sich von der Pertheilnahme derselben, so nimmt es seine Zuflucht zu deren Feinden.

II. Administration

Wer die heutige Verhältnisse Bosniens mit jenen der jüngsten Vergangenheit vergleicht, wird unbedingt zugeben, dass die Regierung wenigstens für einen erträglichen Zustand der öffentlichen Sicherheit gesorgt hat. Trotz der Rohheit der Bewohner, ihres gegenseitigen Hasses, und des allenthalben reichlich vorhandenen Stoffes zu Zwistigkeiten, kommen Todtschläge und Morde seltener vor, als man nach dem Zustande der hiesigen Verhältnisse annehmen könnte. Rauberbanden, die sonst das Land permanent durchzogen, kommen nun nur ausnahmsweise an den Grenzen vor. Ausser einer besseren Ueberwachung des Bevölkerung ist die grössere Sicherheit des Lebens und des Eigenthums wesentlich der verbesserten Justizpflege zuzuschreiben. Vor Einführung des Tanzimats war der Christ wegen des geringfügigsten Vergehens der Gefahr der Verurtheilung zum Tode ausgesetzt, der er sich regelmässig durch die Flucht in die Berge entzog, um als Rauber mit den Waffen in der Hand sich an den Türken rächen, dann aber im Kampfe um sein Leben, sterben zu können.

Ausser der Verbesserung der öffentlichen Sicherheit, und der Publizierung einiger die Verbesserung der Zustände bezweckender Ferman's, die man jedoch nur in Ausnahmefällen beobachtet, sind die Fortschritte der Administration kaum nennenswerth.

Die Gebrechen der Administration Bosniens in allen ihren Details zu schildern, wäre mir, dem nur die Gröbsten zur Kenntnis gelangen, schwer; allein selbst von den mir bekannten, wage ich nicht alle anzuführen, um diese Berichte keine ermüdende Länge zu geben. Ich werde daher die wesentlichsten Uebelstände der Verwaltung nach ihren Ursachen aufzählen, und glaube nur die Bemerkung vorausschicken zu müssen dass, wenngleich die Administrationsgebreche Bosniens nicht wesentlich von jenen der übrigen Provinzen der türkischen Reiches abweichen, dieselben jedoch hier fühlbarer sind, da die Rajahs mit den Institutionen des benachbarten Oesterreichs vollkommen vertraut, alle hiesigen Verwaltungsgebreche kennen, empfinden, und die Regierung allein dafür verantwortlich machen.

1. Als eine wesentliche Ursache der unbefriedigenden Verwaltung glaube ich die Mängel der Gesetzgebung bezeichnen zu müssen.

Die Sprache des Korans ist dieser Bevölkerung, die nur slawisch spricht unzugänglich; selbst die neueren Verordnungen die in türkischer Sprache erlassen, werden nicht übersetzt, und es bleibt dem Regierungsbeamten überlassen, was und wie viel er dem Volke mündlich mittheilen will. Die Folge ist eine gänzliche Unkenntnis der Gesetze bis auf wenige alte Gerichtsgebrauche, die sich in den Medjlissen erhalten haben, und sich von Generation auf Generation fortpflanzen, aber nicht selten mit neueren Gesetzen in Widerspruch stehen.

Ausser der Sprache, in der die in Bosnien Geltung habenden Gesetze abgefasst sind, ist auch die Unzulänglichkeit Letzterer hervorzuheben. Die meisten Rechtsverhältnisse müssen bei dem Umstande, dass sie nicht durch Gesetze normirt sind, nach dem Gebrauche beurtheilt werden, und gestatten somit den Gerichten eine Partheilichkeit auszuüben, die sich jeder Kontrolle entzieht. Der Mangel der Appelation ist nicht minder fühlbar, besonders wenn man die Organisation der Gerichte und Verwaltungsbehörden ins Auge fasst.

Die Medjlisse oder Bezirks- und Provinzial-Conseils haben ausser der Jurisdiction der Kontrolle der Regierungsbeamten zu besorgen und bestehen aus den Notablen der türkischen Bevölkerung. Bei den derzeitigen Zuständen haben Regierungsbeamte und Conseils das grösste Interesse, Hand

in Hand zu gehen, um dann das gemeine Volk nach Belieben auszubeuten. Man macht sich gegenseitig Concessionen. Der Mudir schweigt beim Anhören ungerechten Entscheidungen und vollzieht sich, während der Conseil Klagen wegen Bedrückungen bei Steuereinzahlungen u. s. w. ohne vorhergegangene oder doch höchst partheiische Untersuchung abweist. Besonders partheiisch ist die Strafgerichtspflege, wenn Christen die Kläger, Türken die Beklagten sind. Selten wird der Türke überhaupt verurtheilt, niemals aber entspricht die Strafe der That. Der Türke beweist seine Schuldlosigkeit durch falsche Zeugen, oder behauptet in einem Zustande der Bewusstlosigkeit oder des Wahnsinnes gehandelt zu haben, immer aber findet er gläubige Richter.

2. Eine wesentliche Quelle der hiesigen Verwaltungsgebreche sind die Mängel in Steuer und Contributionswesen. Der Staat bestimmt die Steuerquote der Prowinz, diese besorgt die Umlegung der Quote auf Gemeinden nach Massgabe der Kopzahl. In der Gesamtheit zahlt der ärmste Christ so viel, als der reichste Türke. In der Gemeinde besorgt die Steuervertheilung der Gemeindeglieder, welcher aus den vermögenden Gemeindegliedern besteht und Sorge trägt, dass er so wenig, als möglich selbst zahle; daher die Hauptlast der Masse der armen Dorfbewohner aufbürdet.

Das Herbeischaffen der Transportmittel bei Märschen der Truppen und Reisen der Staatsbeamten ist noch immer der primitivsten Art. Alle Lastthiere, deren man habhaft werden kann, werden in Beschlag genommen und dann fortbenützt, bis man sich anderen bemächtigen kann. Selbstverständlich entgeht der Vermögende auch diese Plage, die abermals den Bauer oft in Momente frift wo er das Arbeitsvieh zur Bestellung der Felder am nothwendigsten hätte.

In der Possawina hat man bereits alle Bauernpferde angerieben. In neuester Zeit sah man sich genöthigt, die Türken zum Transporte des Getreides der Armee zu verwenden; man zahlt ihnen jedoch mehr als das Doppelte dessen, was die Christen erhielten.

Selbst der reisende Türke ist unverschämmt genug, in das beste Christenhaus am Wege zu treten und sich zum Gaste aufzudringen. Dies ist denn auch die Ursache, dass an der Strasse so wenig Wohnhäuser zu sehen sind, dass nur die bestellten Felder verrathen, es müsse die Gegend bewohnt sein.

Die Steuern werden also in Folge eines mangelhaften Systems vorzüglich von dem ohnehin durch ein elendes Pachtsystem gedrückten Bauer getragen. Diesen Lasten gegenüber sind die Leistungen der Regierung null. Ausgaben für Strassen, Brücken, christlicher Religionskultus, Erziehung, Armenversorgung, öffentliche Baute, Hebung der Agrikultur und des Handels, Unterstützung der Geverbe kommen in Bosnien nicht vor. Für die grossen Steuersummen die Bosnien zahlt, hat es nichts als eine Besatzung von 3 bis 4000 Mann und einige türkische Beamte.

3. In der Unfähigkeit der Beamten liegt auch ein wesentliches Hinderniss der Volkswirtschaftsreform. Der türkische Prowinzbeamte mag selbst ein ehrlicher Mann sein, wie dies bei Osman Pascha der Fall ist; immer aber betrachtet er die Lage der Prowinz von einem einseitigen Standpunkte nie vermag er sich zu einer höheren Anschauungsweise emporzuschwingen. Das türkische Beamtenthum ist mit weniger Ausnahme aus Günstlingen und versorgten Bedienten gebildet. Von solchen Leuten kann die Pforte nimmer Berichte erwarten, die sie in die Lage setzen, die Prowinzzustände richtig und detaillirt kennen zu lernen und somit entsprechende Massnahmen zu ergreifen.

Wie lächerlich ist nicht des Vorgehen Osman Paschas in der Waldfrage, der aus Furcht vor Betrügereien seiner Beamten es vorzieht das Holz in der Wäldern faulen zu lassen, und somit den Staat um eine Einnahms, die Bevölkerung um eine Erwerbsquelle bringt.

4. Nicht minder zahlreich und Eurer Excellenz wohl bekannt sind die Uebel, welche aus der Demoralisation der Beamten fließen.

In der Beamte hat seine Protektoren, die ihn auf seinem Posten gegen Geschenke erhalten. Demungeachtet fällt er sehr bald, da der Protektor selbst sich auf dem eigenen Posten nicht lange hält. Um sich auf dem Posten einige Zeit zu halten, und bis zur Wiederausstellung nach der Absetzung leben zu können, ist er genöthigt auf unerlaubte Bereicherung zu sinnen. Die nachgewiesenen Unterschleife und Bedrückungen werden nach der Absetzung auch nicht weiter beachtet, die Untersuchung dauert einige Monate, die Kläger werden durch Wartenbassen ermüdet, endlich Alles bei Seite gelegt. Das solche Beamte dem einflussreichen Türken gegenüber servil sind, die Christen eher selbst bedrücken als sie gegen fremde Bedrückungen zu schützen, kann nicht befremden.

Diesen Zuständen gegenüber ist die erste Aufgabe der Regierung, die aus dem Mittelalter überkommenen und sether noch verschlimmerten Grundbesitzverhältnisse in einer Weise zu regeln dass eine Aussöhnung der christlichen und türkischen Volkspartei ermöglicht, jedenfalls aber die Bildung einer dritten beide Extreme verbindenden Parthei angebahnte werde.

In dieser Beziehung würde ich der Regierung nie zu Gewaltmassregeln, wie zur Abschaffung der Tretina auf legislatorischem Wege, rathen. Die Türkei, soll sie endlich dahin gelangen, den Unterthanen das geringste Mass staatlicher Leistung, nemlich Schutz erwerbener Rechte, zu gewähren muss, vor allem damit beginnen, selbst die Unverletzlichkeit der bestehenden Rechte anzuerkennen, und zu achten. Die eben bezeichnete Massregel würde die Regierung nur aus einer Partheistellung in die andere und um jene geringe Autorität bringen, die sie noch der Zeit besitzt. Auch ist an eine friedliche Ausführung dieser Massregel nicht zu denken; Widerspänstigkeit, endlich offene Widerstand gegen Zwangsmassregeln wären die absehbar Folgen. Wer aber vermag die Folgen der Revolution, in die sich allerlei fremde Elemente mengen würden, vorauszusehen! Die Regierung würde in dieser Weise zur Abwendung eines Christenaufstandes ein Mittel ergreifen, dass mit Sicherheit einen Türkenaufstand und somit auch Christenaufstand und die Einmischung des Auslandes herbeiführen würde. Es wäre eine einfache Wiederholung der Begebenheiten, denen Serbien seine Freiheit verdankt.

Die hiesigen Pachtverhältnisse erinnern mich an das, was ich über den Zustand irländischer Pächter gelesen habe. Hier wie dort, bewohnt der Pächter eine elende Hütte, kleidet sich in Lumpen und ist nicht immer sicher, seinen Bedarf an Nahrungsmitteln für den Winter zu finden. Hier, wie dort, ist die Demoralisation des Landvolkes, Verfall des Ackerbaues und Auswanderung die natürlichen Folgen. Der Unterschied liegt nur im Umstande dass der thätige Irländer für seine Thätigkeit im Handel und in der Industrie Englands eine unversiegbare Quelle des Wohlstandes findet, während der bosnische Christ nur die Wahl zwischen ewiger unfruchtbarer Arbeit oder der Flucht über die Grenze hat.

Ausser Irland tritt das Pachtsystem auch in Italien massenhaft auf. Die aus dem Alterthume überkommene klassische Gesetzgebung nebst der freien Konkurrenz des Handels und der Industrie mit dem Ackerbaue, haben dort diesem Systeme die Schattenseite benommen, und gewähren dem Pächter einen entsprechenden Lohn für seine Bemühungen.

Die Gebrechen dieses Systems treten nur in der Türkei in voller Nacktheit hervor, wozu ein mangelhafter Rechtszustand, partheiische Behörden, Rohheit und gegenseitiger Hass nicht wenig beitragen.

Im Wohlverstandenen Interesse der Regierung liegt es für eine entsprechende Abhilfe, unter Wahrung der Privatrechte zu sorgen.

Wenn die Regierung zunächst auf den durch sie administrirten Staats-

gütern ein erträgliches Pachtsystem einführt; — das — selbe nach und nach auf alle heimfallende Lehen anwendet und dieselben nur so organisirt weiter verleiht; endlich die vielen derzeit unkultivirten Staatsgründe gegen Verpflichtung der Kultivirung im Antheilen von 20 bis 30 Joch an christliche Bauern vertheilt so erfasst sie das Uebel an der Wurzel, und durchführt die gründlichste Reform, ohne die Türken zu verletzen, deren Rechte ungeschmälert fortbestünden. Ein Gesetz dass die Rechte und Pflichten der Gutsherrn und Pächter genau bestimmt, und unparteiische Wächter der Aufrechthaltung dieses Gesetzes, würden das noch fehlende ergänzen. Die Grundherrschaft müssten, um die Bauern zu behalten, billigere Pachtcontracte schliessen; eine neue Ueberschneidung aber würde das eben bezeichnete Gesetz verhindern.

Ich glaube die Nothwendigkeit der Heranbildung eines entsprechenden Beamtenstandes, der Abfassung eines allgemein verständlichen Gesetzbuches über Privatrechte, endlich der Reformen in Steuer — und Contributionswesen aus dem Grunde nicht weiter besprechen zu sollen, da sich dieselbe aus der Schilderung derzeitigen Zustände von selbst ergibt. Diese Uebel sind nicht nur Bosnien sondern der ganzen Türkei eigen, unter ihnen leiden nicht nur Christen sondern auch Türken; man kann sie daher weder als spezifisch bosnisch, noch als nur die Christen betreffend bezeichnen.

Am Schlusse meines Berichtes erübrigt mir noch meine Ueberzeugung dahin auszusprechen, dass der andauernde friedliche Besitz dieser Länder nur dann für die Türkei möglich sei, wenn dieselbe unverzüglich und wo möglich im Sinne dieses Berichtes die Verbesserung der bauerliche Zustände unternimmt. Ich zweifle nicht, dass die Pfortenregierung manche Einwendungen vorbringen werde bevor sie sich entschliesst der Partheinahme für die Türken zu entsagen, auch wohl versuchen wird, manche Ausnahme vom allgemeinen Elende der Christen, als Beweis für deren allgemeinen Wohlstand, geltend zu machen. Allen diesen Anführungen gegenüber bitte ich Euer Excellenz an der Ueberzeugung festzuhalten, dass mein Bericht aus tiefer Kenntniss dieses Volkes, aus hinreichender Erfahrung, und vollkommen unparteiischem Urtheile entsprang. Gelingt es den Vorstellungen Eurer Excellenz die türkische Regierung auf den Weg der nationalökonomischen Reform zu bringen und dabei zu erhalten, so wird die gründliche Pazifizirung dieser Länder bald erfolgen und deren künftiges Gedeihen keinen Zweifel unterliegen. Oesterreich aber wird im Aufblühen dieser Länder, in der damit eng verknüpften Steigerung seines Handels und seiner Industrie, die Beweise der Zweckmässigkeit seiner äusseren Politik finden.

Auch erlaube ich mir die Bemerkung, dass die Pforte eine gute Verwaltung ihrer bosnischen Staatsgüter und Wälder, desgleichen entsprechende Gesetzesvorschläge in dieser Richtung nimmer von ihren unerfahrenen Beamten erwarten soll. Ein dem benachbarten Kroatien oder Ungarn entnommener Güterdirektor würde diese Aufgabe in kürzester Zeit zur Zufriedenheit der Regierung und der Bauern bewerkstelligen.

Vorstehende Notizen werden gleichzeitig dem kaiserlichen Internuntius zur Kenntniss gebracht.

Geruchen Euer Excellenz den Ausdruck meiner tiefsten Verehrung und grössten Hochachtung gnädig aufzunehmen

Wassitsch

HHStA, Wien, Konsulate, K. 138, Fasc. Gen. Kons. Sarajevo, 1860, Fol. 16—25. Подлинник.

Перевод

Высокородный граф!

Я охотно воздержался бы от описания положения в Боснии в настоящий момент, исключая самый последний период, с тем чтобы через год, опираясь на полученный к тому времени опыт, дать более детальный и четкий анализ; однако значение Восточ-

ного вопроса, которое растет с каждым днем, требует, чтобы я немедленно дал краткую, по четкую характеристику по крайней мере, администрации этой провинции. Для того, чтобы эта характеристика была более понятной, и для того чтобы бы я ясно угол зрения, под которым я смотрю на вещи, мне следует начать со сжатого обзора противостоящих друг другу групп населения.

1. Противостоящие группы населения

Свойственные средневековым отношения приводили повсеместно, не исключая и Боснию, к полному угнетению народа. Вскоре крестьяне оказались в тяжелом зависимом положении, наконец были закрепощены, и с этого времени дворянство смотрело на них и относилось к ним как к вещам. Хотя Махмуд Фати, завоеватель Боснии, заставил дворянство принять ислам, однако он ни в чем не изменил положение крестьян. Поэтому завоевание этой территории турками имело своим следствием то, что уже существовавший раскол между двумя группами населения, из-за различий в общественном и в имущественном положении, увеличился из-за религиозных разногласий. С этой поры слово «турок» стало синонимом богатства, знатности и власти, в то время как слово «христианин» означало бедность, унижение и покорность.

Унаследованное от средневековья и увеличившееся в результате турецкого владычества расслоение между двумя этими социальными группами населения не исчезло за прошедшие 400 лет. В центре Боснии имеются, конечно, и состоятельные христиане, а повсюду встречаются обедневшие землевладельцы или ремесленники, исповедующие ислам, но все они являются исключениями из правила и не оказывают никакого влияния на существование двух противопоставленных групп населения, не связанных между собой никакими промежуточными группами.

Между тем как в течение прошедших столетий аристократия других европейских стран была вынуждена пойти на уступки, соответствующие духу времени, частично под влиянием городского населения, частично вследствие прогресса общественной морали, боснийское дворянство закоснело в своем средневековом варварстве, обезглавливало и сажало на кол своих крестьян, пока введение танзимата, имевшее место 12 лет тому назад, не придало этому образу действий идейной основы.

Успехи христианства и гуманности за рубежом, разумная основа, на которой зиждется управление Австрией, сущностью которой является законность, и наконец, дикая волюнтаризм, процветающая в горах Сербии и Черногории, осветили яркими лучами долины Боснии. В свете этих лучей христианское население вышеуказанных провинций увидело свое печальное положение, но одновременно поняло, что иностранные державы узнают об этом положении и со временем изменят его.

Основным фактором, определяющим позицию двух групп населения, являются имущественные отношения, в частности отношение к землевладению. В Боснии торговля ограничена, промышленность равна нулю, а ремесла находятся на примитивной стадии развития. В связи с этим основная масса населения вынуждена заниматься земледелием и брать в аренду землю на любых условиях. При этом в соответствии с принятой здесь системой, арендатор должен отдавать треть урожая землевладельцу, десятую часть государству, а из оставшегося он должен часть сохранить для посева, уплатить налоги и общинные подати всякого рода. Такие порядки не только не дают возможности сельскому населению повысить свое благосостояние, но даже при самых благоприятных обстоятельствах позволяют лишь не умирать с голоду.

Не входи в подробности, хочу прибавить к сказанному, характеристику сельскохозяйственных отношений в Герцеговине, данную в 1858 г. епископом Бариничем, и замечу при этом, положение в Боснии и по сей день аналогично положению в Герцеговине.

При существующих аграрных отношениях самый усердный крестьянин знает, что его положение может улучшиться только в результате несчастливой случайности, а не как естественное следствие его напряженного труда. По этой причине, которой нельзя отказать в праве на существование, крестьянин считает свою жизнь в таких условиях невыносимой и в своей ограниченности верит в то, что именно во имя христианской религии он трудится в поте лица, чтобы дать турку возможность вести приятную жизнь.

Религия, которая предопределяет наименование каждой из противостоящих друг другу групп населения, и имеет видимость главного фактора раскола в народе, в действительности играет весьма скромную роль. На самом деле имеются весьма незначительные ограничения в отношении отправления христианских обрядов, христианству не чинятся никакие препоны, и тот довольно умеренный подъем религиозности, который тем не менее имеет место, следует приписать только бедности христиан. В течение многих лет в этом отношении не слышно никаких жалоб.

Национальное самосознание, которое является первым признаком нарождающейся культуры народа и осознания им своей значимости, в высшем смысле еще не проснулось в этом грубом народе. Умение читать и писать здесь еще считается искусством, которым могут похвалиться немногие, и главным образом чиновники. Массам безразлично, на каком языке написано, так как они не умеют читать на своем родном языке. Чиновников — иностранцев (турок) имеется немного, и они не пользуются авторитетом со стороны христиан, которые не получают государственных должностей.

Вышеупомянутое отношение, создавшееся между землевладельцами и арендаторами неизбежно должно было породить два противопоставленных сословия, разведенных смертельной ненавистью. Каждая из этих групп следует только врожденному побуждению к самосохранению, когда стремится к уничтожению другой группы. Турки только тогда спокойны, когда у райи нет ни теллера в кармане, ни целого платья на теле; христиане мечтают о том, когда завоеватель — христианин с пылающим мечом прогонит турок из Боснии. Одни во что бы то ни стало хотят сохранить существующий порядок вещей, другие отвергают его совершенно. Еще так мало турок и христиан, которые руководствуются не страстями, а твердыми убеждениями и стоят над устремлениями своих групп, что влияние, которое они оказывают, посредничая между противопоставленными сторонами, едва ли заслуживает упоминания.

Тем не менее, при более подробном описании населения Боснии, учитывая деление на католиков, греко-славян и мусульман, я отмечу и эти элементы. Намериваясь дать их характеристики в своих последующих донесениях, я считаю, что сегодня мне следует выделить лишь наиболее важные группы, так как при характеристике деятельности правительственных органов в первую очередь необходимо учитывать их отношение к этим группам населения. Народ судит о правительстве по тому, насколько беспристрастна политика правительственных органов, а если народ убеждается в их пристрастном подходе к одной из сторон, то он склоняется на сторону врагов правительства.

II. Администрация

Если сравнить сегодняшнее положение в Боснии с положением в недавнем прошлом, то придется признать, что правительство позаботилось о том, чтобы добиться сносного состояния общественной безопасности по крайней мере в одном отношении. Несмотря на дикость жителей, их обоюдную ненависть и повсеместно возникающие в избытке поводы для разногласий, убийства случаются реже, чем можно было бы предположить, судя по характеру отношений между жителями. Банды разбойников, которые раньше постоянно бродили по всей стране, теперь появляются в редких случаях в пограничных районах. Кроме усиления охраны населения, значительную роль в укреплении безопасности жизни и имущества жителей играет более совершенное судопроизводство. До введения танзимата христианин мог быть осужден на смертную казнь за малейший проступок и обычно избегал этого только тем, что бежал в горы, чтобы, став разбойником, мстить туркам с оружием в руках, а затем погибнуть, защищая свою жизнь.

Кроме укрепления общественной безопасности и опубликования некоторых фирманов, направленных на улучшение положения, которые однако соблюдаются лишь в виде исключения, успехи в делах управления крайне незначительны.

Для меня было бы затруднительно перечислить все недостатки управления в Боснии: так как мне известны лишь наиболее крупные из них, но даже и те, о которых я слышал, я не решусь здесь изложить из опасения сделать свои донесения утомительно длинными. По этой причине я перечислю наиболее существенные дефекты управления вместе с причинами, их вызвавшими. Мне кажется имеет смысл предпослать этому списку замеча-

ние, что хотя недостатки управления в Боснии немногим отличаются от недостатков управления в других провинциях, однако здесь они более ощутимы, так как райа, прекрасно осведомленные о системе управления в соседней Австрии, знают и ощущают здешние недостатки и считают ответственным за них правительство.

1. Одной из важных причин неудовлетворительного управления я считаю изъязы законодательства.

Язык корана недоступен здешнему населению, которое говорит только на славянских языках; даже новейшие распоряжения, изданные на турецком языке, не переводятся и, на усмотрение правительственных чиновников оставляется, что именно и в каком объеме будет сообщено населению. Следствием этого является абсолютное незнание законов, кроме немногочисленных старых порядков судопроизводства, сохранившихся в меджлисах, знание которых передается из поколения в поколение, нередко вступая в противоречие с новыми законами.

Помимо языка, на котором пишутся законы, действующие в Боснии, следует также подчеркнуть тот факт, что законов слишком мало. Большинство правовых отношений ненормированы в соответствии с законами и поэтому должны решаться исходя из традиций, что дает возможность суду проявлять лицепритворное отношение, не поддающееся никакому контролю. Отсутствие права на обжалование не менее ощутимо, особенно если иметь в виду устройство судов и органов управления.

В компетенцию меджлисов или окружных и областных органов исполнительной власти, кроме судебного разбирательства входит также контроль за правительственными служащими. Состоят они из турецкой знати. При существующем положении правительственные чиновники и органы исполнительной власти в высшей степени заинтересованы в том, чтобы сотрудничать и совместно угнетать простой народ, как им заблагорассудится. И те и другие идут на взаимные уступки. Мудир молчит при заслушивании несправедливого решения и приводит его в исполнение, в то время как совет отклоняет без всякого предварительного расследования или после крайне пристрастного разбирательства протесты против притеснений в вопросах налогообложения. Особенно пристрастным бывает разбирательство уголовного дела, когда истцом является христианин, а ответчиком турок. Туркам вообще редко выносятся обвинительные заключения и никогда наказание не соответствует преступлению. Турок доказывает свою невиновность с помощью лжесвидетелей, или утверждает, что действовал в бессознательном состоянии или в состоянии безумия, и всегда он находит судей, которые ему верят.

2. Важным источником здешних недостатков управления являются изъязы в налоговой и контрибуционной системе.

Государство определяет сумму налогообложения, приходящихся на провинцию, провинция обеспечивает распределение этой суммы между общинами в соответствии с числом душ. В целом получается, что самый бедный христианин платит столько же, сколько самый богатый турок. Внутри общины распределением налогов ведает общинный комитет, состоящий из наиболее состоятельных членов общины, которые заботятся о том, чтобы самим платить как можно меньше; и следовательно, основное бремя ложится на плечи бедных крестьян.

Поставка транспортных средств во время армейских походов и поездок государственных служащих все еще носит самый примитивный характер. Все вьючные животные, имеющиеся у жителей, отбираются и используются, пока не удастся получить других. Само собой разумеется, что эта напасть минует богатых, а бедных она поражает именно в то время, когда рабочий скот ему более всего необходим для работы в поле.

В Поставке уже довели до изнурения всех крестьянских лошадей. В последнее время правительство оказалось вынуждено использовать и турок для поставки перевозочных средств при транспортировке урожая для армии. Однако при этом они получают плату, больше чем в два раза превышающую ту, которую получали христиане.

Во время своих путешествий турки бывают настолько беззащитны, что могут зайти в лучший христианский дом и навязаться в гости. По этой причине вблизи от до-

роги видно очень мало домов, и только обработанные поля показывают, что это обитаемая местность.

В результате порочной налоговой системы налоговое бремя несет на себе крестьянство, и без того страдающее от бесчеловечной арендной системы. В этом отношении усилия правительства равны нулю. В Боснии не выделено никаких ассигнований на строительство дорог, мостов, нужды христианского культа, воспитания, помощь бедным, общественные постройки, развитие земледелия и торговли, поощрение ремесел. За те огромные суммы, которые платит Босния, она не получает ничего, кроме гарнизона численностью от 3 до 4 тысяч человек и нескольких турецких чиновников.

3. Бездарность чиновников также является одним из важных факторов, препятствующих реорганизации народного хозяйства.

Турецкий чиновник сам может быть честным человеком, как, например, Осман-паша, однако его оценка положения в провинции всегда является односторонней, он никогда не может подняться до широкого взгляда на вещи. Турецкое чиновничество, за редким исключением, состоит из фаворитов и бывших слуг, пристроенных своими господами. От таких людей Порты не может надеяться получать донесения, которые позволили бы ей правильно и всесторонне оценить положение, с тем чтобы принять соответствующие меры.

Осман-паша в своих действиях, связанных с охраной лесов, доходит до смешного. Опасаясь мошенничества со стороны своих чиновников, он предпочитает гноить деревья в лесу и тем самым лишает правительство доходов, а население источника заработка.

4. Не менее многочисленны известные вашему превосходительству злоупотребления, происходящие из деморализации служащих.

Каждый чиновник имеет своих покровителей, которые получают от него подарки и поэтому помогают ему удерживаться на своем посту. Несмотря на это, он скоро теряет свое место, так как покровитель сам долго не удерживается на своем посту. Чтобы продержаться какое-то время на своем посту и суметь просуществовать после отставки до восстановления или получения нового места, он вынужден стремиться к незаконному обогащению. После отставки растрата или притеснения, которые были обнаружены, не принимаются более во внимание, расследование длится несколько месяцев, пострадавшие, подавшие жалобу, устают от ожидания и наконец дело откладывается в сторону. Никого не может удивить, что такие чиновники ведут себя услужливо по отношению к богатым туркам, а по отношению к христианам, скорее сами прибегают к притеснениям, чем защищают их от чужих посягательств.

При этом положении вещей первоочередной задачей правительства должно быть такое упорядочение отношений землевладения, унаследованных от средневековья и с тех пор еще ухудшившихся, при котором стало бы возможно примирение христиан и турок. Во всяком случае необходимо подготовить почву для создания третьей группы населения, которая связала бы враждующие стороны.

В связи с этим я не советовал бы правительству прибегать к насильственным мерам, таким как отмена третины в законодательном порядке. Должна же наконец Турция придти к тому, чтобы выполнить хотя бы в малой мере свои обязанности перед подданными, а именно обеспечить осуществление предоставленных им прав и главное, начать с того, чтобы соблюдать нерушимость существующих прав. Упомянутая выше мера привела бы только к тому, что правительство вместо интересов одной из антагонистических групп населения, стало бы защищать интересы другой группы и лишилось бы даже того весьма незначительного авторитета, который еще сохраняется сейчас. К тому же мирное осуществление этой меры невозможно, легко предвидеть, что принудительные меры вызовут противодействие или даже открытое сопротивление. А кто же может предугадать последствия революции, к которой присоединятся различные чуждые элементы! Для предотвращения восстания христиан правительству таким образом пришлось бы прибегнуть к средству, которое несомненно вызвало бы восстание турок, а вместе с тем и восстание христиан и вмешательство иностранных держав. Произошло бы простое повторение событий, которым Сербия была обязана обретением свободы.

Здесь отношения в вопросах арендования напоминают мне то, что я читал об ирландских арендаторах. Здесь, как и там, арендатор живет в жалкой лачуге, одет в лохмотья и не всегда уверен, что сможет достать себе достаточно пищи, чтобы просуществовать зиму. Здесь, как и там, естественным следствием такого положения является деморализация сельского населения, упадок сельского хозяйства, и эмиграция. Разница заключается лишь в том, что трудолюбивый ирландец может найти неосымаемый источник увеличения своего благосостояния в торговле или промышленности Англии, в то время как боснийский христианин может выбирать только между вечным безрезультатным трудом и бегством за границу.

Кроме Ирландии, система сдачи земли в аренду широко распространена в Италии. Классическое законодательство, унаследованное от античности, наряду со свободной конкуренцией в торговле и связью промышленности с сельским хозяйством, лишили эту систему многих теневых сторон и позволяют арендатору получать соответствующее вознаграждение за свои труды.

Отрицательные стороны этой системы проявляются во всей своей неприглядности только в Турции, чему не в малой степени способствует неблагоприятное состояние законодательства, пристрастное отношение властей, примитивность и взаимная ненависть населения.

При правильно понятых собственных интересах правительство должно прибегнуть к необходимым мерам, направленным на то, чтобы выйти из затруднительного положения и обеспечить гражданские права населения.

Если правительство начнет с того, что введет более разумную систему арендования на государственных землях, находящихся под его контролем, затем постепенно будет внедрять ее на выморочных угодьях и после такой реорганизации будет сдавать их в аренду, и, наконец, распределит многие необрабатываемые государственные земли между христианскими крестьянами участками по 20—30 нохов, с тем условием, что они станут обрабатывать землю, то тем самым оно пресечет зло в корне, не ущемляя при этом интересов турок, так как их права останутся при этом незатронутыми. Для полного осуществления реформы необходим закон, точно определяющий права и обязанности землевладельцев и арендаторов, а также беспристрастные контролеры, следящие за соблюдением этого закона. Чтобы удержать своих крестьян, землевладельцы были бы вынуждены заключать контракты на аренду по более дешевым расценкам, однако новое перераспределение могло бы помешать осуществлению вышеозначенного закона.

Как мне кажется, не имеет смысла пускаться в более пространное рассуждение о необходимости подготовки чиновников, требуемых для этого рода деятельности, издания кодекса гражданских законов, понятного для всех, и наконец, о необходимости реформ в системе налогообложения и контрибуций, поскольку само описание существующих в настоящее время отношений показывает наличие такой необходимости. Эти отрицательные явления характерны не только для Боснии, но и для всей Турции в целом, от них страдают не только христиане, но и турки; поэтому их нельзя рассматривать как специфические явления, встречающиеся только в Боснии, или как явления, затрагивающие только христиан.

В заключение моего донесения мне остается еще выразить свое убеждение, что Турция только в том случае сможет мирно владеть этими землями, в течение долгого времени, если она немедленно приступит к улучшению положения крестьян в духе тех мер, которые предложены в данном докладе. Я не сомневаюсь, что, прежде чем отказаться от пристрастной позиции в пользу турок, правительство Порты выдвинет ряд контрдоводов и даже может быть попытается указать на некоторые исключения из массы христиан, живущих в нищете, чтобы использовать их как доказательство якобы существующего благосостояния христиан в целом. Несмотря на все такие высказывания, я прошу ваше превосходительство быть уверенным, что мой доклад основывается на глубоком знании этого народа, на достаточно большом опыте и совершенно беспристрастном подходе. Если вмешательству вашего превосходительства удастся повернуть турецкое правительство на путь национально-экономических реформ и помочь ему удержаться

на этом пути, то следствием этого будет скорое и прочное умножение этих провинций, и нет никакого сомнения в том, что это повлечет за собой их процветание в будущем. Процветание вышеуказанных провинций и связанный с этим подъем торговли и промышленности в самой Австрии послужит доказательством правильности ее политики.

Я позволю себе также заметить, что Порты не может надеяться ни на добросовестное управление государственными землями и лесами в Боснии, ни на получение соответствующих законопроектов от своих неквалифицированных чиновников. Эта проблема сможет быть решена в кратчайшие сроки к полному удовлетворению правительства и крестьян с помощью какого-нибудь управляющего государственными землями из соседней Хорватии или Венгрии.

Вышеприведенные заметки одновременно отправлены императорскому послу для ознакомления.

Примите, ваше превосходительство, выражение моего глубочайшего почтения и уважения.

Васич

141

Прошение католического населения Мостара, Любушки и Дувно К. Васичу о содействии уменьшению налогов

Не позднее 16 июня 1860 г.*

Wir, Katholiken aus den Bezirken Mostar, Libuška und Duwno der Herzegowina, wagen unsere Armuth und die Armseligkeit unseres Zustandes in den folgenden drei Punkten darzuthun.

I

Porez

Die jährliche Steueraufgabe für Christen und Mohamedaner in der Stadt und Bezirk Mostar beträgt 295.000 Piaster. Hievon kommen auf die Christen 199.820 und auf die Mohamedaner 95.180 Piaster.

Voinina

Die Militärablösungssteuer der Christen beträgt 236.900 Piaster, während die Kopfsteuer (Harač) nur 113.340 Piaster war. Die Christe besitzen nichts als ihre elenden Hütten und können zu keinem Wohlstande gelangen. In den Städten gibt es eine Anzahl Leute, die durch Handel oder Gewerbe in den Besitz eines Hauses, Gartens oder Feldes kamen; allein die Bauern sind höchstens Eigenthümer eines elenden Stück Viehes.

Die Muselmänner sind reich in der Stadt an Häusern und Gewölben und am Lande an Grundstücken. Ihre Häuser sind wohl versehen mit den Bequemlichkeiten des Lebens und ihre Ställe sind voll von edlen Pferden.

Der Bauer ist genöthigt, Achsel — und anderes Arbeits — vieh vom Grundherrn zu nehmen und muss dann jährlich 150—300 Oka Getreide dafür entrichten, dabei aber noch die Tretina und Desetina zahlen. In dieser Weise geben wir für die Benutzung des Viehes das letzte Getreide unserer Ernte und müssen unsere Familie Käsemilch ernähren!

Die Muselmänner sind Eigenthümer des ganzen Bodens und der schönsten Gebäude, während die Christen nur Hütten und wenige Felder oder Garten besitzen und dennoch zahlen die Christen viermal mehr Steuer als die Türken. Ein Christ als Besitzer eines geringen Waarenlagers zahlt doppelt soviel Abgaben als ein mohamedanischer Grundherr der 050—300 Joch Grunde besitzt. Ein christlicher Bauer der 100 Schafe, 2 Kühe, 1 Pferd und

* Датируется на основании док. 140, к которому приложено прошение.

6 (?) ^{2*} besitzt, zahlt so viel an Staatsabgaben als drei reiche Grundbesitzer.

Den ärmsten Christen, die nie Fleisch sehen, kein hin und wieder eine Schmalzsuppe genießen, werden Lieferungen an Schmalz Meizen, Holz, Kohlen, Gerste u. s. w. für das Militär auferlegt. Diese Leute verschulden sich dann beim Grundherrn der ihnen diese Lieferungen um den dreifachen Preis verschafft und überdies gegen hohe Bezahlung Pferde leihum die Lieferungen abzuführen. Das Entgeld wenn sie es bekommen wird nach dem Marktpreis berechnet. Ausserdem wird bei diesen Lieferungen der Bauer noch beim Maass und Gewicht durch den Mudir um 20 % betrogen. Die Türken dagegen werden mit derlei Leistungen nicht nur verschont sondern wie gesagt sie bedienen sich dieser Gelegenheit um den armen Christen ihren Ueberfluss um den 3-fachen Preis zu verkaufen. Für das Verfrachten in einer Distanz von 15 oder 20 Stunden zahlt die Regierung für das Pferd 100 Para was kaum für das Beschlagen der Pferde ausreicht.

Die Steuer der Christen und Mohamedaner sollte daher nicht getrennt sein. Alle sollen nach ihrem Vermögen gleichmässig besteuert sein. Die Haussteuer ist in diesen Bezirken 75 Piaster in andern nur 35. In dieser Weise muss der Christ an den Bettelstau kommen und kann in keiner Weise sich über das Vieh erheben.

II.

Zehnpächter und Mauthner erlauben sich allerlei Bedrückungen. Der Zehnt wird oft im doppelten selbst dreifachen Betrage abgefordert und dazu noch das Essen und Getränke für die Pächter und deren Leute requirirt. Die Eingehobenen Christen müssen unentgeltlich an jeden dem Pächter beliebigen Ort eingeliefert werden.

Diese Missbräuche werden von den Mudiren unterstützt daher auch kein Klagen hilft.

III.

Die Grundherrn kommen mit der Familie auf mehrere Monate zu uns und lassen sich unentgeltlich verpflegen. Ausser dem Drittel und Viertel müssen dem Grundherrn auch Dinsten unentgeltlich geliefert werden z[um] Beispiel die Felder des Herrn bebauen, dessen Garten besorgen, die Früchte und Holz ihm dorthin führen wo er es will. Alle diese Leistungen sind für den Beuern noch mit baaren Auslegen verbunden. Wehe dem Bauer der Ersatz verlangt er würde gleich weggejagt. Wenn ein Bauer sein Haus und Feld ordentlich hergestellt hat muss er es in der Regel verlassen.

Alle diese ungebührlich geleisteten Dinsten betragen eine Summe die dem Werthe der Grundstücke die die Christen in Händen haben gleich kommen.

Wollte die Regierung nur die brachliegenden Grundstücke den Christen überlassen und sie denselben als Eigenthum unter der Bedingung die Staatsabgaben zu zahlen geben, so wurde die Herzegovina noch mahl so viel Steuern zahlen, die Christen würden die öden Grunde kultiviren und die Türken nöthigen für die Bauern bessere Bedingungen zu stellen.

Die Christen bitten daher

1. Um Verminderung der Vojnina.
2. Um gleiche Verteilung der Steuer.
3. Um Erleichterung des Ankaufs von Grundstücken.
4. Um Erlaubniss unbedante Gründe in Besitz zu nehmen und als urbar gemacht in Eigenthum zu behalten.

^{2*} Так в тексте.

5. Das Drittel und Viertel an die Grundherrn nur in billiger Weise entrichten zu müssen;

6. Das Getreide nach den Marktpreisen zu berechnen;

7. Die Zehnpächter anzuhalten dass sie keine Bedrückungen ausüben.

8. Der Grundherrn nicht mit Familie ernähren zu müssen.

HHStA, Wien, Konsulate, K. 188, Gen. Kons. Sarajevo, 1860, Fol. 52—55. Пер. с сербскохорват. яз., современный подлинник.

Перевод

Мы, католики из округов Мостар, Любушка и Дувно провинции Герцеговина, взяли на себя смелость описать нашу бедность и жалкое положение в следующих трех пунктах.

I

Порез: Ежегодная сумма налогообложения, приходящаяся на долю христиан и мусульман в городе и округе Мостар составляет 295 000 пиастров, из которых на христиан приходится 199820, а на мусульман — 95180 пиастров.

Войнина: Налог за освобождение от воинской повинности, взимаемый в то время как подушная подать составляла лишь 113340 пиастров с христиан, составляет 236300 пиастров. У христиан нет ничего, кроме убогих лачуг, и они никак не могут достичь благосостояния. В городах имеется некоторое количество людей, которые стали владельцами домов, садов или полей благодаря торговле или ремеслам, и одни только крестьяне в лучшем случае имеют какую-нибудь жалкую скотину.

Мусульмане, живущие в городе, богаты, имеют дома, складские помещения, а мусульмане, живущие в сельских местностях, владеют поместьями. Их дома оборудованы всяческими удобствами и в их конюшнях полно породистых лошадей.

Крестьянин вынужден нанимать у землевладельца быков и другой рабочий скот и платить за это ежегодно 150—300 оков зерна, кроме того, что с него берут еще третину и десятину. Таким образом за наем скота мы отдаем последние остатки зерна из нашего урожая и должны кормить семьи сывороткой.

Мусульмане владеют всей землей и прекраснейшими домами, а у христиан есть только хижинки и небольшие участки полей или садов, и тем не менее христиане платят в четыре раза больше налогов, чем турки. Христиане, имеющие маленький склад товаров, платят вдвое более высокий налог, чем мусульманин, имеющий 150—300 оков земли. Христианин-крестьянин, имеющий 100 овец, 2 коров, 1 лошадь и 6 (?) платит такую же сумму податей государству, сколько платят три богатых землевладельца.

С самых бедных крестьян, которые никогда не видят мяса и даже изредка не могут себе позволить съесть суп с топленным салом, требуют поставок на сало, пшеницу, дрова, уголь, ячмень и т. д. для армии. В таких случаях эти люди попадают в долговую кабалу к землевладельцу, который за тройную цену дает им требуемое для поставок и кроме того, за высокую плату дает лошадей, чтобы отвезти поставляемую продукцию. Когда они получают возмещение за поставки, расчеты ведутся по рыночным ценам. Кроме того, при этих расчетах мудир обвешивает и обмеривает крестьян на 20 %. Что касается турок, то они не только избавлены от поставки такого рода, но, как уже говорилось выше, они используют поставки для того, чтобы продать за тройную цену излишки своего урожая бедным крестьянам. За транспортировку на расстояние, которое можно покрыть за 15—20 часов, правительство платит за лошадь 100 пара, которых едва хватает на то, чтобы подковать лошадь.

А связи с этим при взимании налогов не должно быть различного подхода к христианам и мусульманам. Все должны равномерно облагаться налогами в соответствии с их имущественным положением. Налог на дома в этих округах равняется 75 пиастрам, а в других только 35. При таком положении христианину остается только идти просить милостыню и нечего надеяться на то, что он сможет подняться выше теперешнего своего состояния, которое ничем не отличается от состояния скота.

II

Сборщики десятины и таможенники позволяют себе всячески притеснять людей. Десятину часто собирают в двойном или даже тройном размере и, к тому же, люди должны кормить и поить сборщиков и их подручных. Христиане, уплачивающие подати, должны безвозмездно доставлять эти подати в любое место, которое удобно сборщику.

Мудирь поддерживают эти злоупотребления, и поэтому все жалобы остаются безрезультатными.

III

Землевладельцы со своими семьями приезжают к нам на несколько месяцев и требуют, чтобы мы безвозмездно поставляли им продовольствие. Кроме третины и четвертины мы должны безвозмездно работать на землевладельца, а именно, обрабатывать поля господина, ухаживать за садом, привозить ему фрукты и дрова туда, куда он потребует. Все эти услуги связаны для крестьян еще с издержками, которые они платят наличными деньгами. Горе тому крестьянину, который потребует возмещения убытков, его тотчас прогонят прочь. Если крестьянин сумел привести к порядку свой дом и свое поле, то как правило, ему приходится покинуть свое хозяйство.

Стоимость всех этих работ, выполняемых христианами в ущерб себе, равна стоимости участков земли, арендуемых ими.

Если бы правительство захотело передать в собственность крестьянам пустующие земли при том условии, что они будут платить государственные налоги, то Герцеговина платила бы еще столько же налогов, сколько платит теперь, христиане обрабатывали бы пустующие земли, а турки были бы вынуждены согласиться на условия, более терпимые для крестьян.

В связи с этим христиане просят

1. Уменьшения войныны.
2. Равного распределения налогов.
3. Облегчения условий при покупке земли.
4. Разрешения получать в свое распоряжение пустующие земли с тем чтобы их обработать и затем закрепить их за собой как собственность.
5. Удешевления третины и четвертины, уплачиваемой землевладельцам.
6. Установления цен на урожай в соответствии с рыночными расценками.
7. Сделать невозможным для сборщиков десятины притеснять крестьян.
8. Запретить положение, при котором крестьяне обязаны кормить землевладельца с его семьей.

142

Обращение герцеговинцев к константинопольскому патриарху с просьбой утвердить избранного ими на пост герцеговинского митрополита архимандрита И. Памучину

19 июня 1860 г. Мостар

Ваша светост!

Не сумьамо, да нијесте примили по телеграфу нашу општу народњу жељу, у име српског народног владике. Но при свему томе опет овђе писмено полагамо опште мисли и народњу жељу, које подносимо пред лице Ваше Светости. При владика, грчке народности дошаоје у Хрцеговину 1776. године¹; то је докле равно 84. године. У толико времена промијенило их се седам Нема чојека, а нема ствари, која би засвједочила да су и једну своју дужност извршили. Њихова хрђава дјела нећемо овђе излагати; јер су веома ружна и велика. Ми одсад жељимо имати својег српског владика којег ћемо разумјети у цркви, и на свакоме мјесту;

који ће нас научити по својој дужности, и по заповједи божјој; и, који ће нам моћи казати налоге и заповједи нашег премилостивог султана. За то сви свјештеници и вас народ најпокорније припадамо и молимо вашу светост, да уважите ову нашу народњу жељу и препокорну молбу, да [нам одобрите, да имамо нашег народног владика. Ми имамо међу нама одабранијех свјештениках, способнијех и достојнијех за тај високи и свети чин. Између којијех сви једногласно изабралисмо причастног оца архимандрита мостарског Јоанићија Памучину; њега хоћемо и жељимо, да нам буде владика. За то овђе сви једногласно кажемо вашој светости, да никако другог нећемо. Ми се тврдо надамо, да ће ваша светост ову нашу народњу, општу жељу и предлог уважити и испунити². Очекујемо ваш скори одговор, и љубимо ваше свете стопе. Остајемо ваше светости најпокорнија чада и слуге

С подлинним верно.
Секрета[рь] консул[ства] В. Ионин

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 58. Заверенная копия.

¹ Имеется в виду ликвидация Печской патриархии в 1766 г., когда перестала функционировать не только Сербская патриархия, но была также ликвидирована и сербская церковная иерархия на территории Османской империи.

² После известия о смерти владыки грека Григория, бывшего митрополитом Герцеговины, представители мостарской общины решили осуществить свое давнишнее желание иметь владыку-славянина. Ими была выдвинута кандидатура мостарского архимандрита, славянина по происхождению Иоанникия Памучины. Заручившись поддержкой мостарского паши, представители общины телеграфировали об этом константинопольскому патриарху, указав, что население не хочет иметь греческого владыку и просит повременить с утверждением митрополита до получения их официального обращения (см.: донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому от 12(24) июня 1860 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 49 и об.). Однако Памучина не был утвержден.

143

Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о раскрытии в Мостаре мусульманского заговора и о ходе восстания в Гацко

№ 85

26 июня (8 июля) 1860 г. Мостар

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Телеграфическою депешою моею от 22 июня (4 июля) сего года я имел честь донести вашему сиятельству об открытии здесь заговора, теперь же спешу представить некоторые по сему делу подробности¹. Как я уже имел честь упомянуть в предшествующих донесениях моих, неудовольствие на действия местных властей, на сбор башибузуков и, наконец, на последние события в Герцеговине, увеличиваясь день ото дня, грозило нарушить общественное спокойствие. Несмотря на замечания, деланные неоднократно как мною, так и другими агентами в сем смысле, местные власти не хотели ничему верить, когда, наконец, в понедельник 20-го сего месяца должны были покориться очевидности. Некто Мустафа-бей Кемерлич объявил наше около полдня означенного дня о существовании заговора, в котором его самого старались убедить принять участие, назвал главных действующих его и указал их намерения. По его словам, заговорщики должны были в три часа пополудни того же дня, бывшего четвертым днем байрама, напасть на дворец паши, на консулов и на оставленный здесь Дервиш-пашою батальон и, овладев городом, начать истребле-

ние христиан. Заговор этот сохранялся в непроницаемой тайне. Паша, убежденный доказательствами Кемерлича, немедленно принял меры к предупреждению исполнения заговора. Батальон, стоявший под палатками за городом, был призван со всею поспешностью; на улицах расставлены были пикеты солдат в заряженными ружьями, и, наконец, оставшиеся здесь 8 орудий тяжелой артиллерии вывезены были на улицы и там пред народом заряжены картечью. Такие грозные приготовления произвели на христиан, ничего не знавших, панический страх и заставили мусульман, начинавших собираться в толпы, поспешно разойтись по домам. В то же время лица, означенные Кемерличем, были арестованы и под сильным конвоем приведены во дворец паши, где и подверглись немедленно допросу. Узнав обо всем этом, я немедленно отправился к паше, которого нашел в большом смущении среди не менее смущенного меджлиса. На вопросы мои паша отвечал уклончиво, говоря, что он узнал, что мусульмане Фочи хотели ударить на Черногорию и вошли по сему поводу в сношения с здешними турками и т. п. и, наконец, на сделанное мною замечание о несообразности таких сведений с принятыми им мерами, в которых я убедился лично, он сознался, что открыт заговор, но еще неизвестно, кто в нем замешан и в чем его цель. Между тем арестованы были: Мурад-бей Ченгич из Фочи, бывший мугурдар Али-паши Ризванбеговича — как главный начальник заговора; Фейт-ага Кориенич; Хусейн Чатович из Требинье, Межмед хаджи Исмаилович и Али Дабрица, все люди известные своим беспокойным характером и приверженцы старого порядка вещей. Всю ночь постоянные патрули ходили по улицам города, особенно пред консульствами и в христианских кварталах, и эта мера повторяется еще и поныне. Немедленно дано было знать о том Дервиш-паше, бывшему в 6 часах от Мостара в Невесинье, который утром на другой день и прибыл в Мостар. 21-го числа при свидании моем с пашою, где я нашел Шефик-бея и Дервиш-пашу, они уже не отвергали существования заговора, но не могли дать никаких положительных сведений, ибо арестованные не сознавались ни в чем. Следствие продолжается днем, и сколько доля справедливости заставляет меня отдать вполне заслуженные похвалы распоряжениям паши, столько же я не смею умолчать, что по характеру медлительности и робости, с каковыми, как я слышу, производится розыски, я вправе опасаться, чтобы истина была когда-либо открыта. Вследствие сего убеждения моего я и осмелился по телеграфу донести вашему сиятельству, что вмешательство консулов, более настойчивое, хотя и не вполне официальное, не могло бы не способствовать открытию сущности дела, ибо, как заметно, местные власти как бы боятся принять более энергичные меры, опасаясь, чтобы большая строгость не возбудила с новой силой несколько присмирившей фанатической ненависти здешних мусульман не только к христианам, но даже и к османлиам, тем более, что по слухам, имеющимся в городе, за точность которых не могу ручаться, строго исследуя дело, пришлось бы взяться и за некоторых из почетнейших здешних жителей. Впрочем, паша обещал сообщить нам все подробности по сему делу немедленно по окончании допросов, точно так же, как и сведения о схваченных будто бы сербских эмиссарах, о которых я имел честь доносить вашему сиятельству от 12 (24)-го сего месяца, № 79, дела которых не подвинулись нисколько вперед². Только австр[ийский] подданный Йовичич выдан был вчера введением телеграфического приказаания Порты австр[ийскому] вице-консулу и будет отправлен в скором времени в Австрию.

С другой стороны, положение дел в Гацко отчасти парализируется, как мне кажется, разысканием участников заговора: по болезни моей я не в состоянии был донести с прошедшею почтою о последних событиях

в Гацко. 14 (26)-го месяца Крстац, занятый восставшими, был оставлен ими при приближении бригадного генерала Али-паши с двумя батальонами, но путь к Никшичу не очищен. Дервиш-паша прибыл в Невесинье накануне, немедленно затем стянул все 4 батальона к Метохии на равнине Гацко, оставив небольшой отряд в Столце и 2 роты в Крстаце, ныне укрепленном. В Метохии же находится 100 человек башибузуков из Дувно, прошедших чрез Мостар 14 (26)-го, и 68 чел[овек] из Любушки, прошедших здесь 17 (29)-го числа. Из Невесинье прибыл и Дервиш-паша, от баньян игумен Феодосий из монаш[тыря] Косперова с капетаном Бачевичем. Кроме них в настоящую минуту в с. Метохии находятся: из Пивы архимандрит Феодосий Сочица и депутаты попа Богдана Зимонича, начальника восставших, Дука Ханкараш и Дреко Гргович. Последние, как я слышал, условием своей покорности поставляют уступку им половины округа Гацко до Друма (путь из Фочи на Требинье) и Крстаца на тех же условиях, на которых подчинились в прошедшем году зубцы, баньяне, дробняки и Пива, т. е. чтобы им дано было право избирать по своим делам судей из своей среды, охранять пути и собирать подать. Насколько справедливо это известие, доставленное мне сегодня приехавшим из Гацко торговцем Перо Ковачевичем, я еще не мог убедиться, но тот же Ковачевич присовокупляет, что условия эти приняты военными начальниками. По возвращении своем из Невесинье Дервиш-паша отказался от заводимого им прежде обвинения на черногорцев в присутствии их между восставшими. По его словам, только 4 капетана находятся между ними и то без ведома князя Данила, объявившего, напротив, смертную казнь каждому, кто перейдет из Черногории в Герцеговину для соединения с восставшими. В этом случае слово Дервиш-паши согласуется и с собранными мне по сему предмету сведениями консула нашего в Рагузе.

По взятии восставшими Крстаца находившийся там Ханани-бей, начальник башибузуков, содержащийся ныне под арестом по обвинению в сдаче вверенного ему дела, прислал мне письмо с приложением копии данной им Дервиш-паше записки, каковые и имею честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства как документы, по которым можно отчасти судить о начале восстания и степени виновности Ханани-бея.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

Вал. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 51—52 об. Автограф.

¹ Шифрованную телеграмму В. В. Безобразова о раскрытии заговора против консулов, паший и христианского населения от 22 июня 1860 г. см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 478. Как следует из донесений В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому, сеть заговорщиков охватывала всю Герцеговину. Восстание мусульман должно было произойти одновременно и повсеместно, чтобы парализовать таким образом карательные действия турецких войск. Запланированное вооруженное выступление участников заговора должно было сопровождаться избиением христианского населения и убийством иностранных представителей, в том числе российского консула в Мостаре. Главной целью заговора являлась реставрация старых феодальных отношений, отмененных Портой в 1850 г. (см.: АВПР, ф. ГА V—A₂, л. 610, л. 171—174; ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 65—66). Позднее В. С. Ионин сообщал А. Б. Лобанову-Ростовскому, что главные заговорщики, за исключением Ченгич-бея, бежавшего в Боснию, а также 20 человек, арестованных за массовые зверства по отношению к христианскому населению, были отпущены на свободу местными властями (см.: В. С. Ионин — А. Б. Лобанову-Ростовскому от 19 сентября 1860 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 119—121). В. В. Безобразов донес 29 октября (10 ноября) 1861 г. А. Б. Лобанову-Ростовскому, что новый губернатор Герцеговины Аала Эдди-паша явочным порядком вернулся

к судопроизводству на основе шариата, отмененного тавизматом и хатт-и хумаюном (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 275—279 об.).

² В. В. Безобразов — А. Б. Лобанову-Ростовскому 12(24) мая 1860 г. см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 47—49 об.

144

*Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину о репрессиях турок
в южной Герцеговине*

№ 232

21 августа (2 сентября) 1860 г. Рагуза

Из донесения моего г. директору Азиатского департамента от 19 августа за № 212 благоугодно было вашему превосходительству усмотреть вероломство турецких властей и ужасы, совершенные регулярными войсками султана над нашими единоверцами-жителями Южной Герцеговины ¹.

Последующие сведения, полученные мною оттуда, представляют положение христиан крайне отчаянным: жители Гатска, Дробняка, Шивы, Банья и Зубцев, лишившись своих начальников, которых Дервиш-наша вызвал в Невесинье под предлогом узнать от них жалобы и нужды народа, а потом задержал их вероломным образом и отправил в Мостар, как преступников, остались совершенно беззащитными и на призыв окружавших их башибузуков и местных турок, угрожающих им всеобщим истреблением. После недавней резни в Гатчанском округе, в которой не были пощажены ни женщины, ни дети, резни, в которой особенно отличались регулярные войска под начальством бригадного генерала Али-паши, украшенного орденом св. Станислава I-ой степени (он был в Москве в день коронации государя императора), наши единоверцы, не полагаясь больше на правосудие и защиту властей, покидают поспешно свои жилища и спасаются бегством в горы или переходят в Черногорию. Отовсюду присылают мне письма с указанием на угрожающую им неминуемую опасность и просят защиты и заступничества. Турки до того остервенены против христиан, что не знают больше пределов своеволия, вооружаются все и кричат явно, что хотят истребить всех гяуров.

Пишут мне из монастыря Дужи, недалеко от Трубния, что 15 августа по случаю храмового праздника собралось было там около 2000 душ православных, и в то время, как они ни о чем другом не думали, как только о празднике, вдруг появилось множество вооруженных турок из окрестностей с видимым намерением затеять ссору и начать резню в народе и грабеж в монастыре. Они бы исполнили намерение свои злые замыслы, если бы, к счастью, не случился тут бинбаши Арслан-бег, который вместе с игуменом поспешил укрыть народ в стенах обители. Турки сделали несколько выстрелов и, осыпав христиан угрозами и обидными названиями, удалились, но с тем, чтобы опять прийти при более удобном случае, как изъясляет опасение монастырская братия в своем письме ко мне.

Положение христиан в Герцеговине и Боснии самое критическое в настоящее время, и поэтому нельзя не пожелать, чтобы Европа обратила поскорее на них серьезное внимание для предупреждения несчастий, подобных тем, каким подверглось христианское народонаселение в Сирии ².

Считаю также непременно своим долгом довести до сведения вашего превосходительства, что с некоторого времени австрийские военные власти принимают самые деятельные меры для поспешного укрепления берегов Далмации точно так же, как это происходило в прошедшем году перед началом войны с Сардинией. В Боки-ди-Каттаро и здесь вооружают все форты и батареи, которые построили в прошлом году, и ждут, кроме того, войска для умножения гарнизонов.

Эрцгерцог Максимилиан увез свою жену с о. Кромы в Триест и намерен, как говорят, собрать все военные суда около о. Лиссы для смотра и маневров. Успехи Гарибальди не дают спать австрийцам. По мере того как он приближается к Неаполю, ³ его воинственная фигура делается для их воображения все грознее и страшнее.

С глубочайшим и т. д.

Верно: К. Петкович

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2122, л. 158—159. Заверенная копия.

¹ Донесение К. Д. Петковича Е. П. Ковалевскому от 7 (19) августа 1860 г. № 212 см.: АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 721, л. 147—148.

² Весной 1860 г. в Сирии и Ливане вспыхнул конфликт между друзами-мусульманами и маронитами-христианами. Франция и Англия были заинтересованы в осложнениях в этом регионе. Столкновения, облеченные в религиозную форму, были по сути антифеодальной борьбой крестьян. Страну охватили резня и погромы. Было сожжено около 150 христианских сел. Порты, опасаясь иностранного вмешательства, приняла решительные меры против организаторов и главных участников набиения христианского населения (см.: Смелянская И. М. Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в. М., 1965, с. 194—207; Панченко М. Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и Сирийская экспедиция 1860—1861 гг. М., 1966, с. 86—115).

³ После освобождения в июне 1860 г. Сицилии от власти Бурбонов Дж. Гарибальди с отрядом высадился 18 августа 1860 г. в Италии. Потеря г. Реджю, армия неаполитанского короля перестала оказывать сопротивление гарибальдийцам, которые при поддержке населения 6 сентября с триумфом вступили в Неаполь.

145

*Донесение И. Дубравича И. Рехбергу о волнениях в Гацко
в связи с разграблением турками церкви*

21 августа 1860 г. Мостар

Excellence!

Dans mon très humble rapport du 14 du courant j'ai eu l'honneur de soumettre que quatre églises grecques avaient été pillées et profanées dans le district de Gazko, et que s. e. Dervich pacha s'efforçait à me prouver, comme il a cherché à prouver à mes collègues, qu'une semblable profanation provenait du fait des bandes de Monténégrins mêlés à des uscoques et autres brigands.

Dervich pacha m'avait présenté à l'appui de ses allégations un papier en langue turque revêtu de plusieurs empreintes de doigt sans signature ni cachet, et sans me le lire, soutenant qu'il contenait les dépositions des prêtres et des primats chrétiens de Gazko. Déclarant que les désordres ci-dessus énoncés avaient été commis par les dites bandes pour animer les rayas à la révolte, je n'ai cependant pu m'abstenir de faire observer à cette occasion à Dervich pacha qu'un papier sans aucune signature ne saurait avoir aucune valeur légale, et qu'il serait utile d'entendre par-devant des témoins dignes de foi, les prêtres desservant les dites églises. A quoi il a répondu qu'il possédait aussi d'autres preuves qu'il m'aurait plus tard communiquées ¹.

Depuis lors et chaque jour le pillage des églises de Gazko était le sujet de toutes les conversations et toutes les informations parvenues aux chrétiens et aux consuls tendant à nous confirmer que les soldats irréguliers sous les ordres d'un certain Mehmed Cenghich, le mussulman le plus fanatique de l'Herzégovine, ont été les acteurs d'une oeuvre si abominable. Un médecin et un pharmacien au service des troupes impériales, plusieurs voyageurs rayas, plusieurs prêtres, et une foule des chrétiens du pays m'ont confirmé ce fait, mais tous m'ont chaudement prié de ne pas les exposer à la vengeance

des autorités turques en citant leurs noms, et j'ai dû y engager ma parole. Parmi ceux-ci je dois citer l'archimandrite Haggi Theodosios Losiza du monastère de Piva, homme septuagénaire et d'une conduite irréprochable qui furtivement s'est rendu chez moi pour se plaindre de la dévastation des dites églises. Ce même archimandrite uni à un prêtre nommé pop Bogdan Zimonich curé de la paroisse dans laquelle sont situées deux des églises pillées, avaient été conduits ici il y a une dizaine de jours par Dervich pacha avec plusieurs chefs des différents villages soumis de Gazko, à l'effet de signer un accord réglant leurs rapports futurs avec l'autorité, mais ils sont repartis l'autre jour sans avoir rien conclu. Pendant leur séjour à Mostar on leur avait destiné une maison d'où on ne les laissait que très rarement circuler dans la ville. Or ces deux ecclésiastiques ont adressé en langue serbe le 17 du courant à M. le consul de Russie une lettre avec prière de la communiquer à ses collègues. Cette lettre dont j'ai l'honneur d'inclure une traduction, confirme le bruit répandu que ce sont les troupes turques qui ont commis le pillage et la profanation des dites églises.

Dervich pacha ainsi que Vassif pacha voyant que les informations qui nous arrivaient à ce sujet, démentaient l'assertion que les bandes des brigands chrétiens avaient commis les dits excès, se sont décidés à envoyer sur les lieux une commission composée d'un employé du gouverneur, du chef de la communauté grecque, d'un raya catholique et de Joussof Agich pour constater les faits, et en poursuivre les auteurs. Cette commission est partie pour Gacko avant-hier, et a été suivie par Dervich pacha même.

On voit par ce qui précède, que les autorités locales, et particulièrement Dervich pacha, ne se sont crus nullement tenus à punir les coupables, mais qu'au contraire ils ont employé tous leurs efforts pour en jeter la faute sur des chrétiens. Nul doute que les mêmes autorités ne tâchent d'agir sur l'esprit des commissaires pour amoindrir leur responsabilité vis-à-vis de l'opinion publique, mais d'un autre côté je ne manquerai pas de réunir autant qu'il me sera possible des preuves constatant la vérité des faits.

Dans le susdit rapport du 14 du courant j'ai exposé à votre excellence que le 10, des habitants turcs de Nicksich et de Gazko avaient massacré plusieurs chrétiens des villages de Zaninizza, et de Jassenik. Nous apprenons maintenant que ce massacre a eu lieu d'après l'ordre d'Ali pacha, général de brigade, et qu'il a été exécuté par ses soldats à une époque que Dervich pacha retournait à Mostar avec les prêtres et chefs des villages sus-énoncés. Voici comment de plusieurs sources nous venons d'apprendre le fait: quelques jours avant le massacre, Ali pacha avait appelé plusieurs principaux habitants des villages de Zaninizza, Jassenik, et Beruscizza, afin de les obliger à promettre qu'ils ne chercheraient pas à intercepter la route entre Gazko et Nicksich. Ces villageois lui avaient répondu que leurs chefs se trouvant à Mostar, ils se conformeront à ce qu'ils auront combiné avec les autorités de cette dernière ville. Une autre sommation du général ayant eu lieu sans effet, ordre a été donné aux troupes d'assaillir les dits villages, de tuer les récalcitrants, et d'amener à Metohia, village où se trouvent campees les troupes ottomanes, tous les autres principaux habitants. Cet ordre aurait été exécuté avec une cruauté dont on ne croyait pas capables les soldats turcs. Des enfants, des femmes auraient été faits en pièces, leurs maisons brûlées, et les hommes échappés au carnage, emmenés à Metohia avec un butin considérable composé des moutons, bœufs et chevaux. On porte à 40 le nombre des victimes.

Pour ne pas subir le sort des dits villages, les habitants de celui de Golia, situé également dans le district de Gazko, se sont retirés avec leurs familles sur les montagnes voisines. Ali pacha y envoya un détachement de troupes, qui après y avoir mis le feu, ont emporté tout ce qu'ils ont pu trouver.

J'ai aussitôt avisé aux moyens de constater également ces derniers faits. D'après ce qui précède on reconnaît que les Turcs quittant toute réserve et ménagement ont commencé à donner libre cours à leurs sentiments de haine et de vengeance envers les chrétiens. On soutient que les cruautés exercées à Gazko en dernier lieu, ont été ordonnées par Ali pacha pour venger la mort d'un de ses javers (officier d'ordonnance) qui a été assassiné il y a un mois par des uscoques. Ces faits arrivés à une époque où on attend prochainement s. a. le grand vezir, ont produit sur ces chrétiens la plus triste impression. Ils se demandent où s'arrêtera ce torrent, et frayer les a de nouveau saisis comme aux temps de la plus brutale tyrannie turque.

Une copie du présent très-humble rapport vient d'être expédiée à l'inter-nunciature imp. & roy., et une autre à s. e. m. le gouverneur de la Dalmatie.

Je prie votre excellence d'agréer l'hommage de mon plus profond respect

Dubravceich

HHStA, Wien, PA GK, K. 137, Fol. 83—87. Подлинник.

Перевод

Ваше высокопревосходительство!

В моем нижайшем донесении от 14-го числа текущего месяца я имел честь сообщить об ограблении и осквернении четырех православных церквей в округе Гацко и об успешных его превосходительства Дервиш-паша доказать мне, равно как и моим коллегам, что подобное осквернение было делом рук банд черногорцев, смешавшихся с ускоками и другими разбойниками.

В подкрепление своих утверждений Дервиш-паша предъявил мне составленный на турецком языке документ, скрепленный множеством отпечатков пальцев, но не имеющий ни подписи, ни печати, и, не зачитав мне его, настаивал, что он содержит свидетельские показания христианских священников и примасов из Гацко. Заявив, что вышеупомянутые бесчинства были совершены означенными бандами, чтобы побудить райя к восстанию, я, однако, не смог удержаться и не заметить в этой связи Дервиш-паше, что документ без подписи не может представлять никакой юридической ценности и что полезно будет вначале услышать достойных доверия свидетелей, священников, обдуживавших приход упомянутых церквей. На это он ответил, что располагает и другими доказательствами, которые представит мне позднее.¹

С тех пор ограбление гацковских церквей стало ежедневным предметом всех разговоров и сообщений, поступавших к христианам и консулам и направленных на то, чтобы убедить нас, что эта гнусность совершена солдатами нерегулярных войск под командованием некоего Мехмеда Ченгича, самого фанатичного мусульманина в Герцеговине. Один врач и один фармацевт, состоящие на службе в султанских войсках, несколько проезжих—райя, несколько священников и целая толпа местных христиан подтвердили мне достоверность этого факта, но все они горячо умоляли меня не называть их имен, чтобы не навлечь на них мести властей, и я был вынужден дать им в этом слово. В их числе я должен назвать архимандрита Хаджи Феодосия Лозицу из Пивского монастыря, семидесятилетнего человека безупречного поведения, тайно явившегося ко мне, чтобы принести жалобу на опустошение упомянутых церквей. Дней десять спустя этот же самый архимандрит и еще один священник по имени поп Богдан Зимонич, настоятель прихода, в котором расположены две из разграбленных церквей, а также несколько старост различных деревень, входящих в состав округа Гацко, были привезены сюда Дервиш-пашою для подписания соглашения, определяющего их отношения с властью в будущем; однако на следующий день они уехали назад, ничего не заключив. На время их пребывания в Мостаре им был выделен дом, откуда им лишь очень редко позволялось выходить в город. Однако 17-го числа текущего месяца эти двое священников направили российскому консулу письмо на сербском языке с просьбой сообщить его коллегам содержание этого письма. В этом письме, перевод которого имею

честь приложить к сему, подтверждается слух о том, что именно турецкие войска совершили ограбление и осквернение означенных церквей.

Видя, что поступающие к нам сведения на сей предмет опровергают утверждение, будто упомянутые бесчинства были совершены бандами разбойников-христиан, Дервиш-паша и Васиф-паша решились направить на место комиссии, состоящую из одного губернаторского чиновника, старосты православной общины, райя-католика и Юсуфа-аги, чтобы установить факты и преследовать виновных в содеянном. Позавчера эта комиссия отбыла в Гацко в сопровождении самого Дервиш-паши.

Из сказанного выше становится ясно, что местные власти и, в частности, Дервиш-паша, не сочли себя никоим образом обязанными наказать виновных; напротив, они приложили все усилия, чтобы свалить их вину на христиан. Нет никакого сомнения, что эти же власти постараются воздействовать на умонастроения членов комиссии таким образом, чтобы уменьшить свою ответственность в глазах общественного мнения; однако, с другой стороны, я непременно соберу, по мере возможности, доказательства, устанавливающие истину.

В вышеупомянутом донесении от 14-го числа этого месяца я сообщал вашему высокопревосходительству, что 10-го турки, жители Никшича и Гацко, убили нескольких христиан из деревень Заниница и Ясеник. Теперь нам стало известно, что это убийство было совершено по приказу Али-паши, бригадного генерала, его же солдатами в то время, когда Дервиш-паша возвращался в Мостар со священниками и старостами названных деревень. Вот как выглядел этот факт, согласно сведениям, недавно полученным нами из нескольких источников: за несколько дней до убийства Али-паша призвал нескольких видных жителей деревень Заниница, Ясеник и Берушица, чтобы взять с них обещание не предпринимать попыток перекрестить дорогу между Гацко и Никшичем. Эти сельчане ответили ему, что, поскольку их старосты находятся в Мостаре, они будут действовать в соответствии с тем, о чем последние условятся с властями этого города. Поскольку предупреждение генерала не возымело результата, войскам был отдан приказ напасть на указанные деревни, убить упрямцев и доставить в Метехию, деревню, где расквартированы османские войска, всех остальных видных жителей. Этот приказ был выполнен с жестокостью, на какую, казалось, не способны турецкие солдаты. Женщины и дети были изрублены на куски, их дома сожжены, а мужики, избегнувших резни, привели в Метехию вместе со значительной добычей в виде овец, быков и лошадей. Считают, что число жертв достигает 40 человек.

Чтобы и их не постигла участь названных деревень, жители деревни Голя, также расположенной в округе Гацко, ушли вместе со своими семьями в соседние горы. Али-паша отправил туда военный отряд, который поджег деревню и увес все, что удалось найти.

Я немедленно позаботился о средствах удостоверить и эти факты.

Из сказанного выше становится ясно, что турки, оставив всякую сдержанность и осторожность, начали давать волю своим чувствам ненависти и мстительности по отношению к христианам. Утверждают, что акты жестокости, совершенные в последнее время в Гацко, были совершены по приказу Али-паши в отместку за смерть одного из его яверов (адъютантов), убитого месяц назад ускоками. Эти события, происшедшие в то время, когда здесь ожидают скорого прибытия его высочества великого визиря, произвели на христиан самое тягостное впечатление. Они задаются вопросом, где же конец всем этим ужасам, и охвачены вновь страхом, как во времена самой жестокой турецкой тирании.

Одна копия настоящего нижайшего донесения только что направлена в императорскую и королевскую интерпрунциатуру, а вторая — его высокопревосходительству г. губернатору Далмации.

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверения в моем глубочайшем почтении

Дубравич

¹ В. В. Безобразов сообщал А. Б. Лобанову-Ростовскому 11 августа 1860 г. о том, что Дервиш-паша заставлял отдельных лиц христианского вероисповедания, не знавших турецкого языка, засвидетельствовать подложный документ об осквернении самими христианами православных храмов. При этом Дервиш-паша пытался убедить последних, что в документе якобы идет речь не о церквях, а о взимании десятины (см.: АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 610, л. 171—174).

146

Прошение жителей Гацко В. В. Безобразову с сообщением о разорении турками церкви и расправах с населением

Не позднее 7(19) октября 1860 г.*

Милостивейшему консул бегу русскому

Како ми јадна и плачна раија гатачка молимо и плачимо и любимо ти руку да једном гатачком фукаром промислиш, а видно се наш зулум и како нам не дадоше да ће тебе и сваке наше зулуме исплакати, како што смо запали међу едне лаве и наше зулумџаре, те нас мучае свакием мукама и чине зулуме што никако више дурати не можемо, а потом молимо те с божијем стране како дође мир алај бег Садр-Азамов и царски већилъ неколико нас нему дође прво за цркве учита, а ти се сам господине видно како су Турци разорили и поробили и наш закон баталили да се не може литургија служити. Сваку су ствар однели: прво из Самоборске цркве једну одежду, валяла гроша 500, и едан епитрахиль, и он валя гроша 500, и едан путир, он е метнут гроша 500 и валяо е и три ћеса, и извиет, и остале халина за талъера 20, и едан завес с трапезы гроша 60 и едан чираг пребъен, и он гроша 50 и два плата, он гроша 30—40 ваљ јали су, и евангелне и апостол и литургија и траћеле, па из Казаноћке свака црковна работа однешена и трапеза извалена, и црква провалена, па и добрельска, тако и градичка и горе осквернена, да се никако у нима закон свршити не може без црковних справа и десота. И ер су нам и попа ухапсили, а остало 120 куће поповине, ту нити се кршчава ни венчава ни нихова закона свршче Може ли тай народ тако без свога пастира, . . .^{2*} па вас молимо и кумимо да нам попа и те сужне пушти, а на нема турские мртве главе ни куће да су поробили, а амо се нама ние файде за них никако молити но све раде ко су научили а нас су с ниховим зулумом у планине оћерали, биоћу у подне на свом дому царску рају в башка по ноци, и кад нико не види и куће нам поробили и попалили. А бию царску рају коя сваки царски теќялиф дава и хизмет чини прво лани у подне пред његовом кућом Глигора Слечевича, па само све не би погроили, но летос Павла Белограћлића и Луку Јанешевича, на три сина Богдана Гргоровича и два наемника, на сина Сима Гргоровича у Метехию доведоше, па га смакоше и на сваке мукe удараше. И не зна му се није гроба, ни мрамора; па у Јаневичи две жени Голуба Додаровича пушками убише, и у ватру турише, и куће поробили, и попалише. Па на држинама посекаше Стояна Шаренца и његова два сина у његовой куће на рућку, и мал оћераше. Па господине знаш долазили су да вућие за сина Михаила Тепавчевича и Кузма Слечевича, то знате и видите, потом сваку нашу неправду, вѣрујте, кад су Голию поробили и попалили, убили су једну сироту жену, а господине момимо те ако нама то не веруеш завни

* Датируется по препроводительному документу.

^{2*} Слово неразборчиво.

попа и Тома па[х]ни уштай и закуни, ели тако. Милостивейшему гос-
подину консул бегу, любимо ти руку кои си за род христиански

Глигор Топавчевич,	Станко Степчевич,
Рада Перешич,	поп Стахорович,
Тома Панович,	Лука Вукоманович,
Спасое Ненадич,	Драго Ропчевич,
Малеша Тепавчевич,	Филип Чорович
Боко Горанович	и свая рая

Верно: Вал, Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 141—142. Заверенная копия.

147

Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому
в связи с жалобой крестьян из окрестностей Сараева на наруше-
ние обещания властей отменить налог на сливовицу

№ 125

25 октября (6 ноября) 1860 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

На днях явились ко мне поселяне из окрестностей Сараева и между
ними Матич, бывший депутатом в прошлом году в Константинополе, с жа-
лобой, которую просили меня представить на благосклонное внимание
вашего сиятельства.

С давнего времени существовал в Боснии налог, взимаемый с христиан
на водку, выделяемую из слив. Налог этот был нерегулярный и иногда
совершенно незначителен по случаю неурожая на сливы. Лет 15 тому
назад Фазли-паша, бывший тогда чиновником в Сараеве, заменил его
постоянным налогом под названием хамрие¹, обыкновенно называемым
здесь «димаринос», по которому все христиане должны были платить по
2 цванцигера в год с дома. Этот налог, будучи весьма обременительным для
христиан, так как кметы вообще обитают дома своих аг, которые более
христиан пьют сливовицу (водку из слив), не должен бы быть носим од-
ними христианами, так что когда боснийская депутация в прошлом году
представляла в Константинополе в Порте все свои жалобы на претер-
певаемые ими тягости, то, по словам их, Мехмед Рушди-паша объявил
депутации, что султан уничтожает эту подать и что христиане будут от нее
избавлены отныне и впредь². Ныне же опять подать сия взимается, и на-
стоящая бедность всего края понудила христиан обратиться ко мне с прось-
бой о доведении о том до сведения вашего сиятельства.

На днях прибыл сюда австрийский генеральный консул граф Джаржик,
уроженец рагузский, с которым мы обменялись обычными официальными
визитами.

С глубоким почтением и совершенной преданностью имею честь быть,
милостивый государь, вашего сиятельства, покорнейшим слугой

Е. Шулепников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2324, л. 93—94. Подлинник.

¹ Хамрие — налог на вино, а в Боснии — налог на сливовую ракию (водку) в раз-
мере 2 цванцигеров. Вплоть до середины XIX в. он взимался нерегулярно, в зависи-

мости от урожая. Однако откупщики нарушали это правило, требуя от кметов уплаты
хамрие даже в неурожайные годы. На тяжесть этого налога жаловались крестьяне
в 1859 г. на аграрной конференции в Константинополе. По их настоянию в Саферской
наредбе (§ 11) запрещалось читлук-сахибиям взимать с чифчиев налог в виде ракии
вместо свежей или сушеной сливы на том основании, что ее изготовление требовало до-
полнительных расходов. Жалобы на взимание этого налога продолжали поступать
вплоть до его отмены в 1862 г. Топал Осман-пашой (см.: Попович В. Аграрно-пашае...
с. 282, 304, 322; Попов Н. А. Положение раи в современной Боснии. — Славянский
сборник. СПб., 1875, т. 1, с. 341; Е. Р. Шулепников — А. Б. Лобанову-Ростов-
скому, 14(26) ноября 1862 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2326,
л. 74).

² См. док. 111, 125.

148

Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому
о бедственном положении христианского населения Боснии

№ 131

8(20) ноября 1860 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Я имел честь неоднократно доносить вашему сиятельству о бедствен-
ном положении, в котором особенно в последнее время находится Босния
и которое тем несчастнее, что, должно сознаться, оно с трудом может
поправиться. Состояние христиан в последние годы до того ухудшилось,
их нравственная жизнь до того убита, что без особых политических пере-
воротов нельзя ожидать улучшения их участи. Я имел намерение ны-
нешним летом объехать некоторые санджаки Боснии, чтобы лично удо-
стовериться, до каковой степени дошли особенно страдания наших едино-
верцев, так как они редко приходят сюда, если же и бывают в Сараеве, то,
боясь мусульман, мало являются в консульство для изложения своих
несчастных дел. Торговцы же как сараевские, так и других городов Боснии
показывают себя большей частью, к сожалению, слишком равнодушными
к участи поселян. Но моя поездка по случаю беспрерывных смут могла бы
возбудить подозрения, так как в последнее время меня и французского
моего коллегу турецкие власти как будто бы подозревали в возбуждении
христиан к восстанию. Один почтенный европеец, проживающий более
10 лет в Боснии, знающий язык и состояние жителей, имел в прошлом
месяце случай объехать самые бедные места провинции и передал мне все
виденное им. Я имею честь изложить в нынешнем моем донесении несчаст-
ное положение христиан, в особенности же жителей Крайны и Посавины,
и могу смело уверить ваше сиятельство в достоверности собранных мною
сведений, так как упомянутый европеец отличается беспристрастием и
верностью своих взглядов.

Настоящее положение Боснии не предвещает ничего успокоительного,
напротив, восстание легко может быть произведено как мусульманами,
так и христианами. Между первыми существует всеобщее чувство о не-
обходимости перемен в администрации; они надеются, разумеется, что
перемена эта должна последовать лишь в их пользу, а никак не в пользу
христиан, которых они стараются унижать физически и нравственно, и
думают перейти к старому образу правления, т. е. к большей самостоятель-
ности, существовавшей до Омер-паши. Они желают восстановления спаш-
лика, который, по их мнению, может им дать более способов к защите их
против покушений сербов и черногорцев, ибо регулярное войско находится
у них в самом большем презрении, увеличившимся еще более после гра-
ховской битвы¹. Этот образ мыслей питает и первый из босняков — сам
Осман-паша, доказательством чему служат настояния его для возвращения

в Боснию всех изгнанных Омер-пашой знатных босняков, между коими наиважнейший есть Фазли-паша, известный своими бесчеловечными жестокостями. Все они возвратились в отечество и питают надежду на введение в Боснии прежнего административного порядка и прежних отношений ее к Порте².

Со стороны же христиан восстание, по моему мнению, может быть произведено еще скорее по случаю видимого обеднения всех жителей, обеднения, достигшего такой степени, что можно предвидеть время, когда они более не будут в состоянии платить государственные подати. Бедность не может быть ужаснее вообще в низшем классе жителей как мусульман, так и христиан. Особенно же она сильна в Крайне, Посавине и в Баньялукском санджаке между христианами, кои почти исключительно занимаются разрабатыванием земли. Первые две провинции пострадали наиболее по случаю бывших там так называемых возмущений. Уже давно до восстания над их христианскими жителями тяготели неимоверные притеснения аг, особенно же мультезимов, которые довели их до такой крайности, что они решительно не были в состоянии платить подати³. Эти чувства страданий должны были выразиться делами, кои турецкой властью названы были возмущением. Киани-паша предпринял против них поход, в котором башибузуки, разорив много церквей, отняли у несчастных христиан и последние средства к пропитанию, даже и у тех, которые спокойно оставались в домах своих, не принимая участия в смутах. Хотя Киани-паша и дал приказание возвратить украденные вещи, но приказание его не было нигде исполнено. Бежавшие в Австрию взяли с собой скот, который должны были продать там за бесценок. Христиане, лишенные своих имуществ, скота, вещей, указывают на своих соседей, которые находятся во владении их собственности, но несмотря на жалобы, имущество несчастных не было им возвращено. Так, один христианин по имени Петр в Бучанице, в Грачаницкой нахии, нашел свою лошадь в Преияворе, в Баньялукском санджаке, и никак не мог ее получить. Жители этой деревни решительно были ограблены своими соседями, мусульманскими жителями деревни Сенницы. Таких примеров бесчисленное множество. Ариф-бей, мудир грачаницкий, желая помочь несчастным христианам, был лишен своего места.

По случаю восстания земля во многих местах осталась совершенно не обработана, в следующий год был большой голод, и если прежнее состояние побудило крайних жителей к восстанию, каково же должно быть нынешнее положение их? Ужасно видеть нищету в Крайне, где вдобавок в нынешнем году в наибольших местах жатва была уничтожена градом. Теперешний каймакам Мухеддин-ефенди, сколько я слышал, сочувствует печальному положению вверенного ему санджака и желал бы помочь ему, но не в состоянии что-либо сделать, и я сомневаюсь даже, чтобы он представил положение жителей в настоящем виде, ибо он принужден вследствие требований правительства взимать старые должные жителями подати, падающие теперь по случаю переселений в Австрию на меньшее число жителей. Так, например, в Козарацкой нахии в селе Прусаце, где между прочим церковь во время смут была сожжена башибузуками, где было прежде 40 кметов, ныне же осталось всего 10, между коими только двое имеют волов для обрабатывания земли, требуется та же подать, которая падала на 40 человек, и даже десятина, так что при всех строгих и даже бесчеловечных мерах несчастные не будут в состоянии заплатить и останутся должными. И если даже каймакам и донес бы о том генерал-губернатору, то сей последний, вероятно, не посмеет написать в Константинополь, что доходы Боснии уменьшаются, желая, напротив, представить Боснию под его управлением в самом цветущем положении.

Вообще повторяю еще раз: положение христиан в Крайне ужасное; увеличивающиеся их долги, притеснения как властей, так и помещиков-мусульман отняли у них всякую надежду на улучшение их участи. Они живут в домах, которые часто хуже хлебов, и лишены церквей, сожженных во многих местах, так что изложенное мною несчастное положение христиан влечет за собою неизбежное восстание, которое, надобно будет удивляться, если не состоится в весьма скором времени.

В Посавине положение то же с той только разницей, что тамошний каймакам Азис-паша, чтобы показать свое усердие и утвердиться на своем месте, сумел не только взыскать все подати, но даже и 3 миллиона пиастров старого долга. В прошлом году неурожай был также и в Посавине, только сливы родились хорошо; он воспользовался временем их собирания, чтобы взять от жителей подати, и тем отнял у них почти последнее средство к пропитанию. Он сам понимает бесчеловечие этой меры, но извиняется тем, что если бы он этого не сделал, то, вероятно, лишился бы своего места.

К этой жалкой картине должен я прибавить еще то, что в Крайне находятся до 300 кметов везира Осман-паши, бывших самыми счастливыми и богатыми до приезда своего господина в Боснию. Ныне же несчастнее их нет почти во всей провинции. Осман-паша, и без того довольно беспечный, ныне же большей частью страдающий подагрой, вверил управление как домашних своих дел, так и государственных своему кехе Мустафе-паше, человеку ничтожному, предающемуся пьянству и давно бежавшему из Травника вследствие совершенного им там убийства. Кехая посылает во владения Осман-паши субашей (управителей), которые грабят несчастных кметов и довели уже их до крайней бедности.

О Баньялукском санджаке я не имею ничего сказать, ибо из предыдущих моих донесений вашему сиятельству известно о бесчеловечных поступках тамошнего каймакама, заключившего в тюрьмы весьма значительное число большей частью невинных христиан, из коих их умерло до половины. Ныне я узнал, что христиане были заключены им в тюрьмы чаще всего под предлогом будто бы совершаемых ими разбоев⁴.

Таково, ваше сиятельство, положение христиан в Крайне, Посавине и Баньялукском санджаке; оно, могу смело сказать, не много лучше и в других местах Боснии. Притом все меры, принятые до сих пор в Константинополе для улучшения участи христиан, приводятся в исполнение только тогда, когда они не противны желаниям мусульман, и я знаю положительно, что бывают случаи, что меджлисы внутри Боснии рассуждают, следует ли им привести в исполнение посланный к ним фирман. Из всех же фирманов только один существующим образом облегчил участь христиан, а именно фирман об уничтожении мультезимов⁵.

С глубоким почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугой

Е. Шулепников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2324, л. 96—101. Подлинник.

¹ См. док. 73, 84 и примеч. к ним.

² Состоятельные мусульмане Боснии были недовольны реформами и требовали возврата земли спахиям, институт которых был отменен в 1851 г., и введения старой администрации, состоящей из мусульман. В июне 1859 г. правительство назначило вали Босниица Осман-пашу, который разрешил мусульманам, изгнанным в 1851 г. из Боснии, вернуться в страну.

³ См. док. 79.

⁴ См. док. 138.

⁵ И после провозглашения «Саферской нареды» 12 сентября 1859 г. волнения крестьян в северной Боснии не прекратились. В октябре—ноябре 1859 г. крестьяне повсеместно жаловались на правительство, не пресекавшее насилия со стороны бегов и сборщиков налогов.

Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому об опасении османских властей по поводу высадки Дж. Гарибальди в Далмации

№ 166

20 ноября 1860 г. Мостар

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Последним донесением моим я имел честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства распространенные здесь слухи о военных приготовлениях в Черногории. Ныне же должен донести вашему сиятельству, что слухи эти все усиливаются, и к ним применяются сведения, что значительное количество русских и французских офицеров находится в Черногории и содействует этому вооружению¹. К сожалению моему я должен сказать, что подобные слухи продолжают быть распространяемы лицами, посещающими австрийское в[ице]-консульство.

11-го сего месяца казен здесь один мусульманин из Таслидже, убиший в прошедшем году своего зятя. Казнь эта, как первая казнь мусульманина в Мостаре в течение последних 12 лет, произвела сильное впечатление в здешнем мусульманском населении. По полученным мною сведениям, мусульмане здешние и, как говорят, с ними вместе и Вассиф-паша предлагали 1000 червонцев истам казенного, чтобы освободить его от казни, но предложение это не имело никакого влияния.

С последнею почтою получено известие о прибытии сюда Исмаил-паша, главнокомандующего румелийской армией, и по различным слухам, до меня дошедшим, генерал этот идет сюда для исследования последних событий. По другим же сведениям, которые я собрал от начальников различных частей войск, прибытие Исмаил-паша в Герцеговину есть следствие опасения высадки Гарибальди в котором-нибудь из портов Далмации.

Последнее предположение во мнении здешних властей подтверждается еще и тем мнением, что черногорцы должны действовать вместе с Гарибальди².

Дервиш-паша возвратился вчера вечером, оставив 2 роты в Клеке для устройства карантина. Немедленно по его прибытии отдано приказание 3-му батальону пехоты готовиться в поход, куда — неизвестно.

По последним полученным мною известиям, Зубцы снова восстали против местных властей. Завтра Вассиф-паша отправляет письма к пивлянам и дробнякам, приглашая их покориться и прислать депутатов в Мостар для решения всех существующих несогласий.

При сем долгом считаю донести вашему сиятельству, что 10-го сего месяца я получал письмо от отца князя черногорского Мирко Петровича, который просил меня содействовать к скорейшему окончанию дела по покаянию никшицкими турками в прошедшем декабре стада у жуплян, одной из нахий черногорских. Переговорив об этом с Вассиф-пашою, который немедленно дал письменное приказание мудиру никшицкому удовлетворить требованиям жуплян, я сообщил об этом решении Мирко Петровичу, прося его в случае неисполнения приказа паша почтить меня уведомлением.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

В. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 154—155. Подлинник.

¹ Черногория действительно готовилась к борьбе с Турцией. Отец черногорского князя воевода Мирко Петрович планировал начать ее с освобождения Герцеговины и объединения ее с Черногорией. С этой целью изыскивались средства для закупки оружия, в стране было налажено изготовление патронов. Осенью 1860 г. Черногория начала переговоры с Сербией о совместной подготовке антисоманского выступления и получении материальной поддержки (см.: Павичевич Б. Црна Гора у рату 1862. Београд, 1963, с. 86—87, 91—93). Однако сведения о наличии в Черногории в этот период русских и французских офицеров не соответствовали действительности.

² После освобождения юга Италии Дж. Гарибальди намеревался предпринять поход на Рим и Венецию. Он согласился принять участие в организации широкого антисоманского и антиавстрийского выступления, готовившегося Кавуром совместно с венгерскими национальными деятелями — генералом Тюрром и др. Составной частью этого плана была высадка иностранного легиона на Балканах и организация восстания в славянских землях при содействии Черногории. После этого планировалось предпринять наступательные действия против Австрии, поднять революцию в Венгрии. К участию в этом выступлении был привлечен и Дж. Мадзини. Переговоры о совместном итало-славянском выступлении с участием венгерских и польских эмигрантов, в частности переговоры эмиссара Гарибальди А. Вранешевича с черногорским князем Николаем, продолжались в 1861—1862 гг., но закончились безрезультатно вследствие противодействия этим планам со стороны правящих кругов Италии и Франции, неодобрения их Россией и выжидательной позиции правительства балканских государств, кроме Черногории, которая в 1862 г. вступила в борьбу против Турции (см.: Кандеалори Дж. История современной Италии. М., 1966, т. 4, с. 559—569; Павичевич Б. Указ. соч., с. 109—113, 252—255; Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70 годах XIX в. М., 1979, с. 238—254; Tamborra A. Balcani, Italia e Europa nel problema della Venezia (1859—1861). — Rassegna storica del Risorgimento, 1957, IV).

Из отчета МИД России о бедственном положении христианского населения Боснии и Герцеговины и его выступлениях против властей

Не ранее 1 января 1861 г.*

Босния, Герцеговина и Албания

Положение христианского населения в Боснии и Герцеговине сделалось в 1860 г. еще несравненно тягостнее, чем прежде, и довело его до совершенного отчаяния. В 1859 г. в этих областях был страшный неурожай, вследствие которого в течение всей зимы несчастные христиане во многих местах питались древесною корою, умирали с голоду и целыми толпами бежали в Австрию, где пограничные начальства подвергали их значительным притеснениям. Бедствия эти возбудили в России частную благотворительность, и значительные суммы посланы были из нашего отечества для вспомоществования страждущим единоверцам¹. Вашему императорскому величеству благоугодно было пожертвовать 15 000 руб. на это человеколюбивое дело. Из Одессы доставлено было в Боснию значительное количество хлеба и роздано наиболее нуждающимся. Бедствие голода и сопряженные с ним страдания, естественно, усилили в стране неудовольствия христианского населения, тем более, что турки-землевладельцы пользовались отчаянным положением христиан для всевозможных притеснений. В продолжение всего истекшего года не прекращались в Боснии волнения и частые попытки восстания. Боснийские выходцы, перешедшие в Сербию, образовали там четы (вооруженные отряды), которые беспрестанно в разных местах переходили через турецкую границу и увлекали за собою толпы местных жителей. Турецким войскам удавалось подавлять эти возмущения,

* Датируется концом отчетного периода.

производившиеся без плана и без общей связи, но тем не менее эти четыре распространяли беспокойство в стране и усиливали в христианах надежду освободиться от невыносимого ига. Местные жители — мусульмане, принадлежащие к славянскому племени, начинают также чувствовать тягость турецкого управления, несмотря на то, что Порты в последнее время сделала им значительную уступку, избрав из их среды мудиров (окружных начальников) и заменив ими турецких чиновников, занимавших до того эти должности. Сам генерал-губернатор Боснии Осман-паша, природный славянин-мусульманин; жители края надеялись, что он лучше своих предшественников вникнет в их нужды и облегчит их участь, но он заслужил всеобщую ненависть своею жестокостью и своим фанатизмом в отношении к христианам.

В Боснии ожидали прибытия великого визиря Киприси-паши для исследования состояния края. Визирь, однако, не посетил этой области, а на его место прислан был из Константинополя мушир Измаил-паша, который учредил в Сараеве следственную комиссию, а сам в то же время заодно с боснийскими властями принял деятельные меры для воспрепятствования христианам предъявлять этой комиссии свои жалобы и вынудил у них подписание документа, свидетельствующего, что они вполне довольны настоящим своим положением.

Еще печальнее и тревожнее состояние Герцеговины. Восстания христианских племен не прекращаются там с 1858 г. Летом 1860 г. оно вспыхнуло с новою силою в Гатчанском округе вследствие жестокостей, произведенных властями. Турецкие войска, посланные для умирения жителей, позволяли себе самые бесчеловечные поступки, следствием которых было то, что и сопредельные с Гацком края Герцеговины вооружились. Начальник войск в Герцеговине Дервиш-паша пытался усмирить восстание и пригласил к себе предводителей христиан для переговоров, но потом вероломно схватил их и посадил в тюрьму. Вследствие того христиане решились не полагаться ни на какие уступки, обещаемые им турками, и защищаться до последней крайности. Восстание юго-восточной части Герцеговины продолжается и принимает все большие и большие размеры, образуются целые партии под начальством вождей, известных в краю своею отвагою, как-то: Луки Вукаловича, попа Богдана Зимонича и др., которые не раз вступали в открытый бой с турецкими и регулярными войсками и до сих пор большею частию одерживали верх над ними. Все попытки турецкого правительства подавить восстания остаются бесплодными.

Консул наш в Мостаре приобрел в стране значительное влияние и старался по возможности умерять бедствия наших единоверцев. По его настоянию отправлена была в Гацко комиссия из турок и христиан для производства следствия над осквернением православных церквей, сделанным там турецкими войсками. Ему же обязаны христиане, что в главном городе Герцеговины Мостаре начали принимать их свидетельство в суде.

По случаю кончины герцеговинского митрополита Григория тамошние жители предложили патриархату кандидатом на его место герцеговинского уроженца архимандрита Иоанникия Памучину. Патриархат не назначил туда другого архиерея, и таким образом в этой области Турции управление церковью перешло в руки природного славянина [...]^{2*}

АВПР, ф. Отчеты МВД, 1860 г., л. 218—224 об. Подлинник.

¹ В России пожертвования в пользу школ, церквей и монастырей Боснии и Герцеговины, а также денежные сборы в фонд вспомоществования беднейшим жителям про-

^{2*} Опуцен текст о положении христианского населения в Албании.

винции делались представителями различных слоев населения, в том числе крестьянами, купцами, мечанями, священниками, равно как и лицами, пожелавшими остаться неизвестными (см.: АВПР, ф. Славянский стол, д. 6665, л. 39; ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 141, 1860 г., д. 1350, л. 5, 8 и об., 9—11 об.; д. 2336; л. 3—4 об.).

151

Донесение К. Д. Петковича управляющему делами российского посольства в Вене К. В. Кноррингу о причинах появления Л. Вукаловича в Суторине

№ 55

4 (16) февраля 1861 г. Рагуза

Милостивый государь [Карл Владимирович]

В дополнение к моему рапорту от 19 (31) января за № 37¹ считаю долгом представить на благоусмотрение вашего высочородия еще некоторые сведения о появлении в Суторине Луки Вукаловича, сообщенные мне лицом, которое старшины зубцев присылали сюда с письмом.

Вукалович пришел в Суторину из Грахова по приглашению зубчан и с согласия правителя Черногории, только не с намерением предпринять что-нибудь серьезное против турок, а для того, чтобы успокоить земляков, встревоженных турецкими войсками, идущими на них со стороны Требины и Кореничей, а в особенности варварствами, которые начали с некоторого времени делать в Суторине башибузуки, занимающие там караульный дом². Сии последние с того времени, как любезность австрийских властей позволила им получать со стороны моря подкрепление и всякого рода военные припасы, сделались посмелее и стали ловить женщин окрестных деревень и творить над ними разные бесчинства. Прибыв в Суторину, Вукалович хотел очистить край от этих извергов и предложить им оставить караульный дом, выстроенный на развалинах бывшего православного монастыря, и отправиться в Требину, угрожая в противном случае выгнать их силою. Это объявление и было причиною той тревоги, которую подняли австрийские и турецкие власти, прокричав во все горло, что Вукалович пришел в Суторину с 3000 черногорцев, что имеет артиллерию, что хочет атаковать турок и пр. У него было действительно намерение вытеснить башибузуков из караульного дома, и для этой цели достал из Кастель-Ново какую-то старую негодную пушку, а от коновала купил секретно около 400 фунтов пороха, но не предпринимал ничего доселе, а дал только повод туркам своим появлением в Суторине усилить свои посты и домогаться занятия войском не только Суторины, но и всего предела Зубцев. Правитель Черногории не совсем правду говорил, уверяя меня в своем ответе на мою телеграфическую депешу, что не было ни одного черногорца в Суторине; я узнал достоверно, что с Вукаловичем пришли в Суторину цуцкий капитан и человек 10 вооруженных черногорцев. Они впрочем отозваны уже обратно в Черногорию.

С нарочным, принесшим мне от старшин зубчан письмо, которое имею честь представить при сем вместе с русским переводом³, я передал нашим единоверцам изустно совет удалить Вукаловича опять в Черногорию, отречься перед турецкими властями от соучастия с ним и этим только попытаться, если уже не поздно, отклонить от своего края угрожающее ему военное занятие и бедствия, которые могли бы последовать для них, если бы вздумали прибегнуть безрассудно к открытому и бесполезному сопротивлению.

С совершеннейшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высочородия покорнейшим слугою
К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 19—20. Подлинник.

¹ См.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2123, л. 2—5.

² Судя по письму Л. Вукаловича игумену монастыря Души Е. Дучичу и старейшинам Требишского округа, утверждение К. Д. Петковича о том, что прибытие Л. Вукаловича в Суторину объяснялось намерением успокоить своих земляков, является неточным. Напротив, Вукалович ставил своей целью организовать подготовку восстания, рассчитывая, что его успеху способствовало бы присутствие русских войск на Дунае. Об этом сообщает сам Л. Вукалович (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 31 и об.).

³ В этом письме 4 (16) февраля 1861 г. Л. Вукалович и его сподвижники сообщили К. Д. Петковичу о прибытии Л. Вукаловича в Суторину и о пропуске турецких войск через территорию Австрии (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 22—23 об.).

152

Донесение К. Д. Петковича в Азиатский департамент о раздаче им пособий семьям христиан, пострадавших в Герцеговине от турок

5 (17) февраля 1861 г. Рагуза

Честь имею представить при сем департаменту отчет в раздаче приходящим из Герцеговины нашим единоверцам небольших пособий из суммы 75 червонцев, предоставленных в мое распоряжение на этот предмет предписанием от 30 ноября 1859 года за № 3819. К сему считаю долгом присовокупить, что помянутая сумма раздана мною большею частью лицам семейным, пострадавшим от турок во время бывшего восстания в смежных с Черногорью герцеговинских пределах. Опасаясь попасться в руки турецких властей, они не смеют отправляться в Мостар, а, пробираясь легче в Австрию через предел зубчан, являются беспрерывно в вверенное мне консульство и просят пособий.

Надворный советник К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 24 и об. Автограф.

153

Обращение боснийских депутатов Й. Коича, Д. Джурджевича и Т. Криета-Синчела к российскому генеральному консулу в Белграде А. Е. Влангали с просьбой о защите против налогового гнета и репрессий турецких властей

9 февраля 1861 г. Белград

Ваше превосходительство!

Ни хатхумаю запечаћен благородном крвлю народа европейских, ни дали наставления христианских сыла нису принела ни найманию олакшицу христианима у Турском царетву. С нама се пошт управља начином тако ужасним, да видимо кад—кад и где ког ретког Турчина грозити се од истог, и прорицати пропаст одной влади у коной нема искрице савести ни милосердия. Влада свака настои да подигне благостане свои подайника, да осигура живот, да заштити чест и имане; у нас, напротив, осиромашене, убийства, бесчестие, отимане и сва зла што може човек претрпнати на свету долазе од сами чиновника владини и од бегова кое е влада повластицама снабдела.

Првоподписани у почетку 1858-ме године бивши члан депутацие босанске у Бечу¹ изложио е подробно портином посланику кнезу Калимаки

и свима посланицима христианский сыла све патне нашег народа у Босни и молио ий да нам се помогне. Но почем од ове две године народ се осећа пошт већма угнетен него и онда, то долазимо од негове стране у Београд да представимо свима европским конзулима негове потребе найпрече, и да их молимо найпокорние да их доставе своим дворовима и честитом султану.

Две найдубле ране Босни есу новоуведена трећина, и начин коим с нама управљаю портини чиновници. Трећина е противна нашим старим условима са господарима земљишта коима иде само деветина. Ние могуће овима трећину давати, а плаћати султану све разне порезе. Или се прво мора укинути или друго здраво уманьити. У овом смотреню мы молимо да се нама старинска отношения поврате у пуной сыли, те да им само деветину даемо.

У смотреню многостручны пореза, молимо да се сви сведу на едан, а тай да плаћамо уредно два пута на годину. Тай порез да купе поглавари община, а не Турцы кои нам двоструко узимаю и том приликом чине убийства, плячкe, женама нашим насилия и сваке друге неправде.

Иштира коя се узимле за войску, т. е. храна и проче потребе да нам се точно и по чаршийской цени исплаћуе или за порезу пребня. Скорашня иштира, кою смо у жити, вунн, маслу и меком сыру издали, узета нам е као глоба, ер се ни за превлачене комордияма не даде ни една пара, но и зато се е народ међу се моро порезати те коне куповати и коморции наймливати.

У смотреню полицайног управляя да код паша, мудира и при апсанима буде довольно и христиана каваза, па да ови а не Турцы иду по селима, кривце хватаю и чуваю апсенике.

Кад кои Турчин убие христианина, или христианку осрамоти, или што силом отме да община гди се то догоди има власт уватити га, и предати вишой власти, а ова да мора наплатити главу главом, а срамоту и отимане примеран глобом.

Почем смо се већ довольно уверили да су мешовити мецлизи гнезда неносиме неправде за христиане (ер христианский у нима членови не смеду ништа ни изустити право од Турака), то молимо да у свакой ствари суди христианима мецлиз христианский, а Турцыма турский, а у распрама мешовитим да се мецлизи међу собом расправляю, па кад се не могу расправити да великий суд сараевский, — саставлени у еднаком брою од найбільи трговаца турский и христианский, а не чиновника и бегова реши распу.

Без ови главни олакшица ние ни мислити да стане христиана у Босни и у свой Турской може само сносимо постати.

Почем мы немамо такови власти коима би се смели и могли с поуздаем обратити, а почем шияне депутацие у Цариград принесе само депутирцыма големи несреће, а народу никакве користи, то се морамо обратити христианским дворовима кои знаю за човечност и правду, те ий молити да благоизволе доставити ову нашу прошню честитом султану, како би он издао заповесть да услышени будемо, или пусти да се изселимо у државе у коима ћемо барем правична, милосрдна и брижљива отца наћи

нижайше слуге

[Печать]

Ивов Коич из Брчанске нахие

[Печать]

Давид Турћевич из Градачке нахие

[Печать]

Т. Криета-Синчел из Бишанске нахие

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1381, д. 77—78. Подлинник; л. 75—76 об. — пер. на рус. яз., современный подлинник.

¹ См. док. 48, 55, 57.

Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому
о расширении района волнений в Герцеговине и сосредоточении
там турецких войск

№ 43

11 (23) февраля 1861 г. Мостар

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

4 (16)-го числа сего месяца получено муширом и тогда же сообщено письменно консулам известие о нападении, произведенном будто 2000 черногорцев, пивлян, дробняков под начальством капитана Голуба и воеводы Новицы Церовича на Фочу. Из сообщения мушира, которое имею честь представить при сем, вашему сиятельству благоугодно будет усмотреть, какие были последствия этого нападения.

Кроме того, в том же письме мушир уведомляет о дошедших до него слухах о нападении на Бихор (в Новопазарском санджаке), при чем будто погибло более 200 чел. мусульман. По собранным мною сведениям нападение это приписывают племени вассовичей.

Со стороны Суторино известия день ото дня принимают более беспокойный характер. Так, по последним сведениям Лука Вукалович, по словам одних — с одним, по словам других — с двумя орудиями осаждают суторинский карантин, в котором находится около 30 арнаутов-башибузуков. Дервиш-паша, бывший после дела в Кориеничах в Требинье, отправился, говорят, сам на помощь в Суторино, что подтверждает шифрованная депеша г. Петковича, уведомившего меня вчера, что 600 турок спустились в Брено чрез Конавле.

Все эти события, в которых турки с особою настойчивостью обвиняют черногорцев, общее восстание всех пограничных с Черногорием христиан заставляет опасаться, чтобы с наступлением весны частные экспедиции турецкого войска не обратились в правильные наступательные действия против единоверцев наших, а может быть, даже при малейшем поводе и против Черногории.

По уверению мушира, словам которого, впрочем, нельзя вполне доверять, по приказанию его должны прибыть сюда еще 4 батальона регулярного войска из Румелии, 4 батальона должны сосредоточиться близ Таслиджи и Фочи; по последним частным сведениям, в каждом из этих городов будет только по 4 роты. Кроме того, собраны башибузуки как в Боснии, так и в Герцеговине; из Травника, как мне сказал мушир, около 1000 человек уже пришли в Невесинье и Дабра, куда направлены также из конницы около 3000 человек, из Стольца отправлено около 200 человек в Требинью; вчера прошли 90 человек из Дувно чрез Мостар, направляясь также к Требинье, куда сегодня или завтра должны последовать за ними и мостарцы в числе 600 человек. Из Фочи прибыли в Гацко 400 чел. под начальством известного своими жестокостями Дервиш-бея Ченгича.

Волнение умов возбуждено этими событиями в значительной степени; этому много способствуют также проповеди различных дервишей, в последнее время размножившихся в Мостаре до весьма значительного количества.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

В. Безобразов¹

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2048, л. 30 и об. Подлинник.

¹ Сведения В. В. Безобразова дополняют донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину от 12 (24) февраля 1861 г. № 65. Петкович сообщал о поспешных военных приготовлениях

лениях австрийцев в Далмации и их выступлении в составе нескольких рот в районе Суторины. Но поскольку эти роты составляли хорваты православного вероисповедания, они не только не оказывали противодействия терпеговицам, но секретно помогали им порохом и оловом (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 34—35 об.).

155

Записка Е. Р. Щулепникова со сведениями об экономическом
состоянии Боснии, политике турецких властей и положении
христианского населения

Не позднее 21 февраля (5 марта) 1861 г.*

Apperçu général de l'état de la Province, qui se trouve dans la circonspection de votre consulat.

1.

La Bosnie est un pays principalement montagneux, et ne contient presque qu'une seule plaine considérable qui longe le cours de la rivière Sava. Les montagnes forment sur leurs sommets des plateaux riches en pâturage. De nombreuses sources en forment les cinq principales rivières: Ouna, Sana, Verbass, Bosna et Drina se jettent dans la Sava. En fait de minéraux, on peut dire, il n'y a que le fer qui s'exploite dans beaucoup d'endroits de la province. Quant au règne végétal, ce pays, la partie septentrionale exceptée, est plus fait à l'élève du bétail; au reste l'économie rurale se trouve en général très arriérée, les produits de blés sont à peine suffisants, et même l'élève du bétail, qui consiste en bœufs et en porcs, que l'on exporte, et en chevaux et en brebis employés plus dans le pays, est en décadence.

Selon notre opinion, les causes de cet état regrettable de l'économie rurale sont les suivantes:

1. L'ignorance et l'insouciance. Les grands progrès que l'agriculture a fait en Europe dans notre temps, l'emploi d'instruments agricoles et de machines, et l'amélioration des terrains par le drainage, par les rigoles et par un plus profond labourage, sont tout à fait inconnus en Bosnie.

2. Le manque de capitaux. La plus grande partie de la terre et cultivée par des kmèts, qui par suite d'innombrables impôts sont tellement pauvres, que généralement ils sont privés de moyens pour l'exploitation du terrain, et les begs, même ceux qui jouissent d'une certaine aisance et pourraient disposer de quelques capitaux, vivent éloignés de leurs propriétés et n'ont aucun goût pour l'agriculture.

3. Le manque total de voies de communication, qui est d'autant plus à regretter, qu'avec un peu de bonne volonté de la part du gouvernement, vu la grande quantité de bois, de pierres et de sable, on pourrait très facilement faire partout des routes carrossables.

4. La défectuosité de lois. Sans parler du chériat qui est défavorable au progrès, nous ne ferons mention que du canon nommé éraši (code relatif à la possession du terrain). Par exemple d'après ce code tout terrain est propriété de l'état, qui prélève dix pour cent à chaque acte de vente ou d'échange, l'héritage ne passe que des parents aux enfants et vice versa, et dans tous les autres cas le terrain est reconnu mahloule c'est-à-dire n'appartenant à personne, donc propriété d'état. Il est clair que des pareilles lois ne sont faites que pour affaiblir dans l'agriculteur l'amour pour son terrain et pour

* Датируется по препроводительному донесению.

l'agriculture en général et pour le décourager de toute amélioration de sa propriété. A cela on pourrait encore ajouter les dispositions, d'après lesquelles les étrangers ne peuvent pas acquérir des biens immeubles, par quoi le pays est privé tant de leurs lumières que de leurs capitaux.

5. La trétina perçue en nature et la dîme qui pèse sur les produits.

La première, si même elle n'avait pas et autres inconvénients, perçue, comme elle l'est, en nature, est déjà nuisible à l'agriculture, car ordinairement dans les circonstances les plus pressantes le kmet doit attendre l'arrivée de son aghas (propriétaire) ou de son fondé de pouvoir, et souvent de telle manière perd par l'influence du mauvais temps une considérable partie de sa récolte. Quant à la dîme, quoiqu'elle ne soit plus prélevée en nature, mais en argent, pourtant, vu qu'elle ne pèse pas sur le sol, mais sur les produits, incontestablement elle sert de grand empêchement aux progrès de l'agriculture, et outre cela est d'autant plus nuisible que chaque année elle donne lieu à des querelles et à des injustices.

6. Le porèze, en turque vergui, impôt prélevé sur chaque maison qui est trop grand en proportion des forces du paysan même après sa diminution actuelle.

En présence du manque total de routes, avec des lois au plus haut degré défavorables au commerce (vu que le code de commerce n'est introduit qu'à Sarajévo) et avec l'appauvrissement général du pays, le commerce naturellement ne peut être que d'une importance très minime, et même tel qu'il est, l'importation étant plus forte que l'exportation, il ne fait que contribuer à la pauvreté de la province.

Les principaux objets d'exportation sont: le bois de construction, les fruits secs surtout les prunes, les porcs, les boeufs, les peaux de brebis, la laine et le fer; ce dernier est à peu près le seul objet de l'industrie du pays. Quant aux objets importés se sont d'abord toutes les denrées coloniales et puis principalement le fil de coton et les tissus de laine.

La Bosnie est administrée par un vali (gouverneur général) et est divisée en six sandjaks, dont cinq sont gouvernés par des caïmacams, qui se trouvent sous sa dépendance, mais en même temps pour plusieurs affaires, surtout pour celles de finance, correspondent directement avec la Porte. Ces caïmacams résident à Trawnîk, à Bihatch, à Banialouka, à Touzla et à Novi-Bazar. Les sandjaks sont subdivisés en tout en 44 nahiés (districts) qui sont administrés par des moudirs, excepté ceux où résident le vali et les caïmacams.

Le revenu de la Bosnie monte actuellement à environ 32 millions piastres, et les dépenses ordinaires à 8 millions. En outre, il y a des dépenses extraordinaires pour l'entretien des bachi-bouzuks.

La Bosnie contient deux diocèses et a donc à leurs têtes deux métropolitains, le plus souvent grecs d'origine et toujours grecs d'éducation, envoyés par le patriarchat de Constantinople, dont l'un réside à Sarajévo, et l'autre à Touzla; en outre tout le sandjak de Novi-Bazar, excepté deux nahiés, dépend du métropolitain de l'Ancienne Serbie, qui réside à Prîsrène. Quant à l'évêque catholique il est toujours élu du nombre des frères franciscains indigènes et confirmé par le pape.

2.

Population relative des chrétiens et des musulmans basée sur les données qui se trouvent dans votre consulat.

Il est bien difficile de préciser au juste la population de la Bosnie, car généralement l'on ne tient pas en règle les registres de naissances et de décès, et l'on ne compte que les mâles. Nous ne pouvons donc donner que des chiffres approximatifs, et évaluer la population de la Bosnie à environ 900.000,

dont un peu plus de 350.000 musulmans, plus de 1000 juifs, plus de 4600 bohémiens, et le reste chrétiens. Comme le clergé catholique tient le mieux les registres, nous pouvons dire avec plus d'exactitude que le nombre des catholiques monte à 125.000, et de cette manière on peut évaluer le nombre des orthodoxes jusqu'à 420.000.

3.

Les occupations et la manière de vivre des chrétiens et des musulmans par exemple sont ce les musulmans qui forment la majorité des agriculteurs, et les chrétiens la majorité des commerçants dans les villes?

Dans les villages tous les habitants tant chrétiens que musulmans sont laboureurs, et dans les villes et les bourgs ils s'occupent de commerce et de métiers. Chaque homme sans aucun empêchement de la part du gouvernement peut s'occuper de tel métier qu'il veut.

4.

Les chrétiens peuvent-ils posséder des terrains sur les mêmes droits que les musulmans? Si non, en quoi consiste la différence?

Actuellement le droit ne fait pas de différence entre les sujets musulmans de la Porte et les chrétiens, quant à ce qui regarde la possession des immeubles; mais si la différence n'existe pas dans le droit, elle existe bien dans le fait.

Après la conquête de la Bosnie par les turcs les chrétiens étaient encore en possession d'une grande partie du sol, mais les musulmans, ne comprenant pas la possession du pays sans la possession exclusive du terrain, poussés en outre par une avidité insatiable, privèrent peu à peu les subjugués de leurs propriétés. Timar et Vakouf, deux considérables villages dans le sandjak de Banialouka, dont les habitants ont perdu leurs droits de propriété peu avant l'arrivée d'Omer pacha en Bosnie, servent d'exemple de la conduite violente et arbitraire des begs turcs vis-à-vis les propriétaires chrétiens. Ce que les puissants begs faisaient avant le Tansimat avec une force ouverte, est continué après le Tanzimat par les begs affaiblis avec ruse et astuce. Les moyens ont été changés, mais le but est resté le même. Omer pacha, qui apporta le Tanzimat en Bosnie, et qui avait compris la nécessité d'améliorer la position de la pauvre population chrétienne, ordonna que les terrains incultes appartenant au gouvernement et qu'on appelle erasi-hali et erasi-mevrat fussent distribués entre tous ceux qui les recherchaient sans distinction de religions. Parmi les chrétiens principalement ceux des sandjaks de Sarajévo et de Trawnîk ont profité le plus de cette mesure. Mais bientôt après le départ d'Omer pacha de la Bosnie l'on revint à l'ancien système; non seulement les autorités s'opposèrent à accorder de pareils terrains aux chrétiens, mais l'on s'efforça et l'on s'efforce jusqu'à présent d'employer tous les moyens pour les dépouiller des propriétés qu'ils possèdent. Tantôt c'est un turc, qui se présente comme vrai propriétaire, et alors les témoins turcs ne lui font jamais défaut, tantôt c'est l'arbitre qui trouve que le chrétien a cultivé plus de terrain que le gouvernement ne lui a accordé, et dans ce cas il doit lui payer le quasi surplus au prix de sa valeur actuelle, ou enfin, si tous les moyens manquent, le terrain est reconnu méra, c'est-à-dire pâturage de la commune. Nous connaissons même plusieurs cas, où les chrétiens après avoir pendant des années employé toutes leurs forces et tous leurs moyens pour fertiliser de pareils terrains incultes, après y avoir fait différentes constructions et payé au gouvernement les impôts nécessaires, ont été forcés de démolir eux-mêmes leurs bâtisses, car le truc dans sa cruauté, en brisant la fortune du chrétien, tient en même temps à l'humilier et à briser son cœur.

5.

Les chrétiens peuvent-ils s'occuper du commerce dans les villes sur les mêmes droits qu'en ont les musulmans? Si non, en quoi est la différence?

Les chrétiens exercent le commerce dans toute la Bosnie avec les mêmes droits que les musulmans, et la majeure partie du commerce se trouve entre leurs mains.

6.

Quelle est la position des paysans chrétiens, comparativement à celle des paysans musulmans?

Il y a deux espèces de paysans, paysans propriétaires de la terre qu'ils cultivent et paysans kmèts, c'est-à-dire qui cultivent une terre appartenant à un autre. Les musulmans avec peu d'exceptions sont du nombre des premiers, tandis que les chrétiens presque en totalité appartiennent au nombre des seconds, grâce à un continuel et systématique empiètement des musulmans sur leurs possessions. Cette seule circonstance fait déjà une énorme différence dans leur position tant matérielle que morale.

En outre vû que les rayas payent comme laboureurs, les impôts que les musulmans, vû qu'en qualité de chrétiens ils sont chargés d'autres impôts dont les musulmans sont exempts et enfin comme en qualité de kmèts ils doivent donner plus de la troisième partie de leurs produits, il est facile de comprendre, qu'ils sont beaucoup moins aisés que les turcs.

7.

Le témoignage des chrétiens est-il admis dans les tribunaux? Si non, nommez les cas, ou il n'a pas été admis.

Il est vrai que depuis plus de deux ans l'ordre a été donné ici par un firman de reconnaître le témoignage des rayas contre les turcs, mais ici, comme partout ailleurs en Turquie, un ordre donné est bien loin d'être un ordre exécuté. Si les turcs en général montrent une mauvaise volonté, quand il s'agit de rompre un seul anneau de la chaîne qui tient serrés les malheureux rayas, ce serait se faire illusion, que d'attendre d'eux plus de zèle pour l'exécution de cette mesure, qui, enlevant aux kadis et remettant aux medjlis toutes les affaires litigieuses entre rayas et musulmans, menace de détruire l'institution la plus turque c'est-à-dire celle des méhkémés.

Aussi les turcs ne se sont-ils nullement empressés de porter à la connaissance des chrétiens cette importante concession, quoique elle eût pu beaucoup contribuer à faire naître dans les rayas une certaine confiance dans le gouvernement, et il est positif qu'encore à présent les chrétiens en grande partie ne savent pas même que ce droit leur a été accordé.

Nous croyons avoir tout dit sur cette matière, si nous mentionnons encore qu'au dernier mois octobre des employés supérieurs de Banialouka ont avoué que dans ce Sandjak, ou pourtant la majorité des chrétiens dans toute la Bosnie est la plus forte, il n'y a pas eu jusqu'alors de cas de témoignage des chrétiens contre les turcs.

8.

La position actuelle des chrétiens est-elle généralement améliorée, les respecte-t-on davantage, se comporte-t-on avec eux maintenant mieux que 5, 10, 15, 20 ans avant?

Il est incontestable qu'en Bosnie comme en Turquie en général le progrès ne se fait que très lentement; il est évident que les impôts considérablement augmentés depuis l'introduction du Tanzimat ont appauvri cette province. Nous voyons, il est vrai, dans certains endroits et à certaines époques même des mouve-

312

ments retrogrades, comme par exemple dernièrement dans une partie de la Craïna et de la Possavina par suite des troubles qui y ont eu lieu, du temps d'Omer pacha quand le désarmement des chrétiens les a affaiblis et en même temps les a humiliées, enfin tout récemment pendant l'administration du dernier vali, dont la faiblesse a donné libre cours à l'arbitre des begs. Pourtant nous sommes forcés d'avouer que depuis les dernières douze années l'on remarque généralement en Bosnie un progrès tant moral, que matériel. L'observateur attentif doit trouver même dans le genre de persécutions du dernier temps une preuve que les chrétiens se sentent plus sûrs, et commencent à avoir la conscience de leurs droits d'homme. Tandis que la haine des Turcs était mêlée jadis au mépris, maintenant elle est accompagnée de peur, tandis que les violences des Turcs envers les chrétiens avaient jadis pour but l'agrandissement de leur pouvoir, maintenant les musulmans ne les commettent que pour conserver, si c'est possible, leurs anciens privilèges. Nous ne pouvons pas passer sous silence les allègements faits dernièrement aux chrétiens par la diminution des impôts. Le bédélié-askerié a été réduit de la moitié, le porèse a été diminué de $12\frac{1}{2}$ pour cent, enfin la dîme, prélevée maintenant en argent, est aussi moins considérable, vû que l'on a pris la moyenne de cinq années sur les sommes qui ont été payées par les iltizamdjis (apaltateurs). C'est à cause de cela que les revenus de la Bosnie, qui montaient avant à 44 millions de piastres, ne s'élèvent actuellement qu'à 32 millions.

9.

Y a-t-il des différences provenant uniquement de la religion et quelles sont-elles?

Le religion musulmane pose dans le fait des distinctions dans la position sociale des chrétiens et des turcs. Généralement même il est accepté, que toutes les souffrances des pauvres rayas, et leur position ignominieuse ne doivent être attribuées qu'au coran. Nous ne pouvons pourtant être d'accord avec cette opinion et nous croyons que l'on confond dans ce cas la cause avec ses conséquences. Ce n'est pas le coran qui a mis les turcs au-dessus des chrétiens, mais ce sont les turcs victorieux qui ont posé le coran au-dessus de l'évangile. Le jour où le sultan déclarera avec fermeté, que dorénavant il ne considérera dans les turcs et dans les chrétiens que ses fidèles sujets et avec des devoirs égaux reconnaîtra à tous des droits égaux, ce jour l'on verrait les ulemas eux-mêmes vouloir se surpasser pour expliquer le coran de manière à adoucir ses passages les plus haineux, et les affaiblir par des sentences contraires.

Aussi nous voyons que tout ce qui a été ordonné en faveur des chrétiens depuis Mahmoud II n'a trouvé que bien peu de résistance de la part des turcs, quoique beaucoup d'ordonnances fussent contraires au sens du coran, et encore cette résistance s'est manifestée seulement, parce que ce n'étaient que des demimesures, incapables de détruire les préjugés de la race conquérante et que le gouvernement lui-même paraissait ne pas vouloir sérieusement leur exécution.

10.

Que préfèrent les chrétiens porter le service militaire, ou payer l'impôt qui les délivre de cette charge? que serait plus avantageux pour eux?

Nous voyons des peuplades connues par leur esprit héroïque, qui pendant des siècles entiers ont exercé avec orgueil le métier des armes, reculer avec horreur devant l'implacable recrutement, devant la sévère subordination militaire, devant l'ennuyeuse absence de sa patrie pendant le temps du service. Aussi est-il naturel que les chrétiens bosniaques, courbés sous un joug de quatre cents ans ne veulent pas entrer au service militaire turc et préfèrent payer le bédélié askérié qui les délivre de cette charge. En outre, voyant

313

qu'il jouissent le moins des privilèges accordés par l'état à ses sujets, accablés toujours de contributions, ils ont peur de tout nouveau rapprochement et contact avec les turcs.

Telles sont les idées des chrétiens, mais autrement doivent penser ceux qui s'occupent de leur future prospérité. Les turcs, comme tous les barbares, ne connaissent qu'un pouvoir — la force brutale, et une seule gloire — celle qui peut être acquise dans les combats. Le droit de porter les armes est un privilège, et le service militaire est un métier qui ennoblit l'homme. Donc le désarmement des chrétiens ne doit pas être attribué seulement à une crainte de leur élévation, mais il a été fait aussi dans l'intention de les humilier. Voilà pourquoi nous pensons que l'admission des chrétiens au service militaire, contribuant beaucoup d'un côté à relever leur moral, et d'un autre à amoindrir le mépris que les turcs ont pour eux, améliorerait considérablement leur position sociale. Il est sous entendu que, avant d'exécuter celle mesure, il faudrait faire de grands changements législatifs relativement aux chrétiens, car avec l'état actuel des choses ils ne porteraient que le fardeau de cette institution, sans jouir de ses privilèges, et cette mesure ne donnerait aux turcs qu'une occasion de plus d'exploiter les pauvres rayas.

11.

Rencontre-t-on des difficultés quelconques pour la construction des églises ou pour l'exercice des cérémonies religieuses?

Le principal obstacle que les chrétiens trouvent de la part des autorités pour la construction de leurs églises est le choix de l'emplacement car les turcs s'opposent toujours à ce qu'une église soit construite près d'une mosquée ou près d'un cimetière musulman. En outre les habitants turcs par haine et fanatisme ne font que trop souvent des chicanes aux chrétiens pour leur empêcher de trouver les matériaux nécessaires pour la construction tels que les pierres, la chaux etc., et nos pauvres coreligionnaires, tout en se plaignant aux autrités, se voient pour la plupart obligés de payer certaines sommes pour échapper à ces chicanes.

Nous ne pouvons pas passer sous silence un très grave empêchement que les rayas rencontrent pour la construction des églises. C'est celui qui est causé par la difficulté d'avoir le firman nécessaire à cet effet. Quoique d'après le dernier hatti-houmayoun un tel acte dut être délivré gratuitement, nonobstant les métropolitains pour l'obtenir doivent dépenser en cadeaux aux petits employés de la Porte de mille à mille cinq cents piastres et quelquefois plus. Naturellement les métropolitains veulent rentrer dans leur argent, et les chrétiens le plus souvent pauvres ne sont pas en état de payer des pareilles sommes. Nous connaissons plusieurs cas, où le métropolitain a fait cadeau de firman à des communes tout-à-fait pauvres, mais aussi nous en connaissons d'autres où les chrétiens ne les ont pas reçus, vu qu'ils n'ont pas voulu ou n'ont pas pu payer la somme demandée par le métropolitain.

Quant à l'exercice des cérémonies religieuses telles que enterrements et différentes processions, elles se font depuis une douzaine d'années sans aucune entrave de la part des autorités, et les habitants musulmans eux-mêmes dans de pareilles occasions ne montrent ni mépris, ni aucun signe de désapprobation.

12.

Dans le cas de l'oppression des chrétiens provient-elle des actes du gouvernement ou du fanatisme de la population?

Quoique il ne nous soit connu aucun cas, où l'on puisse dire que les oppressions des chrétiens sont provoquées directement par le gouvernement, pourtant ce dernier, par sa partialité pour les turcs, par sa négligence de punir

les injustices faites aux chrétiens, s'en rend responsable et doit être considéré comme la vraie cause du mal. Cette assertion est d'autant plus juste que le gouvernement local (c'est-à-dire les médjlis) est composé exclusivement des représentants de ceux qui commettent les injustices. Cette idée sera développée plus en détails dans les articles suivants.

13.

Les chrétiens sont-ils admis dans les médjlis ou conseils locaux? La direction générale de ces institutions est-elle favorable au progrès ou non?

Les médjlis, auxquels sont adjoints partout des individus sous le nom de Hodja bachi, par un de chaque confession chrétienne, sont composés du caïmacam ou du moudir, du cadi, du moufti, du mal-moudir (employé de finances), quelquefois du zirât-moudir (pour l'agriculture) et d'un certain nombre de begs, qui tous naturellement sont des turcs. D'après l'idée du gouvernement ces membres (les employés excepté) devraient être élus par la population, sous laquelle l'on ne peut comprendre que la population turque, car les chrétiens dans leur état actuel sont privés des bénéfices de lois.

Les choses pourtant ne se passent pas ainsi, les élections ne sont qu'apparentes, et souvent un des begs les plus influents fait entrer dans le médjlis ses créatures, de manière qu'en général tous les membres du médjlis, au lieu de représenter une nahié, ne sont que les instruments d'un seul individu. Ainsi donc, si le médjlis dans une ville ne représente pas la nahié, encore moins le médjlis du sandjac peut représenter tout le sandjac, et celui de Sarajévo toute la province. C'est pour cela que les deux frères Usunia, qui, comme ennemis du Tanzimat ont été exilés de la Bosnie par Omer pacha depuis leur retour ici sont les vrais maîtres de la Bosnie, car ils ont su faire entrer leurs créatures comme membres dans tous les médjlis.

Avec une telle composition de médjlis, avec cette forte puissance de l'ancien parti turc, il est facile à comprendre, que les médjlis servent plutôt d'obstacle au progrès, au lieu de l'encourager. Quant aux hodja bachis, je puis dire avec assurance que vis-à-vis la grande supériorité turque tant morale que numérique leur influence dans les médjlis ne peut être que nulle, d'autant plus que les chrétiens les plus aisés sont des négociants, qui de peur de préjudicier à leurs intérêts privés, n'acceptent pas la charge de hodja-bachi, qui le plus souvent est occupée avec retribution par des hommes pauvres sans considérations et estime, traités par les membres turcs presque comme des domestiques.

14.

Si non, croyez-vous qu'il serait possible de limiter leurs droits d'une telle manière que, dans les endroits où elles sont utiles de conserver leur pouvoir et par contre dans celles où elles sont nuisibles de les affaiblir ou de les supprimer?

De ce que nous avons dit plus haut on peut conclure que les désavantages que les chrétiens ont de l'institution des médjlis proviennent de leurs deux défauts, d'abord contrairement à leur but ils ne représentent qu'une petite fraction de la population turque, et puis la population chrétienne, on peut dire, n'y est pas du tout représentée. Malgré cela nous croyons qu'il ne faudrait ni les abolir, ni les limiter. Leur mission, la juridiction excepté, n'étant que d'aider les employés du gouvernement par des conseils, nous ne saurions, comment leur pouvoir pourrait être limité, car si même ils exercent un pouvoir quelconque cela n'arrive que par abus et à cause de l'incapacité des employés. Encore moins, selon nous, pourraient-ils être abolis, non seulement parce que nous voyons en eux le germe d'un futur gouvernement chrétien national, mais aussi parce que les employés avec leur peu de capacités et de connais-

sances ne seraient pas en état de conduire les affaires sans le secours de médjlis et se verraient obligés de se soumettre aux suggestions des flatteurs et des intrigants, dont l'influence probablement serait plus nuisible, que celle des médjlis.

Il ne nous reste donc que de chercher les moyens de corriger les défauts de cette institution, afin de la faire répondre à sa vraie destination. Nous croyons que pour arriver à ce but, il faudrait que le nombre des membres chrétiens soit égal à celui des turcs, et que tous les membres sortent des élections respectives du peuple et soient renouvelés périodiquement. En outre ils devraient être formés de manière à ce que 1. ceux des nahiés représentent vraiment les nahiés, 2. ceux des sandjaks soient composés de membres pris de toutes les nahiés et 3. celui de Sarajévo de tous les sandjaks. Tous les membres devraient être faits responsables, et recevoir une certaine indemnité, prenant surtout en considération que les chrétiens pour la plupart sont très pauvres. Afin que le paiement des membres des médjlis ne soit pas onéreux pour le gouvernement, on pourrait diminuer les appointements du gouverneur général, des caïmacams et même des moudirs.

15.

Quel est votre opinion sur la séparation du pouvoir judiciaire des médjlis et sur la formation des tribunaux séparés? Quelle serait votre idée sur la formation de ces tribunaux?

Si les médjlis sont composés, comme nous en avons fait la proposition plus haut, la séparation du pouvoir judiciaire des médjlis et la formation de tribunaux, serait, d'après notre avis, au moins pour le moment, tout à fait inutile. Il faudrait seulement insister à ce que le code de commerce qui est pris pour guide au tidjaret-médjlis (conseil de commerce) soit aussi introduit dans tous les autres médjlis tant des sandjaks, que des nahiés. En outre, il serait naturellement indispensable qu'à Sarajévo le tidjaret-médjlis, comme aussi l'istintak-médjlis (conseil d'enquête) soient formés comme tous les autres, c'est-à-dire qu'il y aie le même nombre de membres chrétiens que de turcs.

16.

Remarque-t-on dans les musulmans une forte tendance de convertir les chrétiens à l'islamisme? Y a-t-il eu des cas de conversion forcée et quels nommément?

Nous n'avons jamais pu remarquer dans les habitants musulmans du pays aucune tendance à convertir les chrétiens à la religion musulmane, quoique on devrait supposer, que dans leur fanatisme ils pourraient bien désirer l'augmentation du nombre de leurs coréligionnaires; nous ne connaissons non plus aucun cas de conversion forcée.

17.

Dans les cas de conversion des femmes provient-elle d'un entraînement religieux ou d'autres bûts mondains? Montrez ces bûts?

Il nous est arrivé de voir plusieurs cas où des femmes chrétiennes ont embrassé la religion musulmane, mais ces conversions n'ont jamais été causées par la conviction ou par le fanatisme religieux.

Les chrétiens, étant le plus souvent pauvres, ne sont pas toujours en état de nourrir leur familles, et sont quelquefois forcés de placer leurs filles encore en bas âge comme domestiques chez les turcs, dans les maisons desquels elles grandissent et sont élevées comme turques et ne sont chrétiennes que de nom. Etant bien traitées et bien nourries, elles veulent rarement retourner chez leurs parents, qu'elles voient pauvres et méprisés et finissent

souvent par embrasser la religion musulmane, afin d'épouser un turc, avec lequel elles espèrent jouir d'une certaine aisance, qu'elles ne peuvent pas trouver dans la maison fraternelle.

Nous connaissons au reste plusieurs cas où les filles ont été détournées de pareils projets par le métropolitain, quand ils sont parvenus à sa connaissance, et si ces cas malheureusement arrivent assez souvent, il faut en accuser les chrétiens et quelquefois même les prêtres, qui sous ce rapport ne montrent que trop d'insouciance.

18.

Quelles seraient les mesures les plus faciles et moins coûteuses à prendre pour établir la justice et améliorer l'état général du pays?

Pour rendre la position de la population chrétienne de la Bosnie plus prospère, il serait nécessaire avant tout d'écarter complètement les contradictions entre le chériat et les codes de lois, et améliorer par là le défectueux système judiciaire. Pour atteindre ce but il faudrait rassembler dans un seul code tous les firmans qui ont été donnés au profit des chrétiens, y ajouter des nouveaux, et les kadis devraient être obligés de subir leurs examens tant du chériat que des lois, d'après lesquelles ils seraient tenus de prononcer leurs sentences. Ils consentiraient à cela d'autant plus facilement qu'avec les circonstances actuelles les taxes judiciaires dans les procès mixtes sont perçues par les caïmacams, et n'étant pas retribués par le gouvernement, ils sont presque totalement privés de moyens d'existence. Il est sous-entendu, que les kadis ne jugeraient pas seuls les procès, mais en plein médjlis, qu dans le cas où ceux-ci seraient trop occupés d'affaires administratives, avec le concours de quelques membres, tant chrétiens que turcs. Afin que cette mesure soit encore plus efficace il serait nécessaire que les lois soient traduites en langue bosniaque, pour être comprises par le peuple. En même temps, il faudrait reconnaître la validité de tous les documents écrits dans la langue du pays. Nous avons d'autant plus faire ces propositions, qu'elles n'occasionnent pas au gouvernement de nouvelles charges.

Mais comme toute amélioration judiciaire reste pour les chrétiens une illusion tant qu'ils sont humiliés par la pauvreté, il serait nécessaire avant tout de tâcher de les relever et de les rendre égaux aux turcs en augmentant leur aisance. A cet effet nous ne proposerons que des moyens qui peuvent améliorer la position matérielle des chrétiens et amener le bien-être général du pays, sans léser les droits des turcs.

Le bien-être de la Bosnie repose principalement sur l'économie rurale et donc ne peut être amélioré que par l'encouragement de l'agriculture. Afin que les revenus de la Bosnie montent jusqu'à leur plus haut degré, il serait nécessaire que le paysan cultive son terrain avec science, plaisir et amour, qu'il tâche de l'améliorer par des travaux et des dépenses, qui plus tard augmenteraient considérablement ses revenus et son bien-être.

Tel pourtant n'est pas l'état où se trouvent actuellement les kmèts bosniaques. Menacés continuellement par le propriétaire ou d'être totalement expulsés du terrain qu'ils cultivent, ou d'en être privés en partie, ils ne peuvent entreprendre aucun travail, dont le fruit n'est pas immédiat, et n'osent faire aucune dépense, qui ne rapporte la même année; c'est pourquoi le pays au terme moyen rapporte à peine la moitié de ce que l'on pourrait tirer des pareils terrains dans des pays bien cultivés.

Pour remédier à ce mal nous proposerions

1. De ne pas considérer la loi sur l'inalévitabilité comme une lettre morte, mais comme une vraie loi, et de la mettre à exécution, de rendre le kmèt quasi-propriétaire du terrain, en lui accordant le droit d'en disposer quant à sa culture à son gré sans toutefois léser les droits du propriétaire; en même

temps il faudrait donner aux kmèts la garantie qu'ils ne pourraient être privés de leurs terrains totalement ou en partie, que quand le gouvernement aurait bien constaté la négligence de leurs devoirs.

2. Les agas qui actuellement ne payent pour leurs kmèts que le tiers du porèze (impôt) devraient être obligés d'en payer deux tiers, car, si l'on prend en considération que le kmèt fournit la semence, le travail et différentes dépenses, l'aga a pour sa part au moins deux tiers du revenu net du terrain.

3. Il serait à désirer que l'impôt, perçu par le gouvernement sous le nom de dîme, soit aboli et remplacé par un impôt prélevé d'après la grandeur et la valeur des terrains; la perception d'un tel impôt serait bien plus facile et moins couteuse, et le propriétaire serait tenu à ne pas laisser ses terrains incultes.

4. Il faudrait partout faciliter aux chrétiens l'achat de terrains, surtout de ceux qui sont maintenant destinés par le gouvernement à être vendus, et les autorités devraient recevoir l'ordre de distribuer aux chrétiens les terrains incultes pour leur défrichement.

19.

Est-il possible d'établir des écoles mixtes pour toutes les classes et tous les cultes? Quel en serait l'effet?

Malheureusement nous sommes obligés d'avouer que ni les écoles turques en général ni les écoles mixtes, si on les établissait ne peuvent produire d'effets bienfaisants pour la civilisation et la tolérance.

Les écoles turques méktebé-rouhdi, introduites en Bosnie depuis huit ans, prouvent que la méthode turque est très lente, que les connaissances de leurs professeurs sont pour la plupart insuffisantes, et que les objets qui y sont enseignés ne sont d'aucune utilité pour la vie commune, d'autant plus que la langue bosniaque en est entièrement exclue. Dans de telles circonstances nous ne croyons pas, qu'il serait profitable pour l'intelligence des chrétiens, que leurs enfants fréquentent ces écoles. Avec le fanatisme des professeurs musulmans, avec la position privilégiée des écoliers turcs, et avec la direction religieuse de l'enseignement l'on ne peut non plus s'attendre à rien de bon pour la tolérance réciproque. Il est aussi difficile d'espérer que le gouvernement turc établisse des écoles d'après le système européen avec quelques professeurs chrétiens et avec la langue bosniaque comme base d'enseignement, encore moins peut-on espérer que de pareilles écoles soient fréquentées par les turcs.

20.

Croyez vous possible de nommer des vice-gouverneurs chrétiens dans les provinces, particulièrement peuplées par les chrétiens, et que ces vice-gouverneurs soient indépendants du pacha turc et en relation directe avec la Porte?

Si l'on introduisait toutes les mesures proposées par nous, et principalement une représentation juste et proportionnée des chrétiens dans les medjlis et surtout dans celui de Sarajévo, si la langue bosniaque était acceptée comme langue du gouvernement, si l'on abolissait entre les turcs et les chrétiens la différence relative au droit de porter les armes, alors seulement l'on pourrait confier des emplois administratifs aux chrétiens, car cette mesure relèverait le moral des rayas, et réveillerait en eux la confiance pour le gouvernement. Les endroits où l'on pourrait faire ces essais sont le sandjak de Banialouka (où il serait bon peut-être de joindre une partie de la nahié de Techné au sandjak de Trawniki, afin de rendre la majorité des chrétiens encore plus forte) et la partie occidentale du sandjak de Trawniki c'est-à-dire presque toute la nahié de Zaitza et celle de Zezero, Glamotch et Livno, car dans ces endroits

la proportion de la population est très favorable aux chrétiens et en outre ils touchent aux frontières des états d'Autriche.

Les employés, que l'on mettrait dans ces endroits sous le nom de caïmacams ou vice-gouverneurs auraient le droit, accordé aussi maintenant à tous les caïmacams, de correspondre directement avec la Porte, et pour l'harmonie de l'administration seraient subordonnés au pacha de Sarajévo, contre l'arbitre duquel ils trouveraient un appui dans les medjlis renforcés par les membres chrétiens.

Mais nous croyons, que cette bienfaisante mesure est exécutable uniquement dans le cas, si les autres concessions ont lieu, car avec les circonstances actuelles les employés chrétiens ou devraient se soumettre aux volontés des begs turcs, agir comme leurs instruments et légaliser par là les oppressions des rayas, ou bien par leur conduite impartiale, au lieu de rendre ces contrées heureuses, ne feraient que réveiller les passions, et la calme actuel du pays serait facilement transformé en révolution.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 803, л. 40—62. Подлинник.

Перевод

Общий обзор состояния провинции, находящейся в ведении вашего консульства

1.

Босния — страна, главным образом гористая; в ней есть практически лишь одна значительная долина, тянущаяся вдоль реки Савы. Вершины гор являют собою плато, богатые пастбищами. Многочисленные источники, сливаясь, образуют 5 главных рек: Уну, Сану, Врбас, Босну и Дрину, впадающих в Саву. Из полезных ископаемых там, можно сказать, есть лишь железо, месторождения которого разрабатываются во многих местах провинции. По своим растительным ресурсам эта страна, за исключением северной ее части, более всего пригодна для скотоводства; в остальном, сельская экономика находится на весьма отсталом уровне, сбор зерна едва удовлетворяет нужды страны, и даже разведение скота — быков и свиней на экспорт, а также лошадей и овец, которых используют внутри страны, находится в упадке.

По нашему мнению, причины столь плачевного состояния сельской экономики заключаются в следующем:

1. Невежество и беспечность. Современные большие достижения в области сельского хозяйства в Европе, использование сельскохозяйственных инструментов и машин и мелiorация земель посредством дренажных работ, создания оросительных систем и увеличения глубины вспашки совершенно неизвестны в Боснии.

2. Нехватка денежных средств. Наибольшая часть земель возделывается кметами, которые вследствие обложения их бесчисленными налогами столь бедны, что чаще всего у них нет средств даже для обработки земельного участка, а бегги, даже те, которые имеют определенный достаток и могли бы располагать некоторыми капиталами, живут далеко от своих владений и совершенно безразличны к сельскому хозяйству.

3. Полное отсутствие путей сообщения, которое тем более достойно сожаления, что, ввиду наличия большого количества леса, камней и песка, повсюду легко можно было бы проложить проезжие дороги, будь на то немного желания со стороны правительства.

4. Порочность законов. Не говоря о шариае, который не благоприятствует прогрессу, мы упомянем лишь о каноне (закон о землеуладении). По этому закону, например, любой земельный участок является собственностью государства, которое взимает 10 % с каждого акта купли-продажи или обмена; наследование его возможно лишь детьми от родителей и наоборот, а во всех прочих случаях участок признается «махлуле», то есть никому не принадлежащим или собственностью государства. Ясно, что подобные законы не могут иметь иного следствия, кроме ослабления любви земледельца к своему участку и к сельскохозяйственному труду в целом, и отбивают у него

всякую охоту к улучшению его собственности. К этому можно также присовокупить и постановления, согласно которым иностранцы не могут приобретать недвижимость, вследствие чего страна лишается их знаний и капиталов.

5. Третья, взимаемая натурой, и десятинна с продуктов производства. Первая, если бы даже она не была сопряжена с другими неудобствами, взимаемая, как она есть, натурой, уже сама по себе носит вред сельскому хозяйству, ибо обычно в самых неотложных обстоятельствах кмет должен ожидать прибытия своего ага (землеуладельца) или его доверенного лица и часто таким образом теряет из-за плохих погодных условий значительную часть своего урожая. Что касается десятины, то, хотя она взимается теперь не натурой, а деньгами, тем не менее ввиду того, что ее взимают не с земли, а с продукции, она служит существенным препятствием развитию сельского хозяйства и тем более вредна, что каждый год становится причиной споров и несправедливостей.

6. Порез, по-турецки, «верги», налог, взимаемый с каждого дома, который в сравнении с возможностями крестьянина слишком велик даже теперь, когда его размер уменьшился.

В силу полного отсутствия дорог, существования в высшей степени неблагоприятных для торговли законов (ибо торговый устав введен лишь в Саратове) и всеобщего обнищания страны торговля, естественно, имеет исключительно малое значение, и поскольку при нынешнем ее состоянии ввоз преобладает над вывозом, она лишь усугубляет бедность провинции.

Основными предметами экспорта являются: строительный лес, сушеные фрукты (в особенности сливы), свиньи, быки, овечьи кожи, шерсть и железо; последнее является едва ли не единственным продуктом промышленного производства страны. Что касается ввозимых товаров, это, прежде всего, все бакалейные товары, затем хлопковая пряжа и шерстяные ткани.

Босния находится под управлением вали (генерал-губернатора) и разделена на 6 санджаков; пятью из них управляют каймаками, которые находятся у него в подчинении, но в то же время по многим делам, в особенности по финансовым, сносятся непосредственно с Портой. Каймаками эти помещаются в Травнике, Бихаче, Баян-луке, Тузле и Нови-Пазаре. Санджаки подразделяются в целом на 44 нахий (округов) и управляются мудирами, за исключением тех, где помещаются вали и каймаками.

Доход Боснии достигает в настоящее время около 32 миллионов динаров, а обычные расходы — 8 миллионов. Кроме того, существуют чрезвычайные расходы на содержание башибузуков.

В Боснии есть 2 епархии, возглавляемые, соответственно, двумя митрополитами, чаще всего греками по происхождению и всегда греками по образованию, направляемыми Константинопольской патриархией; один из них помещается в Сараево, второй в Тузле; кроме того, весь санджак Нови-Пазар, за исключением двух нахий, подчиняется митрополиту Старой Сербии, помещающемуся в Призрене. Католический же епископ всегда избирается из числа местных братьев-францисканцев и утверждается папой.

2

Сведения о соотношении численности христианского и мусульманского населения основаны на данных, которые имеются во вверенном вам консульстве.

Оценить в точности население Боснии очень трудно, поскольку обычно реестры рождений и смертей содержатся в беспорядке и считают только лиц мужского пола. Поэтому мы можем дать лишь приблизительные цифры и считать численность населения Боснии примерно равной 900 000, из которых немногим более 350 000 — мусульмане, более 1000 — евреи, более 4600 — цыгане, остальные — христиане. Поскольку реестры католического духовенства содержатся в большем порядке, мы можем с большей точностью сказать, что число католиков достигает 125 000 и, таким образом, число православных можно оценить примерно в 420 000.

33

Занятия и образ жизни христиан и мусульман: например, мусульмане ли составляют большинство земледельцев и христиане ли — большинство торговцев в городах?

Все население деревень, как мусульмане, так и христиане, является земледельцами, а в городах и поселках они занимаются торговлей и ремеслами. Любому человеку без всяких препятствий со стороны правительства может заниматься любым ремеслом по своему желанию.

4.

Могут ли христьяне владеть земельными участками на тех же правах, что и мусульмане? Если нет, в чем состоит различие?

В настоящее время закон не делает различий между подданными Порты мусульманского и христианского вероисповедания в том, что касается владения недвижимой собственностью; но если в законодательстве различий не существует, на деле они есть.

После завоевания Боснии турками христиане еще владели значительной частью земель, но мусульмане, не понимая, как можно обладать страной, не обладая исключительным правом на владение землей, и подталкиваемые чувством неутолимой алчности, постепенно лишили поработенных их владений. Тимар и Вакуф, две большие деревни в санджаке Банялука, жители которых лишились своих прав собственности незадолго до прибытия в Боснию Омер-паши, служат примером жестоких и произвольных действий турецких бегов по отношению к землевладельцам-христианам. То, что могущественные беги до появления танзимата делали, открыто применяя силу, беги, лишенные прежней силы, после появления танзимата продолжают делать, используя хитрость и коварство. Изменялись средства, но цель осталась прежней. Омер-паша, пришедший танзимат в Боснию и понявший необходимость улучшения положения бедного христианского населения, приказал, чтобы невозделанные земли, принадлежащие правительству и называемые эрази-хали и эрази-мерват, были распределены между теми, кто желает их получить, без различия вероисповедания. Среди христиан этой мерой в наибольшей степени воспользовались, главным образом, жители санджаков Сараево и Травник. Однако вскоре после того, как Омер-паша покинул Боснию, здесь вернулись к прежней системе; власти не только воспротивились предоставлению христианам подобных земельных участков, но старались и до сих пор стараются использовать все средства, чтобы отнять собственность, которой те владеют. То является турок, объявляющий себя истинным владельцем и никогда не испытывающий недостатка в свидетелях-турках; то судья находит, что христианин возделал больше земли, чем ему предоставлено правительством, и в таком случае тот должен выплатить ему якомби излишек в размере чуть ли не нынешней ее стоимости; то, наконец, когда все средства исчерпаны, участок признается «мер», то есть общим выгоном. Нам известно много случаев, когда христиане, в течение долгих лет отдававшие все свои силы и средства, чтобы сделать подобные невозделанные участки плодородными, возводившие на них различные постройки и платившие правительству необходимые налоги, принуждены были собственноручно разрушать построенное ими, ибо жестокий турок, лишенный христианина состояния, одновременно считает нужным уничтожить его и разбить его сердце.

5

Могут ли христиане, проживающие в городах, заниматься торговлей на тех же правах, что и мусульмане? Если нет, в чем состоит различие?

Христиане торгуют по всей Боснии на тех же правах, что и мусульмане, и большая часть торговли находится в их руках.

6.

Каково положение крестьян-христиан в сравнении с положением крестьян-мусульман?

Существует два рода крестьян: крестьяне-владельцы земли, которую они возделывают, и крестьяне-изметы, то есть те, кто обрабатывают землю, принадлежащую кому-то другому. Мусульмане за малым исключением, принадлежат к числу первых, тогда как христиане почти целиком относятся к числу вторых, благодаря длительному и систематическому присвоению их владений мусульманами. Уже одно это обстоятель-

ство являет собою огромное различие в их положении, как материальном, так и моральном.

Кроме того, учитывая, что райя как земледельцы платят те же налоги, что и мусульмане; что, как христиане, они платят и другие налоги, от которых мусульмане свободны; что, наконец, как кметы они должны отдавать более чем третью часть своего урожая, можно понять, что они гораздо менее зажиточны, чем турки.

7.

Допускаются ли христиане в суд в качестве свидетелей? Если нет, назовите случаи, когда свидетельство не было допущено.

Действительно, более двух лет назад здесь был получен фирман, приказывающий признавать свидетельство райя против турок, однако здесь, как и повсюду в Турции, приказ данный еще не есть приказ выполненный. Поскольку турки в целом весьма неблагоприятно встречают всё, что могло бы разорвать хотя бы одно из звеньев цепи, скрывающей несчастных райя, было бы заблуждением ожидать от них большого усердия в осуществлении этой меры, которая, изымая из ведения кади и передавая в ведение меджлисов все тяжбы между райя и мусульманами, угрожает разрушить самую турецкую из всех основ, а именно мехкеме.

Поэтому турки вовсе не спешат сообщать христианам об этой важной уступке, хотя она могла бы сильно способствовать возникновению у райя чувства некоторой веры в правительство, и достоверным является тот факт, что еще и сейчас значительной части христиан даже не известно о предоставлении им этого права.

Мы будем считать, что по этому поводу сказано всё, если упомянем еще, что в октябре месяце прошлого года высшие должностные лица Банялукки призвали, что в этом санджаке, где, в сравнении со всей Боснией, христиане составляют подавляющее большинство населения, до сих пор не было ни одного случая свидетельства христиан против турок.

8.

Улучшилось ли ныне положение христиан в целом, возросло ли уважение к ним, обращаются ли с ними теперь лучше, чем 5, 10, 15, 20 лет назад?

Бесспорно, в Боснии, как и во всей Турции, прогресс совершается очень медленно; очевидно, что значительно повысившиеся со времени введения таъзимата налоги усугубили бедность этой провинции. Правда, мы являемся свидетелями происходивших иногда сдвигов назад, как, например, недавно в Крайне и Посавине вследствие беспорядков, имевших там место; во времена Омер-паши, когда разоружение христиан ослабило и одновременно смирило их; наконец, совсем недавно, в период правления последнего вали, слабость которого дала свободу произволу бегов. Однако мы вынуждены признать, что за последние 12 лет в целом по Боснии отмечается как моральный, так и материальный прогресс. Внимательный наблюдатель даже в характере гонений, осуществляемых в последнее время, должен усмотреть доказательство того, что христиане чувствуют себя более уверенно и начинают верить в свои человеческие права. Некогда ненависть турок носила презрительный оттенок; теперь она сопровождается страхом; некогда целью насилий турок над христианами было увеличение размера их власти; теперь мусульмане совершают их для того лишь, чтобы сохранить, если удастся, прежние свои привилегии. Мы не можем обойти здесь молчанием послабления христианам в виде уменьшения налогов, сделанные в последнее время. Бедель-аскери был уменьшен наполовину, порез — на $12\frac{1}{2}\%$; наконец, размер десятины, взимаемой теперь деньгами, тоже уменьшился, если учесть, что была взята средняя за 5 лет величина сумм, выплачиваемых ильтизамджиями. Именно поэтому доходы Боснии, достигавшие до того 44 миллионов пиастров, ныне не превышают 32 миллионов.

9.

Существуют ли различия, единственной причиной которых является религиозная принадлежность, и каковы они?

Мусульманская религия утверждает различия в социальном положении христиан и турок. Обычно принято винить во всех страданиях бедных райя и в позорном их

положении исключительно коран. Мы не можем, однако, согласиться с этим мнением и полагаем, что в данном случае путают причину со следствием. Не коран возвысил турок над христианами, а сами победившие турки вознесли коран над евангелием. День, когда султан решительно заявил, что отныне и впредь он будет ценить лишь верных своих подданных, будь они турки или христиане, а наряду с равными обязанностями признает за всеми равные права, — тот день станет днем, когда самим удемам захочется превзойти себя в старании истолковать коран так, чтобы смягчить его наиболее исполненные ненависти места и ослабить их сентенциями противоположного толка.

Поэтому мы видим, что все предусматривающие благо христиан постановления, принятые со времен Махмуда II, встречали лишь незначительное сопротивление со стороны турок, хотя многие из них противоречили духу корана, да и само это сопротивление проявлялось потому лишь, что все это были лишь полумеры, не способные разрушить предрассудки нации завоевателей, и потому, что казалось, будто само правительство не испытывает серьезного желания, чтобы они были осуществлены.

10.

Что предпочитают христиане: нести военную повинность или платить налог, избавляющий их от этой обязанности? Что им выгоднее?

Мы являемся свидетелями того, как славные своим героическим духом племена, на протяжении веков доблестно исполнявшие обязанности воинов, со страхом отступили перед неумолимым рекрутским набором, перед суровой военной субординацией, перед удручающей разлукой с родиной на время военной службы. Поэтому неудивительно, что боснийские христиане, униженные четырехсотлетним игом, не хотят поступать на турецкую военную службу и предпочитают платить бедель-аскери, избавляющий их от этой повинности. Кроме того, сознавая, что они пользуются минимумом привилегий, предоставленных государством его подданным, постоянно обремененные налогами, они испытывают страх перед любым новым сближением и контактом с турками.

Таковы воззрения христиан; однако те, кто заботится об их будущем благосостоянии, должны думать иначе. Турки, как и любые варвары, признают лишь одну власть — власть грубой силы, лишь одну славу — славу, добытую в сражениях. Право носить оружие — это привилегия, а военная служба — занятие, возвышающее человека. Таким образом, разоружение христиан не должно объясняться только страхом, что они восстанут; это было сделано еще и из желания унижить их. Вот почему мы думаем, что допуск христиан к военной службе, способствуя, с одной стороны, поднятию их духа, с другой — уменьшению презрения, питаемого с ним турками, мог бы значительно улучшить их социальное положение. Разумеется, прежде чем осуществить эту меру, следовало бы внести в законодательство большие изменения, касающиеся христиан, ибо при ныне существующем положении вещей они ощущат лишь тяготы этого нововведения, но не смогут воспользоваться его привилегиями, и мера эта приведет лишь к тому, что даст туркам еще одну возможность эксплуатации бедных райя.

11.

Наталкивается ли на какие-либо трудности строительство церквей или отправленные религиозных церемоний?

Основным препятствием со стороны властей, на которое наталкиваются христиане при строительстве своих церквей, является выбор места, ибо турки всегда противятся ястройке церкви вблизи мечети или мусульманского кладбища. Кроме того, жители турки из чувства ненависти и фанатизма очень часто крючкотворствуют, дабы помешать христианам раздобывать необходимые для строительства материалы — камень, известь и т. п., и наши бедные единоверцы, обращаясь с жалобами к властям, чаще всего оказываются вынуждены одновременно платить и определенные суммы, чтобы избавиться от таких придираков.

Мы не можем обойти молчаньем одно очень серьезное препятствие, которое встречаются райя при постройке церквей. Оно заключается в том, что трудно получить необходимый для этого ферман. Хотя, согласно недавнему хатт-и хумаку, такой документ может быть выдан бесплатно, тем не менее для того, чтобы получить его, митрополиты вынуждены выплачивать низшим чиновникам Порты в виде подарков от одной до полутора тысяч, а порой и более, пиастров. Митрополиты, естественно, хотят вернуть затраченные ими деньги, а христиане чаще всего бедны и не в состоянии платить такие суммы. Нам известно несколько случаев, когда митрополит дарил ферман совсем бедным общинам, но известны нам и другие случаи, когда христиане не получили фермана, так как не захотели или не смогли выплатить требуемую митрополитом сумму.

Что касается отправления религиозных обрядов, например, похорон и различных шествий, вот уже лет двенадцать как они не встречают никаких препятствий со стороны властей, да и сами жители-мусульмане в подобных случаях не выказывают ни презрения, ни неодобрения.

12.

Каковы истоки притеснения христиан: акты правительства или фанатизм населения?

Хотя нам не известно ни одного случая, когда можно было бы сказать, что притеснения христиан вызваны непосредственно правительством, однако последнее в силу своего пристрастия к туркам, своей небрежности в наказании случаев несправедливости, допущенной по отношению к христианам, оказывается тем самым виновно в них, и его следует считать истинной причиной зла. Это суждение тем более справедливо, что местные органы управления (т. е. меджлисы) состоят исключительно из представителей тех, кто допускает несправедливости. Эта мысль найдет более подробное развитие в последующих статьях.

13.

Допускаются ли христиане к участию в меджлисах или местных советах? Способствует ли прогрессу общее направление деятельности этих учреждений?

В состав меджлисов, при которых повсеместно состоят лица, именуемые ходжа-баши, по одному от каждого христианского вероисповедания, входят: каймакам или мудир, кади, муфтий, мал-мудир (финансовый чиновник), иногда зират-мудир (по сельскому хозяйству) и какое-то количество бегов — все, естественно, турки. По замыслу правительства, эти члены (за исключением чиновников) должны были бы избираться населением, — подразумевается только турецкое население, ибо христиане в нынешнем их положении лишены законных прав.

Однако все происходит по-иному, выборы являются не более чем видимостью, и часто один из наиболее влиятельных бегов вводит в меджлис своих ставленников таким образом, что в основном все члены меджлиса вместо того, чтобы представлять нахию, являются не более чем орудиями одного единственного человека. Таким образом, если меджлис города не представляет нахии, еще в меньшей степени меджлис санджака может представить весь санджак, а сараевский меджлис — всю провинцию. Именно в силу этого двое братьев Узунья, высланные из Боснии Омер-пашой как враги танзимата, по возвращении своем сюда являются истинными хозяевами Боснии, поскольку им удалось ввести своих ставленников во все меджлисы в качестве их членов.

Нетрудно понять, что при таком составе меджлисов, при таком могуществе старой турецкой партии меджлисы скорее служат препятствием на пути прогресса, чем способствуют ему. Что касается ходжа-баши, я с уверенностью могу сказать, что ввиду значительного превосходства турок, как численного, так и морального они не пользуются никаким влиянием в меджлисах, тем более что самые зажиточные христиане — это торговцы, которые из боязни нанести ущерб своим личным интересам отказываются от должности ходжа-баши, которая чаще всего оказывается занята за вознаграждение людьми бедными, не пользующимися ни почетом, ни уважением, к которым члены меджлиса — турки относятся почти как к своим слугам.

324

14.

Если нет, не думаете ли вы, что можно было бы ограничить их права таким образом, чтобы там, где они полезны, сохранить их власть, а там, где они вредны, ослабить их влияние или упразднить их?

Из сказанного выше можно заключить, что неприятности, которые испытывают христиане от учреждения меджлисов, происходят от двух недостатков последних: во-первых, они, вопреки своему предназначению, представляют лишь небольшую часть турецкого населения; затем, в них, можно сказать, совершенно не представлено христианское население. Несмотря на это, мы думаем, что их не следует ни упразднить, ни ограничивать в правах. Поскольку помимо юрисдикции их задача заключалась лишь в том, чтобы помогать советами государственным служащим, мы не видим, каким образом можно было бы ограничить их власть, ибо если даже они и пользуются какой-то властью, это происходит лишь в силу злоупотребления и из-за бездарности служащих. Тем более, по нашему мнению, их не следовало бы упразднить и не только потому, что мы видим в них зародыш будущего христианского национального правления, но еще и потому, что малоодаренные и полуневежественные чиновники едва ли были бы в состоянии вести дела без помощи меджлисов и поневоле оказались бы во власти лестоцов и интриганов, влияние которых, вероятно, принесло бы больше вреда, чем влияние меджлисов.

Нам остается лишь изыскивать способы исправить недостатки этого учреждения таким образом, чтобы оно отвечало истинному своему предназначению. Мы думаем, что для достижения этой цели надо было бы, чтобы число христиан и турок в меджлисе было бы равным и чтобы все его члены соответственно избирались и периодически переизбирались народом. Кроме того, состав меджлисов должен быть таков, чтобы: 1) меджлисы нахий действительно представляли нахии; 2) в меджлисы санджаков в качестве их членов входили представители от всех нахий; 3) в сараевском меджлисе были представлены все санджаки. Все члены должны иметь полномочия и получать некое вознаграждение, особенно если учесть, что христиане в большинстве своем очень бедны. Для того, чтобы оплата членов меджлисов не была обременительна для правительства, можно было бы уменьшить размеры жалования генерал-губернатора, каймакамов и даже мудилов.

15.

Каково ваше мнение об изъятии юридической власти из ведения меджлисов и о создании отдельных от них судов? Каковы ваши соображения относительно организации этих судов?

Если меджлисы будут составлены так, как мы предлагаем выше, изъятие юридической власти из ведения меджлисов и создание судов было бы, по нашему мнению, совершенно бесполезным, по крайней мере, пока. Следовало бы только настоять на том, чтобы торговый кодекс, которым руководствуется тиджарет-меджлис (совет по делам торговли), был введен и во всех остальных меджлисах — как санджаков, так и нахий. Кроме того, естественно, было бы необходимо, чтобы в Сараеве тиджарет-меджлис, а также истинтак-меджлис (следственный совет) имели тот же состав, что и остальные меджлисы, чтобы в них входило в качестве их членов равное число христиан и турок.

16.

Замечается ли среди турок сильное стремление к обращению христиан в ислам? Были ли случаи насильственного обращения и какие именно?

Нам никогда не доводилось замечать среди мусульманского населения стран никакого стремления к обращению христиан в мусульманскую религию, хотя следовало бы предположить, что в своем фанатизме мусульмане вполне могут желать увеличения численности своих единоверцев; нам не известно также ни о каких случаях насильственного обращения.

17.

Что лежит в основе случаев обращения женщин: религиозное воодушевление или иные, мирские цели? Можете ли вы указать эти цели?

325

Нам случалось наблюдать немало случаев, когда женщины-христианки переходили в мусульманскую веру, но эти обращения никогда не были вызваны убеждением или религиозным фанатизмом.

Христиане, будучи чаще всего бедны, не всегда в состоянии прокормить свои семьи и порою вынуждены отдавать своих малолетних еще дочерей в услужение к туркам, где те растут, воспитываются, как турчанки, и лишь номинально являются христианками. Поскольку с ними хорошо обращаются и сытно кормят их, они редко изъявляют желание вернуться к своим родным, очевидно бедным и презираемым, и часто в конце концов выбирают мусульманскую религию, чтобы выйти замуж за турка, в союзе с которым надеются обрести некоторое благосостояние, чего не могут найти в родном доме.

Впрочем, нам известно много случаев, когда митрополиту становилось известно о подобных намерениях девушек и удавалось отговорить их от таких планов, и если случаи обращения все же, увы, достаточно часто имеют место, винить в этом следует христиан, а порою даже и священников, которые в этой связи проявляют исключительную беззаботность.

18.

Какие наиболее легко осуществимые и наименее дорогостоящие меры следовало бы принять, чтобы восстановить справедливость и улучшить общее состояние страны?

Для улучшения положения и повышения уровня благосостояния христианского населения Боснии, прежде всего, необходимо было бы полностью устранить противоречия между шариатом и сводами законов и таким образом улучшить полную недостатков судебную систему. Для достижения этой цели следовало бы свести воедино все уже существующие ферманы, преследующие пользу христиан, дополнить их новыми, и кадии оказались бы вынуждены дерзать экзамен как по шариату, так и по законам, в соответствии с которыми им надлежало бы выносить свои приговоры. Они согласились бы на это тем более легко, что ныне судебные подати взимают каймаками, и кадии, не получающие вознаграждения от правительства, почти совсем лишены средств к существованию. Само собою разумеется, процесс должен слушаться не одними только кадиями, а всем меджлисом; в случае же сильной занятости его членов административными делами — при участии нескольких его членов, как христиан, так и турок. Для того, чтобы эта мера оказалась еще более действенной, необходимо было бы перевести текст всех законов на боснийский язык, дабы они стали понятны народу. Одновременно следовало бы призвать имеющими законную силу все документы, написанные на языке страны. Мы имеем тем больше оснований выдвинуть эти предложения, что они не введут правительство в новые расходы.

Однако поскольку любое усовершенствование судебно-правовой системы остается для христиан иллюзией, пока они унижены бедностью, необходимо было бы прежде всего поднять их жизненный уровень и уравнивать их с турками, увеличив их занятость. С этой целью мы предложим лишь такие средства, которые способны улучшить материальное положение христиан и привести к повышению благосостояния страны в целом, не ущемляя прав турок.

Благосостояние Боснии основывается, главным образом, на сельской экономике и поэтому может быть улучшено только посредством содействия развитию сельскохозяйственного производства. Для того, чтобы доходы Боснии достигли самого высокого уровня, необходимо, чтобы крестьянин возделывал свою землю со знанием, удовольствием и любовью, чтобы он старался улучшить ее, вкладывая в нее труд и средства, затраты которых со временем обернутся значительным увеличением его доходов и ростом его благосостояния.

Однако в настоящее время боснийские кметы находятся в совершенно ином состоянии. Будучи постоянно под угрозой либо полного изгнания землевладельцами с земли, которую они возделывают, либо лишения части ее, они не могут совершать никакой работы, плоды которой видны не сразу, и не осмеливаются делать затрат, которые не окупятся в тот же год; вот почему страна дает в среднем едва ли половину того, что можно было бы получать с таких земель в развитых странах.

Для устранения этого зла мы могли бы предложить следующее:

1. Рассматривать закон о несменяемости судей не как «мертвую букву», но как истинный закон, и выполнять его; сделать кмета как бы совладельцем земельного участка, предоставив ему право возделывать его по своему усмотрению, но не ущемляя прав землевладельца; одновременно следовало бы дать кметам гарантию, что они могут быть полностью или частично лишены своих участков лишь в том случае, если правительство достоверно установит факт их пренебрежительного отношения к своим обязанностям.

2. Следовало бы вменить в обязанность агам, которые в настоящее время платят за своих кметов лишь третью часть пореза (налога), платить две трети, ибо, если принять во внимание, что кмет поставляет семенное зерно, затрачивает труд и несет различные расходы, выходит, что ага получает, по крайней мере, две трети чистого дохода с земельного участка.

3. Желательна отмена взимаемого правительством налога, именуемого десятиной, и замена его налогом, взимаемым пропорционально размеру и стоимости земельных участков; взимание такого налога было бы менее затруднительным и дорогостоящим, а землевладелец был бы заинтересован в том, чтобы его земли не пустовали.

4. Следовало бы повсеместно облегчить христианам покупку земельных участков, особенно тех, которые ныне предназначены правительством к продаже, и власти должны были бы получить приказание о раздаче христианам невозделанных земельных участков для их раскорчевки.

19.

Возможно ли создать смешанные школы без различия классов и вероисповедания? Каков был бы результат такой меры?

К несчастью, мы вынуждены признать, что ни турецкие школы вообще, ни смешанные школы, если бы они были созданы, не могут дать благотворных результатов, способствующих просвещению и терпимости.

Турецкие школы мектебе-ружиди, восемь лет назад открытые в Боснии, доказывают, что турецкая система весьма медлительна, что их преподаватели в большинстве своем не обладают достаточными знаниями, а преподаваемые там предметы совершенно бесполезны для общественной жизни, тем более, что боснийский язык там вообще не употребляется. Мы не думаем, что при таких обстоятельствах посещение этих школ детьми христиан пошло бы на пользу умственному развитию последних. Кроме того, учитывая фанатизм мусульманских преподавателей, привилегированное положение школьнико-турок и религиозную направленность образования, нельзя рассчитывать ни на что хорошее и в плане взаимной терпимости. Трудно надеяться и на то, что турецкое правительство создаст школы в соответствии с европейской системой — с несколькими преподавателями-христианами и боснийским языком в основе обучения; еще менее следует надеяться, что турки станут посещать подобные школы.

20.

Считаете ли вы возможным назначение христиан вице-губернаторами провинций, населенных, главным образом, христианами, и чтобы эти вице-губернаторы не зависели от турецкого паши, а состояли в непосредственной связи с Портой?

Если бы были введены все предложенные нами меры и, главным образом, справедливое и пропорциональное представительство христиан в меджлисах, особенно в Сараевском, если бы боснийский язык был признан государственным языком, если бы были ликвидированы различия между турками и христианами в праве на владение оружием, — только тогда можно было бы доверить христианам выполнение административных обязанностей, ибо такая мера подняла бы дух раия и пробудила бы в них доверие к правительству. Местами, где можно было бы попробовать это сделать, являются санджак Банялука (к которому, возможно, стоило бы присоединить часть нахии Течие, относящейся к санджаку Травник, дабы усилить большинство христиан) и западная часть санджака Травник, то есть почти вся нахия Запца и нахии Зезеро, Гламоч и Ливно, поскольку в этих местах преобладает христианское население и, кроме того, они граничат с Австрией.

Дипломники, назначенные в эти места каймаками и вице-губернаторами, должны иметь и сейчас предоставленное всем каймакам право сношения непосредственно с Портой, а для достижения гармонии административного управления должны подчиняться сараевскому паше; при произволе с его стороны они нашли бы поддержку в междоусобицах, усиленных депутатами-христианами.

Однако, по нашему мнению, эта благотворительная мера может быть осуществлена лишь в том случае, если будут сделаны все прочие уступки, ибо при нынешних обстоятельствах служащие христианского вероисповедания либо должны будут подчиниться воле турецких бегов, действуя в качестве их орудий и узаконивая таким образом угнетение раи, либо, действуя беспристрастно, вместо того чтобы сделать эти области счастливыми, лишь пробудят страсти, и нынешнее спокойствие страны легко обернется революцией.

156

Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому
о прекращении наступления турецких войск против Зубцов
и о посредничестве в этом черногорского князя

№ 68

4 (16) марта 1861 г. Мостар

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

По последним известиям, полученным мною, видно, что мушир-паша выступил из Требинье с 3-мя батальонами в Билеки, где и находится в настоящее время. Таким образом, предпринятая было Дервиш-пашою экспедиция против зубчан окончена и, как вашему сиятельству благоугодно было усмотреть из предыдущих моих донесений, не в пользу турецких войск¹.

Не говоря уже о потере, более или менее значительной, понесенной турками в деле 16 (28) февраля, отступление Дервиш-паши из предела Зубцев совершенно деморализовало турецкие войска и еще более убедило наших единоверцев в бессилии их правительства.

Кроме того, как ни стараются мушир и местные власти окружать себя величайшею тайной, все предпринимаемые ими с этой целью меры недостаточны для достижения цели, и я имел случай узнать, что Исмаил-паша по телеграфу получил приказание от Порты прекратить наступательные действия и сохранять оборонительное положение. Верность этого сведения еще более подтверждается приемом, сделанным муширом Вацлику, секретарю черногорского князя, о поездке которого в Требинье я имел уже честь доносить вашему сиятельству от 26 февраля сего года².

Консул наш в Рагузе, сообщая мне о свидании своем с Вацликом при возвращении последнего в Цетинье, говорит, что Вацлик был принят весьма любезно Исмаил-пашою, который выслушал с большим удовольствием миролюбивые предложения князя и обещал остановить движение войск против зубчан и других племен. Понимая, что, видя постыдное бегство Мехмед-паши из Суторино в Рагузу и не менее постыдное отступление Дервиш-паши с значительными силами пред горстью христиан, получив кроме того приказания прекратить наступательные действия, мушир с удовольствием принял посланного черногорского. Я не могу поверить, чтобы он чистосердечно обещал даровать христианам требуемое ими. Уже три года тому назад заключены условия всех пограничных с Черногорием христианских племен, по которым правительство обещало им полную свободу в внутреннем их управлении, между тем Исмаил-паша, прибыв сюда для успокоения страны, первый нарушил это условие³, предписывая в своих буюрунтях Зубцам, Баньянам и Пиве, копии с ка-

ковых я уже имел честь представить вашему сиятельству, приготовить все нужное для постройки в их пределах домов для мудилов, чего именно не хотят наши единоверцы.

По сему я полагаю, что данное муширом обещание удовлетворить требованиям христиан, останется без последствий, как и обещания его предшественников, а христиане, убедившись на опыте, что подобным обещаниям нельзя доверять, не придут к муширу, тем более, что жестокость его всем хорошо известна и поп Богдан и доселе находится в Мостаре.

При сем долгом считаю представить вашему сиятельству копию с ноты, сообщенной мне г. Петковичем, Вацлика муширу.

Вчера прибыл сюда один батальон из Ипека для занятия караулов. Вчера же получено здесь известие о прибытии турецкой комиссии в Рагузу⁴.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

Вал. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 47—48. Подлинник.

¹ Герцеговинцы начали борьбу против Порты в Суторине, куда в конце января 1861 г. прибыл Лука Вукалович по главе отряда. Военные действия развернулись также в Зубцах, против населения которых была направлена экспедиция во главе с Дервиш-пашой. 12 февраля 1861 г. после отказа османского командования очистить караульный пункт в Суторине он был разрушен. 14 февраля повстанцы разбили турецкие войска при Драче (см.: *Павичевич Б.* Црна Гора. . . , с. 100).

² Секретарь черногорского князя Николая Йован Вацлик был направлен князем в Требинье 20 февраля 1861 г. для переговоров с муширом Исмаил-пашой с поручением убедить Турцию не предпринимать карательной экспедиции против повстанческих районов — Зубцы, Баньяны, Пива, Дробняк и Шаранцы. Восстановление мирных отношений в Герцеговине предусматривалось на условиях сохранения самоуправления в пограничных областях и полной амнистии для повстанцев. Черногорское правительство со своей стороны пообещало принять все зависящие от него меры для восстановления спокойствия в Герцеговине, а Исмаил-паша заверил, что он пойдет на уступки, потребовав, однако, чтобы повстанцы изъявили покорность и прислали для переговоров доверенных лиц. Миссия Вацлика не дала результатов, так как и Порты, и Черногория не намеревались выполнять своих обещаний на деле, стремясь лишь выиграть время. (К. Д. Петкович — В. П. Балабину 21 февраля (5 марта) и 26 февраля (10 марта) 1861 г. см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 46, 52—53; *Павичевич Б.* Црна Гора. . . , с. 121—124).

³ После определения в 1860 г. черногорско-турецкой границы повстанческие районы — Зубцы, Баньяны, Дробняк и Шаранцы — были оставлены в составе Османской империи. Герцеговинцы согласились выразить покорность султану, надеясь, что османские власти не будут вмешиваться в их внутреннее управление. Они потребовали также, чтобы Порты определила сумму общих ежегодных налоговых поступлений, взимаемых неосманской администрацией, а представителями органов местной власти. Однако Турция не соблюдала свои обещания. По этому поводу К. Д. Петкович говорил, что «в последние три года турецкие паши и комиссары в Герцеговине понападали христианам много обещаний, но не привели в действие ни одного из них» (Петкович В. П. Балабину, 26 февраля (10 марта) 1861 г. см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 52 об.).

⁴ Е. Р. Жулепников сообщал А. Б. Лобанову-Ростовскому 10(22) января 1861 г. о том, что в Герцеговине создана турецкая комиссия во главе с Исмаил-пашой для изучения положения христианского населения (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2325, л. 8—10 об.). Во избежание вмешательства европейских держав Порты дала согласие на ее формирование. В ее состав вошли: чиновник турецкого министерства Ибрагим-бей, греческий епископ Антим и армянский священник (фамилия неизвестна). Однако комиссия так и не смогла начать свою деятельность ввиду того, что Порты не захотела пойти на уступки герцеговинцам (см.: *Павичевич Б.* Црна Гора. . . , с. 115—120. К. Д. Петкович — Е. П. Ковалевскому, 5(17) марта 1861 г. — АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 55).

Донесение К. Д. Петковича Е. П. Ковалевскому о действиях
представителя Порты в Герцеговине и прибытии комиссии
для рассмотрения жалоб христиан

№ 91

5 (17) марта 1861 г. Рагуза

Милостивый государь Егор Петрович!

Вашему превосходительству не безызвестно, что великий везирь, которому Порты поручила в прошедшем году объехать провинции Европейской Турции для того, чтобы узнать на месте состояние христианского населения, не посетил Герцеговины и что для этого недавно был послан в Мостар мушир Измаил-паша.

Этот сановник доселе не сделал еще ничего для удовлетворения жалоб наших единоверцев и облегчения незавидной их участи, а, напротив, посвящает всю свою деятельность тому, чтобы подчинить опять своеволю и злоупотреблениям местной турецкой администрации смежные с Черногорием герцеговинские племена, которые столько раз уже обманывали щедрими, но пустыми обещаниями. Он теперь находится в Билече вместе с Дервиш-пашою, где сосредоточены значительные силы регулярных войск и башибузуков, с которыми намерен вторгнуться в пределы упомянутых племен. Старшины были призываемы им в Мостар и Требинье, но наши единоверцы потеряли всякое доверие к турецким властям и не решаются идти к ним из опасения, чтобы не посадили их в тюрьму, как это сделал в прошедшем году Дервиш-паша¹.

По словам одного зубчанина, приходившего ко мне на днях с письмом от Луки Вукаловича, положение упомянутых племен в настоящее время самое бедственное. Узнав о приготовлениях турок против них, они поспешно покинули свои хижины и удалились в горы, покрытые еще глубоким снегом, где живут хуже диких животных, укрываясь от холода в пещерах и под деревьями и питаются только одним мясом.

Не знаю, сделает ли мушир что-нибудь лучшее для христиан, когда присоединится к нему комиссия, приехавшая сюда на днях из Константинополя и состоящая из чиновника турецкого министерства Ибрагим-бея, греческого епископа Антима и одного священника армяно-католика. Эта комиссия составлена из лиц всех вероисповеданий, каким принадлежит народонаселение Герцеговины, для того будто, чтобы они верно и беспристрастно исследовали положение страны, но, принимая в соображение результаты, какие были получаемы доселе от других турецких комиссаров, приезжавших в Герцеговину, начиная с Кемаль-эфенди, подготовившего граховскую битву с черногорцами, я сомневаюсь, чтобы она принесла какое-нибудь добро нашим единоверцам, тем более еще, что она будет действовать вне всякого иностранного контроля². Сам епископ Антим при посещении меня признался, что все эти турецкие комиссии суть не что иное, как средство прикрыть слабость и злоупотребления турецкой администрации и показывать в то же время перед Европою, что делается что-нибудь для улучшения положения христиан. Он избран членом комиссии для того, чтобы узнать жалобы и нужды православных христиан, но каким образом он это делает, когда не может отдельно от турок иметь непосредственные сношения с православными и когда принужден выслушивать и подписывать то, что только благоугодно будет пашам представить ему? Турки не решаются сами никогда, потому что это не выгодно для них, обличить свои слабости и недостатки и признать справедливость жалоб и неудовольств христианского народонаселения, поэтому они всегда стараются толковать и представлять таковые жалобы в превратном смысле,

т. е. что они будто преувеличены или выдуманы или что суть следствие внешних влияний. Едва ли я погрешу, если позволю себе заметить, что Измаил-паша, начальник комиссии, кончит тем, что все неудовольствия христиан в Герцеговине припишет черногорцам и докажет в своих рапортах, что христиане были бы вполне счастливы под отеческим кровом турецкой правдолюбивой администрации, если бы только Черногория не волновала и не бунтовала их. И теперь уже видно из его действий, что он совсем оставил в стороне главный предмет своего поручения и занимается исключительно приготовлением оборонительных и наступательных средств против Черногории³. Нельзя поверить, чтобы значительные силы, которые набираются не только из всей Герцеговины, но также и из Боснии, были назначены только для усмирения вышеупомянутых мною племен. Кроме того, наш консул в Мостаре уведомил меня, что губернатор Боснии Осман-паша отправил на днях в границы Черногории с отрядом из 1000 человек известного черногорского выходца Луку Радонича, пробравшегося вероятно в Боснию из Сербии. Занятые страхом, что черногорцы будто бунтуют райо, турки в свою очередь прибегают к революционным средствам против нее.

По словам всех христиан, приезжающих сюда из юго-восточной части Герцеговины, в этой провинции делаются большие военные приготовления в настоящее время, но местное мусульманское население не имеет вообще большой охоты драться с черногорцами, которое, кроме воспоминаний о граховской битве, напугано еще предсказаниями какого-то турецкого книжника-пророка, появившегося в Требинье: по его предсказаниям, карадаглы (черногорцы) должны в этом году пройти всю Герцеговину и занять самую столицу Боснии — Сараево.

С глубочайшим почтением и неограниченную преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 55—57 об. Подлинник.

¹ Неудачи, постигшие Дервиш-пашу в борьбе с повстанцами в Зубцах (см. донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому № 52 от 16(28) февраля 1861 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 38—41 об.), заставляли его предпринимать неоднократные попытки договориться с руководителями восстания. Повстанцы неохотно шли ему навстречу, поскольку турки не выполняли свои обещания по соглашению 1859 г. Имеются в виду переговоры части повстанцев с турками, начатые 3 июля 1859 г. в Зубцах, затем продолженные в Требинье и Дубровнике, в результате которых была достигнута договоренность о прекращении восстания на следующих условиях: харач становится основным налогом, нерегулярные турецкие войска (башибузуки) оставляют Герцеговину, вместо третины выплачивается четветина, назначается новый владыка, знающий сербский язык (см.: *Борович В.* Лука Вукалович и герцеговачки устанци 1852—1862 г. Београд, 1923, а также док. 156 и примеч. к нему).

Аналогичные требования выдвинули Измаил-паше воевода Баиян и другие старшины в Билече. Не веря на слово турецким властям, они требовали гарантий и исполнения прежних обещаний Кемаль-эфенди и Дервиш-паша, а именно: платить султану и земледельцам-мусульманам, что следует, а судиться и управляться своими старейшинами без вмешательства турок (см.: К. Д. Петкович—Е. П. Ковалевскому от 17(29) марта 1861 г. № 99. — АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 723, л. 60—65).

² См. док. 70.

³ Турецкие власти верно определяли поддержку Черногории как один из важнейших факторов успешной борьбы герцеговинцев. К. Д. Петкович специально останавливался на этом вопросе в своем донесении Е. П. Ковалевскому от 17 (29) марта 1861 г. № 99 (см. примеч. 1). Он писал, что решимость поднять оружие против турецкого угнетения, упорное сопротивление их было бы невозможно, если бы за их спиной не стояла Черногория, куда в случае крайней беды они переводили свои семейства и имущество.

Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову об
отказе Порты удовлетворить требование европейских держав
относительно создания международной комиссии по делам
Герцеговины

N 44

7 (19) марта 1861 г. Пера

Mon prince,

La note identique que j'ai eu l'honneur de soumettre à votre excellence par ma dépêche du 28 février (12 mars) N 42, a été remise à la Porte par les cinq Représentants. Elle n'a pas trouvé un accueil favorable auprès du Gouvernement turc. Aali pacha m'avait déjà fait pressentir que la Porte accepterait difficilement la proposition de former une Commission appelée à exercer une intervention directe dans les rapports du gouvernement ottoman avec des sujets insurgés.

Etant revenu hier sur cette question, Aali pacha m'a dit que notre proposition avait été soumise aux délibérations du Conseil des Ministres; que la Porte envisage l'insurrection de l'Herzégovine comme une affaire intérieure qui exclut toute ingérence étrangère. «D'ailleurs», — ajouta-t-il, «en ce moment même il y a sur les lieux une commission envoyée par la Porte et chargée de vouer tous ses efforts à la pacification de cette province; on ne peut ni nous accuser d'un manque de sollicitude à l'égard des populations, ni nous contester le droit, lorsque tous les moyens de conciliation auront été épuisés, de recourir à la force pour réprimer l'insurrection».

Quant à la seconde partie de notre proposition, concernant la délimitation des propriétés privées en litige sur la frontière de l'Albanie, Aali pacha me dit que ses ordres allaient être envoyés pour hâter l'application des mesures qui avaient été recommandées à la Porte l'année dernière par les cinq représentants.

Dans ma réponse je m'appliquai à démontrer une fois de plus l'insuffisance des expédients auxquels on avait eu recours jusqu'ici pour calmer les esprits en Herzégovine; les promesses solennelles faites par les commissaires du sultan n'ont jamais été remplies, — il est donc naturel que les habitants aient perdu toute confiance dans les assurances qui peuvent leur être prodiguées; les collisions sanglantes se renouvellent et menacent de prendre des proportions qui compromettent la tranquillité générale de l'empire; pour donner une valeur réelle aux engagements que la Porte contracterait envers les populations, l'intervention de l'Europe est indispensable; elle seule peut encore arrêter un mouvement dont il est difficile de prévoir dès à présent l'extensoin et les conséquences.

J'ai pu me convaincre que la Porte était fermement décidée à opposer un refus pur et simple à notre démarche; mes collègues ont reçu la même réponse. Cependant nous nous réservons de revenir avec insistance sur notre proposition; M. de Lavalette a reçu de Paris un telegramme d'après lequel le cabinet des Tuileries approuve entièrement son langage, et l'informe que le gouvernement britannique a également exprimé son adhésion à la marche que nous avons adoptée¹.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, mon prince, de votre excellence le très humble et obéissant serviteur

A. Lobanov

АВРР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 35, л. 267—268 об. Подлинник.

Перевод

Мой князь, идентичная нота, которую я имел честь представить вашей светлости с моей депешей от 28 февраля (12 марта) за № 42, была вручена Порте представите-

лями пяти держав. Она была неблагосклонно встречена турецким правительством. Али-паша уже дал мне понять, что Порте трудно будет принять предложение о создании комиссии, призванной осуществить прямое вмешательство в отношении османского правительства с его мятежными подданными.

Вчера, вернувшись к этому вопросу, Али-паша сказал мне, что наше предложение представлено на обсуждение совета министров; что Порте расценивает восстание в Герцеговине как внутреннее дело, исключаящее всякое постороннее вмешательство. «Впрочем, — прибавил он, — в настоящий момент на местах находится комиссия, направленная Портой и призванная приложить все усилия к усмирению этой провинции; нас невозможно ни обвинить в недостатке участия к населению, ни оспаривать у нас права прибегнуть для подавления восстания к силе в том случае, если все средства примирения будут исчерпаны».

Относительно второй части нашего предложения, касающейся установления границ спорных частных владений на границе с Албанией, Али-паша сказал мне, что в ближайшем будущем будут направлены приказания, имеющие в виду ускорение осуществления мер, рекомендованных Порте в прошлом году представителями пяти держав.

Отвечая ему, я постарался еще раз показать, что средства, к которым до сих пор прибегали для успокоения умов в Герцеговине, недостаточны; торжественные обещания уполномоченных султана никогда не выполнялись, поэтому естественно, что население утратило всякое доверие к заверениям, которые могут быть ему даны; кровавые столкновения возобновляются и угрожают принять такие размеры, что могут нарушить спокойствие всей империи; для придания реального веса тем обязательствам, которые Порты возьмет на себя по отношению к населению, необходимо вмешательство Европы; только она одна может еще остановить движение, размах и последствия которого сейчас трудно предвидеть.

Я мог убедиться, что Порты исполнена твердой решимости ответить на наш демарш категорическим отказом; мои коллеги получили такой же ответ. Однако мы оставляем за собою право настаивать на нашем предложении; г-н Лавалет получил из Парижа телеграмму, согласно которой тюльрийский кабинет целиком одобряет все сказанное им и сообщает ему, что британское правительство также выразило свое одобрение избранной нами тактике¹.

Честь имею быть с глубочайшим почтением, мой князь, вашей светлости низайшим и покорнейшим слугою

А. Лобанов

¹ Под давлением европейских держав Порты была вынуждена все же согласиться на создание международной комиссии по герцеговинской проблеме (см. примеч. 1 к док. 160).

Письмо игумена монастыря Дужи Н. Дучича К. Д. Петковичу со сведениями о ходе восстания в Герцеговине

3 апреля 1861 г. Дужи

Многоуважаени г. Константин Петковић!

Ваша два уважена и мени веома мила писма примио сам, једно од 23. а друго од 29. прошлога мјесеца. Оба два су ми примијела прилично олакшање мислих и бригах у садашњијем хрѣвијем и мутијем околностима. Хвала вам, срдачно хвала! Ну, да наставимо новости, које се без . . . *

* Слово неразборчиво.

не могу испричати. Султанска комисија, која се наводи у Мостару, послала је једно своје писмо, с једне стране, на српскоме, а с друге на турском језику, ће су сви заједно с муширом подписани, и управљено на поглаваре зубачке, крушевичке и драчевичке, позивајући их, да са покре и у Мостар дођу¹. Па ако се имају што тужити, то нека се у Мостару туже, и ако тужба буде умјестна и достојна уважења, тада ће им се штогођ олакшати. Овака писма послана су и у Бањане, Гацко, Пиву и Дробњако. Ово за Зубце дошло је на Мехмед-пашу у Требиње, којему Мушир-паша пише, да по игману дужкоме или његову намјестнику Нићифору и још неколика паметна трговца пошаље комисијунско писмо у Зубце, па да им га предаду и разборито насјетују, да се покре. Немогући игман отићи, мени е требало нега заступити, али много сам се трудио и код паше молио, да ја не идм међу Зубце; но међис и паша никако неће мене оставити говорећи: «други, као ти, не зна им разказити ни насретовати их». Ја, пак, едва сам у срцу прије желио и чекао, кад ћу поћи, да се састанем с војводом Вукаловићем, и да се разговаримо и договоримо о будућој срећи и слободи јадних Србаљах; а Турцима сам из политике говорио, да ја не смјем у Зубце ићи. Неће ми ме оставити, најпошље с једним калуђером и тројицом трговаца из Требиња поћемо и понесемо писмо 29. прошлога. Управодимо к војводи Вукаловићу. Тамо нас он врло лијено прими и дочека, и са мном се насаму разговарао о свачему, а највише о предузетој јуначкој радњи за слободу српскога угњетеног народа. А на моју молбу срдито је викао на мене пред мојом дружином, такође и на них. А и паши и Турцима срдитом је одговорио, и као што са пристои једноме војводи и поглавару побунених. Одговорка: «ја никад нећу жив доћи у турске руке на сам њихов позив, без предстаниках других еропских државах. А досад сам тражио право од султана само за ове горње предјеле, а сад, у име бога, тражим за сву Херцеговину и Босну: или ћу главу изгубити, или ћу правичу и слободу народу српскоме добити; друштво се нећу оканути за њего! А Турци ако неће дати право, нека поведу све, што имају војске, у славу бога, а ћу их дочекати, као што сам их скоро дочекао и свијех раздјела». Нас је свачијем заклео, да све овако паши кажемо; а одписаће паши и комисији до неколика дана. Уколико је мени насаму одкрио и повјерио неће мировати; ако Турци опет на Зубце не оду, а он ће под исто у Шуму доћи. Осим Црногораца, говори, да ће и многи Србљи из Боке — својевољно доћи и шљим заједно борити се за слободу своје браће. Ја не могу знати како ће се овај покрет свршити, али зна се да ће бити доста муке и посла. Најпошље ја сам говорио војводи, да на мене виче с Бог Тураках. Кад смо се од њега вратили у Требиње, ово смо казали паши и осталијем Турцима, оно, што нас је заклео да кажемо. Најпошље као и најприје казао сам паши, да је мене много ружно и одмах под стражу у једну колибу ухапсио и т. д. А и војвода ми је рекао да тако кажем. Ја сам му читао писмо од комисије, или је веома ружно и опорно; у њему нема ни спомена за какву олакшању и правичу, и да је био намјеран покрити се Турцима. Кад је видио и чуо, шта је у писму, тада не би се покорио. Хвала богу, знате, да у Тураках нема ништа друго да само лаже и преваре. Они су скоро пошли оружаном руком, да покре Зубчане, па им не могосе ни пера одбити него срамотно побјегосе, па сад закревају да им дођу на позив њивого лажнога писма! Ја сам читао писмо у Вукаловића од Петра Стефанова, у којему пише војводи да тако, као и досад ради и поступа, а до мало времена да ће заједно и јавно крв пролијевати.

30. прошлога удари једна чета на царско брашно у Корјенићима, које је гоњено у Клобук, те отме неколико товарах, ранивши се 4. низама, а један Корјенић, Турчин, погине на мртво а остали тани не могосе ућерати у Клобук. 31. прош[лог] иста чета запади неколико турскијех ку-

ћах у Корјенићима. Турска војска куд ја гођ досад кренула на побуњенике, свуда је и сваки пут изгубила и са својом со штетом натраг повукла. Кад е 24 прош[лог] био бој в Бањанима, Дервиш паша изгубио је 20 низама, 10 баши-бозуках и преко 50. рањенијех. А Банани су изгубили само једнога! По Рудинама јадни хришћани сасвијем пропадосе, Турци им све поробише. Допло је за јадне хришћане пошледња вријеме тако да већ под овакијем злијем и неправеднијем турскијем правленијем хришћани не могу живљети. Ма како ће и моћи? Кад најпрвији Дервиш паша, па сви остали турски заповједници и судници кријући подговарају Турке јарамазе, да свакога хришћанина, био покран не био, робе, глобе и убијају! Јево једнога примјера и свједочанства, који се у Шуми догодио у прошлome мјесecu. Мехамед Ајровић, Корјенић дође у село Талежу у Ђура Башића, те почне сам по себи без питања и без плате узимати сламу и сијено, да гони кући. Сиромас Ђуро скочи и рекне: «нећеш, Турчине, тако по себи чинити и мене сиромаса робити». А Турчин прихвати за [са] баљу те Ђури удари по руци, тако да му одмах пребије руку, потом оћера сламу. Как ја то чух и разумјех, одмах поћох у Требиње и Мехмед-пашу и међису, тужећи се на тај зулум и томе подобие. Паша најлешијем ријечима мени одговори: «ја ћу тога јарамаза одмах добавити и страшно га казнити, ти буди миран» — Ја се вратим у манастир, а паша добави Ајровића, па не само да га је казнио, него му још за то даровао 1 дукат; рекавши му: «иди па ће(-)гођ можеш хришћанима зло учинити, слободно учини». Ако ви господине, за ову сиротињу не промислите и не провидите, она је јамачно пропала! Као што смо напријед вићели, Вукаловић мисли и одиста доћи овђе у манастир и Шуму, но окренуће сву Турску силу на себе и Шуму, па ако се не би могли Турцима одупријети, то онда Вукаловић са својом дружином повући се у Зубце, а манастир и Шуму са свијем пропа. . . * изгорјети! Ви се господине, у такве отвари боље и више разумјете, па нас сјетунте, како да се владамо у оввијем мутнијем околностима и најосуднијем данима. Међу нама нема га, који се не би желио с Турцима бити и крвити; али је положај Шуме веома зато неудесан; осим тога двије је дна за другом нијесу родиле, па људе немају шта ни да једу, а камоли за се опреме за ратовање! Сви смо господине у вас упрли очима, па како знате, тако нам и заповједајте.

Нићифор Дучић

Долазак Вукаловића одириликe би ће око Христ[овог] ускреса, ако што не пресијече.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 83—86 об. Автограф.

¹ См. док. 157 и примеч. к нему.

160

Инструкция А. Б. Лобанова-Ростовского В. В. Безобразову о задачах его деятельности в комиссии европейских консулов по делам Герцеговины

25 апреля [7 мая] 1861 г.^{2*}

Vous savez qu'à la suite des derniers événements dont l'Herzégovine a été le théâtre, les représentants des cinq grandes puissances, dans un but facile à comprendre, ont proposé leurs bons offices à la S[ublime] Porte pour l'aider à mettre fin à une situation regrettable à tous les égards. Le gouver-

* Далее неразборчиво.

^{2*} Датируется по препроводительному донесению.

nement impérial ayant accepté ces offres, une Commission composée des délégués de l'Autriche, de la France de la Grande Bretagne, de la Prusse et de la Russie doit se réunir prochainement à Mostar où se rend de son côté s. a. Omar pacha, commandant en chef des troupes impériales en Herzégovine¹.

J'ai l'honneur de vous informer, Monsieur, que je vous ai désigné pour remplir cette mission.

Le serdar-ekrem est porteur d'une proclamation² dont vous trouverez ci-joint copie et qui, publiée immédiatement dans le pays me ferait de nature à modifier tout d'abord les dispositions des insoumis.

Comme vous le verrez en effet, est acte du gouv[ernement] impérial, conçu dans le plus louable esprit de conciliation, accorde précisément aux insurgés de l'Herzégovine les concessions qu'ils réclamaient naguère et donne satisfaction à tous les vœux qu'ils peuvent raisonnablement formuler.

Ces concessions suffiraient sans doute par elles-mêmes pour déterminer le rétablissement de l'ordre, si l'acte qui les contient pouvait inspirer une entière confiance; mais craignant d'après les informations que nous avons reçues, qu'elles ne soient pas appréciées à leur valeur, nous nous sommes hâtés d'obtenir de la S[ublime] Porte des assurances qui nous autorisent à déclarer que le gouv[ernement] ottoman nous a garanti la fidèle exécution des promesses dont le commandant en chef sera l'organe. Le rôle de la commission dès lors est de faire comprendre aux insurgés toute la valeur de ces concessions que s. a. Omar pacha leur porte au nom du gouv[ernement] impérial comme toutes les garanties dont elles sont entourées: communiqués officiellement par la S[ublime] Porte aux représentants des gr[andes] puissances et par ceux-ci à leurs délégués spéciaux, leur scrupuleuse réalisation cessera d'être mise en doute par les populations de l'Herzégovine. Tous vos efforts doivent donc tendre à inspirer cette confiance et à faciliter ainsi au commandant en chef des troupes impériales, l'accomplissement de la mission qui lui a été confié et dont le but est de pacifier le pays en faisant partie des abus qui l'ont soulevé. Ce but est également le nôtre, nous voulons la restauration de l'autorité du sultan aux conditions qu'indique la proclamation du serdar-ekrem, votre tâche est dès lors nettement tracée; vous devrez également poursuivre l'entier rétablissement de l'ordre, et l'exécution sincère et complète des concessions qui peuvent seules les ramener.

Je ne doute pas que vous et vos collègues ne parveniez à maintenir entre le généralissime et vous l'entente qui s'est si heureusement établie sur cette question entre la S. Porte et les représentants des gr[andes] puissances. Vous agirez donc envers lui avec la sincérité la plus entière, vous le tiendrez au courant de vos démarches, des difficultés que vous pouvez rencontrer, des résultats que vous pourrez obtenir, car je n'ai pas besoin d'ajouter que de cet accord loyal avec Omar pacha dépend le succès plus ou moins prompt, plus ou moins complet de votre mission. Des instructions identiques ayant été adressées à vos collègues, il me paraît également superflu de vous inviter à régler vos rapports avec ces derniers sur le pied de la plus parfaite entente; d'accord sur le but à poursuivre, vous ne pouvez manquer de l'être sur les moyens, et cette unanimité est pour vous la plus sûre garantie de réaliser, en ce qui vous concerne, l'oeuvre d'humanité que se proposent la Porte aussi bien que les gr[andes] puissances.

АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 35, л. 436—437 об. Копия.

Перевод

Вам известно, что вследствие серьезных событий, разыгравшихся в Герцеговине, представители пяти великих держав, преследуя вполне понятные цели, предложили Блистательной Порте свои услуги, дабы помочь ей покончить с ситуацией, во всех от-

ношениях достойной сожаления. В связи с тем, что правительство султана приняло их предложения, комиссия, в состав которой входят представители Австрии, Франции, Великобритании, Пруссии и России, должна вскоре собраться в Мостаре, куда прибудет и его светлость Омер-паша, главнокомандующий османскими войсками в Герцеговине¹.

Я имею честь уведомить вас, милостивый государь, что вы назначены мною для выполнения этой миссии.

Сердар-акрем имеет при себе воззвание², копию которого вы найдете в приложении к сему, и которое, будучи незамедлительно обнародовано в провинции, способно, мне кажется, прежде всего изменить настроения непокорных.

Как вы увидите, этот документ султанского правительства, составленный в самом похвальном духе примирения, предоставляет повстанцам Герцеговины именно те уступки, которых они требовали в недавнем прошлом, и удовлетворяет всем пожеланиям, которые они могут обоснованно выразить.

Вероятно, этих уступок самих по себе будет достаточно для восстановления порядка при условии, что содержащий их документ сможет завоевать полное доверие; но опасаясь, на основании полученных нами сведений, что они не будут оценены по достоинству, мы поспешили получить от Блистательной Порты заявления, позволяющие нам заявить, что османское правительство дало нам гарантии scrupuleuse выполнения обещаний, которые будут изложены главнокомандующим. Роль комиссии, следовательно, заключается в том, чтобы заставить восставших понять все значение этих уступок, которые его светлость Омер-паша несет им от имени султанского правительства вместе со всеми сопровождающими их гарантиями: поскольку Блистательная Порта официально сообщила о них представителям великих держав, а те — своим специальным уполномоченным, население Герцеговины перестанет сомневаться в их scrupuleuse выполнении. Соответственно, все ваши усилия должны быть направлены на то, чтобы внушить это доверие и облегчить таким образом главнокомандующему султанскими войсками выполнение доверенной ему миссии, цель которой — прежде всего достигнуть умиротворения провинции, покончить со злоупотреблениями, заставившими ее восстать. Эта цель одновременно является и нашей целью, мы желаем восстановления авторитета султана на условиях, содержащихся в воззвании сердар-акрема; таким образом, ваша задача четко обозначена; вам тоже надлежит добиваться полного восстановления порядка, а значит, искреннего и полного осуществления уступок, которые одни лишь приведут к достижению этой цели.

Я не сомневаюсь, что вам и вашим коллегам удастся поддержать полное согласие между генералиссимусом и вами, согласие, столь счастливо установившееся в этом вопросе между Блистательной Портой и представителями великих держав. Так, вам надлежит быть с ним до предела искренним, держать его в курсе ваших демаршей, затруднений, которые вы можете встретить, результатов, которых вам удастся добиться, ибо мне нет необходимости прибавлять, что от этого честного согласия с Омер-пашой зависит более или менее скорый, более или менее полный успех вашей миссии. Поскольку вашим коллегам были направлены идентичные инструкции, мне также кажется излишним предлагать вам устроить ваши с ними отношения в духе самого полного согласия; имея согласие в вопросе цели, которой надлежит достигнуть, вы непременно должны достигнуть согласия и в вопросе о средствах ее достижения, и это единодушие является для вас самой надежной гарантией осуществления, в касающейся вас части, гуманной задачи, которую ставят перед собою как великие державы, так и Порта.

¹ Международная комиссия по изучению положения в Герцеговине была создана в апреле 1861 г. в составе консулов Австрии, Англии, Пруссии, России и Франции, аккредитованных в Мостаре, Сараеве и Рагузе (Дубровнике) и под председательством верховного главнокомандующего турецкой румелийской армией Омер-паши. Комиссия должна была наметить меры по улучшению положения христианского населения Герцеговины и добиться прекращения восстания.

■ ² Прокламация (или манифест) Омер-паши к населению восставших районов Герцеговины от 2 июня 1861 г. содержала обещания провести реформу административных органов и выборы народных представителей, снизить налоги и назначить православного митрополита (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 108; *Торговий В. Лука Вукалович и херцеговачки устанци од 1852—1862 године*. Београд, 1923).

161

Доклад А. М. Горчакова Александру II о выделении денежных сумм для боснийских и болгарских беженцев в Сербии и для разоренного христианского населения Герцеговины

8 мая 1861 г.

Святейший Синод препроводил в Министерство иностранных дел 28 750 руб. 97 коп. сереб[ром], пожертвованных разными благотворительными лицами в пользу единоверных нам христиан Турции, пострадавших от мусульман. Благотворители не определили, в какие именно места назначаются эти деньги, вследствие чего святейший Синод предоставил распределение их на благоусмотрение министерства.

Принимая в соображение, что единоверцы наши в Европейской Турции, потерпевшие разорение от мусульманского фанатизма, до сих пор остаются без вспомоществования, я полагал бы из означенной суммы переслать 10 тысяч рублей в распоряжение генерального консула нашего в Белграде для раздачи пособий болгарам и боснякам, которые особенно потерпели от турок; 5 тысяч — в распоряжение консула в Мостаре для вспомоществования разоренным христианам Герцеговины, и 3 тысячи рублей в распоряжение консула в Видине для раздачи наиболее пострадавшим христианам тамошнего края; остальные же 10 750 руб. 97 коп. хранить в министерстве впредь до нового распоряжения или до получения от посланников наших в Константинополе или Вене известия об особенно настоятельной необходимости оказать денежную помощь единоверцам нашим в Турции; а консулам, получившим деньги для раздачи пособия, вменить в обязанность представить своевременно строгую отчетность в расходовании вверенных им сумм.

Осмеливаюсь испрашивать на все сие всеилостивейшего соизволения вашего императорского величества.

Князь А. Горчаков

Революция Александра II: Исполнить. В Царском Селе 8 мая 1861 г. АВПР, ф. ГА I-1, д. 37, л. 38—39. Подлинник.

162

Обращение комиссии европейских консулов по делам Герцеговины к герцеговинским повстанцам в связи с началом переговоров их с комиссаром Порты Омер-пашой

2 (14) июня 1861 г. Мостар

Од нас посланика 5 велики европейски сила жителыма окружия не подчинены у Ерцеговине поздрав!

Негова светлость Омер-паша послао вам е од свое стране прокламацию (объявление) кою е он при неговом долазку у Ерцеговину прогласно и объяво, од кое прокламацие нете вы едан снимак (копию) долеприключену видити.

Велике силе узевши у признание жалостно положение у коме се вы находите и желећи из срца и душе поболшати ваше бедно щастие (жизнота положай) посредством примирительства (пацификации) теготног живления положая конач учинити у свакоме смотрењу. Све велике силе су нас овамо послае у качеству ньюова заступника да вам учинимо да поняте целу важност «уступления» (концесия) кое се у прогласу садржавао.

Ми вас, дакле, позивамо да пуно поверенье имате у обећаньям отоманске владе, и мы вама ипак у име наши правительства повторяемо, да извршене истинито и право овде учинены обећанья у целой своей форме и свечаности на длаку учинено и заемчено ест од стране отоманского девлета министрима 5 велики сила у Цариграду.

Похитите дакле неотложно услед овог завещания пред сердар-екрема Омер-пашу доћи с коим се ради того и мы овде налазимо за облакшати моћи нему у испуненю неговог послания кое е нему поверено, коега е цел прво и прво умирити землю и извидити сва злоупотребления због коих се ова страна побунила путем правде искоренити ¹.

Остаите с богом.

(Следуют подписи)

С подлинным верно: Вал. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 107. Заверенная копия.

¹ В ответ на данное обращение комиссии к повстанцам в ее адрес 18 июня поступило письмо уполномоченных народом воеводы И. Бачевича и игумена Феодосия, в котором были заключены следующие требования: восстановить все разрушенные церкви и монастырь Косиерево за счет султана, запретить содержание заптий (жандармов) за счет населения, землю сохранить за обрабатывавшими ее крестьянами, установить сбор налогов только через местных христианских старейшин (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 122—123; Опубли. в кн: Записи (Цетинье), т. XII, с. 174—175). Как явствует из донесения В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому № 138 от 19 июня 1861 г. Омер-паша был оскорблен, что христианское население ответило не ему, а комиссии. Оспаривая почти все требования христиан, турецкий уполномоченный все же отправил копию этого письма в переводе на французский язык в Константинополь (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 119—120). Одновременно Омер-паша предпринял попытки установить полную зависимость пограничных с Черногорией областей Герцеговины от Порты. Из-за разногласий внутри комиссии и из-за отказа повстанцев принять условия Омер-паши деятельность комиссии оказалась бесплодной и в июле того же года она была распущена (см.: *Павичевич Б. Црна Гора*... с. 148—159, а также док. 168).

163

Донесение К. Д. Петровича Е. П. Ковалевскому о попытках Омер-паши организовать посредничество Черногории в деле умиротворения Герцеговины

№ 173

13 (25) июня 1861 г. Рагуза

Милостивый государь Егор Петрович!

Из рапортов нашего консула в Мостаре уже известно вашему превосходительству, что Омер-паша начал исполнение возложенного на него поручения в Герцеговине тем, что разослал с нарочными из христиан экземпляры своей прокламации к племенам Зубцев, Банян, Пивы, Дробняка и Шаранцев, приглашая их принять с признательностью даруемые им облегчения и покориться немедленно ¹. В то же время были посланы и от комиссии письма к старшинам и к игуменам православных монастырей Дужи, Косиерево и Пива с увещаниями и с приглашением приготовить

народ к принятию прокламации и немедленному изъятию раскаяния и безусловной покорности. Комиссары в согласии с Омер-пашею сочли нужным также написать от себя письмо и к правителю Черногории и препроводить к нему значительное количество экземпляров прокламации, прося его светлость распространить таковые между пограничными герцеговинцами через своих людей и употребить свое влияние к убеждению их покориться. Пакет с письмом и прокламациею г. Безобразов препроводил ко мне с нарочным и с просьбою доставить по назначению немедленно и верным путем, и так как эта экспедиция была получена мною перед самым выходом парохода из Гравозы в Каттаро, то я решился поручить доставление этой экспедиции секретарю вверенного мне консульства, желая узнать через его посредство, как примут в Цетинье обращение комиссии, и повторить его светлости мои советы на счет предполагаемого свидания его с Омер-пашею и в особенности касательно претензий сего последнего, чтобы правитель Черногории прислал к нему предварительно сенатора для принесения ему поздравления.

Князь Николай и его отец Мирко были очень недовольны письмом комиссии, и его светлость выразился откровенно перед г. Лаговским, что комиссары слишком много требуют от него в пользу Турции, что не сообразно ни с его честью, ни с положением и интересами Черногории, чтобы он сам распространял прокламации Омер-паши между герцеговинскими христианами и принуждал их увещаниями и угрозами к покорности турецким властям. Действительно, положение князя и его правительства в этом отношении самое деликатное. Противно воле молодого князя и душевным убеждениям его народа, чтобы Черногория, принося столько жертв за свою свободу в вековой борьбе против турок, употребила ныне вес своего положения на то, чтобы содействовать каким бы то ни было путем к удержанию своих родных братьев под ненавистным им мусульманским игом и отказывать им в том, что они сами считают священнейшим на свете *. Находящиеся ныне в восстании герцеговинские племена до разграничения Черногории разделяли всегда общую судьбу с черногорцами, помогали им кровью и имуществом при непрерывных стычках с турками и испытывали горькие последствия мести турецких пашей и турецких войск, когда черногорцы были принуждены уступать превосходству сил и удаляться в свои неприступные горы. Из-за черногорцев селения этих племен уже десяток раз доселе были сожжены и разорены, а народ подвергался голоду и другим бесчисленным бедствиям. Восстание против турецкого своеволия и насилия началось и поддерживалось только потому, что за плечами герцеговинцев стояла Черногория и что они рассчитывали на ее помощь, которая и была им действительно оказана всячески. Их решениями и действиями руководили постоянно из Цетинья. Герцеговинские старшины являлись туда по два и по три раза в год явно за советами и за военными припасами. Они считали свое дело делом Черногории, и заведши у себя во всем черногорский распорядок, стремились и стремятся к тому, чтобы отделаться от турецкого господства и окончательно присоединиться к Черногории. При таком положении дел можно себе легко представить, какое будет впечатление, если князь Николай и его правительство решились вдруг по приглашению Европы и в угождение Турции сделать столь насильственный поворот с природного пути своих историко-политических и племенных стремлений, приняв на себя роль увещевать и принуждать герцеговинцев к покорности турецким властям. Турция не сделала для Черногории еще никакой доб-

* На полях помета Александра II: Я это вполне понимаю.

ровольной уступки, чтобы иметь право требовать взамен такой огромной жертвы, которой впрочем и никакая уступка не была бы в состоянии достаточно выкупить. Порты вольна скрывать грехи своей прескверной администрации и приписывать восстания христиан влиянию того или другого из соседей; в ее власти также предъявлять жалобы на черногорцев, если бы они вмешивались явно в дела ее подданных, но едва ли было бы справедливо и удобоисполнимо требовать, чтобы князь черногорский в ущерб существенным своим интересам волею или неволею сделался усмирителем христиан и заставил бы их довольствоваться обещаниями Порты, которых он сам по совести не может признать достаточным для них обеспечением **.

Я имел честь уже неоднократно доносить вашему превосходительству о положении черногорского правительства в делах пограничных герцеговинцев и о характере существующих между ними отношений и теперь я должен опять повторить, что черногорцы, считая восстание смежных с ними герцеговинских племен делом, касающимся их военной чести и сопряженным с главнейшими интересами будущего Черногории, ни за что не согласятся на то, чтобы принуждать своих братьев к покорности Порте, а, напротив, будут продолжать по-прежнему поддерживать в них надежду на совершенное освобождение, подстрекая их к сопротивлению турецкому насилию и оказывая им под рукою всякое возможное содействие. Искреннее содействие со стороны черногорского правительства к усмирению восстания можно предположить только в таком случае, если бы черногорцам дали надежду, что за усмирением этот край получит полное народное самоуправление и возможность слиться окончательно с Черногориею. А так как подобное предположение несбыточно, по крайней мере, в настоящее время, то и будут вести дела так, чтобы заставить Омер-пашу прибегнуть к силе и вызвать как-нибудь самих черногорцев на бой. Молодой князь не скрывает своих войнолюбивых замыслов, а отец его Мирко, помня экспедицию 1853 года, слишком зол на Омер-пашу и желал бы очень иметь случай отомстить ему.

Омер-паша и некоторые из комиссаров, понимая всю трудность и деликатность герцеговинских дел, желали бы как-нибудь завлечь князя в переговоры и навязать ему обязательство действовать в пользу Турции, а против настоящих интересов Черногории. Отсюда попытка устроить свидание Омер-паши с князем Николаем, о которой я имел уже честь довести до сведения вашего превосходительства предыдущим моим рапортом. Говоря об этом с его светлостью и с некоторыми из сенаторов, я счел долгом своим дать заметить, что поручение Омер-паши имеет предметом Герцеговину — турецкую провинцию и никаким образом не может касаться прямо Черногории, а вследствие этого и предполагаемое свидание было бы совершенно излишнее; если же сердар имеет переговорить с черногорским правительством на счет пограничных отношений и несогласий между Турцией и Черногориею и вообще о таких предметах, которые касаются пограничного спокойствия и местных общих интересов, то из-за этого вовсе не нужно, чтобы сам князь имел свидание с турецким пашею, а может назначить для этого своего отца или кого-нибудь из своих сенаторов, и что, наконец, инициатива для такого свидания должна быть сделана не князем, а Омер-пашею, если он находит оное нужным **.

Далее я присовокупил также, что если сербский князь не сделал визита Омер-паше в Белграде³, то правителю свободной и независимой страны,

** На полях помета Александра II: Совершенно справедливо.

** На полях помета Александра II: Весьма дельно.

какова Черногория, никоим образом не надлежит делать перед ним первый шаг присылкою к нему письма или сенатора для поздравления, на что он претендует и к чему склоняли сильно его светлость некоторые консула. Г. Лаговский встретил в Каттаро французского консула Геккара, возвращавшегося из Цетиня; он ездил туда нарочно с тем, чтобы убедить князя послать в Мостар одного сенатора для принесения поздравления Омер-паше, но его светлость показал в этом случае твердость и отказал ему наотрез. Геккар не скрыл от секретаря вверенного мне консульства своей неудачи в Цетинье и попросил его даже попытаться, не успеет ли он склонить князя убеждениями от моего имени. Для меня странно неуместное притязание Омер-паши, но еще страннее усилия, какие употребляют некоторые консула, чтобы склонить князя к такому поступку, который при неопределенности нынешних международных отношений Турции к Черногории не может быть сделан без унижения и ущерба для политического положения последней. Омер-паша не прищ крови соседственной дружественной державы, которому подобают известного рода отличия и почести, а паша, хотя и первой степени, но за то проводивший уже несколько лет в изгнании и могущий опять возвратиться туда; князь же черногорский — независимый владетель независимого народа, а не паша турецкой провинции, имеющий чин ниже сердар-экрема. Кроме того, в настоящее время не князь должен записывать благорасположение у Омер-паши, а наоборот, ибо по всему видно, что не князь нуждается в Омере, а, напротив, он в князе. Порта не сделала еще никакого добра для Черногории, а князь оказал ей немаловажную услугу в никшицком вопросе, и ныне призывают, что без его содействия невозможно мирное устроение герцеговинских дел.

В рапорте моем от 30 мая (11 июня) за № 163 на имя его превосходительства г. посланника в Вене я имел честь изложить разговор мой с банским воеводою и советы, которые я ему дал при этом касательно прокламации Омер-паши и европейской комиссии. Ныне я узнал, что согласно моим увещаниям, старшины герцеговинских племен съехались уже в монастырь Косиерево для совещания по своим делам и что князь Николай послал туда к ним также сенатора Ива Ракова Радоича.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 122—126 об. Подлинник.

¹ См. док. 160, 162 и примеч. к ним.

² Трудность в организации встречи князя Николая и Омер-паши заключалась в том, что ни представитель Порты, ни правитель фактически независимой Черногории не хотели сделать первый шаг. Попытки французской дипломатии устроить эту встречу под шатром представителя Порты не увенчались успехом. Только после того, как члены комиссии от европейских держав и Омер-паша получили соответствующие указания своих правительств, удалось добиться того, что Омер-паша 18 (30) июня написал князю Николаю письмо, в котором предложил место встречи. После ответного письма черногорского правителя встреча была назначена на июль 1861 г. в Жабляке (подробнее см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 119—120, 165а—165б и об.; Вујовић Д. Црна Гора и Француска. 1860—1914. Цетинье, 1971).

³ 11 (23) мая 1861 г. сердар-экрем Омер-паша по дороге в Боснию и Герцеговину, куда он направлялся с целью приостановить развитие восстания под руководством Луки Вукаловича, прибыл в Белград, и остановился у коменданта Белградской крепости Хуршид-паши, рассчитывая, что князь Михаил как султанский вассал первым нанесет ему визит. Он даже выслал турецкий почетный караул к княжескому дворцу, который должен был сопровождать князя в Белградскую крепость. Однако князь Михаил не пожелал поехать к паше, считая, что такой шаг может умалить его достоинство как главы сербского княжества. Узнав об этом, Омер-паша отказался от своих

первоначальных намерений провести в Белграде 3—4 дня и немедленно отбыл из города (Милићевић М. Ђ. Кнез Михајло у спомену некадашњег свог секретара. Београд, 1896, с. 62—64).

164

Письмо Л. Вукаловича В. В. Безобразову с просьбой оказать помощь в переговорах с турецкими властями

18 июня 1861 г. Зубцы

Господине!

Препоручнем се вашеме благородию молимо немоите бити увријеђени за онаи наш состанак у Суторини.

Будући када смо ћули да ви долазите у Суторину са Омер пашом и осталом комисионом ми смо се обрадовали вашем долазку будући смо мислили да ће нас послние ћетпри виека у тами живећи огранути сунце, мислећи да ћете ви нас царском правом, са помоћу ваше дворова обрадовати да и ми уживамо права ка и остали други у Европи народи за којом сав ерцеговачки народ воше и права тражи.

А ви сте нам одговорили да ви нама без Омер паше никаква одговора дати не морете, нити нама у великој нужди помоћи, за друго што нам Омер паша неће дати од своје волиа су тием сте наш народ и јако ожалостили п упилашили.

Буду и знадем што су Турци и њиове паше, како су с нами до сад владали, а и вам и е добро познато и целои Европи потеме и я мислим да ми ви замерити нећете што миносам пошо на вперу Омер пашину и томе народу што ме ние пуштио када и е разумно да и е сва судбина наша у рукама Омер паше, а особито од 400 година до данас кои е гогоћемо * главара Турцима пратили той се више ние врћо својои кући.

А вами е добро познато и свои Европи каква и е нас неволия нагнала на оваи устанок. Турци су нас свакојаким тиранством прогнали и свакојко варварство на нас изливало коие не би никакво перо могло описати. Коие више трпјати нисмо могли то нас и е побудило да устанемо на оружје с том намером да под то турско и варварство под кои е ми смо до данас живили никако подлећи до капи крви нећемо.

Ми нисмо скотови како нас Турци сматрају него народ ка и остали народ ми оћемо слободу как и други народ и царска права да уживамо. Ово ми тражимо и молимо прво бога и свакога да нам притеће у помоћ и да кровпролићу конач ућинити. Ми те жељие нисмо да се крв пролиева зато и вама дајемо на звање да ми жељимо мир со Омер пашом ућинити то ест ако би царску праву издао за то да смо и вашему благородию препоручени да би се потрудили са Омер пашом споразумиете се.

Есам ваш доброжељећ Лука Вукаловић
Верно: Вал. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 195 и об. Заверенная копия.

* Так в тексте. Следует гођ-гоћемо.

Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину об отказе герцеговинской скупщины в Баянах принять условия Омер-паши

№ 176

18 (30) июня 1861 г. Рагуза

Милостивый государь Виктор Петрович!

9 (21)-го сего месяца была скупщина в Баянах из представителей всех племен, находящихся в восстании, а именно васоевичей, шаранцев, дробничан, пивлян, баян и зубчан. На этой скупщине присутствовал также черногорский сенатор и воевода Иво Раков Радонич, который был послан из Цетинья для внушения нашим единоверцам советов черногорского правительства, как я имел уже честь донести об этом в моем рапорте на имя г. директора Азиатского департамента от 13 (25) июня за № 173¹. Здесь были прочитаны прокламация Омер-паши² и письма от комиссии, и старшины совещались между собою о том, может ли народ положиться совершенно на обещания, положенные в прокламации, и представляет ли эта прокламация какие-нибудь положительные обеспечения на счет улучшения положения христиан в Герцеговине и окончательного прекращения самовольства и злоупотреблений как турецких властей, так и туземных мусульман. Сообщая мне сведения о скупщине, мой корреспондент из монастыря Дужи замечает, что по тщательному рассмотрении каждого из из 8 пунктов прокламации и принимая в соображение то, что теперь делают турки с мирными христианами Герцеговины, несмотря на присутствие в Мостаре сердаря и европейской комиссии, старшины решили все единогласно, что они не могут покориться на предложенных им условиях, что эти условия обещают им добра менее, нежели хатти-гумаян, и что если Турция и Европа не захотят обратить серьезное внимание на страдания их и пожертвования, сделанные ими в продолжении 4-х лет, и устроить их участь согласно их желанию, то они будут продолжать защищаться оружием, насколько сил у них хватит, и предпочитают лучше погибнуть до последнего, нежели отдаться опять на произвол турок.

Что прокламация Омер-паши вовсе не удовлетворила герцеговинцев и что они решились серьезно продолжать начатое до последней возможности, видно из того, что они возобновили уже неприязненные действия. Так, 9 (21) июня одна дружина из 400 [человек] под начальством Драга Обренова и Гиока Радова напала на турецкое войско на Крестане, убила 14 человек башибузуков и ранила такое же почти число а 15 (27)-го того же месяца другая дружина, застигнув врасплох около 200 человек албанцев и регулярных солдат в с. Пилатовцах, положили на месте более 60 человек, в числе коих и Илем-бега, брата главного начальника башибузуков.

На этих днях было столкновение также между турецкими войсками и спичанами, и здешний бригадный генерал Родич, получив известие об этом, поспешил отправиться вчера на военном пароходе в Кастель-Ластву. По телеграфической депеше, полученной здешним прусским консулом из Скутари, поводом к этому столкновению послужило следующее обстоятельство: губернатор Скутари, подозревая спичан в сношениях с Черногориею и в желании присоединиться к ней³, отправил в их предел небольшой отряд с приказанием возобновить развалины находящейся там крепости или кулз (караульного дома). Спичане воспротивились исполнению подобного намерения, окружили турок и начали с ними перестрелку. В упомянутой депеше сказано, что не спичане, а черногорцы будто держат в блокаде турецкий отряд. Это последнее известие не может быть достоверно и имеет своим источником обыкновение турецких властей видеть

черногорцев везде. Абди-паша посылает между тем в Спич подкрепление из регулярных солдат и скутарских жителей.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 129—130 об. Подлинник.

¹ См. док. 163.

² Об Обращении (Прокламации) Омер-паши к повстанцам см. примеч. к док. 160.

³ Судя по сообщению К. Д. Петковича В. П. Балабину от 26 февраля (10 марта) 1861 г., старейшины Спича приезжали в Цетинье и изъявили готовность присоединиться к Черногории. Корреспондент Петковича из Боки Которской писал, что князь Николай принял их благосклонно и рекомендовал ввести у себя такой же строй, как в Черногории (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 52—53).

166

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о несостоявшейся встрече с Омер-пашой и о безуспешности действий комиссии европейских консулов

19 июля 1861 г.

Високопочитаемое господину и господину Петковичу у Дубровник.

Доходим с ова два слова явити вашему правосудию како смо се с описиванем састояли с коме сам удно Суторине, надајући се да ће Омер изаћ на суво ди би смо вићели шта ког њега има, када е к нама дошла комесија. Мене кажу да неће изаћ Омер паша на суво но е заповедио да я идем к нему на вапор. То се нама ние учинило обично и много сворчала сва комесија да не море никако бит што нећу ја поћ на вапор паши а да найвише господин Безобразов и почео се лутит на нас ће нећу да поћем. У толико я сам пошо и упутно се да идем ш нима, па како било, ербо није ни могло другојаче бит по почек на[веки] * позив све комисије па да нећу ни доћ, у кои смо час пошли. Мало смо се упутили а кидиса народ за нама имеше писвие подавит а и мене докопаше имаше ме свега рашчупат и в нашеме тада се оно сва комесија чине строго с на ме да сам я народ сетово дато чине па одоше приетей горе неголи Омерпаша и веле: станте, до четири дана доћете сви у Мостар и да нећете нама се допада господине она комесија кадер ние ништа упоравит, по све што учини Омер паша, а када тако буде ми знамо све турско добро ваздак оне кое су нас варали а она комесија кадер ние ништа упоравит по иду Омеру ко заедно седочаство што рече Омер тако е нама се чини и луто необично а нека се нама не руга нико овоме састанку сетовалисмо се какав му е станак с князом био и свак се чуди о чем раде. Ми смо ово и князу све явили по вашему правосудию препоручуемо да бисте нас сетовали како ћемо се сада владат за ово. Омер зове на мир, а турка се воиска окупља са сви страна да нам удара.

Казивале су ми слуге господин Безобразова ће се люти на мене ће не пише нему исто за свапто како се владам за свапто, а я мислим то док сте ми ви не тражим болећа тако ми да бог и да смо ви препоручени бог вас живио. Со тием остајем вас покорно поздрављајући. Есам ваш доброжелател

воивода Лука Вукаловић

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 180 и об. Подлинник; л. 178—179 — пер. на рус. яз., современный подлинник.

* Слово неразборчиво.

Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому
о намерениях Омер-паши начать военные действия против
герцеговинских повстанцев

№ 192

5 (17) августа 1861 г. Мостар

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Я имел честь получить телеграмм вашего сиятельства сего года и отвечать на оный от 1 (13)-го текущего. Как я представил в ответе моем, комиссия только вследствие официального объявления Омер-паши о намерении его начать военные действия объявила сердар-экрему, что она в таком случае считает вмешательство свое временно прекращенным впредь до новых приказаний. Сколько мне известно, прусский мой коллега получил по возвращении комиссии в Мостар телеграмм из Берлина, которым его извещают, что Порты чрез своих представителей уведомила европейские кабинеты о необходимости начать военные действия, на что будто бы выразили согласие свое и европейские комиссары. Таковое объявление Порты, весьма преждевременное, возбуждено опротивительно написанным телеграммом Омер-паши, который, основываясь на частном мнении английского, австрийского и прусского моих коллег на счет невозможности окончить усмирение Герцеговины миролюбивым образом, телеграфировал в Константинополь еще из Кастельново, что комиссары согласны с его мнением на счет начатия военных действий. Это известие было совершенно несправедливо, ибо мнение моих коллег было высказано ими Омер-паше совершенно частным образом и ни я, ни г. Тиссо не принимали участия в этом разговоре.

Вероятно подобного же рода сообщение было сделано турецким министром его сиятельству князю Горчакову.

Со времени последнего донесения моего я имел два свидания с Омер-пашою. В первом из них сердар-экрем выспрашивал моего мнения об отправлении им о. Никифора Дучича в Баяны, как я уже имел честь донести о том вашему сиятельству. Я ответил Омер-паше, что я одобряю тем более употребленное им средство, что еще в одно из первых свиданий наших по приезде его в Мостар советовал ему вследствие его вопроса кого послать с прокламациями к восставшим — поручить это или о. Никифору или игумену монастыря Житомишлича о. Серафиму Перовичу, как людям, пользующимся большим влиянием на наших единоверцев. В этот же визит узнал я от самого Омер-паши, что здешние католики предложили ему 2000 человек войска в случае, если он пойдет на восставших. Предложение это было принято Омер-пашою, и теперь, так как военные приготовления идут своим чередом, приступили уже к записи этих волонтеров. Православные опасаются также, чтобы Омер-паша не потребовал контингента и от них; я советовал их старейшинам уклониться от всякого участия в предположенном походе Омер-паши, но вряд ли трусливые и низкие пред турками мостарские православные поглавари последуют моим советам.

Второе свидание мое с сердар-экремом было гораздо интереснее. В четверток 3 (15)-го я получил письмо от Луки Вукаловича, у сего в копии представляемое на благоусмотрение вашего сиятельства, и, согласно просьбе поглаваря зубчан, счел долгом переговорить по этому делу с Омер-пашою и потому и был у него вчера 4 (16)-го текущего.

Так как Омер-паша не сообщает мне письменно ничего, им получаемого касательно дела пассивации, так я не счел нужным сообщить ему в копии письмо Луки Вукаловича, но ограничился словесным сообщением

параграфа письма (подчеркнутого в копии) как касающегося Омер-паши. Сердар-экрем ответил мне следующими словами: «Mon désir aussi est de terminer l'affaire pacifiquement, sans effusion de sang. Je vous prie de faire savoir à Luca, si vous lui répondez, qu'il n'a à s'entendre avec mon envoyé (le R. P. Nicephore) à Bagnani» *

Вследствие этого я и испрашивал вчера по телеграфу приказаний вашего сиятельства и равно и императорского министерства, тем более для меня нужных, что письмо, адресованное на мое имя, и писано прежде истечения назначенного нами срока, как угодно будет видеть вашему сиятельству из копии. В продолжение этого визита мы долго говорили с Омер-пашою о его предположениях, и я мог узнать почти следующее: Омер-паша располагает в настоящую минуту 29 батальонами стрелков и пехоты, составляющих около 14 тысяч человек. Войска эти вследствие настоящих Омер-паши снабжены все штуцерными ружьями, привезенными уже из Константинополя и выгруженными уже в Метковиче; при войсках находятся 22 артиллерийских орудия, из которых 6, полученные с амундичерою из Константинополя, штуцерные (rayés). Войска снабжены также новым платем. В случае наступательных действий все войска должны действовать совокупно под главным начальством Омер-паши, который вместе с тем намерен командовать авангардом. Весь действующий корпус будет разделен на авангард из 10 батальонов стрелков с 12-ю орудиями. Эта часть войска при боевом порядке должна будет также образовать правое и левое крыло; центр из 10 батальонов пехоты (вооруженных новыми штуцерами) при 8 орудиях, из которых 6 орудий — rayés; аррьергард из 4 батальонов стрелков при двух орудиях. Расстояние между отрядами на походе предполагается не более 2000 шагов один от другого. Остальные же 5 батальонов будут занимать караул в Мостаре и в горах по границе. Кроме того Омер-паша ожидает прибытия 12-ти батальонов в Албанию для действий против Черногории в случае, если бы князь Николай подал руку помощи нашим единоверцам в Герцеговине. Для командования этим албанским отрядом Омер-паша предложил дивизионного генерала Мустафу-пашу Мелемджки, который до прошедшего июля месяца командовал войсками в Боснии и еще прежде был генерал-губернатором в Албании, и ферики Хуссейн-пашу, начальника военной школы в Константинополе. Последний будет командовать отрядом против вассовичей. Кроме того Омер-паша собирает башибузуков и не ограничивается собранием только мусульман, но потребовал, чтобы и католики, уже обещавшие ему выставить 2000 человек, представили около 300 человек из Мостарского и 700 человек из Столачского кадилуков.

Вообще Омер-паша как видно рассчитывает, если ему придется взяться за оружие, действовать решительно, но я не знаю еще, в какой степени он будет иметь нужные на то денежные средства.

Как я уже имел честь представить вашему сиятельству последним донесением моим, Омер-паша просил по телеграфу своей отставки, как главнокомандующий румелийскою армиею. По телеграфу же получил он весьма лестное убеждение Порты отказаться от своего намерения, на что он согласился с условием, что ему будут немедленно посланы требуемые им в течение 8 месяцев суммы. Ему отвечали, что 3 миллиона пиастров будут ему посланы немедленно, однако же, о деньгах этих нет еще никакого известия. Тем не менее Омер-паша остается снова во главе армии и всего управления в Румелии.

* Я также хочу покончить дело миром без кровопролития. Я прошу вас дать знать Луке, если вы будете отвечать ему, что он должен только договориться с моим посланцем (о. Никифором) в Баянах (Фр.).

В тот же визит я спрашивал Омер-пашу, имеет ли он какое-либо известие от о. Никифора, на что он отвечал мне, что кроме уведомления о прибытии о. Никифора в Билеч, не имеет никаких сведений, но ожидает вечером.

Г. Блау, с которым я виделся потом, сообщил мне, что Дервиш-паша писал сердар-екрему, что какие бы ни были обещания восставших, им не должно доверять, ибо он знает положительно, что восставшие желают выиграть время, надеясь получить помощь от Франции чрез Черногорию. Хотя в этом предостережении Дервиш-паша и видно его желание восстановить Омер-пашу против христиан, тем не менее нельзя не сожалеть, что христиане надеются на помощь Франции, как это убеждение распространено между ними стараниями г. Эккара.

Сюда едет Али-паша, уже ознаменовавший себя в прошедшем году своими действиями в Гацко; он вызван Омер-пашою, который выразил мне, что Али-паша весьма храбрый генерал.

Г. Петкович частным письмом уведомляет меня, что лошади Али-паши, проходя чрез Суторино, были отняты восставшими, несмотря на австрийский конвой из 40 граничар, которые оставили лошадей, и, как говорят, обратились в бегство.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

В. Безобразов

Р. S. 6 (18)-го. Вчера Омер-паша получил уведомление, у сего в копии препровождаемое, от о. Никифора о действиях его. Как вашему сиятельству благоугодно будет усмотреть, христиане, несмотря на все интриги Дервиш-паши, желают успокоиться и окончить свои распри с турками миролюбивым образом.

Я приобрел копию с этого письма, о содержании которого знал уже в общих чертах чрез г. Блау, и с большими затруднениями. Омер-паша просил г. Блау не писать об этом письме ни слова в Константинополь, а равно и не сообщать оное мне на том основании будто бы, что я не дал ему копии с письма ко мне Луки Вукаловича. Причины, почему я не дал копии Омер-паше, я изложил выше вашему сиятельству и при первом свидании дам почувствовать это сердар-екрему. Сегодня я желал видеть Омер-пашу вследствие телеграмма г. Петковича о нападении австрийцев на Суторино, но по случаю почты Омер-паша извинился предо мною.

При сем я долгом считаю просить ваше сиятельство благоволить снабдить меня надлежащими инструкциями моих дальнейших действий как относительно Омер-паши, так и вопроса усмирения Герцеговины.

В. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 191—194 об. Подлинник.

168

Протокол № 22 заседания комиссии консулов по делам Герцеговины о приостановлении своей деятельности¹

6 августа 1861 г.

Le mardi 6 août 1861 à 5 heures de l'après midi, M. M. les délégués des cinq grandes puissances en Herzégovine se sont réunis à Mostar chez i. a. Omer pacha. Étaient présents: s. a. Omer pacha, M. Iovanovich, M. Tissot, M. Homes, M. Blau, M. Bezobrazov.

M. M. les délégués ont le regret d'informer i. a. le serdar ekrem de l'insuccès de leurs négociations avec les chefs insurgés.

En présence de ce résultat et toutes les voies des conciliation lui semblant épuisées, s. a. Omer pacha annonce à M. M. les délégués son intention d'agir militairement dès que les circonstances le lui permettront.

M. m. les délégués, conformément aux instructions qu'ils ont reçu de leurs gouvernements respectifs, et dont le sens est consigné au 21-me protocole, déclarent à leur tour à s. a. le serdar ekrem qu'ils considèrent leur mission comme provisoirement suspendue en se réservant dans le cas où il s'offrirait quelques chances de négociations utiles, d'en informer leurs gouvernements et d'agir suivant les nouvelles directions, qui pourraient par suite leur être adressées.

S. a. Omer pacha, rappelant le sincère désir de conciliation qui l'a constamment animé depuis son arrivée en Herzégovine, déclare que ces sentiments continueront à lui servir de règle de conduite, et qu'il considérera lui-même comme un devoir de prévenir M. M. les membres de la commission des éventualités où leur action pourrait être utilement réclamée. S. a. espère que M. M. les délégués lui rendront cette justice qu'elle n'a rien négligé pour concourir à l'œuvre de pacification qui leur était confiée.

M. M. les délégués n'hésitent pas à rendre hommage, sous ce rapport, aux sentiments de loyauté et de modération de s. a., qui leur adresse, de son côté, tous ses remerciements pour le concours aussi actif que sincère qu'ils n'ont cessé de lui prêter dans toute la durée de leur mission.

(La séance est levée à 7 heures).

signé: Omer, Iovanovich, Tissot, Holmes, Blau, Bezobrazov
Pour copie conforme: Val. Bezobrasov

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 190 и об. Заверенная копия.

Перевод

Во вторник, 6 августа 1861 г. в 5 часов пополудни, господа представители пяти великих держав в Герцеговине собрались в Мостаре у его высочества Омер-паши. Присутствовали: его высочество Омер-паша, г-н Иованович, г-н Тиссо, г-н Холмс, г-н Блау, г-н Безобразов.

Господа представители к сожалению вынуждены сообщить его высочеству сердар-екрему о безуспешности их переговоров с представителями восставших.

Придя к такому результату и находя все пути к примирению исчерпанными, его высочество Омер-паша объявляет господам представителям о своем намерении перейти к военным действиям, как только обстоятельства позволят ему это сделать.

Господа представители в соответствии с полученными ими от их правительств инструкциями, смысл которых занесен в 21-й протокол, в свою очередь заявляют его высочеству сердар-екрему, что считают свою миссию временно приостановленной, оставляя за собой право в случае, если представятся какие-либо возможности полезных переговоров, информировать свои правительства и действовать в соответствии с новыми указаниями, которые могли бы быть направлены им в подобном случае.

Его высочество Омер-паша, напомнив об искреннем стремлении к примирению, которое постоянно движет им с момента его прибытия в Герцеговину, заявляет, что эти чувства по-прежнему будут служить ему руководством в действиях и что сам он возьмет на себя труд предупредить господ членов комиссии, когда их деятельность потребует для пользы дела. Его высочество выражает надежду, что господа представители отдадут ему справедливость в том, что он не пренебрег ничем, что могло бы способствовать успеху доверенного им дела восстановления мира.

В этой связи господа представители без колебаний воздают должное лояльности и сдержанности его высочества, который, со своей стороны, выражает им свою глубо-

жую благодарность за искреннее и деятельное содействие, которое они беспрестанно оказывали ему на протяжении всей их миссии.

(Заседание закрыто в 7 часов).

Подписи: Омер, Иванович, Тиссо, Холмс, Блау, Безобразов
Копия верна: Вал. Безобразов

¹ См. примеч. 1 к док. 160.

169

Письмо В. В. Безобразова Л. Вукаловичу с советом начать переговоры с Омер-пашой об условиях прекращения сопротивления повстанцев

8 августа 1861 г. Мостар

Примио сам вашу књигу, от 18 јулия текућей години, коју сте ми спремили, само 3-го августа и све сам добро разумно.

Што сте ви пишете за наш состанак на Суторине, то вама е добро познато да сте то преко наћина ружно наћинили, ербо кад сви комесари позивали вас да идете код Омер-паши, то добро могли сте промислити, да ми вама световали за ваше добро и вашу користь и имали сте отбацати на страну сваку боязнь и неверу, и послушати нас.

Ја сам објаснио Омер-паше како ми молите да неговој светлости представим вашу желю да се Герцеговина умири на мирный наћин и без крвопролића. Омер-паша отговорио е мени тако: да и негова желя ест да се ово посло мирно сврши, и да он с овием намером спремно е и от[ца] Никифора Дућича у Банији, да се тамо с вама и народом договори, и намерения Омер-паши вама изјасни; и кад ви оћете мира и добра стая и напред, да дойћете ви и остали поглавари и да состанете лиено с от[цем] Никифором, и за сващо с ним да се договорит[е].

Тако е одговорно мени Омер-паша. Сад и ја вама с[а]ветуем кад питате мени да кад несте послушали нас едан пут, послушайте други; отићете брзо код от[цу] Никифору, договорите се с ним и послушайте га.

С богом.

Верно: Вал. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 204 и об. Заверенная копия.

170

Письмо Л. Вукаловича, Й. Бачевича и Т. Митровича от имени населения Герцеговины Омер-паше с отказом приехать в Мостар для переговоров

11 августа 1861 г.

Од нас све сиротине и вернога народа султанова у Ерцеговини неговој светлости сердару екрему Омер, царском муширу у Мостару нижайший поздрав!

Дошао е к нама архимандрит г[осподин] Н. Дућич¹ да нас именом ваше светлости у Мостар зове, ће да се споразумимо о наћину и условию како се нама треба убудуће владати. Свое желе и услови наше и целога народа ерцеговаћкога јавили смо већ у првом писму нашем где смо одгово-

рили по желе искреной целога народа на осам тоћака објавления вашей светлости од 2 (14) јуния т[екуће] г[одине]².

До данас писмо променили наше желе и вас ерцеговаћки народ омет истом приликом неговоме величеству султану наново благодаримо за тоћке трећу, шесту и седму и наново вашей високой милости препорућуе наше молбе, кое се тићу тоћке четврте, пете и осме.

У Мостар послати не можемо никога будући да нема поверенья ниће код нас по толико путной превари наше браћи кои су тамо долазили на веру турску и кои ниесу се никада повратили како се то догодило за Дервиш-паше.

Будући да не можемо више у таком положаю трајти вазда бадава оћекивајући испунене наши желья молићемо покорно вашу светлость да изволите наше овђе повтароване желе или испунити, или нама одговорити, да то ућинити не можете, да знамо можемо ли се још од милостивейшаго султана нашега надати и кад испунене наши молба и негова смилованья. Ми смо до данас верни поданици султанови, као и вазда, и молимо се последни пут к вашей [светлости] ер инаће не можемо и нећемо у нашем стану више одговарати за пошледице аки бисте насилля шћели против нас употребити, и нас насилнем наћинем принудили да тражимо на место покровительства султанова у нашем оћаянио покровительство друго. То е наша цела и пошледна молба к вашей светлости, коју молимо, да препорућите пошледици пут неговоме величеству милостивейшему султану нашему, и да му јавити изволите у заједно да за те наше овђе изражене желе готови смо жертвовати пошледице наше имане и наш живот единако и сложно како нам то заповеда наша христианска вера православна. Именом целога народа:

(П.) Войвода банянский Йован Васильев Баћевич

(П.) Теодосие, игумен косиеревский

(П.) Войвода зубаћкий Лука Вукалович

Верно: Вал. Безобразов³

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 210 и об. Заверенная копия.

¹ Стремясь прекратить восстание, Омер-паша решил предпринять переговоры с повстанцами через авторитетного для них человека. Его выбор пал на Н. Дулича, которого он убедил стать его посредником в переговорах. 2 августа Дулич прибыл в Банию, встретился там с Й. Васильевым Бачевичем, игуменом Феодосием и другими руководителями округа. Однако последние постановили дать Омер-паше общий ответ, проведя предварительно совещание с руководителями повстанцев в Зубцах и Пиве. Заручившись поддержкой правительства Черногории, Л. Вукалович и Й. Бачевич отклонили условия перемирия, предложенные Омер-пашой (см. док. 165, а также: Павичевич Б. Црна Гора у рату 1862 . . . , с. 170—172, 286; Н. Дулич, Омер-паше от 2 августа 1861 г. АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 196 и об.; подробнее о результатах переговоров Дулича с повстанцами см. его письмо В. В. Безобразову от 24 августа 1861 г. — То же дело, л. 221—225).

² См. док. 162 и примеч. к нему.

³ Данная копия письма герцеговинцев Омер-паше была в тот же день направлена авторами В. В. Безобразову. В сопроводительном письме русскому консулу руководители повстанцев просили заступничества русского правительства и благодарили за привлечение внимания Европы к судьбам их народа (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 209).

Писмо Н. Дучића Омер-паше о резултатима позива к повстанцима

15 августа 1861 г.

У вторник 1 августа дошао сам у Банане у село Петровићи, ту ме добекао игумен косиервачки Теодосије са још неколико чоека, и дјело су ме примили. Сутра дан 2 августа дошао је Јован Вавилев Бечевич, и ја сам му предао ваше високо писмо и устмено нјему и свијем осталим ако нега изказао све што ми је ваше височество наредило и заповједило; писмо су на глас прочитали, и могло се виђети на лицу Јована и свије осталије ако нега задовољство и веселје, али при свеме томе не могосе одмах да се увијере како у писмо, тако и у моје рјеша, које сам им од стране вашег височества казивао. Ја да би их боље увјерио о истинитости писма и мојих рјеша позовем их у цркву, која се у томе селу находи, је се праведно закунем, да и писмо и све што им кажем од стране вашег височества права истина, и да им никаве прије варенјема нити ће бити, потом се они тврдо увјере и одмах Јован пошлале једну книгу Луки Вукаловићу у Зубце, а другу Попу Јарку у Пиву, казиваше за мене како сам међу них дошао, и од кога сам послан и зашто, и позове да одмах дођу на состанак у Петровићи; по то у све Бан[и]јане порући и огласи да је мир и да сваки иде у своју кућу, а на свије мјесто, и да се нико неби усудио запоћети кавгу, нити у што додигнути. Томе миломе гласу вас народ много се образује, и своје куће поврати. Међу тиме кријући мене пошлале ваше писмо на Цетиње и да кажу што је и како је и да моле да им допусте да пођу са мном у Мостар и вашем височеству (ово је мени одкријо и казао Јоване Василев у суботу 5 августа). Истога дана т. е. 5 августа дође одговор од Луке Вукаловића, да он не може доћи у Петровићи на состанак због тога што се у Сутрини догодило те су ускоци отели Али-пашине коње, између ијемачки солдата, па се немир и кавга ућинила на граници, него пише да ће у нећелу до подне доћи у Грахово и ту да буде состанак. Мени Јован то покаже и позове ме да пођем у Грахово на состанок говорећи: Лука амо неће доћи, а док се са свијем не договорим не могу с табом у Мостар поћи, премда су ме ућинили већилем, али опет ми је валја договорити. Ја одговорим да не могу у Грахово поћи, нити ће се тамо што моћи о миру свршити, него опет пошлите у Грахово да Лука амо дође. Јован тако учини али Лука није шлео из Грахово да пође. Видећи ја да не могу никаква одговора дати без состанка, а Јован и остали Банане приморају ме, те пођем у Грахово у нећелу веће 6 августа; у та доба стиге одговор из Пиве, да они не могу проћи кроз Дугу, него што гођ Јован и Лука ућини то шивлани примају и пристају. Ја то почнем говорити и казивати све оно што ми је ваше височество заповједило и наредило, Лука нити оће да вјерује, нити оће, да пристане слати у Мостар. Ја опет све по реду изкажем, и о свему увјерим. Потом Јован и игумен Теодосије и зазову га на страну, и тамо нешто проговоре а мени се опет врате; али томе Луку склопе, те и он на мир пристане, потом изберу тројицу Јована Василева, игумана Теодосију и Вука Алексића да са мном иду у Мостар, да се покоре, и да царске милости и олакшице, које је ваше височество донеле приме, и од свога уговору шине, тако се они сложише и са мном пођоше, али стиге с Цетињи од кнеза и Мирко президента Сената, да ни пошто не иду у Мостар, нити да пристану на мир, нити да приме оно што им ваше височество дава и обећава и који би преко ове заповједи пошао томе већ нема живота, они се вемо на тај глас сневеселише и предадоше. Ја им реках да се тога не боје, него свој посао гледају,

и да са мном као што су одредили у Мостар иду, они не стједоше, него мени рекоше и замолише да их 4 дана прићекам док оду на Цетиње да опет моле кнеза и Мирко да им допусте да са мном иду у Мостар. Ја се са игуманом вратим у Петровиће, а Јован и Лука са једним кнежевием перјаником оду на Цетиње. Но за луду су ишли тамо им никако не допустеше, да к вашем височеству иду и мир ућине него да се крве, и да би их још боље од мира одвратили и не би са мном у Мостар пошли, обдаре их са декорацијама крстом и медалом.

У петок 11 августа дође Јован у Петровиће и каза да им је вемо на Цетињу забранјено да не иду у Мостар, него да се бију с Турцима, потом напишу једно писмо и мени га предаду да га предам вашем височеству и копију су донифели с Цетиња, али је писмо лаживо, јер им Црногора не да пристати ни пошто, а једну су писмо послали рускоме консулу Безобразову у Мостар од прилике, као и вашем височеству. Кад народ у Банјанима ћу да им Црногора да не помприти се тада се све веома сневесели и проклинати оне којим то забранују. Потом ја у петок веће из Петровића пођем и у Билећу дођем. Ваше височество то је све што је шледовало док сам ја по вашој високој заповједи међу нјима био. Овђе имам још изложити вашем височеству што сам ћуо кад сам међу нима био од Луке Вукаловића, да је нјему порућио француски консул из Скадре Хихард и руски из Дубровника да не иду у Мостар к вашем височеству нити да пристану на оне олакшице које се садржавају у вашој прокламацији. А Ђорђе Марковић терђоман прускога консула што су га комисари међу них слали, што им је говорио, није су га могли ништа разумјети, најтошље им је рекао да се не предају јер кад тако на оружју стоје имају вишу важност сваке интересе ућинили су, те никога нису послали вашем височеству со тим остајем.

Подписано: Никифор Дучић
Верно: Вал. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 230—232 об. Заверенная копия.

Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о тяжелом экономическом положении Боснии и о бездействии сараевского митрополита Игнатия в защите интересов христиан

№ 112

15 (27) августа 1861 г. Сараево

Донесением моим от 1 августа за № 100 я имел честь уведомить ваше сиятельство, что из Фойницкого кадилука взято для отправления в Герцеговину 500 товаров пшеницы и что вероятно и из других мест Боснии потребуются значительное количество оной. Мои предположения оправдались. Ныне я осведомился, что из Высокского кадилука взято 2 000, а из Травникского 700 товаров, но я не мог еще узнать о распоряжениях касательно других мест. Приняв в соображение, что товар состоит из 400 ок и нагружается на одну лошадь, которая часто не возвращается владельцу, можно составить себе понятие о тяжести подобных повинностей. Неурожай кукурузы положитель, и в виду предстоящих нужд народа и во избежание совершенного голода правительство сочло нужным запретить из Боснии вывоз этого хлеба. К увеличению несчастий жителей в окрестностях Высоко и Фойницы в продолжение нескольких недель был довольно сильный падеж как на лошадей, так и на рогатый скот, преимущественно же на первых. К счастью, ныне он значительно уменьшился, и, по словам

бывшего на месте на следствии доктора Вели-бей (австрийского выходца), можно надеется, скоро совершенно прекратится.

При всех бедствиях, томящих бедных жителей Боснии, угрожаемых окончательным разорением, обещания Омер-паши, торжественно обнародованные месяца с два тому назад, остаются лишь на бумаге, и со стороны властей не сделано решительно ни одного шага к приведению в исполнение хотя бы одного параграфа из стольких помещенных в прокламации сердар-экрема¹. Я вполне убежден, что кроме присутствия самого Омер-паши нет никаких средств для улучшения быта христиан и их отношений с мусульманами. Дела же герцеговинские едва ли скоро позволят Омер-паше прибыть в Сараево, и потому улучшения, дарованные христианам последним хаттом покойного султана, могут еще долго остаться не приведенными в исполнение.

Ко всему изложенному мною выше я с прискорбием должен присовокупить, что неисполнению прокламации много способствуют как торговцы, отделившие себя от единоверного им народа и составляющие самый низкий и подлый класс жителей, так равно и здешний митрополит Игнатий.

При торговых спекуляциях частые сношения их с властями и с мусульманским населением лишили торговцев всякого сочувствия к страданиям христианских поселен и сделали из них низкопоклонников, людей без сердца и без совести, людей, наконец, по моему мнению, скорее вредных, чем полезных для их несчастных собратий — простолудингов.

Что же касается до митрополита, то представленное мне о нем многими лицами мнение во всех отношениях для него невыгодное и которое я в свое время имел честь излагать вашему сиятельству в донесениях моих в январе месяце сего года, со дня на день более и более подтверждается². Он не только не отвечает своему епископскому сану и достоинству, не только лишен энергии для заботы о пастве, но даже, сколько я заметил, не хочет и понять своих обязанностей, заключающихся в защите перед властями духовенства и его паствы. Все действия его до сих пор ограничились рукоположением в священнический сан довольно порядочного числа босняков, за которое он получает от 20, 30 до 50 червонцев, и мерами для сбора с народа следующих ему податей, которые, однако, как я то предвидел, платятся при теперешней бедности с большим трудом. Мои советы и убеждения уважаются им весьма мало. Когда прокламация была объявлена и когда дошла до меня весть, что мостарские жители заказали себе колокола, то я, видя, что здешние христиане не думают нимало о снабжении ими своей церкви, имел свидание с митрополитом Игнатием, в котором я изложил ему всю пользу, которая ожидает христиан, если они повесят в церкви колокола, ибо это был бы один из главных ударов, которым христиане поразили бы гордость и нетерпимость мусульман. Ответ владыки был следующий: «Помилуйте, колоколов не нужно, мы жили до сих пор без них, молились также хорошо. Муезины возвещают на минаретах время молитвы. Нет, нет, не надо, этим, пожалуй, еще более рассердишь турок». Подобный ответ не требует комментариев, из него ваше сиятельство сами изволите увидеть, каков нынешний представитель и глава боснийского единоверного нам народа.

Более трех лет тому назад здешние православные христиане, возмев желание воздвигнуть в Сараево еще другую церковь, обратились в Константинополь с просьбою о выдаче им фирмана на помянутую постройку. Им не было отказано, и в скором времени получен был здесь фирман, позволяющий христианской общине постройку нового храма. Здешние власти, как и всегда, противились тому, искали предлогов к недопущению построения, однако, покойный митрополит Дионисий неоднократно требовал от генерал-губернатора разрешения строить церковь. Он умер, и после

него дальнейшие преследования этого дела остались в стороне. Ныне же, несмотря на подтвержденное дозволение строить церкви, торговцы и с ними митрополит оставили намерение свое, боясь, что это в настоящее именно время не понравится туркам, народ же не довольствуется одной тесною церковью, весьма желает иметь еще другую и имеет полное право того требовать, ибо значительно способствовал к собранию на этот конец капитала, на часть коего и куплено уже место. Я говорил с митрополитом об этом деле, но он не желает иметь никаких столкновений с властями и не хочет подать свой голос за справедливое требование народа.

С глубоким почтением.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 803, л. 129—131. Копия.

¹ См. док. 160, 162 и примеч. к ним.

² Е. Р. Шулепников доносил А. Б. Лобанову-Ростовскому 3 (15) января 1861 г. о недовольстве населения назначением нового митрополита Игнатия и давал ему отрицательную характеристику (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2325, л. 1—4).

173

Доклад А. М. Горчакова Александру II о выделении денежной суммы в помощь христианскому населению Мостара, пострадавшему от пожара

18 октября 1861 г.

Вследствие сообщенных коллежским ассессором Безобразовым сведений о бедствиях, постигших мостарских христиан от пожара, уничтожившего часть города, вашему величеству благоугодно было изъять всемогущественнейшее соизволение оказать пособие пострадавшим¹. На основании сего решился я употребить на этот предмет 1 500 рублей серебром из 11 500 рублей, остающихся в Министерстве иностранных дел от суммы, собранной на пособие христианам на Востоке, о чем имею счастье всеподданнейше донести вашему императорскому величеству.

К[нязь] Горчаков

Помета Александра II: Очень хорошо. В Царском селе. 18 октября 1861 г.
АВПР, ф. ГА I—I, д. 37, л. 87. Подлинник.

¹ См.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 197—203 об.

174

Прошение високовской православной общины Е. Р. Шулепникову о подчинении високовской школы сараевскому женскому училищу и о присылке учителей

Не позднее 19 октября 1861 г.*

Нюву високо царско руском славном правительству од общине из касе Високог, у коме има христиански кућа од 70 до 80 и све сиротине и сиромаштине фала богу. Храм имамо кои смо начинили има неколике године. Са својем трудом и с помочи народа и пријатеља прослужило и

* Датируется по препроводительному донесению.

процвятила с даром богатием од ваше високе славне стране и покрай цркве начинили смо школу и завели да се деца уће помало како смо кад могли, некада имали учителя, а некад нисмо. Сад на жалост не имамо никако и видимо да смо до тога дошли беднога стана да га нисмо никака кадри издржавати. Касаба е мала, а бог дао деце доста: и мушке, и женске. Народ би желио да им деца не остану без науке, због тога покорно молимо високо славно правителство да се смилује учинити рукопомоч за школу; не били како с вашим рукопомочи имали учителя и учителку¹. За учителку молимо не бисте ли јавили госпoи Стаки Скендеровой, директору девоичке [више] школе у Сараеву. Има у школи една девојка родом из Високог, која е добро изучила и могла би нама бити за учителку. Молимо учините нам ту рукопомоч и молимо да учините доброту јавити г. Стаки да нам она будне управител школа, то е наша жеља.

Ефимер ерей Перо Кошелевић
Иосо Ивановић [Печатъ]
Мило Станишић [Печатъ]
Ђорђо Степановић [Печатъ]

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 803, л. 152. Подлинник. Печатъ церкви Св. Прокопия в г. Высоком и 3 оттиска личных печатей; л. 153. — пер. на рус. яз., современный подлиннику.

¹ 19 октября 1861 г. Е. Р. Шулепников переслал прошение общины г. Высоко директору Азиатского департамента МИД Н. П. Игнатьеву. В препроводительной записке Шулепников ходатайствовал об удовлетворении просьбы жителей города (см. АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 803, л. 150—151).

175

Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о безуспешности попыток французского консула в Мостаре Эккара возобновить деятельность комиссии европейских консулов по делам Герцеговины и о сражении повстанцев с турецкими войсками

22 октября (3 ноября) 1861 г. Мостар

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

19 (31)-го текущего возвратился я из Рагузы в Мостар и теперь спешу представить на благоусмотрение вашего сиятельства отчет всего происшедшего во время моей поездки как касательно комиссии¹, так равно и настоящего положения дел в Герцеговине в связи с восстанием наших единоверцев.

Как я уже имел честь доносить вашему сиятельству, собрание гг. комиссаров в Рагузе, вызванное действиями и поисками г. Геккара², заставило и меня отправиться туда же, тем более, что согласно последнему телеграфическому приказанию вашего сиятельства пред прекращением действий комиссии в августе сего года от 7 (19) авг[уста]³ комиссия должна была возобновить свои действия, если бы к тому представился удобный случай, испросив предварительной инструкции своих представителей. Таковая возможность представилась в сообщенных мне г. Петковичем уверениях г. Геккара, что старейшины восставших обещали прибыть в Рагузу для переговоров с комиссарами. В этом смысле доносил я и вашему сиятельству телеграммой моим от 23 сентября (5 октября). Хотя г. Петкович и уведомил меня отношением своим от 27 сентября (9 октября), № 287, что сообщенные им известия о прибытии старшин в Рагузу не подтверждаются, но сообщенная им копия с письма к нам

князя черногорского, таковую я уже имел честь представить вашему сиятельству от 13 октября за № 254, подавала новый повод к переговорам между нами, к чему приглашали меня и мои коллеги, и потому я решился отправиться в Рагузу, дабы самому лично убедиться в намерениях остальных комиссаров и в их образе мнений насчет настоящего положения дел в Герцеговине, а равно и насчет письма его светлости князя Николая.

В течение десятидневного пребывания моего в Рагузе я мог только убедиться в том, что сведения, получаемые там из восставших пределов, лишены всякой достоверности и правдивости, и потому, находясь там, гг. комиссары никак не могут следить за событиями в Герцеговине, вопреки уверениям гг. Геккара и Блау, а еще менее действовать, если бы к тому даже и представился случай в деле пассивации страны, будучи удалены как от театра событий, так равно и от генералиссимуса турецких войск, с которым мы должны в силу наших первоначальных инструкций действовать вместе.

Кроме того, я имел случай, равно как и остальные мои коллеги, убедиться в неправильности действий французского комиссара, действующего с очевидною преднамеренностью и притом совершенно не в духе общего единства и согласия. Со времени вступления г. Геккара в состав комиссии мы имели случай неоднократно замечать не только желание его первенствовать, но и домогательство его к самостоятельным и безотчетным действиям. Г. Геккар простирает таковые стремления свои до того, что сказал нам, когда мы представляли ему, что согласно инструкциям нашим мы должны действовать совершенно согласно и совокупно, а никак не отдельно, как он уже начал было. Г. Геккар сознался нам, что он не читал еще инструкции, ни протоколов наших, переданных ему г. Тиссо, и что в случае если представится возможность действовать, он не будет дожидаться получения новых инструкций, но будет действовать под личною ответственностью. При таком различном воззрении на предметы мы не могли конечно никак согласиться и кроме того, не предвидя решительно никакой возможности нового вмешательства комиссии, по крайней мере, еще на некоторое время, в особенности при усилившихся военных действиях, которые буду иметь честь изложить далее, я объявил моим коллегам, что оставляю Рагузу, где не предвижу никакой возможности действовать, предупредив их с тем вместе, что я ни в каком случае не считаю себя вправе приступить к каким-либо действиям, не испросив предварительно в случае нового собрания комиссии инструкций вашего сиятельства и императорского министерства, как это и предписано нам коллективно и означено в протоколе последнего нашего заседания.

Кроме того, я присовокупил, что в случае нового собрания комиссии я полагаю, что согласно основным инструкциям нашим мы должны будем собраться в Мостаре, а не в Рагузе, так как действия комиссии исключительно должны быть обращены на Герцеговину.

Английский комиссар остался одного со мною мнения и в этом смысле писал своему посланнику в Константинополь. Завтра он приезжает в Мостар и, кажется, намерен возвратиться до новых приказаний в Боснию.

Австрийский же комиссар получил, как я слышал, уведомление из Вены, что австрийское правительство не находит возможным в настоящее время вмешательство комиссии и что это же мнение разделяет и английский кабинет. Таким образом старания г. Геккара восстановить действия комиссии остались без успеха.

Присем я долгом считаю довести вашему сиятельству, что, по моему крайнему убеждению, посредничество комиссии между Омер-пашою и восставшими без особенного с той или другой стороны на то приглашения скорее может повредить при теперешнем положении интересам наших

единоверцев, чем поддержать оные, ибо в настоящую минуту христиане уже никак не удовлетворятся уступками Порты, которая с своей стороны также не согласится еще, может быть, на увеличившиеся, хотя и справедливые требования своих восставших подданных, ибо, сколько можно судить по всем действиям турецкого правительства, Порта никак еще не хочет убедиться, что силою оружия она ничего не может сделать к успокоению страны, а что, напротив, насилия, жестокости и несправедливости могут восстановить и оставшуюся доселе в повиновении половину Герцеговины. Между тем последние происшествия в Герцеговине должны бы были открыть, наконец, глаза турецкому правительству и побудить его приступить к более справедливым мерам и уже так давно обещанным улучшениям быта христиан Герцеговины.

Как я уже имел честь доносить вашему сиятельству по телеграфу из Рагузы от 13 (25)-го текущего, восстание христиан, сосредоточивавшееся доселе в пограничных только с Черногорией округах, начинает распространяться и в глубь страны. 12 (24)-го Лука Вукалович с отрядом до 1000 человек вступил в пределы Требиньского кадилука⁴ и напал отдельными отрядами на окружающие Требину заняты турецкими башибузуками села Леково, Любахово, Орашье, Талежи и под самым Требиньем с. Згоньево у Дживару, где был сам Вукалович. Кроме того, в тот же день чета восставших прошла в Шуму, доселе оставшуюся спокойною, и оттуда в Попово (внутрь страны) в село Драчево в 6-ти часах от Стольца, следовательно, в 12-ти от Мостара. Во всех вышеозначенных местностях происходил в течение всего дня жестокий бой, село Любахово было сожжено, находившиеся там 50 человек арнаутов должны были отступить, причем начальник их Саид-ага был ранен. Находящиеся в Требинье войска в числе 2000 человек, из которых только один батальон регулярного войска, не могли одержать верха над христианами и вечером принуждены были отступить к Требинью с потерей нескольких убитых. Отряд христиан под начальством Дмитрия Мрчена и Иовы, брата Вукаловича, напал на кулу (башню) в Талежи, гарнизон которой выпущен был только по просьбе монахов монастыря Дужи. На Згоньево у Дживара был сам Лука, как говорят, с несколькими горными орудиями. На другой день христиане сожгли кулу в Дриене и усилили осаду Лекова, где затворились 40 человек арнаутов. Турецкое войско, вышедшее снова в Требину для освобождения осажденных, встречено было христианами в долине Миховой между Орашьем и Лековым, где и произошел сильный бой, последствием которого было отступление турок с потерей 40 человек убитыми и значительного количества раненых. Между тем игумен Дужского монастыря о. Евстахий еще 12 (24)-го с самыми ценными вещами и церковными утварями переехал на австрийскую границу, оставив в монастыре своего наместника о. Никифора Дучича, нашего корреспондента, с писем которого я и привожу вышеозначенные сведения, вполне подтверждаемые всеми получавшимися нами в Рагузе известиями. Жители Шумы переносят вещи свои на австрийскую границу, куда в значительном количестве перешли с своими семействами.

Письмом своим от 15 (27)-го октября, корреспондент нам подтверждает сообщенные им сведения от 14 (26)-го и прибавляет, что Лука Вукалович, находящийся в с. Сливине известил его, что 12 (24)-го было нападение на Омер-пашу в Пиве, причем убито турок 500 человек, а христиан 10 убитых и 50 раненых. В том же письме он уведомляет меня, что жители округа Шумы решились разделять участь их братьев и готовятся к восстанию. Монастырь Дужи оставался в совершенном спокойствии как со стороны турок, тем более и со стороны христиан. С тем вместе он уведомляет меня, что одна чета проникла в Попово и сожгла Драчево, турецкое село

близ Любинья. Письмом от 16 (28)-го о. Никифор уведомляет меня, что в ночь с 15-го на 16-е христиане напали на предел Требинья и сожгли несколько турецких домов.

Все эти сведения подтверждаемы были постоянно женщинами, доставлявшими мне эти письма в Рагузу, из которых некоторые даже говорили, что они имели случай видеть головы убитых турок.

Между тем в Рагузе распространился слух, что Омер-паша окружен, все пути снабжения ему пресечены и даже сообщение между Мостаром и Невесиньем прекращено и что восставшие угрожают даже овладеть Столцом, как о том уже доносил г. Петкович г. директору Азиатского департамента. Как ни странными казались мне эти слухи, тем более, что г. Ионин ничего не сообщал мне об этом, я поспешил в Мостар, где и узнал следующее как из рассказов христиан, так равно и из слов Омер-паши, прибывшего сюда третьего дня.

Турецкие войска вступили в Пиву в числе 10-ти батальонов и до трех тысяч башибузуков 6 (18)-го текущего. Первые дни они были заняты укреплением лагеря, и только 12-го было дело башибузуков Чингича с христианами, причем, по словам Омер-паши, башибузуки оказали чудеса храбрости и нанесли значительный урон христианам; по словам же христиан, соглашающихся вполне с известиями нашего корреспондента и подтверждаемых мусульманами, христиане одержали верх над башибузуками, из которых на месте осталось несколько сот человек, и сам Чингич опасно раненый спасен был подоспевшим батальоном. На следующий день из двух отправившихся на фуражировку батальонов, по словам христиан, возвратилось весьма немного. Наконец, третья битва на Горанском: дело окончилось снова не в пользу турок. Во всех этих делах, по уверению Омер-паши, принимали участие и черногорцы. Мне также известно из сообщения г. Петковича, что это мнение Омер-паши справедливо и что черногорцами, из которых были ближайшие племена и кучи, начальствовали между прочими воеводы Новица Церкович, Иво Раков, капитан Маша Врбица и др. Между тем отряд пивлян и баньян под начальством Стефана Радоевича и Джокко Радова пресекли действительно сообщение Омер-паши с Гацком, но потом должны были отступить, и таким образом Омер-паша, оставив 4 батальона с бригадным генералом Мехмед-пашою в Пиве, возвратился 17 (29)-го текущего в Гацко, по словам христиан, с тремя только батальонами, оставив при том достаточное количество раненых и убитых по дороге. Сведения эти я имел от христиан и отчасти мусульман, которые все говорят, что ливская экспедиция была едва ли не страшнее для турок граховского дела. Омер-паша, напротив, говорит об успешном результате своего похода и уверял меня вчера, что между убитыми и ранеными в трех последних делах между христианами считают до 1800 человек, между которыми до 7 воевод и капитанов черногорских, список которых он даже будто бы имеет, хотя никак не хотел показать мне оного.

Омер-паша положительно обвиняет теперь Черногорию и сказал мне, что он надеется, что Порта решится, наконец, действовать против Черногории, что, по его словам, весьма легко, так как войска имеют значительные запасы провiantа и хорошо одеты для зимнего похода. Может быть, это и справедливо, но, сколько мне известно, войска нуждаются как в съестных припасах, так и в одежде, и теперь еще труднее будет доставлять им все нужное.

Доселе я еще не мог собрать более положительных сведений и потому не могу поверить точности слов Омер-паши, ни показаний христиан. Я послал в Пиву верных людей и надеюсь с следующей почтою представить вашему сиятельству более верные и подробные сведения. Между тем

показания христиан подтверждаются огромным числом раненых, которыми ежедневно наполняются турецкие госпитали. По сведениям от австрийского агента из Требинье в среду 18 (30)-го текущего до 2000 человек низама и башибузуков напали на христиан при Леково, но были отражены, оставив на месте 59 убитых и 22 раненых. Монастырь Дужи в руках Луки Вукаловича, и нет сомнения, что вся Шума уже востала: 19 (31)-го два батальона низама пришли на подкрепление в Требинье.

Вчера получено здесь из Константинополя приказание об уничтожении присланной сюда турецкой комиссии.

В заключение я долгом считаю представить вашему сиятельству, что, пользуясь пребыванием своим в Рагузе, отправился было в Требинье как для того, чтобы ознакомиться хотя несколько с этим краем Герцеговины и осмотреть монастырь Дужи, игумену которого хотел передать для наиболее нуждающихся единоверцев всемиростивейше пожалованным на сей предмет ее императорским величеством императрицею суммы. С таковым намерением выехал я 12 (24)-го после полдня в Требинье, где каймакам, извещенный турецким консулом о моем приезде, ожидал меня еще накануне в среду. Со мною вместе отправился секретарь английского комиссара г. Фриман. За 2 1/2 часа пути от Рагузы встретил я игумена монастыря Дужи, который сказал мне, что он идет по делам в Рагузу и что на следующий день надеется вернуться в монастырь, где меня ожидает его наместник. На вопрос мой о новостях он ответил мне, что утром было дело в окрестностях Требиньи, но что он не знает его последствий. Как оказалось потом, он боялся сказать мне истину из опасения к г. Фриману. Хотя нам тогда показалось весьма странным, что мы ничего о том не знали в Рагузе до нашего отъезда, но мы решились спуститься к арнаутскому посту за Дриеном, чтобы дать там отдохнуть лошадям и узнать что-либо более подробное. В хане этом услышали мы явственно перестрелку. Начальник поста, состоящего из 9-ти человек, убедил нас, так как приближался уже вечер, остаться в poste, не отвечая за безопасность пути и не зная, что делается кругом нас. Мы вынуждены были последовать его убеждениям и остались в poste. Между тем я просил его послать надежных людей к месту сражения, чтобы иметь какие-либо сведения. Один из этих посланных возвратился около 4-х часов утра 13 (25)-го и сообщил, что Любохово сожжено и занято христианами, что арнауты, соединившись с остальными войсками, отступили к Требинье и что начальник их велел начальнику поста на Дрине озаботиться средствами к собственному спасению. К этому посланный прибавил, что он опасается, чтобы христиане не напали и на Дрину (где мы находились). Получив таковое известие, мы немедленно решили возвратиться в Рагузу и потребовали конвой; начальник поста объявил нам, что он не имеет ни провианта, ни снаряжения, не может защищаться, отправился конвоировать нас с своими 9-ю людьми до австрийской границы, где и соединился с другим арнаутским отрядом. Утром прибыли мы в Рагузу. Я упоминаю здесь об этом событии потому, что неудавшаяся поездка наша в Требинье подала повод к весьма неприятному объяснению с г. Геккаром. Французский комиссар не затруднился обвинить меня в преднамеренном путешествии моем в Требинье с целью свидания с начальниками восставших, о нападении которых, по его предположению, я должен был быть извещен. Путешествие же г. Фримана г. Геккар объяснил тем, что он послан английским комиссаром для контролирования моих действий. Услышав подобное нелепое предположение г. Геккара и встретив его у г. Холмса, я просил его объяснить мне, на чем основывает он свои предположения, зная весьма хорошо, что я уже несколько дней собирался ехать в Требинье, о чем даже турецкий консул с моего ведома сообщил каймакаму, и как он

объясняет, что, отправившись с целью свидания с начальниками восставших, я провел ночь на турецком poste и с турецкою эскортою возвратился на австрийскую границу, не выдав никого. К тому, прибавил я, ему хорошо известно, что известие нападения христиан получено в Рагузе в 4 часа пополудни, т. е. два часа после моего отъезда. Г. Геккар не мог объяснить своих предположений и, сконфуженный, должен был извиниться передо мною, прибавляя, однако, что он предполагал, что мне и нашему консулу известно еще с 10-го числа, так же как и ему, о готовящемся нападении христиан (о чем положительно ничего не было известно в Рагузе) и что он не сказал мне об этом, когда я садился при нем на лошадь, потому что он никогда никому ничего не сообщает. Попросив г. Геккара быть на будущее время поосмотрительнее в своих предположениях насчет действий его коллег, до него нисколько не касающихся, я обещал ему точно также прямо и откровенно поступать и с ним впредь, как и он поступил со мною.

Я позволил себе распространиться по сему случаю собственно потому, что, как нам известно, г. Геккар еще до нашего возвращения в Рагузу уже поспешил довести свои безрассудные и весьма не деликатные предположения до своего начальства.

Я не преминул обо всем этом переговорить с г. Петковичем, который и сам узнал о нападении христиан на Требинье по моем отъезде из полученного им письма по сему случаю Луки Вукаловича.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

Вал. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 269—274. Подлинник.

¹ О деятельности комиссии по урегулированию герцеговинско-турецкого конфликта см. примеч. к док. 160, 162.

² Опасаясь разрастания герцеговинского восстания в общеславянское антиосманское восстание, Франция требовала от Порты согласия на право вести переговоры с повстанцами и Черногорией европейской комиссии. Очевидно, этим объясняется стремление Экара возобновить ее деятельность (см.: Алексий Л. Политика Франции према херцеговачком устанку 1861—1862 године — Исторически часопис, 1960, № IX—X; Павичевич Б. Црна Гора у рату 1862. Београд, 1963; а также примеч. 1 к док. 96).

³ См. док. 168.

⁴ В этот день Л. Вукалович возобновил восстание. Незадолго до выступления и письме К. Д. Петковичу он обосновал свое решение тем, что ни одно из обещаний османских властей не было выполнено, народ потерял всякую надежду получить какое-либо облегчение от посредничества европейской комиссии и он не может более противиться воле народа взяться за оружие (см.: К. Д. Петкович — Н. П. Игнатьеву № 311 от 15(27) октября 1861 г. — АВПР, ф. ГА V—A₂, л. 723, л. 236—237 об.).

176

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о сражениях повстанцев с турецкими войсками в Требиньском округе

28 октября 1861 г. Зубцы

Ваше високоблагородије!

По зактевању и жели вашого високоблагородија доходим радостно све ове догађаје саопштити, који су се од када сам вас о овом предузману моме известно, овде сбили, не могавши више тужбе и јадиковане овог бедног народа слушати, а јоште мане, безделна турска са очима гледати, скупио сам неколико храбри војника, и пошао је уз Шуму, да право оне Турке разтерама; који су онде браћу нашу сваки самовластијем горко

мучили; срећа ме јенови пут са помоћи божијом добро и верно послужила, те изтера из седам кула Турке, и више од стотину паланака попало, у две куле код Лекова били су се Турци затворили, што ми је две битке проузороковало и две славне победе принело.

13^а октобра удари Мамуд-паша са више од хиљаду војника на Лекове да [из] ње затворене Турке избави, и тако са војском разтера ја који сам куле чуво да ми Турке не утечу, дочекам га са моим малим числом храбри јунака, те одма огњ из пушака започели, који је од два сата п[о] п[одне] до после четири п[о] в[ечери] трајао, и Турци негде пре одступати док не поведе војску моју на јуриш, тада тек Турци леба окрепуше и бегати начиноше, по моји Херцеговци хитро и стиглоше, и страовито потукоше, два бим баше, пали су и један велики барјак, арнаутскога Туфтор бега задобивен, а Турке до под Требине одјурени, без да су из куле, затворене Турке избавити могли. 18^а октобра удари опет Мамуд паша са више од 2.000 Турака опет на Лекову, и мислаше да поколе од 13:00 в[ог] м[есеца] освети, и затворене Турке избави, али га и ови пут зла срећа послужила, да се јоште срамније нежер 13^а о[в]ог м[есеца] повратити морао. Ја сам га са три стране дочекао, и текер што се огњ из пушака започео на нега јуришио, са отим сам га тако сбунуо, да се приморан видно бегати, и што пре врата града требинског уватит^а. У том боју баше страовити покољ, ту погине и Халиа Кеџић, ког су Турци као бесног и непобедитог јунака држали; у ова два боја и у првом сукобу који је 12^а на Орашје био, посечено је 60 турски глава и више од 150 пушком убијени и ранени, а од моји само је један на бојишћу мртав и 9. ранени, од који су само два из пушке, а остали 7 ножевима у крвавом боју поранени. Такове две победе могли су предузимане моје само подмоћи, и ја сам у толико лакше сву Шуму и Попове на оружије дигао, тако, да данас под управом врелог и храброг Србина, Нићифора Дучић, наместника манастира Дука у Шуми једну чест војинства имадем, које онде сваки ред уздржава, и које је приправно свако доба непријатељу отпор дати; а ја сам се са једном чести војинства тога, опет за Зубце повуко, почем сам са више страна разумео, да се Турци, из све Херцеговине пут Требине вучу, и намерно сам, како би непријатеља што више смутио, пре на него ударити, чега ради топове преправљам, и надам се са божијом помоћи који дан на Требине ударити, и тако у предузетом делу овом напредовати, зашто ми и сада оно доба указује на које већ дано са овим бедним и јадним народом изгледам, оно доба које ће нам слободу за коју смо већ толику сбрску крв проливали, принети, или, ако нас и сами бог остави, које ће нам кроз пропашћу, нашем роду крај учинити, али се ја само добрим надам, зашто досада нигда, није се ови народ са таквим одушевленим дигао, и за крвави бој спремао, и сваком је она благородна отважност, за веру и слободу погинути, која је до данас сваком народу само победоносна била, надам се у бога да ће и нами, ови пут таква бити.

Са особитом радошћу разумео сам да се један од њиових светлост великине књажева царско русијских у Дубровнику бави, надам се да ће се негова светлост у таковој близини, о истинитости, патне и јада нашег, како и од безбожног самовластија музлемана у Херцеговини осведочити, и нас бедне у заштиту свемилостивјеши узети, ваше високоблагородије пак молим, да неговој светлости великом књазу русијскоме данашњи положај наш саопштите, и нас Херцеговце високој милости неговој препоручите.

Са особитим почитанијем вашог високоблагородија понизни
Лука Вукаловић

ЛВНП, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 250—251. Подлинник.

Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому
о разгроме турецких войск герцеговинскими повстанцами
и о переговорах Омер-паши с пивлянами

№ 280

29 октября (10 ноября) 1861 г. Мостар

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Последним донесением моим от 22 октября (3 ноября) сего года, № 273,¹ я имел честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства различные сведения о событиях в Пиве как со слов Омер-паши, так и по сведениям, доставленным мне христианами.

Ныне я получил положительные сведения от посланных мною в Пиву людей, подтверждаемые также и словами бывших вместе с войсками Омер-паши христиан. Из этих сведений следует, что войска турецкие потерпели весьма значительный урон, несмотря на все уверения Омер-паши, что у него всего до 200 человек убитых и раненых. Из башибузуков Ченгича погибло в первом деле около 1000 человек убитыми и разбившимися о камни при преследовании их христианами. Кроме того, около 500 голов принесено в Баньяны, и у Ченгича было до 100 человек тяжело раненых. Потери низама еще значительнее, по уверениям всех христиан и мусульман, два табора, посланные на фуражировку, не возвратились; кроме того огромное количество раненых наполнило госпитали в Гацко и Невесинье, что подтверждают и самые медики. По полученным мною известиям и христиане потерпели также значительные потери ранеными, убитыми же до 50 человек. Все-таки это число далеко не так велико, как говорит Омер-паша, по словам которого один Новица Церович потерял около 500 человек убитыми. Христиане, бывшие с войсками, уверяют, что во все продолжение пребывания Омер-паши в Пиве только одна голова христианская была принесена турками. Кроме того, по полученным мною сегодня сведениям от попа Богдана Зимонича, которого Омер-паша посылал к пивлянам с приглашением их к покорности, по дороге в лесу и ущельях огромное количество мертвых непогребенных турецких тел. По этим же известиям, сам Омер-паша мог отступить только вследствие обмана, орудием которого служили некоторые христиане, подкупленные Омер-пашею, объявившие себя будто бы посланными от князя черногорского, чтобы остановить нападение на турок; люди эти были охвачены и отведены в Цетинье. Нападавшие были пивляне и баньяне, а Новица и Иво Раков не принимали никакого участия в деле, не подоспев вовремя. Судя по всем этим сведениям, равно как и по упадку духа в войсках и значительной убыли в них, я не сомневаюсь, что турецкие войска в Пивском походе потерпели сильное поражение. С другой же стороны, я был крайне удивлен вчера, когда Омер-паша показал мне письмо к нему пивлян, только вчера утром полученное и как бы оправдывающее своим содержанием рассказы Омер-паши о своих победах. В этом письме, которое я прочел вместе с пашею, христиане Пивы обещают ему смириться, возвратиться в свои жилища и платить подати султану, какие будут определены старшинами их, которых они обещают прислать к Омер-паше, если последний в подтверждение истины своих обещаний, которым они, будучи столько раз обманутыми, не доверяют еще — выведет оставленные им войска из Пивы (из Гаранска), с которыми они никак не могут ужиться; в противном случае объявляют, что они решились биться до последней капли крови. Представителей своих обещают прислать с настоятелем Пивского монастыря архимандритом Сочицею. Перевод этого письма, равно как

и письма от ускоков, не показанного мне, но в котором, как мне сказал Омер-паша, ускоки требуют крови, отправляется с сегодняшней почтой в Константинополь. Омер-паша при мне же продиктовал ответ пивлянам такого содержания: он рад, что они обращаются на правый путь, убеждает их поверить его словам, обещает не только вывести войска из Пивы, но и обязуется, что христиане Пивы никем впредь не будут тревожимы, но требует, чтобы в доказательство искренности их слов христиане прежде вывода войск прислали к нему своих поглаварей. Таким образом, обе стороны делают условия, и я, зная характер здешних христиан, полагаю, что все это кончится только перепискою, как это уже было несколько раз. В этом мнении подтверждает меня и то, что пивляне одни не могут ничего сделать, а за баян и зубчан почти положительно можно сказать, что начальники их, в особенности же последних, едва ли покорятся добровольно туркам; да и притом едва ли в состоянии будут это сделать при значительном количестве черногорских ускоков, доминирующих их своим моральным и численным влиянием.

Кроме того и поп Зимонич, по приказанию Омер-паши бывший в Пиве и доставивший оттуда на турецкие аванпосты означенные письма пивлян и ускоков, как я узнал сегодня, поручил мне сказать, что пивляне так действуют, чтобы только заставить Омер-пашу вывести свои войска из Пивы, но что они решились не подчиняться туркам ни под каким видом.

Омер-паша полагает, кажется, серьезные надежды на усмирение христиан по частям и вчера сказал мне, что теперь было бы время к вмешательству европейской комиссии.

Со стороны Требинья восставшие продолжают занимать округ Требиньский, Шуму, где монастырь Дужи, и Попово до Любинья. Омер-паша собирает в этом направлении свои войска, намереваясь, как он сам мне сказал, окружить восставших и, разбив их, положить конец восстанию.

Константинопольская комиссия, как я уже имел честь доносить вашему сиятельству, вызвана отсюда потому, как сказано в визириальном письме, что в настоящее время ей не предстоит более заявить. Сколько я мог узнать, Омер-паша не чужд распуцению этой комиссии, окончившейся, как и другие турецкие комиссии, не сделав решительно ничего к достижению предположенной цели.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

В. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 280—283. Подлинник.

¹ См. док. 175.

178

Письмо Н. Дучича В. В. Безобразову о разграблении турецкими войсками монастыря Дужи

2 ноября 1861 г. Сливница

Познато вам је из мојих рапоратах како су се Зунци и војвода Вукаловић били повратили у Зунце; а ја са Шумјацима и неколико Црногорацах одапирали смо се свој сили турској, док наишлоше Махмуд-паша и Мехмед-паша добише подређене и продријеше у наш манастир Дужи; и одмах појеше Турци чинити своја обична зла и поганлуке, цркву јаросно разбише и све из ње пограбише и иконе погама потрепаше и осквернише!!

А у зово, које је руски прилог по сто пушака удараше! Па још нијесам могао дознати је ли остало у цјелости. Ја сам одмах из метерица неколике живе рјечи написао и војводи Вукаловићу послао, које су као жива ватра биле примљене; и ево одмах данас даље је једно 500. Српских витехова, и сјутра ћемо т. ј. 3 овога мјесеца срећу окушати и на Турке јуриш учинити у манастиру. Шта ће бити јави ћу вам. На Пиву су Црногорци опет отишли, и у око метнули. За кратко време ћете доста ћуда и јада от Турака.

Ваше високоблагородије, покорно молим вас, да високому правительству и његову императорском величеству цару свијех Русах јавите за ова варварска, не човјечна и богомерска дјела, која је турска војска наћинила у манастиру Дужи 31 пр[ошлог] мјесеца. А ми ћемо се с Турцима борити док гођ један теће

Нићифор Дућих, командант српске војске
Верно: Вал. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2049, л. 297 и об. Заверенная копия.

179

Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о волнениях в Бихачком санджаке мусульманского населения, отказывающегося от уплаты податей

№ 149

7 (19) ноября 1861 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

С предыдущей почтой я имел честь доносить вашему сиятельству о возмущении, начавшемся в Боснии в Бихачском санджаке¹, ныне же долгом моим считаю сообщить несколько подробностей об этом факте.

В возмущении не участвует ни один христианин, а поднялись только мусульмане, отказывающиеся от платежа податей. Поводом к тому послужила бедность, которая в последнее время значительно увеличилась как от сильных военных повинностей, так и от дурного неурожая этого года. Мусульмане, говорят, в числе 5 до 6 тысяч человек собрались вооруженные на австрийской границе между Бихачем и Островцем и на вопрос местной власти, чего они хотят, отвечали, что, не имея откуда платить подати и чем пропитывать себя, идут в другое место искать средств к жизни. Хотя они при том объявили, что они вооруженной рукой не пойдут ни на кого, однако, тем не менее манифестация эта произвела сильный эффект на Осман-пашу, справедливо опасавшегося, что люди эти в случае нужды или вооружатся, или перейдут в Австрию. Паша счел нужным не продолжать своего путешествия в Бихач и ограничился пока отправить к восставшим из Баялуки прокламацию, в коей он их увещевает разойтись мирно по своим домам, дабы в противном случае не дать ему повода действовать на них военной силой.

До сих пор я не имею других сведений об этом предмете, но надеюсь с будущей почтой быть в состоянии донести вашему сиятельству о дальнейшем ходе этого дела.² Пока только я долгом считаю уверить вас, что, хотя Осман-паша при своем отъезде старался показать мне, что не придает большой важности этому происшествию однако, сколько я мог ныне убедиться, он им поражен до чрезвычайной степени, и, несмотря на его доброту и осторожность, едва ли удастся ему устроить это дело с успехом, ибо в таковых случаях нужны деньги, а именно в них то здесь и главный недостаток.

С глубоким почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства, покорнейшим слугой

Е. Шулепников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2325, л. 110—111. Подлинник.

¹ См. донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому от 31 октября (12 ноября) 1861 г. (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2325, л. 108—109).

² 5 (17) декабря последовало более подробное донесение Е. Р. Шулепникова, № 165 (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2325, л. 118—119), основанное на собранных им сведениях: несколько тысяч мусульман собрались без оружия между Бихачем и Островцем, жалуясь на тяжесть податей и повинностей и угрожая перейти в Австрию, если эти поборы будут с них взиматься в текущем году. Осман-паша сам направился в Бихач, ему навстречу была выслана депутация из 4-х человек. Выслушав их жалобы, паша потребовал прибытия в Бихач по 10 человек от каждой нации. Убедившись по ходу беседы с ними, что мусульмане противятся платежу «законных» податей, арестовал около 70 человек, затем — нескольких мудилов и членов меджлисов. Вместе с тем, чтобы задобрить жителей, он самым бедным из них раздавал одежду и обувь.

Шулепников считал, что в этих беспорядках замешана Австрия.

Подробнее о прекращении волнений мусульманского населения в обеих санджаках — Бихачском и Баялузском см. док. 185.

180

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о встрече с генерал-губернатором Далмации Г. Родичем в связи с требованиями австрийских властей разрушить укрепления в Суторине

12 ноября 1861 г. Сголац

Ваше высокоблагородије господин консул!

Неодложно хитим прво вашом высокоблагородију јавити да сам јучер пред подне са генералом Родичем на граници нашој на кунак састанак имао, јоште пре осам дана позвао ме је подполковник Петрић из Новог на ови састанак, но ја сам му из Цвећа ди сам се находио одговорио, да ми војни послови не допуштају, и да ћу му кад будем времена, имао, дан састанку објавити, потом сам у пут на Цетине писао, писмени позив приложио, и за совет молио, али јошт до данас никакве наредбе у следству тога добио нисам; сам сам промислио да би добро било шта пре дознати, чега ради састанак ови са мном траже, зато сам јучерашњи дан на то определио. Генерал Родич дошао је био са мајором Јовановићем и су два негова адјутанта и неколико латина на границу ди сам га ја са неколико војника тои дочекао; по поздраву одма, саопштити да му је од стране негово највише власти наредба дошла, да се са мном састане и мени наложи, да упут оне фортеце које сам у Суторини соградио, порушим, јербо Аустрије сметају, и дао ми је осам дана времена и ако за то време фортеце са добром не обалим, да је он сам такове уклонити, и силу употребити; ја сам му на ово одговорио, да су оне фортеце зато онде уздигнуте што нашим од оне стране опасност прети, а да Аустрију сметати не могу јербо су на нашу земљу, и само оно што је наше бране, но генерал вели да фортеце доту аустријском који кроз нашу земљу води на опасност стоју, а к томе примечује јоште да је и оног земља, којег је пут, ја са саотим никако сложио нисам, и рекао сам да ја фортеце никако уклонити не могу, нити хоћу, догод не добијем јемство како од Аустрије тако и од других великих сила, да не сме нигда више Турчин преко аустријске земље и аустријскога мора на нас ударати, јербо су фортеце само зато грађене што је Аустрија преко мора и земље њиове на нас Турке пропуштала,

но ако Аустрија мисли да са силом овде ступити смеје, нека учини, ја са силој противити не могу, јербо не могу са Турчином и Аустријом заратити, а таково изискивање од мене морам као објаву ратну сматрити, и да ми је могуће, ја би и сили аустријској са мачем супростао. Кад би видно да самовластно и са насиљем на нашу земљу ступа, а шта мисли да је онога земља којег је и пут, приметно сам да би тако по свој земљи Аустрија путове градити могла, и тако на најлакши начин ову Херцеговину својом назвати, но да колико Аустрија толико исто и друге силе у овом нашем питању праведан уплив имају, а да сама Аустрија ништа издејствовати не може нити ја зактевања незина без других сила одобрења припознати хоћу нити могу; генерал Родич примети ми јоште да сам ја и сав ови народ турски подајници, и да је ово турска земља, на које сам му одговорно, да је ова земља и ови народ догде турски био, докле се болем надати могао, но од кад су сва обећања турска пред Европом као лажна осведочила и одкад је ови народ са мачем и крвљу својом земљу и себе од ига турског ослободио, престао је бити турски подајник, и сматра све што је мачем и крвљу својом задобио, као своје собствено догде, док и више силе ово питање не извиде и не уреде, а док ствар овако стоји и докле маћ носити можемо, само је оно турско што му мачом дамо, а наше шта са мачом задобијемо.

Резултат састанка остаде тај, да ја никако фортеце наше порушити већу, већ да ћу ако ми могуће буде бранити се, на које генерал Родич рече, да ће све неговој највишој власти телеграфирати, и моје меније саопштити.

Молим дакле ваше високоблагородије, да ми неодложно известија дате, како би знао чему се од овог надати имам, ова ствар приморала ме војску моју из Шуме и Попова одма натраг повучи, јербо се боим да Аустрија не пропушти са незине стране на нас Турке; Шума и Попово који се народ вас на оружје већ дигао био, остаје сада у најопаснијом положају, а као што чујем да су наши на Равноме више Гацко потучени, и ако се ови глас обистини, онда ће за јадне Шумљаке само утолико опасније бити ¹.

Ја сам на Цетине писао и писао, и помоћ молио, но никако не хтедохе ниједног Црногорца к мени послати, молим, дакле, да ме ваше високоблагородије без савета не остави, да бар дознам чему се надати имам, јербо ако ме у овом магновенију и ваше високоблагородије напусти, онда већ видим шта ми пристаје а у таквом случају приморан сам оно учинити што сам по себи за добро и одлакшане овог бедног народа видим, па шта бог да.

Са особитим почитанијем вашег високоблагородија понизни
Лука Вукаловић, војвода

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 268—269 об. Подлинник; л. 266—267 об. — пер. на рус. яз., современный подлинник.

¹ В донесении В. П. Балабину от 13(25) ноября 1861 г. К. Д. Петкович высказывает мнение, что австрийское правительство давно домогалось Суторины и что укрепления, воздвигнутые там Л. Вукаловичем, могли послужить поводом к ее занятию, чем и объясняется австрийский ультиматум. Австрийские власти отдали распоряжение генералу Родичу встретиться с Л. Вукаловичем; из Вены были получены инструкции остановить паром с батальоном хорватов, следующий из Боки Которской в Триест, и высадить его в Грахове, а также держать рагузский (дубровнический) гарнизон в состоянии готовности к походу против повстанцев (см.: АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 723, л. 264—265 об.).

Донесение К. Д. Петковича директору Азиатского департамента МИД России Н. П. Игнатьеву о вступлении в Суторину австрийских войск и разрушении повстанческих укреплений

№ 353

21 ноября (3 декабря) 1861 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Из телеграфических депеш, которые я имел честь отправить через императорское посольство в Вене, уже известно вашему превосходительству, как началось и окончилось дело окопов, воздвигнутых Вукаловичем в Суторине с целью не быть без всякой защиты на случай, если бы турки вздумали атаковать со стороны австрийских владений¹.

Эти окопы, которым австрийское правительство придало теперь громкое название фортов, доказывая, что они могут угрожать безопасности австрийской дороги, проведенной через Суторину на основании конвенции с Турцией², и австрийскому флоту, стоящему в Каттарском канале, были сделаны месяца три тому назад в глазах австрийских властей, которые, неизвестно вследствие каких расчетов, не вздумали тогда вспомнить о конвенции и воспротивиться исполнению начатых работ. Военные власти из Кастельново не только смотрели тогда сквозь пальцы на все, что происходило в Суторине, но еще помогали Вукаловичу под рукою, отпуская ему хлеб и порох. С одной стороны, австрийские власти впускали в Каттарский канал (*mare clausum* в силу конвенции Лайпцигской) турецкий военный фрегат и позволяли ему обстреливать берега Суторины, а с другой стороны, в то же время подстрекали зубчан к сопротивлению, советовали Вукаловичу признать покровительство австрийского императора и заставляли разными обманами и угрозами сделаться австрийскими подданными тех из несчастных герцеговинцев, которые искали убежища на австрийской территории. Австрия ласкала себя надеждой, что Вукалович доставит ей без всяких хлопот и пожертвований то, чего она так давно домогалась и домогается безуспешно, а именно — округление границ приобретением весьма важного пункта Суторины. Поэтому она смотрела с некоторым тайным самодовольствием на успех восстания в южной Герцеговине и переменяла свой образ действий только тогда, когда убедилась, что наши единоверцы в Герцеговине вовсе не расположены принести в дар австрийскому императору то, что они приобретут своей кровью и что они обращают свои взоры больше на Черногорию и Сербию, чем на Австрию, в которой политическое и религиозное состояние их братьев мало чем лучше, нежели в Турции. Разочарованная в своих ожиданиях и увидев, что успешный исход герцеговинского восстания не только не обещает ей никакой пользы, но может еще обратиться со временем против нее, Австрия вздумала на первый раз захватить то, что ей больше всего нужно, хитростью, прикрытою благовидным предложением. Этот предлог австрийские местные власти заранее приготовили умышленным допущением построения шанцев в Суторине, для которых из Австрии же были вывозены 4 негодные пушки, служившие когда-то на австрийских коммерческих судах. Австрия предположила, что Вукалович не захочет добровольно срыть эти шанцы и что непременно придется ее войскам исполнить это силою, и что тогда можно будет под видом охранения дороги на будущее время оставить там небольшой гарнизон и таким образом утвердиться в Суторине.

Нужно заметить, что помянутые окопы так ничтожны и при том находятся на таком дальнем расстоянии от австрийской дороги и Каттарского

канала, что было бы смешно видеть в них какую-либо опасность для австрийских сухопутных сообщений и для австрийского флота. Австрийское правительство могло бы приводить в оправдание своих претензий только одну конвенцию с Турцией, в силу которой не должно быть никаких укреплений в Суторине, но для этого следовало бы Австрии обратиться к Турции, а не к Вукаловичу, за которым, разумеется, она не признает верховных прав над южною Герцеговиною.

Уведомив свое правительство о неблагоприятном результате своего свидания с Вукаловичем, здешний бригадный генерал Родич получил приказание приступить к разрушению окопов военною силою. Предполагая встретить непременно открытое сопротивление со стороны зубчан, а в особенности опасаясь, чтобы черногорцы не приняли участия в деле, он сосредоточил вокруг Суторины около 4 тыс. человек, стянув туда весь рагузский гарнизон, большую часть каттарского и значительное число горных орудий, кроме того расположил у берегов Суторины две канонерские лодки и один фрегат, созвал местную милицию и поставил сильный кордон вдоль всей черногорской границы.

Во время этих приготовлений я находился в Перасте, в Боки-ди-Каттаро, куда отправился для того, чтобы устроить и начать выгрузку хлеба, высланного из России для черногорцев³, и имел случай видиться с некоторыми зубчанами и черногорцами. Как одним, так и другим я счел долгом советовать не противиться силою, если австрийцы вздумают войти в Суторину для разрушения окопов, приводя в подкрепление моих советов невозможность противостоять огромным силам, собранным около Суторины, и опасность, которая могла бы угрожать инсургентам в Герцеговине, если бы австрийское правительство вздумало занереть свои границы и не впускать их в свои пределы, откуда они теперь могут доставать военные и съестные припасы.

Я вернулся из Пераста в Рагузу третьего дня и оставил жителей Боки-ди-Каттаро в самом тревожном состоянии: все думали, что дело не обойдется без кровопролития, но вчера в ночь получено здесь известие, переданное мною тотчас по телеграфу в императорское посольство в Вене, что около полудня австрийские войска вошли в Суторину с двух сторон — из Кастельново и Конавли, и разрушили шанцы Вукаловича без малейшего сопротивления, хотя и было там довольно значительное число вооруженных зубчан. Неизвестно еще, взяли ли австрийцы бывшие на окопах орудия и по срытии окопов отступили ли тотчас восвояси, не оставив в Сутрине своих людей.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 272—274 об. Подлинник.

¹ См. примеч. 1 к док. 180.

² Имеется в виду конвенция Лайпцигская, заключенная между Австрией и Турцией в 1853 г. Согласно ей, порт Клек и Суторина — турецкий анклав в австрийских владениях на Адриатическом море — использовался Австрией для почтовых и военных перевозок (см.: *Sljivo G. Klek i Sutorina u međunarodnim odnosima 1815—1878*. Beograd, 1977).

³ В 1861 г. Черногорию поразил сильный недород, бедственные последствия которого еще больше усилились благодаря турецкой блокаде, закрывшей границы северной Албании. В начале октября 1861 г. К. Д. Петкович получил уведомление, что русским правительством отправлено из Одессы 2 900 четвертей кукурузы для оказания помощи Черногории (см.: К. Д. Петкович-Н. П. Игнатьеву 4 (16) октября 1861 г. — АВПР, ф. СПб ГА V-A₂, д. 723, л. 226—227).

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о нападении австрийского отряда на Суторину и разрушении укреплений

21 ноября 1861 г. Зубцы

Ваше высокоблагородије!

Ја сам састанак мой са царско-к[ралевским] генералом Родићем у своје доба вашем високом благородији саопштио, које сведочи да ми је исти генерал реч дао, закључења аустријска у следству тога, пре нежег што ће к насиљу корачити, јоште једаред доставити, но обећање овог генерала лажно се указало.

Ја сам са войском мојом пут Шуме, Попова и Гаског против крвника нашег борио се, и нигда помислити нисам могао, да ће чесар као сусед ове ослобођене земље тако самовластно и против закона човечества поступати стати, зато се и нисам постарао да Суторину са войском утврдим, већ сам се са војством моим безпрестано занимао; но Аустријанац, као само нему пристойно — употреби ову прилику. Кад то четири дана далеко од Суторине са войском дознао, те улаже два сата дубоко у нашу земљу, и удари са силом од 16 000 војника и са небројаним топовима на наше две фортеце, које смо за одбрану против Турака уздигли били, и поруши и са земљом сравни, к тому јоште поразимо многа усејана поља, и баштине са маслинама и смокава, тако да данас силни народ који је само од баштина живио, без ухлеба остаде, и горке сузе пролива.

Ово дело чесарове војске које народу штету од 50 000 флорина принело и које је колико насилно, толико исто лажно и срамно учињено, зато што ме је прво, генерал Родић свој обећање неговога преварио, а друго што је чесар као велика сила оно доба употребио, кад је дознао да сам ја на једној сасвим противној страни са войском мојом, — не може се дакле никако пред Европом оправдати, изван ако се чесар већ одважио јавно као непријатељ овог бедног хришћанског народа, а као пријатељ турски против нас ступати; у том случају достојному је то јуначество које је са 16 000 војника против 20 момака указао, која су као стража на фортецама стојали били. Войска чесарева понела ми је и два топа која сам само са великим трудом и силним новцем добавити могао, једино за одбрану против Турака; ја се узимам дакле слободу ваше високоблагородије упитати, смеје ли таква насиља на очиглед чесар чинити, и са каквим правом смеје он моје топове однети које мени за одбрану потребују. Кад му ја јоште никаква повода таквом нападу дао нисам, ја сам свагда границу негову почитавао, и народу неговом у овој земљи, у трговини и свађем сваку слободу давао, зато мислим да пред Европом јавно се потужити и сатисфакцију; тако исто и накнаду за учињену штету народу и мојих топова изкати смејем јербо се топови нису у боју задовољили већ на један начин однећени на који поштени људи ништа не узимају.

Молим дакле ваше високоблагородије да ми у овом случају ваше родољубје не одречете, већ да бити упутили како би без крвопролића до праведне сатисфакције дошао, јербо је ови народ сада тако огорчен да га само трудом и мучно од освете уздржати могу. Плаћ и жаук овог бедног народа већ се до бога чује, па кад сада види да га и хришћанска сила преварио и насилно, против ослобођене цркве и земље своје гони, заслешно је већ у очајању неговом и готов је осветити се па онда умрети. Ја колико могу народ уздржавам и тешим са обећањем да ће све наплаћено бити што је народу поштено, и да не сме чесар на нас ударити, а ваше високоблагородије молим да се као заступник велике силе, царско русијске овог бедног народа родољубиво заузме, и нега високој ми-

лости царско русијској препоручите, јербо уверени бити можете, да у иједном случају, па, тада сви, и све силе народ ови напусте, никад се Турчину више подложити и с њиме помирити неће, већ да ће пре до последног изгинути.

У надежди да ће се ваше високоблагородије овог бедног и страдаваога народа родољубиво заузети и нега вишеј силе препоручити, препоручујем се вашом

високом благородији са особитим почитањем.

Лука Вукаловић, војвода

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 723, л. 279—280. Подлинник; л. 281—282 — пер. на рус. яз., современный подлинник.

Письмо Н. Дучича В. В. Безобразову о борьбе герцеговинских повстанцев и их надеждах на помощь России

23 ноября 1861 г.

Знам да се ћудите, што вам одавно ништа не јављам, но кад помислите, да сам помјешан у ове велике и одважне народне послове и да о мојему врату висе највиша брига и старање за овај народ и срећни устанак за вјеру и слободу, тада надам се да ћете ме извинити. Вашему високоблагородију врло добро познато је, шта је овај тужни народ од Турака трпио, па већ не може трпљети, јер сваки дан турски зулуми ум[и]лажаваше се и јадне хришћане утјешњаваше, као што и сад чине онијем, који и су међу њима, и као што Омер-паша заиска покупи од јадних хришћанах двоје араће за једну годину; па је требало подморање давати, а тужни хришћани не само да имају давати по двоје араће за једну годину, него немају ни хлеба да једу!! Ох, туге и жалости! А Омер-паша ријечима се показује пред Јевропом, да је праведан, и да је дошао да право народу даде; а амо никад горе није било. Омер-пашу мјестни Турци не слушају, а хришћанима што обећава, то све лаже, као што је и своју вјеру преврнуо и погазио! Овај угњетени и тужни народ никако већ није могао трпљети нећувене турске зулуме, а од власти и Омер-паше никаква олакшања, докле овај народ рјешно се или вас изгинути или право добити, као што и други народи у Јевропи имају. Овај народ то тражи и молчи, Турци неће да за то ни главе окрену, него ћине оно, што је најгоре и најружније! Као што то свједочи манастир Дужи, кад су у њега улегли Турци, шта су од цркве и црквеније стварах и свјетинях ћинили. А ја нијесам нијео допуштати, да наша војска код цркве крв пролије, осим један пут што ми се једна ћета кријући мене измакла и к самоме манастиру дошла и бој заметнула. Но Турци затворише се у манастир и несмједоше изаћи на бојно поље, али при свему томе рани се један низамски јузабаша усред манастира од пушке нашијех јунака. Наша јуначка војска затворила је све ћаде између аустријске и требињске границе. Турска војска више пута покушавала је отворити дубровачку ћаду, но сваки је пут јуначки била узбјена На Равноме разумели сте шта је било 9. ов[ог] мјесеца. Није онако како Турци прићају. Од наше српске војске било је посјећено 16 главах, а мртвијех и рањенијех 45, а Турака било је посјећенијех 13 а мртвијех и рањенијех 250. Пошље овога жестокога боја окупила се била наша српска силна војска око 10 000; био је кренуо и г. Крцо на Равно, а г. Мирко био је изишао са кнежевом гардом на Грахово. Све је било спремно и готово, да у име бога сложено ударе на сву Турску ордију; но

изненада стигне писмо с Цетинџа, те се сва војска наша разиђе. Шта ће то бити ми још не знамо, него наша војска и сад храбро стоји ако Требиње; а послали смо на Цетинџе, да видимо, шта има бити.

Ваше високоблагородије, могу вас извести, да је аустриска војска преко 6000, дошла и нашу границу прешла и у Суторину уљегла и наше нове фортице развалила! Она је удесила вријеме то, кад смо се највише с Турцима закрвили, па је само наша стража од 20 момака на фортицима стојала, а генерал Радић са војском лупешки уљезе и фортице без икаквог одпора развали и два наша топа украде, и нашем народу у Суторини учини кvara до 50 000 флоринах сребра! Пошто ово срамно дјело сврши, тада учини једно весело пуцањем топовах и пушака, што би се стијела и једна чета то велје учинити, а камоли једна велика јевропска сила!! Ово срамно дјело, које је Аустрија учинила против чо[в]јечества и нашега хришћанскога народа, не да се никад и никако оправдати. Ја се чудим и дивим, како ће наша мила мати Русија допустити, да Аустрија нашу границу прекорачи и на непоштени начин грдно нам штету учини!!

Ваше високоблагородије! Ја вас понизно молим, да за овај ванредни догађај изволите јавити вашем високом двору. Храбри војвода Вукаловић и вас народ увјерен је и нада се, да ћете ви вашим познатом мудрости и јачком енергијом помоћи овоме тужном народу, и да ћете за све доставити је треба, као што сте и досад јављали и овоме народу у помоћи били. А ја вам истинито могу казати, да овај народ никад неће предати заборавности вава добра и јуначка дјела и велику милост и благо дјеланије руско; него увијек моли бога и благосиље Русију и вас. Наше је све наданье на бога и благочестиву Русију, да овај јадни једновјерни народ и браћу неће заборавити, као што и досад није. С тим увјерењем остајем са особинјем и високијем поштовањем.

Верно: Вал. Безобразов

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 612, л. 359—361 об. Заверенная копия.

184

Донесение В. В. Безобразова Н. П. Игнатьеву с ходатайством
о выдаче Н. Дучичу русского паспорта для выезда из
Герцеговины

№ 313

18 [30] декабря 1861 г. Мостар

Милостивый государь Николай Павлович!

Телеграммой моей от 12 (24)-го текущего я имел честь представлять вашему превосходительству о просьбе Никифора Дучича из монастыря Дужи, нашего корреспондента, замешанного в последнем восстании христиан герцеговинских, касательно выдачи ему русского паспорта для проезда в Сербию и испрашивать на то приказаний вашего превосходительства.

Я позволил себе беспокоить по сему предмету ваше превосходительство вследствие письма ко мне о. Никифора Дучича от 5 (17)-го текущего. В письме этом о. Никифор выражается так: «Не могут пропустить, да опет не молим вас да ми пошлите русски пасош, да наџем у Србию, као што вас вам скоро писао».

Предшествующего этому письма, в котором бы о. Никифор говорил мне о паспорте, я не получал и не могу не подозревать, что оно не было доставлено в наше консульство в Рагузе, которое бы конечно препроводило оно ко мне. Далее о. Никифор говорит: «Я лако могу добити црногорски пасош, но волим русски, јер ви знате добро да сам я вазда био и бићу русски приверженник, и да ми нико од тога не може одтргнути».

На основании этого письма о. Никифора Дучича, полученного мною только 11 (23)-го текущего, я и не спрашивал приказаний вашего превосходительства. Как ни лестно для меня то мнение, которое вашему превосходительству благоугодно было выразить мне телеграммой вашей от 13 (25)-го текущего, но я не могу решиться принять на себя ответственность в таком деле, тем более, что по моему убеждению, для о. Никифора получение русского паспорта представляет единственное средство к спасению от преследований турецких властей, в глазах которых он сильно компрометирован. Я полагаю, что если бы императорское консульство могло выдать о. Никифору паспорт под чужим именем, он бы мог добратся с ним чрез Корфу до Константинополя, где бы миссия наша, предведомленная мною, могла бы озаботиться дальнейшим отправлением о. Никифора в Россию, где бы он был вне всякой опасности. При сем я не смею скрыть от вашего превосходительства, что это средство имеет и свои опасные стороны, тем более, что о. Никифор не имеет другого средства оставить Герцеговину, как с австрийскими пароходами, да и самое консульство не имеет другой возможности спасти его. Представляя все сие на благоусмотрение вашего превосходительства, я осмеливаюсь просить почтить меня дальнейшими по сему предмету приказаниями вашими, если возможно по телеграфу, дабы я мог действовать неотлагательно.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

В. Безобразов

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 612, л. 362—363 об. Подлинник.

185

Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому
о мерах боснийского губернатора Осман-паши по прекращению
волнений мусульманского населения в Бихачском и Банялукском
санджаках

№ 1

2 [14] января 1862 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Пять дней тому назад генерал-губернатор Осман-паша возвратился из своей поездки по северной и северо-западной части Боснии, побужденной начинавшимися смутами в Крайне или Бихачском санджаке, а отчасти и в Банялукском¹.

Так как в отсутствие паши здешнюю властью скрываемо было все, касающееся до положения вышепомянутых санджаков и до действий в них правителя Боснии, то я лишь с приездом паши в состоянии был собрать подробные и точные сведения как от самого генерал-губернатора, так и конфиденциальным образом от лиц, сопровождавших его, и ныне непременно обязанностью моею считаю представить их на благоусмотрение вашего сиятельства.

Из донесения моего вашему сиятельству благоугодно будет увидеть, что действия Осман-паши вполне заслуживают отличных похвал, ибо, несмотря на серьезные и критические обстоятельства, он вышел победителем и своею кротостию, своим беспристрастием и энергиею он потушил пламень начинавшихся смут и беспорядков.

До введения таъзимата в Боснии мусульмане не платили правительству верги (прямых податей), но в продолжение 15 лет, т. е. со времени введения административных реформ, они должны были покориться против своей

воли новым законам и платили казне помянутую подать. Со смертью султана Абдул-Меджида разнесся слух, что султан Абдул-Азис настоящий турок, что он не гяур, подобно его брату, что мусульмане как в прежние времена будут освобождены от всякого рода податей и налогов и что одни христиане должны будут нести повинности и платить подати султану.

Подобного рода мечты вкоренялись все более и более и распространялись между мусульманами вышепомянутых двух санджаков. Турки, отказавшись платить вергю, начали тайно готовиться к восстанию, делали запасы всякого рода оружия и пороха и угрозами стали принуждать христиан к принятию участия в готовящихся смутах. Кроме мечты о возврате к прошедшему, причинами неудовольствия были также бедность и нищета, царствующие в Крайне и Посавине, и трудные военные повинности, которые переносят Босния вследствие беспрерывных военных действий в Герцеговине.

Бихачский каймакам, узнав о предстоящей опасности, дал знать немедленно по телеграфу Осман-паше, который тотчас с войском отправился в Крайну. Приехав в Травник, он написал прокламацию, в которой объявил, что если восставшие покорятся, то он им прощает и рассмотрит их жалобы и неудовольствия, в противном же случае он прибегнет к оружию. С этою прокламациею он отправил вперед двух муфтиев, сараевского и травникского, а сам последовал за ними с войском и с 8 пушками, которые взял из Травника. Восставшие покорились, и паша при благодарных увещаниях и советах не имел нужды последовать примеру Тагир-паши в 1848 г. и Кияни-паши в 1857 г., рубивших все, что им попадалось, и бросавших в тюрьмы виновных и невинных.

Приехав в Баянлуку, он начал рассматривать действия и управление тамошнего каймакама, но так как он спешил в Бихач, то и оставил рассмотрение тамошнего управления до своего возвращения из Крайны.

В Бихаче паша остался доволен каймакамом и его распоряжениями. Он немедленно нарядил комиссию для рассмотрения настоящего положения дел. Между тем он созвал более 800 мусульман, прочел им прокламацию, увещевал их, взял 25 из них самых главных заговорщиков, заковал и под стражею отправил 23 человека в Сараево, а двух оставил в заключении в тамошней тюрьме.

Замешанных в восстании христиан простил, ибо они ему объявили, что их угрозами аги и беги заставляли войти в заговор, выпустил 18 наших единоверцев из тюрьмы, поехал сам в Кривой Стурлиц, Почы, Тодорово, Кладашан, Вранограч, Отоки, раздавал мусульманам и христианам одежды, обувь, тратя на эту помощь собственные деньги, велел заводить школы и приказал соединять несколько малых сел, иногда состоящих из двух домов и разбросанных в полчасовом расстоянии одно от другого — в одни большие, содержащие в себе не менее 30 домов. Показывая везде благосклонность, щедрость и прямоту характера и, в особенности, отдавая преимущество христианам, он произвел большой энтузиазм в жителях, лично его узнавших, и привел в восторг наших единоверцев.

Усмирив таким образом Крайну, где действительно готовилось серьезное восстание, ибо пашою найдено в одном лесу значительное количество ружей и боевых снарядов², он отправился обратно в Баянлуку, где начал производить следствие над действиями каймакама и его чауша Могаремма. Здесь нашел он большие беспорядки и, по его собственным словам, неизмеримое угнетение христиан. За 60 пар долга несчастные наши единоверцы лежали по 10 месяцев, по году в тюрьме. 43 человека вместе должны были 1230 пиастров и находились более 10 месяцев в тюрьме.

Паша выпустил всех должников-христиан из тюрьмы, заплатив за них собственные деньги, так что христиане целый день и целую ночь кри-

чали ура и молились под окнами конака паши. Кроме этого, он рассылал всякий день находившимся заключенным хлеб и по 6 баранов. Каймакама же при многих свидетелях он осыпал упреками и посадил на несколько дней под арест, а чауша Могаремма прогнал из службы.

Во время пребывания его в Баянлуке к нему явились христиане из окрестных сел и объявили, что им нечего есть и что они не знают, как и чем себя пропитывать. Паша тотчас отправил в село Иваньско, в 4-х часовом расстоянии от Баянлуки, несколько тысяч окшеницы и другого рода хлеба и велел разделить их живообразно до будущей осени между христианами.

Между тем объехав почти весь Краинский и Баянлукский санджаки и удостоверившись лично в бедности и нищете, тяготеющих над несчастными жителями, он телеграфировал каймакаму Фуад-паше Княмил-паше о присылке по Дунаю в Боснию 2 миллионов ок хлеба, ибо голод, царствующий в Крайне и Посавине, легко может служить поводом или к переселению их жителей в Австрию и Сербию, или же к восстанию, и что в случае неприсылки он не ручается за сохранение спокойствия в провинциях, находящихся под его управлением. Он получил два телеграфа от Княмил-паши. Первым ему возвещают невозможность исполнения его требования, вторым же, пришедшим 20 дней спустя, его уведомляют, что меры к высылке требуемых им ок хлеба приняты и что нишский паша получил на то приказание.

Кроме того Осман-паша обратил внимание на казенные земли, которых в Боснии бесчисленное множество, но без всякой прибыли казне. Так, земли Гуссейн-капетана, делавшиеся после его изгнания государственными, он продал христианам по весьма дешевым ценам, назначив трехлетние сроки для их платежа.

Генерал-губернатор не скрыл от меня тяжелого и неприятного впечатления, произведенного на него бедностью, нищетою и жалкой участью христиан и мусульман, угнетением первых, безобразностью администрации и грабежом и алчностью администраторов.

Из предыдущих донесений моих вашему сиятельству благоутробно было усмотреть, что Осман-пашой была учреждена комиссия для проверки счета деньгам, выданным поселянам как за хлеб и за разные припасы, взятые с них для турецких войск в Герцеговине, так и за подводы. Комиссия эта должна была объездить всю Боснию, но она не исполнила вполне возложенного на нее поручения. Только в Зворникском санджаке поверила она счет выданным деньгам, по которому видно, что недодано 10 тысяч пиастров; и кроме того Мухасебеджи-ефенди, ездивший сам в Тузлу, нашел покражу в 1000 кесе (500 пиастров кесе), сделанную чиновниками, мухтарями, а может быть, и самим каймакамом.

Паша в страшном негодовании, он производит следствие, назначил новые меджлисы и, вероятно, писал уже в Константинополь об увольнении каймакамов как баянлукского, так и тузлинского.

Я считаю долгом в заключение моего донесения обратить высокое внимание вашего сиятельства на то, что, во-первых, действия Осман-паши в вышеописанных мною обстоятельствах заслуживают полного одобрения, он не делал различия между христианами и мусульманами; напротив, он обходился с первыми как нельзя лучше и нарочно отличал перед мусульманами наших единоверцев, как верных подданных султана, во-вторых, что мои опасения по случаю угнетений каймакамов, бедности и нищеты народа и нынешнего голода были основательны; восстание было потушено, но оно, по собственным словам паши, может легко повториться, если не будет принято достаточно энергии для принесения помощи несчастному народонаселению северо-западной Боснии.

Осман-паша во время своего пребывания в Бихаче был комплиментарен баном кроатским, отправившим к нему одного генерал-майора. Паша счел нужным отплатить ему за эту учтивость и послал в Аграм Фазли-пашу в сопровождении своего сына. Люди эти были отлично там приняты местною властью, но получили некоторые неприличные изъявления недовольства со стороны народа. Паша, однако, не находит, чтобы происшествие это имело ту важность, которая придана ему газетами. Я же с моей стороны полагаю, что, может быть, эти неприятные чувства выражены были не турецкому сановнику, а лично Фазли-паше, известному своим долголетним жестоким обхождением с христианами, когда он был во главе правительства в Сараеве. Действительно, выбор Осман-паши в этом случае был довольно неудачен, но он извиняется тем, что не имел при себе другого значительного сановника, которого прилично было бы отправить в Аграм к бану.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугой

Е. Щулепников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2326, л. 1—7. Подлинник.

¹ См. док. 179.

² Аналогичную акцию по изъятию большого количества оружия в Банялукском и Бихачском санджаках Осман-паша проводил и в начале ноября (см.: Е. Р. Щулепников А. Б. Лобанову-Ростовскому № 140 от 24 октября (5 ноября) 1861 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2325, л. 106—107).

186

Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о росте дороговизны в Герцеговине и агитации среди населения австрийских агентов за принятие подданства Австрии

№ 3

7 (19) января 1862 г. Мостар

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Последним донесением моим от 31 декабря истекшего года я имел честь представлять на благоусмотрение вашего сиятельства о распространившихся здесь слухах касательно приготовлений восставших к нападению на турецкие войска в окрестностях Требинья и о внезапном вслед за тем отправлении в означенный город Дервиш-паша для принятия начальства над расположенным там отрядом¹. Хотя с тех пор уже прошло 8 дней, но здесь решительно нет никаких сведений о каких-либо новых движениях как единовольцев наших, так и турецких войск; по крайней мере, Омер-паша продолжает говорить, что в окрестностях Требинья и Попова все совершенно спокойно.

Если же верить некоторым полученным мною сведениям, доселе еще не подтверждаемым впрочем, то 31 декабря было довольно значительное дело близ шумского монастыря Дужки и потом 4-го текущего другое дело в 4-х часах расстояния от Стольца (в 10-ти от Мостара) близ Хотова. Результаты этих обеих стычек мне вполне неизвестны.

Положение турецких войск, расположенных внутри Герцеговины, становится день ото дня затруднительнее. Система, принятая здесь в последние 4 года турецкими властями, начинает оказывать свои последствия в настоящее время. Постоянные требования вьючных лошадей, падая по преимуществу на христиан, довели сих последних в течение означенных 4-х лет до крайнего истощения, почти до совершенной нищеты вследствие

того, что вместо значительных сумм, следующих по счетам и показываемых в них в уплату за переноску провианта, кираджи (извозчики) едва ли получили доселе и 10-ую долю этих сумм, послуживших, между тем, к обогащению не одного из чиновников турецких.

Следствием этого неплатежа условленных сумм оказалось естественно то, что пока христиане имели кое-какие запасы и средства, они могли еще кое-как прокармливать своих лошадей — на свой собственный счет в надежде получить когда-либо следующие им из казны деньги. Но в настоящем году при увеличении числа войск в Герцеговине, при усилившихся вследствие того потребностях усилились и требования на лошадей для перевозки провианта. И как в Герцеговине не могли найти потребного количества, то начали или требовать их из Боснии, или же заключать контракты для перевозки провианта в Герцеговине. Как в первом, так и в последнем случае плата за работу продолжала быть невыдаваемою, и при бывшей здесь в прошедшем году засухе большая часть лошадей, не имея подвозного корма, погибла от голода и потом осенью от сильного холода. Владельцы и погонщики этих караванов, не получая платы, не имея собственных средств к пропитанию не только своих лошадей, но и самих себя, и видя что все их требования тщетны, побросали лошадей и разошлись. Таким образом, армия Омер-паши была снова лишена средств к перевозке, и в настоящее время, хотя из Константинополя и начали присылать провиант, но он остается или в Клейке или в Габеле (близ Метковича), а между тем войска голодают, ибо остальные средства, которыми еще может располагать Омер-паша, далеко недостаточны для перевозки всех запасов. В Требинье, куда стянули 7 батальонов тогда как провианта было заготовлено на известное время только для двух — на прошедшей неделе выдавалось солдатам вместо обычных 300 драм хлеба в сутки только 50 др[ам], т. е. именно столько, чтобы люди не умирали с голода. Как кажется, войска начали роптать, тем более что им не платят и жалованья — и роптать так сильно, что Омер-паша счел за нужное послать к ним Дервиш-пашу.

В самом Мостаре войска и госпитали не имеют ни дров, ни угля, и солдаты забирают салою и по большей части бесплатно все дрова и угли, провозимые чрез город на продажу; это также повело к тому, что теперь уже никто не привозит ничего на рынок, и дороговизна здесь дошла до того, что за 1 оку угля платят до 2,5 пиастр (7,5 коп. с[еребром]), а за вьюк дров, недостаточный для одной печи, по 10—12 пиастр (50 и 60 коп. с[еребром]).

Всеобщий неурожай прошедшего года увеличивает еще более бедственное положение страны, угрожая ей общим голодом. Число бедных в Мостаре ежедневно увеличивается приходящими сюда семействами из Невесинья, Гацко, покорной части Любинья, Требинья и Билеча и окрестных сел. Местные власти видят это и, по-видимому, не предпринимают решительно никаких мер к избежанию угрожающей опасности, тем сильнейшей, что при настоящем брожении умов в Герцеговине голод может принудить и остающихся еще спокойными христиан к поднятию оружия. Омер-паша несколько раз говорил мне, что ему обещали выслать из Константинополя значительное количество хлеба для жителей Герцеговины, но, по-видимому, эти обещания остаются еще и доселе таковыми же и, судя по общему ходу дел, едва ли перейдут когда-либо в действительность.

Еще в 1860 г. я имел честь представлять благосклонному вниманию вашего сиятельства донесениями моими от 13 (25) февраля за № 31, 22 мая за № 59 и 29-го того же № 70 о действиях австрийского правительства к обращению в австрийских подданных жителей смежных с Австриею округов

Любушского и Дувненского и о поездке в означенные местности с тою же целью австрийского капитана Милошевича. Ныне таковые усилия Австрии приняли еще большие размеры, и число австрийск[их] подданных в Герцеговине в округах, населенных по большей части католиками, увеличивается с каждым днем. Агенты Австрии убеждают не только католиков, но и мусульман и православных обращаться в смежные австрийские префектуры в Метковиче, Имаме и Вергораде за австрийск[ими] паспортами, обещая им освобождение от всякой подчиненности турецким властям, платежа податей и повинностей. Пропанганда эта приняла такие размеры, что Порты поручила здешнему губернатору Алаедин-паше произвести самому следствие по этому делу, причем, как мне сказал Омер-паша, признавать австрийскими подданными только тех, которых отцы или же они сами родились в Австрии. Губернатор отправился отсюда 1-го текущего в Габелу, Любине и Дувно и доселе еще не возвращался. Узнав о происках Австрии привлечь к принятию австр[ийских] паспортов и православных в означенных монастырях, я счел долгом употребить все мое влияние на наших единоверцев, чтобы предостеречь их от происков австр[ийских] агентов, и доселе еще ни один православный не принял австр[ийского] паспорта.

Я буду иметь честь донести вашему сиятельству о результатах поездки мутессарифа.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

Вал. Безобразов

АВВР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2050, л. 20—22. Автограф.

¹ См.: донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову от 31 декабря 1861 г. — АВВР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2050, л. 18—19 об.

187

Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о содействии австрийских властей подвозу продовольствия для турецких войск и о конфликте между Л. Вукаловичем и черногорским воеводой М. Петровичем

№ 26

14 (26) января 1862 г. Рагуза

Секретно

Милостивый государь Николай Павлович!

Вследствии недостатка в съестных припасах, увеличивавшего с каждым днем больше затруднения тревинского гарнизона, Дервиш-паша был вынужден выйти из крепости с 6 тыс. человек регулярного войска и башибузуков и расположился лагерем в Полице, между Зубцами и Шумою. От этого пункта до австрийской границы к Конавлю расстояние только на один час пути, и ему удалось открыть сообщение, выставив на этом протяжении около 2 тыс. человек. И уже начал получать провизию через руки австрийских подданных, провизию, которую пересылает туда из Рагузы турецкий консул.

В рапорте моем от 28 декабря 1861 г. (9 января 1862 г.), № 385, я имел честь довести до сведения вашего превосходительства между прочим обращение Омер-паши к здешним властям с просьбою дозволить австрийским подданным доставлять на своих мулах провиант для турецкой армии в Требинье или в другие пограничные пункты, и что они затруднялись дать на это свое согласие из опасения, чтобы не случились столкновения между

здешними жителями и инсургентами. Но эта просьба была возобновлена несколько раз, а конавляне, с другой стороны, привлекаемые выгодными условиями, которые им предлагали за транспорт, так настойчиво стали домогаться этого дозволения, что власти кончили тем, что уступили, но с объявлением, что не берут на себя никакой ответственности за убытки и потери, могущие им приключиться, и что не будут принимать в уважение никаких протестов и требований. Деша с этим дозволением получена вчера утром из Зары, и турецкий консул уже заключил контракт с австрийцами за 10 тыс. выюков по 2 гульдена за выюк. Вчера же вечером пришел в Гравозу из Константинополя турецкий пароход «Омер-паша» с грузом муки, риса и др., назначенным для турецких войск.

Дорога из Требинья в Рагузу все еще остается в руках наших единоверцев, главные силы которых теперь сосредоточены в Любове, на час расстояния от лагеря Дервиш-паши.

Известие, которое я имел честь сообщить вашему превосходительству в рапорте моем от 9(21) января за № 14 касательно задержания в Цетинье Луки Вукаловича и назначения на его место Никифора Дучича, к сожалению, оправдалось. Корреспондент мой из Каттаро рассказывает это дело следующим образом: В день нового года князь Николай пригласил к себе на обед вместе с сенаторами и воеводами также и Луку Вукаловича. За столом после многочисленных тостов завязался оживленный и горячий разговор о нынешних делах в Герцеговине, при котором Вукалович по простоте и прямоте своего характера позволил себе выразиться слишком резко в своих ответах князю и отцу его Мирку. Это раздражило их против него и послужило поводом к лишению его начальства в Зубцах. Говорят также, что до этого еще были принесены в Цетинье жалобы на Вукаловича из Шумы и Попова за его управление и грабежи зубчан и что его брата также позвали на днях в Цетинье, чтобы осудить его за то, что он велел расстрелять одного из жителей Попова.

Как бы то ни было, нельзя не видеть в этой мере следствия политики, принятой Мирком относительно герцеговинских дел, и не сожалеть о том, что он вздумал задержать Вукаловича в то время, когда наши единоверцы в Зубцах и Шуме находятся в самом затруднительном положении вследствие выхода из Требинья Дервиш-паши. 10 дней тому назад все выгоды положения были на стороне инсургентов, и турецкие войска голодали в Требинье и роптали на своих начальников, а теперь при отсутствии начальников, с одной стороны, и при отпадении старшин Попова, подкупленных турецкими деньгами, дела приняли совсем другой оборот. Дервиш-паша отрезал совершенно зубчан от Шумы и провел дорогу из Полицы к австрийской границе, откуда доставляют ему съестные припасы, и намерен на этих днях обратить свои силы на шумлян, покинутых жителями Попова, чтобы открыть также дорогу, ведущую из Требинья в Рагузу. Боюсь сильно, что дело наших единоверцев будет потеряно, если не поспешит к ним вовремя помощь. Я счел долгом послать князю Николаю шифрованную дешу, изложить ему положение дел и указать на ту ответственность, которую навлекает на его правительство поступок с Вукаловичем в нынешнюю критическую минуту. Я телеграфировал его светлости и прежде о делах в южной Герцеговине и представлял ему необходимость следить зорко за совершающимися событиями и не делать ничего, что было бы противно как интересам Черногории, так и вообще делу всех южных славян, наших единоверцев.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович.

Р. С. Сию минуту я получил известие из Цетинья от княжеского секретаря, который уведомляет меня, что резоны, которые я представил князю через него, действовали благотворно. Его светлость позволил Вукаловичу возвратиться в Зубцы, дал ему в помощники одного сердаря и обещал поддержать его всеми возможными средствами в борьбе против турок.

К. П.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 18—19 об. Подлинник.

188

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о конфликте между черногорским князем и предводителями Зубцов¹

4 февраля 1862 г. Суторина

Ваше високоблагородије!

Предпоследно писмо ваше као одговор на моје последно примио сам јучер, почем га је калуђер прво прочитао и пофторително са неговим муром запечатно, а друго предао ми је јутрос Тома Герун. Оба ова писма изненадили су ме веома, и ја се заиста доста начудити не могу да и од самог вашег високоблагородија ког сам заиста за пријатеља сматрао такови совет добијам који ме наводи заповед господареву погazitи. Ево приложено, копия господареве књиге коју сам прекјучер примио и која ће вам мој поступак довољно оправдати, тако исто увидећете да и само негово високоство, господар, оне кара коима само на срамоту моју подложити се ваше високоблагородије мени придатељски советује. Добро ми је познато како сам вами од отих нови главара описан, и не ћудим се њима, заиста ни такови поступак само истинито карактеризира, но жао ми је од срца да је ваше високоблагородије њихове измишљености као свету истину примало, а моим књигама никаково поверене поклањало није, кад су све додавашне књиге моје нашем високоблагородију само истинитост приносили, а данас јоште никаковог дела мојега не стидим се, и совест моја не гризе ме, већ у сваћем праведним се осећам тако да као за сва досадашња исто тако и за садашње кораке моје пред никоим а и пред светом зацрвенити нећу. Мени су, као Србину, заслуге моје име једно принели које ћу до смрти моје поштено саћувати умети, а баш кад ме и највећа пужда догони прећу погинути нежер моје србеко име изгубити.

Ја сам данас са Врчевичем састанак имао, резултат разумећете од калуђера Милентија и Леонтија, и данас већ мом господару исти састанак саопштавам².

Са особитим почитанијем вашег високоблагородија понизни

Лука Вукаловић, войвода.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 50 и об. Подлинник.

В донесении Н. П. Игнатьеву от 4 (16) февраля 1862 г. К. Д. Петкович объяснял причину написания этого письма Л. Вукаловичем. После задержания Вукаловича в Цетинье, отстранения его от воеводства в Зубцах (см. док. 187), местное население капетаний Крушевичской и Суторинской отказалось повиноваться новым воеводам Н. Дучичу и М. Спанчу. Последние предприняли попытку завлечь Вукаловича в свой военный лагерь, а когда он отказался приехать, послали отряд из 40 черногорцев, чтобы захватить его силой. На защиту Вукаловича собралось около 300 человек жителей названных округов, готовых защищать своего бывшего военачальника. А сам Вукалович был вынужден удалиться в пограничную дер. Беличи, откуда послал несколько десятков сторонников для изгнания черногорцев из своей родной деревни Сврчуге (см.: АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 724, л. 40 и об.).

² См. док. 189.

189

Донесение секретаря российского консульства в Дубровнике А. Е. Лаговского Н. П. Игнатьеву о встрече Л. Вукаловича с драгоманом австрийского вице-консульства в Мостаре В. Врчевичем

№ 73

8 (20) февраля 1862 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

В отсутствие консула, отправившегося в Цетинье¹ по делам службы, и в дополнение к донесению его от 4 (16)-го сего месяца за № 65², имею честь представить при сем на благоусмотрение вашего превосходительства подлинный ответ Луки Вукаловича на советы и предостережения г. Петковича³. Из этого ответа вам угодно будет усмотреть, что Вукалович считает дело свое совершенно правым, не заслуживающим никаких упреков, тем более, что и сам князь Николай оправдывает его, как видно из письма его светлости к Луке, копию с которого, присланную при упомянутом ответе, тоже имею честь представить.

Приехавшие от Вукаловича монахи Дужского монастыря Мелентий и Леонтий, о которых он упоминает в письме, передали мне, что народ в Зубцах единогласно желает видеть Луку снова своим воеводою и отказывается совершенно повиноваться новым начальникам, поступок которых с Вукаловичем вооружил против них всех, и что для водворения спокойствия и порядка необходимо удовлетворить этому желанию народа.⁴ Впрочем, судя по письму князя Николая к Луке, этого должно ожидать скоро.

О свидании австрийского агента Врчевича с Вукаловичем⁵ монахи передали мне следующее. Лука встретил Врчевича вопросом, приехал ли он как шпион или как серб, желающий добра своим братьям? Австрийский агент ответил, что он серб, приехал с целью устроить их судьбу и передать ему, что Омер-паша и австрийское правительство желают мирным путем восстановить спокойствие и благоденствие в их стране и предлагают ему покориться и убедить к тому народ, обещая сделать его воеводою Зубцов, Шумы и Попова. В противном же случае турки ударят на него со всеми силами. Вукалович, выслушав предложение, ответил, что он не боится турок, но что готов покориться и убедить к тому народ только в таком случае, если турки оставят их совершенно в покое, не будут вмешиваться в их дела, что они готовы платить султану то, что следует, но агам ровно ничего, что воеводство в Шуме и Попове он примет только с условием, что и этим провинциям будут даны те же права, как и Зубцам, но что во всяком случае он не может договариваться с одним Омер-пашею, что необходимы представители всех великих держав, ибо без их ручательства он не может верить обещаниям турок, всегда так щедро раздаваемым, но никогда не исполняемым. С этим ответом Врчевич отправился вчера в Мостар.

Сегодня же был у меня один из жителей Кастель-Ново, посланный из Мостара к Вукаловичу с письмом от Омер-паши, и сказал, что сердар-екрем послал для Вукаловича сумму денег, цифра которой ему неизвестна, думая этою суммою подкупить Луку.

Омер-паша продолжает письменно от себя словесно через здешнего турецкого консула убеждать шумских и поповских старшин покориться. Один из поповских главарей принес мне прилагаемое при сем в подлиннике письмо Омер-паши⁶. Этот старшина уверял меня, что поповцы не намерены вовсе поддаваться на обманчивые обещания сердар-экрема, но что они боятся за шумлян, которые тоже получили и такого же содержания письма и даже деньги от турецкого консула и убеждают их покориться

на тех условиях, которые предложат им, что, впрочем, они не посматривают на шумлян и будут действовать отдельно. Выразив весь вред междоусобиц, я советовал поповскому старшине убедить других и согласиться миролюбиво с шумлянами, представив им обманчивость турецких обещаний и необходимость выждать время.

Судя по рассказам, критическое и можно сказать безвыходное положение шумлян поселило в них сильное недоверие к черногорцам. Они все настоящие неудачи приписывают черногорскому правительству, а именно изложению Вукаловича, которого имя поддерживало их и наводило страх на турок.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Лаговский

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 46—47. Подлинник.

¹ Как сообщал А. Е. Лаговский В. П. Балабину, К. Д. Петкович отправился в Цетинье 6 (18) февраля 1862 г. (см. его донесение № 70, от того же числа — АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 44—45) в связи с конфликтом между черногорским правительством и Л. Вукаловичем. По мнению сотрудников российского консульства князь Николай не понимал всей опасности этой размолвки, которой были довольны и Австрия, и Турция, стремившиеся извлечь из нее выгоду. Петкович считал, что затянувшийся конфликт был чреват пагубными последствиями для православного населения этих областей и пытался воздействовать на обе стороны для его прекращения. Н. Дучич в письме к К. Д. Петковичу от 20 января сообщал, что воспользовавшись этими разногласиями, Дервиш-паша вторгся в район, где действовали повстанцы, и занял важную стратегическую позицию. В письме к Н. Дучичу Петкович дал совет «употреблять все свои старания к тому, чтобы сохранить в народе и между отдельными начальниками согласие и взаимное доверие» (К. Д. Петкович—Н. П. Игнатьеву № 49 от 25 января (6 февраля) 1862 г. — АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 26—27).

² См.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 41—43.

³ См. док. 188.

⁴ В конфликте между герцеговинскими руководителями (см. примеч. к док. 188) К. Д. Петкович внял обе стороны. Он призвал к благоразумию и Л. Вукаловича, и Н. Дучича. Обращаясь за помощью и ликвидации ссоры к Черногории, он в письмах к черногорскому князю Николаю и его отцу доказывал необходимость перемирия, исходя из критического положения в южной Герцеговине (см.: К. Д. Петкович—Н. П. Игнатьеву от 4 (16) февраля 1862 г., № 65. — АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 41—42).

⁵ Переговоры об условиях перемирия между повстанцами, которыми руководил Л. Вукалович, и турками проходили при посредничестве австрийских дипломатов, в частности консула в Мостаре Мартирта и агента в Требьинье Вука Врчевича, выступавшего доверенным лицом Омер-паши. По сведениям, полученным В. В. Безобразовым от иеромонахов Дужского монастыря Леонтия и Мелентия — очевидцев свидания Л. Вукаловича с В. Врчевичем, последний говорил от имени своего правительства и Омер-паши, обещая восставшим автономию под гарантией Австрии и признании Вукаловича воеводой всех восставших округов (см.: В. В. Безобразов—А. Б. Лобанову-Ростовскому от 11 (23) февраля 1862 г. № 48. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2050, л. 38—43 об., 45—46 об.; *Kapitula H. Prilog istoriji Hercegovackog ustanka iz 1862. — Godišnjak Društva istoričara BiH (Sarajevo)*, 1949, N 1; *Екменић М.* Српски народ у Турској од средине XIX века до 1878. — *Историја српског народа*. Београд, 1981, т. V, кн. 1).

⁶ Повстанцы соглашались покориться властям на следующих условиях: неприкосновенность их земель и имущества, невмешательство османских властей в их внутреннее управление (см. док. 202 и примеч. к нему). В обращении же (бурзунтин) Омер-паши к населению Герцеговины от 4 февраля 1862 г. заявлялось, что участникам восстания даруется «прощение» при условии, что в дальнейшем они останутся покорными и верными султану. Вменялось в обязанность старейшинам и старостам сел, избранным местным населением, являться к требьиньскому каймакаму для утверждения в этих должностях (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 49, 58). Руководители повстанцев от Шумы, Подова и других населенных пунктов в письме к Омер-паше около 20 марта (4 апреля) 1862 г. отмечали, что в его бурзунтин не содержалось никакого обещания облегчать положение населения. Кроме того, Омер-паша нарушил свое обещание, переданное

через В. Врчевича, что не будет предпринимать военных действий против повстанцев: до конца переговоров с Л. Вукаловичем, напал на Шуму и Бобан, принес большой ущерб жителям. Руководители повстанцев просили султана через Омер-пашу восстановить все разрушенное и улучшить их положение (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 72—73).

190

Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о своем свидании с черногорским князем Николаем и о возвращении Л. Вукаловича на должность воеводы Зубцов

№ 84

13 (25) февраля 1862 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Последние события в Суторине и Зубцах, о которых я имел честь донести вашему превосходительству в рапорте моем от 4 (16)-го сего месяца, № 65¹, приняты были такой неблагоприятный характер для дела наших единоверцев в южной Герцеговине, что я счел нужным поспешить личным свиданием с князем Николаем и его отцом, дабы придать больше весу советам и предостережениям, которые я не преминул в свое время внушать письменно как им, так и Вукаловичу и Никифору Дучичу, и отклонить те бедствия, которые неминуемо были бы следствием начинавшихся раздоров и несогласий. Приняв надлежащие меры к уничтожению происков и замыслов австрийских и турецких властей, желавших воспользоваться разногласием герцеговинских начальников, дабы отделить их дело от Черногории и тем достигнуть легче и скорее усмирения края помимо посредничества великих держав, я сел на пароход 6 (18)-го сего месяца и отправился в Каттаро, уведомив предварительно г. посланника в Вене по телеграфу о покушении Омер-паши задобрить и склонить на свою сторону Вукаловича чрез посредство австрийского агента в Требьинье, которому в случае удачи была обещана в награду значительная сумма денег. В письме, в котором я передавал Вукаловичу советы, как поступить с посланцем сердар-экрема, я сообщил ему о моем намерении отправиться в Цетинье, желая этим подать ему заблаговременно надежду на счет поправления его положения и удержать его от намерения покинуть Герцеговину, ибо он просил у меня несколько раз русского паспорта и признавался, что другие предлагали ему охотно вид на выезд за границу.

По причине дурной погоды пароход должен был остаться на ночь в Мельине, недалеко от Кастель-Ново, и я прибыл в Каттаро только на другой день в 8 часов утра. Здесь я узнал, что накануне начальник Каттарского округа Дойми имел свидание с Вукаловичем в Суторине и пригласил его перейти в Австрию вместе с своими приверженцами, обещая им от своего правительства щедрое денежное содержание и разные ласки и почеты. Вукалович поблагодарил Дойми за благорасположение к нему австрийского правительства, но не принял предложения, имевшего целью его личное унижение и бесчестие, а равно и разорение наших единоверцев, объявил, что он ни за что на свете не продаст своей чести и своего долга — бороться и умереть с своими земляками, что не покинет своей родины, что не считает еще проигранным дело герцеговинских христиан и что, наконец, он ни на что не решится, не посоветовавшись предварительно с другими доброжелателями герцеговинцев, намекая этим на императорское правительство и на Черногорию.

Эти сведения о свидании начальника Каттарского округа с Вукаловичем, а, в особенности, злонамеренная цель, которой Австрия и Турция старались достигнуть в секретных своих переговорах, послужили

мне благовидным поводом начать тотчас по приезде в Цетинье разговор с князем Николаем и его отцом о деле Вукаловича и высказать им открыто без всяких околичностей мое мнение насчет опасности положения, в которое поставило наших единоверцев удаление Вукаловича от начальства.² Я постарался доказать князю, что нынешнее положение дел в Герцеговине не только идет на пользу Турции и Австрии и на явную погибель наших единоверцев, но еще угрожает лишить Черногорию тех людей, для которых почва была приготовлена с неимоверными трудами и пожертвованиями покойным князем. «Вы должны, — сказал я князю и его отцу, — употребить все свои усилия, чтобы сохранить в Герцеговине доверие и сочувствие к Черногории. Герцеговинцы имеют нужду в вас и без вашего прямого или посредственного содействия не могут поддерживать борьбу и надеяться на улучшение своего состояния — это правда, но не забывайте, что и Черногория без герцеговинцев не может сделать ни одного шага вне своих пределов, и черногорский народ без помощи и искреннего сочувствия своих братьев осужден оставаться вечно в своих неприступных, но бесплодных скалах и искать пропитания на чужбине или умирать с голоду и в бесцельных пограничных стычках с мусульманами. Поэтому вы не должны тратить свои силы в бесполезных пограничных столкновениях. Оставьте в покое и Албанию, где все для вас чуждо и враждебно, и обратите все свое внимание на Герцеговину, где лежит сила и будущее развитие Черногории»³. Старайтесь привязать к себе герцеговинцев, которые не раз проливали свою кровь за вас. Не допускайте между ними раздоров и несогласий, а, в особенности, не давайте им повода сомневаться в ваших искренних братских чувствах и обращать свои взоры к другим соседям и приятелям».

Его светлость выслушал меня со вниманием, ни разу не попытался противоречить или оправдывать свои доселешние действия, и я закончил свой разговор с ним предложением возратить Луке Вукаловичу тотчас воеводство и начальство в Зубцах, удалить оттуда недостойных главарей, не понявших хорошо своего назначения, и постараться, буде еще возможно, поправить дела и не допустить турок задавить народ окончательно. Князь согласился на мое предложение, уверил меня, что он признает заслуги Вукаловича и ценит важность, какую имеет его имя в настоящих обстоятельствах, и сказал, что он решился возратить ему начальство еще до моего приезда в Цетинье по получении моей депеши и письма на имя его отца и что он уже послал к нему письмо с радостною вестью, копию с которого г. Лаговский имел честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства во время моего нахождения в Цетинье.

На другой день в моем присутствии его светлость написал Вукаловичу письмо, весьма лестное, в котором извещал его, что посылает к нему сенатора Иво Ракова с тем, чтобы облечь его в первое его звание, одобрял вполне его поведение с австрийскими властями и с посланцем Омер-паши и советовал принять свидание, предложенное ему Дервиш-пашою, и вступить с ним в переговоры, если тот согласится не отделять от Зубцев Шумы и Попова. В конце письма князь присовокупил, что в случае неблагоприятного исхода переговоров он обещает ему возможное содействие для поддержания и продолжения борьбы. Мне же сказал, что, несмотря на трудное положение, в котором ныне находится Черногория по случаю голода, он решил послать в пособие зубчанам 500 старов хлеба и некоторую сумму денег.

Иво Раков Радонич отправился в Зубцы в пятницу вечером 9 (21) февраля, а я оставил Цетинье на другой день утром, повторив еще раз князю и его отцу мои советы на счет их отношений к герцеговинцам и пригласив их иметь непоколебимую веру в благоволение и доброжелательство

России, от тесной и искренней связи с которою зависит будущее как Черногории, так и всех наших единоверцев и соплеменников на Востоке и Западе.

Свидание Вукаловича с Дервиш-пашою должно было иметь место в воскресенье 11 (23)-го сего месяца, в день моего возвращения в Рагузу. До сих пор я не имею еще известий о результате его, но поставлю долгом своим сообщить их вашему превосходительству тотчас по получении⁴.

Турки заняли действительно дорогу, ведущую из Требинья в Рагузу, но изъятие покорности Попова и Шумы еще не последовало, и я настаиваю советовать старшинам не отделять своего дела от зубчан и не полагаться слишком много на обещания турок и австрийцев, если таковые обещания не будут обеспечены заступничеством великих держав. Надеюсь, что последовавшие перемены в Зубцах подействуют благотворно на положение дел наших единоверцев, особенно если погода позволит черногорцам сделать диверсию со стороны Пивы вместе с баянами и другими инсургентами северо-восточной Герцеговины.

В заключение не могу не доложить еще вашему превосходительству, что известие о возвращении Вукаловичу начальства в Зубцах и об уклонении чрез это появившихся там раздоров и несогласий поразило весьма неприятно как австрийцев, так и Омер-пашу который на минуту возымел было надежду, что его цель уже достигнута, что Герцеговина усмирена если не оружием, то его политикой и притом вне прямого вмешательства Евр-пы, которого Турции удавалось так часто и так ловко избегать в ущерб интересам своих христианских подданных⁵.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

Помета Александра II: Все действия его совершенно одобряю. АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 52—57. Подлинник.

¹ О конфликте между Л. Вукаловичем и черногорскими правителями и о действиях консула по его урегулированию (см.: К. Д. Петкович — Н. П. Игнатьеву, 4 (16) февраля 1862 г. — АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 40—43; см. также докл. 189 и примеч. к нему).

² См. док. 187.

³ См.: Ариш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М., 1965, с. 43, 62—63.

⁴ К. Д. Петкович сообщал Н. П. Игнатьеву 15 (27) февраля 1862 г. о том, что предполагаемая встреча Л. Вукаловича с Дервиш-пашою не состоялась. Опасаясь быть схваченным, Вукалович отказался ехать в лагерь паши (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 58). О безуспешных попытках турецких властей достигнуть договоренности с Л. Вукаловичем говорилось также в донесении К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву от 20 февраля (4 марта) 1862 г. (см. АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, с. 69—71 об.).

⁵ В упомянутом выше донесении К. Д. Петкович сообщал Н. П. Игнатьеву, что Омер-паша действовал в контакте с австрийскими дипломатическими агентами в Требинье и Мостаре. Обещая Л. Вукаловичу возвращение воеводства в Зубцах, автономию этому краю и амнистию повстанцам, Омер-паша выдвигал в качестве гаранта австрийского генерала Родича и начальника округа Суторины (Там же, д. 724, л. 58—59 об.).

Донесение К. Д. Петковича Н. П. Изгнатьеву с описанием
хода восстания в Герцеговине во 2-й половине 1861 г. — нача-
ле 1862 г.

№ 87

19 февраля (3 марта) 1862 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Для объяснения положения, в котором находятся ныне друг к другу восставшие христиане и турецкие войска в Герцеговине, и тех причин и обстоятельств, которым благоприятствовали или противодействовали усилиям той или иной стороны, я считаю долгом представить на благосклонное усмотрение вашего превосходительства исторический ход восстания за последние 6 месяцев на основании сведений, которые я имел честь сообщить императорскому министерству в свое время и в связи с тем участием, какое черногорское правительство принимало в нем прямо или посредственно.

Из первых действий Омер-паши по приезде его в Герцеговину, сделалось очевидным, что Порте не была искренно расположена достигнуть усмирения округов, в которых господствовало восстание, устранением причин, вызволивших эти округа, и дарованием нашим единоверцам существенных прав и облегчений. Прокламация Омер-паши, одобренная в Константинополе представителями великих держав, обещала герцеговинцам некоторые уступки, но она далеко не соответствовала тому, что было обещано всему христианскому населению в Турции в знаменитом хатти-гумаяне султана Абдул-Меджида, за приведение в исполнение которого поручилась Европа и который считался и считается единственным моральным вознаграждением для России за те великие жертвы, которые она принесла в последнюю восточную войну. Порте было небызвестно, что жители упомянутых округов взялись за оружие только вследствие того, что местные мусульмане не признавали в них прав человеческих, а турецкие власти претендовали управлять ими по своему прежнему произволу, не желая и слышать о том, что написано в хатти-гумаяне. Вместо того, чтобы приступить серьезно к повсеместному введению в исполнение этой хартии, турецкое правительство в вопросе об усмирении восстания в Герцеговине сошло за лучшее не упоминать вовсе об этом перед Европой, снабдило только Омер-пашу прокламацией, в которой показало вид, что дарует жителям герцеговинских округов по своему отеческому побуждению новые милости и права, не обращая вовсе внимания на то, что эти жители могли знать кое-что о том, что обещал хатти-гумаян пред лицом Европы и что после трехлетней борьбы, в которой они потеряли сотни из своих братьев и лишились всего, что служило их скудному содержанию, они имели повод сомневаться в важности новых султанских милостей и требовать для будущего своего существования более обширных и более серьезных обеспечений.

Для более успешного усмирения восстания была назначена европейская комиссия, но ей не было предоставлено право инициативы в этом деле; она должна была только содействовать Омерпаше, а он умел так ловко повернуть дела, что отбросил на второй план главный предмет ее занятий — вопрос об улучшении состояния герцеговинских христиан — и обратил деятельность и внимание комиссаров на такие только предметы, которые находились в связи с целью его секретных инструкций, а эта цель была не что иное, как желание Порты занять войсками округа, в которых было восстание, чтобы стать твердою ногою близ черногоровой границы и лишить этим черногорцев возможности раздвигать свои пределы насчет

Герцеговины при совместном действии с пограничными герцеговинцами. Вопрос о свидании сердар-экрема с черногорским князем поглотил бесполезную для дела христиан двухмесячную деятельность комиссии и позволил Порте отправить в Герцеговину значительное число войск и разного рода припасы, в которых имелся большой недостаток, когда главнокомандующий прибыл в Мостар. Омер-паша думал извлечь из этого вопроса и другую выгоду, а именно показать Европе, что беспорядки в Герцеговине не суть следствие скверной турецкой администрации, а дело интриг и поощрений черногорского правительства, поддерживаемого извне, и найти благовидный предлог если не к явному действию против Черногории военной силою, то, по крайней мере, к ее стеснению.

После неудачных маневров завлечь князя Николая в Жабляк, Омер-паша, без всякого повода со стороны черногорцев объявил блокаду против Черногории, велел занять и укрепить Спич, а, возвратившись в Мостар, приступить тотчас к приготовлениям для начатия военных действий против наших единоверцев. Он успел отделаться от комиссии, которую считал помехою в исполнении своих планов, и поспешил воспользоваться своими средствами и новым своим положением.

В это время в августе [месяце] 1861 г. восстание существовало открыто в Зубцах, Банянах, Пиве, Дробняке и Шаранцах, и сердар-экрем решился начать свои военные операции с юга, послав Дервиш-пашу из Требинья в Зубцы с небольшим отрядом. Турки заняли без всякого серьезного сопротивления предел зубчан и могли легко утвердиться как там, так и в Суторине, если бы к ним было послано подкрепление, но они этого не сделали и отступили обратно в Требинье. Причину этого невыгодного для кампании Омер-паши отступления объясняли тогда тем, что будто Дервиш-паша опасался быть отрезанным или прийти преждевременно в столкновение с Черногориею, чего [пожелала] Порте, не будучи еще обеспечена в своем предприятии. Действительно, отступление Дервиш-паши из Зубцев и направление Омер-пашою главных турецких сил к северу оставляли южную Герцеговину без защиты открывая Вукаловичу возможность распространить восстание в других округах, сопредельных с австрийскими владениями, но сердар-экрем решился на это не без важных поводов: он возмнил подозрение на счет намерений сербского правительства и желал заблаговременно принять меры для воспрепятствования всякому движению черногорцев к сербской границе, которое могло бы угрожать его сообщениям с внутренними областями и подвозу оттуда подкреплений и съестных припасов. Решившись положить преграду восстанию со стороны Сербии и Боснии, Омер-паша двинул к Гатску все свои силы и занял почти без выстрела Пиву. Черногорское правительство поняло цель движения турецкой армии и употребило все зависящее от него средства, чтобы очистить Пиву. В скором времени вышли из Черногории значительные дружины ускоков и, присоединив к себе восставших из Банян, Пивы, Дробняка и Шаранцев, рассеялись по северной Герцеговине и начали обходить турецкие отряды, отнимая провиант и разбивая отдельные части. Первые потерпели несколько поражений, но все продолжали держаться и укрепляться в Пиве. Тогда князь Николай решился послать ускокам подкрепление и вручить начальство над всеми войсками, действовавшими против Пивы, своим воеводам, а в то же время подал сигнал Вукаловичу выйти из Зубцев и распространить восстание далее к Мостару.

Так как в южной Герцеговине не было никаких регулярных войск, как я имел честь заметить выше, кроме одного батальона в Требинье, то зубчанам удалось в самое короткое время разбить и прогнать башибузуков, стоявших в деревнях близ Требинья, поднять на оружие жителей

Шумы и Попова и запретить почти все пути сообщения с австрийскими владениями. Легучие отряды восставших забирались к самой Наренте и угрожали отрезать турок и от Клеки, а в то же время черногорские ускоки, истребляя турецкие деревни в Гатске и захватывая по пути турецкие обозы, проникли в Невесинье и были недалеко от того, чтобы соединиться с христианами южной Герцеговины и окружить со всех сторон армию Омер-паши, на которую сильно напирала с фронта 5000 черногорцев и герцеговинцев под начальством воеводы Новицы Церовича и Иво Ракова Радонича. Жители мусульмане самой столицы Герцеговины пришли в ужас и готовились бежать в Банью. Казалось, что вся Герцеговина будет скоро объята пламенем восстания и что настал конец турецкому господству в ней. Это была самая критическая минута для армии Омер-паши. Он был поставлен в такое положение, что не мог идти ни вперед, ни назад, и кроме того начал оказываться недостаток в съестных припасах и ропот в войске, не получавшем жалованья, потому что не было в военных кассах ни копеек. При таких обстоятельствах сердар-экрем напел за лучшее удалиться в Мостар и предоставить командование армией другим генералам. Однако ж в скором времени и самым неожиданным образом дела турок поправились, и не только они миновали без больших потерь опасность, угрожавшую им совершенным уничтожением, но успели занять опять прежние свои позиции и лишить наших единоверцев плодов минутного их успеха. В этом помогла им зима, остановившая действия в Пиве, а также некоторые ошибки черногорского правительства, не сумевшего вовремя обратить в пользу герцеговинцев слабую сторону военных позиций турецкой армии.

Я заметил выше, что в Пиве был собран отряд из 5000 черногорцев и герцеговинцев под начальством лучших воевод с целью разбить и вытеснить турок во что бы то ни стало, а затем перейти дальше в Гатско и Невесинье и поднять на оружие всю Герцеговину; но этот план не удался, потому что черногорцы, застигнутые в горах большими снегами, не имея никаких средств для предохранения себя от непогоды и терпя большой недостаток в съестных припасах, не могли долго оставаться в Пиве и держась в осаде окопавшихся там турок. Они должны были немедленно решиться на что-нибудь: разбить турок одним решительным ударом или поспешно удалиться восвояси. Военачальники положили атаковать турецкий отряд, но накануне дня, назначенного для атаки, получено в лагере письмо от князя Николая с приказанием вернуть войско в Черногорию, оставив в Пиве небольшие дружины для наблюдения за турками, чтобы они не двигались вперед.

Это приказание правителя Черногории, произшедшее решительный поворот в обоюдных положениях турок и христиан в Герцеговине, было различным образом объясняемо в свое время. Нашлись люди, которые утверждали даже печатно в газетах, что сердар-экрем подкупил Мирко Петровича английским или австрийским золотом, что князь Николай заключил с главнокомандующим турецких войск секретную сделку, что черногорское правительство отказалось от участия в делах наших единоверцев и предоставило их собственным средствам и силам и пр., и пр. На деле оказалось, что это были неосновательные предположения, вымыслы и клеветы. Князь был вынужден отозвать черногорцев из Пивы только вследствие неблагоприятных известий, которые доходили в Цетинье о трудностях и лишениях, которые они претерпевали там, и невозможности пособить им при голоде, который терзал всю Черногорию. Об этом деле я имел разговор с князем и его отцом, а в последнюю поездку в Цетинье Иво Раков и Петр Вукотич еще лучше объяснили и подтвердили мне вышесказанное. Объяснения воеводы Петра Вукотича имеют в моих глазах тем более весу, что он не способен говорить неправду и скрывать от меня

чтобы то ни было и кроме того сам месяц спустя (после) отступления черногорцев из Пивы предпринял поход в ту сторону с отрядом из 2 тысяч человек при двух горных орудиях и испытал те же самые затруднения и лишения и должен был возвратиться в пределы Черногории.

Князь не мог поступить иначе: он должен был отозвать черногорский отряд, но сделал весьма важную ошибку в том, что не послал его в южную Герцеговину на помощь Вукаловичу и вновь восставшим округам. В то время, как черногорцы отступили из Пивы, в южной Герцеговине не было ни снегов, ни турецких войск, и все благоприятствовало там к распространению и организации восстания и к занятию такой стратегической позиции, которая легко могла бы привести турецкую армию к деморализации и совершенному расстройству. Если бы в южную Герцеговину пришло тогда не 5 тысяч, а 2 тысячи черногорцев с достаточным количеством военных запасов, то они, быть может, взяли бы Требинье, где находился один только батальон низама без денег и провианта, отрезали бы совершенно Герцеговину от моря и лишили турецкую армию средств к существованию, ибо из внутренних областей она ничего не могла получить по причине затруднений в сообщениях и недостатка в перевозочных средствах. Его светлость оправдывается в этой ошибке тем, что южная Герцеговина сопредельна с австрийскими владениями и что значительный отряд из черногорцев не мог проникнуть туда и действовать без того, чтобы Австрия не заметила и не подняла тревогу.

Отступление черногорцев из Пивы позволило Омер-паше вывести отсюда без потерь главную часть своих войск, оставить там небольшое число башибузуков для охранения блокгаузов и заняться приготовлением к перенесению военных действий на юг, где теперь предстояла главная опасность. Между тем он получил из Константинополя некоторые подкрепления, съестные припасы и 2—3 миллиона турецких пиастров и успокоился насчет опасности, которую он предполагал от совместного участия Сербии и Черногории в герцеговинском восстании.

Таково было обоюдное положение турок и христиан в Герцеговине, когда в Цетинье случилась несчастная размолвка Вукаловица с князем и его отцом, помогавшая туркам поправить окончательно свои дела и остановить хотя на время развитие восстания в южной Герцеговине. По случаю нового года Вукаловиц, Никифор Дучич и другие старшины отправились в Цетинье для поднесения князю трофеев, отбитых у турок в Шуме и Попове. Его светлость принял воеводу зубчан как нельзя лучше, и этот милостивый прием поощрил его высказать откровенно некоторые мнения, не могшие понравиться сенаторам, а в особенности Мирку, и послужили поводом его врагам и завистникам заподозрить и оклеветать его перед князем. Князь лишил Вукаловица начальства в Зубцах, но отпустил его обратно по моему настоянию и обещал призвать к деятельности в скором времени. С крайним сожалением я должен сказать вашему превосходительству, что Никифор Дучич был один в состоянии отклонить этот неприятный случай, но он этого не сделал, а, заняв место Вукаловица, дал еще повод подозревать его не без всякого основания в том, что он содействовал даже к удалению зубчанского воеводы от дел, тем более, что и после этого продолжал интриговать против него и взводить на него разные клеветы и вымыслы.

В то время, когда главари зубчан, Шумы и Попова находились в Цетинье, дела турок в южной Герцеговине находились не в завидном положении: кроме Клеки турки не имели ни одного пути для прямого сообщения с австрийскими владениями: дорога из Требинья в Рагузу была в руках наших единоверцев, в Требинье турецкий гарнизон терпел голод, из Рагузы нельзя было доставить туда ничего, а из Клеки сухим путем не было также

никакой возможности, потому что дороги не были безопасны и Омер-паша не располагал никакими перевозочными средствами. Узнав о затруднительном положении тревинского гарнизона, об отсутствии главарей и отставлении Вукаловича, сердар-экрем отправил поспешно в Тревинье Дервиш-пашу с подкреплением и приказал ему открыть сообщение с Рагузским округом во что бы то ни стало для снабжения турецкого войска съестными припасами, которые обещал выслать ему морем из Клека в Старую Рагузу. Дервиш-паша воспользовался оплошностью и нерешительностью наших единоверцев, занял и укрепил Польницу и провел дорогу к австрийской границе, откуда получил нужное количество жизненных припасов и денег. Занятием Польницы турки отрезали Шуму и Попово от Зубцев и Черногории, так что жители этих двух округов, предоставленные своим собственным силам и средствам, не в состоянии долго противиться и должны будут или бежать массами на австрийскую территорию, или покориться, если дела скоро не примут другой оборот.

Замещение Вукаловича на время другими главарями, неспособными и своекорыстными, не только доставило туркам без больших трудов вышеупомянутые выгоды, но еще открыло австрийским местным властям доступ к секретному вмешательству в дела наших единоверцев, произвело раздоры и несогласия и угрожало народу междоусобным кровопролитием. Омер-паша, думая обратиться в свою пользу минутную разномыслие Вукаловича с князем, вступил с ним в переговоры через посредство австрийского консульского агента в Тревинье и предложил ему признать его каймаком в Зубцах, Драчевице и Крушевице. Цель такового предложения клонилась явно к тому, чтобы отделить от Черногории герцеговинских главарей, а когда это будет достигнуто, тогда не трудно справиться как с ними, так и с народом. Однако ж правитель Черногории поспешил возвратить Вукаловичу начальство и этим предупредил пагубные последствия, которые бы произошли от начинавшихся в народе раздоров и несогласий, а сам Вукалович весьма ловко отбивался и отбивается от искусительных обещаний, делаемых ему сердар-экремом и австрийскими властями. Из вышеизложенного угодно будет вашему превосходительству усмотреть, что дела наших единоверцев в южной Герцеговине находятся не совсем в выгодном положении в настоящее время, но этим не все еще потеряно, потому что турки не утвердились еще окончательно в Попове и Шуме, да если бы и успели утвердиться в этих округах, остаются еще сопредельные с Черногорией нахии: Зубцы, Баяны, Пива, Дробняк и Шаранцы, в которых восстание пустило более глубокие корни и успело довольно укрепиться в продолжении четырех лет. Можно надеяться, что Вукалович, приняв начальство в Зубцах, успеет поправить дела с помощью, которую князь Николай обещал ему. Кроме сенатора Ива Ракова Радонича приехал к нему надхаж из Цетинья также баньский воевода Иован Васильев Бачевич и вероятно для того, чтобы договориться насчет одновременных и совокупных действий против турок со стороны Зубцев и Баян. Князь обещал послать отряд черногорцев также в Пиву, чтобы отвлечь в ту сторону часть турецких сил. В бытность мою в Цетинье его светлость доверил мне, что он не переставал готовиться к тому, чтобы подать нашим единоверцам в Герцеговине руку помощи открыто, когда настанет решительная минута, теперь трудится о том, чтобы вытеснить турок из Клобука и Никшича, двух пограничных крепостей, которые служили всегда помощью черногорцам в их предприятиях против турок в Герцеговине. Действительно, была сделана попытка против Клобука, но она не удалась вследствие посинности и недостаточности мер, которые были приняты при атаке. На этом, впрочем, не останавливаются усилия герцеговинцев и черногорских ускоков; готовятся средства к новому нападению, и князь

надеется взять крепость на этот раз подкупом. Гарнизон в Клобуке состоит всего из 60 чел. башибузуков, у них имеется незначительное число жизненных припасов, а подвоз новых не предвидится в скором времени, потому что сообщения Клобука с остальной Герцеговиной прерваны. Никшич также заперт. Ущелье Дуга находится в руках восставших и ускоков, которые не пропускают для гарнизона и жителей ничего съестного. Пограничным черногорцам запрещено под страхом строжайшего наказания продавать никшичским мусульманам что бы то ни было. Мирко мне рассказывал, что в Никшичах чувствуется теперь большой недостаток в топливе, соли и других предметах первой потребности и что на них цены непомерно высокие.

Заканчивая мой рапорт, я считаю, своею обязанностью доложить вашему превосходительству, что при прощании со мною в Цетинье князь Николай сказал мне откровенно, что он будет вынужден к весне принять явно участие в делах Герцеговины, если к тому будут благоприятствовать ему обстоятельства, и присовокупил, что его беспокоит только затруднительное положение, в котором находится теперь Черногория от голода и крайней бедности народа, и поэтому желал бы, чтобы кто-нибудь помог ему выдачею денег, хоть под видом займа. Он отправил в Париж своего адъютанта Влаховича под предлогом изъявить благодарность французскому правительству за дарованный хлеб, но по всей вероятности дал ему также поручение просить денег. Об отправлении Влаховича в Париж и о данном ему поручении я счел долгом известить г. посланника в Вене по телеграфу в самый день моего возвращения из Цетинья 11 (23) февраля. С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою.

К. Петкович.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 60—68 об. Подлинник.

192

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о тяжелом положении повстанцев в связи с наступлением турецких войск

22 февраля 1862 г. Суторина

Ваше високоблагородије!

Као одговор на последно ваше [писмо], у ком ми ваше високоблагородије примећује да је сада време да за народ ови много учинити могу одговарах да сам ја са войводом Јованом Бачевићем овде, у Суторини, и да овде одговор Омер-паше очекујемо јербо смо почели условија за мирчинити. Ако Омер-паша зактевања наша одобри добро ће бити, ако ли пак не хтеде онда нами главарима ништа друго не остаје већ из ове земље бегати и народ ови за вазда напустити кој се је већ одважи је са Турцима ма на кој начин помирити се јербо је већ кроз шест година непрестано боречи се и све само из своје сиротине без икакве друге помоћи сасвим изнемогао тако да је већ и духом клонуо.

Је се за сада само страшим да Турци на Зубце не ударе јербо какови је дух данас у народу, нећу ниједну пушку избацити моћи. Видите, дакле, жалостни положај наш кои смо јоште пре месец дана другим оком гледали, но надам се да ће зрело и праведно расуждене нашег високоблагородија прави повод свег овог увидити, које је предстојећем општем србском покрету у Отоманској много већи уштерб привело нежег нами бедним Херцеговцима.

Бог кои све види, кой је праведан, он ће та пре та после кривца казнити.

Примите како од мене тако и од войводе Јована Бачевића изражај нашег искреног високопочитанија са коим се вашим високом благородију препоручујем понизни

Лука Вукаловић, войвода

АВПР, ГА V-A₂, д. 724, л. 79 об. Подлинник.

193

Обращение Л. Вукаловица, И. Бачевица и И. Радоница к поглаварям Шумы и Попова с призывом продолжать сопротивление¹

22 февраля 1862 г. Дубровник

Главарима шумским, поповским да се преда у руке

Шумски, поповски поглаварима поздрав. Драго браћо, не бойте се, ево ви божие вере нећемо вас издат, опет вам се потврђавамо богом живијем да ћемо ратити с Турцима. А ви се, браћо, држите храбро јуначки, што хоћете радит будете уездно заједно. Црногорци неће вас издат, и ево ти божие вере. Сада остајемо вас поздрављајући

Лука Вукалович, Јован Баћевић, Иво Раков.

Верно: Вал. Безобразов

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 613, л. 55. Заверенная копия.

¹ По сообщению В. В. Безобразова Н. П. Игнатьеву от 12 (24) марта 1862 г. повстанцы, разочаровавшиеся в результатах переговоров с Омер-пашой и в обещаниях Вены и Порты, с началом весны вновь начали военные действия, рассчитывая на обещанную им помощь со стороны Черногории (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 613, л. 53—54).

194

Письмо старшины с. Рисан М. Дежурковича К. Д. Петковичу о результатах встречи Л. Вукаловица с представителями Омер-паши

24 февраля (8 марта) 1862 г. Рисн

Высокородный господин Константин Петкович!

Сейчас возвратился из Суторины баньский воевода Иван Васильев Бачевић, который вчера с воеводою Вукаловичем имел там свидание с посланцами Омер-паши. Эти посланцы предлагали отдать воеводам в управление их округа, кроме Шумы, лишь бы они покорились султану. На эти обещания Австрия предлагала свое ручательство.

Воевода отвечал, что и Шума должна быть отдана им и что они не согласятся ни на какой договор, который не будет утвержден Россией, Францией и Черногориею.

Вашему высокородию известно, в каком положении находится этот народ, какой терпит недостаток во всем и особенно в добрых советах, которых беспрестанно просят от вас. С уверенностью могу сказать, что в сердцах всего несчастного сербского народа говорит любовь к России,

этой единственной справедливой и православной державе, от которой ждут сербы спасения, как замерзающий ждет тепла от солнца.

Бачевић вам кланяется и говорит: «О боже! Мы погибаем, чего же ждет Россия?» Через 8 дней придет ответ Омер-паши на их требования, а потому дайте им совет, нужно ли продлить переговоры, помириться или драться? И в последнем случае исходатайствуйте им помощь от вашего двора, потому что они во всем нуждаются, особенно в деньгах. Вчера зашло их сюда до сотни бедняков, страдающих от голода: я хлопочу, откуда могу собрать им хлеба.

Ничто не могло меня так порадовать, как известие о примирении воеводы Луки с Черногориею: вся ссора была устроена Мирком. Хорошо, что все кончилось, только ради бога испросите пособия от вашего двора¹.

Примите и проч.

Подписал: Марко Дежуркович (старшина сел. Рисне в Каттарском заливе)

АВПР, ф. ГА I-1, д. 38, л. 21 и об. Пер. с сербскохорват. яз., современный подлиннику.

¹ См. док. 190.

195

Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о стремлении Австрии использовать восстание в Герцеговине в своих целях и о тяжелом положении населения Зубцов

№ 94

25 февраля (9 марта) 1862 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Из последних моих рапортов вашему превосходительству благоугодно было усмотреть, что Австрия вмешалась в дела наших единоверцев южной Герцеговины и что через своих агентов в Мостаре и Требине содействует всячески Омер-паше к покорению округов, сопредельных с австрийскими владениями. Австрийским окружным начальникам не удалось переманить Вукаловица в Австрию и отделить окончательно от Черногории и Герцеговины. Обратились затем к другому средству — приняли на себя роль посредников между Омер-пашею и Вукаловичем и открыли переговоры, цель которых не может быть иная, как та, чтобы облегчить покорение вышепомянутых округов и связать по рукам и ногам главных действующих восстания. Турки не один раз давали обещания, когда видели себя в трудных обстоятельствах, но никогда не исполняли их; поэтому и теперь я не могу верить, чтобы Омер-паша был искренен в том, что он обещает Вукаловичу и другим герцеговинским старшинам. Да и сама Австрия едва ли верит серьезно тем уступкам, которые она сулит нашим единоверцам от имени Омер-паши и показывает вид, что берется поручиться за них¹. В этом полуофициальном и секретном вмешательстве, по моему разумению, Австрия преследует двойную цель: с одной стороны, она желает положить конец восстанию в Герцеговине во что бы то ни стало, ибо это восстание сильно беспокоит ее ввиду случайностей, которые могут быть вызваны положением ее собственных внутренних дел и внешними обстоятельствами; а, с другой стороны, она не прочь также от попользования воспользоваться этим случаем, чтобы показать герцеговинцам, что она одна устроила их дела, а туркам — что избавила их от вмешательства Европы в их внутренние, домашние дела.

Начальник здешнего округа Решетар призвал вчера к себе находящегося в Рагузе старшину Попова и Шумы и в присутствии турецкого

консула объявил им, что получил приказание от своего правительства советовать им возвратиться немедленно восояси, покориться турецким властям и положиться на обещания Омер-паши, расположенного будто сделать для герцеговинцев больше, чем они могли надеяться. Главари ответили, что благодарны за благосклонное к ним Австрии и что очень бы желали послушаться ее советов и возвратиться на свои пепелища, но, зная хорошо нрав турок, они сами добровольно не могут отдаться в их руки без достаточных обеспечений, разве только в случае, если принудят их удалиться из австрийских владений. Г. Решетар заметил на это, что австрийские власти не выгоняют их из своих пределов и что он вполне уверен, что турки им не сделают никакого зла; но во всяком случае обещает испросить инструкцию насчет того, до какой степени он может поручиться им от имени своего правительства.

Я уже имел честь докладывать несколько раз вашему превосходительству, что жители Попова и Шумы не в состоянии сами держаться долго, если их положение не поправится помощью со стороны Зубцев и Черногории: их страна совершенно разорена; они не имеют не только военных запасов, но и насущного хлеба. Ежедневно приходят в императорское консульство десятки из них просить подаяния на дневное пропитание. Это плачевное их состояние может сделаться еще хуже со временем, ибо они не успеют засеять свои поля на этот год, да едва ли и имеют, чем их засеять. Главари из Зубцев постоянно твердят им держаться и не покоряться туркам, обещая скорую помощь; но не предвидится скоро эта помощь, потому что сами зубчане находятся в трудных обстоятельствах и не имеют, чем жить. Князь Николай обещал Вукаловичу послать отряд черногорцев в случае неудачи переговоров с Омер-пашею, но находится в затруднении, не зная, как и чем содержать их. Черногорцы прежде содержались своими средствами и все жили на счет герцеговинцев, теперь же они должны переходить свою границу с праздными мешками, потому что в Черногории ничего не родилось и народ умирает с голоду, а в Герцеговине их также не ожидает изобилие, ибо и там был плохой урожай на хлеб, а скот почти весь истреблен. При таких обстоятельствах его светлости невозможно выслать в настоящее время за границу большое число черногорцев иначе, как обеспечив их существование вперед хотя на один месяц хлебом или деньгами; но нужды самой Черногории теперь слишком велики, а средства, которыми располагает черногорское правительство, так ограничены и ничтожны, что оно не может уделить из них в пользу герцеговинских христиан столько, сколько бы оно желало и сколько нужно было бы для успеха дела.

На днях князь отозвал из Зубцев 400 чел. черногорцев, находившихся там под начальством сердаря Матановича и Никифора Дучича, потому что они, истребив там все, что было съестного, не имели чем жить и были в большую тягость местным жителям без всякой пользы для их дела.

Дучич и Матанович позваны тоже в Цетичье, вероятно, для того, чтобы отдать отчет в своих последних действиях, возбудивших всеобщее неудовольствие в Зубцах. Вукалович находится в Суторине вместе с баньским воеводою и Ивом Радоичем, ожидающим там прибытия обещанного отряда черногорцев.

Воевода зубчал, как угодно будет вашему превосходительству усмотреть из его письма ко мне от 22 февраля, которое имею честь представить при сем в подлиннике², упал сильно духом, негодуя на последние неприятные для него и гибельные для народного предприятия случаи и отчаивается в возможности поправить теперь дела, если не помогут ему какие-либо внешние благоприятные обстоятельства.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 76—78 об. Подлинник.

¹ См. док. 191, а также примеч. к док. 189. Подробнее о безрезультатности переговоров Врчевича с Вукаловичем см.: В. В. Безобразов — А. Б. Лобанову-Ростовскому № 63 от 25 февраля (8 марта) 1862 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2050, л. 52—55).

² См. док. 192.

196

Докладная записка А. М. Горчакова Александру II с просьбой выделить денежную сумму в распоряжение К. Д. Петковича для оказания помощи герцеговинцам

18 марта 1862 г.

Из пожертвований в пользу сирийских христиан у нас еще находится до 10 тыс. рублей. Из суммы сей можно бы отделить от 1 до 2 тыс. рублей в распоряжение консула Петковича для вспомоществования нашим герцеговинским единоверцам.

Горчаков

Резолюция Александра II: Со[гласен].

Помета А. М. Горчакова: Высочайшее соизволение воспоследовало в С.-Петербурге марта 18-го дня 1862 г. Горчаков

АВПР, ф. ГА I-1, д. 38, л. 20. Подлинник.

197

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о положении в Зубцах и о действиях повстанцев против турецких войск

27 марта 1862 г. Суторина

Ваше високоблагородије!

По зактевању вашег високоблагородија доходим последне догађаје вама саопштити.

Као што је већ вашем високоблагородију познато ударао је Дервиш-паша двапут на мене, и оба пута са божном помоћи одбио сам га јуначки тако да се одиста није више по трећи пут кретао да преко Граба у Суторину продре ће су га већ од неколико дана чесарова господа из Новог жельно изгледали, коима сам ја са тим сву радост покварио што сам се поћем су Турци са Зубаца дигли на један дан у Суторини указао да ови сметени и занешени народ опет у ред ставим.

Можда не би јоште овамо сашао био да није већ од некојег доба душмана наших отровни уплив толико успео да су се Крушевчани и Драчевићани од мене кријући са Дервишом дописивали и о некој предадби потайно радили, и које, пре нежег што сам се осведочио нигда веровао нисам, неки Михайло Спаић од Зубаца, од Драчевићана Никола Дерић са неким главарима и од Крушевичана Јовица Павловић са неговим главарима били су и стоје јоште на челу овог подлог дела о како сам данас поверено розумео, прешао је исти Михайло Спаић сасвим у Требине.

Ја сам данас у једном положају како не могу ону строгост употребити која би нужна била јербо у оваком добу више би квара нашој ствари принела нежејр што би користна била. Само јенини господар и княз наш могао би ове Бранковиће за пример другима по заслуги казнити и свим оним кои негову белегу безчествују јербо за чесаров новац нас издају, а нему служе, грбове поскида. Ја колико сам могао учинио сам кад сам разумео да су Крушевчани већ и границу повукли преко које ни једног Зубца више не пропуштају, отишао сам ја у Крушевице да видим те границе и рекао сам им да сваки кои се Турчину подложити жели из наше земље упут препргљати мора, и зашто допајених несрећника кои народ ови трују и буње није се ни један нашао кои би се противно већ су сви једногласно рекли да они не знаду шта њихови главари раде. А Драчевичани они су скоро сви једнаки; сваки десети, могу речи, потеже месецну плату од новског претура да своју браћу издају. Ево, дакле, видите, ваше високоблагородије, данашње положај тај, и у колико је подла интрига лажљиве Аустрије успела која нам је од вазда горни непријатељ нежејр и сами крвник наш већ умрли Турчин.

Но поред свег тога ја се у пословима моима не омећем јербо ни до данас нису ни крушевачко и драчевачко цушке помагали, а да ми је могуће да сутра напредовати могу, опет би сви на своме месту бити морали, ако нечеда да са њиховим великим грдилом прођу, али данас не могу им ништа.

Ја намеравам ови дана сам моим топом на оне две куле ударати које је Дервиш на Зубачкоме пољу подигао и у којим се јоште лекаја стотина Ариаута и Требињаца налазе, не би ли и те са Зубаца изтерао; а ако ми она мама помоћ дође коју ми је светли господар обећао нећу закуснити са божиом помоћи, пут Шуме поћи да ону изгубљену браћу нашу опет повратим и турског ига их ослободим.

Ја данас на Зубце полазим да наредме војницима моим издам на њу са моим Зубцима и са божиом помоћи трудити се да крвнику нашем јуначки сабљу додам.

Ваше високоблагородије жели сина мога видети. Ја вам за толико пријатељске наклоности сердечно благодарим и првом приликом, кад будем Правину у Дубровник спремно, послачу га са њиме.

Са особитим почитањем ваше високоблагородија понизни Лука Вукаловић, войвода.

ЛВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 124—125. Подлинник.

198

Донесение В. В. Безобразова Н. П. Игнатьева о безуспешных попытках австрийского вице-консула в Мостаре Мартирта склонить Л. Вукаловица к соглашению с турецкими властями

№ 97

2 (14) апреля 1862 г. Мостар

Милостивый государь Николай Павлович!

Как я уже имел честь упоминать в донесении моем вашему превосходительству от 19 (31) марта за № 90, австрийский вице-консул г. Мартирт возвратился из путешествия своего в Суторино¹. Увидевшись с ним, я спросил его как о цели его поездки, так и о результатах свидания его с поглаварями восставших. Г. Мартирт объяснил мне, что он ездил в Суторино с поручением Омер-паши и с характером совершенно частным, неофициальным, не скрыв при том, что конечно он рассчитывал также и на влияние свое как консула. Несмотря однако, на эти уверения, мне

известно что г. Мартирт был сопровождаем в Суторино ротою австрийских солдат с барабаном и офицером, что не делается для частных лиц.

Мой коллега не хотел сообщить мне, каковы именно были обещания сердар-экрема, сказав только, что все они клонились к благу христиан. Что же касается результатов свидания своего с Лукою Вукаловичем в Суторино (по его словам, в Грабе — внутри Зубцев), то г. Мартирт остался весьма недоволен, не успев склонить восставших к принятию предложенный Омер-паши. «Тем не менее, — прибавил австрийский вице-консул, — я не потерял еще надежды к водворению мира и употреблю все зависящее от меня к тому средства».

По сведениям, полученным мною от игумена дужского и подтверждаемым также и г. Петковичем в письме от 22-го текущего, ответы старейшин должны были отнять всякую надежду у г. Мартирта.

Так, игумен дужский пишет мне, что Лука Вукалович, которому г. Мартирт повторил обещания Омер-паши сделать его воеводою зубчан, Драчевицы, Крушевицы, Мокрины и Суторино без малейшего вмешательства турецких властей, отказался наотрез верить обещаниям Омер-паши и гарантии Австрии, равно как и продолжать переговоры только с ними без участия и гарантии великих держав, основывая отказ свой на том, что даже и после начала переговоров чрез посредство г. Врчевича восставшие были обмануты Омер-пашою, который, несмотря на торжественные обещания не приступать ни к каким военным действиям во все продолжение переговоров, двинул войска свои в Зубцы и занял Шуму.

Г. Петкович, подтверждая те же известия, присовокупляет, что г. Мартирт приглашал также Вукаловица отправиться в Мостар. После неудачи своей в Суторино австрийский вице-консул тайно от Луки имел свидание с Иваном Васильевым Бачевичем, вызванным им в Кастель-Ново. Но сей последний ответил, что он принимает решение Вукаловица, каково бы оно ни было, и без него не решится ни за что. При сем свидании присутствовал кроме турецкого консула из Рагузы и г. Лихтенберг, прусский консул в этом же городе, вызванный накануне по телеграфу. Вероятно, присутствием г. Лихтенберга г. Мартирт хотел оправдать в глазах Ивана Васильева письменное к сему последнему приглашение свое, в котором говорит, что в Кастель-Ново ожидают поглаварей представители великих держав, как мне, по крайней мере, сообщено от самого Бачевича.

Таким образом и поездка г. Мартирта не повела ни к чему, и как вашему превосходительству благоудно будет усмотреть из всего вышеизложенного, ответы поглаварей не допускают никакой надежды на возможность примирения при посредстве одной только Австрии. Тем не менее г. Мартирт продолжает действовать с этою целью, и сношения его с Омер-пашою принимают с каждым днем все более тесный и скрытый характер. В тайны эти отчасти посвящен, кажется, и английский мой коллега, прибывший из Боснии, но от меня тщательно скрывается все, даже ежедневные поездки г. Мартирта в лагерь Омер-паши, в двух часах от Мостара.

По сообщению, сделанному мне на днях г. Зорабом, английским вице-консулом, Омер-паша и неудачу г. Мартирта приписывает г. Петковичу. По словам сердар-экрема, наш консул ездил будто бы снова из Рагузы в Суторино, виделся с Вукаловичем и даже вручил ему значительную сумму денег, убедив его не принимать предложенный г. Мартирта. Г. Зораб просил меня сказать ему, насколько можно доверять этим обвинениям, и в то же время как бы для придания большей вероятности сообщению своему присовокупил, что предоставляет мне, если я буду иметь по сему предмету разговор с сердар-экремом, сказать ему, что я узнал об этом от него, г. Зораба.

Я опровергнул положительно всякие обвинения в этом роде против г. Петковича, зная положительно, что г. Петкович не оставлял Рагузы, и кроме того, представлял, что желания нашего правительства клонятся единственно к восстановлению спокойствия в Герцеговине. Я сообщил также о всем этом г. Петковичу, который означенным письмом своим от 22-го текущего положительно отрицает всякую правдоподобность этих обвинений, и я вполне разделяю его убеждения, что это все интриги и выдумки австрийских[их] агентов и турецкого консула в Рагузе, желающих как-нибудь оправдать себя пред Омер-пашою и австр[ийским] правительством в неудаче своих действий, и, по своему обыкновению, стараясь всю неудачу обрушить на предполагаемые ими интриги русских консулов. Я не мог еще говорить об этом с Омер-пашою, ибо хотя и был у него в лагере, но он постоянно уклонялся от всякого делового разговора.

По настояниям Омер-паши, поддерживаемым, без сомнения, австр[ийским] в[ице]-консулом, австр[ийское] правительство решилось удалить из Рагузы принятых там еще в октябре прошедшего года монахов Дужского монастыря и предложило им отправиться на один из далматинских островов. Но игумен дужский с братиею отказались от такого великодушного предложения Австрия и удалились в Драчевицу к восставшим. Действуя так чрез австр[ийские] начальства, Омер-паша чрез своих турецких агентов и, в особенности, чрез Дервиш-пашу заставил некоторых шумских поглаварей выразить письменно нежелание будто бы всего Шумского округа видеть вновь между собою прежних иноков дужских и просить его о назначении в монастырь новых монахов, как будто бы и монахи могут быть поставляемы турецкими пашами.

Я уже кратко неоднократно имел честь представлять императорскому министерству, как легко могут паша иметь такого рода письменные доказательства при помощи штыков и истязаний и насколько, следовательно, можно доверять таковым актам. Для удовлетворения этого прошения Омер-паша потребовал к себе на днях игумена монастыря Житомишлица о. Серафима Перовича и объявил ему, что он назначает его в Дужи. Игумен Серафим имел достаточно твердости характера, чтобы объявить паше, что он в Дужи не пойдет, во-первых, потому, что назначен митрополитом и братиею в Житомишлице, а, во-вторых, потому, что не может принять монастыря, разоренного турецким войском. На дальнейшие же настояния Омер-паши он отвечал, что если его будут принуждать оставить Житомишлице, то он оставит совершенно Герцеговину и перейдет в Сербию. Подобный ответ, кажется, озадачил сердар-экрема, который отпустил о. Серафима, запретив ему видаться со мною. Все эти подробности сообщены мне игуменом письменно и словесно чрез посланного, равно как и о запрещении видаться со мною, служащем новым подтверждением благосклонных действий Омер-паши относительно императорского консульства.

На прошедшей неделе прибыл сюда присланный султаном директор медицинской школы в Константинополе Аариф-бей для осведомления о здоровье Омер-паши. 29 марта Аариф-бей отправился обратно чрез Требинье, где должен приветствовать войска от имени султана.

На прошедшей же неделе Дервиш-паша, оставив несколько батальонов в Зубцах, перевел около 4-х батальонов в Билеч и сам с одним батальоном и 100 башибузуков прибыл в Гацко, откуда должен действовать на вновь занятой восставшими дефиле Дуги и провести провиант в Никшич, положение которого в настоящее время совершенно таково, как и год тому назад².

В Гацко и Невесинье с каждым днем увеличиваются четы и производят нападение на турецкие села.

На днях Дед-ага Ченгич произвел из Фочи нападение на село Враньско Слато в Пиве. В этом деле кроме больших стад, отнятых башибузуками, ими убито 5 христиан, в числе которых Теодосий Сочица, большой 90-летний старик, архимандрит Пивского монастыря, переселившийся в означенное село по разграблении монастыря турками. Голова его, говорят, была принесена в Фочу. И этими мерами думают турки усмирить восстание!

Новый губернатор Герцеговины предпринял постройку дороги до австрийской границы, и таким образом к прежним повинностям, исполняемым жителями Герцеговины, прибавилась еще новая, а между тем народ не имеет ни дневного пропитания, ни времени для обработки своих полей.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

Вал. Безобразов

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 613, л. 60—63 об. Автограф.

¹ В упомянутом донесении В. В. Безобразов сообщал Н. П. Игнатьеву о провале попыток австрийского вице-консула в Мостаре Мартирта организовать переговоры Л. Вукаловича с Омер-пашою (см.: АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 613, л. 59 и об.). О начале этих переговоров говорится в донесении В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому № 48 от 11 (23) февраля 1862 г. — АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2050, л. 38—43 об., 45—46 об.

² Еще в начале 1862 г. в Турции был разработан план войны против Черногории, предусматривавший массированный удар по княжеству значительными турецкими силами, во главе которых был поставлен Омер-паша. Турецкое войско составляло около 54 тыс. человек. В подчинении Омер-паши находился дивизионный генерал Дервиш-паша, он должен был наступать на вспомогательном направлении Гацко — Дуга — Никшич с целью ликвидировать блокаду Никшича, чтобы создать оперативный простор для навадения на Планиницу и Орью Луку, определенные как пункты соединения его армий с главными турецкими силами. Согласно черногорскому военному плану, составленному еще в 1861 г., направление Дуга — Никшич также считалось вспомогательным. Наиболее уязвимым местом при наступлении турок на Никшич, снабжение которого могло проходить по линии Гацко — Дуга — Никшич, было ущелье Дуга. Это ущелье было занято восставшими герцеговинцами и черногорцами, блокировавшими Никшич и турецкий гарнизон в нем. Отрядами повстанцев и черногорцев командовали Иво Раков Радонич и черногорский воевода Петр Вукотич. Они имели малую численность сил, но оказали упорное сопротивление турецким войскам и разбили их (подробнее см.: Павлович Б. Црна Гора у рату 1862. Београд, 1963, с. 289—295).

Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о безуспешной попытке турецких и австрийских властей поставить на должность воеводы Зубцов М. Спаича

№ 182

18 (30) апреля 1862 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

В донесении моем от 10 (22)-го сего месяца, № 170¹, я имел честь сообщить вашему превосходительству о происках и усилиях турецких и австрийских властей произвести между нашими единоверцами южной Герцеговины раздоры и междоусобие, дабы этим успеть легче в подавлении восстания. Тогда же я уведомил вас и о приезде сюда из Мостара зубчанца Михаила Спаича, которого Омер-паша по рекомендации и совету австрийцев наименовал воеводою над Зубцами, Драчевицею и Крупевницею, о ласковом приеме, сделанном ему здесь Решетором и генералом Родичем,

и об отправлении его в Кастель-Ново в сопровождении Врчевича с тем, чтобы тамошний претор ввел его во владение пожалованным ему воеводством².

Действительно, кастель-новский претор не пренебрег никаким средством, чтобы исполнить возложенное на него поручение: обещанием денег и хлеба переманил нескольких простодушных жителей из Драчевицы и Крушевицы и разослал к зубачким старшинам прокламации, которых образец считаю долгом представить при сем на благоусмотрение вашего превосходительства³. Но, несмотря на все эти маневры, предположенная австрийцами цель не достигнута, ибо новый воевода не посмел вступить не только в предел Зубцов, но даже в Суторину и с последним пароходом возвратился обратно в Рагузу вместе с Врчевичем, который и повел его в Требинье. Вероятно, австрийцы надеются успеть легче из Требинья, чем из Кастель-Ново, но я сильно сомневаюсь в этом. Им не удастся ни за что заменить Вукаловича Спаичем, и интриги и труды их в этом отношении совершенно напрасны. Однако только я опасаясь, чтобы турецко-австрийская комедия не стоила смерти безрассудному Спаичу, увлекшемуся честолюбием, подарками и несбыточными обещаниями.

Представляемая при сем в подлиннике прокламация кастель-новского претора помимо тысячи других явных доказательств может служить подтверждением всего того, что я имел честь доселе доносить о вмешательстве Австрии в дела Герцеговины в ущерб интересам наших единомышленников.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 172—173 об. Подлинник.

¹ См.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 140—145.

² Подробнее об австрийской политике в отношении повстанцев в Боснии и Герцеговине см.: *Gavranović B. Bosna i Hercegovina od 1853—1870 godine: Zbirka dokumenata iz austrijskih arhiva o austrijskoj politici prema ustancima u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1956.*

³ Обращение австрийского претора в Кастель-Ново И. Алачевича к старейшинам Зубцов от 11 апреля 1862 г. по поводу направления в Зубцы нового воеводы М. Спаича см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 174.

200

Записка австрийского генерального консула в Сараеве С. Йовановича со сведениями о турецких войсках в Герцеговине

Не позднее 30 июня 1862 г.*

Relation über die Stärke, Eintheilung, Aufstellung und Verfassung der unter dem Commando des Muschirs Dervisch Pascha auf dem herzogovinischem Kriegsschauplatze stehenden ottomanischen Truppen.

Während meiner im Laufe dieser Woche vorgenommenen Bereisung der südlichen Herzegovina und namentlich während meines Aufenthaltes in türkischen Hauptquartier zu Bilek habe ich theils aus den verlässlichsten Quellen, theils aus eigener Anschauung und Wahrnehmung, nachstehende Daten gesammelt:

1. Stärke der Truppe

* Датируется по предположительному донесению С. Йовановича И. Рехбергу.

Die Stärke sämmtlicher, unter Commando des Dervisch Pascha stehenden Truppen beläuft sich auf 14—15 000 Mann Infanterie, 250 Mann Kavalerie, 80 Mann Artillerie mit 15 Gebirgs-Geschützen worunter 1 gezogenes, dann bei 7000 Mann Baschibozuks.

Ausserdem sind zum Verpflegs — und Munitionstransport über 3000 Packpferde vom Aerar angekauft worden, die jedoch in Folge der schlechten Pflege und Wartung bei gleichzeitiger Ueberanstrengung durch schwere Lasten auf den schlechtesten Wegen an Zahl sehr herangeschmolzen sind, so dass jetzt kaum 2000 Stück diensttauglich sind.

2. Militärische Aufstellung zu Bilech

Das im Centrum der Operationsbasis Trebigne, Bilech, Gazko gelegene Plateau von Bilech ist der militärisch wichtigste Punkt der Herzegovina im Kriege gegen Montenegro und die Wahl desselben zu einem grossen befestigten Lager bekundet eine ganz richtige Auffassung seines strategischen Werthes.

Leider ist aber bis jetzt nur sehr wenig geschehen um diesem Punkte auch in taktischer Beziehung durch künstliche Mittel, jener Grad der Festigkeit und militärische Brauchbarkeit zu verleihen, der mit seine strategischen Wichtigkeit im Einklange stünde.

Die vielen in diesem Punkte sich kreuzenden Wege von Mostar, Metković, Ragusa, Klobuk, Nikšić, Gazko ect. sind alle in dem piteyabelsten Zustande und sogar die Hauptverbindungsline Mostar — Stolaz — Dabra — Fa niza ist in der letzten Strecke 5 Stunden von Bilech so schlecht dass man selbst auf den besten türkischen Pferden darauf nicht reiten kann und die Tragthiere nur mit grösster kommen.

Das Plateau von Bilech hat in der Richtung von Nordwest nach Südost eine Länge von $\frac{1}{2}$ Meile und ist $\frac{1}{4}$ Meile breit dasselbe ist nur spärlich angebaut und liegen auf demselben mehrere kleine Häusergruppen (circa 300 Häuser) längs dem Fusse der — dasselbe rings nur gebenden Höhen zerstreut.

Am südöstlichen Ende dieses Plateau, welches hier mit einem jähem Abstürze in das enge, tief eingeschnittene Thal der Trebiniza endet, ist das türkische Lager des Muschirs Dervisch Pascha aufgeschlagen.

Der grösste Theil der Truppen lagert unter runden Zellen à 10 Mann.

3. Sicherung des Lagers durch Befestigung

In der rechten Flanke des Lagers, auf einem etwas erhöhten Punkte befindet sich eine gemauerte Defensions. Kasernewelche mit Inbegriff des Hofraumes 60 Schritte in Gewierte hat. In derselben ist eine gedrängte Unterkunft für 350 Mann (gegenwärtig meistens Kranke), eine kleine Feldapotheke, Munition und etwas Proviant; alles dieses äusserst beschränkt und sehr unordentlich untergebracht. Im Hofe ist eine gemauerte Zisterne.

An diese Defensions-Kaserne schliesst sich ein grösserer unmauerter Hof von 150 Schritt Länge und 100 Schritte Breite. An der westlichen Langseite ist ein ebenerdiges Gebäude mit Stallungen auf 30 Pferde, dann einigen kleinen Proviant-Magazinen und Krämerbuden.

Die Krenailirte Hofmauer hat nur eine Höhe von 5 Schuh.

Zur Bestreichung der vorliegenden Ebene ist eine kleine Bastion angebracht wo zwei Gebirgshaubitzen aufgestellt sind. In diesem Hohe ist Lagerplate für 2 Bataillons. Ausserhalb dieser beiden in Verbindung stehenden Lokalitäten und etwas höher gelegene ist noch ein Lagerraum für 3 Bataillons zur Noth durch eine trokene 4—5 hohe Mauer geschützt. In diesen Lager stehen 3 Berghaubitzen, welche den Zugang aus der Trebiniza—Schlucht bestreichen. Alle übrigen Truppen lagern anstossend an diese Truppe in der Ebene, ohne irgend einen Schutz durch Befestigungen zu haben.

Auf der Anhöhe in der rechten Flanke, 1000 Schritte von Lager und am Wege nach Trebigne — campirt ein Vorposten von 300 Mann, nur durch eine trokene Mauer gegen Überfälle geschützt; auf einem steilen Vorsprunge unmittelbar über dem Ursprunge der Trebišnica — in Flintenschussbereich befindet sich eine Kule für 50 und auf der Anhöhe etwa 1000 Schritte links vorwärts eine andere Kule für 150 Mann.

Weitere Sicherheitsverkehrungen gibt es nicht, und wie es hier mit der Wachsamkeit der Vorposten und Lagerwachen beschaffen sei, geht am deutlichsten daraus hervor, dass ich spät Abends mit meinem Gefolge ins Lager eingeritten bin, ohne irgendeinen Posten gesehen und ohne einen einzigen Wachruf gehört zu haben.

Ausserachtlassung der einfachsten Vorsichtsmassregeln auf diesem so schwirigen Kriegsschauplatze, war von jeher eine charakteristische Seite der türkischen Kriegsführung, und hat sich schon oftmals schwer gerächt. So würde sicherlich auch ein Überfall dieses Lagers, keineswegs zu den schwirigsten Unternehmungen gehören.

Am Plateau Bilech selbst ist kein Wasser und der ganze Bedarf für das Lager muss aus Schlundflusse Trebišnica geschafft werden, der in der unmittelbaren Nähe des Lagers, am Fusse des dem Feinde zugekehrten Plateau — Abhanges, gleich als beträchtlicher Fluss heraustritt.

Um stets Herr dieser Quelle zu bleiben, sind einige Vorkehrungen durch Anlage von Befestigungen getroffen worden, die zwar sehr primitiver Natur sind, jedoch gegen einen Feind, der über kein Geschütz disponirt vollkommen ausreichen. Auch sind aus dem Lager 2 Reitwege über den steilen Abhang hinausgeführt worden, auf denen unausgesetzt Packpferde mit Wasserschlänchen auf und niederwandern und doch nur ausserst mühevoll der Wasserbedarf für das ganze Lager herbeigeschafft werden kann. Hier müsste ein Fahrweg hergestellt und der ganze Wasserbedarf mittelst Wagen in Fässern hinaufgeschafft und in grösseren Reservoirs an mehreren Stellen des Plateaus zur Disposition der Truppengestellt werden.

Die das Plateau rings umgebenden Höhen müssten wenigstens an jenen Stellen befestigt werden, wo über dieselben die Wege nach verschiedenen Richtungen führen, was jetzt gar nicht der Fall ist.

Das Lager selbst sollte schon aus Sanitäts-Rücksichten nicht so auf einem Flecke zusammengedrängt sein, sonder mit Hineinziehung mehrerer auf dem Plateau zerstreuten Häusegruppen könnte eine in jeder Beziehung viel zweckmässigere Vertheilung der Truppen in demselben stattfinden. Die zum Aufbewahren der Munition und Lebensmittel so wie zum Feldspitale hergerichteten Lokalien sind viel zu beschränkt und sehr unordentlich gehalten.

Über das durcheinander in demselben kann man sich keinen Begriff machen, wenn man es nicht sieht. Auf allen zum Lager führenden Wegen liegen viele todte Pferde, ja sogar in Bilech selbst, in der unmittelbarsten Nähe des Lagers, beim Wasser und am Wege von demselben zum Lager, so dass jetzt schon eine ganz pestilenzialische Luft daselbst herrscht; daher es kein Wunder wäre, wenn hier alle möglichen Epidemien ausbrechen würden.

Ich habe darüber dem Lager-Commandanten Mahmed Pascha in ganz offener Weise Vorstellungen gemacht.

4. Beschaffenheit der übrigen militärisch wichtigen Punkte des Kriegsschauplatzes.

Die alten halbverfallenen Zitadelen von Trebigne und Nikšić so wie das Bergschloss Klobuk sind in der miserebelsten Verfassung und wurden nicht einmal aus Anlass der gegenwärtigen Kriege-Ereignisse in einem besseren Stand gesetzt. Da diese alten Befestigungen überdiess von mehreren Seiten im nächsten Geschütz — bereiche dominirt sind, so könnten sie dem kräfti-

gen Angriffe einer regulären Truppe mit nur einigen Gebirgsgeschützen nicht den geringsten Widerstand leisten.

Die im Laufe der letzten Kriegsepoche aufgeführten Befestigungen beschränken sich lediglich auf die oberwähnte unbedeutenden Bauten zur Sicherung des Lagers bei Bilech dan einiger gemauerten Kules (Blockhäuser) auf dem Plateau von Zubzi, bei Metochia auf der Hochebene von Gacsko dann bei Piva und Krstaz.

5. Bewaffnung und Bekleidung der Truppen; Ihr militärischer Geist.

Die Infanterie ist mit guten Kapsolgewehren mit glattem Lauf, die Jäger (10 Bataillons) mit vorzüglichen belgischen gezogenen Büchsen bewaffnet; diese Waffen sind jedoch sehr verwahrlos.

Was den militärischen Geist und die moralische Stimmung der Mannschaft anbelangt, so ist nicht zu verkennen dass dieselben — bei all diesen misslichen Verhältnissen, Anstrengungen und Entbehrungen aller Art und insbesondere bei dem Umstande: als die meisten Truppen einen 20–30 monatlichen Soldrückstand zu fordern haben, die vollste militärische Anerkennung verdient.

Man kann im Allgemeinen sagen, dass diese Truppe die trefflichen Eigenschaften der Abhärtung der zähesten Geduld und Ausdauer im hohen Grade besitzt, und dass es wahrlich Schade ist, dass ein so vortreffliches Material einer so indolenten und ungeschickten Führung untergestellt ist.

Hingegen sind Mangel an Wachsamkeit und Vorsicht, Schwerfälligkeit der Bewegung, Mangel an jedem geistigen Element Unwissenheit und Trägheit der Vorgesetzten, Erschöpfung aller Rehsourcen etz Nachtheile für das Ganze — welche durch die fisischen Vorzüge des gemeinen Soldaten nicht ausgeglichen werden können, und welche einen besseren Erfolg der bisherigen — nicht glücklichen Kriegsführung stets in Frage stellen müssen.

Die Baschibozuks sind zum grössten Theile Arnauten aus Monastir und Janina, vermischt mit eingebornen Herzegovinern und Bosniaken. Die Arnauten und Erzegoviner werden als sehr brav gelobt, von den Bosniaken stehen nur jene aus türkisch Kroatien im Rufe der Tapferkeit.

Diese Baschibozuks werden hauptsächlich zur Aufrechthaltung der Sicherheit der Strassen verwendet und sind postenweise auf beiläufig 2 und 2 Stunden Entfernung oder nach Bedarf auch in kleineren Abständen in der Stärke von 15–50 und 100 Mann — an allen wichtigeren, und Raubanfällen ausgesetzten militärischen Routen aufgestellt. Nur die im Lager von Bilech stehenden 3000 Mann, werden als leichte Truppe auch bei der Operationen verwendet. Dieselben beziehen die Munition, eine Ration Brot und 80 Piaster monatlichen Sold. Ihre Offiziere sind verhältnissmässig gut gezahlt und mitunter gibt es unter denselben ganz tüchtige Leutenamentlich bei den Arnauten.

6. Vorkehrungen behufs der Verpflegungs und Munitions-Zuschübe so wie bezüglich der Sanitäts-Anstalten.

Die Organisirung der Verpflegung und der Munitions-Zufuhr, so wie des Sanitätsdienstes ist äussert mangelhaft. Depots in grösserem Masstabe für Lebensmittel und Munition so wie für jeglichen anderen Bedarf gibt es keine. Die Zufuhr geschieht theils mittelst Transportschiffen — welche in Ragusa, Klek oder Metković ausladen von wo dann die Weitersendung mittelst Lastthieren nach dem Kriegsschauplatze geschieht — oder mittelst Lieferungen durch Privatunternehmen, welche Letzteren sich jedoch da die Zahlungen sehr unverlässlich sind, meistens schon zurückgezogen haben, und es ist somit diese Art der Verpflegung — bei der grossen Creditlosigkeit der Armeeverwaltung nur wenig ergibig.

Es sind wohl kleine Depots in Trebigne, Gabela, Mostar und Stolaz, aber mit unzureichenden Vorräthe und wenn die Zufuhr von der Seeseite nur

momentan ausbliebe, müsste unfehlbar in der kürzesten Zeit an Allem Mangel eintreten.

Hie zu kommt noch der Umstand, dass die ganze Herzegovina und namentlich der Theil am linken Narenta — Ufer, wo der gegenwärtige Kriegsschauplatz ist, durch den mehrjährigen Kriegszustand — an allen ohnedem nicht sehr ergibigen Ressourcen völlig erschöpft ist und die Bevölkerung sich fast überall im tiefsten Elende befindet. Die Lastthiere sind in Folge unausgesetzter Requisitionen fast gänzlich ausgerottet, und ohne dass der Eigenthümer je Hoffnung hätte dafür irgend einen Ersatz zu bekommen.

Unter so misslichen Verhältnissen ist es begreiflich, dass die Verpflegung der Truppe und die ganze Kriegsführung überhaupt ausserordentlich schwer ist.

Um nun in Anbetracht aller dieser Schwierigkeiten, der Truppe dennoch stets eine zureichende Verpflegung beizustellen, so muss die materielle Erhaltung der Truppen gerade zu der ausschliesslichen Aufgabe des Commandanten sein, und es muss dieser Umstand jeder grösseren offensiven Unternehmung hindernd in den Weg treten.

Was die Anstalten in Sanitätshinsicht anbelangt, so ist diesfalls noch viel weniger geschehen und es fehlt jede Organisation dieses Dienstzweiges. In Mostar und Trebinje befindet sich Spitaler mit einem Krankenstande von 3—400 Mann und zu Bilech, Stolaz, Nevesinje Feldaufnahmsspitäler.

Wenn auch anerkannt werden muss, dass die Spitals—Lokation rein gehalten und die Kranken mit Sorgfalt gepflegt werden, so ist leider das ärztliche Personal nicht nur an Zahl unzureichend, sondern insbesondere auch an wissenschaftlicher Ausbildung sehr untergeordnet; an Medicamenten selbst ist entweder gänzlicher Mangel oder es sind dieselben von den schlechtesten Qualität.

Der Unterhalt der Cavallerie — und Transportpferde geschieht meist mittelst grüner Fouragierung. Die Landleute müssen ihre Weiden, Weisen und Getreidefelder gegen Anweisung — der Truppe zur Disposition stellen, welche Anweisungen wahrscheinlich niemals eingelöst werden.

Die Tragpferde stehen unausgesetzt im Freilager und werden schonungslos unter schweren Lasten auf den elendesten Wegen ohne der geringsten Pflege von Ort zu Ort getrieben. Die Folgen dieses Verfahrens manifestirt sich in vielfach beklagenswerthen Weise. Das Land hat fast gar keine Transportthiere mehr und an den Wegen und in der nächsten Umgebungen der Lagernden Truppen sogar liegen einzelne oder ganze Haufen — die Luft verpestet — der Pferde-Cadaver.

7. Eintheilung und Dislokation der Truppen Dieselbe ist aus der beigefügten Tabelle ersichtlich.¹

8. Militärische Operationen

Da in Bilech die türkische Hauptmacht unter persönlichen Commando des Muschir Dervisch Pascha steht, so geschehen von hieraus nach Zurücklassung von je einer Lagerbesetzung von mindestens 3 Bataillons alle Vorwärtsbewegungen auf verschiedenen Richtungen gegen die Grenze Montenegros, von wo stets entweder aus Mangel an Wasser und Lebensmitteln oder auch nach irgend einem günstigen Gefechte, die ganze Armee wieder nach Bilech zurückkehrt. Auf diese Weise haben alle diese so häufig proklamirten Offensivbewegungen nur den Charakter erfolgloser grösserer Streifungen, und es ist kein Absehen, dass auf diese Art je ein bedeutenderes und ausgiebiges Resultat zu erreichen sein dürfte. Ohne die türkischen Truppen auf der Seite Albaniens jetzt gesehen zu haben, bin ich vollkommen überzeugt, dass es dort um nichts besser zugeht. Sonst wäre es nicht zu begreifen, dass eine so zahlreiche um Montenegro konzentrirte Armee nicht schon längst ihre Aufgabe gelöst hätte.

Aus diesem Grunde kann ich nichts anders, als abermals die wiederholte Versicherung auszudrücken, dass die Türkei keine Macht in sich selbst mehr besitzt, um die insurgirten Distrikte ordentlich und andauernd zum Gehorsam zu bringen, viel weniger um Montenegro gänzlich zu erobern. Hingegen wird jedoch die Pforte so lange sie eine so grosse Armee auf dem dortigen Kriegsschauplatze erhalten kann, stets die innenhabenden militärischen Positionen zuverlässig behaupten können.

Wie lange aber dieser Zustand des ewigen unentschiedenen Kampfes vermischt mit Sengen, Brennen und Morden für die Pforte zu ertragen sein wird, ist eine sehr wichtige Frage, die nicht übersehen werden sollte, denn dass unausgesetzte Nachsenden von Truppen und Verpflegungen bei der bekannt schlechten Heeres — Verwaltung muss schliesslich eine gänzliche Erschöpfung des Reiches nach sich führen.

Es wäre daher die höchste Zeit, diesem Kampfe in irgend einer anderen Weise Einhalt zu thun.

Jovanović, Oberst/Leutnant

HHStA, Wien, Konsulate, K. 151, Fasc. Gen. Kons. Sarajevo, 1862, Fol. 90—100. Подлинник.

Перевод

Реляция о численности, подразделениях, расположении и состоянии духа османских воинских частей, находящихся в герцеговинской военной зоне под командованием мушира Дервиш-пашы

Во время моей поездки в южную Герцеговину, предпринятой на этой неделе, точнее во время моего пребывания в штаб-квартире турецких войск в Билеке, я собрал следующие сведения частично из надежных источников, частично в результате личных наблюдений.

1. Численность войск

Воинские части, находящиеся под командованием Дервиш-пашы, состоят из 14—15 тыс. пехотинцев, 250 кавалеристов, 80 артиллеристов с 15 горными орудиями, из которых одно с нарезным стволом, и 7 тыс. башибузуков. Кроме того, для обозов с продовольствием и снаряжением казной закуплено 3 тыс. вьючных лошадей, число которых однако заметно сократилось вследствие плохого ухода и жестокого обращения, а также в результате того, что на животных навьючивают слишком тяжелые тюки, которые они тащат по сквернейшим дорогам, так что сейчас едва насчитывается 2 тыс. лошадей, пригодных для работы.

2. Расположение войск в Билеке

Плато Билек, расположенное в центре района военных действий, включающего Требинье, Билек, Гацко, представляет собой наиболее важный в стратегическом отношении пункт Герцеговины в войне против Черногории, и выбор этого места для строительства большого укрепленного лагеря показывает первое понимание его стратегического значения.

К сожалеению, до сих пор сделано очень мало, чтобы искусственными средствами придать этому пункту и в тактическом отношении ту степень прочности и военной значимости, которая соответствовала бы его стратегической важности.

Множество дорог, скрещивающихся здесь, которые ведут из Мостара, Метковича, Рагузы, Никшича, Гацко и др., находятся в ужасном состоянии и даже главная магистраль, соединяющая Мостар—Столац—Дабру—Фатинцу, на последнем участке в 5 км от Билека настолько плоха, что даже лучшие турецкие лошади не могут там пройти, а тягловые животные проходят только с великим трудом.

Плато Билек с северо-запада на юго-восток имеет длину $1\frac{1}{2}$ мили, а ширину $\frac{1}{4}$ мили, там мало обработанных полей и имеется несколько небольших поселений (около 300 домов) вдоль подножья, окруженного холмами.

На юго-восточном краю этого плато, которое оканчивается здесь крутым обрывом к узкой глубокой долине Требишницы, разбит турецкий лагерь мушира Дервиш-паша.

Большая часть войска размещается в круглых палатках по 10 человек в каждой.

3. Укрепления, служащие для охраны безопасности лагеря

На правом фланге лагеря, на некотором возвышении находится укрепленная казарма, построенная из камня, которая вместе с территорией двора имеет 60 шагов в периметре. В этой казарме размещены в тесноте 350 человек (в настоящее время в основном больные), маленькая полевая аптека, склад боеприпасов и провiantа; все это крайне скучено и содержится в очень перипетичном состоянии. Во дворе имеется выложенная камнем цистерна.

К этой крепости-казарме примыкает довольно большой двор, не выложенный камнем, который имеет в длину 150 шагов, а в ширину 100 шагов. Вдоль более длинной западной стены находится одноэтажное здание с конюшнями на 30 лошадей, несколькими провiantскими складами и мелочными лавочками.

Зубчатая каменная стена, окружающая двор, имеет в высоту только 5 футов.

Для обстрела лежащей перед казармой равнины имеется маленький бастион, на котором установлены 2 горные гаубицы. В этом дворе могут быть расположены два батальона. Кроме этих двух связанных между собой точек, несколько выше расположена площадка, на которой в случае необходимости может быть размещен лагерь для трех батальонов, защищенный стеной из сухой кладки, высота которой 4—5 футов. В этом лагере стоят три горных гаубицы, которые простреливают подступы со стороны ущелья Требишницы. Все остальные части размещены на равнине по соседству с этой воинской частью, и не защищены укреплениями.

На возвышении на правом фланге, расположенном в тыс. шагах от лагеря, находится сторожевой пост, состоящий из 300 человек. Этот пост, который стоит на дороге, ведущей в Требишье, защищен от нападения только стеной из сухой кладки; на крутом выступе непосредственно над истоком Требишницы — на расстоянии ружейного выстрела — находится блокгауз на 50 человек, а на возвышении на расстоянии тыс. шагов влево находится другой блокгауз на 150 человек.

Других защитных укреплений не имеется, а о том, насколько бдительны сторожевые посты и часовые, охраняющие лагерь, с наибольшей очевидностью свидетельствует тот факт, что я въехал в лагерь вместе со своими спутниками, не увидев ни одного часового и не услышав никакого оклика.

Пренебрежение самыми элементарными мерами предосторожности на этом столь сложном участке военных действий с давних пор являлось характерным признаком турецких методов ведения войны и уже много раз имело роковые последствия. Совершенно очевидно, что нападение на этот лагерь никак не могло считаться невыполнимым предприятием.

На самом плато Билек нет воды, и для удовлетворения всех потребностей лагеря в воде необходимо пользоваться протекающей в ущелье рекой Требишницей, которая в непосредственном соседстве с лагерем, под склоном, обращенным в сторону противника, становится довольно широкой.

Чтобы всегда иметь в своем распоряжении этот источник воды, приняты некоторые меры по сооружению укреплений, которые, хотя и носят очень примитивный характер, тем не менее вполне достаточны, чтобы отразить противника, не располагающего пушками. Из этого лагеря также проложены по крутому спуску лошадиные тропы, по которым выючные лошади беспрестанно носят мехи с водой, и несмотря на это, количество воды, требуемое для лагеря, обеспечивается лишь с трудом. Здесь следовало бы продолжить большую проезжую дорогу и всю необходимую воду перевозить в бочках, груженных в телеги, и держать ее в больших резервуарах в разных концах плато, отдав их в распоряжение войск.

Высоты, окружающие плато, должны быть укреплены по крайней мере в тех местах, где по ним в разных направлениях проходят дороги. В настоящее время таких укреплений нет.

Сам лагерь, хотя бы только из соображений гигиены, не следовало устраивать в такой тесноте и скученности, а если бы разбросанные по плато группы домов были включены в зону лагеря, то можно было бы достигнуть гораздо более целесообразного размещения войск. Помещения, предназначенные для хранения боеприпасов и продовольствия, а также для полевой лазарета, слишком тесны и содержатся очень неопытно.

Тот, кто сам не видел лагеря, не может представить себе царящего там беспорядка. На всех дорогах, ведущих в лагерь, и даже в Билеке, в самом непосредственном соседстве с лагерем, у воды и у дороги, ведущей от воды к лагерю, валяются во множестве трупы лошадей, так что в лагере уже совершенно зараженный воздух, и поэтому не было бы ничего удивительного, если бы там начали распространяться всевозможные эпидемии.

Об этом я совершенно откровенно доложил коменданту лагеря Махмед-паше.

4. Состояние других точек военной зоны, важных в военном отношении

Старые полуразвалившиеся крепости в Требишье и Никшиче, как и замок Клобук, расположенный в горах, находятся в самом плачевном состоянии, и даже несмотря на происходящие военные действия ничего не делается для их восстановления. А так как к тому же эти старинные укрепления со всех сторон открыты для артиллерийского обстрела с близкого расстояния, то при мощной атаке регулярной части, поддерживаемой хотя бы несколькими горными орудиями, они не окажут ни малейшего сопротивления.

В число крепостей, возведенных во время предшествующих войн, входят лишь упомянутые выше незначительные сооружения, используемые для укрепления лагеря в Билеке, затем несколько куле (блокгаузов) на плато Зубцы, у Метехи на высокогорном плато Гацко и затем у Пивы и Крстаца.

5. Вооружение и обмундирование частей, их боевой дух

Пехота вооружена хорошими гладкоствольными ружьями с капсульным запалом, охотники (10 батальонов) снабжены отличными бельгийскими охотничьими ружьями с нарезным стволом. Это оружие однако находится в запущенном состоянии.

Что касается боевого духа и морального настроения рядового состава армии, то нельзя не признать, что с военной точки зрения они заслуживают полного одобрения, особенно если принять во внимание все существующие неблагоприятные условия, напряжение и всевозможные лишения и особенно если учесть то обстоятельство, что большинству частей командование задолжало жалование за 20—30 месяцев.

В целом можно сказать, что эта воинская часть в высшей степени обладает такими превосходными качествами как закаленность, величайшее терпение и выдержка и очень жаль, что такой превосходный материал находится в подчинении у столь непертого и неумелого руководства.

При всем при том недостаток бдительности и осторожности, медлительность при перемещениях, полное отсутствие интеллектуального начала, невежество и косность начальства и отсутствие всяких ресурсов являются недостатками, которые сводят на нет все остальное, недостатками, которые не могут быть компенсированы превосходными качествами простых солдат, и которые ставят под вопрос благополучный исход теперешнего неудачного ведения войны.

Башибузуки в большинстве своем это арнауты из Монастира и Явинны, смешавшиеся с местными уроженцами Герцеговины и Боснии. Арнауты и герцеговинцы славятся своей храбростью, из жителей Боснии храбрыми славятся только турецкие хорваты.

Эти башибузуки используются главным образом для охраны безопасности дорог и расставляются в виде постов по 15—20 и по 100 человек на расстояниях около двух часов езды или, при необходимости, на более коротких расстояниях на всех важных

путях сообщения, а также на дорогах, где случаются нападения разбойников. Только 3000 человек, размещенных в лагере Билек, используются как подвижная воинская часть при военных операциях. Эти башибузки получают снаряжение, порцию хлеба и месячное жалованье 80 пиастров. Их офицеры получают относительно хорошее жалованье, и среди них встречаются весьма усердные люди — а именно среди арнаутов.

6. Организация снабжения продовольствием и снаряжением, а также организация санитарных служб

Организация снабжения продовольствием и снаряжением, как и организация санитарной службы страдает множеством недостатков. Больших складов для хранения продовольствия и снаряжения и для других целей не существует вовсе. Снабжение осуществляется частично с помощью грузовых судов, которые разгружаются в Рагузе, Клеке или Метковиче, откуда грузы отправляются дальше на вьючных животных к военной базе или посредством военных поставок от частных лиц, однако в связи с ненадежностью оплаты этих услуг частные лица в большинстве случаев уклоняются от поставок и таким образом этот вид снабжения при некредитоспособности армейского руководства оказывается весьма мало эффективным.

Правда, имеются небольшие склады в Требинье, Табеле, Мостаре и Столаце, но с недостаточными припасами, и если подвоз по морю задерживается, хотя бы ненадолго, в самое короткое время во всем наступает нехватка.

К этому следует добавить, что во всей Герцеговине и в особенности в одной части левого берега реки Нареты, где в настоящее время находится военная зона, все и без того не слишком обильные запасы полностью исчерпаны в результате того, что эта местность находится на военном положении в течение многих лет, и население почти повсеместно испытывает нужду. Вследствие бесконечных реквизиций вьючные животные почти полностью вымерли, причем владельцы их не получали никакого возмещения.

При таких неблагоприятных условиях очевидно, что снабжение войск и вообще все ведение военных действий чрезвычайно осложнено.

Чтобы несмотря на все эти трудности войска все же получали необходимое снабжение, единственной задачей главнокомандующего должно стать обеспечение армии средствами существования, иначе это обстоятельство окажется препятствием к развертыванию наступления.

Что касается организации санитарных служб армии, то эта задача выполняется в еще меньшей степени и вообще такого рода службы не организованы. В Мостаре и Требинье находятся госпитали, число больных в которых от трех- до четырехсот человек, а в Билеке, Столаце, Невесинье имеются полевые лазареты.

Хотя следует признать, что помещения госпиталей содержатся в чистоте, и больные пользуются заботливым уходом, все же с сожалением приходится констатировать, что врачебный персонал не только недостаточен в количественном отношении, но главным образом имеет очень низкий уровень медицинского образования, в отношении медикаментов наблюдается крайний недостаток лекарств, а имеющиеся лекарства отличаются крайне низким качеством.

Корм для канальерских и транспортных лошадей обеспечивается за счет зеленого фуража. Крестьяне по распоряжению военного командования должны предоставлять свои луга, пастбища и поля, засеянные хлебом, для военной части; услуги эти, вероятно, никогда не оплачиваются.

Вьючные лошади постоянно находятся под открытым небом и безжалостно перегоняются с места на место, таща тяжелые грузы по отвратительнейшим дорогам, и не получают самого необходимого ухода. Результатом этого является тот печальный факт, что в провинции уже почти не осталось вьючных животных, и что на дорогах и в ближайшем окружении военных частей, стоящих лагерем, лежат стальные труны или целые груды лошадиных трупов, отравляющих воздух.

7. Назначение и дислокация войск

Это видно из прилагаемой таблицы¹.

8. Военные операции

Так как основные силы, стоящие в Билеке, находятся под личным командованием мушира Дервиш-паши, то отсюда берут начало все продвижения вперед в различных направлениях, в сторону границы Черногории, причем в лагере остается не менее трех батальонов для его охраны. От границы Черногории вся армия опять возвращается в Билек, либо из-за недостатка воды или продовольствия, либо после удачного сражения. Таким образом все эти столь часто рекламируемые наступления на самом деле представляют собой что-то вроде безуспешного расширенного патрулирования, и трудно надеяться на то, что таким путем может быть достигнут более значительный и плодотворный результат. Хотя я не имел возможности наблюдать действия турецких войск на границе с Албанией, я глубоко убежден, что там дела обстоят не лучше. Иначе быдо бы трудно понять, почему столь многочисленная армия, сконцентрированная у границ Черногории, давно уже не выполняет свою задачу.

По этому поводу я не могу не повторить уже неоднократно высказываемое убеждение, что Турция сама по себе уже не имеет достаточно силы, чтобы держать в течение долгого времени в повиновении и подчинении мятежные районы, не говоря уже о том, чтобы завоевать Черногорию. Вместе с тем пока Порты сможет держать на тамошнем театре военных действий большую армию, она сможет надежно удерживать имеющиеся там военные позиции.

Однако как долго сможет Порты выдерживать это состояние вечной безрезультатной войны, которая несет с собой опустошения, пожары и убийства, это весьма серьезный вопрос, который нельзя недооценивать, так как постоянное пополнение войск и продовольствия при известном своей беспомощности управлении армией, должно привести к полному истощению империи.

В таком случае было бы самое время тем или иным образом положить конец этой войне.

Подполковник Йованович

¹ Таблицы по дислокации турецких вооруженных сил под командованием Дервиш-паши, составленные С. Йовановичем, см.: То же дело, л. 101—103.

*Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому
об открытии пароходного сообщения от Триеста до Метковича*

№ 208

8 (20) июля 1862 г. Мостар

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Из предшествующих моих донесений вашему сиятельству уже благоудно было усмотреть о постоянных усилиях австрийского правительства к распространению всеми мерами влияния своего на пограничные с Австриею Боснию и Герцеговину¹. Главным к тому средством, кроме мер политических служит увеличение торговли этих провинций, исключительно производимой с Австриею. Торговля эта, хотя и довольно значительная, производилась доселе посредством парусных небольших судов, на которых товары доставлялись из Триеста или в Спалатро и Себенико для Боснии, или же в Меткович для Герцеговины. Таковой способ первоза представлял для торговцев существенные неудобства, увеличиваемые еще более недостатком путей сообщения в Турцию.

Для избежания этих неудобств и затруднений турецкое правительство при настоящих и содействии Австрии приступило еще в 1860 г. к постройке

шоссе от Мостара до австрийской границы, откуда шоссе продолжается Австрией до Метковича, в четверти часа от границы.

В то же время австр[ийское] правительство начало предпринимать меры к открытию прямого пароходного сообщения между Триестом и Метковичем чрез Наренту, впадающую в Адриатическое море в 3 часах ниже Метковича. Доселе изменчивость фарватера, быстрота течения, недостаточность глубины и т. д. представляли столько же затруднений комп[ании] Ллойда к приведению этого предположения в исполнение. Но в последнее время, в особенности после того, как начали распространяться слухи о возможности открытия гавани Клека, австр[ийское] правительство решилось сделать первый опыт, и прибытие первого парохода в Меткович возмещено было и в Герцеговине, и в Боснии.

Полагая, что это начало может иметь со временем не только торговое, но и политическое значение, я желал сам лично убедиться в результатах опыта и, пользуясь близостью границы, отправился в Габеллу (на границе), откуда совершенно частным лицом мог быть в Метковиче и собрать нужные сведения.

26 июня прибыл в Меткович винтовой пароход комп[ании] Ллойда «Lagio», капит[ан] Покович. За недостатком воды в одном из рукавов Наренты, которым бы пароход мог пройти в главное русло между австр[ийской] и турец[кой] границей, «Lagio» остановился в 10 минутах от Метковича в Пастружье. Пароход этот в 300 тонн при длине в 150 фут[ов], снабженный машиною в 100 сил и сидящий на месте, 6 фут[ов] в воде — прошел с замечательною скоростью и совершенно беспрепятственно до означенного места и так же счастливо совершил и обратное свое плавание. Таким образом, опыт признан вполне удачным и плавание для больших судов по Наренте вполне возможным до Метковича. Для большего же еще облегчения плаванья и доставления возможности пароходам приставать прямо в Метковиче рядом с турецкою границей австр[ийское] правительство назначило 16 тыс. флор[инов] для очистки вышеупомянутого рукава Наренты, в настоящее время занесенного песком. По собранным мною сведениям, к работам очищения должно быть приступлено в самом непродолжительном времени, так что можно надеяться, что к будущей весне пристань в Метковиче будет окончательно открыта. Но первое же время пароходы будут приходить в Наренту каждые 15 дней, и сегодня должен был опять прийти тот же пароход «Lagio».

Нашему сиятельству благоугодно будет усмотреть всю важность открытия пароходной пристани в $\frac{1}{4}$ часа расстояния от турецкой границы, соединенной с центром Герцеговины удобным путем. Поставленное в короткое и легкое сообщение с Европою, здешнее народонаселение выйдет из той одичалости и грубости, в которых находится доселе, и можно также надеяться, что торговая деятельность страны примет новые, более обширные размеры. С другой стороны, также при развитии промышленности герцеговинцы, знакомясь ближе с другими национальностями, освободятся со временем от исключительной торговой монополии Австрии и войдут в прямые торговые сношения с другими промышленными городами Европы.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, ваше сиятельства покорнейшим слугою

Вал. Безобразов

Помета: Получено 23 июня.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2050, л. 111—112 об. Автограф.

¹ См. док. 186, 190 и примеч. 5 к нему, 198 и примеч. 1 к нему.

Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину о назначении Л. Вукаловича воеводой Зубцов на условиях внутренней автономии

№ 367

12 (24) сентября 1862 г. Рагуза

Милостивый государь Виктор Петрович!

Я уже имел честь уведомить ваше превосходительство по телеграфу о приезде в Рагузу (10 (22)-го сего месяца герцеговинского губернатора Хуршид-паши и воеводы зубчан Луки Вукаловича¹. Первый приехал в 10 часов утра в сопровождении австрийского консула из Мостара, а второй в 6 часов пополудни — морем из Старой Рагузы со свитою из 15 человек, старшин и канетанов.

Приезд турецкого паши не мог представить большого интереса для здешних жителей, привыкших в последнее время видеть постоянно в стенах своего города турецких пашей, зуавов, башибузуков и пр., но зато появление Вукаловича, имя которого гремело в народных песнях и газетах в продолжение 5 лет, возбудило сильное любопытство и подняло на ноги все население: его встретила и сопровождала по улицам огромная толпа народа, в особенности солдаты-сербы и молдаване — интересовались его личностью и стекались отовсюду, чтобы посмотреть на него, что, разумеется, должно было возбудить неудовольствие начальников-немцев.

Высадившись на берег, Вукалович отправился прямо к начальнику Рагузского округа, но тот его не принял, извинившись занятием спешными делами, и попросил зайти после. Отдохнувши в гостинице и пройдя по городу и предместью раза два, Вукалович в 7 часов вечера отправился снова к г. Решетару, у которого пробыл более часу в разговоре. В это же время военные власти давали серенаду Хуршид-паше, остановившемуся в доме турецкого консула.

На другой день в 9 часов утра Вукалович пошел к Хуршид-паше, который в присутствии начальника здешнего округа г. Решетара и английского консула объявил ему амнистию, а вслед за этим поднесли ему подписать акт с изъятием покорности. С Вукаловичем я не мог видеться лично, шпионы окружали его со всех сторон, но один из его приближенных успел зайти ко мне сегодня утром уже по отъезде воеводы и сообщил мне главные условия упомянутого акта, состоящие в следующем:

1. Вукалович признают воеводою (бинбаш) и предоставляют ему внутреннее управление Зубцев, Крушевицы, Драчевицы с Суториною, Баняя, Пивы и Дробняка;

2. Назначают ему жалованье 1500 пиастров в месяц и другие 500 пиастров для секретаря;

3. Предоставляется ему иметь 500 человек вооруженных для охранения границы со стороны Черногорин;

4. Этой страже назначается содержание по 75 пиастров и $22\frac{1}{2}$ оки муки в месяц на человека; и

5. Жители упомянутых округов освобождаются на несколько лет от налогов и податей.

Эти условия, если только они действительно таковы, довольно выгодны для пограничных с Черногорием герцеговинцев; но нельзя ручаться, что будут в точности исполнены. Турки были всегда щедры на обещания, которые ничего не стоят им.

Хуршид-паша отправился вчера в Скутари для свидания с Омер-пашою и сообщения ему того, что условлено с Вукаловичем. Сердар-экрем на днях должен ехать в Константинополь.

Из Цетинья не имею никаких известий, знаю только, что турки и черногорцы стоят еще около Реки. На днях проехал отсюда в Триест адъютант его светлости Влахович, но не имел для меня никаких бумаг. Он едет в Петербург и будто по собственным своим делам, как уверял меня.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 330—332 об. Подлинник.

¹ После неудачной войны Черногории с турками 1862 г. (см. примеч. 1 к док. 203) герцеговинские повстанцы под предводительством Л. Вукаловича согласились на переговоры с военными представителями Порты о мире. Вначале переговоры должны были вестись в Скадре (Шкодере), но были перенесены в Дубровник и состоялись 10 сентября 1862 г. Повстанцы признали власть султана; турки назначили Вукаловича бинбашу, поставив его во главе отряда из 500 верных стражников. Вукалович получил жалованье от турецкого султана. Была провозглашена амнистия повстанцам (см.: *Пророковић-Невесицац Р. Г.* Буна 1874 и устанак у Херцеговини 1875 године. Београд, 1902).

203

Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о предпринятых им мерах по устранению разногласий между Л. Вукаловичем и черногорским князем Николаем

№ 424

8 (20) ноября 1862 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Из телеграфической депеши Омер-паши, копию с которой я имел честь представить в рапорте моем от 6 (18)-го сего месяца за № 421, угодно было вашему превосходительству усмотреть между прочим жалобу сардар-экрема на князя Николая за то, что его светлость не высылает обратно в Турцию христиан, подданных султана, нашедших убежище в Черногории во время последней войны¹.

В бытность мою в Цетинье² князь сообщил мне, что действительно остается еще в пределах Черногории много семейств из племени Кучей и из нахии Нижних Васоевичей, что он объявил им о заключении мира с турками и о даровании амнистии участвовавшим в войне, приглашая их вернуться в свои деревни; но что они предпочитают бедствовать в Черногории, где уже кое-как пристроились, чем отправиться на родину, где кроме обгорелых хижин ничего не найдут и должны подвергнуться бедствиям от лишений и от зимы, для которой у них ничего не приготовлено. «Я не могу силою гнать из Черногории, — присовокупил князь, — моих братьев, пограничных христиан, которые перешли к нам искать убежища от преследований и притеснений и которых, я уверен, на родине ожидает неминуемая опасность от злобы и мести местных мусульман».

Со стороны Герцеговины все жители возвратились восвояси и уже кое-как покрыли обгорелые дома и пристроились на зиму. Но их спокойствие тоже не совсем прочно при раздорах и несогласиях, какие появляются от времени до времени между старшинами племен.

Положение, какое составил себе Вукалович в герцеговинских округах, бывших в восстании, миротворною сделкою с губернатором Герцеговины³, не могло поправиться в Цетинье, потому что некоторые из сенаторов,

а в особенности отец князя Мирко, не могли полюбить его после истории, случившейся с ним в начале нынешнего года⁴ и бывшей одною из причин неудачного исхода войны, завидуют ему и не доверяют, считая его под влиянием агентов сербского правительства, показавшего в последнее время мало такта и благоразумной политики в своих отношениях к Черногории⁵. Благодаря такому настроению Мирко и его всемогущему влиянию, воеводы отдельных округов стали смотреть недоверчиво на зубачского бинбашу и удаляться от него, примыкая все больше к старшим гатчан — попу Богдану Зимоничу, возвратившемуся туда из Цетинья. Не желая раздражать самолюбия отдельных старшин, Вукалович, получив достоинство бинбашы с правом содержать 500 пандуров для охранения порядка и спокойствия внутри страны, созвал их в монастырь Косиеро и объявил, что каждый из главарей останется в своем племени по-прежнему, что он не будет вмешиваться в их дела, но что для общей пользы он желает только, чтобы все действовали вместе и согласно с ним и предоставили ему одному право сноситься непосредственно с турецкими властями, доказывая им, что это единственное средство избежать интриг и вмешательства турок, не допустить их забрать край в свои руки и доставить таким образом народу возможность отдохнуть и собраться с силами в ожидании лучших времен. Польза доводов, представленных Вукаловичем, бросалась в глаза каждому, и потому не могли не быть приняты всеми главарями единогласно. Решено было, что монастырь Косиеро будет служить местом для общих совещаний, и признано за Вукаловичем право представлять интересы края в сношении с турецкими властями.

Казалось, что установление подобного порядка в смежных с Черногориею герцеговинских округах должно было встретить в Цетинье одобрение и поддержку, но, к сожалению, вышло напротив. Съезд главарей в Косиереве и принятые там решения возбудили в Мирке, который думает, что герцеговинцы изменили Черногории в последнюю войну, опасения насчет усиления власти Вукаловича, и он поспешил отправить туда перьяников и вызвать в Цетинье влиятельнейших из воевод для преподания им советов, как себя вести. Это обстоятельство произвело немалое удивление в народе, а самого Вукаловича побудило удалиться в Суторину, откуда он послал в Цетинье доверенное лицо, чтобы представить настоящее положение дел в герцеговинских округах и просить князя и его отца о содействии к упрочению мира и спокойствия.

Случилось так, что во время последней моей поездки в Цетинье я встретился на дороге с посланцем Вукаловича и узнал от него заблаговременно о цели его путешествия и об обстоятельствах, давших повод к предпринятию оного. Приехав в Цетинье, я не застал там герцеговинских главарей, но тем не менее счел своим долгом, избегая, осторожно дать заметить, что предупрежден насчет их отношений к Вукаловичу, завести разговор с князем Николаем и его отцом о герцеговинских делах и представить им, сколь необходимо в настоящее время, чтобы установилось полное согласие между герцеговинскими старшинами и чтобы в смежных пределах утвердился какой-либо порядок, который позволил бы народу отдохнуть и оправиться немного и вместе с тем держал бы турок дальше от черногорской границы. Мои слова не остались без добрых результатов, ибо при выезде из Цетинья я узнал, что его светлость отпустил посланца Вукаловича с письмом, в котором обещает воеводе зубчан всякую моральную поддержку и советует ему действовать во всем согласно с Богданом Зимоничем, пользующимся большим весом в северо-восточных округах.

Возвращаясь из Каттаро в Рагузу, я встретился на пароходе с секретарем Вукаловича и узнал от него, что упомянутое письмо правителя Черногории произвело на народ самое приятное и успокоительное впечатление.

Секретарь Вукаловича поехал отсюда в Мостар с тем, чтобы оправдать перед губернатором поездку в Цетинье помянутых герцеговинских главари, представить ему о некоторых вопросах по внутренним делам края, просить его о воспрещении турецким властям в Требинье и Билеже вызывать на суд жителей оного и выдавать от себя буюрды отдельным старшинам, ходатайствовать о дозволении пребывающим в Заре дужским монахам возвратиться в свою обитель и, наконец, чтобы получить плату, следующую Вукаловичу и его пандурам.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

Резолюция Н. П. Игнатова: Выписку для государя. Телеграфировать целиком к завтр[емую].
АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 385—389 об. Подлинник.

¹ Имеется в виду черногорско-турецкая война 1862 г. Турецкое правительство предприняло ее, как было официально заявлено в апреле 1862 г. нотой Порты представителям европейских держав, с целью добиться урегулирования положения в Герцеговине, восстанию в которой оказывала помощь Черногория. Отказ Черногории принять турецкий ультиматум послужил поводом к началу военных действий. 54-тысячная армия во главе с Омер-пашой была размещена на черногорско-албанской границе в районе Шкодер—Подгорица—Спуж (под командованием Абди-паши) и в Герцеговине—армия Дервиш-паши (см. примеч. 2 к док. 198) и корпус Гусейн-паши. Перед последним была поставлена задача прежде всего подавить восстание в Васосевичах, затем начать наступление. Главной стратегической задачей турецкого командования было уничтожение основных черногорских сил, отсечение от Черногории Брды и в результате наступательных действий овладение Цетинье.

Военные силы Черногории были сосредоточены в южной Герцеговине (горный перевал Дуга) во главе с воеводой Петром Вукотичем и на североалбанской границе во главе с верховным командующим воеводой Мирко Петровичем. Общая численность черногорской армии не превышала 16 тыс. человек. Военные действия проходили на двух фронтах — северном (герцеговинском) и южном (албанском). Они начались в начале мая и продолжались до конца августа. Упорное сопротивление черногорцев сорвало план молниеносной войны Омер-паши. Однако после ряда кровопролитных боев турки одержали верх. При ограниченных материальных и людских резервах Черногория не могла вести продолжительную борьбу на широком фронте против превосходящих сил противника. Черногорское правительство просило посредничества России в прекращении военных действий. В результате активной дипломатической деятельности А. Б. Лобанова-Ростовского 5 августа Порте была вручена нота пяти европейских держав. 29 августа 1862 г. князь Николай подписал мирный договор, наиболее тяжелыми условиями которого являлись: срытие фортификационных сооружений в направлении Подгорица — Спуж — Никшич, сооружение вдоль этой трассы укреплений (блокгаузов), в которых бы разместились турецкие войска, отказ от помощи герцеговинцам и др. (см.: *Павичевич Б. Црна Гора...*, с. 376, 380—381).

² См. док. 190.

³ См. док. 202.

⁴ Речь идет о конфликте, возникшем между официальными кругами Черногории и Вукаловичем (см. док. 187, а также: *Хитрова Н. И. Черногория...*, с. 186—187).

⁵ Имеется в виду безрезультатность переговоров между правительствами Сербии и Черногории по вопросу вооруженной поддержки Сербией восстания в Герцеговине и заключения военного союза с Черногорией для общей борьбы против Порты. В частности, охлаждение отношений между ними вызвал факт разоружения под давлением Порты отряда черногорцев, прибывших в 1861 г. в Белград за оружием. Совместным действиям обоих княжеств мешало династическое соперничество между Обреновичами и Петровичами за первенство в руководстве югославянским национально-освободительным движением (подробнее см.: *Хитрова Н. И. Черногория...*, с. 202—208).

*Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому
 об упадке курса австрийских денежных единиц
 и о ликвидации налогов на котлы и сливы*

№ 142

14 (26) ноября 1862 г. Сараево

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Вашему сиятельству уже давно известно, что первым следствием совершающихся в Турецкой империи финансовых реформ был упадок цен иностранных монет, которых в обращении чуть ли не больше, чем турецких. Мера эта была распространена во всех провинциях султана и здесь недавно она была введена в исполнение.

Босния, находясь постоянно в торговых сношениях с северною своею соседкою Славониею и с западною — Далмациею и австрийскою Кроациею, вмещала в себе капиталы, состоящие почти исключительно из австрийских червонцев и цванцигеров; золотой и серебряной турецкой монеты почти что совсем не было в обращении, и только бешлики во время упадка курса австрийского червонца являлись в огромном количестве, служа большим выигрышем для алчных спекуляторов. 2—3 года тому назад курс австрийского червонца менялся довольно часто, то возраста, то падая, но потом он установился регулярно на 60 пиастров и держался до нынешнего распоряжения, вследствие которого правительственный курс червонца определен в 51 пиастр 27 пар. Таковой упадок червонца не помешал ему, впрочем, при продаже и покупке иностранных товаров сохранить достоинство свое в 60 пиастров, но он значительно чувствителен для бедного класса народонаселения и для всех не торговых людей, коих капиталы употребляются на их жизненные потребности. Эта мера, разумеется, повлекла за собою появление различных спекуляций, как, например, скупки червонцев менялами в 53, 54 и 55 пиастров, которые всегда и везде клонятся к ущербу не правительства, но бедного народонаселения страны, а равно и не к обогащению правительства, но нескольких мелких и алчных спекуляторов. Вообще мера эта не произвела хорошего впечатления на народ, и даже нельзя сказать, чтобы она долго могла продержаться, ибо неудовольствие и обеднение может дойти до серьезных пределов, так как цена на деньги упала, а дороговизна жизненных потребностей вместо понижения, возрастает почти ежегодно.

В представленном мною в 1859 г. мемуаре о состоянии Боснии¹ ваше сиятельство, вероятно, изволили обратить внимание на всю тягость носимых христианами двух податей: казание — налог на котлы, служащие к приготовлению водки — сливовицы, и хамрие — налог на сливы. Последний налог, т. е. хамрие, был распространен на все дома христиан, которые платили казне 8 пиастров. Первый же, казание, был определен так: дом, в котором находился котел, вносил 1 австрийский червонец, а там, где его не было, по 7 пиастров в городах и по 8 в селах и деревнях. Ныне же, к чести нашего губернатора Осман-паши должно отнести благоумную меру облегчения христиан от сих налогов. Налог хамрие уничтожен. Дом, где находится котел, вносит по 10 % на количество приготовляемой им водки, остальные же увольняются совсем от казание. Этим распоряжением здешнее правительство, хотя и в ущерб своим денежным интересам, показало только, что оно желает справедливости, и потому расположило к себе христиан, кои были обременены до сих пор такими чрезвычайно тяжелыми налогами.

При сем долгом считаю донести вашему сиятельству, что вследствие предписания Порты 8 из заключенных в сараевской тюрьме христиан

отправляются завтра в Виддин, где они приговорены в каторжную на несколько лет работу.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугой

Е. Щулепников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2326, л. 73—74 об. Подлинник.

¹ Записку Е. Р. Щулепникова с предложением мер по улучшению положения христианского населения Боснии и Герцеговины, составленную не позднее 3 (15) августа 1859 г., см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2323, л. 102—118.

205

Из отчета МИД России о роли Англии и Австрии в поддержке Порты

Не ранее 1 января 1863 г.*

[. . .] L'insurrection de l'Herzégovine avait été le signal d'une lutte désespérée. Longtemps retenu par nos conseils, le prince de Monténégro s'était vu entraîné à prendre une part plus ou moins directe, à ces événements.

La Porte avait peu à peu démasqué ses projets.

L'Angleterre lui fournissait les moyens de négocier un emprunt à Londres et y accordait même une espèce de garantie morale par l'envoi à Constantinople d'un personnage officiel, chargé d'en surveiller l'emploi. Le cabinet britannique usait de son influence sur les révolutionnaires d'Italie pour empêcher toute intervention de leur part en faveur des insurgés de la Turquie, et l'armée d'Omer pacha recevait de Corfou une assistance indirecte moins efficace¹.

L'Autriche ne restait pas en arrière dans ses prédilections pour les Turcs. Son intervention militaire illégale dans la Sutorina avait porté un coup funeste à l'insurrection chrétienne morale et matériellement². Le cabinet de Vienne y avait ajouté des intrigues actives pour semer la discorde parmi les insurgés en élevant en face du prince Nicolas l'autorité d'un compétiteur dans la personne de Luca Wukalovitch.

Le gouvernement turc enveloppant de plus en plus le Monténégro dans un cercle de fer rendu plus étroit par la déclaration du blocus commercial, plaçait le prince Nicolas dans la difficile alternative ou de perdre tout crédit sur ses compatriotes et de compromettre la sécurité de son pays s'il laissait écraser les insurgés de l'Herzégovine, ou de s'attirer la guerre avec la Turquie, s'il prenait fait et cause pour eux³.

A ces indices il était impossible de méconnaître l'existence d'un plan minutieusement préparé, fermement arrêté, entre la Porte et ses alliés. Malheureusement, les circonstances en favorisaient la réalisation. [. . .]

АВПР, ф. Отчеты МИД, 1862 г., л. 2 об. — 4 об. Подлинник.

Перевод

[. . .] Восстание в Герцеговине послужило сигналом к отчаянной борьбе. Князь Черногории, долго сдерживаемый нашими советами, оказался вовлеченным в более или менее непосредственное участие в этих событиях.

* Датируется концом отчетного периода.

Порта мало-помалу обнаружилась свои планы.

Англия предоставляла ей возможности вести в Лондоне переговоры о заеме и даже дала нечто вроде моральной гарантии, направив в Константинополь некое официальное лицо, уполномоченное следить за его реализацией. Британский кабинет использовал свое влияние на итальянских революционеров, чтобы помешать всякому их вмешательству на стороне повстанцев в Турции, а армия Омер-паши получала с Корфу косвенную, менее действительную поддержку¹.

Австрия не отставала в выражении своего расположения к туркам. Ее нелегальное военное вмешательство в Суторине нанесло сокрушительный моральный и вещественный удар христианскому восстанию². Венский кабинет доводил его действия интригами, возмущая наряду с князем Николаем авторитет конкурента в лице Луки Вукаловича, чтобы посеять раздор между восставшими.

Турецкое правительство все сильнее и сильнее сжимало Черногорию в железном кольце, ставшем еще более тесным вследствие объявления торговой блокады, поставившей князя Николая перед трудной альтернативой: либо полностью утратить влияние на своих соотечественников и нанести ущерб безопасности своей страны, если он позволит расправиться с повстанцами Герцеговины, либо вызвать неизбежность войны с Турцией, если он примет их сторону³.

По этим признакам невозможно было не догадаться о наличии тщательно разработанного и твердо согласованного между Портой и ее союзниками плана. К несчастью, обстоятельства способствовали его осуществлению [. . .]

¹ См. док. 149 и примеч. к нему. Высадка отряда Дж. Гарибальди в Далмации весной или летом 1862 г. являлась частью плана итало-венгерско-славянского выступления. Итальянские правящие круги, в частности король Виктор-Эммануил, предполагали, что высадка Гарибальди послужит сигналом для венгерской революции, антиавстрийского и антиосманского восстания славян, что облегчит Италии занятие Венецианской области. В этом духе велись переговоры между итальянским генералом Тюрром и официальными кругами Греции, Сербии и Черногории. Однако против этого плана выступил премьер-министр Италии Ратацци, не поддержав его и Наполеон III. Виктор-Эммануил вынужден был поэтому отказаться от дальнейших переговоров, а Гарибальди, не встретив поддержки со стороны правительства, стал готовиться к походу на Рим. В августе 1862 г. он был арестован (см. *Кандеаори Дж. История современной Италии*. М., 1971, т. 5, с. 201—219; *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении. . . , с. 247—254; *Petrović R. Ideja o prodaji Bosne i Hercegovine secesetih godina 19. stoljeća*. — *Balkanica* (Beograd), 1977, s. 279—299; *Idem. Nacionalno pitanje u Dalmaciji*. . . , s. 54—66, 205—234, 283—299).

² См. док. 187, 189, 195, 198, 199, 200 и др.

³ Подробнее см.: К. Д. Петкович—Н. П. Игнатьеву от 8 (20) марта 1862 г. № 107 (АВПР, ф. ГА V—A₂, л. 724, л. 95—96 об.); от 10 (22) апреля 1862 г. № 170 (Там же, л. 140—145); от 1 (13) июля 1862 г. № 272 (Там же, л. 244—246 об.); К. Д. Петкович—В. П. Балабину от 22 июня (4 июля) 1862 г. № 253 (Там же, л. 236—237 об.); В. В. Безобразов—А. Б. Лобанову-Ростовскому от 9 (21) сентября 1862 г. (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2050, л. 130—134).

206

Донесение секретаря российского консульства в Дубровнике В. В. Макушева Н. П. Игнатьеву об австрийских проясках в Черногории и Герцеговине и расторжении турецкими властями договора с Л. Вукаловичем

№ 46

26 января (7 февраля) 1863 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Интриги австрийских властей в делах герцеговинских округов, бывших в восстании, привели к результатам весьма неблагоприятным как для тех, которые приняли на себя роль покровителей наших единоверцев, так и для покровительствуемых ими.

С некоторого времени турецкие власти в Герцеговине стали смотреть подозрительно на вмешательство австрийцев в дела смежных с Далмацией герцеговинских округов. Казалось, они выжидали только случая дать почувствовать австрийским властям всю неуместность их посредничества.

Барон Мамула в видах экономии обратился к губернатору Герцеговины с просьбою позволить дужским монахам, проживающим в Заре на содержании от австрийского правительства, возвратиться в их обитель, так как договором с Вукаловичем дарована амнистия всем лицам, бежавшим во время последнего восстания из Герцеговины. Хуршид-паша, зная, какое влияние имеют эти монахи на народ, и потому не желая возвращения их в Дугу, ответил губернатору Далмации, что амнистия, дарованная договором с Вукаловичем, имеет силу только для лиц, бежавших в Черногорию, а не для тех, которые искали убежища в Австрии. Что же касается собственно дужских монахов, то он должен испросить инструкций от своего правительства, как поступить с ними.

Потерпев поражение в этом деле, австрийские власти не были счастливей и в деле Вукаловича. Внушив его людям, что единственное их спасение заключается в покровительстве Австрии, начальник здешнего округа неоднократно призывал их к себе на совещания и постоянно ласкал их надеждами. Но когда вследствие решения, принятого на скупщине в монастыре Косперове на новый год¹, отправился в Рагузу секретарь Вукаловича с письмом к г. Решетарю, то сей последний должен был сознаться с большим прискорбием, что он ничего не может сделать для них, после чего герцеговинская депутация не заблагорассудила продолжать путь свой в Мостар, а возвратилась восвояси, куда не замедлил явиться и игумен монастыря Косперова с главарами, ездившими к губернатору Герцеговины.

На днях Хуршид-паша объявил здешнему турецкому консулу, что договор, заключенный с Вукаловичем², уничтожен и что бинбашею назначается Михаил Спаич, о личности которого вашему превосходительству достаточно известно из прошлгодних донесений г. надворного советника Петковича³.

Таким образом, результатом интриг австрийцев в Герцеговине было, с одной стороны, возбуждение подозрения насчет их действий в местных турецких властях, а, с другой, совершенное охлаждение к ним наших единоверцев, убедившихся на опыте, что дружба с австрийцами не принесла им никакой пользы, а только способствовала к ссоре их с турками⁴.

Уничтожение договора с Вукаловичем повлекло за собою восстановление прежних беспорядков в Герцеговине: Вукалович в письме своем ко мне от 23-го сего месяца сообщает, что на днях турки избили до полусмерти одного зубачкого пастуха и убили сына попа Белетича из Рудинья и Филиппа Мандича из Гацко. «Герцеговинские христиане, — прибавляет Лука Вукалович, — видя, что они обмануты турками, начавшими прежние злодейства, стали снова готовиться к восстанию».

Турки, с своей стороны, делают приготовления подавить восстание, могущее вспыхнуть весной. На днях приехал в Рагузу майор турецкой службы Мурад-бег (происхождением француз; христианское имя его de St. Andre) для приема и отправления из Старой Рагузы в Мостар 4000 кулей муки.

Вести с черногорско-албанской границы несколько не успокоительнее. В Скутари постоянно прибывают новые войска; гарнизон Подгорицы значительно усилен; в Лешкополе строят для турок жилища.

Говорят, что Дервиш-паша, уведомляя князя черногорского о получении им 70 000 стар кукурузы в дар от султана черногорскому народу,

заметил еще раз, что если черногорцы воспротивятся приведению в исполнение 6-й статьи ультиматума Омер-паши, война неизбежно возобновится весной.

Здесь не будет неуместным упомянуть об интригах австрийских властей в делах Черногории. Мне известно из довольно достоверных источников, что поездка Мирка в Вену была делом австрийцев.

В половине октября прошлого года ездил в Цетинье начальник Катарского округа Дойми с тайными поручениями от своего правительства: ему было приказано обещать черногорцам денежные субсидии, свободную продажу пороха в Каттаро и содействие к уничтожению 6-й статьи ультиматума Омер-паши, если только князь Николай дозволит черногорским изгнанникам, проживающим в Заре, возвратиться на родину. Само собой разумеется, что австрийское правительство имело при этом в виду породить в Черногории несогласия и раздоры, возбуждая дух партий, и таким образом погубить и князя, и его народ. Получив удовлетворительный ответ, Дойми поспешил из Цетинья в Зару донести барону Мамуле об удачном исполнении возложенного на него поручения. Не прошло месяца, и Мирка был уже в Вене. Обласканный императором и его министрами, обдаренный и ободренный, он дал от имени своего сына согласие на возвращение на родину черногорских изгнанников. Дело, казалось, шло на лад, но исполнению замыслов австрийцев воспротивились сами изгнанники. Им показалось весьма подозрительным дарованное им дозволение возвратиться на родину, они боялись попасть в ловушку, поставленную для них Мирком, и предпочли оставаться жить беззаботно и безбедно в Заре. Таким образом, замыслы австрийцев рушились сами собою.

Что касается действий австрийского правительства в Албании, то я не сомневаюсь, что г. коллежский асессор Сученков уже донес вашему превосходительству о деле епископа d'Alessio и его последствиях. Я ограничусь только одним замечанием, что интриги австрийцев в Албании возбудили против них ненависть тамошнего католического духовенства.

В заключение считаю долгом своим упомянуть, что по интригам Омер-паши сменен Дервиш-паша, а Абди-паша переводится из Герцеговины в Румелию.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

В. Макушев

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 724, л. 29—33 об. Автограф.

¹ В монастыре Косперове (Восточная Герцеговина) — месте многих повстанческих скупщин вплоть до 1875 г., 1 января 1863 г. собралась скупщина руководителей герцеговинских повстанцев, созданная Л. Вукаловичем для выработки мер против намерения турецких властей нарушить заключенный в Дубровнике договор об автономии некоторых восточных герцеговинских областей. Скупщина приняла решение послать делегацию в Мостар для переговоров с турками. В феврале это решение было подтверждено скупщиной и черногорским князем (см.: *Павичевич Б.* Црна Гора у рату 1862. . .).

Письмо М. Любичевича В. В. Безобразову об условиях замещения, выдвинутых Л. Вукаловичем перед турецкими властями 7 января 1863 г. см.: АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 615, л. 11 и об.

² См. док. 202 и примеч. к нему.

³ См. док. 189 и примеч. к нему, 199.

⁴ См. док. 191, 195, 197, 198, 199 и др., а также донесение В. В. Безобразова Н. П. Игнатьеву от 22 января (3 февраля) 1863 г. № 11 (АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 615, л. 9—10).

Донесение Е. Р. Шулепникова советнику российской миссии в Константинополе Е. П. Новикову об обострении политического и экономического положения в Боснии

№ 15

29 января 1863 г. Сараево

Милостивый государь Евгений Петрович!

На днях начали ходить по городу шепоты, что в австрийской Краоции существует пропаганда, желающая произвести восстание в Крайне. Видя, что со дня на день слухи эти принимают более твердости, я счел нужным осведомиться об их истине у здешнего генерал-губернатора. При нынешней некоторой холодности правительства нашего с турецким Осман-паша при всех своих дружеских частных сношениях со мною не показал мне обыкновенную свою откровенность и сказал мне только, что действительно дошли до него подобные слухи и что он по этому случаю отправил надлежащие приказания бихачскому каймакаму усилить военные обсервации на границе Краоции, но что, впрочем, он слухам этим не придает большой важности. Стороною, однако, я узнал положительно, что бихачский каймакам до такой степени был встревожен действиями пропаганды в Австрии, что телеграфировал о том в Сараево.

Может быть, действительно Осман-паша и не придает надлежащей важности всем этим обстоятельствам, ибо Турция, как кажется, слишком уверена в дружбе Австрии, интересы коей считает тесно связанными со своими. Все опасения и все недоверия турок обращены на Сербию и на Черногорию. Осман-паша при всей своей некоторой скрытности со мною не мог, однако, не выказать мне своей ненависти к Сербии, а особенно к князю Михаилу Обреновичу, коего он считает непримиримым врагом Турции и от коего он как будто ожидает скорого и решительного нападения¹. Что же касается до Черногории, то нет сомнения, что здешние турки нисколько не верят прочности заключенного с нею мира и, напротив, сильно опасаются начатия весною новой волны с нею и притом еще более серьезного восстания в Герцеговине. Словом сказать, идеи их касательно их близкой будущности весьма мрачны.

Долгом моим считаю уведомить ваше высочайшее, что материальное положение жителей Боснии, особенно христиан, может идти в нынешнем году до такой жалкой степени, до каковой еще, я думаю, не доходило никогда. Болезнь на рогатый скот свирепствует с тою же силою, как и прежде, и Осман-паша, когда я с ним говорил в последний раз об этом предмете, весьма наивно отвечал мне, что болезнь эта прекратилась в тех местах, где весь скот перекошел. Убытки бедных поселян неисчислимы; во многих местах, особенно же в окрестностях Сараева, остались они почти совершенно без волов, так что принуждены пахать землю лошадьми, коих многие не имеют в достаточном количестве. При таковых обстоятельствах весьма легко может быть, что против прежних годов и половина земли не будет засеяна.

Что касается до болезней между людьми, то Осман-пашей получены донесения из Крайны от военных врачей, что главная болезнь, там свирепствующая, есть тифус и что, впрочем, смертность от оной не чрезмерно велика.

Имею честь довести до сведения вашего высочайшего, что неделю тому назад отпразднован был здесь день рождения его величества султана. Осман-паша уведомил нас циркуляром о торжестве сего дня и пригласил к себе на обед и вечер всех агентов иностранных держав. Днем и мои коллеги сделали ему официальный визит, но только с условием, чтобы генерал-

губернатор, оп ли или другой, могущий его заступить, обязан возвратить лично официальные визиты в торжественные дни наших государей.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высочайшего покорнейшим слугой

Е. Шулепников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2125, л. 240—241 об. Подлинник.

¹ Такая позиция Осман-паши по отношению к князю Михаилу объясняется резким ухудшением сербско-турецких отношений в начале 60-х годов XIX в. Князь Михаил взошел на сербский престол, намереваясь добиться укрепления своей личной власти и создания «великой Сербии». С помощью ряда новых законов князь Михаил и его премьер-министр И. Гарашанин, не отменяя формально конституции 1838 г., дарованной князю султаном, фактически свели ее на нет. На Преображенской окупщине 1861 г. наряду с проведением мероприятий по укреплению авторитарного режима князя Михаила был принят закон о создании народного войска — вооруженных сил Сербского княжества. Князь Михаил и И. Гарашанин пытались добиться выселения турецкого населения, проживавшего за пределами турецких крепостей в Сербии, и подчинения сербской юрисдикции той его части, которая находилась на территории княжества. Это вызвало кризис в турецко-сербских отношениях. В 1862 г. турецкая крепостная артиллерия подвергла Белград варварской бомбардировке. Затем была созвана Канлиджская конференция держав-гарантов, по решению которой от 27 августа (8 сентября) 1862 г. были ликвидированы турецкие поселения вне крепостей на территории Сербии и срыты 2 турецкие крепости в Соколе и Ужиде (1863). Мусульманские жители этих городов получили от Порты разрешение переселиться в Боснию. 100 семей из Ужиды воспользовались этим правом (подробнее см.: Е. Р. Шулепников — Н. П. Игнатьеву 28 сентября 1862 г. — АВПР, ф. ГА V-A₂, л. 804, л. 64—65; Сборник договоров России с другими государствами: 1856—1917, с. 46; Милчевич И. Сербия: 1839—1868. — История славянского народа. Белград, 1981, т. V, кн. 1; Јанковић Др. Историја државе и права Србије у XIX веку. Белград, 1955, с. 114—115; Освобођење градова у Србији од Турака. Белград, 1970, с. 553—554).

Донесение В. В. Макушева Н. П. Игнатьеву о выступлении герцеговинской скупщины против разрыва турецкими властями договора с Л. Вукаловичем и назначения воеводой Зубцов М. Спаича

№ 86

2 (14) марта 1863 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Я имел уже честь донести вашему превосходительству о впечатлении, произведенном на наших единоверцев в Герцеговине буюрунтием Абди-паши и назначением Михаила Спаича бинбашею¹. Ныне спешу представить благосклонному вниманию вашему более положительные сведения по этому предмету, доставленные мне лицом, пользующимся доверенностью Вукаловича.

В четверг 21 февраля собрались на скупщину в монастырь Косиерово главари Зубцов, Банял, Рудинья, Гацка, Пивы, Дробняк и Шаранцев. Одни только крушевичане, из племени которых происходит Михаил Спаич, отказались послать на опую своих депутатов. Предметами совещания на этой скупщине были последние действия турецких властей в Герцеговине, клонившиеся к уничтожению автономии, дарованной нашим единоверцам договором в Рагузе. Было решено послать в Мостар к Хуршид-паше двух избранных лиц с письмом, в котором изложить всю беззаконность поступков турецких властей, сменяющих произвольно и без всякого основания Луку Вукаловича, ставящих на место его Михаила Спаича, не терпимого народом², уничтожающих без всякого повода договор, за-

ключенный в Рагузе, и, наконец, предписывающих им такие условия, которые клонятся к порождению между ними раздоров и несогласий и которые предоставляют туркам обширное поприще для вмешательства в их домашние дела. Все присутствовавшие на скупщине объявили единогласно, что они не хотят признавать своим воеводою никого другого, кроме Луки Вукаловича; что назначение на его место Михаила Спаича противно договору, заключенному в Рагузе, который один и имеет законную силу, будучи подписан Вукаловичем с согласия народа; что они не хотят знать ни о каких иных условиях и требуют исполнения упомянутого договора, не находя достаточных причин к нарушению оного турками.

Письмо такого содержания, скрепленное печатями всех главарей, отправлено с двумя избранными лицами в Мостар.

Посланец Вукаловича, с которым я вчера виделся, сообщив мне все эти сведения, прибавил еще, что по распусчении скупщины Лука в последний раз попытался было склонить на свою сторону крушевичан, к которым он послал нарочного с письмом, убеждая их не отделяться от своих братьев, а действовать с ними заодно ради общей пользы. Крушевичане ответили дерзостью и разорвали письмо на глазах посланца Вукаловича.

Для пополнения характеристики состояния умов в вышеоименованных округах, считаю долгом упомянуть еще об одном обстоятельстве: все присутствовавшие на скупщине главари побратимились с Вукаловичем и поклялись буквально исполнять его волю, жить и умереть вместе с ним. Побратимство у южных славян есть самый священный союз: побратимы — то же, что родные братья; они живут один для другого; и в счастье, и в несчастье они неразлучны; союз побратимства нерасторгает. Побратимство всех главарей с Вукаловичем есть явление слишком важное, чтобы я мог умолчать о нем. Оно обеспечивает будущность наших единоверцев в Герцеговине, образуя из них единодушное братство, к которому нет доступа раздорам и несогласиям.

Это была вторая скупщина герцеговинских главарей в нынешнем году. Первая, как известно вашему превосходительству из донесений г. надворного советника Петковича, была на повый год в том же монастыре Косиерове.

Я имел случай еще раз удостовериться, что в этот промежуток времени не было скупщины, о которой возведено было в австрийских газетах телеграммою из Требиня от 6 февраля, и что доселе не появлялся в Герцеговине никакой сербский агент, как я имел уже честь донести императорскому министерству от 24 февраля (8 марта) № 82.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

В. Макушев

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 49—51 об. Автограф.

¹ См. док. 206.

² Как явствует из более позднего донесения К. Д. Петковича П. Н. Стремоухову от 19 ноября (1 декабря) 1864 г., М. Спаич проводил протурецкую политику и не пользовался авторитетом среди зубчан и населения Требинья. Титул воеводы, данный ему турками, стал, по мнению русского консула, формальным (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 726, л. 202—205).

Письмо Л. Вукаловича В. В. Безобразову о намерении поехать в Константинополь

10 апреля 1863 г.

Пре свега за дужность држим за опрштене молит вас за то што вам од давно писано писам. Мой тайник писао вам је из Дубровника узрок за кои ја нисам у Мостар хтио доћи¹. Турци још заборавили нисам на веру и рјеш од поштена варат нас, а и уговоре извршу како им у интерес боде пада. Ја се не кајем што у Мостар дошао нјесам јербо знам да ту за народ ништо користо свршио не би. Ми намеревамо до неколико дана право у Цариград одити² и сами собом од нашег султана милост просити. Надамо се да нам овај пут пред нашег милостивог султана неће залудан бити.

Верно: Вал. Безобразов

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 615, л. 59. Заверенная копия.

¹ В Мостар Л. Вукаловича приглашали прибыть для переговоров как османские, так и австрийские официальные представители. Как он сам сообщал В. В. Макушеву, он отказался ехать в Мостар с повинной головой потому что, во-первых, не признавал за собой вины, а во-вторых, потому, что боялся попасть в ловушку, подстроенную для него турецкими и австрийскими властями. Позиция тех и других, считал он, являлась лицемерной, поскольку они тайно поддерживали М. Спаича (см.: В. В. Макушев — Н. П. Игнатьеву от 20 марта (4 апреля) 1863 г. — АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 57—59 об.).

² Решение обратиться в Константинополь было вызвано тем, что герцеговинцы потеряли всякую надежду получить удовлетворение своих справедливых жалоб от местных властей, которые к тому же угрожали путем постройки новых крепостных сооружений отрезать Герцеговину от Черногории. Решение было принято на скупщине в монастыре Косиерове. Для ходатайства по делам герцеговинцев перед султаном из герцеговинских повстанческих руководителей было избрано два доверенных лица. Вмешательство черногорских правительственных кругов в работу скупщины и их требование согласовывать действия повстанцев с Черногорией были отклонены Вукаловичем, который обратился за поддержкой в русское консульство в Рагузе (см.: В. В. Макушев — Н. П. Игнатьеву от 5 (17) апреля 1863 г. № 113. АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 64—66). Видимо, помощь была оказана, так как в данном обращении Л. Вукаловича нет упоминания о препятствиях его поездке в Константинополь.

Донесение В. В. Макушева Н. П. Игнатьеву о своих действиях по примирению Л. Вукаловича с черногорским правительством и объединению действий руководителей повстанцев

№ 124

24 апреля (6 мая) 1863 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Я имел честь донести в свое время вашему превосходительству о враждебном вмешательстве Мирка Петровича в дела пограничных с Черногориею герцеговинских округов. Получив в ответ на мою телеграмму от 3 (15)-го сего месяца приказание г. посланника в Вене «употребить всевозможные старания к уничтожению безрассудных и пагубных распри, недостойных людей столь значительных, как Мирко и Вукалович», я не замедлил написать князю Николаю письмо, в котором, обращая внимание его светлости на гибельные последствия, могущие произойти от неосторожного и враждебного вмешательства черногорского правительства в дела наших единоверцев в Герцеговине, я приглашаю его светлость действовать более дружелюбно в отношении Вукаловича и оказывать ему зависящее от него содействие к замирению пограничных с Черногориею герцеговинских округов.

Почти одновременно я писал и Луке Вукаловичу, прося его остерегаться подавать черногорскому правительству повод к неудовольствиям на него, но по возможности стараться жить в мире и дружбе с братьями своими черногорцами, повторяя в то же время уже неоднократно высказанную мною мысль о необходимости поддерживать во всех округах дух единодушия и согласия¹.

Будучи искренно убежден в крайней необходимости совокупного и единодушного действия всех главарей, я постоянно внушал Луке Вукаловичу эту мысль и видел с величайшею радостью, что Лука успел не только остановить вербование австрийцами и турками партизанов Спаичу, но что даже успел в последнее время склонить на свою сторону большую часть главарей крушевчан и надеется приобрести и остальных. С этой целью он находится в настоящее время в Суторине, прилагая все свои старания и употребляя все зависящие от него средства действовать на умы партизанов Спаича.

По последним известиям из Черногории, турецкие войска продолжают занимать прежние свои позиции на черногорско-албанской границе от Спужа до Прентиной Главицы, укрепляются на Высочице, строят дома и возделывают поля черногорские.

Князь остается в бездействии, ожидая прибытия из Константинополя комиссаров для решения спорных вопросов.

Несколько дней тому назад прибыл в Цетинье из Парижа брат вдовствующей княгини черногорской Иван Квенвич с суммою, как уверяют, 42 000 франков, собранных частными благотворителями в пользу черногорского народа. Вслед за прибытием своего брата княгиня Даринка стала собираться к отъезду в Париж и Италию. Отлучка ее из Черногории будет продолжаться, как уверяют, целый год.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

В. Макушев

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 79—80 об. Автограф.

¹ В. В. Макушев активно содействовал улучшению отношений между Л. Вукаловичем и черногорскими правящими кругами. Как явствует из его донесения Н. П. Игнатьеву от 3 (15) мая 1863 г., он писал об этом черногорскому князю 18 (30) апреля, после чего князь отправил к Вукаловичу своего адъютанта Зегу, которому поручил провести с ним переговоры. В письме к Зеге Вукалович изложил характер отношений с османскими и австрийскими властями и с черногорскими воеводами (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 87—97—100).

211

Донесение Н. П. Игнатьева директору Азиатского департамента
МИД России П. Н. Стремоухову о приказе турецких властей
арестовать Л. Вукаловича и о невозможности оказать ему помощь¹

27 апреля 1863 г.

№ 172

Доверительно

Милостивый государь Петр Николаевич!

Только что полученною мною телеграфическою шифрованную депешю, не вполне разборчивую вследствие ошибок на телеграфе, консул наш в Мостаре извещает меня, что турецкие власти дали приказание требинским арнаутам представить Луку Вукаловича живого или мертвого. В виду столь прискорбных обстоятельств, к сожалению, здесь не представляется никаких средств к их устранению; всякое заступничество за Вукаловича способно лишь более компрометировать его в глазах турок и ускорить его гибель, ибо нельзя поручиться, чтобы в случае такого

заступничества турки не прибегли к обычному их способу действий в затруднительных обстоятельствах, когда для устранения опасного врага всякие средства им кажутся позволительными. Не имея возможности прийти на помощь к бывшему вождю герцеговинского восстания, мне остается лишь сожалеть о том, что он с семейством своим не искал заблаговременно убежища в Сербии или в Австрии, чем он избег бы той опасности, которая угрожает ему в настоящее время и от которой защищать его едва ли окажется возможным.

Примите уверения в совершенном моем почтении и таковой же преданности

Н. Игнатьев

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 530, л. 262 и об. Подлинник.

¹ Подробнее о действиях турецких властей против Л. Вукаловича см. обзорное донесение В. В. Макушева В. П. Балабину от 17 (29) апреля 1863 г. (АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 725, л. 69—76).

212

Отчет В. В. Макушева о выдаче денежных пособий герцеговинцам в январе—апреле 1863 г.

1 (13) мая 1863 г. Рагуза

Отчет в израсходовании 218 червонцев из суммы, доставленной в императорское консульство при предписании от 6 мая 1862 г., № 1759

Месяцы	Числа	Кому роздано	Червонцы
Января	24	Капитану Иоксиму Кнежевичу из	2
февраля	(5)	Зубцев	
Февраля	24	Раде Нипавичу, священнику из	2
марта	(8)	Н[ижних] Васоевичей, возвращавше- муся на родину	
Марта	3	Зубчанину Спасое	1
	(15)		
»	6	Луке Вукаловичу. См. расписку № 1	100
	(18)		
Апреля	2	Капитану Луке Петровичу из Зуб-	3
	(14)	цев	
»	5	Двум бедным семействам из Зубцев	6
	(17)		
Апреля	29	Капитану Симу Правице из Шумы	2
мая	(4)		
»	»	Луке Вукаловичу. См. расписку № 2 ¹	100
Всего израсходовано в январской трети сего года двести восемнадцать австрийских червонцев.			
Итого			218

Временно управляющий консульством В. Макушев

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 84. Автограф.

¹ См.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 85 и 86.

Письмо руководителей повстанцев Гацко и Пивы губернатору Герцеговины Абди-паше с жалобами на беззакония окружных властей и просьбой выполнить обещания турецкой администрации

Не позднее 14 (26) июня 1863 г.*

Познавајући ваше правдољубије и знајући да су ваше превосходительство на овим крајевима свагда праведно са ринчанским народом поступали и нега од сваког насиља и зулума бранили обраћемо ми, овде подписани, нашу покорну молбу к вама молећи вас да се нас и бедно страдајуће браће наше милостивно примите и од овог неноситог насиља у обрану узмете.

Дознали смо да је мудир Мулалија Звиздић нас и народ Яахја-паше толико оцрнио да је паша већ аскер наредио био кој ће поћ да народ пороби и огнем попали и главаре насилно уапси. Разумевши овакову неправедну претњу поће застрашени народ светлome князу пригорском на плаћ и замоли милост негову ако би и како што помоћи могао.

Светли княз кој нам је свагда советовао да се у љубави са Турцима владамо и да свакако мирујемо докле се ствар бунџеника у Херцеговини не извиди советује нам и овога пута истом и пошале у следству великог плаћа кои му је од народа овог већ додијао, свога ађутанта, Яахји-паше. да извиди што је у ствари и да му препорући да праведно и уљудно со овим народом поступа да не би без нужде опет до крви дошло. Ваше превосходительство добро знаду што је овом народу обећано, и да му није јоште ништа испуњено.

Ми се не одрицамо цара, ниш правителства његовог, све што је цареву, хоћемо доброволно да дајемо, и цара нашег свагда да припознајемо, ми хоћемо у миру и љубави са Турцима да будемо, као и досада што смо били, али не можемо они зулум да сносимо, кои се од нас насилно тражи; ми хоћемо и старейшине да припознамо, али дајте нама оно што сте нама као свима бунџеницима обећали, па ћемо све царске заповеди слушати, и тоћно исполњавати а ви ћете се уверити, да смо ми верни и мирољубиви поданици цара нашега.

Ми смо разумели да је миролај Еди-бег, ађутанту светлог княза сердару Зеги обећао, да се нећу више насиља народу овоме нишати и да ћеду нас у миру оставити докле се ствар бунџеника не извиди, и да ћеду тако спрам нас поступати, како ћемо се братски приближити моћи; а мудир Мулалија Звиздић да се је на нас главаре жалио да ми народ бунимо и да не хоћемо мир.

Ми се за то вашему превосходительству обраћамо, и уверавамо вас да нама од када смо се умирили јоште ништар ни на ум дошло није да народ бунимо, а јоште мање да се царской заповеди противимо, ми друго ништа и не тражимо, већ царску заповед која нама одлакаше бедног станья нашег обећава испуњену да видимо па да можемо опет у миру и братской слогѣ живити. Испуњите нама, дакле, све он што сте нам обећали, па ће у нама исте оне верне поданике наћи, кој смо вама вазда били, а ако

* Датируется по препроводительному донесению.

пак мислите да ми, главари, сметамо, а ви нам јавите, ми ћемо се уклонити кад већ бити мораз и ту ћемо жертву ако нас и боли радо принети, само кад видимо да сте овај бедној браћи нашої све оно испунили што им је по писменним уговорима у Дубровнику по заповеди цара обећано, а нама како праведне бог дадне. А јесте ли пак мнѣна да и ми са браћом нашом постајати можемо а ви се споразумите са нама па ћете се уверити да је наша желѣа само мир и да ћемо на основу нама обећана права свагда верни и послушни поданици цара нашега бити.

Верно: Вал. Безобразов

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 615, л. 81—82 об. Заверенная копия.

214

Телеграмма В. В. Безобразова В. В. Макушевцу о необходимости приезда Л. Вукаловича в Мостар

№ 90

4 (16) июля 1863 г.

Содержание ваших двух телеграмм сообщил конфиденциально Абди-паше. Его известия совершенно сходны. Нахожу полезным для христиан, чтобы Лука явился прямо в Мостар, поэтому мы должны стараться отклонить его от Австрии и убедить прибыть сюда, что может сделать вместе с Персичем. Абди-паша поручился мне за его безопасность. Прибытием сюда Лука может возратить потерянное им начальство над восставшими, получив большие права. Сообщите ему это мое предложение и убедите, если возможно, последовать оному, и о результате немедленно уведомьте.

Вал. Безобразов

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 615, л. 84. Заверенная копия.

215

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу с изложением требований герцеговинских повстанцев и с просьбой гарантировать его безопасность при приезде в Мостар

10 июля 1863 г. Суторина

Я получил многоуважаемое письмо ваше от 5-го сего м[еся]ца и уразумел все, что вы мне пишете от имени вашего консула в Мостаре. Он говорит, что находит полезным, чтобы я отправился в Мостар, что Абди-паша гарантирует мою безопасность и обещает мне верховную власть над бывшею в восстании Герцеговиною и большие права народу. Но спрашиваю вас, могу ли я поверить обещаниям Абди-паше, устно данным вашему консулу, а не изложенным письменно. Еще же более заставляет меня призадуматься то обстоятельство, что вы, со своей стороны, о том ничего не пишете.

Я собрал здесь всех главарей и воевод герцеговинских, чтобы, наконец, покончить это дело, ибо видим, что таковая неопределенность положения становится с каждым днем опаснее для народа, а потому мы и решили отправиться в Константинополь. Но, если бы мы знали, что Абди-паша и

Джевет-эфенди, комиссар для Герцеговины, уполномочены удовлетворить наши справедливые желания, мы бы не противились идти в Мостар.

Я желал бы знать, могло ли бы ваше консульство в Мостаре вырвать меня из рук турок, если бы мостарские власти захотели погубить меня? Если может, дайте мне знать о том, и я немедленно отправлюсь в Мостар.

Мы решили просить:

1. Чтобы, так как в бывшей в восстании Герцеговине нет ни одного мухамеданина, дали нам одного мудира из христиан по народному выбору, чтобы этому мудиру Порта назначила секретаря, который будет вести переписку на турецком языке и притом стоять настороже.

2. Чтобы всякое племя (distretto) имело право выбирать себе кочо-башу (капитана) христианина.

3. Чтобы прекратить торговлю царскими податями, как это было прежде и как доселе производится в не бывшей в восстании Герцеговине. Мы просим, чтобы был сведен итог всех царских податей, сбор коих был бы поручен нашему мудиру.

4. Так как бывшая в восстании Герцеговина граничит с Черногориею и Австриею, то мы просим позволить нам иметь 500 своих пандуров для охранения границы и путей сообщения, равно как и для надзора за внутренним порядком. Им будет отпускать правительство жалование и провиант.

5. Чтобы нам было дозволено возобновлять церкви, а где понадобится — и новые строить.

6. Чтобы нам дозволили заводить школы.

7. Чтобы улучшили отношения между христианскими кметами и турецкими агами.

8. Чтобы прекратили постройку кул (блокаузов) и чтобы вверили христианским пандурам уже построенные кулы. Они дадут клятву охранять их до последней капли крови против всякого неприятеля султана.

Вы знаете, что мы всегда слушали и уважали ваш совет. Так мы будем поступать и ныне, но только как можно скорее напишите нам, что нам делать.

Верно: К. Петкович

АВПР. ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 124—130 об. Пер. с сербскохорват. яз., современный подлинник.

216

Донесение В. В. Безобразова Е. П. Новикову о проведении в Герцеговине переписи населения и проверки земельных актов и о гарантии турецкими властями безопасности Л. Вукаловича в случае его приезда в Мостар

№ 96

14 (26) июля 1863 г. Мостар

Милостивый государь Евгений Петрович!

Комиссар Порты Джевет-эфенди начал заниматься делами Герцеговины, которую, по собственным словам его, нашел в крайне жалком положении. По его приказанию с 8 (20)-го текущего приступлено к народной переписи, не существовавшей доселе, и на днях обнародована им прокламация, каковую при сем честь имею представить в копии на благоусмотрение вашего высококордия о предъявлении всеми землевладельцами прав их на владение землею, равно как и находящихся в руках их крепостных

актов (тапи). Тем же из землевладельцев, которые не имеют подобных тапи, предписывается брать их на основании находящихся у них документов на владение занимаемыми ими участками. Для легчайшего же приведения в исполнение этого распоряжения Джевет-эфенди исходатайствовал разрешение Порты распространить данное для Боснии право бесплатной выдачи тапи и на Герцеговину.

Обе эти меры весьма важные; первая из них дает возможность правительству иметь положительные данные к более правильному распределению налогов и податей, составлявшему доселе одну из главнейших причин к жалобам христиан, на которых падала вся тяжесть налогов, тогда как мусульмане платили ничтожную сумму оных. Предъявление же документов на право владения покажет, кто и какими именно участками может пользоваться, и таким образом значительное количество земель, на владение которыми аги не в состоянии представить никаких доказательств, оставшись собственностью правительства, могут быть розданы христианам, чрез что сами собой должны измениться и настоящие отношения аг-владельцев к христианам-фермерам.

В то же время Джевет-эфенди занимается разбором приносимых ему жалоб, и, если можно судить по началу, намерен, кажется, серьезно заняться приведением в порядок здешнего межджиса, из которого, как он сам сказал мне, необходимо удалить почти всех настоящих членов мусульман.

11-го текущего получил я по телеграфу уведомление от г. Петковича, что Лука Вукалович готов прийти в Мостар, если я и другие консула гарантируем его безопасность и свободу. По смыслу этого телеграмма я нашел нужным переговорить по сему предмету с моими коллегами, которые нашли, что не могут принять участие в этом деле без испрошения предварительных инструкций от их посольств. Хотя я также не считаю себя вправе действовать официально по сему делу без приказаний вашего высококордия, тем не менее я счел моим долгом для блага наших единоверцев переговорить частным образом с Абди-пашою, тем более, что уже и прежде он конфиденциально обращался к моему посредничеству. Абди-паша дал мне ясно понять все свое желание видеть здесь главарей и повторил уже данное мне им обещание совершенной безопасности как Луки Вукаловича, так и всех, кто его будет сопровождать. Я ожидал только сегодняшней почты, чтобы телеграфировать о том вашему высококордию более положительно и к отправленному мною ныне телеграфическому донесению долгом считаю присовокупить следующие подробности. Вследствие моего телеграмма от 3 (15)-го текущего, копию с которого имел честь представить на благоусмотрение вашего высококордия при донесении моим № 90¹, консул наш в Рагузе сообщил мое предложение прибыть в Мостар Луке Вукаловичу и в ответ на оное получил письмо, которым Вукалович уведомляет его о своей готовности прибыть вместе с главарями в Мостар, но просит, боясь мести турок, чтобы я гарантировал его безопасность.² С тем вместе Вукалович сообщает, что они условились просить от Абди-паши различные льготы, из коих семь пунктов уже дарованы восставшим окружиям буюрунтиею мушира еще в январе сего года, а следовательно, будут подтверждены и теперь. Что же касается 8-го пункта — не строить укреплений в восставших окружиях, а уже построенные передать на охранение христианам, то я полагаю, что это предложение встретит сильное сопротивление со стороны турецкого правительства³.

Я сегодня снова говорил по этому поводу с Абди-пашою, но опять таки конфиденциально, и получил от него новые удостоверения касательно безопасности главарей как в Мостаре, так и на пути как сюда, так и обратно. Абди-паша — человек прямой и честный, как то известно и императорской

миссии, и я полагаю, что словам его можно вполне верить. Кроме того, в настоящую минуту я не могу допустить никакого сомнения насчет безопасности наших единоверцев, что турки всеми силами стараются покончить дела герцеговинские, чтобы свободнее действовать на греческой границе.

Принимая все это в соображение и находя полезным для наших единоверцев прибыть сюда, я сообщил снова по телеграфу мое мнение о безопасности Луки Вукаловича в Мостар г. Петковичу, прося его склонить главарей к прибытию сюда без всяких официальных ручательств.

Абди-паша имеет также положительные сведения о намерении Луки Вукаловича явиться в Мостар и до такой степени уверен в этом и правдив в своих обещаниях, что выразил мне желание, чтобы я был свидетелем его образа действий с главарями по прибытии их сюда.

Австрийские пограничные власти, видя готовность Вукаловича к примирению, стараются под рукою отклонить его от этого намерения, сознавая всю невыгоду для них усмирения волнений Герцеговины, Абди-паша знает это очень хорошо и еще сегодня сказал мне, что если главари опять последуют советам австрийцев и не покорятся, то он вынужден будет действовать против них силою.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокородия покорнейшим слугою

Вал. Безобразов

Р. S. Копии с прокламации комиссара не могу препроводить ныне, ибо она оказалась ошибочно переписанной.

В. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2125, л. 90—93. Подлинник.

¹ О прибытии мушира Абди-паши и его характеристику см.: В. В. Безобразов — советнику посольства в Константинополе Е. П. Новикову 7 (19) июля 1863 г. — АВПР, ф. ГА V-A, д. 615, л. 88 и об.

² См. док. 214, 215. Препроводя копия письма Л. Вукаловича В. В. Безобразову К. Д. Петкович 12 (24) июля 1863 г. писал об опасности, которой подвергся бы руководитель повстанцев в случае своего прибытия в Мостар (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2125, л. 196 и об.).

³ См. док. 215.

217

Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о данных им Л. Вукаловичу советах относительно поездки в Мостар и отправки герцеговинской депутации в Константинополь

№ 190

14 (26) июля 1863 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Вукалович и прочие герцеговинские главари, собравшиеся в Суторине¹, по настоящее время не приняли еще никакого решения. Генерал Филиппович имел вторично свидание с ними вчера в Кастель-Нове, куда поспешил отсюда также турецкий консул². Он снова убеждал воеводу зубчан отправиться в Константинополь с депутацией, обещал перевести их на австрийском военном пароходе и снабдить их деньгами на потребные расходы, а взамен всех этих обещаний и услуг требовал, чтобы они обещались письменно не иметь дела в Константинополе ни с кем другим,

как только с австрийским интернунцием. Турецкий же консул, отправившийся в Кастель-Нова по приказанию губернатора Герцеговины, советовал, с своей стороны, нашим единоверцам послать Вукаловича с депутацией в Мостар, но неизвестно, вследствие каких расчетов он старался при этом скрыть, что находится в Мостаре теперь комиссар Порты, присланный туда нарочно с поручением рассмотреть и устроить дела в Герцеговине.

Из вышеприведенного угодно будет вашему превосходительству усмотреть, как трудно для Вукаловича принять с полным доверием какое-либо решение — послушаться австрийцев, сулящих ему всякого рода уверения и обещания, в которых, однако, проглядывают обман и своекорыстные цели, или положиться на турецкого консула и на турецкие власти в Герцеговине, которые также не отличались всегда добросовестностью и откровенностью в отношении к нашим единоверцам. Сделать выбор между советами подобных доброжелателей чрезвычайно трудно, а между тем настала крайняя необходимость для главарей выйти как можно скорее из нынешнего неопределенного положения и решиться на что-нибудь, ибо народ начинает тяготиться таковым положением и даже роптать на бездействие своих старшин.

Вукалович, колеблясь в решении принять то или другое предложение из опасения быть обманутым, не связал себя еще никаким обязательством относительно Филипповича и турецкого консула, но дал им такой ответ, что каждый из них может считать за собою успех переговоров. Чтобы уверить же их еще больше в его готовности исполнить по возможности предлагаемые ему советы, воевода зубчан отпустил по домам некоторых из главарей под видом, что они должны приготовиться к предстоящему путешествию, а в то же время поспешил прислать ко мне доверенное лицо, дабы известить меня о бывших переговорах и просить совета.

Повторив еще раз посланцу Вукаловича мои доводы о необходимости избегать в настоящее время новых столкновений с турками и уладить как-нибудь свои дела мирным путем, я заметил ему, что главари для очищения себя от всяких нареканий могут послать в Мостар кого-нибудь для свидания с губернатором и комиссаром Порты и для узнавания на месте, насколько они расположены и уполномочены устроить бывшие в восстании герцеговинские пределы и удовлетворить справедливым жалобам и желаниям народа. «Так как комиссар Порты, — присовокупил я, — приехал в Мостар нарочно для того, чтобы устроить дела в Герцеговине, то не отказывайтесь вступать с ним в сношения и переговоры, если увидите, что дают вам достаточные обеспечения. Что же касается до поездки вашего воеводы в Константинополь, то она должна быть предпринята только тогда, когда окажется решительно невозможным сделать что-нибудь на месте чрез посредство сановников, присланных Портою, но и тогда нужно будет избегать австрийских военных пароходов и в особенности исключительных сношений с австрийским интернунцием».

Уверяют меня здесь, что Австрия смотрит с беспокойством на усиление турок в прилежащих к Далмации провинциях и в особенности на постройку блокгаузов в южной Герцеговине и что будто для отклонения Порты от приведения в исполнение задуманных блокгаузов она хлопочет о том, чтобы Вукалович отправился в Константинополь с депутацией и представил жалобы и желания народа под исключительным ведением и покровительством австрийского интернунция.

Считаю неизлишним представить при сем на благосклонное усмотрение вашего превосходительства перевод письма Вукаловича ко мне, а равно и копию отношения, посланного мною консулу нашему в Мостар по поводу этого письма³.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петрович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 123—126. Подлинник.

¹ См. док. 215.

² Речь идет о турецком консуле в Дубровнике Персиче.

³ См. примеч. 2 к док. 215.

218

Донесение В. В. Безобразова Е. П. Новикову о деятельности в Герцеговине комиссара Порты Джевдет-эфенди и о готовящейся поездке герцеговинской депутации в Константинополь

28 июля 1863 г. Мостар

Милостивый государь Евгений Петрович!

Последним донесением моим я уже имел честь представлять на благоусмотрение вашего высококордия о предпринятых комиссаром Порты мерах касательно рассмотрения прав владения землями и общей народной переписи. Что касается первой из этих мер, то в некоторых местностях, как, например, в Славичах и Бечевичах, по дознании незаконности владения мусульманами некоторыми участками таковые розданы были желающим взять их христианам с выдачей последним и законных на владение документов. Таковая решительная мера произвела весьма сильное впечатление на мусульман, из которых даже несколько было посажено в тюрьму за сопротивление, оказанное ими.

Народная перепись продолжается довольно успешно как в самом Мостаре, так и в остальных окрестностях Герцеговины, и с окончанием оной комиссар намерен приступить к правильной раскладке повинности, составившей доселе одно из главных бедствий населения здешней провинции.

Кроме того Джевдет-эфенди, узнав, что утвержденный еще в 1859 г. поземельный устав¹, определяющий взаимные отношения помещиков к их арендаторам, доселе еще не обнародован в Герцеговине, распорядился переводом оного на сербский язык и приведением оного в исполнение. Это последнее распоряжение может быть тем легче исполнено, что с раздачей земли христианам большинство их, имея собственность, освободится от настоящей зависимости своей от мусульман-помещиков, которые поставлены будут таким образом в необходимость или заключить контракты с арендаторами и тогда отказаться от всех незаконных притязаний своих, или же оставлять принадлежащие им земли необработанными.

На днях также, узнав о лицепринятых и большей частью незаконных действиях здешнего меджлиса, Джевдет-эфенди сделал членом оного чрезвычайно строгий выговор, угрожая отрешением их от занимаемых ими должностей и ссылкой и как бы в доказательство своей решимости исполнить делаемые угрозы одного из главнейших членов меджлиса известного своим фанатизмом — Хаджи Эфенди — прогнал из заседания.

Приходящие сюда по требованию комиссара христианские выборные всех округов отзываются о нем с лучшей стороны. Он подробно и без вмешательства мусульман расспрашивает наших единоверцев об их нуждах и потребностях, записывает высказываемые ими жалобы и просьбы и по некоторым даже сделал немедленно удовлетворительные распоря-

жения. Так, например, он предписал принимать свидетельства в меджлисах; приказал отвести место для постройки православной церкви в Столце и об учреждении там школы. Все эти распоряжения весьма не нравятся мусульманам, и насколько они были вначале довольны прибытием сюда Джевдет-эфенди, принадлежащего к сословию улема, настолько теперь разочаровываются в своих ожиданиях.

Дело католической церкви в Мостаре, повидимому, приближается к окончанию, и если можно верить сообщенным мне сегодня частным сведениям, вчера решено было в совете дозволить приступить к постройкам на пожалованном султаном месте, несмотря на возражения мусульман.

На прошедшей неделе прибыл сюда и г. Персич, турецкий консул в Рагузе, и по всем имеющимся у меня сведениям должен отправиться завтра в Рагузу, откуда, взяв главарей и Луку Вукаловича, немедленно поедет с ними вместе в Константинополь. Как ни основательны эти сведения, подтвержденные также и вашим высококордием, тем не менее мне кажется, что турецкое правительство еще не вполне убеждено в искренности Вукаловича и подтверждается в этом австрийскими пограничными властями. По крайней мере, я должен так судить из слов г. Персича, неоднократно говорившего мне, что он не ручается ни за что, и из постоянных телеграфических сношений как его, так и здешнего австрийского вице-консульства с Рагузой и Кастанельно.

Абди-паша получил также приказание отправиться в Скутари и уезжает отсюда на днях, не окончив ничего, начатого им по делам тревинским и таслиджанским. Между тем, жители Таслидже прислали просительные письма об освобождении о. Пахомия из тюрьмы не только к Джевдет-эфенди, но и ко всем находящимся здесь консульствам. Письма эти одинакового содержания с тем, копию с которого я уже имел честь представить на благоусмотрение вашего высококордия при донесении моем № 64². Различие состоит только в том, что уже прежде писали мне по тому делу, как бы жалуются, что я ничего доселе не сделал в их пользу, и потому обращаются к другим консульствам. В то же время они пишут мне, как вам угодно будет усмотреть из препровождаемой у сего копии, что поступили так по совету консула нашего в Сараеве. Я не могу верить этой выдумке, но тем не менее я поставлен в крайне затруднительное и неловкое положение в отношении других консульств, которым наши единоверцы жалуются, как я в том убедился, на мое невнимание к их бедствиям. Если же так поступлено с советом г. Щулепникова, то таковая мера мне кажется весьма непонятной, как клонящаяся к уменьшению нашего влияния на единоверцев наших и к удовлетворению самолюбия других агентов, которые хотя и ничего не делают в пользу о. Пахомия, тем не менее имеют письменную жалобу на недействительность помощи императорского консульства.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высококордия покорнейшим слугою

Вал. Безобразов

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2125, л. 94—97. Подлинник.

¹ Речь идет о так называемой «Саферской нардебе» от 12 сентября 1859 г. (см.: примеч. 2 к док. 125).

² Об аресте властями в Тревинье 40 мусульманских заговорщиков и всего состава меджлиса см.: В. В. Безобразов — Е. П. Новикову 2 апреля 1863 г. — АВПР, ф. ГА V—A₂, д. 615, л. 53—54). К донесению приложено письмо представителей Таслиджанского кадилука В. В. Безобразову с жалобами на незакония турок и с просьбой о помощи, подписанное свыше ста человеками (там же, л. 55).

Доклад А. М. Горчакова Александру II о продлении денежного пособия мостарскому православному училищу

Не позднее 31 июля 1863 г.* Царское Село

Вследствие ходатайства архимандрита Иоанникия, одного из достойнейших членов славянского духовенства в Герцеговине, и просьбы мостарских единоверцев наших вашему императорскому величеству благоугодно было в 11-й день января 1858 года всемилостивейше повелеть производить мостарскому православному училищу из сумм государственного казначейства ежегодное пособие по 300 руб. в течение 6 лет. Согласно с таковым высочайшим повелением с наступлением будущего 1864 года вследствие истечения 6-ти летнего срока производство пособия мостарскому училищу должно прекратиться. Между тем стесненное положение жителей Герцеговины и, в особенности, православного духовенства не только не улучшилось с 1858 года, а напротив, бедность их еще усугубилась от последней войны с турками. Отсутствие у герцеговинцев всяких средств к образованию на родине, необходимость этого образования для противодействия проискам пропаганд, побуждают меня думать, что было бы весьма полезно как для герцеговинцев, так и для упрочения нашего влияния в крае продолжить еще на некоторое время пособие мостарскому училищу. Преданностью же своею России и твердостью в православии до сих пор герцеговинцы заслуживали бы, по мнению моему, милостивого внимания вашего императорского величества.

Статс-секретарь Рейтерн уведомил меня, что со стороны Министерства финансов не встречается затруднения к производству из сумм государственного казначейства, как и до сих пор, пособия мостарскому училищу в продолжении 6 лет по 300 руб. [серебром].

Доводя о вышеизложенном до сведения вашего величества, осмеливаюсь испрашивать всемилостивейшего соизволения на производство мостарскому православному училищу в течении 6 лет ежегодного пособия по 300 руб. из того же источника как и прежде.

Горчаков

Резолюция Александра II: Согласен. АВПР, ф. ГА Г-1, д. 39, л. 29—30 об. Подлинник.

Донесение К. Д. Метковича Н. П. Игнатьеву о беседе с черногорским князем Николаем относительно политики Черногории в Герцеговине

№ 211

31 июля (12 августа) 1863 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Из разговора, который я имел с князем Николаем в Цетинье о делах в Зубцах и других смежных с Черногориею герцеговинских округах, мог вывести заключение, что действительно Черногорцы много виноваты в том, что Вукалович и прочие герцеговинские главари так долго колебались принять какое-либо решение для прекращения неизвестности и неопределенности в положении своих земляков. Его светлость не только прого-

* Датируется на основании отпуски.

ворился мне, что он удерживал доселе герцеговинских главарей поддаться турецким властям, но даже выразился открыто, что, по его мнению, было бы лучше и выгоднее, если бы наши единоверцы в Герцеговине возобновили опять борьбу против турок, и при этом изложил мне план таковой борьбы, говоря, что он может снабдить их военными запасами, что они могут рассеяться четами по всей Герцеговине, наделать Турции большие хлопоты и затруднения и заставить ее, наконец, сделать им существенные уступки и облегчения.

Само собою разумеется, что я не только осудил и опровергнул доводы князя Николая в пользу нового восстания в Герцеговине, но также не одобрил и поступки его доселешней политики относительно бывших в восстании герцеговинских округов и постарался доказать ему весь вред, какой может произойти для обеих сторон от подобного образа действий. Я просил его светлость принять во внимание нынешнее бедственное положение как Черногории, так и южной Герцеговины, разоренных последнею войною и терпящих всякого рода лишения от засухи, неурожая, падежа скота и пр., и признать, что при подобных обстоятельствах начать вновь кровопролитие, не обдумав и не взвесив всех последствий, было бы не только неблагоприятным, но даже преступлением против существенных интересов народа. «Вы должны, — я сказал, наконец, князю, — поступать так, чтобы не компрометировать Черногории перед турками и австрийцами и не вооружать против себя герцеговинцев неуместными претензиями, а стараться добрыми советами содействовать им к тому, чтобы они устроили как-нибудь свои внутренние дела и получили возможность отдохнуть и оправиться от разорений и бедствий последнего восстания».

Его светлость не мог не признать справедливости и пользы моих советов, но в то же время выразил недоумение в том, будет ли выгодно для жителей южной Герцеговины, чтобы Лука Вукалович и прочие главари отправились в Константинополь. На это я ему заметил, что в настоящее время нет надежды, чтобы наши единоверцы в Герцеговине могли добиться от турок чего-нибудь открытою силою, а в таком случае не следует избегать миролюбивых средств — переговоров и ходатайств, все равно будет ли это в Мостаре или Константинополе, тем более, что нынешняя неопределенность положения не может долго продолжаться без большого ущерба для интересов как южной Герцеговины, так и самой Черногории.

Я не сомневаюсь, что г. Безобразов донесет подробно вашему превосходительству о том, что было решено в Мостаре, куда был вызван также здешний турецкий консул после свидания его с Вукаловичем в Кастель-Нове, по предмету предполагаемой герцеговинской депутации¹. По слухам же, распространившимся здесь, Вукалович решился будто отправиться в Константинополь. Он прислал сюда на днях своего секретаря, но я не мог с ним говорить. Он не посмел зайти в императорское консульство, опасаясь австрийских властей, которые следили за каждым его шагом.

В заключение я считаю долгом довести до сведения вашего превосходительства еще следующий случай, показывающий, что турки всегда останутся турками и что их образ действий относительно христиан трудно может измениться, несмотря на все реформы, предпринимаемые высшими властями. На днях одна женщина из Зубцев, отправившаяся за водою к источнику, находящемуся недалеко от блокаузов, построенных турками во время последней войны, была схвачена четырьмя регулярными солдатами и изнасилована на месте самым бесчеловечным и варварским образом. Зубчане, узнав об этом зверском поступке турецкого гарнизона, собрались в значительном числе и хотели провозгласить снова восстание, и только с большим трудом удалось Вукаловичу успокоить их, обещав доставить им законное удовлетворение мирным путем.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

Р. С. Князь Николай посылает в Одессу сенатора Матановича для закупки хлеба на счет черногорского правительства.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 142—145. Подлинник.

¹ См. док. 217.

221

Прошение настоятеля монастыря Житомирского С. Перовича В. В. Безобразову о разрешении сбора пожертвований в России для устройства духовной семинарии в монастыре

6 августа 1863 г. Мостар

Негову высокоблагородию господину Валериану Безобразову, царско-русский консул за Херцеговину

Чувствуя необходимость поднудити духовно заведение — семинарию. По недостатку школа мы трпимо велику оскудицу, у людима, кой бы свештеническом чину одговарати могли, особито у овом краю у оваким обстоятельствама, у каквим се налази наша црква у Херцеговини. Окружена противницама православия она на сваком кораку трпи беде. Коварство римске пропаганде почине у ове наше бедне краеве допирати. Кровати, наши единоплемени браћа по крови и езику, постаю нам бивати не мањи непријатељи, него сами. . . * Римско, свештенство, по упливу пропаганде, највећи злоупотреба чини. Оно из лични интереса готово на све што бы само православию шкодити могло, и прост народ, по незнању и простоти, слиено орудие негово. Мы не само што трпимо велике и ершаве незгоде него се пош већима и горима надати можем, ако се зрање томе на пут не стане. Сами у станю ниесмо ербо смо за стране материјалне слаби и нејаки, а душевно силе по недостатку школа на ниском степену развића. Да бы се пак бедама край и православной цркве у будуће правилни пут прокрчити могао, то бы нам од врло велике и неоценене помоћи было кад бы у монастыру Житомирскому подигли духовно заведение, а особито, кад би се подигла една нова црква са звоником што бы уплив на простий народ поконо. Ова семинария могла бы послужити за сву Херцеговину, али мы као што ниесмо у станю сами због чега се и обрабамо вашем высокоблагородию покорнейшии молити вас изхodataствовати нам у вышгг началства православне Руссии о дозволеню да можемо послати између себе едног свештеника у Руссию ради милостине коя бы у оваким обстоятельствама, у каквим се налазимо, од велике помоћи правлавной цркве у Херцеговини была.

Есам вашег высокоблагородия смиренный богомолец Серафим Перовић, игуман, со братиом¹

ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 33, II отд., д. 236, л. 8 и об. Автограф.

¹ В. В. Безобразов поддержал ходатайство С. Перовича перед российским Синодом об открытии духовной семинарии. Обер-прокурор Синода Ахматов 11 января 1864 г.

* Так в тексте.

обратился с соответствующим докладом к Александру II. Синод соглашался разрешить С. Перовичу лично провести сбор пожертвований в России для указанной цели в течение 2-х лет, с тем чтобы русский консул в Мостаре осуществлял непосредственный контроль за реализацией собранных денег (см.: ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 33, II отд., 1863—1865 гг., д. 236, л. 7—8).

222

Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву об отказе Л. Вукаловича поехать в Константинополь во главе герцеговинской депутации

№ 218

9 (21) августа 1863 г. Рагуза

Милостивый государь Николай Павлович!

Вукалович еще не трогался с своего места, несмотря на все старания австрийских властей склонить его отправиться с депутацией в Константинополь. Он перехитрил генерала Филипповича тем, что не только открыл тайные замыслы, скрывавшиеся в его ласках и обещаниях, но и разочаровал его окончательно в то самое время, когда он и здешний окружной начальник думали, что они уже достигли своей цели, и возвещали об этом в Зару и Вену с торжеством и самодовольством. «Австрийцы, — пишет мне воевода зубчан, — обещали нам золотые горы и серебряные долины, но на деле вышло, что они хлопотали только о своих выгодах, а нам готовили народные бедствия и разорения. Главная их цель была удалить меня из среды народа под каким бы то ни было видом для того, чтобы во время моего отсутствия произвести в нашем крае раздоры и несогласия и выдвинуть на сцену другое лицо, которое бы служило послушным орудием для их своекорыстных стремлений и намерений».

Филиппович с каждым пароходом ждет здесь Вукаловича, чтобы отправить его в Константинополь к австрийскому интернунцию; но Вукалович в настоящее время, по крайней мере, перестал думать о Константинополе и австрийском интернунции и намерен послать депутацию в Мостар, чтобы попытаться, нельзя ли будет сделать что-нибудь с комиссаром Порты Джевдет-эфенди.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

К. Петкович

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 149—150. Подлинник.

223

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу с изложением требований герцеговинских повстанцев

31 августа 1863 г. Зубцы

Наша депутация у Мостару ништа важно израдила није, јербо Турци још се држе оне политике: обећати много а ништа не даги. Ми смо захтјевали да нам се допусти бирати између нас кајмакама Србина за буџену Херцеговину. Речени кајмакам пошто буде од народа избрат да море, ако влада хоће, положити заклетву вјерности да народ за свако племе (distretto) бира коцобашу. За да се одолечи досадашње трговање царског данка, молисмо да се сви данци у једно сумају, и скупљање исто да се нашем кајмакаму попеченије даде. Граничећи ми Црном Гором и Аустриом мо-

лисмо да нас се потврди наших 500 пандура да нам је прква слободна и да нам се допушти учиноице заводити на потребита мјеста; да поправи стање између ага Турака и чивча христиана; молимо да се више кула негради, а ове већ начињене да буду посједнуте донде док се буду увјерити о нашој вјерности, пак онда да се у исте куле гранични пандури намјесте.

Овому не чине се Турци противни и обећавају нам све ово дати, али не сад, но с временом. А сад нам толико давају, колико су обећали другим небуњеним Херцеговцима с разликом што ми имамо наше пандуре, и исто нам је допуштено међу се мале ствари судити.

Ми видимо да Турци иду на то да нас ујарму, али шта ћемо, как смо слаби у сваком смислу, а помоћи од никуд и нико да се својски за нас заузме. Но са свим тим мучит ћемо се, овакову несрећу одлачимо од нас.

До неколико дана намјеравам обићи, с неколико момака сву буњену Херцеговину и учинити наново скупштину, из које ћемо узет мјере за будуће владее.

Није право да се срдите зато што смо ми с Аустријом имамо нека сношења. Ако је она с нама шарала нијесмо ни ми с њоме другчије се владали.

Ви видите како ствари стоје а познаете мене и мој народ, пак зато вам није потреба да даље говорити — сам вам се препоручујем.

Будите тако добри писат ми штогод за моје владее. Утолико вас са поштовањем поздрављам, јесам вашег благородија штоватељ

Лука Вукаловић, војвода

АВВР, ф. ГА V-A₂, д. 725, л. 162—163 об. Подлинник. Лична печат Л. Вукаловића; ф. Посольство в Константинополе, д. 2125, л. 204—210. Пер., современный подлиннику.

224

Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о частичном удовлетворении требований герцеговинских депутатов в Мостаре

№ 253

8 (20) сентября 1863 г.

В дополнение к предыдущему моему донесению полагаю излишним представить на благоусмотрение вашего превосходительства еще некоторые сведения о делах наших единоверцев в южной Герцеговине, сообщенные мне братом Луки Вукаловића, бывшим недавно в Мостаре с депутациею.

По уверению этого зубчанина, явившегося вчера ко мне после визитов, сделанных им окружному начальнику Решетару и бригадному генералу Филипповичу, комиссар Порты Джевдет-ефенди подтвердил за Вукаловићем право иметь 500 пандуров, сделав распоряжение о безостановочной и исправной выдаче нужного количества провианта на содержание оных. Из Требины доставлено уже в Зубцы несколько вьюков муки. Джевдет-ефенди обещал также депутации, что жители округов, бывших в восстании, не будут ничего платить агам в продолжении 7 лет с земель, на которые они последние предъявляют претензии собственности, а по истечении этого срока они должны будут довольствоваться таким образом, какой будет установлен вообще для землевладельцев остальной Герцеговины. Требинский каймакам имеет отправиться на днях в Зубцы к Вукаловићу, чтобы вместе с ним оттуда отправиться в Гатско, где должны будут встретиться с комиссаром Порты. Об этом ничего не писал мне сам воевода зубчан, но его брат уверяет, что будто это положительно решено и что Лука будет сопровождать каймакама до Гатска со своими пандурами, которых он теперь набирает.

Брат Вукаловића сообщил мне при этом случае также некоторые обстоятельства из свиданий, которые генерал Филиппович имел с герцеговинскими главарями в Суторине. Стараясь склонить воеводу зубчан отправиться в Константинополь, Филиппович всякий раз толковал ему, что герцеговинцы не должны ничего ожидать от России или другой какой-либо державы и что единственное их спасение положиться совершенно на Австрию, что австрийский император их искренний и могущественный доброжелатель и пр.

Вашему превосходительству уже известно, как ценят наши единоверцы австрийские обещания и уверения и чем кончились все попытки и интриги Мамулы, Родича, Филипповича и остальных окружных начальников, преторов и консульских агентов. Австрийцы никогда не пользовались доверием у наших единоверцев — жителей смежных с Далмациею провинций, но во время последних пограничных смут они так глупо и подло вели себя, что теперь не только все смотрят на них с недоверчивостью и подозрением, но даже гнушаются их имени.

Из Черногории не имею ничего сообщить на этот раз вашему превосходительству кроме слуха, что будто австрийское правительство чрез катарского окружного начальника Дойми обещало князю Николаю пропустить 50 пугнеров для вооружения придворной стражи, которою его светлость намерен заменить прежних кабадахив.

АВВР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2125, л. 211—213. Копия.

225

Донесение В. В. Безобразова Н. П. Игнатьеву с ходатайством о награждении С. Перовича

№ 139

29 октября (10 ноября) 1863 г. Мостар

Милостивый государь Николай Павлович!

В донесениях моих императорскому Министерству и вашему превосходительству я уже имел честь неоднократно представлять особому вниманию вашего превосходительства настоятеля монастыря Житомислича о. Серафима Перовича, который деятельностью своею и ревностью к православной церкви, равно как и непоколебимою преданностью России, обратил уже на себя внимание моих предшественников гг. Гильфердинга и Щуленникова¹.

Предоставленный собственным своим силам и средствам монастыря, игуменом которого о. Серафим выбран в 1858 г., он ревностно принялся за дело и в 4 года обновил разоренные монастырские здания, выстроил новое помещение для братии, число которой при нем увеличилось значительно, содействовал постройкам церквей в Габеле, Столце, Требине и, наконец, как я уже имел случай говорить о том, завел безвозмездное училище для детей поселян, в котором они обучаются грамоте, письму, закону божью, первым правилам арифметики и, наконец, некоторые из них церковному пению. Не довольствуясь этим, о. Серафим приохотил и взрослых мужчин и женщин учиться читать и выучивать главнейшие молитвы, так что в настоящее время окружные жители монастыря резко отличаются от остальной массы.

Огромное влияние, которым пользуется о. Серафим на единоверцев наших в Герцеговине, вполне им заслуженное, ставит его в числе замечательнейших личностей христианского населения провинции и весьма много способствует и к увеличению и поддержанию в народе преданности

его России и значительно облегчает усилия императорского консульства в этом отношении.

Представляя все сие на благоусмотрение вашего превосходительства, я осмелюсь обратиться на личность о. Серафима особое милостивое внимание ваше и предстательствовать пред вашим превосходительством об исхода- тайствовании о. Серафиму приличного его сану отличия от нашего прави- тельства, каковая монаршая милость, смело могу надеяться, еще более усилит ревность и деятельность о. Серафима.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слу- гою

Безобразов

Помета: Крест пожалован 19 дек[абря] 1864 г.
АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 616, л. 4-5. Подлинник.

¹ См. док. 101 и 113.

226

Записка МИД с характеристикой деятельности Р. Ейча

Не позднее 9 декабря 1863 г. *

Боснийский уроженец Ристо Ейч, пользующийся на родине большим влиянием и уважением, был главным из тех депутатов, которые во время Крымской войны являлись предложителем нашему правительству от имени православного населения Боснии и Герцеговины поголовное восстание этого населения против Турции¹. Предложение это не было принято, но Ейч, хотя и был прикрыт выговоренною по трактату амнистиею, подвергся подозрению и притеснениям со стороны турецких властей, а еще прежде того как приверженец России был даже заключен в крепость в пределах Австрии.

Во время последнего герцеговинского восстания Ристо Ейч собрал небольшой отряд из боснийских изгнанников, но вскоре попался в турецкую засаду и был захвачен превосходными силами в плен вместе с своим товарищем черногорцем Николичем.

После продолжительного и мучительного тюремного заключения Ейч и Николич были отправлены в цепи в Константинополь, а оттуда в ссылку на крепостные работы к пределам Курдистана, но им удалось уйти и доб- раться до наших кавказских пределов².

АВПР, ф. ГА I-1, д. 39, л. 52 и об. Подлинник.

¹ См. док. 4.

² 23 ноября 1863 г. А. М. Горчаков в докладе Александру II просил оказать денеж- ную помощь Р. Ейчу, бежавшему из Курдистана и прибывшему в Санкт-Петербург по распоряжению кавказского наместника. Р. Ейчу было выдано единовременное по- собие в 300 рублей (см.: АВПР, ф. ГА I-1, д. 39, л. 50-51). Кроме того, он получил пособие на путевые расходы до Сербии и заграничный паспорт, а его сотоварищ черно- горец Петр Николич 125 рублей серебром для проезда в Черногорию (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 427, л. 516).

* Датируется по соседним документам дела.

227

Из отчета МИД России о положении в Герцеговине и Боснии и возможных новых выступлениях христианского населения

Не ранее 1 января 1864 г. *

[...] При замирении восставших округов Герцеговины Порты обе- щала христианам и их предводителю Вукаловичу разные преимущества и некоторого рода самоуправление, но вместо выполнения этих условий турецкие власти с содействием австрийского пограничного начальства успели поселить раздоры между христианскими старшинами и отстранить Вукаловича от всякой власти; его положение тем более затруднительно, что Мирко не перестает враждовать к нему. Между тем во многих местах Герцеговины проявлялись уже вновь вспышки мусульманского фанатизма и притязания мусульман-помещиков лишить христиан-земледельцев даро- ванных последним уступок. Вследствие этого между герцеговинскими хри- стианами поддерживается лишь наружное спокойствие, которое может во всякое время быть снова нарушено. Наши агенты употребляют, впрочем, всевозможные усилия для удержания христиан от безрассудного восста- ния, которое при настоящих обстоятельствах неминуемо подвергнуло бы их страшным бедствиям и конечному разорению.

В Боснии неудовольствие против Порты существует как между христиа- нами, разоренными поборами и неурожаем, так и между местными мусуль- манами, отягощенными набором редифов и башибузуков. Не подлежит сомнению, что восточная Босния и Старая Сербия в известной степени под- чинены политическому влиянию княжества Сербского, и есть основание предполагать, что христиане северной части Боснии находятся в сноше- ниях с патриотами Кроации и Военной границы [...]

АВПР, ф. Отчеты МИД, 1863 г., л. 160 об.-162. Подлинник.

228

Донесение В. В. Безобразова Е. П. Новикову о волнениях хри- стианского населения в Гацко в связи с насильственным сбо- ром недоимок землевладельцами

№ 6

30 января 1864 г. Мостар

Милостивый государь Евгений Петрович!

14-го текущего Джавид-паша отправился отсюда чрез Столац в Гацко, откуда возвратился 3 дня тому назад. Причиной внезапной поездки губер- натора Герцеговины было возникшее в Гатачком окружии по ту сторону Друма, т. е. между населением, принимавшем участие в последнем восста- нии — волнение христиан, вынужденное насильями местных турок поме- щиков, а главное, действиями вновь назначенного в означенное окружие с его башибузуками Дед-аги Чингича, одного из значительнейших тамош- них земледельцев и главного виновника восстания этого окружия еще в 1860 г. В свое время я неоднократно представлял императорской мис- сии о пагубном влиянии Чингича на судьбу наших единоверцев, равно как и том, что даже Дервиш-паша и потом сам сердар-екрем Омер-паша признали необходимым для водворения и сохранения спокойствия в Га- тачком окружии удалить отсюда навсегда как Дед-агу, так и его братьев. И действительно, с 1861 г. Дед-ага находился со своими башибузуками

* Датируется концом отчетного периода.

в Таслидже, Фоче или Колашине, братья же его, кроме одного, погибшего в 1862 г. в одном из сражений в Дуге, переселились в Боснию.

В конце прошедшего года я узнал о назначении вновь Дед-аги Чингича начальником башибузуков в Гатачком округе и тогда же не преминул представить на вид как Джевдет-эфенди, так и военному и гражданскому пашам о несообразности такого назначения, не скрыв от них мои опасения за сохранение спокойствия в Гацко при Чингиче, известном своим буйством, необузданным фанатизмом, а главное, потерпевшем значительные убытки вследствие присоединения этого округа к восстанию — убытки, которые он, естественно, будет стараться вознаградить разными средствами. Предостережения мои не были приняты турецкими властями с должным вниманием, и настоящие события показывают, что я, к сожалению, не ошибался.

Вследствие всеобщей амнистии султана, торжественно обнародованной еще в январе 1863 г. Абди-пашею, все недоимки, происшедшие во время восстания, прощены христианам, и Джевдет-эфенди булунутными своими подтвердил эту милость султана. Несмотря, однако же, на такое формальное обнародование воли Порты, гатачские аги и во главе их Чингич начали требовать уплаты недоимок за 5 лет слишком и, встретив сопротивление к удовлетворению их требований со стороны христиан, арестовали 18 человек из них, пришедших для уплаты казенных податей, и представили все дело здешнему паше, который и отправился немедленно в Гацко.

По возвращении своем Джавид-паша на вопросы мои представил мне все дело в совершенно ином виде. По словам его, аги не требовали никогда недоимок, накопившихся во время восстания, но только уплаты должного им кметами за последний 1863 г., т. е. со времени восстановления спокойствия, что, кроме того, сами христиане восставших селений будто бы выразили ему готовность уплатить агам следующее последнее, но что не сделали этого, потому что имели строгое запрещение попа Богдана Зиманича и еще нескольких главарей удовлетворить требованиям аг. На основании этого паша разрешил агам отправиться по селам для сбора их доходов. Что же касается податей казенных, то, по словам паша, они были немедленно уплачены ему с тем большей легкостью, что в счет оных поступили выданные христианами в различные времена расписки за забранный у них скот и хлеб для войск. Далее паша сказал мне, что он два раза звал к себе попа Богдана, но последний не хотел явиться к нему и бежал с семейством своим в горы и, как кажется, в Черногорию, куда удалились и другие главари, но что он дал приказание как башибузукам, так и запятым разыскивать бежавших и захватить их, разрешив в случае сопротивления употребить против них оружие, как против ослушников власти.

Вообще паша старался в разговоре со мною представить все дело под видом неповиновения распоряжениям правительства попа Богдана и других главарей, возбуждавших к тому же все христианское население округа. В доказательство этого паша сообщил мне, что сами христиане, жалующие на насилие главарей, представили ему список 30 из них, прося пашу удалить их из Гацко, как главных виновников всех волнений, и что вследствие этого он уже арестовал 6 человек, которых и привел с собою.

Выслушав пашу, я счел долгом моим представить ему, что я, зная хорошо закоренелую вражду между агами и христианами гатачскими, не могу не опасаться, чтобы данное им разрешение употреблять оружие против христиан в случае их неповиновения распоряжениям местных властей не было употреблено безразлично и не повело к еще большим волнениям. Я повторил также мое мнение насчет Чингича и не мог удержаться от высказывания паше, что, по моему мнению, разрешение, данное им

агам разъезжать по селам для сбора оброков, далеко несообразно с решением Порты касательно отношений помещиков к их кметам, в котором положительно говорится, что ага не может проживать в доме своего кмета для сбора оброка, следующего ему, так как подобные наезды вполне обременительны для кметов. К этому я присовокупил также, что легко может случиться, что при неопределенности отношений аги могут требовать более, чем им следует за один год, и притом прибегать к различным насилиям. Я не упустил также обратить внимание паша на то, что принесенные ему жалобы на главарей христианами подлежат строгому разбору, ибо таковые жалобы могли быть вынуждены от наших единоверцев¹.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

Вал. Безобразов

Резолюция Е. П. Новикова: Д. Н. Богуславскому. Нужно представить это Али-паше. Крутые несправедливые меры властей теперь особенно весьма неуместны.

Помета: Передало Али-паше. Д. Б.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2129, л. 7—10. Подлинник.

¹ В донесении В. В. Безобразова Е. П. Новикову от 24 февраля 1864 г. сообщалось об усилении репрессий и грабежей в Гацко, неурожае в Герцеговине и большом падеже скота. Доведенное до отчаяния население открыто заявляло о том, что возлагая надежды на помощь Сербии, весной возьмется за оружие. Власть, со своей стороны, приняла меры к усилению вооружения отрядов милиции, закупая с этой целью оружие в Западной Европе (см.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2129, л. 11—13; а также док. 229).

229

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о захвате турками предводителей повстанцев Гацко и сожжении их домов

5 февраля 1864 г. Зубцы

Ваше високоблагородије!

Ви знате да су Турци гатачке главаре похватали, али држим да нијесте могли ни промислити да ће мутесариф херцеговачки почети християнске куће палити? Ономадне је речени мутесариф ужегао неколико србски кућа у Гацку; и враћајући се у Мостар одвео све похватане християне, у гвожђу оковане. Није потреба да вам речем да је Гацко горње као и друга бунена Херцеговина страдало да му је на миру у Дубровнику учињеном амнистии право као и другој Херцеговини дато, јербо ви знате да јест. Садашња мостарска влада не пази на бурунџије у Дубровнику нам дате у којем стоји именовато Гацко хоће безобразно да нам га отргне. Мотрећи кроз турску политику могу вас подпуно увјерити да турска влада смјера херцеговачке главаре похватати и у тутји ји држати за два узрока: 1. ко би био какав покрет да јој не буде Херцеговина од смеће; 2. да похватавши привјенце може подпуно християне урајалучити*.

Ја се жури да вам ово од турске стране срамотно и беззаконо дјело што прије дојавим надајући се да ћете ми ви моћи од ваше високе владе упутствије набавити такво, по ком ћу се моћи у мом и мог народа критичном

* Так в тексте.

стану безбједно управлати. У тој нади управљај вам срдачни поздрав,
јесам вашег високоблагородија штоватељ

Лука Вукаловић, войвода

П. П. Турци ми како пријатељи доказују својски у главу пријету; на сулу
велике страже живим још; а докле и како на ови начин? То сами бог знаде.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 726, л. 38 и об. Подлинник.

230

Донесение Е. Р. Шулепникова Н. П. Игнатьеву о новом порядке
сбора доходов сараевского митрополита и о проекте поселения
в Боснии черкесов

№ 11

[7 февраля 1864 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Слишком год тому назад прислан был сюда из Константинополя фирман, на основании коего сараевский митрополит не имеет более права собирать с православных жителей своей епархии следующих ему податей¹, но должен довольствоваться положенным ему жалованьем в 100 тысяч пиастров. Сумма эта, к коей следует прибавить еще 20 тысяч пиастров в пользу патриархата, должна, согласно фирману, быть собираема со всех православных жителей Сараевской епархии по состоянию всякого. Немедленно по получении фирмана в начале прошлого года митрополит распорядился, чтобы пришли в Сараево из всякого санджака депутаты для устройства этого дела, которое, как я тогда же донес миссии нашей в Константинополе, осталось, однако, неустроенным как по причине митрополита, не желавшего лишиться своих больших приходов, так и по интригам сараевских торговцев, плативших митрополиту до сих пор только по 20 пар в год. В конце прошлого года по приказанию из Константинополя, последовавшему по жалобам боснийских христиан, были созваны опять депутаты из всех нахий, и, наконец, ныне фирман касательно жалования митрополита приведен в исполнение.

Сумма, назначенная ему и патриархату, разложена на все нахии по количеству домов, а жители всякой нахии разложат свою часть между собой по средствам каждого. Деньги, собираемые нахиями, будут пересылаемы в Сараево в нарочно на сей конец составленную комиссию, которая будет вести им счеты и передавать их митрополиту. Сей последний дал христианам росписку в получении им всех денег, следующих за 1863 г., и при этом случае отказался от довольно значительной суммы, которую он не получил с нескольких нахий Баялукского санджака. Сумма эта, составляющая 57 931 пиастр, пожертвована им на устройство в г. Баялуке богословской школы. Так как митрополит Игнатий имеет еще получить несколько из следующих как ему за 1861 и 1862 года, так и умершему митрополиту Дионисию податей, то депутаты христиан одобрили эти долги, которые и будут взысканы по мере справедливости без всякого, шпрочем, вмешательства митрополита.

Отношения священников к их прихожанам также определены при этом случае. С общего согласия депутатов и митрополита предписана священникам такса, которой они строго должны держаться. Такса эта довольно умеренна и не отяготительна для христиан. За крещение священники не имеют права требовать ничего и должны довольствоваться тем, что всякий дает добровольно; у бедных они обязаны крестить безденежно.

Из Константинополя пришло сюда известие, что турецкое правительство намерено поселить в Боснии до 20 000 черкесов². Осман-паша сам недоволен этою мерою, и, как говорит, ответил в Константинополе, что переселение в Боснию некоторых племен черкесских, известных своим воинским и, можно сказать, грабительским духом, он находит даже опасным и не принимает на свою ответственность. Я же, с моей стороны, долгом считаю изложить мое убеждение, что переселение черкесов в Боснию может иметь весьма дурные последствия, ибо может легко дать повод к довольно серьезным столкновениям мусульман с христианами. Сии последние и так уже справедливо рошнут, что лишены многих привилегий, коими пользуются мусульмане. Главный же и справедливый предмет их ропота есть, что хотя в Боснии имеется много ненаселенной и необработанной земли, под разными предложениями им отказывают делать их полными землевладельцами, тогда как привилегия эта была немедленно дана мусульманам, вышедшим из Сербии. Если то же самое будет сделано и для черкесов, то факт этот непременно и не без основания увеличит ропоты христиан и их ненависть к мусульманам.

На днях устроен в Сараево по приказаниям из Константинополя новый меджлис, обязанность коего чисто полицейская, а именно: разбирать малые процессы и распри, производить по ним нужные следствия и, наконец, наблюдать за чистотою города. Главный член этого меджлиса есть полковник, командующий жандармами, число которых простирается в Сараево и его окрестностях до 250 человек. Всех членов в этом меджлисе семеро, но, весьма странно, между ними нет ни одного христианина, что противно правилам, принятым и соблюдаемым ныне касательно вообще всех меджлисов.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугой

Е. Шулепников

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 807, л. 3—5. Подлинник.

¹ Речь идет об изменениях в церковных налогах, которые были осуществлены в течение 1863 г. Часть церковного налога, отправляемого ранее патриарху, теперь оставалась в Боснии и Герцеговине для нужд народного просвещения (см.: Попов Н. А. Положение раин в современной Боснии. — В кн.: Славянский сборник. Сиб., 1875).

² Речь идет о кавказских горцах, переселившихся после Крымской войны в Турцию. Переселение горцев происходило в 1858—1864 гг. под влиянием агитации турецких эмиссаров и феодальной знати. Выезду горцев способствовали также военно-феодальные методы политики русского царизма. В пределы Османской империи с Северного Кавказа выехало свыше 430 тыс. человек. Частично они были поселены в европейские провинции Турции с целью усиления там мусульманского элемента. Правящие круги Османской империи предполагали использовать черкесов в дальнейшем, как боевую силу против России (см.: Касумов А. Х. Англо-турецкие провски на Северном Кавказе после окончания Крымской войны (1853—1855 гг.). — Уч. зап. кафедры общественных наук Кабардино-Балкарского гос. ун-та. [Нальчик], 1959, вып. 5, с. 280—289).

231

Донесение Е. Р. Шулепникова Е. П. Новикову о намерении
Джевед-эфенди созвать собрание бегов по вопросу о предоставлении
земли христианскому населению

№ 22 *

3 (15) марта 1864 г. Сараево

Милостивый государь Евгений Петрович!

В свое время я имел честь доносить вашему превосходительству, что, по моему мнению, пребывание Джевед-эфендия в Боснии принесет мало пользы, и пока мнение мое оправдывается. Вот уже скоро три месяца, как

он прибыл в Сараево, а я еще не видал ни одного факта, им совершенного, заслуживающего особенного внимания, за исключением разве перемены здешнего великого меджлиса — перемены, плоды коей впрочем весьма сомнительны. Он собирався скоро после байрама предпринять путешествие по Боснии, но отложил свое намерение на некоторое время; теперь он созывает в Сараево по несколько бегов из всякого санджака, чтобы вместе с здешним меджлисом составить из них большое собрание, которое будет иметь целью заняться под его председательством серьезными и важными преобразованиями.

Мера эта, конечно, достойна похвалы, но, видя как он взялся и в этом деле, я, к несчастью, не предвижу от нее никакой пользы. Мне положительно известно, что созываемые им на этот конец беги почти все без исключения большие фанатики и отличаются невероятною напыщенностью и сильною ненавистью к христианам.

Главный предмет, коим Дживед-эфенди намерен заняться в этом собрании есть, как я слышал, распространение между христианами землевладения; но тут-то именно он и найдет, вероятно, весьма упорное сопротивление со стороны бегов-мусульман. Один из них, проживающий в Травнике, Дервиш бей Тескереджич, слышущий за самого образованного между всеми боснийскими бегами, на предложение, сделанное меджлису по этому предмету в пользу христиан травникским каймакомом, отвечал: «Это невозможно, ибо когда христиане сделаются землевладельцами, кто же будет тогда работать для нас, мусульман?»

На днях прибыл сюда из Мостара ферик Омер-паша, командующий всеми войсками, расположенными в Боснии и Герцеговине.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугой

Е. Щупеников

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2127, л. 15—16. Подлинник.

232

Донесение управляющего синодальной канцелярией о предоставлении учебников и богослужебных книг школам Боснии и Герцеговины

№ 1084

15 марта 1864 г. С.-Петербург

На отношение от 28-го минувшего февраля за № 1268 синодальная канцелярия имеет честь уведомить, что вследствие ходатайства г. управляющего консульством нашим в Сараево, по определением святейшего Синода:

- 1) 23 января—30 сентября 1857 г. отпущено безвозмездно, из книжных запасов Духовно-учебного управления для учреждаемых в Боснии и Герцеговине школ разного наименования учебных книг на 159 руб. 25 коп. и
- 2) 9—30 декабря того же года отпущено из синодских запасов круга богослужебных книг 20 экз., 200 экз. начального учения и столько же экз. начатков христианского учения и 100 экз. часослова, всего на 933 рубля серебром.

Управляющий синодальной канцелярией Саломон
Обер-секретарь Н. Павловский

ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 ст., д. 383, л. 7 и об. Подлинник.

233

Письмо представителей жителей Гацко Д. Грегуевича, Дж. Вишнич и Т. Вукмановича В. В. Безобразову с просьбой сообщить об участии арестованных повстанцев¹

19 марта 1864 г.

Врло се чудимо, како никакви одговори не добисмо на оно писмо, које смо вам прије мјесец дана писали за грдне зулуме што од проклетих зулумџар Турака трпимо! Тога ради дошли смо у Дубровник, као очајаници, прогоњени од наших старијех крвника, да вам пошљедни пут јавимо да на овај начин више никако трпнт не моремо. Већ смо принуђени друге се мјере латит, па шта било, да било.

Зато вас молимо најпокорније да нам што скорије јавите да ли се имамо уздат да ће нам се право испунит и апсеници пуштит или не? По томе ћемо се знат управљат јер иде ђурђев дан, гора зелени.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 726, л. 52. Копия.

¹ См. док. 229. К. Д. Петкович сообщал Н. П. Игнатьеву 22 марта (3 апреля) 1864 г. об аресте гатчанских руководителей повстанцев, содержании их в Мостарской тюрьме и о том, что трое из повстанцев явились в российское консульство в Дубровнике с просьбой о денежном пособии. На вопрос Петковича о возможности прекращения волнений они выдвинули следующие требования: распространить на гатчан обещанную властями амнистию, получить право иметь свою стражу, не платить недоимок за время, когда земля не возделывалась не по вине крестьян, урегулировать отношения между земледельцами и агами на законном основании, прекратить своеволие последних, иметь право самим собирать подати без вмешательства властей и феодалов. Петкович обещал им свое содействие (см.: АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 726, л. 48—51).

234

Донесение Е. Р. Щупеникова Н. П. Игнатьеву о намерении турецкой администрации создать в Боснии постоянную милицию¹

№ 39

25 апреля 1864 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Долгом моим считаю донести вашему превосходительству, что Дживед-эфенди созвал в Сараево несколько бегов из всех санджаков Боснии. Беги эти в числе 18 явились на призыв комиссара и, пробыв здесь несколько недель по окончании совещаний, дней 7 тому назад разъехались опять по своим домам.

Как я узнал, главная цель созвания их была получить согласие босняков на рекрутский набор для устройства в Боснии в роде милиции, организованной на образец регулярного войска. Турецкое правительство хотело этою мерою сделать шаг к правильному рекрутскому набору и вполне успело в своем предприятии. Беги согласились на устройство милиции, и здешняя власть, написав о том в Константинополь, ожидает только подтверждения Порты для приведения в исполнение своего плана. Решено в первый год устроить один полк в 4 батальона, имеющих каждый 800 людей, а год спустя будет собран другой полк. Юз-баши (ротные командиры), бин-баши (батальонные командиры), миралалай (полковник) и лива-паша будут взяты из регулярного войска, все же другие офицерские чины будут замещены босняками.

Результат этот обошелся, однако, правительству довольно дорого, ибо каждому бегу выдано в виде возмездия за путевые издержки от 50 до 60 турецких лир, так что вся сумма, выданная им, простирается до 2 тысяч червонцев.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугой

Е. Шулепников

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 807, л. 12 и об. Подлинник.

¹ См. док. 243.

235

Обращение герцеговинских христиан к Александру II с просьбой оказать помощь деньгами и оружием

Не позднее 1 мая 1864 г.*

Ваше величество!

Ево ћетири века одкако смо подпали под владу турску и толико векова непрестано се биемо за нашу милу слободу. Све смо жествовали, и све е то било залуду. Дакле, ће ћемо и кога ћемо замолити да нас избави од царствования султана?

О, боже праведный, мы, кои смо сви између жестоки превара вере Мухамедове остали смо верни заповести Христа, не остави нас но подржи! — Дакле, молећи бога за народный напредак, молимо и тебе, царе ослободителю двадесет милиона робля браће Славена. Живлю, царю Александру, ты си бесмртан, ты ћеш вазда живити међу твоим народом и нама, ер смо браћа за коју е Руссия већ толико пролила крви. И имамо право молити, а найвише у садашнем европейском покрету, да и нас извадиш из робства. Мы не можемо стати под овим яныћарлуком, хоћемо се сви изгнати на оруже и нећемо трпяти овога поругания али прие него дође овий суђеный час, кои ние далек.

Мы народ Ерцеговине, репили смо да ти спремимо нашег великог родолюбца, игумана отца Серафима, изпред народа теби вернога да те замолити да нас посветуеш што и како ћемо? Можемо ли имати надане у испунению наше народне желе и можем ли се надати да ћеш нам послати оружја и поваца!? Макар да има народа кои и сада мре од глади, али без овога средства революция быће тешка, и крвь ће се опет пролити за нашу несрећу, али стати не можемо; боле е смрти. Дакле, царе, не дай гинути твоей браћи без ползе, кажи управо нашем посланику каква е твоя намера. Мы се кунемо пред богом да тай одговор быће између тебе, царе, и народа, кои ћека од тебе слободу!

Ради и буди царем Славена!

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 617, л. 20—21. Копия.

* Датируется на основании док. 236.

236

Письмо С. Перовича В. В. Безобразову об обращении герцеговинцев к России и Сербии с просьбой о помощи

1 мая 1864 г.

Признавая и све добро и полезно што е радило русийско правительство за срећу србско-херцеговачког народа, садашњи положай Херцеговине, я себе мећем у дужность одкрити вама, као русийском представнику и србском добротвору и човеку родолюбцу кои си любавно желлио и искрено радио за срећу херцеговачког народа у свако вриеме.

Я сам се договорио са херцеговачким главарима и написали смо молбенице за Русию и Србию умолявајући да нам пошлю новце и оружје. На то Лука Вукалович, войвода, кои е и пристао, пошле мени посланика да му пошлем ове књиге да се подпишу херцеговачки главари, како што ћете и вићети из ови[х] књига кое вам шалем, а тако исто и Лућине интриге да се то изврши само у негово име, а не од стране главара народни; зато е и задржао најприме код себе ове књиге четири месеца, а после као да главари ниесу се шћели подписати вративши књиге само са своим мухом.

Я себе мећем у дужность казати вам да руско правительство гледа на Луку као на представителя народнога кои е у последно вриеме изневерил свой народ и метнуо смутно између себе и главара. Дакле, кад е изневерил свой народ, како неће изневерити Русию, у кога е имала толико поверения и коя му е залуду давала благодеяния кои е и досада варало Русию да е с ным херцеговачки народ.

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 617, л. 22 и об. Копия.

237

Письмо черногорского князя Николая В. В. Безобразову с просьбой содействовать выезду руководителя гатчанских повстанцев Б. Зимовича в Россию или Сербию

3 мая 1864 г. Цетинье

Ваше высококоридје господине конзуле!

Поп Богдан Зимовић*, главар гатачки кои је већ неколико пута на задату ту веру од Турака преварен а по последном нашем и турском рату код њих никакво поверење више нема решио се Гацко сасвим оставити па у Русију али у Србију преселити и ће буде со својом породицом за свагда настанити се.

Исто поп Богдан одправио је писмено прошење своје у истом смислу губернатору мостарском, ће моли да му и што пријед решење достави. Да је и за нас поради мира и слоге на граници нашої од стране Херцеговине одлазак попа Богдана из Гацка данас нуждан, увидиће зрело разсуждење ваше лако, и ми се надамо да нећете закаснити са племенитом вапом ревности са којом сте се свагда бранећи страдајуће Херцеговце отликовали, труда положити како би овом ваљаном и поштенем Србину легалним путем одпуст из државне свезе његове издействовали да не би приликом овом имуће своје које у Гацку притеажава, изгубио већ да га законитим путем из собствене руке како му можно буде у новац претвори.

* В тексте ошибочно: Зимович.

Изгледајући исполненију ове жеље наше умољавамо ваше високородије да изволите примит уверење нашег отличног почитања.

Верно: Вал. Безобразов

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 617, л. 28 и об. Заверенная копия.

238

*Донесение управляющего российским консульством в Сараеве
А. Н. Кудряцева Н. П. Игнатьеву о действиях австрийских
агентов в Боснии и Герцеговине по укреплению влияния Австрии*

№ 70

14 (26) мая 1864 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

Императорскому министерству не безызвестны те происки и интриги, которыми австрийские агенты в Боснии и Герцеговине руководятся и которые с каждым годом все более и более, по крайней мере, в Боснии, оставляют за собою следы удач и успехов политики австрийского правительства.

В качестве доброй соседки, одобряя, с одной стороны, все действия турецкого правительства, более или менее клонящиеся в ущерб интересам свободы, равноправности, правосудия и благоденствия христианских подданных султана, Австрия, с другой стороны, употребляет всевозможные средства для приобретения здесь влияния, действуя на христиан-католиков чрез католическое духовенство, на наших единоверцев чрез своих агентов и австрийских подданных, коих число возрастает с каждым годом в Боснии.

Действуя с отличающим его искусством в принятой им в отношении Боснии и Герцеговины политике, которая в последнее пятнадцатилетие состояла в подстрекательствах к возмущению христианских населений против Блистательной Порты, к увеличению вражды и ненависти к ней, к большому расположению к себе, австрийское правительство по-видимому стремилось к цели завладения сими славянскими землями мусульманского своего соседа.

Но со времени последней итальянской кампании, лишившись одной из лучших своих провинций и опасаясь за сохранение другой своей провинции, родной сестры первой, оно, само собою разумеется, направило с большею силою все свои орудия на несчастных соседей-славян, несущих гнет оттоманской тирании. Потеря одной части своей территории усугубила его намерения, коими оно давно себя лелеяло. Ныне задача Австрии несомненна: вознаградить себя в наикратчайшее время Босниею и, конечно, Герцеговиною.

Разрешение для нее этой задачи не так трудно, как можно и должно бы предполагать. Хотя времена завоеваний исчезли, хотя другие начала руководят ныне политикою государств, но дух национальностей, пробудившийся с такою силою в последнее время в Европе, страдания и гнет христианских славянских в Турции народов в эпоху возрождения, в эпоху гуманности, политическая автономия, дарованная Кроации и другим соседним с Босниею славянским австрийским провинциям, — вот те союзники, на которых она рассчитывает и которые очень легко могут выполнить старую ее задушевную мысль.

Уже в конце 1862 г. Аграмский комитат поднес адрес императору Францу-Иосифу, прося его принять под свою защиту несчастных христиан Боснии и Герцеговины, родных братьев их по крови, по языку, по историческим преданиям, страдающих под железным и бесчеловечным ярмом им-

перии потомков Магомета, поставляя на вид, сколько такая политика была бы необходима для интересов австрийского трона, империи и особенно для их отечества¹.

Все журналы, периодические издания, листки, появляющиеся в австрийских славянских землях со времени последней итальянской кампании, ежедневно и неутомимо помещают в своих столбцах целые раздирающие драмы угнетений и страданий боснийских и герцеговинских христиан, не пропуская ни одного факта, ни одного действия турецкого правительства без критики, порицаний и восклицаний о варварстве. Читая ежедневно что-нибудь тяжелое для сердца, сие последнее невольно симпатизирует с предметом несчастья, разжигая ненависть к орудию зла. Этою системою Австрия лелеет и усиливает любовь, симпатию, стремления, надежды к славянским подданным султана, вражду, злобу и ненависть к его империи.

При таковом настроении славянских своих подданных австрийское правительство должно было подвинуть и расширить свою деятельность в этих двух провинциях.

В Боснию оно прислало генеральным консулом подполковника Иовановича, кроата, заклятого врага мусульман и симпатичного для христиан, знающих, что он участвовал в черногорской и герцеговинской комиссиях, где стоял на их стороне, отстаивая их права. Оно прикомандировало к нему двух офицеров Генерального штаба капитанов Родкевича и Темеля. Они втроем объехали всю Боснию и Герцеговину, сняв планы со всех крепостей, ущелий и дорог и составив карту для военного министерства². Словом, они на бумаге приготовили все, что необходимо для внезапного занятия Боснии и, вероятно, Герцеговины.

Агентам своим, проживающим в Боснийском эйялете, а именно в Ливне, Тузле и Бихаче, австрийское министерство иностранных дел предписало представлять положение Боснии в самом плачевном виде. Недавно австрийский здешний драгоман рассказывал мне, негодую на сараевского вали Осман-пашу, что будто бы сей последний отвергает точность сведений, сообщенных подполковнику Иовановичу тузлинским агентом, показавшим в своем донесении, что турки для взимания податей раздевали догола христиан, снимали с них обувь, связывали им руки, ставили на лед, лили на них холодную воду, запирали голых на несколько дней в конюшни и хлева, производя самые ужасные и варварские бесчинства. Мне известно, что за неплатеж податей сажали обыкновенно христиан в тюрьмы, холодные, сырые, нездоровые — это правда, где случается, что заключенный погибает от холода, голода и болезней, но до показаний австрийцев далеко, и паша имел право с негодованием отвергнуть таковые рассказы отчаянного агента.

Ваше превосходительство позволит мне выразиться так, что здешние австрийские агенты в официальных своих донесениях в Вену и Константинополь далеко оставили за собою русскую неофициальную прессу наших жарких славянофилов.

Донесениями предыдущих годов императорское министерство уже извещено, что австрийские агенты раздавали христианам Боснии и Герцеговины паспорта и тем увеличивали число своих подданных.

Действительно, этою мерою они успели привлечь к себе многих. Причина тому весьма понятна. Все турецкие христианские райи, страдая под страшным гнетом несправедливостей и тирании, находясь в самом жалком, отчаянном положении, все более или менее нищие и голые (за исключением торговцев, населяющих города), не находят справедливого и беспристрастного покровительства у властей своего правительства. Видя же, что австрийские подданные, поселившиеся в Боснии, а равно и

турецкие райи, принявшие подданство, пользуются надлежащею защитой, они с удовольствием принимают паспорта, зная, что только этим путем и средством они избавятся от заклятых своих врагов. В Боснии, я полагаю, что в настоящее время число австрийских подданных простирается до 120 тысяч.

Кроме того, австрийское правительство, имея в этом случае весьма действительную и мощную опору в католическом духовенстве сей страны (глава коего есть епископ Франкович, рагузиниц, назначенный особенным ходатайством Австрии), может легко в случае надобности рассчитывать, что все боснийские католики турецкие райи, все без исключения подадут голоса свои в ее пользу.

При таковых обстоятельствах, с своей стороны, турецкое правительство предприняло меру противодействия, назвав перепись всем австрийским и турецким получившим паспорта подданным, но безуспешно, ибо по предписаниям из Константинополя велено было здешним властям приостановиться и оставить выполнение этой меры до другого раза, так как, вероятно, она не входила в расчеты Австрии, которая могла бы потерять более половины своих подданных, если бы назначенная комиссия серьезно занялась бы этим делом, весьма важным для Турции.

Императорское консульство не переставало и не будет переставать употреблять всевозможные усилия для внушения здешним оттоманским властям в необходимости хорошего управления, правосудия и облегчения участи христианского населения этой несчастной страны, для противодействия честолюбивым замыслам и проискам австрийского правительства.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Кудрявцев

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 897, л. 16—21. Автограф.

¹ Созванный в период образования политических партий Хорватский сабор 1861 г. принял решение об объединении всех хорватских земель. Одновременно было выдвинуто требование о присоединении к Хорватии части Боснии до реки Врбас (см.: Фрейдон В. М. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970).

² См. док. 200 и примеч. к нему.

239

Донесение В. В. Безобразова Е. П. Нозикову о недовольстве населения Герцеговины введением новой пошлины на табак

№ 48

5 (17) июля 1864 г. Мостар

Милостивый государь Евгений Петрович!

Вашему превосходительству известно, что турецкое правительство установило в 1861 г. новую пошлину на табак во всей Турецкой империи, и мера эта, обнародованная и введенная в Герцеговине с 1862 г., в настоящее время породила в некоторых из здешних окружий сильные волнения, которые, по общему нашему мнению, если не будут пресечены вначале, могут иметь весьма серьезные последствия и неминуемо повлекут окончательное разорение поселян.

Смутное положение страны и военные действия в 1862 г., с одной стороны, неспособность и неблагонамеренность чиновников турецких, с другой, были главными причинами, почему в Герцеговине с самого начала приведение в исполнение нового положения, весьма важного для мест-

ностей, где главную отрасль земледелия составляет возделывание табака, не только не достигло своей цели, но, напротив, запутало только еще более и без того уже далеко незавидное положение Герцеговины.

В начале подать на табак разделялась на 3 класса, сообразно качеству табака, и равнялась 6, 12 и 24-м пиастрам на оку. Подать эта падала не на производителя, но на покупателя, и для взимания ее придуман следующий способ. Всякий производитель, обыкновенно поселянин, объявляет особому чиновнику о количестве находящегося у него табаку; чиновник, по надлежащей проверке, исключив до конкуренции 500 ок — 20 ок, а свыше 500 ок — 70 ок для личного потребления производителя, выдает ему на остальное количество свидетельство на продажу с означением различных сортов товара. При продаже продавец должен означать в выданном ему свидетельстве или объявлять о том местному начальству, кому и сколько именно продано им табаку; по этому свидетельству отбираемыми чрез известное время таможенными чиновниками собираются с покупателей следующие пошлины. В настоящем году в этой системе уничтожено подразделение пошлины на классы и установлен один общий тариф — 12 пиастров на оку.

Вашему превосходительству благоугодно будет убедиться, как многосложна и запутана эта система и какие затруднения представляет применение оной к делу, тем более при всеобщей безграмотности жителей и неспособности, самопроизволу и лихоимству чиновников.

Как я уже имел честь упомянуть с самого начала, новое положение не было, да и не могло быть приведено в исполнение, и потому сборы пошлин производились без всякого порядка и отчетности, чему много способствовали и частые перемены таможенных чиновников. И вследствие этого накопились значительные недоимки. В Требиньском, Столацком, Любинском и Дуванском округах недоимка эта достигает за 1862—63-й годы огромной цифры 130 тыс. пиастров. Ныне вследствие нового распоряжения Киани-паша приступлено к сбору этих недоимок, и кажется всего сообразнее с смыслом закона было бы требовать уплаты недоимки с покупателей, а не с производителей, которым объявлено было то, что они ничего не должны платить. Тем не менее всю недоимку требуют с поселян. Напрасно ссылаются они на объявления, сделанные им, напрасно объявляют, кому продавали табак, и в том числе таможенным чиновникам, как например, Мехмед бегу Ченгичу — покупатели отрицаются, и несчастных поселян, в большем количестве христиан, сажают в тюрьмы и требуют с них безразлично по 12 пиастров на оку, вопреки правилу «закон обратного действия иметь не может».

В Требине посадили главарей в тюрьму и нескольких даже прислали в Мостар; в Столце Шевки-эфенди, новый таможенный, посадил до 20 христиан в тюрьму, требуя немедленной уплаты всей недоимки и затем около 40 из них прислав сюда под караулом.

Получая жалобы отовсюду, я счел нужным переговорить об этом деле с губернатором, который на первый раз опровергнул все сообщенное мне, уверяя, что ему неизвестно ни о каких арестах в Требине или Столце, и вообще старался придать незначительный характер всему этому делу. В том же смысле ответил он и г. Дозону, француз[скому] вице-консулу. Но когда мы лично могли убедиться в несправедливости слов Джавид-пашы, когда мы видели сами приведенных сюда христиан, когда я узнал все вышеизложенное из самых достоверных источников, то я нашелся вынужденным третьего дня объясниться серьезнее с пашою. На мои положительные доказательства факта Джавид-паша не имел ничего ответить и, наконец, сознался, что действительно несколько человек было посажено в тюрьму по требованию таможенного чиновника, что он сам

находит несправедливым взыскание недоимок с поселян и писал уже об этом в Константинополь, но еще не получил ответа. На замечание мое, что мне кажется странным и несправедливым, что они держат в Столце и здесь значительное количество людей в самое рабочее время, когда селянину дорог каждый час, паша обещал мне подумать и действительно в тот же вечер отпустил приведенных сюда людей, за исключением троих, которые должны отправиться сегодня или завтра.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

В. Безобразов

Помета Д. Богуславского: Говорил Аали-паше, он обещал разузнать, в чем дело, прибавив, что никакой закон не должен иметь обратного действия. Д. Б. АВВР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2129, л. 33—34. Автограф.

240

Донесение В. В. Безобразова российскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву о намерении Л. Вукаловича поднять восстание в Герцеговине

№ 61

22 июля 1864 г.

Спешу представить на благоусмотрение вашего превосходительства, что, по полученным мною 3 дня тому назад сведениям, Лука Вукалович намерен, кажется, снова взяться за оружие и старается склонить к тому же и других главарей.

Двоюродный брат бывшего воеводы Вуйош и племянник его Трифко Вукаловичи прибыли сюда 3 дня тому назад с извещением об этом намерении Луки Вукаловича. Сообщив об этом местным властям, они явились и ко мне и передали мне следующее: «Турецкое правительство дало приказание увеличить построенную в Грабе (в пределе Зубцев) таможню и снабдить ее отрядом войск. Узнав об этом 12 (26)-го текущего, Лука Вукалович вздумал сопротивляться распоряжениям Порты и сделал воззвание к восставшим и прежде окружиям, побуждал их к поднятию оружия против султана и обнадеживая их различными ложными уверениями в помощи европейских держав. Вуйош Вукалович, состоящий на службе турецкой как начальник пандуров зубачких, воспротивился этому и удалился в Требинье, куда последовал за ним и Трифко Вукалович, которому будто бы поручено было Лукою убить Вуйоша. Из Требиньи они посланы сюда каймакамом».

Сведения эти тем более обратили мое внимание, что, во-первых, они доставлены самыми близкими родственниками Вукаловича, а, во-вторых, потому, что достоверность их подтверждается внезапным движением войск, собранных здесь с различных окружий для работы на шоссе. Так, 17 (29)-го отправлены отсюда 4 роты батальона, расположенного в Требинье, и на другой день 4 роты батальона в Столце. Сегодня выступил 1-й стрелковый батальон гвардии в Дугу, куда вчера направлен 1-й стрелковый батальон константинопольского корпуса. Все это заставило меня обратиться за объяснениями к Джавид-паше, но, к сожалению, вследствие ли непонятной для нас скрытности или вследствие нежелания сообщать нам что-либо, как это постоянно заметно в сношениях с нами губернатора, я ничего не мог узнать от него положительного. Он ограничился ответом, что ему ничего не известно официально, хотя он и слышал что-то в этом смысле от пришедших сюда людей из Зубцев. Когда же я, заметив ему всю

странность его постоянной скрытности, спросил, что побудило их к такому поспешному отправлению отсюда войск, Джавид-паша отвечал мне уклончиво, что это не зависит от него, но от военного начальства. Таким образом, не получив никакого ответа, я оставил пашу, убедившись еще раз в его лицемерии и постоянной лжи.

Г. Дозон, которому я сообщил о полученном мною известии, говорил по этому поводу с Омер Февзи-пашею, который, хотя также скрытен, но дал понять, что действительно полученные нами сведения не лишены основания, и повидимому обвинял в них требиньского каймакама, породившего их своею медлительностью.

По словам родственников, Вукалович, бывший воевода, решился взволновать Герцеговину собственно с тою целью, чтобы, пользуясь волнением, безнаказанно производить поборы с христиан в свою пользу и таким образом иметь средства к существованию. Он уже съезж дома Вуйоша и Трифко и завладел их стадами при помощи нескольких преданных ему ускоков. Кроме того, и что придаст характер еще большей вероятности всему этому, Ристо Ейч, хотевший поднять Боснию в 1860 г., содержавшийся потом в Сараевской тюрьме, бежавший при следовании в ссылку из Анатолии в Россию, снова пробрался сюда и имел двухдневное свидание с Вукаловичем. На этом свидании решено, чтобы Вукалович поднял Герцеговину, тогда как Ристо Ейч, отправившийся через Васоевичи в Сербию, взялся взволновать Сербию и Боснию. С Ристо Ейчем, судя по описанию, мне доставленному, находится и Миле Иванович — старый его сподвижник в Боснии. Подобное ничем не оправдываемое решение Вукаловича может повергнуть страну в величайшую опасность и послужит только к совершенному и безвозвратному разорению наших единоверцев. Турецкие власти ожидают первого выстрела со стороны Вукаловича, и нет сомнений, что будут преследовать его до последней крайности.

Я, со своей стороны, употребил все зависящее от меня средства, чтобы удержать христиан в спокойствии, которое для них представляет единственное средство к возможному исправлению претерпенных ими доселе бедствий.

АВВР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2129, л. 38—39. Копия.

241

Донесение российского генерального консула в Белграде Н. П. Шишкина Н. П. Игнатьеву о переговорах секретаря Л. Вукаловича М. Любича и С. Перовича с сербским правительством относительно помощи в организации восстания в Герцеговине

№ 320

25 июля 1864 г. Белград

Милостивый государь Николай Павлович!

Шифрованным донесением моим от 21-го прошедшего мая, № 199, я имел честь довести до сведения вашего превосходительства о прибытии сюда Любича, секретаря Вукаловича, о происках его получить вспомоществование и содействие сербского правительства, остановленных объяснениями секретаря консульства нашего в Мостаре, и, наконец, о решении председателя Совета министров * отложить всякие дальнейшие по этому делу переговоры до прибытия сюда архимандрита монастыря Житомислича о. Серафима.

* И. Гарашанин.

С того времени г. Гарашанин получил через Любибратича несколько писем от Луки Вукаловича, которыми он старался убедить его в необходимости оказания герцеговлянам материальной помощи деньгами и оружием и склонить его довериться вполне своему секретарю. Последний, с своей стороны, видя нерешимость сербского министра дать положительный ответ, подавал ему несколько протестов и жалоб на свое положение.

Немедленно по прибытии сюда 4 дня тому назад архимандрита Серафима я представил его г. Гарашанину, и он вполне подтвердил ему сведения, доставленные императорскому министерству о деятельности за последнее время Вукаловича, но вместе с тем признавая временное увлечение герцеговинского воеводы и его поверенного в Белграде, о. Серафим отдавал справедливость их патриотизму и не отвергал возможности поставить их снова на настоящую дорогу.

Это побудило министра-председателя свести у себя Любибратича и Серафима, дабы иметь возможность согласовать их для взаимного содействия на будущее время.

Как Любибратич, так и архимандрит Серафим отдавали справедливость предшествовавшим заслугам Луки Вукаловича, влиянию, которым он и до сего времени не переставал бы пользоваться между народом, если бы он не увлекся личным честолюбием, стремлением к неограниченному преобладанию над прочими поглаварями Герцеговины, личной его суровости и непреклонности и, наконец, оба согласились в необходимости не оставлять его без всякой помощи и достигнуть над ним такого влияния, которому бы он вполне подчинился и которое на будущее время руководило бы всеми его предприятиями в народном деле.

Поэтому решено было действовать в таком смысле на Луку Вукаловича, и г. Гарашанин объявил, что только тогда, когда воевода войдет в полное и откровенное соглашение с сербским правительством и решится вполне подчиниться руководству оного, он может надеяться на материальное содействие деньгами и оружием, которыми оно не может и не хочет жертвовать наудачу и без ручательства в успехе предпринимаемого дела.

Для достижения такого результата министр-председатель уведомил поверенного своего в Рагузе¹, через которого он находится в непосредственных сношениях с Вукаловичем, о состоявшемся решении, то же самое сделали Любибратич и архимандрит Серафим, прибавив, каждый с своей стороны, о возможности достигнуть желаемой цели только при единодушном и согласном действии. Меня же просили объявить Вукаловичу через посредство консула нашего в Мостаре, что всякое предприятие его, задуманное без согласия Сербии, не встретит в правительстве ее никакого сочувствия и не вызовет никакого содействия до тех пор, пока он не подчинится вполне ее указаниям, что и было мною исполнено в ответ на телеграмму г. Безобразова, извещавшую о приготовлениях Луки к новому восстанию.

Что же касается до этих приготовлений, то, по сведениям, доставленным мне вчера прибывшим из Герцеговины священником, они вызваны были враждебными действиями турок против христиан и покушениями турецких властей убить Вукаловича, но едва ли обнаружатся какими-либо действиями, потому что, кроме зубчан, влияние воеводы на прочие округа весьма ослабло и ему почти невозможно будет при его ничтожных средствах вызвать их принять участие в новой борьбе против своих угнетателей.

Донося об этом вашему превосходительству, долгом считаю присовокупить, что обо всем этом поставляю в известность и консула нашего в Мостаре.

С глубоким почтением и неизменной преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

Н. Шишкин

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 250, л. 146—148. Автограф.

¹ Точно не известно, кто был сербским агентом в Дубровнике в 1864 г. Возможно им были Михайло Любибратич и священник Никифор Дучич. Одно время роль агента исполнял писатель П. Николич, а позднее — сотрудник Любибратича Коста Грунич (см.: *Stranjaković D. Srbija—Pijemont Južnih Slovena*. Beograd, 1932). Сербские тайные организации на османской территории были созданы после 1849 г. Они были распущены в 1853 г. ввиду опасности австрийской интервенции, но снова возникли в 1858 г. и существовали до 1874 г. Главным центром организаций был Белград, вторым по значению центром (так называемой «Южной области») являлся Дубровник. Писатель Матия Баи был одним из ведущих деятелей этих тайных организаций в Белграде. Как католик и дубровчанин он поддерживал тесные связи со вторым центром.

242

Предписание МИД России К. Д. Петковичу о принятии мер к предотвращению нового антитурецкого восстания в Герцеговине

1 августа 1864 г.

До министерства дошли сведения о приготовлениях Вукаловича к новому восстанию против турок¹ и даже о происшедшей будто бы стычке между черногорцами и турками близ Колашина.

Вам хорошо известно, насколько была бы гибельна как для черногорцев, так и для жителей Герцеговины война с турками в настоящее время, могущая окончиться лишь новыми и неизгладимыми для них бедствиями. Они не могут ожидать помощи с какой-либо стороны, и само сербское правительство слишком хорошо понимает безрассудство подобных попыток, чтоб допустить вовлечь себя к участию в них, которое могло бы иметь вредное влияние на его собственное благосостояние и будущее.

Вследствие сего министерство поручает вам употребить все усилия к отклонению Вукаловича и князя Николая от начатия неприязненных действий; если же бы, к несчастью, слух о происшедшем уже столкновении оправдался, то вы можете содействовать тому, чтобы это столкновение не повело к началу войны и чтобы своевременным благоразумием Черногория отклонила от себя угрожающие ей бедствия.

Министерство надеется, что ваша деятельность и знание края помогут вам предохранить наших единоверцев от новых испытаний.

Революция Александра II: Быть по сему. В Ропше, 1 августа 1864 г.

АВПР, ф. ГА I-1, д. 40, л. 84—85. Отпуск.

¹ См. док. 240 и 241.

243

Донесение А. И. Иванова Н. П. Игнатьеву о наборе в Боснии регулярного войска

№ 116

15 августа 1864 г. Сараево

Милостивый государь Николай Павлович!

В одном из моих донесений я уже имел честь доводить до сведения вашего превосходительства о предполагавшемся в Боснии рекрутском на-

боре для составления собственно турецко-боснийского войска ¹. Для того, чтобы приготовить здешних бегов к этой мере, Дживед-эфендию, комиссару Порты, предписано было всячески действовать на них и созвать в заключение общий меджлис для обсуждения дела о сборе и вооружении солдат. Поручение это исполнено было комиссаром Порты с полным успехом, так что когда несколько дней тому назад султанский фирман, привезенный Салих-пашою из Константинополя, был торжественно прочитан на площади, число представившихся волонтеров было немедленно более 100 человек. На другой день их было уже более 400. Всего предполагается набрать в Боснии от 3000 до 4000 человек, которые будут распределены в трех местностях: Сараеве, Травнике и, вероятно, Баялуке. Вооружение и одежда этих волонтеров, как равно и содержание их (30 пиастров в месяц) ничем не будет отличаться от одежды и содержания солдат регулярного войска, к которому причисляются и новобранные милиционеры. Служба же их предназначается только в Боснии для защиты страны ². С истинным почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Иванов

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 807, л. 45 и об. Автограф.

¹ После роспуска янычар в 1826 г. в Боснии и Герцеговине не было регулярных турецких частей. Только после назначения на должность боснийского вали Топала Осман-пашы (1861) и командирования в Боснию чрезвычайного комиссара Порты Дживед-пашы были организованы рекрутские наборы в самой Боснии и в некоторых областях восточной Герцеговины; были созданы также отряды «военных границар» («колонии милитер») (см.: Kreševljaković N. Dževdet-pašina pisma o Bosni iz 1864 godine. Novi Behar, 1932; Aitić A. Uredjenje bosanskog ejaleta od 1789 do 1878 godine. Sarajevo, 1983).

² См. док. 234.

244

Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о попытке турецких властей захватить его и членов его семьи

19 сентября (1 октября) 1864 г. Белая гора

[Печать] Високоблагородни господине!

Пре 15 дана примио сам по мом момку 15 (петнаест) дукати, на ком дару пуно вам благодарим, јер ми је баш у овој планин добро дошао. Као и со-лјет да когву не замећем ни по један начин, ја ни данас не бих јој повода дао је сами Турци нијесу изазвали гонеће ме из куће са своим фамиљом и нападајући на мене у планинама. Пошто Турци изазову бој, и ја окупим неколико вјерни момака док им враћам знао за срамоту, и у тому ми по-гине један мом[ак], а од Турака не знам је ли кој. Немојте вјеровати ако вам ко каже да сам је од лудости или из помажности кућу моју оставио, не, божја ти вјера: да прије нијесам измакао били би ме са свои срамољом заробили Турци ¹.

Да сам вам препоручен. Примите искрени и благодарности пуни по-здрав од нашег

Луке Вукаловића, војводе

У Бијелој гори у другу субботу по новој господи 1864

АВПР, ф. ГА V-A₂, д. 726, л. 165. Подлинник. Личная печать Л. Вукаловича.

¹ Позднее, в конце 1864 г., Омер-паша в письме к князю Николаю потребовал вы-сылки из Черногории семьи Л. Вукаловича и выдачи его самого турецким властям за-одно с П. Ковачевичем (см.: Омер-паша-князю Николаю от 15 декабря 1864 г. — АВПР, ф. СПб ГА V-A₂, д. 727, л. 61 и об.).

Приложения

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ФОНДОВ

Архив внешней политики России (АВПР)

ф. СПб. Главный архив (ГА)

ф. Канцелярия

ф. Отчеты МИД

ф. Посольство в Константинополе

ф. Славянский стол

Центральный государственный исторический архив СССР

(ЦГИА СССР)

ф. 733 — Департамент народного просвещения

ф. 796 — Канцелярия Синода

ф. 797 — Канцелярия обер-прокурора Синода

Архив Боснии и Герцеговины — Arhiv Bosne i Hercegovine (ABH)

Generale Konsulate (GK)

Вилайетский архив в Сараеве — Orientalni institut, Sarajevo — Vilajetski arhiv (OIS, VA)

Государственный архив в Вене — Haus, Hof und Staatsarchiv, Wien (HHSa, Wien)

Konsulate

Politisches Archiv, Generale Konsulate (PA GK)

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1850 г.	
1. 16 (28) октября. — Письмо настоятеля русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевского обер-прокурору Синода Н. А. Протасову о просьбе представителей населения Герцеговины открыть российские консульства в Сараеве и Мостаре и оказать помощь православным церквям	11
1852 г.	
2. 14 (26) марта. — Донесение российского посланника в Константинополе А. П. Озерова государственному канцлеру К. В. Нессельроде со сведениями о преследовании христиан в Боснии	13
1853 г.	
3. 25 марта. — Требования христианского населения Боснии и Герцеговины об улучшении политического и экономического положения, направленные Порте	17
1854 г.	
4. 17 декабря. — Обращение представителей православного населения Боснии и Герцеговины к Николаю I с просьбой о защите от притеснений турецких властей и греческого духовенства	19
1856 г.	
5. Не позднее 18 января. — Записка российского консула в Дубровнике К. Д. Петковича со сведениями о населении Боснии и политике турецкой администрации	24
6. 30 октября. — Обращение населения Казарацкой нахии к Александру II с просьбой о защите от произвола турецких властей и об организации европейской комиссии по делам Боснии	28
1857 г.	
7. 23 февраля. — Доклад министра иностранных дел А. М. Горчакова Александру II о выделении денежной суммы в помощь нуждающемуся православному населению Боснии и Албании	31
8. 5 марта. — Денежная А. М. Горчакова российскому послу в Париже П. Д. Киселеву о необходимости выработки кабинетами великих держав мер к проведению в жизнь хатт-и хумаюна 1856 г.	32
9. 14 апреля. — Прошение представителей католического населения Биельской нахии австрийскому генеральному консулу в Сараеве Ф. Зоретичу о защите от непомерных налогов и произвола откупщиков	34
10. 8 мая. — Прошение представителей христианского населения северо-восточной Боснии султану Абдул-Меджиду о пресечении незаконных поборов со стороны землевладельцев и откупщиков	36
11. 17 (29) мая. — Письмо российского консула в Сараеве А. Ф. Гильфердинга директору Азиатского департамента МИД России Е. П. Ковалевскому о поездке по Герцеговине и стремлении турецких властей не допустить его общения с населением	39
12. 31 мая. — Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому с характеристикой внутрисполитического положения Герцеговины и о целесообразности учреждения российского консульства в Мостаре	41
13. 3 июня. — Донесение Ф. Зоретича министру иностранных дел Австрии	

К. Буолю-Шауенштейну о просьбе христиан Биельской нахии ходатайствовать перед Портой об уменьшении налогов	45
14. 14 (26) июня. — Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому с характеристикой деятельности турецкой администрации в Боснии	46
15. 16 (28) июня. — Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому со сведениями о положении христианского населения Сараева и состоянии торговли	49
16. 17 (29) июня. — Донесение А. Ф. Гильфердинга российскому посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу с просьбой выделить из фондов константинопольской миссии богослужебные книги для церквей и монастырей Боснии и Герцеговины	54
17. 22 июня. — Отношение управляющего МИД России И. С. Мальцова обер-прокурору Синода А. П. Толстому с просьбой поддержать ходатайство российского консула в Сараеве о помощи школам Боснии и Герцеговины учебными и богослужебными книгами	55
18. 3 (15) июля. — Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу с характеристикой аграрных отношений и налоговой системы в Боснии	55
19. Не позднее 8 июля. — Донесение австрийского вице-консула в Мостаре И. Дубравича австрийскому послу в Константинополе И. Прокешу фон Остену о налоговой системе и тяжелом положении христианского населения Герцеговины	66
20. 15 (27) июля. — Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому о деятельности российского консульства в Сараеве в защиту христианского населения от притеснений турецкой администрации и откупщиков	75
21. 12 (24) августа. — Донесение секретаря российского консульства в Сараеве А. С. Юнина Е. П. Ковалевскому о своих действиях по урегулированию конфликта между населением Мостарского округа и турецкой администрацией	77
22. 28 августа (9 сентября). — Денежная А. П. Бутенева Е. П. Ковалевскому о намерении обратиться к Порте в связи с тяжелым положением христианского населения в Боснии	78
23. 21 сентября. — Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому об усилении волнений христианского населения Тузлинского округа в связи с высоким налогообложением	79
24. 6 октября. — Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому о преследовании турецкими властями православного населения Герцеговины по подозрению в связях с Черногорией	81
25. 7 октября. — Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому о желании молодых людей из Боснии и Герцеговины получить образование в России и о предложениях консульства в связи с этим	83
26. 25 октября. — Отношение И. С. Мальцова А. П. Толстому о выделении денежных средств Успенскому монастырю в Пиве	85
27. 26 октября. — Предписание МИД России А. П. Бутеневу о представлении константинопольскому патриарху в связи с злоупотреблениями греческого духовенства в Герцеговине	85
28. 6 ноября. — Отношение МИД России А. П. Бутеневу о поручении российскому консулу в Сараеве выполнения консульских обязанностей в отношении православного населения Герцеговины	87
29. 8 ноября. — Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому о privilegiрованном положении православного купечества в Боснии и его связях с турецкой администрацией	87
30. 10 ноября. — Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому об ожидаемом приезде в Боснию чрезвычайного комиссара Порты Азиз-паши для расследования причин крестьянских волнений в Посавине	90
31. 10 ноября. — Донесение А. Ф. Гильфердинга Е. П. Ковалевскому с ходатайством о назначении мостарскому православному училищу ежегодной денежной субсидии	91
32. 26 ноября. — Донесение австрийского генерального консула в Сараеве Э. Рёслера К. Буолю-Шауенштейну о требовании герцеговинского епископа Р. Баринича уменьшить налоги, взимаемые с католического населения Герцеговины	92
33. 2 декабря. — Отношение товарища министра иностранных дел И. М. Толстого А. П. Толстому о просьбе мостарского монаха П. Чокорицы разрешить ему сбор пожертвований в России в пользу православных церквей и монастырей Герцеговины	95
34. 3 декабря. — Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу об отказе населения Посавины от уплаты третины и о репрессиях турецких землевладельцев	96

35. 7 декабря. — Прощение герцеговинского митрополита Григория и мостарской православной общины А. Ф. Гильфердингу об оказании помощи в создании православного духовного училища в Мостаре. 97
36. 16 декабря. — Письмо герцеговинских старейшин митрополиту Григорию в связи с нападением турок на собрание старейшин в Требинье. 98
37. 16 декабря. — Донесение Э. Рёслера К. Буолю-Шауенштейну о волнениях в Посавине. 99
38. 17 декабря. — Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу о вооруженном конфликте в Дробняках и волнениях в Требинье. 103
39. 31 декабря (12 января 1858 г.). — Донесение К. Д. Петковича Е. П. Ковалевскому о восстании в Герцеговине и о намерении Австрии использовать его в своих целях. 104

1858 г.

40. Не ранее 1 января. — Из отчета А. М. Горчакова по Азиатскому департаменту о причинах восстания христианского населения в Боснии и Герцеговине. 105
41. 1 января. — Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о расширении восстания в Герцеговине и о помощи Австрии повстанцам. 107
42. 2 января. — Донесение И. Дубравича К. Буолю-Шауенштейну о безуспешности переговоров архимандрита И. Памучины с вождями герцеговинских повстанцев и о вооружении мусульман. 108
43. 13 января. — Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу о приезде в Сараево Азиз-паши для расследования жалоб населения Посавины и о стремлении Австрии усилить свое влияние в северо-восточной Боснии. 112
44. 17 января. — Донесение И. Дубравича К. Буолю-Шауенштейну о выводе черногорских отрядов из Герцеговины и о своих представлениях турецким властям в защиту христианского населения. 113
45. 19 января. — Донесение А. С. Ионина Е. П. Ковалевскому о направлении турецких войск в Требиньский округ и о готовности христиан Шумы восстать. 117
46. 19 января. — Донесение А. С. Ионина А. Ф. Гильфердингу об установлении контактов с митрополитом Григорием и о подготовке создания духовного отделения в мостарской православной школе. 118
47. 20 января. — Донесение боснийского генерал-губернатора Мехмед Решид-паши о посылке войск из Травникского санджака на подавление восстания в Герцеговине. 119
48. 20 января (1 февраля). — Донесение К. Д. Петковича А. П. Бутеневу о беседе с делегатом герцеговинских повстанцев М. Любичичем о намерении направить депутатов к представителям держав в Вене. 120
49. 21 января. — Донесение А. С. Ионина Е. П. Ковалевскому об интригах английских агентов в среде восставших герцеговинцев. 121
50. 21 января. — Донесение Э. Рёслера И. Прохену фон Остену о безосновательности попыток турецких властей объяснить причины восстания в Герцеговине внешним вмешательством. 124
51. 28 января. — Дешеш А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу о требованиях дробняков предоставить им внутреннюю автономию и удалить турецкие власти. 126
52. 31 января. — Телеграмма А. М. Горчакова А. П. Бутеневу с предписанием требовать от Порты предотвращения репрессий в Герцеговине. 127
53. 1 февраля. — Донесение А. С. Ионина Е. П. Ковалевскому о расширении восстания в Герцеговине и о присоединении к нему католического населения. 128
54. 2 февраля. — Донесение И. Дубравича К. Буолю-Шауенштейну о направлении турецких войск в Требинье и о своих действиях в защиту христианского населения Герцеговины. 129
55. 3 февраля. — Письмо из Винковца с текстом письма депутатов повстанцев Посавины о требованиях решения поземельных и налоговых вопросов. 131
56. 3 февраля. — Письмо руководителей герцеговинских повстанцев К. Д. Петковичу о причинах восстания и требованиях восставших. 132
57. 4 февраля. — Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу об условиях проезда четырех сараевских уроженцев в Россию для обучения в русских учебных заведениях. 134
58. 9 февраля. — Обращение посавинских депутатов в Вене к Александру II с просьбой выступить перед Портой в защиту боснийского народа. 135
59. 9 (21) февраля. — Донесение К. Д. Петковича Е. П. Ковалевскому о попытках Австрии посредничать в переговорах между герцеговинскими повстанцами и турецкими властями. 136
60. 14 февраля. — Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу об увеличе-

- нии в Боснии налета на свиней и о росте недовольства христианского населения. 138
61. 15 февраля. — Письмо жителей Црнолева о намерении принести жалобу тузлинскому паше на действия откупщиков. 141
62. 22 февраля. — Записка А. Ф. Гильфердинга российскому консулу в Сараево Е. Р. Щуленникову о задачах и условиях деятельности консульства. 141
63. 23 февраля (7 марта). — Донесение российского посла в Вене А. Ф. Будберга А. М. Горчакову о пребывании в Вене посавинских депутатов и о своей встрече с ними. 146
64. 26 февраля. — Донесение Е. Р. Щуленникова А. П. Бутеневу с рекомендацией боснийского депутата Г. Вучковича, избранного представителем православного населения на конференцию по делам церкви в Константнополь. 148
65. 10 марта. — Донесение Э. Рёслера К. Буолю-Шауенштейну об изменении порядка сбора третины в Посавине. 149
66. 20 марта. — Донесение А. Ф. Гильфердинга А. П. Бутеневу о положении в Герцеговине и необходимости учреждения российского консульства в Мостаре. 155
67. 16 апреля. — Обращение комиссара Порты Киаи-паши к христианскому населению Герцеговины с призывом подчиниться властям. 159
68. 21 апреля. — Предписание канцелярии Боснийского вилайета окружным властям огласить распоряжения турецкой администрации на сербском языке. 161
69. 25 апреля. — Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о безуспешной попытке комиссаров Порты установить спокойствие в южной Герцеговине. 162
70. 27 апреля. — Донесение А. С. Ионина Е. Р. Щуленникову о продвижении турецких войск к Грахову и о намерении кореничей и зубчан сложить оружие. 164
71. 29 апреля. — Записка Г. Вучковича А. П. Бутеневу о бесправии боснийских христиан и злоупотреблениях откупщиков и турецкой администрации. 165
72. 3 мая. — Донесение И. Дубравича К. Буолю-Шауенштейну о нежелании герцеговинских повстанцев сложить оружие на условиях, предложенных комиссарами Порты, и о подготовке турецких войск к выступлению против Ч. рвгории. 167
73. 13 мая. — Донесение Е. Р. Щуленникова А. П. Бутеневу о продолжающихся налоговых притеснениях крестьян в Посавине и об усилении турецких войск в Герцеговине. 170
74. 25 мая. — Донесение А. С. Ионина Е. Р. Щуленникову о позиции Австрии в отношении восстания в Герцеговине. 171
75. Не позднее 2 (14) июня. — Прощение повстанцев Дробняков, Пивы и Шаранцев К. Д. Петковичу о защите от притеснений турецких властей. 172
76. 4 июня. — Телеграмма А. М. Горчакова А. П. Бутеневу о совместном демарше России и Франции перед Портой в защиту христианского населения Герцеговины. 173
77. 14 июня. — Донесение И. Дубравича К. Буолю-Шауенштейну о действиях турецких властей в Герцеговине и приезде в Требинье Азиз-паши. 174
78. 14 июня. — Письмо требиньского викария В. Ковальковича Маслача И. Дубравичу с просьбой содействовать освобождению из тюрьмы Т. Пашана, несправедливо обвиненного в убийстве турецкого солдата. 178
79. 17 июня. — Донесение Е. Р. Щуленникова А. П. Бутеневу о начале восстания в Боснийской Крайне и его причинах. 180
80. 20 июня. — Отношение Е. П. Ковалевского А. П. Толстому с просьбой о денежной помощи сараевской женской школе. 181
81. 30 июня. — Обращение боснийских беженцев в Австрии к российскому консулу в Београде М. Р. Милошевичу с просьбой о защите и покровительстве России. 181
82. Не позднее 30 июня. — Записка, составленная со слов посавинского депутата И. Ковича о пребывании посавинской депутации в Вене и об отказе депутатов принять австрийское подданство. 183
83. 30 июня. — Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о возвращении посавинской депутации из Вены в Сараево и о встрече с И. Ковичем. 185
84. 30 июня. — Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о роли Австрии в подготовке восстания в Боснийской Крайне. 186
85. 1 июля. — Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о вооруженных столкновениях христиан и мусульман в Крайне и о вооружении мусульманского населения. 189
86. 12 июля. — Донесение Е. Р. Щуленникова А. П. Бутеневу о данном им руководителям герцеговинских повстанцев совете не возобновлять восстание в связи с событиями в Боснии. 190

87—88. 15 июля. — Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о злоупотреблениях при взимании третины в Посавине и об ослаблении восстания в Боснийской Крайне	191
89. 27 июля. — Донесение М. Р. Милошевича Е. П. Ковалевскому о роли Австрии в возбуждении восстания в Боснии и о бедственном положении боснийских беженцев	193
90. 29 июля. — Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о продолжении восстания в Боснийской Крайне и о вооружении мусульманского населения в Посавине	195
91. 3 августа. — Обращение представителей православного населения Боснийской Крайны к Александру II с просьбой о помощи и защите от преследований турецких и австрийских властей	196
92. 19 августа. — Донесение Е. Р. Щулепникова А. П. Бутеневу о насильственном взимании третины в Посавине и о необходимости принятия мер для возвращения женщин-христианок, захваченных турками в Боснийской Крайне	197
93. 20 августа. — Обращение боснийцев С. Аврамовича, П. Майсторовича и К. Несторовича к Александру II с просьбой о помощи боснийскому народу и о предоставлении оружия из выделенного Сербии	198
94. 8 сентября. — Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу о недовольстве населения Боснии усилением налогообложения	200
95. 8 сентября. — Донесение А. С. Ионина А. П. Бутеневу об отправке молодых людей из Боснии и Герцеговины в Россию для обучения в Одесской семинарии и Лазаревском институте восточных языков	201
96. 8 (20) сентября. — Донесение К. Д. Петковича А. П. Бутеневу о бездействии комиссара Порты Кемаль-эфенди в удовлетворении требований герцеговинцев и об обращении их к российскому и французскому консулам с просьбой о защите	202
97. 16 сентября. — Донесение А. П. Бутенева А. М. Горчакову о приезде в Константинополь боснийского депутата Р. Ейча и выдаче ему паспорта для проезда в Одессу	203
98. 1 октября. — Доклад А. М. Горчакова Александру II о выделении 10 тыс. рублей в помощь православным жителям Боснии и Герцеговины	205
99. 10 октября. — Письмо жителей Брчанского кадилука шабачкому епископу с жалобой на незаконные поборы сараевского епископа Носифа	205
100. 21 октября. — Донесение Е. Р. Щулепникова А. П. Бутеневу о волнениях в Тузле в связи с отказом крестьян платить подати землевладельцам	206
101. 25 октября. — Донесение Е. Р. Щулепникова Е. П. Ковалевскому об открытии православного духовного училища в монастыре Житомирский и о назначении учителями его С. Перовича и Н. Дучича	207
102. 27 октября. — Донесение Е. Р. Щулепникова Е. П. Ковалевскому об открытии в Сараеве женской православной школы	208
103. 13 ноября. — Письмо настоятеля монастыря Дужи Е. Дучича и жителей Шумы К. Д. Петковичу с просьбой о защите от нападений турок	209
104. 24 ноября (6 декабря). — Донесение К. Д. Петковича А. П. Бутеневу о высылке Р. Ейча из Дубровника и аресте депутата от Зубцов	209
105. 14 декабря. — Донесение боснийского вали о трудностях в подвозе продовольствия турецкому гарнизону крепости Клобук, осажденному повстанцами	211

1859 г.

106. 20 января (1 февраля). — Донесение Е. Р. Щулепникова российскому посланнику в Константинополе А. Б. Лобанову-Ростовскому о недовольстве христианского и мусульманского населения Боснии действиями губернатора Кияи-паши и о волнениях в Герцеговине	212
107. 10 февраля. — Донесение Е. Р. Щулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о выборах депутатов в Константинополь от православного населения Боснии для решения вопроса о третины и о просьбе сараевских депутатов рекомендовать их российскому послу	214
108. 25 февраля. — Записка П. Чокорило А. П. Толстому о нуждах православных церквей Герцеговины	215
109. 2 марта. — Донесение Е. Р. Щулепникова Е. П. Ковалевскому об успешной работе сараевской женской школы	218
110. 10 (22) марта. — Донесение К. Д. Петковича российскому послу в Вене В. П. Балабину об участии в работе черногорской скупщины старейших герцеговинских областей	219

111. 17 (29) марта. — Донесение Е. Р. Щулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о проекте изменения порядка уплаты налогов в Боснии и Герцеговине и об опасениях населения Посавины в связи с отправкой участников восстания в Константинополь	220
112. 18 марта. — Отношение П. М. Толстого А. П. Толстому о возможности награждения сеницкого протоиерея Н. Поновича золотым крестом	222
113. 19 марта. — Донесение Е. Р. Щулепникова Е. П. Ковалевскому об успешной деятельности православного духовного училища в монастыре Житомирский	222
114. 22 марта (3 апреля). — Письмо драгомана австрийского консульства в Мостаре М. М. Елича А. Ф. Гильфердингу о положении в Боснии и Герцеговине	223
115. 18 мая. — Предписание А. М. Горчакова А. Б. Лобанову-Ростовскому добиваться от Порты улучшения положения христианских подданных Османской империи	227
116. 2 (14) июня. — Донесение Е. Р. Щулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому об отказе жителей Зубцов, Банян и Пивы сложить оружие и об усилении турецких войск в Герцеговине	228
117. 8 июня. — Обращение боснийских беженцев в Сербию к Александру II с просьбой о защите от беззаконий и произвола турецких властей	230
118. 19 июня (1 июля). — Донесение управляющего российским генеральным консульством в Белграде К. А. Соколова А. Б. Лобанову-Ростовскому о беседе с князем Милошем Обреновичем по поводу перехода в Сербию беженцев из Боснии	232
119. 21 июня (3 июля). — Донесение К. А. Соколова Е. П. Ковалевскому о встрече с представителями боснийских беженцев в Сербии и о возможности нового восстания в Боснии	233
120. 20 июля. — Донесение австрийского генерального консула в Сараеве К. Васьича министру иностранных дел Австрии И. Рексбергу об усилении влияния России в Боснии	234
121. 16 (28) августа. — Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину о необходимости назначения постоянного российского вице-консула в Мостар	239
122. 23 августа (4 сентября). — Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину о вынужденном согласии зубчан и банян сложить оружие	241
123. 7 (19) сентября. — Донесение Е. Р. Щулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о тяжелом финансовом положении Боснии и злоупотреблениях каймакама Ахмед-паши в Крайне	242
124. 26 ноября. — Расписка П. Майсторовича и Я. Живковича в получении от российского генерального консульства в Белграде денежных сумм для боснийских беженцев в Сербии	244
125. 1 (13) декабря. — Донесение Е. Р. Щулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому с характеристикой реформы, регулирующей аграрные отношения в Боснии	245
126. 20 декабря. — Донесение Е. Р. Щулепникова Е. П. Ковалевскому о просьбе православной общины Модрича предоставить модричской церкви богослужебные книги, облачения и утварь	247

1860 г.

127. 21 января. — Обращение беженцев Боснии, Старой Сербии и Болгарии к Александру II с просьбой об избавлении от османского гнета	247
128. 28 января. — Обращение боснийских беженцев в Сербии к М. Р. Милошевичу с просьбой о помощи России в облегчении положения боснийского народа	250
129. 2 февраля. — Прошение христиан Градацкой нахии австрийскому консульскому агенту в Тузле с жалобой на злоупотребления и произвол турецких властей и откупщиков	251
130. 9 марта. — Донесение Е. Р. Щулепникова Е. П. Ковалевскому о просьбе митрополита Дионисия оказать помощь в устройстве близ Сараева монастыря и духовной школы	255
131. 27 марта. — Донесение К. Васьича И. Рексбергу о подготовке к строительству укреплений в Новопазарском санджаке и о жалобе христиан Градацкой нахии на злоупотребления властей	256
132. 10 (22) апреля. — Отношение К. Д. Петковича российскому консулу в Мостаре В. В. Безобразову о просьбе зубчан содействовать улучшению их положения и выполнению обещаний турецких властей	259
133. 12 (24) апреля. — Донесение Е. Р. Щулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о разорении населения Крайны феодалами и чиновниками и о массовом переселении христиан в Австрию и Сербию	260

134.	23 апреля. — Письмо старшины мостарской православной общины и архимандрита И. Памучины Е. П. Ковалевскому с выражением благодарности за назначение консулом в Мостар В. В. Безобразова	262
135.	22 мая (3 июня). — Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о недовольстве населения действиями местных властей и о приезде в Мостар австрийского военного атташе Милошевича	263
136.	24 мая (5 июня). — Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину о планах Австрии по присоединению Герцеговины и Боснии	268
137.	Не позднее 2 июня. — Письмо боснийских беженцев из Брчанского, Тузланского и Градчанского округов М. Р. Милошевицу с благодарностью за помощь продовольствием	270
138.	7 (19) июня. — Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о репрессиях властей в Тузле и Баялуке и аресте Р. Ейча	271
139.	Не позднее 14 июня. — Обращение боснийских беженцев в Австрию к В. П. Балабину с изложением бедственного положения христиан в Боснии и Герцеговине и с просьбой о защите и покровительстве	273
140.	16 июня. — Донесение К. Васича И. Рехбергу со сведениями о положении населения и деятельности турецкой администрации в Боснии и Герцеговине	274
141.	Не позднее 16 июня. — Прошение католического населения Мостара, Любушки и Дувно К. Васичу о содействии уменьшению налогов	285
142.	19 июня. — Обращение герцеговинцев к константинопольскому патриарху с просьбой утвердить избранного ими на пост герцеговинского митрополита архимандрита И. Памучину	288
143.	26 июня (8 июля). — Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о раскрытии в Мостаре мусульманского заговора и о ходе восстания в Гацко	289
144.	21 августа (2 сентября). — Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину о репрессиях турок в южной Герцеговине	292
145.	21 августа. — Донесение И. Дубравича И. Рехбергу о волнениях в Гацко в связи с разграблением турками церкви	293
146.	Не позднее 7 (19) октября. — Прошение жителей Гацко В. В. Безобразову с сообщением о разорении турками церкви и расправах с населением	297
147.	25 октября (6 ноября). — Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому в связи с жалобой крестьян из окрестностей Сараева на нарушение обещания властей отменить налог на сливовицу	298
148.	8 (20) ноября. — Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о бедственном положении христианского населения Боснии	299
149.	20 ноября. — Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому об опасении османских властей по поводу высадки Дж. Гарибальди в Далмации	302

1861 г.

150.	Не ранее 1 января. — Из отчета МИД России о бедственном положении христианского населения в Боснии и Герцеговине и его выступлениях против властей	303
151.	4 (16) февраля. — Донесение К. Д. Петковича управляющему делами российского посольства в Вене К. В. Кноррингу о причинах появления Л. Вукаловича в Суторине	305
152.	5 (17) февраля. — Донесение К. Д. Петковича в Азиатский департамент о раздаче им пособий семьям христиан, пострадавших в Герцеговине от турок	306
153.	9 февраля. — Обращение боснийских депутатов И. Копча, Д. Джурджевича и Т. Криета-Синчеда к российскому генеральному консулу в Белграде А. Е. Влаицки с просьбой о защите против налогового гнета и репрессий турецких властей	306
154.	11 (23) февраля. — Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о расширении района волнений в Герцеговине и сосредоточении там турецких войск	308
155.	Не позднее 21 февраля (5 марта). — Записка Е. Р. Шулепникова со сведениями об экономическом состоянии Боснии, политике турецких властей и положении христианского населения	309
156.	4 (16) марта. — Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о прекращении наступления турецких войск против Зубцов и о посредничестве в этом черногорского князя	328

157.	5 (17) марта. — Донесение К. Д. Петковича Е. П. Ковалевскому о действиях представителя Порты в Герцеговине и прибытии комиссии для рассмотрения жалоб христиан	330
158.	7 (19) марта. — Донесение А. Б. Лобанова-Ростовского А. М. Горчакову об отказе Порты удовлетворить требование европейских держав относительно создания международной комиссии по делам Герцеговины	332
159.	3 апреля. — Письмо игумена монастыря Дуки Н. Дучича К. Д. Петковичу со сведениями о ходе восстания в Герцеговине	333
160.	25 апреля (7 мая). — Инструкция А. Б. Лобанова-Ростовского В. В. Безобразову о задачах его деятельности в комиссии европейских консулов по делам Герцеговины	335
161.	8 мая. — Доклад А. М. Горчакова Александру II о выделении денежных сумм для боснийских и болгарских беженцев в Сербию и для разоренного христианского населения Герцеговины	338
162.	2 (14) июня. — Обращение комиссии европейских консулов по делам Герцеговины к герцеговинским повстанцам в связи с началом переговоров их с комиссаром Порты Омер-пашой	338
163.	13 (25) июня. — Донесение К. Д. Петковича Е. П. Ковалевскому о попытках Омер-паши организовать посредничество Черногории в деле умиротворения Герцеговины	339
164.	18 июня. — Письмо Л. Вукаловича В. В. Безобразову с просьбой оказать помощь в переговорах с турецкими властями	343
165.	18 (30) июня. — Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину об отказе герцеговинской скупщины в Баянах принять условия Омер-паши	344
166.	19 июля. — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о несостоявшейся встрече с Омер-пашой и о безуспешности действий комиссии европейских консулов	345
167.	5 (17) августа. — Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о намерениях Омер-паши начать военные действия против герцеговинских повстанцев	346
168.	6 августа. — Протокол № 22 заседания комиссии консулов по делам Герцеговины о приостановлении своей деятельности	348
169.	8 августа. — Письмо В. В. Безобразова Л. Вукаловичу с советом начать переговоры с Омер-пашой об условиях прекращения сопротивления повстанцев	350
170.	11 августа. — Письмо Л. Вукаловича, И. Бачевича и Т. Митровича от имени населения Герцеговины Омер-паше с отказом приехать в Мостар для переговоров	350
171.	15 августа. — Письмо Н. Дучича Омер-паше о результатах поездки к повстанцам	352
172.	15 (27) августа. — Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о тяжелом экономическом положении Боснии и о бездействии сараевского митрополита Игнатия в защите интересов христиан	353
173.	18 октября. — Доклад А. М. Горчакова Александру II о выделении денежной суммы в помощь христианскому населению Мостара, пострадавшему от пожара	355
174.	Не позднее 19 октября. — Прошение високовской православной общины Е. Р. Шулепникову о подчинении високовской школы сараевскому женскому училищу и о присылке учителей	355
175.	22 октября (3 ноября). — Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о безуспешности попыток французского консула в Мостаре Эжара возобновить деятельность комиссии европейских консулов по делам Герцеговины и о сражениях повстанцев с турецкими войсками	356
176.	28 октября. — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о сражениях повстанцев с турецкими войсками в Требиньском округе	361
177.	29 октября (10 ноября). — Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о разгроме турецких войск герцеговинскими повстанцами и о переговорах Омер-паши с пивлянами	363
178.	2 ноября. — Письмо Н. Дучича В. В. Безобразову о разграблении турецкими войсками монастыря Дуки	364
179.	7 (19) ноября. — Донесение Е. Р. Шулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о волнениях в Биачком савдаке мусульманского населения, отказывающегося от уплаты податей	365
180.	12 ноября. — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о встрече с генерал-губернатором Далмации Г. Родичем в связи с требованиями австрийских властей разрушить укрепления в Суторине	366
181.	21 ноября (3 декабря). — Донесение К. Д. Петковича директору Азиатского департамента МИД России Н. П. Игнатьеву о вступлении в Суторину австрийских войск и разрушении повстанческих укреплений	368

182. 21 ноября. — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о нападении австрийского отряда на Суторину и разрушении укреплений 370
183. 23 ноября. — Письмо Н. Дучича В. В. Безобразову о борьбе герцеговинских повстанцев и их надеждах на помощь России 371
184. 18 (30) декабря. — Донесение В. В. Безобразова Н. П. Игнатьеву с ходатайством о выдаче Н. Дучичу русского паспорта для выезда из Герцеговины 372

1862 г.

185. 2 (14) января. — Донесение Е. Р. Щулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому о мерах боснийского губернатора Осман-паши по прекращению волнений мусульманского населения в Бихачском и Банялукском санджаках 373
186. 7 (19) января. — Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому о росте дороговизны в Герцеговине и агитации среди населения австрийских агентов за принятие подданства Австрии 376
187. 14 (26) января. — Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о содействии австрийских властей подвозу продовольствия для турецких войск и о конфликте между Л. Вукаловичем и черногорским воеводой М. Петровичем 378
188. 4 февраля. — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о конфликте между черногорским князем и предводителями Зубцов 380
189. 8 (20) февраля. — Донесение секретаря российского консульства в Дубровнике А. Е. Лаговского Н. П. Игнатьеву о встрече Л. Вукаловича с драгоманом австрийского вице-консульства в Мостаре В. Врчичем 381
190. 13 (25) февраля. — Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о своем свидании с черногорским князем Николаем и о возвращении Л. Вукаловича на должность воеводы Зубцов 383
191. 19 февраля (3 марта). — Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву с описанием хода восстания в Герцеговине во второй половине 1861 г. — начале 1862 г. 386
192. 22 февраля. — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о тяжелом положении повстанцев в связи с наступлением турецких войск 391
193. 22 февраля. — Обращение Л. Вукаловича, П. Бачевича и И. Радонича к поглаварям Шумы и Попова с призывом продолжать сопротивление 392
194. 24 февраля (8 марта). — Письмо старшины с. Рисан М. Дежурковича К. Д. Петковичу о результатах встречи Л. Вукаловича с представителями Осмер-паши 392
195. 25 февраля (9 марта). — Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о стремлении Австрии использовать восстание в Герцеговине в своих целях и о тяжелом положении населения Зубцов 393
196. 18 марта. — Докладная записка А. М. Горчакова Александру II с просьбой выделить денежную сумму в распоряжение К. Д. Петковича для оказания помощи герцеговинцам 395
197. 27 марта. — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о положении в Зубцах и о действиях повстанцев против турецких войск 395
198. 2 (14) апреля. — Донесение В. В. Безобразова Н. П. Игнатьеву о безуспешных попытках австрийского вице-консула в Мостаре Мартирта склонить Л. Вукаловича к соглашению с турецкими властями 396
199. 18 (30) апреля. — Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о безуспешной попытке турецких и австрийских властей поставить на должность воеводу Зубцов М. Спаича 399
200. Не позднее 30 июня. — Записка австрийского генерального консула в Сараеве С. Ивановича со сведениями о турецких войсках в Герцеговине 400
201. 8 (20) июля. — Донесение В. В. Безобразова А. Б. Лобанову-Ростовскому об открытии пароходного сообщения от Триеста до Метковича 409
202. 12 (24) сентября. — Донесение К. Д. Петковича В. П. Балабину о назначении Л. Вукаловича воеводой Зубцов на условиях внутренней автономии 411
203. 8 (20) ноября. — Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о предпринятых им мерах по умиротворению разногласий между Л. Вукаловичем и черногорским князем Николаем 412
204. 14 (26) ноября. — Донесение Е. Р. Щулепникова А. Б. Лобанову-Ростовскому об упадке курса австрийских денежных единиц и о ликвидации налогов на котлы и сливы 415

1863 г.

205. Не ранее 1 января. — Из отчета МИД России о роли Англии и Австрии в поддержке Порты 416
206. 26 января (7 февраля). — Донесение секретаря российского консульства в Дубровнике В. В. Макушева Н. П. Игнатьеву об австрийских просяках в Черногории и Герцеговине и расторжении турецкими властями договора с Л. Вукаловичем 417
207. 29 января. — Донесение Е. Р. Щулепникова советнику российской миссии в Константинополе Е. П. Новикову об обострении политического и экономического положения в Боснии 420
208. 2 (14) марта. — Донесение В. В. Макушева Н. П. Игнатьеву о выступлении герцеговинской скупщины против разрыва турецкими властями договора с Л. Вукаловичем и назначения воеводой Зубцов М. Спаича 421
209. 10 апреля. — Письмо Л. Вукаловича В. В. Безобразову о намерении поехать в Константинополь 423
210. 24 апреля (6 мая). — Донесение В. В. Макушева Н. П. Игнатьеву о своих действиях по примирению Л. Вукаловича с черногорским правительством и объединению действий руководителей повстанцев 423
211. 27 апреля. — Донесение Н. П. Игнатьева директору Азиатского департамента МИД России Н. П. Стреломуху о приказе турецких властей арестовать Л. Вукаловича и о невозможности оказать ему помощь 424
212. 1 (13) мая. — Отчет В. В. Макушева о выдаче денежных пособий герцеговинцам в январе—апреле 1863 г. 425
213. Не позднее 14 (26) июня. — Письмо руководителей повстанцев Гацко и Пивы губернатору Герцеговины Абди-паше с жалобами на беззакония окружных властей и просьбой выполнить обещания турецкой администрации 426
214. 4 (16) июля. — Телеграмма В. В. Безобразова В. В. Макушеву о необходимости приезда Л. Вукаловича в Мостар 427
215. 10 июля. — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу с изложением требований герцеговинских повстанцев и с просьбой гарантировать его безопасность при приезде в Мостар 427
216. 14 (26) июля. — Донесение В. В. Безобразова Е. П. Новикову о проведении в Герцеговине переписи населения и проверки земельных актов и о гарантии турецкими властями безопасности Л. Вукаловича в случае его приезда в Мостар 428
217. 14 (26) июля. — Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о данных им Л. Вукаловичу советах относительно поездки в Мостар и отправки герцеговинской депутации в Константинополь 430
218. 28 июля. — Донесение В. В. Безобразова Е. П. Новикову о деятельности в Герцеговине комиссара Порты Джевдет-эфенди и о готовящейся поездке герцеговинской депутации в Константинополь 432
219. Не позднее 31 июля. — Доклад А. М. Горчакова Александру II о продлении денежного пособия мостарскому православному училищу 434
220. 31 июля (12 августа). — Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о беседе с черногорским князем Николаем относительно политики Черногории в Герцеговине 434
221. 6 августа. — Прошение настоятеля монастыря Житомысличи С. Перовича В. В. Безобразову о разрешении сбора пожертвований в России для устройства духовной семинарии в монастыре 436
222. 9 (21) августа. — Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву об отказе Л. Вукаловича поехать в Константинополь во главе герцеговинской депутации 437
223. 31 августа. — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу с изложением требований герцеговинских повстанцев 437
224. 8 (20) сентября. — Донесение К. Д. Петковича Н. П. Игнатьеву о частичном удовлетворении требований герцеговинских депутатов в Мостаре 438
225. 29 октября (10 ноября). — Донесение В. В. Безобразова Н. П. Игнатьеву с ходатайством о награждении С. Перовича 439
226. Не позднее 9 декабря. — Записка МИД с характеристикой деятельности Р. Ейча 440

227. Не ранее 1 января. — Из отчета МИД России о положении в Герцеговине и Боснии и возможных новых выступлениях христианского населения против властей 441
228. 30 января. — Донесение В. В. Безобразова Е. П. Новикову о волнениях христианского населения в Гацко в связи с насильственным сбором недоимок землевладельцами 441
229. 5 февраля. — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о захвате турками предводителей повстанцев Гацко и сожжении их домов 443
230. 7 февраля. — Донесение Е. Р. Шулешикова Н. П. Игнатьеву о новом порядке сбора доходов сараевского митрополита и о проекте поселения в Боснии черкесов 444
231. 3 (15) марта. — Донесение Е. Р. Шулешикова Е. П. Новикову о намерении Джедвет-эфенди созвать собрание бегов по вопросу о предоставлении земли христианскому населению 445
232. 15 марта. — Донесение управляющего синодальной канцелярией о предоставлении учебников и богослужебных книг для школ Боснии и Герцеговины 445
233. 19 марта. — Письмо представителей жителей Гацко Д. Гругуевича, Дяк. Вишича и Т. Вукомановича В. В. Безобразову с просьбой сообщить об участии арестованных повстанцев 447
234. 25 апреля. — Донесение Е. Р. Шулешикова Н. П. Игнатьеву о намерении турецкой администрации создать в Боснии постоянную милицию 447
235. Не позднее 1 мая. — Обращение герцеговинских христиан к Александру II с просьбой оказать помощь деньгами и оружием 448
236. 1 мая. — Письмо С. Перовича В. В. Безобразову об обращении герцеговинцев к России и Сербии с просьбой о помощи 449
237. 3 мая. — Письмо черногорского князя Николая Б. В. Безобразову с просьбой содействовать выезду руководителя гатчанских повстанцев Б. Зимонича в Россию или Сербию 449
238. 14 (26) мая. — Донесение управляющего российским консульством в Сараево А. Н. Кудрявцева Н. П. Игнатьеву о действиях австрийских агентов в Боснии и Герцеговине по укреплению влияния Австрии 450
239. 5 (17) июля. — Донесение В. В. Безобразова Е. П. Новикову о недовольстве населения Герцеговины введением новой пошлыны на табак 452
240. 22 июля. — Донесение В. В. Безобразова российскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву о намерении Л. Вукаловича поднять восстание в Герцеговине 454
241. 25 июля. — Донесение российского генерального консула в Белграде Н. П. Шинкина Н. П. Игнатьеву о переговорах секретаря Л. Вукаловича М. Любичича и С. Перовича с сербским правительством относительно помощи в организации восстания в Герцеговине 455
242. 1 августа. — Предписание МИД России К. Д. Петковичу о принятии мер к предотвращению нового антитурецкого восстания в Герцеговине 457
243. 15 августа. — Донесение А. И. Иванова Н. П. Игнатьеву о наборе в Боснию регулярного войска 457
244. 19 сентября (4 октября). — Письмо Л. Вукаловича К. Д. Петковичу о попытке турецких властей захватить его и членов его семьи 458

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Ага — господин, хозяин, землевладелец; титул лиц, занимавших определенный пост в османском военном и административном управлении

арзухаме — прошение, заявление
ашар — десятина, установленный шариятом налог с урожая

Байракдар (байрактар) — знаменосец
башибузуки — регулярные турецкие воинские единицы

бег — землевладелец
бедак-и аскерие — налог, введенный в качестве выкупа за военную службу для немусульман

берат — султанский указ, жалованная грамота

бимбаши — майор, один из воинских старших начальников

булубаша — военачальник

бурурунтия — приказ, распоряжение

паши или **вали**

Вали — управитель, губернатор провинции (вилаята)

везирь, визирь (везир) — высший чин государственного чиновника в Османской империи (губернатор провинции, министр)

великий везирь — глава султанского правительства, первый сановник в Османской империи

верги — налог, подать

вилайет — провинция, основная единица административно-территориального деления в Османской империи XIX в.

Геронты (церк.) — старейшины
гяур — «неверный», пренебрежительное название мусульманами всех иноверцев-немусульман

Девлет — государство, держава, власть

дефтер — книга записей, реестр, счетоводческая тетрадь
дефтердар — заведующий финансами, казначей

джизье — подушный налог с немусульманского населения
диван — совет, верховный совет султанского правительства

Ектения (церк.) — краткая молитва

ефимер (церк.) — должность в церковной иерархии

Зантия — жандарм

Ильтизам — откуп права сбора налогов
имам — глава, духовный наставник мусульман

ипраде — повеление, распоряжение, рескрипт

Поддзия — путник

Кааис — стражник, телохранитель, полицейский служащий

кади (кадий) — судья, принимавший решения на основе шарията

кадилак — район полиомочий судьи

каза — административная единица в Османской империи (уезд), часть санджака

каймакам — начальник уезда

каймакамык — административная единица в Османской империи (каза)

кекая (кяйя, кеайя) — помощник, представитель

кмет — феодально зависимый крестьянин

кнез — сельский староста

кятиб — чиновник, писарь

Малбата — протокол, официальный отчет

маалие — финансы

меджлис — административные советы

мехкеме — здание суда

мехра (мездра) — пустующие земли

милет — нация, народ

мирали — полковник

мугурдар — хранитель печати

мудир (мюдир, мюдюр, мюдюр) — заведующий, управляющий, управитель уезда

мудирлык — административно-территориальная единица, управляемая мудиром

муезин (муедзин, муэдзин) — служитель мечети, призывающий с минарета к молитве

мультезим (мюльтезим) — откупщик налогов, держатель ильтизама

мусалим — уездный начальник, управитель округа

мутесариф — начальник округа

мухасабедин — финансовый контролер

мушир — маршал

Нахия (нахие) — мелкая административно-территориальная единица в Османской империи в составе каза

низам — турецкое регулярное войско

Ока — мера веса, равная 1280 гр.

Пандур — полицейский, охранник

парá — мелкая серебряная монета

паша — высший титул военных чиновников в Османской империи

переник (перяник) — воин из личной гвардии черногорского князя

Порта (Блистательная, Высокая, Оттоманская) — официальное наименование правительства Османской империи

Райя (ед. ч. — райят) — название немусульманских подданных султана
редиф — резервные войска
русумат — управление таможенных сборов

Санджак — край, округ, часть вилайета; состоял из нескольких каза
сердар — военачальник
сердар-акрем — высший военный чин
спазия (спиахи) — феодальный землевладелец, всадник, кавалерист
субаши — в городах — глава полиции, в провинции — представитель военно-административной власти; управитель феодальным имением

Танзимат — преобразования, реформы
темизи хукук — гражданский суд
тескере (тезкере) — записка, свидетельство, документ

Усулат — правило, принцип, система
учумет (уджумет) — держава, государственное управление, власть

Ферик — дивизионный генерал, генерал-лейтенант, самый высший разряд чиновников

фирман (ферман) — султанский указ, приказ

Хаджа (хаджи) — почетное звание мусульманина, совершившего паломничество в Мекку

харац (харадж) — налог на немусульманское мужское население взамен службы в турецкой армии
хатт — наказ, поручение, указ султана, имевший силу закона
ходжа-баши (коджабаши) — представитель немусульманского населения в администрации

Чайш (чауш) — низший воинский начальник

чефим-кауция — залог
чифтлик (чифлик) — земельный участок крестьянина; частнособственническое товарное хозяйство
чубукчи — ремесленник, изготовлявший чубуки (курительные трубки)

Шариат — мусульманский религиозный закон (теология и право)

шейх-уль-ислам — глава мусульманского духовенства, главный толкователь шариата
шиник — хлебная мера в 10 ока
шура — совет

Эфенди (эффенди) — господин

эялет (вилайет) — провинция

Юмга — мера веса, равная 5 фунтам

Явер — генерал-адъютант

янычар — турецкий пехотинец

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В НЕМЕЦКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ТЕКСТАХ

a. g. (ag) — allergnädigst

Allh. (Ah.) — Allerhöchste

Art. — Artikel

d. i. — das ist

d. Js. — dieses Jahres

d. h. — das heißt

d. M. — dieses Monats

E. H. — Euer Hochwohlgeboren

Er. E. — Euer Excellenz

E. V. — Eccellenza Vostra

fl. — Forinte, Florin, Gulden

fr. (Fra) — Franciscaner

geh. — geheim

gr. or. — griechisch und orientalisch (ortodox)

H. — Herr

h. — hoch

h. a. — hoch angeführte

h. o. — hierortigen

Inf. — Infanterie

I. R. — Imperio Reale

kath. — katholisch

k. k. — kaiser-königlich

k. u. (und) k. — kaiserlich und königlich

l. M. — laufendes Monats

l. J. — laufendes Jahres

Mgr. — Monsignor

Mts. — Monats

o. W. — österreichisches Werts

p. (P) — Piaster

P. N. — Präsidial-Nummer

R. — Reverendissimi

res. — reservat

Rgmts. — Regiments

S-e — Seine

S. E. — Sua Eccellenza

St. — Stück

u. — und

u. dgl. — und dergleich

u. s. w. — und so weiter

u. z. — und zwar

v. J. — voriges Jahres

v. M. (Mts) — voriges Monats

Z. — Zahl

z. B. — zum Beispiel

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аала-Эддин-паша (Ала Еддин-паша), губернатор Герцеговины в начале 60-х гг. 291, 378
- Аариф-бей, директор медицинской школы в Константинополе 398
- Аббас-паша (1813—1854), египетский паша (1849—1854) 13—16
- Абди-паша, турецкий инженерный генерал 214, 221, 256, 258, 265, 267, 268, 345, 414, 419, 421, 426—430, 442
- Абдул-Азис (1830—1876), турецкий султан (1861—1876) 374
- Абдул-Меджид (1823—1861), турецкий султан (1839—1861) 17, 28, 36, 197, 374, 386
- Август (Кай Юлий Цезарь Октавиан) (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), первый римский император (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) 24
- Авди-бей 206
- Аврамович Стеван, протопоп, один из вождей восстания в Посавине в 1858 г. 23, 198, 199
- Ага-бег, сын Бег-эфенди Градашчича 248
- Агафангел, митрополит зворникский 53, 90, 99, 101, 212
- Агафонов П. С. — 10
- Агмет-ага 37
- Агья-эфенди (Агьях-эфенди, Аджай-эфенди), комиссар Порты в Герцеговине в конце 50-х гг. 81, 82, 92, 94, 109—111, 175—177
- Агья Али-паша, командир отряда башибузуков 129, 130
- Аджай-эфенди см. Агья-эфенди
- Аджи Стеван 23
- Аджикостич А. К. 23
- Адрон-Сочица см. Сочица Феодосий
- Азис-паша, комиссар Порты в Посавине в 50-х гг. 90, 96, 100, 102, 112, 132, 149—155, 159, 160, 170, 174, 176, 185, 191, 206, 257, 259, 301
- Айрович Мехмед 335
- Акиф-паша (Акиф Мехмед-паша Тетовац) (1822—1894), приазенский губернатор, в 1858 г. назначался на пост губернатора Боснии, но в должность не вступил 207
- Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860), идеолог славянофильства, один из учредителей Московского славянского благотворительного комитета, писатель 84
- Аксенова И. С. 10
- Алачевич И., австрийский претор в Рагльском (совр. Герцег-Нови) 400
- Александр I (1777—1825), российский император (1801—1825) 19, 85
- Александр II (1818—1881), российский император (1855—1881) 28, 31—33, 86, 87, 92, 97, 127, 135, 147, 148, 173, 182, 196, 198, 204, 205, 208, 216, 222, 227, 230, 247, 262, 269, 272, 273, 338, 340, 341, 355, 385, 395, 434, 436, 440, 448, 457
- Александр Михайлович см. Горчаков А. М.
- Александр Павлович см. Александр I
- Алексия Вук, капитан 352
- Алексия Л. 361
- Алессин де, епископ 419
- Али-паша Мехмед Эми (1815—1871), государственный деятель Османской империи; с 1852 по 1871 г. 5 раз был великим везиром, 7 раз возглавлял министерство иностранных дел 13, 15, 17
- Али-паша, турецкий бригадный генерал 291, 292, 294—296, 332, 333, 348, 443, 454
- Али-паша Тепелена (1741—1822), правитель Янинского пашалыка (1788—1822) 28
- Али-паша Ризванбегович см. Ризванбегович Али-паша
- Али Чанья-паша см. Клань-паша
- Алиич А. 458
- Амброжин Илия 252, 254
- Ангелов Нован 250
- Андрич Филип 132, 141
- Андрия, князь 270
- Анте (Анто), священник, сын граховского воеводы (Даконича?) 177
- Антим, митрополит боснийский 329, 330
- Антон см. Даконич
- Аргиропуло Кимон Мануилович (Эмануилович), российский дипломат, в 50—70-х гг. сотрудник миссии, затем посольства в Константинополе 14, 16, 96, 108, 113, 189, 190
- Ариф-бей (Ариф-эфенди), грачаницкий мундир 300
- Ариф-эфенди 174, 176
- Арслан-бег, бимбаша 292
- Ари Г. Л. 28, 385
- Асан-бег, сын приедорского каймакама 29
- Атанасович Димитрие (Атанасович)

- (1793—1857), австрийский генеральный консул в Боснии с 1850 по 1857 г. 14, 16, 47, 76, 189, 236, 238
- Афиз-паша, сын Али-паши Ризванбеговича 216
- Афис-Осман Зират, брат Ченетича 252, 254
- Ахматов, обер-прокурор российского Синода в 60-х гг. XIX в. 436
- Ахмет-паша, турецкий бригадный генерал 174, 176
- Ахмет (Ахмед)-паша, каймакам Боснийской Краины до 1859 г. 242, 243
- Ахмет Фетхи-паша 14, 15

- Бабиц 26
- Бабиц Голуб (1812—1910), воевода, командир повстанческого отряда в Краине в 1860 г., в 1875—1878 гг. был одним из руководителей восстания в Боснии 231
- Бабиц Ново, торговец 23
- Бажова А. П. 241
- Базилы Константин Михайлович (1809—1884), российский дипломат, писатель, историк, по происхождению грек. Окончил Одесский Ришельевский лицей (1822—1827), с 1833 г. служил в министерстве иностранных дел, участвовал в Венских конференциях 1855 г. и Парижском конгрессе 1856 г. 239
- Баконья 26
- Балабин Виктор Петрович (1811—1864), российский дипломат, посланник в Вене в 1860—1864 гг. 219, 233, 239, 241, 268, 273, 292, 308, 329, 344, 345, 367, 382, 411, 417, 425
- Бан Матия (1818—1903) сербский консервативный публицист, поэт, общественный и культурный деятель 457
- Баринич Рафо (Рафанл) (1796—1863), теолог, епископ римско-католической церкви в Мостаре, апостольский викарий в Герцеговине 17, 92—94, 124, 125, 129, 130, 224, 225, 275, 280
- Батинич (Батинич) Афанасий 201
- Бачевич (Бачович) Нован Василев, банинский воевода, один из руководителей восстания в Герцеговине в 1861 г. 291, 339, 350—353, 390—393, 397
- Башич Джуря 335
- Башич Тома 23
- Башович Милутин, герцеговинский старейшина 172
- Бедри-бей, секретарь турецкого инженерного генерала Абди-паши 221
- Безобразов Валериян Владимирович (1835—?), российский дипломат, с 1859 г. — помощник секретаря миссии в Константинополе, с 1859 г. — исполняющий обязанности вице-консула в Мостаре, вице-консул в Мостаре 7, 159, 220, 222, 228—230, 259, 262, 263, 266, 268, 272, 289, 291, 292, 296—298, 302, 308, 328, 329, 331, 335, 339, 340, 343, 345, 346, 348—351, 353, 355, 356, 361, 363, 364, 371—373, 376, 378, 382, 392, 395, 396, 399, 409, 410, 417, 419, 423, 427, 428, 430, 432, 433, 435,

- 436, 439, 441, 443, 447, 449, 450, 452, 454, 456
- Бекир-эфенди см. Бечир-эфенди
- Белетич, священник 418
- Белобрк Джорджие 263
- Белобрк Ристо, член мостарской православной общины 98
- Белогрич Павле 297
- Белополец Коста 23
- Бербер Ибрагим 178, 179
- Бернатов Тиме 252, 254
- Бесарович Р. 10
- Бечир-эфенди (Бекир-эфенди), доверенное лицо тузлинского каймакама Азис-паши 251, 253, 254
- Биедич Арслан 209
- Блау Отто (1828—1879), прусский (1864—1870), затем германский (1870—1872) генеральный консул в Сараеве, с 1872 по 1897 г. в Одессе 348—350, 357
- Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф, российский государственный деятель, с 1855 г. — президент Академии наук, с 1862 г. — председатель Государственного совета и Комитета министров, в 1861 г. — почетный председатель Московского славянского благотворительного комитета 13
- Богдан см. Зимонич Богдан
- Богичевич В. 38
- Богичевич Дмитрий 201
- Богославич Фадей (Тадей), земледелец 58, 64
- Богуславский Дмитрий Николаевич, российский дипломат, сотрудник миссии в Константинополе (1862—1870) 443—454
- Божич Нован, боснийский старейшина 136
- Божо 184
- Боровиковский Владимир Лукич (1757—1825), выдающийся русский художник-портретист 216
- Боснич 26
- Брлич Андрия Торкват (1826—1868), хорватский политический деятель 186—190
- Будберг Андрей Федорович (1817—1881), барон, российский государственный деятель и дипломат, посланник, посол в Берлине, Вене, Париже в 1850—1868 гг. 146—148
- Будник П. В. 9, 10
- Бульвер (Бульвер) Генри Литтон барон Даллинг (1804—1872), английский дипломат, посол в Константинополе (1858—1865) 173
- Булович Никодим, игумен Дужского монастыря 134
- Буоль-Шауенштейн Карл-Фердинанд (1797—1865), граф, австрийский государственный деятель и дипломат, премьер-министр и министр иностранных дел (1852—1859) 45, 92, 99, 108, 113, 129, 149, 167, 174
- Бурбоны, королевская династия во Франции и в Испании 293
- Бутенев Аполлинарий Петрович (1787—1866), российский дипломат и государственный деятель, начальник миссии

- в Константинополе (1856—1859) 34, 54, 55, 61, 78, 79, 85—87, 96, 99, 103—105, 107, 108, 112, 113, 118, 120, 121, 126, 127, 134, 135, 138—140, 148, 155, 159, 162, 165, 170, 173, 180, 185, 186, 188—191, 193, 194, 195, 197, 200—203, 205—207, 209, 212, 213, 221, 222
- Бусуладич Сульо 209
- Бумати, известная албанская семья, представители которой управляли Шкодерским (Скадарским) пашалыком 28
- Вагнер Иохан, австрийский военный и государственный деятель, наместник Далмации (1868—1869) 192
- Варезова С. И. 10
- Васильевич Симо 59, 64
- Васильев (Васильевич) Иован см. Бачевич Иован Василев
- Васиф-паша (Вассиф-паша), генерал-губернатор Герцеговины с 1857 г. 81, 92—94, 98, 103, 107—111, 113—118, 121, 122, 128, 130, 131, 139, 140, 225, 229, 264, 265, 267, 268, 294, 296, 302
- Васич Коирад, австрийский дипломат, в 60—70-х гг. находился на консульской службе в Сараеве, Мостаре, Константинополе, Скутари, Салониках, Белграде 234, 256, 258, 259, 274, 279, 285
- Вацлик Иован, чех, секретарь черногорского князя Николая 328, 329
- Везилич Секула, член мейслиса 59, 64
- Вели-бей (вейг Гал), врач, получил медицинское образование в Вене, участник революции 1848 г., эмигрировал в Виден, перешел на турецкую службу, с 1850 г. — обер-лейтенант, лекарь при штабе Омер-паши в Сараеве 354
- Веселинович Танасие, боснийский старейшина 136
- Вешович Р. 127
- Виданч 26
- Виданович Окица, герцеговинский старейшина 172
- Вьетт (Вьет) Эдуард, французский дипломат, вице-консул в Сараеве с 1853 по 1863 г. 100, 102, 142
- Виктор-Эммануил (1820—1878), король Сардинии (1849—1861) и первый король объединенной Италии (1861—1878) 417
- Виноградов В. Н. 105, 239
- Винчи, Леонардо да (Винчио Леонардо) (1452—1519), знаменитый итальянский художник, скульптор, механик эпохи Возрождения 216
- Винич Дж., один из предводителей повстанцев в Гацко 447
- Владиславичи 240
- Влангали Александр Георгиевич (Егорович) (1823—1908), российский дипломат и военный деятель, горный инженер, в 1860—1862 гг. — генеральный консул в Белграде, позднее — посланник и посол в различных странах 306
- Властелиновичи 241
- Влахович, секретарь черногорского Семата 13, 391, 412
- Войнович 26
- Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), князь, российский государственный деятель, генерал-фельдмаршал, участник Отечественной войны 1812 г., с 1844 по 1854 г. — наместник на Кавказе и главнокомандующий отдельным кавказским корпусом 15, 16
- Враниша Пера, священник 197
- Враншевич А., эмиссар Дж. Гарибальди в Черногории в 1861—1862 гг., 303
- Врица Мато (Мата) (1833—1898), черногорский воевода, окончил артиллерийскую школу в Петербурге в 1852—1854 гг., в Черногории возглавил организацию артиллерийского дела, участник сражений с турками в 1858 г., а также во время черногорско-турецкой войны в 1862 г. 359
- Врчевич Вук (1811—1882), с 1836 г. — писарь Петра II Петровича Негоша, в 1852—1855 гг. — писарь у князя Даниила, в 1861—1878 гг. — австрийский консульский агент, вице-консул в Требизе 380—383, 365, 397, 400
- Вуклович Вуйош, двоюродный брат Л. Вукловича, начальник пандуров в Зубцах 454, 455
- Вуклович Иова, начальник повстанческой четы, брат Луки Вукловича 358
- Вуклович Лука (1812—1873), руководитель восстаний против османского гнета в Герцеговине в 1852—1853 гг., 1857—1858 гг. и в 1861—1862 гг. 5, 6, 8, 104, 105, 109, 110, 121, 133, 136, 138, 171, 186, 188, 229, 242, 304—306, 308, 329—331, 334, 335, 338, 342, 343, 345—348, 350—352, 358, 360—362, 365—371, 378—385, 387, 389—397, 399, 411—414, 416—419, 421—425, 427—431, 433—435, 437—439, 441, 443, 444, 449, 454—458
- Вуклович Трифко, племянник Л. Вукловича 454, 455
- Вукас Илия, дон, францисканский монах, руководитель отряда повстанцев-католиков в 1858 г. в Герцеговине 128
- Вукович, представитель Черногории в комиссии по разграничению Черногории с Османской империей 203, 204
- Вуковавич Лука, один из предводителей повстанцев в Гацко 298
- Вукованович Т. 447
- Вукосавлевич С. 45, 105
- Вукотич Петр (1826—1903), воевода, член черногорского сената, участник черногорско-турецких войн в 1862 г., 1876—1878 гг. 120, 388, 399, 414
- Вулетич Васо, старейшина из Шумы 134
- Вулетич Марко, австрийский консул в Мостаре в 50-х гг. 44
- Вучич, воевода 48
- Вучкович В. 233
- Вучкович Гавриил (Гавро) (1826—1876), боснийский торговец 148, 149, 165, 167, 204
- Вучевич Анте, княз 109, 110
- Виземская Е. К. 10
- Габсбурги — правящая династия Австрийской империи 6, 189, 269
- Гавран (Гавран-капетан), из знатной семьи Гавран Капетановичей, представители которой стояли во главе Почительской капетании 225
- Гаеранович Б. 400
- Гаврилович Симо, член мостарской православной общины 98
- Гаич Иово 23
- Гаич Митар, княз 270
- Гаич Степан, крестьянин 58, 64
- Гарашанин Илия (1812—1874), государственный деятель и дипломат Сербии, министр внутренних дел (1843—1852, 1858—1859), председатель Совета министров и министр иностранных дел (1852—1853, 1861—1867) 6, 190, 193, 421, 455, 456
- Гарибальди Джузеппе (1807—1882), итальянский революционер, демократ, вождь национально-освободительного движения в Италии 293, 302, 303, 417
- Гвозден Дмитар 23
- Геккар (Эккар), французский дипломат, консул в Скадаре (совр. Шкодер) с 1856 по 1862 гг. — 163, 165, 342, 353, 356, 357, 360, 361
- Герун Тома (Героне Тото), герцеговинский старейшина 134, 380
- Гильшвили О. И. 10
- Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872), русский ученый славист и дипломат, с 1857 по 1858 г. был консулом в Сараеве 7, 31—33, 39—41, 44, 46, 49, 53—55, 61, 66, 75, 77—79, 81—84, 86, 87, 90—92, 95—98, 103, 104, 107, 108, 111—113, 115, 116, 118, 123, 126, 127, 134, 135, 138—141, 146—148, 155, 157, 159, 181, 201, 215, 223
- Гликич Божко, старейшина 136
- Глогич Андреа 23
- Глумич 26
- Голуб, капетан 308
- Горанович Джоко 298
- Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь, крупный российский дипломат и государственный деятель, министр иностранных дел с 1856 по 1882 г., государственный канцлер с 1867 г. 31, 32, 92, 105, 127, 146, 147, 173, 190, 194, 203—205, 208, 227, 239, 332, 354, 355, 395, 434, 440
- Гравьер Ж., французский адмирал 202
- Гргович Богдан 297
- Гргович (Гругрович) Дреко, один из руководителей восстания в Гацко 291 447
- Гргович Симо 297
- Григорие, перомонах из Мостара 98
- Григорий, герцеговинский и захумский митрополит (1855—1860) 78, 86, 87, 97, 98, 108, 110, 114, 116, 118, 208, 225, 230, 289, 304
- Григорий (Постников), санкт-петербургский и новгородский митрополит с 1855 г. 216
- Григорий XV (Александр Людовизи), римский папа (1621—1623) 27
- Грот 121, 135
- Груич Коста, соратник М. Люблиратича 457
- Гусейн Ариаут (Хусейн Ариаут), откупщик налогов 37, 58, 59, 63, 64, 75, 251, 253
- Гусейн-капитан (Хусейн-капитан Градашчевич, Хусейн-капитан, Хусейн) (1802—1834), из семьи правителей Градачаца, в 1831 г. возглавил антиреформистское движение местных феодалов, выступавших против реформ Махмуда II, после поражения в 1832 г. бежал в Австрию, но был выдан турецким властям 39, 257—259, 375
- Гусейн-паша (Хусейн-паша), ферик, начальник военной школы в Константинополе, позже — командир турецких отрядов в южной Герцеговине 162—164, 167, 169, 170, 347, 414
- Дабрица Али 290
- Дакович Антон, граховский воевода 105
- Данило Негош (Данила, Даниил) (1826—1860), князь Черногории (1852—1860) — 40, 82, 105, 107, 113—117, 120, 126, 138, 162—164, 167, 169, 171, 180, 203, 219, 260, 265, 268, 291
- Дарда Иово 23
- Даринка (Даринька), супруга черногорского князя Даниила 424
- Двагич 26
- Дежуркович Марко, старшина 392, 393
- Дезесари Бернар, французский дипломат, генеральный консул в Белграде с 1855 по 1859 г. 234
- Деларю Анри (1821—1861), секретарь черногорского князя Даниила (1856—1859) 163
- Деливич, фра Мати, первый апостолический викарый в Боснийском пашалыке 27
- Делькович Иво 252, 254
- Дервиш-паша (Ибрагим Дервиш-паша) (1817—1896), генерал, военный и государственный деятель Османской империи, получил образование в университетах Лондона и Парижа, профессор физики и химии в военной школе в Константинополе, участник Парижской мирной конференции 1856 г., в 1858 г. — командующий войсками в Боснии и Герцеговине, в 1862 г. — командир корпуса в войне против Черногории, посланник Порты в Петербурге 210, 211, 213, 224, 225, 228, 229, 241, 243, 244, 260, 263, 264, 266, 289—297, 302, 304, 308, 328—331, 335, 348, 351, 376—379, 382, 384, 385, 387, 390, 395, 396, 398—401, 404—406, 409, 414, 418, 419, 441
- Дерич Никола 395
- Десимон, австрийский генерал, начальник Рагузского округа 137
- Деспотович Мията 58, 64
- Дефосе Ромэн 15, 16
- Джавид-паша, губернатор Герцеговины в 60-х гг. 441, 442, 453, 454

Джайя С. М. 27

Джаржи Никола, граф, австрийский генеральный консул в Белграде в 1859 г., затем в Сараеве с 1860 г. 298

Джедет-эфенди (Ахмед Джедет-паша) (1823—1895), турецкий государственный деятель, историк, филолог, министр просвещения, реформатор школы, комиссар Порты в Герцеговине в 1863—1864 гг. 428, 429, 432, 433, 438, 442, 445—447, 458

Джипич Хаджи Али-бег, один из крупных землевладельцев в Баиялуке, занимал ряд ответственных должностей в местной администрации 261

Джипич Лазо, член мостарской православно-общинной 98

Джонс, капитан английской армии, временно исполнял обязанности английского вице-консула в Мостаре 113—116, 122, 123, 130, 131, 133

Джорджевич В. 123

Джурашковиц Александр (Джуркович), венгерский эмигрант, драгоман английского консула в Мостаре 110, 111, 122, 123, 133, 168, 169

Джурджевич Ачим 231

Джурджевич Давид 231, 251, 306, 307

Джурич Белон 23

Джуркович Александр см. Джурашковиц Александр

Джурович Стефан см. Ейч Ристо
Джованни, сараевский митрополит 52, 76, 143—145, 170, 188, 212, 218, 243, 255, 256, 272, 354, 444

Додарович Голуб 297

Додер Джуро, член мостарской православно-общинной 263

Дозон Луи Август Аври (1822—1890), французский дипломат, литератор, 30 лет находился на консульской службе на Балканах, вице-консул в Мостаре с 1863 по 1865 г. 453, 455

Дойми, австрийский начальник Которского округа 383, 419, 439

Долгоруков 271

Драгич Пейо 252, 254

Драче Ибрахим 225

Дубравич Нозеф (прав. Дубрович Иосиф), австрийский вице-консул в Мостаре в 50-х гг., затем консул в Скутари (совр. Шкодер) в 60—70-х гг. 60, 70, 74, 108, 110, 111, 113, 129—131, 167—169, 174, 176, 178, 293, 295, 296

Дугалич 26

Дулев Позо 252, 254

Дулина М. А. 74

Дучич Евсташие (Евстафий), игумен Дукского монастыря 134, 137, 209, 306, 358

Дучич Никифор (Ничифор) (1832—1900), перомонах, научал богословие в Белграде и во Франции, учительствовал в мостарской светской школе и в духовном православном училище при Житомислицком монастыре, в 1863 г. в Цетинье стал архимандритом, активный участник антиосманской борьбы в Герцеговине, Черногории, Сербии 97, 98, 118, 121, 144, 207, 208, 222,

333—335, 345—348, 350—353, 358, 359, 362, 364, 365, 371—373, 379, 380, 382, 383, 389, 394, 457

Евч Ристо 23

Евсташие см. Дучич Евстафий

Евтанович Манойло, сараевский торговец, представитель христианского населения в местном меджлисе 23, 88

Еди-бег, полковник 426

Ейч (Эйч) Ристо (Кристо, Христо), активный участник антиосманского движения 197, 203—205, 207, 209, 210, 250, 251, 271, 272, 440, 455

Екатерина II (1729—1796), российская императрица (1762—1796) 11

Ейч Гавро 23

Ейч Марко Маркович, драгоман австрийского консульства в Мостаре 223, 227

Жарко, священник, один из предводителей повстанцев в Герцеговине 352

Живан 23

Живкович Яков 244

Жугич Филипп, герцеговинский старейшина 172

Журалович 26

Забудовская Е. М. 9

Захарий, священник 144, 205

Звиздич Мулалия, мудир 426

Зега Михаил, адъютант черногорского князя Николая 424, 426

Зеца Шпиро Е., член мостарской православно-общинной 98

Зимонич Богдан (1813—1909), священник, воевода, один из руководителей восстания в Герцеговине в 1860—1861 гг. 225, 291, 294, 295, 304, 329, 363, 364, 413, 442, 449

Златарович 26

Злобин Константин Ковстантинвич (1814—1878), вице-директор Азиатского департамента МИД России 55

Зораб, английский дипломат, вице-консул в Мостаре в 50—60-х гг., в 1860 г. временно исполнял обязанности консула в Сараеве 110, 111, 116, 397

Зоретич Франьо, австрийский дипломат, в 50-х гг. — исполняющий обязанности консула в Сараеве 34, 45, 46

Ианя см. Яйя-паша

Ианкиче, игумен монастыря в Таслидже 23

Ибрагим-бей, правительственный чиновник 329, 330

Иванов А. Н. 457, 458

Игнатий, сараевский митрополит 353—355, 444

Игнатьев Николай Павлович (1832—1908), граф, российский дипломат и государственный деятель, с 1864 г. — посланник, с 1867 по 1877 г. — посол в Константинополе 272, 356, 361, 368, 369, 372, 378, 380—383, 385, 386, 392, 393, 396, 399, 412, 414, 417, 419, 421, 423—425, 430, 434, 437—439, 444, 447, 450, 454, 455, 457

Измаил-паша см. Исмаил-паша

Илем-бег 344

Илич Иовина, священник, руководитель восстания в Дервентском кадилуке в 1834 г. 106

Илия, сеницкий священник 144

Илия, воевода, командир черногорского отряда 99

Иоаникии см. Памучина Иоаникий

Иванович Накша 23

Иванович Несо 356

Иванович Миле, сподвижник Р. Ейча 455

Иванович Симо 136

Иванович (Иванович) Стефан (1828—1885), австрийский офицер, член комиссии по разграничению Черногории с Османской империей, позднее — генеральный консул в Сараеве, подполковник 268, 348—350, 366, 400, 405, 409, 450

Иванович Тривко 270

Иович Васо 270

Иовичич 290

Иовичич Перио 270

Иовичич Ристо, предводитель боснийского повстанческого отряда 148

Ново 23

Ионин Александр Семенович (1836—1900), российский дипломат, в конце 50-х гг. — драгоман, секретарь консульства в Сараеве, в 1860—1864 гг. — во главе консульства в Янине, с 1869 г. — консул в Рагузе (совр. Дубровник) 75, 77, 78, 85, 107, 108, 111, 114, 116—119, 121, 123, 128—131, 142, 156—158, 162, 164, 165, 171, 185—188, 190, 191, 193—196, 200, 201, 206, 207

Ионин Владимир Семенович (1838—1886), российский дипломат, окончил Лазаревский институт, с 1859 г. — стажер миссии в Константинополе, в 1860 г. — секретарь консульства в Мостаре, в 1865 г. — драгоман генерального консульства в Белграде, с 1867 г. — секретарь генерального консульства в Рагузе, в 1876 г. оставил государственную службу, в 1876 г. — председатель Болгарского революционного комитета в Бухаресте, в 1877 г. избран повстанцами председателем Боснийского народного временного правительства 223, 289, 291, 359

Иочкович Иво 252, 254

Иосиф, константинопольский патриарх 31

Иосиф, мостарский епископ 11, 12, 86, 230

Иосиф, приепольский священник 77, 78, 144

Иосиф, сараевский епископ 205

Исаак-паша, мутессариф Герцеговины (1856—1857) 81

Исало 141

Исмаил-паша, главнокомандующий Румелийской армией (мушир) 174, 176, 302, 328—331

Исмаил-паша, хедив Египта (1863—1879) 304

Исмаилович Мехмед Хаджи 290

Кабакова Н. В. — 9, 10

Кавур Камилло Бензо (1810—1861), граф, итальянский государственный деятель, идеолог и лидер либерально-монархической буржуазии и обуржуазившегося дворянства, глава сардинского и первого итальянского правительства 303

Кадри-паша, турецкий военачальник 170

Калимака (Калимаки), посол Порты в Вене 132, 146, 147, 183—185, 306

Камил-паша (Камиль-паша) Мухеммед-Мехмет (? — 1859), турецкий корпусный генерал, в 1856 г. переведен в Военное министерство 100, 102, 151, 154, 155, 157, 184, 220, 221, 375

Канделори Дж. 303, 417

Каннинг Стратфорд, Стратфорд де Редклифф (1786—1880), виконт, английский дипломат, посланник в Константинополе (1810, 1812, 1825—1828, 1841—1858) 13—15

Капиджан Х. 17, 382

Кара-Георгий (Карагеоргий, Георгий Петрович) (1752—1817), руководитель борьбы сербского народа против турецкого ига в 1804—1813 гг., правитель Сербии (1811—1813), основатель династии Карагеоргиевичей 187, 256—259

Караджич Милован, герцеговинский старейшина 172

Карасев В. Г. 10

Карачич Вук, вероятно, Караджич Стефанович Вук (1787—1864), реформатор сербскохорватского литературного языка, этнограф, историк, фольклорист 183

Карцов (Карцев) Андрей Николаевич, российский дипломат, секретарь генерального консульства в Белграде (1858—1859), с 1875 г. — генеральный консул в Белграде 193

Касумов А. Х. 445

Клевич Иван, брат черногорской княгини Даринки 424

Кеджич Халиа (прав. Кедич Алия), известный башибузук, возглавлял антиреформистские волнения в Крайне в 1837 г. 362

Кемаль-эфенди, комиссар Порты в Герцеговине в 1858 г. 108, 162—165, 174—177, 190, 198, 202, 210, 213, 259, 260, 330, 331

Кемерлич Мустафа-бей 289, 290

Киани-паша (Киани-паша, Чания Мехмед-паша), боснийский губернатор (1858—1859) 108, 139, 140, 159, 160, 162—164, 167—172, 174—177, 185, 188, 191, 195, 197, 198, 200, 206, 207, 212, 214, 223, 224, 260, 272, 300, 374, 453

Киприлли-паша (Киприлли Мехмед-паша) (1810—1871), турецкий государственный деятель и дипломат, уроженец Кипра, в 1860 г. в качестве великого везира совершил инспекционную поездку по европейской Турции 304

Клецль, австрийский дипломат, поверенный в делах при Порте 14, 16, 17, 32

Клежич Поксим, зубачский капитан 425

Кнежич Лазар, член мостарской православной общины 98
 Ковалевский, генерал-майор 85, 95, 222, 305
 Ковалевский Егор Петрович (1814—1868), по образованию горный инженер, проводил в Черногории геологические изыскания, в начале 1853 г. при нападении Омер-паши на Черногорию послан туда комиссаром, в 1856 г. вступил в управление Азиатским департаментом, с 1861 г. — сенатор и член совета министра иностранных дел 31, 33, 39, 41, 46, 49, 53, 75, 77—79, 81, 83—85, 87, 90, 91, 98, 99, 104, 116, 117, 121, 128, 136, 159, 181, 193, 207, 208, 218, 222, 233, 241, 247, 255, 262, 293, 329—331, 339
 Ковалькович Маслач Вито, главный викарий г. Требьинье 178, 179
 Ковачевич Павлица, один из предводителей боснийских повстанцев 197, 207
 Ковачевич Коста 228
 Ковачевич Перо, торговец, сводник Л. Вукаловича 291, 458
 Ковачевич Ристо, член мостарской православной общины 98
 Ковачевич Тома, агент сербского правительства в Боснии 189
 Кович Ново (Ново) 183, 185, 186, 195
 Кожевников Василий Федорович, российский дипломат, в 1860—1862 гг. — вице-консул в Фиуме (совр. Риека), с 1866 г. — генеральный консул в Рущуке 244
 Коич Йово 136, 270, 306, 307
 Кондратьева В. Н. 10, 38, 74, 193, 247
 Копич 26
Косик В. И. 10
 Кошелевич Перо, священнослужитель 356
 Кресович 26
Крешевлякович Х. 458
 Криста-Синчер Т. 306, 307
 Крпо, командир повстанческого отряда 371
 Крчанац Теодор 141
 Кудрявцев Алексей Николаевич (1836—?), российский дипломат, в 1859 г. — сотрудник консульства в Сараеве, в 1860 г. — драгоман миссии в Константинополе, в 1862 г. — секретарь-драгоман консульства в Сараеве, в 1863 г. — исполняющий обязанности вице-консула в Мостаре, затем — управляющий консульством в Сараеве, с сентября 1867 г. — консул в Мостаре, с мая 1868 г. по июнь 1875 г. — консул в Сараеве 7, 213, 450, 452
 Кукавичич 26
 Куленович 26
 Куленович Дервиш-бег 165
 Кулиджич Ново 23
 Куйкур Вуко, член мостарской православной общины 98
 Куртович Савва (Саво), герцеговинский старейшина 134
 Лавалетт Шарль Жан Мари Феликс (1806—1881), французский государст-

венный деятель и дипломат, посол в Константинополе в 1851—1853 гг., министр внутренних дел с 1865 по 1867 г., министр иностранных дел с 1865 по 1867 г. 14, 16, 332, 333
 Лаговский Алексей Ефимович, русский дипломат, секретарь консульства в Рагузе (Дубровнике) с января 1859 г. 260, 265, 267, 340, 342, 381, 382, 384
 Лазар (Лазарь), князь сербский (1371—1389) 28, 31
 Лазич В. 231, 251
 Лайнингген (Лейнингген-Вестербург) Христиан Франц (1812—1856), граф, австрийский генерал, в 1853 г. был направлен с чрезвычайной миссией в Константинополь 368, 369
 Левшин Дмитрий Сергеевич (1801—1871), генерал-майор, в 1849 г. с особой миссией командирован в Сербия, до 1851 г. — российский консул в Белграде 13
 Леонтий, монах Дужского монастыря 380—382
 Лечич Симо 209
 Лихтенберг, прусский консул в Рагузе (совр. Дубровник) 397
 Лобанов-Ростовский (Лобанов) Алексей Борисович (1824—1896), князь, крупный государственный деятель и дипломат, с 1859 по 1863 г. был посланником в Константинополе, товарищ министра внутренних дел, управляющий министерством с 1867 по 1878 г. 113, 121, 207, 212, 214, 220, 227, 228, 230, 232, 236, 238, 242, 245, 246, 250, 260, 263, 271, 272, 289, 291, 292, 296, 298, 299, 302, 308, 328, 329, 331—333, 335, 339, 346, 353, 355, 356, 363, 365, 366, 373, 376, 378, 382, 395, 399, 409, 414, 415, 417
 Логовский см. Лаговский
 Лозина Хаджи Феодосие, архимандрит Пивского монастыря 294, 295
 Лука, священник в Бирчанском кадилуке 205
 Лука, священник, предводитель отряда черногорцев 99, 104
 Любичевич Мичо (Михайло) (1839—1889), герцеговинский воевода, секретарь Л. Вукаловича во время восстания против османского гнета в 1857—1862 гг., эмигрировал в Сербия, участвовал в подготовке восстания в Герцеговине, один из руководителей герцеговинского восстания 1875 г. 8, 120, 419, 455—457
 Любич 26, 199
 Любичич 26
 Мадзини Джузеппе (1805—1872), итальянский революционер, буржуазный демократ, один из вождей национально-освободительного движения в Италии 303
Маджар Б. 9, 10
Мазаев В. И. 10
 Майсторович Петар (Петр), командир повстанческого отряда в Посавине 198, 199, 244
 Максимилан Фердинанд Иосиф (1832—

1867), австрийский эрцгерцог, брат австрийского императора Франца-Иосифа, с 1863 г. — император Мексика 293
 Максимович Живан 23
 Макушев Викентий Васильевич (1837—1883), русский историк, славист, в 1862—1865 гг. секретарь консульства в Рагузе (Дубровнике) 417, 419, 421—427
 Малле Садик (Садик)-эфенди, турецкий чиновник, секретарь каймакама в Боснийской Крайне 243
 Мальмсбери (Мальмосбери) Джеймс Говард Харрис (1807—1889), граф, английский государственный деятель, министр иностранных дел в 1852 и 1858—1859 гг. 232, 233
 Малович Иван, герцеговинский старейшина 172
 Мальцов Иван Сергеевич (1807—1880), российский дипломат, член коллегии МИД, в 60—70-е гг. исполнял обязанности товарища министра иностранных дел 55, 85
 Мамуд-паша см. Махмуд-паша
 Мамула Лазар (1795—1878), барон, губернатор Далмации с 1859 по 1865 г. 113—115, 122, 123, 126, 171, 418, 419, 439
 Мандич Нина, командир повстанческого отряда 231, 250, 251
 Мандич Филипп 418
 Мария Дмитр 29
 Мариянович см. Меринович
 Маринович Ристо, герцеговинский старейшина 134
 Мария Александровна (1824—1880), российская императрица, супруга Александра II 201, 222
 Маркович Джорджие, драгоман прусского консула в Мостаре 353
 Маркович Теодор 250
 Мартирт, австрийский вице-консул в Мостаре 382, 396, 397, 399
 Марциани, генерал-лейтенант австрийской службы, губернатор Далмации 219
 Матанович Петр (Пера), сержант, черногорский сенатор 99, 394
 Матич, кмет 214, 298
 Матузович Марпан, францисканский священник 150, 153
 Махмуд-бег, мудир в Градачачкой нахии 96
 Махмуд II (1785—1839), турецкий султан (1808—1839) 26, 313, 323
 Махмуд-паша (Мамуд-паша), турецкий бригадный генерал 229, 362, 364
 Махмуд-паша, сын Мехмед-паши Бушати, правитель Шкодринского пашалыка 28
 Махмуд-Фати см. Мехмед II
 Мегемет Рашид-паша см. Мехмед Решид-паша
 Мейендорф Петр Казимирович, барон, российский дипломат, посланник в Вене с 1850 по 1854 г. 13
 Мелеменджи Мустафа-паша, турецкий дивизионный генерал, командующий войсками в Боснии (1858—1861) 347

Мелентий (Милентий), монах Дужского монастыря 380—382
 Меринович (Маринкович), торговец 212, 213
 Метакса Андрей (1786—1860), греческий государственный деятель и дипломат, посол в Константинополе с 1850 по 1854 г. 13, 15
 Метанов (Метанович) Петр см. Матанович Петр
 Мехмед II (Махмуд Фати) (1421 ?—1481), турецкий султан (1451—1481) 199, 274, 280
 Мехмед-бег см. Гавран
 Мехмед-паша см. Мехмед Решид-паша
 Мехмет-паша, турецкий генерал, главнокомандующий войсками в Герцеговине, ранее — военный губернатор Перы 174, 176, 328, 334, 335, 359, 364, 402, 407
 Мехмед Решид-паша, боснийский генерал-губернатор (1856—1858), 45—47, 76, 93, 94, 100, 102, 114, 116, 119, 130, 131, 139, 140, 149—153
 Мехмед-эфенди, каймакам в Баяндук 272
 Минч Яков 29
 Миленкович Христофор 201
 Миливоевич Марко 250
 Милитинович Повета 197
 Милитич Михо, член мостарской православной общины 98
 Миличевич Павлица 231
Миличевич М. Дж. 343
Миличевич Ч. 421
 Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), граф, генерал, участник итальянского и швейцарского походов (1799) под началом А. В. Суворова, участник русско-турецкой войны 1806—1812 гг., а также Отечественной войны 1812 г. 11
 Милорадовичи 240, 241
 Милош см. Обренович Милош
 Милошевич, капитан, военный атташе австрийского генерального консульства в Сараеве 263—265, 267, 378
 Милошевич (Милашевич) Михаил Рафаилович, полковник, русский генеральный консул в Сербии с 1856 по 1860 г. 31, 54, 181, 182, 193, 194, 201, 244, 250, 270
 Мирко см. Петрович Мирко
 Митрович Т., один из руководителей восстания в Герцеговине в 1861 г. 350
 Михаил см.: Обренович Михаил
 Михайлович Симча, доверенное лицо боснийских эмигрантов в Сербии 248, 250, 262
 Модраниц Божо 250
 Могарем (Могарем, Мухарем) 374, 375
 Мойч Сшенан, член мостарской православной общины 98
 Мойч Сава 23
 Мрчен Дмитрий, командир герцеговинского повстанческого отряда в 1861 г. 358
 Мршич Томо (Тома), боснийский старейшина 136
 Мукалович Хассан Мула (Муралович Хасан Мула), сборщик налогов 252, 254

Мурад I (1325—1389), турецкий султан (1362—1389) 31
 Мурад-бег (Мурад-бей), майор, по происхождению француз Андре 418
 Мурат см. Мурад I
 Мустафа 59, 64
 Мустафа-паша см. Мелеменджи Мустафа-паша
 Мустафа-паша, командир баншбузуков 244, 301
 Мустафа Решид-паша 74
 Мухасебеджи-эфенди 375
 Мухеддин-эфенди 300
 Мухла-Мехмед (Мула Мехмед) 30
 Муяга см. Пазарец Муяга
 Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император (1804—1814 и 1815) 27
 Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт (1808—1873), племянник Наполеона I, президент Второй республики (1848—1851), французский император (1852—1870) 173, 417
 Науменкова Э. В. 10
 Недич Мартин (1810—1895), теолог, францисканец, сторонник иллиризма, занимал должности в католической церковной иерархии Боснии 189
 Немац Хаджи Ибрагим-эфенди 264, 267
 Ненадич Спасое 298
 Ненадович Ефрем (Еврем) (1793—1867), воевода, участник I сербского восстания, с 1843 по 1857 г. — член Государственного совета Сербии 199
 Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), граф, российский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел России (1816—1856) вице-канцлер с 1828 г., канцлер с 1845 г. 13, 17
 Несторович Крсто, командир повстанческого отряда 198, 199, 231
 Нешкович Елена Стефанова, учительница сараевской женской школы 208, 218
 Никич Марко 23
 Николай I (1796—1855), русский император (1825—1855) 19, 29, 52, 199
 Николай Негош (1841—1921), князь (1860—1910) и король (1910—1918) Черногории 303, 340—342, 345, 347, 352, 357, 379, 381—384, 387, 388, 390, 391, 394, 412—414, 416, 417, 419, 423, 434—436, 439, 457, 458
 Николай Павлович см. Николай I
 Николай Петр Вук, соратник Ристо Ейча 271, 440
 Ничифор (о. Никифор) см. Дучич Ничифор
 Нишавич Рада, священник 425
 Новиков Евгений Петрович (1826—1908), российский дипломат, поверенный в делах (1862—1864) при миссии в Константинополе, в 1870—1879 гг. — посол в Вене 54, 121, 135, 139, 140, 420, 428, 430, 432, 433, 441, 443, 445, 452
 Новичев А. Д. 28, 74
 Новопазарец см. Пазарец Муяга
 Норов Авраам Сергеевич (1795—1869),

российский государственный деятель и литератор, участник войны 1812 г., в 50-х гг. — товарищ министра, министр (1854—1858) народного просвещения 13
 Нуретдин-паша (Нуретдин-паша), тузланский каймакам 206, 212, 253, 254
 Обилич Милош, герой эпических народных песен о битве на Косовом поле, где он убил Мурада I (1389) 187, 189
 Оборина Евтан, один из руководителей богословской школы в Мостаре 119, 201
 Оборина (Милан) Р. Милеико, член мостарской православной общины 23, 98, 263
 Обренов Драго, командир повстанческого отряда 344
 Обренович Милош (1780—1860), основатель династии Обреновичей, князь Сербии (1815—1839, 1858—1860) 232—234, 248, 263
 Обренович Михаил (1823—1868), сын Милоша Обреновича, князь Сербии (1839—1842), 1860—1868) 6, 232, 233, 342, 343, 420, 421
 Обреновичи, княжеская (1817—1842, 1858—1882), затем королевская (1882—1903) династия в Сербии 414
 Озеров Александр Петрович, российский дипломат, с февраля 1850 до января 1857 г. — советник миссии в Константинополе 13, 15—17
 Омер-паша (Михаил Латас) (1806—1871), маршал, серб из Лики, в 20-х гг., служил в австрийской армии, в начале 30-х гг. принял турецкое подданство, командовал войсками в Валахии, Черногории, на Дунае, в Крыму, на Кавказе и др., в 1850—1852 гг. подавлял движение боснийских мусульман, в 1861 г. сменил Немацу-пашу на посту главнокомандующего Румелийской армией 5, 11, 14, 16—18, 44, 48, 49, 56, 59, 61, 62, 64, 74, 107, 165, 172, 195, 196, 210, 224, 229, 273, 299, 300, 311, 313, 315, 321, 322, 324, 336—352, 354, 357—359, 363, 364, 371, 376, 377, 381—394, 396—399, 412, 414, 416, 417, 419, 441, 446, 458
 Омер Февзи-паша (ум. 1878), правитель Шкодера (с 1868), губернатор Боснии (1871) 455
 Орешкович Антон (Антоние) (1829—1906), член патриотической военной организации в Военной Границе, до 1862 г. служил в австрийской армии, затем по приглашению И. Гарашанина перешел в Серию и стал советником князя Михаила. Являлся автором ряда планов (1861, 1863, 1865, 1867) восстаний в Боснии при участии населения Военной Границы, Хорватии и Далмации, сотрудничал с И. Гарашанином (с 1858), П. Штрессмайером, венгерской эмиграцией, некоторыми офицерами граничарских полков, босанскими бегами 187, 189, 190
 Орлов А. Ф. 239

Осман Маахар-паша, генерал-губернатор Боснии с 1859 по 1861 г. 235—237, 242—244, 246, 261, 262, 271, 272, 277, 283, 299, 301
 Осман-паша (Топал), генерал-губернатор Боснии с 1861 по 1869 г. 304, 331, 365, 366, 373—376, 415, 420, 421, 445, 451, 458
 Павич Туде 252, 254
 Пашевич Б. 303, 329, 330, 351, 361, 399, 414
 Павле, протопоп 23
 Павлович Новица 395
 Павловский Н., обер-секретарь российской синодальной канцелярии 446
 Пазарец Муяга (Новопазарец Муяга, Муй-ага, Муя-ага), откупщик десятины 34, 35, 37, 58, 64, 75
 Памучина Иоанникий (1810—1870), архимандрит, настоятель православной церкви в Мостаре 7, 12, 13, 40, 91, 98, 103, 108—111, 119, 120, 144, 241, 262, 263, 288, 289, 304, 434
 Памучина Тривко 293
 Панченко М. Т. 293
 Папович Тома см. Попович Тома
 Паранос Ристо 23
 Пахомий, священник 433
 Пашан Томо 178, 179
 Перович Мелентий, герцеговинский старейшина, архимандрит 134
 Перович Серафим (1827—1903), перомонах, учитель в Мостарской светской школе, позднее — игумен монастыря Житомислич, архимандрит 97, 98, 118, 144, 207, 208, 222, 346, 398, 436, 437, 439, 440, 448, 449, 455, 456
 Перина, сараевский торговец 214
 Персани Александр Иванович (1842—1896), российский дипломат, первый секретарь посольства в Афинах, министр-резидент в Белграде (с 1878) 13, 15
 Перич, торговец, турецкий генеральный консул в Рагузе (Дубровнике) с 60-х гг. до 1875 г. 427, 433
 Перич Рада 298
 Петкович Константин Дмитриевич (1828—?), российский дипломат, секретарь консульства (1857—1858), консул (1858—1868) в Рагузе (Дубровнике) 7, 24, 27, 28, 85, 99, 104, 105, 120, 121, 132, 136, 138, 172, 173, 202, 203, 209, 211, 219, 220, 239, 241, 242, 259, 268, 269, 292, 293, 305, 306, 308, 329—331, 339, 342, 344, 345, 348, 353, 356, 359, 361, 366—370, 378—383, 385, 386, 391—393, 395, 397—400, 411, 412, 414, 417, 418, 422, 427—430, 432, 436—438, 443, 447, 457, 458
 Петкович Лука, капитан, соратник Л. Вукаловича 425
 Петкович Петко, священник 249
 Петр 300
 Петрович Авксентий, епископ 12
 Петрович Мирко (1820—1867), воевода, отец черногорского князя Николая 170, 187, 302, 303, 340, 341, 352, 353, 371,

378, 379, 388—390, 393, 413, 414, 419, 423, 441
 Петрович Р. 9, 10, 270, 417
 Петрович Ристо 183
 Петрович (Негош), черногорская династия 414
 Пешкан 178, 179
 Полад К. Ф. 10
 Покович 410
 Полакко Д. Ф. 9, 10
 Попов Н. А. 197, 214, 247, 299, 445
 Попович В. 17, 28, 38, 66, 74, 189, 199, 214, 247, 299
 Попович Илия, протонерей, старшина православной общины Сараева 222
 Попович Никола 23
 Попович Тома 297, 298
 Попович Хаджи Джордже, белградский торговец 270
 Правица Вуде, герцеговинский старейшина 134
 Правица Симо, капитан 425
 Прокеш Остен Антон (1795—1876), барон, австрийский дипломат, посол в Константинополе (1855—1871) 66, 93, 95, 124
 Прокопий 18
 Прокопий, сараевский митрополит с 1851 г. 51, 143
 Пророкович-Негесинац Р. Г. 412
 Протасов Николай Александрович (1799—1855), граф, генерал-лейтенант от кавалерии, член Государственного совета, обер-прокурор Синода в 40—50-х гг. 11
 Пурич (Яков) 270
 Раденский Йозеф (1766—1858), граф, австрийский фельдмаршал, в 1848—1849 гг. подавлял революционное и национально-освободительное движение в Италии, в 1850—1856 гг. — генерал-губернатор Ломбардско-Венецианского королевства 269
 Радов Гуока (Джоко), командир отряда повстанцев 344, 359
 Радоевич Стефан, командир отряда повстанцев 359
 Радонич Ива Раков, воевода, член черногорского сената 120, 209, 342, 344, 359, 363, 384, 388, 390, 392, 394, 399
 Радонич Лука, выходец из Черногории, состоял на службе у Осман-паши 331
 Радосавлевич Е. 10
 Радуллович Евтан 23
 Радуллович Тома (Томо), торговец из Баялуки и откупщик налогов 23
 Радуллович Тривко 23
 Радуллович Цветко 23
 Раевский Михаил Фелорович (1811—1884), священник русской церкви в Стокгольме, затем в течение 42-х гг. — русской посольской церкви в Вене, член славянских комитетов и их представитель за рубежом, почетный член ряда зарубежных славянских обществ 11—13, 146, 147, 183
 Ракич Томо 250
 Раков Ива — см. Радонич Ива Раков
 Ратацци, премьер-министр Италии 417

Рашкович см. Орешкович
Реслер Э. (Рёсслер Э.), австрийский генеральный консул в Сараеве (с 1857) 76, 92, 94, 95, 99, 124, 129, 130, 142, 149, 152, 155
Ресулбегович Хаджи Хаки-бег, требинский мудар (50-е гг.) 129, 131
Рехберг Иоганн Берихард (Ротенберг) (1806—1899), граф, австрийский государственный деятель и дипломат, министр-президент (1859—1860), министр иностранных дел (1859—1864) 243, 256, 274, 293, 400
Решетар (Решетор) Павле, капитан Рагузского (Дубровнического) округа 394, 399, 411, 418
Рибач Джордже, крестьянин 23
Ризванбегович Али-паша (Ризван-бегович Али-паша), (ок. 1783—1851), из семьи правителей Столаца, крупный феодал, во время антиреформистского движения поддерживал султана Махмуда II, с 1833 по 1851 гг. управлял Герцеговиной 11, 216, 290
Ристич, торговец из Травника 48
Ристич Ново, член мостарской православной общины 263
Ристо см. Ёйч Ристо
Родич Гавро (1812—1890), барон, с 1866 г. генерал-фельдмаршал австрийской армии, в 60-х гг. начальник Которского округа, с 1869 г. — командующий австрийскими войсками в Далмации, позднее — наместник Далмации 344, 366, 367, 369, 370, 372, 385, 399
Розен Д. Г. 17
Ромич Вид 197
Рончевич Джоко (Джорджие), боснийский старейшина 136
Рончевич Драго 298
Ронкевич, офицер австрийского генерального штаба, автор книги о Герцеговине 451
Рушди-паша (1809—1879), государственный деятель Османской империи, в 50—60-х гг. неоднократно занимал пост военного министра 298
Рыжова Р. И. 173
Савва Неманич (1175—1235), основатель сербской православной церкви 215
Сайд-ага, командир отряда арнаутов 358
Сали-бег, крупный землевладелец 99, 101
Салих-паша (Сали-паша, Селих-паша), командующий войсками в Боснии и Герцеговине в 50-х гг. 117, 128—131, 133, 137, 458
Саломон, управляющий синодальной канцелярией в Петербурге 446
Самнер Б. Х. 270
Седлар Милутин, крестьянин 23
Селим-паша, командир отряда турецких войск 129, 130
Семенов Т. Ф. 10
Сенкевич И. Г. 28, 385
Серафим, священник см. Перович Серафим
Силиваторевич (прав. Силиваторевич) Ибрага 133

Сима (Симо) 193, 207
Симич Паво 231
Ситон-Уотсон Р. В. 269
Скендерова Стака, учредительница и директор женской школы в Сараеве 7, 181, 201, 208, 209, 218, 356
Скерлета 244
Слепчевич Глигор 297
Слепчевич Кузма 297
Смаилович Мустафа-бег 348
Смелянская И. М. 293
Смирнова Н. Д. 28, 385
Соколов В. И. 9, 10
Соколов Капитон Александрович (1823—1863), российский дипломат, консул в Видине с 1857 по 1858 г., в 1859 г. — исполняющий обязанности управляющего генеральным консульством в Белграде 232, 233
Соколович Джоко 23
Солдо Пован, член мостарской православной общины 98
Соретич Франьо см. Зоретич Франьо
Сочича Феодосий (Теодосий), архимандрит, игумен Успенского монастыря в Пине 23, 291, 363, 399
Спач (Спайч) Михаил (1824—1871), воевода 380, 395, 399, 400, 418, 421—424
Спасое 425
Спахич Николай 201
Спахо Ф. 9, 10
Спремо Лазо, член мостарской православной общины 98
Станимирович Джордже 23
Станишич Мило, старшина православной общины в г. Высоко 356
Станич Мио 252, 254
Стахович, священник 298
Стеван, сараевский протопоп 23
Степанова Л. И. 84
Степанович Джордже, старшина православной общины в г. Высоко 356
Степанович Станко 298
Стефан (Стеван), протопоп ораштинской церкви 206
Стефанов Петр, командир отряда черногорцев 334
Стоянович Глигорие, священник 23
Стоянович Илия 250
Стоянович Иво 23
Стоянович Ристо 231
Стоянович Тодо 231
Стоянчевич В. 233
Странякович Д. 457
Стремоухов Петр Николаевич (1823—1885), российский дипломат, генеральный консул в Рагузе (Дубровнике) в 1856—1857 гг., с декабря 1861 г. — вице-директор, а с 1864 по 1875 г. — директор Азиатского департамента 39, 83, 422, 424
Стуцац Миленце 23
Сун Алла-эфенди (Сунуалли-эфенди, Сун Али-эфенди), из знатного рода Соколовичей, президент уголовной следственной комиссии в Боснии, представитель сараевских землевладельцев на аграрной конференции в 1859 г. в Константинополе 212

Сученков Алексей Егорович (1825—1871), российский дипломат, консул в Скутари (Шкоudere), с 1857 по 1867 г., затем — генеральный консул в Рущуке (до 1871) 105, 419
Тагир-паша, генерал-губернатор Боснии до 1850 г. 36—38, 45, 46, 55, 56, 61, 62, 150, 153, 294, 267, 374
Тадич Х. 262
Талиревич Али-ага (Талиревич, Алиа, Ага-бег), откупщик налогов 34, 35, 37, 58, 60, 61, 63—65, 75
Тамборра А. 303
Танович 263, 266
Тасовац Марко 209
Таушан Ристан 228
Тахир-паша см. Тагир-паша
Тететгофф, генерал австрийской службы 269
Темель Густав, офицер австрийского генерального штаба 451
Теодорович Петр, откупщик десятины 34, 35
Теодосий см. Сочича Феодосий
Тепавчевич Глигор 298
Тепавчевич Мелена 298
Тепавчевич Михаил 297
Тепелена Али-паша см. Али-паша Тепелена
Тенич И. 10
Тескереджич Дервиш-бей 446
Тинич Феодан, перомонах дечанский 23
Титов Владимир Павлович (1805—1891), российский дипломат, с 1840 г. — поверенный в делах, с 1843 по 1853 г. — посланник в Константинополе 13, 15, 239
Тиссо Шарль-Польеф (род. 1828), французский дипломат, член европейской комиссии по делам Герцеговины в 1861 г., находился на консульской службе в Тунисе, Испании, Салониках, Адрианополе, Иссах 348—350
Тодич Иовета 251
Тодорович Джоко, старейшина 136
Тодорович Иво 23
Тодорович 199
Толстой Александр Петрович (? — 1867), граф, обер-прокурор Синода 55, 85, 95, 181, 215, 217, 222
Толстой Иван Матвеевич (1806—1867), российский дипломат и государственный деятель, в 1856 г. — товарищ министра иностранных дел, с мая по июль 1856 г. — исполняющий обязанности министра иностранных дел 95, 222
Тома, посавинский обер-кнез (старшина) посавинских христиан 96
Тома 297
Томич Милован, священник 172
Томович Лаазар, герцеговинский старейшина 134
Тосум-бей, подполковник инженерных войск в Румелийской армии 256, 258
Торопов И. А. 10
Трапарич Петр 209
Требовац Петар 23

Тувенел (Тувенель) Эдуард Антуан (1818—1866), французский дипломат, посол в Константинополе (1855—1863) 173
Тута Ристан, член мостарской православной общины 98
Тюрр Иштван (1825—1908), венгерский офицер, участник революции 1848—1849 гг. в Италии и Германии и революционного похода Гарибальди в южную Италию, с 1861 г. — генерал итальянской армии 303
Узунья (Усунья), братья 315, 324
Узунья Абдулла-эфенди, член сараевского меджлиса 119, 120
Уларевич Василе, духовник требинского монастыря 23, 134
Усени, сын приедорского каймакама 29
Фаминская Т. В. 9, 10
Фазли-паша (1802/3 — 1882), глава сараевского меджлиса в 40-х гг. 298, 300, 376
Феодосий см. Сочича
Феодосий Косиеревац (Теодосие), один из руководителей восстания в Герцеговине, игумен косиеревацкого монастыря 85, 291, 339, 351, 352
Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1783—1867), московский митрополит 216
Филипович 26, 199
Филипович Иосип (1819—1899), генерал австрийской службы, начальник Рагузского (Дубровнического) и Которского военных округов в 60-х гг., в 1878 г. стоял во главе австро-венгерских сил, оккупировавших Боснию и Герцеговину 431, 437—439
Франкович, епископ, глава католического духовенства в Боснии 452
Франц-Иосиф (1830—1916), австрийский император (1848—1916) 80, 450
Фрейдзон В. И. 189, 452
Фриман, английский дипломат, секретарь английского комиссара в европейской комиссии по делам Герцеговины в 1861 г. 360
Фуад-паша (1814—1869), турецкий государственный деятель, в 50—60-х годах неоднократно занимал посты великого везира и министра иностранных дел 13—16, 375
Хаджи Али-паша, каймакам в Травнике, Баяндже, в 1858 г. возглавлял ополчение мусульман 107, 109, 111, 114, 116, 174, 176
Хаджи-бей 251, 253
Хаджи-Бекич Бегович 251, 253
Хаджи-Драце 174, 176
Хаджи Ибрагим-эфенди см. Немац Хаджи Ибрагим-эфенди
Хаджи Ферид-эфенди, комиссар Министерства финансов Османской империи в Боснии и Герцеговине 220, 221
Хаджи Хаки-бей см. Ресулбегович Хаджи Хаки-бег

- Хаджи Эфипа, член герцеговинского меджлиса 432
 Халим, турецкий генерал 174, 176
 Хамза-бей, столешный мудир 114, 116
 Ханани-бей, командир башибузуков 291
 Ханкараш Лука, один из руководителей восстания в Гацко 291
 Хасан, турецкий генерал 174, 176
 Хаши-бей 206
Хевролина В. М. 9, 10
 Херо Теодор (Федор) 58, 64
Хитрова Н. И. 10, 105, 164, 211, 242, 303, 414, 417
 Хихард см. Геккар
 Холм (Холмс) Вильям Ричард (1821—1882), английский дипломат, с 1841 г. на консульской службе, в том числе в Боснии (1860), в 1861 г. — член европейской комиссии по делам Герцеговины 348—350, 360
 Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), один из идеологов славянофильства 84
 Хуршид-паша, комендант белградской крепости, с 1853 до 1856 г. — генерал-губернатор Боснии, позднее, в 60-х гг. — герцеговинский генерал-губернатор 47, 342, 411, 418, 421
 Хусейн Арнаут см. Гусейн Арнаут
 Хусейн Арнаутович Абди-бег 248
 Хусейн-бег, мудир 18
 Хусейн капитан Градашевич см. Гусейн капитан
 Хусейн-паша см. Гусейн-паша
 Хусейн, турецкий генерал 174, 176
 Церович Новица (1805—1895), воевода, член черногорского сената 308, 359, 363, 388
 Цухич Ново 23
 Чабака Ново 23
 Чамин Живан 23
 Чания-паша см. Кнани-паша
 Чатович Хусейн 290
 Чекич 26
 Чемал-эфенди см. Кемаль-эфенди
 Ченгич 359, 363
 Ченгич Дедага (Дед-ага) (1827—1876), командир отряда башибузуков 399, 441, 442
 Ченгич Дервиш-бей, командир отряда 308
 Ченгич Мехмед-бег, таможенный чиновник 453
 Ченгич Мехмед, командир отряда башибузуков 293, 295
 Ченгич Мурад-бей 290
 Ченгич Рустем-бег, командир отряда башибузуков 136
 Ченетич 251—254
Чертан Е. Е. 105
 Черчилль (Черчилль) Джордж, английский дипломат, консул в Сараеве с 1857 г. 130, 131, 142, 143, 175—177
 Чингич см. Ченгич
 Чиче 183
 Чокорило Прокопий (Чокорило Петр) (1802—1866), монах, ефимер мостар-

- ской православной церкви 7, 83, 84, 95, 134, 144, 215, 217
Чорович В. 105, 138, 331, 338
 Чорович Филип 298
Чубрилович В. 259
Чуркина Н. В. 10
 Чурчевич Давид см. Джурджевич Давид
 Шакир-бей, каймакам в Крайне с 1859 г. 243
 Шаренац Стоян 297
 Шарчевич Лазар 231
Шатохина Е. М. 239
 Шварценберг Феликс (1800—1852), князь, австрийский государственный деятель и дипломат, после 1848 г. — премьер-министр и министр иностранных дел 14, 16
 Шевки-эфенди, адъютант Омер-паши, затем транникский каймакам, позднее — таможенный чиновник в Столаце 48, 49, 453
 Шефик-бей, комиссар Порты в Герцеговине 241, 290
 Шефкет-бей, канцлер дивана Османской империи 13, 15
 Шипович Шчепан 23
 Шисуд Лазар 209
 Шинкин Николай Павлович (1830—1912), российский дипломат, с 1863 г. — генеральный консул в Белграде 455, 457
 Шкоро Милош 209
Шливо Г. 17, 155, 369
 Шокчевич Носип (1811—1896), генерал-лейтенант австрийской армии, наместник Хорватии, Славонии и Далмации (1860—1867) 194
 Шола Христо, член мостарской православной общины 263
 Шовнев Блаже 270
 Шотрич Вуко, один из директоров богословской школы в Мостаре 98, 119, 263
 Шотрич Евтан, член мостарской православной общины 98, 209
 Шотрич С., надзиратель мостарского училища 92
 Шпанич Паво 251
 Штрессмайер Носип Юрай (1815—1905), епископ, доктор философии и теологии, хорватский буржуазный политический деятель и деятель культуры, в 1860—1873 гг. — лидер Народной партии, сторонник идей югославизма 189
 Шуленников Евграф Романович (1820 — ?), российский дипломат, консул в Сараеве (1858—1867), вице-консул в Мостаре (1858—1859) 92, 141, 146, 148, 159, 164, 165, 170, 171, 180, 190, 191, 197, 198, 201, 206—209, 212—214, 217—223, 228, 230, 235—239, 241, 242, 244—247, 255, 256, 260, 261, 271, 272, 298, 299, 301, 309, 329, 353, 355, 356, 365, 366, 373, 376, 415, 416, 420, 421, 433, 444—448
 Шунич М. 189
 Шунич Вук 209

Эди-бег см. Еди-бег
 Эйч Кристо см. Эйч Ристо
 Эккар см. Геккар
Экмечич М. 9, 10, 24, 193, 382

Юкич Иван Франьо (1818—1857), по образованию теолог и философ, францисканец, сторонник иллиризма и концепции Н. Гарашанина, учредитель и издатель первого боснийско-герцеговинского журнала «Босански пријатељ», автор первой истории Боснии 28, 189
 Юсуф-ага, член турецкой комиссии в Гацко 294, 296

Яйя-паша, турецкий генерал 119, 120, 129, 130, 174, 176, 225, 426
Яковенко С. И. 10
 Яковлевич Марко 270
 Яку-бег 58, 64
Якич Г. 233
 Янешевиц Лука 297
 Янчич Нован, оружейный мастер из Сараева, предводитель восстания в 1809 г. 259
 Яхья-паша см. Яйя-паша
 Ячим Илия 23
 Ячимович Благое 250

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аво 196
 Австрийская Кроация см. Хорватия
 Австрия (Австрийское государство) 6, 8, 12, 16, 17, 22—25, 27, 31, 42—44, 48—50, 55, 58, 61, 63, 66, 80, 81, 84, 87, 92, 93, 95, 96, 104—108, 112, 114, 116, 117, 119, 121, 123, 126—128, 135—137, 142—148, 171, 173, 175, 180—184, 186, 188, 192—196, 198, 206, 209, 210, 214, 223, 234, 236, 238—242, 251, 253, 260—262, 265, 268, 269, 273, 274, 276, 279, 280, 282, 285, 290, 300, 303, 306, 319, 327, 336, 337, 365—369, 372, 375—378, 382—384, 392—394, 396—398, 400, 409, 410, 416, 417, 419, 420, 425, 427, 428, 431, 437—440, 450—452
 Аграм см. Загреб
 Адрианополи (Эдирне) 38
 Адриатическое море 24, 173, 369, 410
 Азия 26, 106
 Албания 24, 28, 31, 32, 44, 105, 106, 190, 240, 303, 304, 332, 333, 347, 369, 384, 385, 404, 409, 419
 Александрия 16
 Анатолия 455
 Англия 6, 23, 31, 43, 81, 110, 111, 123, 168, 194, 232, 233, 240, 284, 293, 336, 337, 416, 417
 Антивари см. Бар
 Бабуш 23
 Балканы 5—8, 49, 66, 74, 123, 173, 189, 227, 228, 233, 239, 270, 303, 330, 338
 Баня (Банья) 23, 89, 217, 388
 Банялука 8, 23, 24, 44, 58, 59, 63, 65, 89, 187—190, 252, 253, 261, 262, 271, 272, 310, 312, 320, 322, 364, 374, 375, 444, 458
 Баяндукская нахия 231
 Баяндукский (Баяндукский) санджак 245, 300, 301, 312, 318, 321, 322, 327, 366, 373, 375, 376, 444
 Баяны (Баяны, Баяны) 105, 106, 108—110, 128, 162—164, 167, 168, 170, 211, 224, 228, 229, 292, 328, 329, 331, 334, 339, 344, 346, 347, 350, 352, 353, 363, 387, 390, 411, 421
 Бар 209
 Баштра 196
 Белая гора 458
 Белград 7, 12, 13, 17, 28, 31, 45, 48, 54, 83, 84, 90, 97, 105, 106, 123, 134, 135, 138, 181, 190, 193, 199, 201, 208, 209, 215, 218, 230, 232, 233, 244, 247, 248, 250, 270, 271, 306, 307, 338, 341—343, 414, 421, 455—457
 Белина (Белины) см. Биеллина
 Белинская нахия см. Биеллинская нахия
 Беличи, с. 380
 Белое поле (Белополе) 216
 Белугадич 248
 Бербир см. Градишка
 Берковачко 248
 Берлин 346
 Берушица 294, 296
 Беч см. Вена
 Бечевичи 432
 Биачская нахия см. Биачская нахия
 Бигмен 228
 Биеллина (Биелины) 59, 89, 197, 213, 248
 Биеллинская нахия 38, 64, 200, 231, 250
 Билек (Билеч, Вилеки) 109, 110, 163, 167, 168, 228, 229, 328, 330, 331, 348, 353, 377, 398, 401, 402, 404—409, 414
 Бишач 44, 79, 81, 180, 187—189, 192, 243, 265, 267, 310, 320, 365, 366, 374, 376, 451
 Бишачская (Бишчакская) нахия 231, 307
 Бишачский санджак 75, 245, 365, 366, 373, 376
 Бихор 308
 Благай 228
 Ближний Восток 293
 Бобан 383
 Бодрижи 270
 Бойна 196
 Бока (Бока Которская, Бокка ди Катаро) см. Котор
 Болгария 33, 84, 181, 234, 236—239, 247—250
 Борки 216
 Босна, р. 197, 309, 319
 Боснийская Крайна см. Крайна
 Босния (Боснийский вилайет, Боснийский пашалык, Боснийский эйялет) 5—9, 12, 13, 16—20, 23—28, 30—33, 36—38, 41, 43, 44, 46, 47, 49—66, 74—81, 83, 84, 87, 89—91, 93—96, 100—103, 105, 106, 114, 116, 117, 123, 125, 126, 130—132, 135, 138—140, 142—145, 148—151, 153—161, 165—168, 171, 172, 180, 181, 184, 186—190, 192—198, 200, 201, 203—205, 207, 209, 210, 212—

215, 217, 220—225, 230—239, 241—253, 255—259, 261, 262, 265, 267—277, 279—285, 291, 292, 298—301, 303, 304, 307—313, 315, 317—322, 324, 326, 327, 331, 334, 342, 347, 353, 354, 357, 365, 373—375, 377, 387, 397, 400, 403, 407, 409, 410, 415—417, 420, 421, 429, 440—442, 444—446, 450—452, 455, 457, 458
 Босния и Герцеговина, социалистическая республика СФРЮ 5
 Браткович 263, 266
 Брда 414
 Брено 308
 Брод 23, 170, 186, 190, 214, 265, 267
 Брус (Брусса) 248
 Брчанская нахия 205, 206, 270, 307
 Брчко 23, 44, 59, 64, 150, 153
 Бузекар 270
 Бучавица 300
 Бучевцы 196
 Бушевич 196
 Буюкдере 78, 203
 Вакуп см. Скопле
 Вакуф, с. 310, 321
 Валахия 105
 Варпар 25
 Васоевичи 127, 219, 412, 425, 455
 Великобритания см. Англия
 Вена 8, 11—13, 35, 50, 51, 100, 102, 113, 120, 121, 131, 132, 134—136, 138, 146, 147, 150, 153, 173, 183—185, 189, 197, 219, 233, 239, 269, 306, 338, 342, 367—369, 383, 391, 392, 416, 419, 437, 451
 Венецианская область 417
 Венецианская республика 241
 Венеция 104, 303
 Венгрия 25, 27, 139, 140, 273, 279, 285, 303
 Вербас см. Врбас
 Вергоран см. Вргорац
 Видин (Видин) 234, 237, 248, 338, 416
 Видинская нахия 248
 Византийская империя 24, 27
 Винковцы (Винковац) 100, 102, 131, 132, 183, 251, 253, 257, 259
 Високо см. Високо
 Вишеград 244
 Власеница 205
 Власеницкая нахия 89
 Воеводина 273
 Военная Граница 441
 Волат 23
 Враногрч 374
 Вранье (Вране) 248
 Враньский округ 249
 Враньско Слато, с. 399
 Врачевина 109, 110
 Врбас, р. 309, 319, 452
 Вргорац 378
 Вучитри 23
 Высокий Запад 196
 Высоко (Высокое) 52, 53, 89, 217, 235, 237, 353, 355, 356
 Высочница 424
 Вишеград см. Вишеград
 Вишновница 181

Габела (Габелла) 377, 378, 403, 408, 410, 439
 Габсбургская монархия см. Австрия
 Гамбург 194
 Гатчанский (Гатачки) округ 292, 296, 304, 442
 Гачко (Гатско) 82, 103, 109, 111, 155, 157, 167, 168, 225, 229, 263, 264, 266, 289—297, 304, 308, 334, 348, 359, 363, 367, 370, 377, 387, 388, 398, 399, 401, 403, 405, 407, 418, 421, 426, 438, 441—443, 447, 449
 Герцеговина (Герцеговино-турецкая провинция, Герцеговинский санджак) 5—9, 11—13, 17—20, 23, 24, 27, 32, 33, 38—45, 50, 54, 55, 66—68, 70, 72, 74, 81, 83—87, 91—95, 97—100, 102—117, 119—131, 136—140, 142—145, 148, 155—160, 162—165, 168—177, 180, 181, 186, 188, 190, 196, 198, 201—203, 205, 210—217, 220, 221, 223—226, 228—230, 235, 244, 246, 247, 257, 258, 260, 263, 264, 266, 268, 269, 272—275, 280, 285—289, 291—293, 295, 302—304, 306, 308, 329—339, 341, 342, 344, 347—350, 353, 356—358, 360, 362, 367—369, 372—379, 382—391, 393, 394, 398—401, 403—405, 407—410, 412, 414, 416—423, 426—432, 434—441, 443, 445—458
 Гладина 180
 Гламочская нахия 318, 327
 Гленница 196
 Голня 294, 296, 297
 Горанско 359, 363
 Горица 180
 Горня Бузекар 270
 Граб 395, 397, 454
 Гравоза, Гравоз (совр. Груж) 219, 340, 379
 Градач 248
 Градачац (Градишац) 23, 59, 64, 96, 99—102, 206, 214, 248, 251—254, 257, 258, 265, 267
 Градачакская (Градашакская) нахия (округ) 99, 101, 254, 256, 270
 Градачская (Градацкая, Градчанская) нахия (округ) 231, 250, 251, 253, 270, 307
 Градина 196
 Градишка 2, 271
 Градчаница (Грачаница) 23, 217
 Граховац 226
 Грахово — 82, 103, 105, 106, 109, 120, 128, 162—165, 170, 171, 174, 175, 187, 188, 224, 242, 305, 352, 367, 371
 Грачаницкая нахия 300
 Гресевац 196
 Греция 13, 15, 417
 Дабра (совр. Дабар) 308, 401, 405
 Дабрини 196
 Далмация 24, 27, 39, 42, 67, 104, 113, 115, 117, 121, 127, 128, 145, 156, 158, 171, 174, 176, 219, 265, 267, 269, 270, 292, 295, 296, 302, 309, 366, 415, 417, 418, 431, 439
 Дербент (Дервента, Дервент, Дервень) 65, 248
 Дервентская нахия 250

Джачавац 270
 Дживар 358
 Добриње 180
 Добросело 180, 196
 Добрычев 216
 Долин, с. 270
 Дони (Донь) Жабар 270
 Драч 329
 Драчавица (Драчевица) 106, 114, 116,
 128, 133, 175, 177, 390, 397—400, 411
 Драчево, с. 358
 Дресник 23
 Дрено 358, 360
 Дрина, р. 24, 199, 249, 259, 309, 319,
 360
 Дробняк (Дробняки) 43, 45, 82, 103, 106,
 108, 128, 170, 172, 211, 219, 224, 242,
 257, 258, 292, 329, 334, 339, 387, 390,
 411, 421
 Друм 441
 Дубица 195
 Дубрава (Дубраве) 176, 178, 179, 270,
 Дубровник 7, 13, 24, 27, 39, 44, 85, 87,
 104, 120, 121, 132, 133, 134, 136, 138,
 145, 190, 202, 203, 209, 210, 213, 218,
 219, 239, 241, 259, 265, 267—269,
 291, 305, 306, 328—331, 337, 339, 344,
 345, 353, 356—362, 368, 369, 372, 378,
 379, 381, 383, 385, 386, 392, 393, 396—401,
 403, 405, 408, 411, 412, 417—419, 421—
 423, 425, 427, 429, 430, 432—434, 437,
 443, 447, 456, 457
 Дубровническая республика 27
 Дувинский округ 210, 285, 287
 Дуино 92, 94, 175, 177, 216, 265, 267,
 285, 291, 308, 378
 Дуга 352, 391, 398, 399, 414, 418, 442,
 454
 Дужи 40, 43, 98, 106—110, 117, 118, 120,
 122, 128, 133, 136, 137, 163, 209, 216,
 292, 306, 333, 339, 360, 364, 365, 371,
 372, 398
 Дулич 263, 266
 Дунай 306, 375
 Дунайские княжества (см. также Вала-
 хия, Молдавия, Румыния) 104, 105,
 236, 238, 239
 Европа (Западная Европа) 6, 9, 27, 49—
 51, 98, 173, 194, 226—228, 231, 248,
 249, 271, 292, 303, 309, 319, 330, 332,
 333, 340, 343, 344, 351, 367, 370, 371,
 385—387, 393, 410, 443, 450
 Европейская Турция см. Балканы
 Египет 13, 15—17
 Жабар (Жабре) 141, 217, 257, 258
 Жабляк 342, 387
 Жаневичи 297
 Житомислич (Житомислич, Жито-
 мислич) 12, 43, 207, 222, 346, 398, 439,
 455
 Заборы 107
 Завала 43, 216
 Завица 196
 Загреб 27, 376
 Задач 196
 Запская нахия 318, 327
 Замайлия, с. 59, 64
 Занинина 294, 296
 Зара (совр. Задар) 24, 210, 242, 269,
 379, 414, 418, 419, 437
 Збориште 196
 Зворник 25, 38, 58, 59, 63, 150, 153, 199,
 200, 248, 256, 258, 259
 Зворникская (Зворницкая) нахия 59,
 64, 96, 99, 101, 200, 250
 Зворникский санджак 375
 Згоњьево 358
 Зезеровская нахия 318, 327
 Земун 149
 Зеница 217
 Зубачко поле 396
 Зубцы 43, 103, 105, 106, 108—110, 114,
 116, 128, 133, 155, 162—165, 170, 171,
 175, 177, 209, 211, 228, 292, 302, 305,
 328, 329, 331, 334, 339, 343, 351, 352,
 361, 362, 364, 370, 378—381, 383—385,
 387, 389—391, 394—400, 403, 407,
 411, 421, 425, 434, 435, 437, 438, 443,
 454
 Зунчка 196
 Иваньска (Иванска, Иваньское,
 Иваньско), с. 180, 192, 193, 196, 375
 Израиль 22
 Илيريا 24
 Имам 378
 Имоче 265, 267
 Индия 116
 Ипек см. Печ
 Ирландия 278, 284
 Истрия 269
 Италия 25, 248, 278, 284, 303, 416, 417,
 424
 Кавказ 15, 16, 445
 Канавле см. Конавле
 Кастель-Ластва (Кастоль-Ластва) 344
 Кастель-ново (Кастельново, совр. Хер-
 цег-Нови) 114, 115, 219, 305, 346, 368,
 369, 381, 383, 397, 400, 430, 431, 433,
 435
 Кастреча 253, 254
 Катаро (Каттаро) см. Котор
 Киев 215
 Кладашац 374
 Клек 104, 155, 157, 163, 230, 265, 267,
 268, 302, 369, 377, 388—390, 403, 408,
 410
 Клобук 137, 211, 224, 229, 334, 390, 391,
 401, 402, 407
 Кнеж поле 29
 Книи 207
 Козара 31
 Козарац 197
 Козарацкая (Козараская, Казарацкая)
 нахия 28, 196, 300
 Колашин 265, 268, 442, 457
 Колина, р. 178, 179
 Комови 127
 Конавле (Конавље, Конавль) 136, 137,
 219, 308, 369, 378
 Константинополь 7, 8, 11—13, 15, 25,
 26, 31, 42, 45—49, 52, 54, 60, 65, 66,

68, 69, 73, 74, 81, 82, 84, 85, 90, 96,
 100, 102, 105, 106, 109, 111, 112, 121,
 132, 134—136, 138—140, 144—148,
 152, 154, 155, 157, 165, 171, 173, 174,
 176, 183, 188, 203, 204, 206, 210, 212—
 214, 216, 221, 224—226, 229, 230, 236,
 238, 242, 243, 246, 248, 256, 261—267,
 271, 298—300, 304, 307, 310, 330, 338,
 339, 346—348, 354, 357, 360, 364,
 373, 375, 377, 379, 386, 389, 398, 411,
 416, 417, 420, 423, 424, 428, 430—433,
 435, 437, 439, 440, 444, 445, 447, 451,
 452, 454, 458
 Гопанник 23
 Кореничи (Кореничи) 82, 165, 305, 308,
 334, 335
 Корфу, о. 373, 416, 417
 Косперице (Косперово) 163, 216, 228,
 291, 339, 342, 413, 418, 419, 421, 423
 Косово (Косово) поле 28, 30, 189
 Костайница 195
 Котор 104, 138, 203, 209, 211, 219, 224,
 242, 269, 292, 334, 340, 342, 345, 367,
 369, 379, 383, 413, 419
 Которский залив 393
 Которский округ 383, 419
 Крайна (Краина, Крайна Боснийская,
 Краинский санджак) 8, 106, 145, 150,
 155, 180, 186—193, 195—198, 203, 204,
 207, 223, 242, 243, 259—261, 299—301,
 313, 322, 374, 375, 420
 Крешчево 25, 50
 Кривой Стурлиц 374
 Кривошии 117
 Кроация (Кроатия) см. Хорватия
 Кромь, о. 293
 Кретац (Крстац) 291, 344, 403, 407
 Крупа 180
 Крупская нахия 231
 Крушевац 175, 177
 Крушевца 114, 116, 133, 137, 180, 211,
 390, 396, 397, 399, 400, 411
 Крчани 141
 Кришине 196
 Куманово 249
 Курдистан 440
 Кучи, нахия 412
 Кучи Дрекаловичи 105, 170
 Кюстендил 248
 Лейпциг 50
 Леково, с. 358, 360, 362
 Лепеница 89
 Лесковац 248
 Лесковацкий округ 249
 Лешкополе 418
 Либушка см. Любушка
 Ливан 293
 Ливненская нахия 318, 327
 Ливно 23, 25, 42, 44, 50, 89, 255, 451
 Ливна Река, р. 127
 Лим, р. 127
 Липа 196
 Липник 196
 Лисса, о. 293
 Лом-Паланка 248
 Ломница 89
 Лондон 233, 416, 417
 Любохово (Любохово), с. 358, 360
 Любинский округ 453
 Любинье 104, 107—111, 114, 116, 359,
 364, 377, 378
 Любичи 59, 64
 Любово 379
 Любушка (Любушко) 92, 94, 216, 264,
 267, 285, 291
 Любушкин округ 285, 287
 Маглай 59, 65
 Маглайская нахия 64
 Майдан (Мандан) 23
 Майиц 194
 Македония 50, 257, 258
 Мала Дольна 252, 254, 257, 258
 Малахов курган 52
 Матицы 257, 258
 Машичи 106
 Мельина (Меллина) 383
 Мерцина 137
 Меткович (Метковичи) 250, 347, 377,
 378, 401, 403, 405, 408—410
 Метохия (Метохие) 291, 294, 296, 297,
 403, 407
 Механица 102
 Миданская нахия 231
 Милановац 23
 Михова долина 358
 Модран 58, 64
 Модрич (Модрича) 23, 89, 197, 247
 Мокрин (Мокрина), с. 117, 397
 Молдавия 105
 Монастир 174, 176, 403, 407
 Морана, р. 257, 258
 Морача, р. 127
 Москва 76, 83, 201, 215, 295
 Мостар 7, 8, 11—13, 19—23, 25, 39—44,
 48, 53, 66, 69, 70, 73, 77, 78, 81, 82,
 84, 91, 92, 94, 97, 99, 103, 104, 107—
 111, 113—118, 120—123, 127—130,
 133, 136, 138, 145, 155—163, 167—
 169, 171, 173—179, 186, 207, 208, 213,
 215—218, 220, 222—226, 228—230,
 239—242, 259, 260, 262—268, 287—
 296, 302, 304, 306, 308, 328—331, 334,
 336—339, 342, 344—353, 355—359, 363,
 372, 376, 377, 381, 382, 385, 387, 388,
 393, 397, 399, 401, 403—405, 408—411,
 414, 418, 419, 422—424, 427—433, 435—
 439, 441, 443, 446, 452, 453, 455, 456
 Мостарский округ 264, 266, 285, 287
 Монтаница 181
 Нарента см. Неретва, р.
 Неаполь 293
 Невесинье (Невесине) 23, 82, 119, 120,
 175, 177, 186, 188, 225, 229, 290—292,
 308, 359, 363, 377, 388, 398, 404, 408
 Неретва, р. 177, 179, 388, 404, 408, 410
 Нижние Васоевичи, нахия 105, 170
 Николаев 84
 Никшич 43, 137, 174, 176, 265, 268, 291,
 294, 296, 390, 391, 398, 399, 401, 402,
 405, 407, 414
 Ниш 248, 257, 258
 Новая (Новская) нахия 180, 195, 231
 Нови (Новый) 366, 395
 Нови-Пазар (Нови Базар) 58, 63, 64, 103,
 196, 256—258, 310, 320

Новобрдо (Новобердо) 196
Новое, с. 190
Новопазарский (Нови-Пазарский) санджак 256, 308, 310, 320
Новоселле (Новосело) 196
Новый Базар см. Нови-Пазар

Обдовацы (Обудовац) 206
Огражденна 244
Одесса 83, 84, 134, 203, 204, 210, 215, 303, 369, 436
Одова 178, 179
Окулиш 109, 110
Оранже (Оранже) 358
Оранже (Оранже), с. 358, 362
Орош 23
Орья Лука 399
Осеник 104
Осечаны 23, 89
Османская (Оттоманская) империя см. Турция
Островац 365, 366
Острог 265, 268
Отоки 374
Општри дуг 23

Паннония 24
Папач 89, 205
Париж 32, 134, 173, 196, 233, 239, 249, 332, 333, 391, 424
Пастружье 410
Пера 174, 176, 234, 237, 332
Перасто (совр. Пераст) 369
Персия 14, 16
Пешт (Пешт) 50
Петербург (С.-Петербург) 6, 32, 33, 54, 86, 127, 159, 173, 181, 204, 215, 217, 227, 228, 236, 238, 395, 412, 440, 446
Петровац 148, 165
Петровици, с. 352, 353
Печ 23, 329

Пива 23, 43, 45, 82, 85, 103, 106, 109, 111, 128, 162, 170, 172, 211, 219, 224, 228, 229, 242, 291, 292, 294, 328, 329, 334, 339, 351, 352, 358, 359, 363—365, 385, 387—390, 399, 403, 407, 411, 421, 426

Пилатовцы, с. 344
Пирот 248
Плавиница 399
Подвидача 196
Подгорица 414, 418
Подгорье 180

Полица (Полыча) 107, 378, 379, 390
Попово 358, 362, 364, 367, 370, 376, 379—382, 384, 385, 388—390, 392—394
Попово поле 107, 128

Посавина (Посавина) 8, 39, 88—90, 93, 94, 96, 99, 101, 112, 113, 124, 125, 131, 138—140, 146—150, 152, 153, 155, 170, 183—187, 190—192, 195, 197, 201, 207, 220, 221, 223, 242, 257, 258, 260, 261, 277, 282, 299—301, 313, 322, 374, 375

Постран 104
Почи 374
Почитель 225
Преиявор 300

Препитина Главина 424
Приедор (Предор) 187—189, 195
Приеполь 78, 225, 264, 266
Приварен 23, 142, 310, 320
Приштина 23, 248
Прусса, с. 300
Пруссия 6, 336, 337
Пучило 141
Пьемонт 457

Равно (Равное) 371
Рагуза см. Дубровник
Рагуза Старая (Рагуза-Веккея) см. Цават
Рагузский округ 390, 411
Райево 100, 101
Раковица 248
Ратиньо 178, 179
Реджио 293
Река (Риека?) 412
Ризано см. Риси
Рим 48, 255, 303, 417
Римская империя 24
Риси (Рисие) 188, 392, 393
Ричко 203
Ронна 457

Россия 6, 8, 12, 19, 21—24, 31, 34, 39, 43, 44, 51, 66, 76, 81, 83—86, 89, 91, 92, 95, 97, 114, 125, 135, 144—146, 156—159, 173, 181, 182, 193, 194, 197, 199, 201, 203, 204, 208—210, 215—217, 224, 227, 228, 231, 234—241, 247, 250, 251, 256, 270—273, 294, 303, 304, 336, 337, 369—373, 385, 386, 392, 393, 416, 421, 424, 434, 436, 437, 439—441, 445, 448, 449, 455, 457

Рудинье (Рудине) 335, 418, 421
Румелия 12, 50, 308, 347, 419
Румыния 239
Русское царство (империя), Русь см. Россия

Сава, р. 24, 60, 65, 66, 155, 184, 186, 192, 193, 214, 265, 267, 309, 319

Сава, р. 309, 319

Сараево 7, 8, 11—14, 16, 17, 24, 31—33, 35, 38—41, 44, 46, 48—52, 54—56, 59—61, 65, 75—81, 83, 86—88, 90—92, 95, 96, 99—101, 103, 108, 109, 111, 112, 114, 117, 119, 122, 124, 126, 127, 129, 130, 134, 135, 138, 141—143, 145—149, 156—159, 170, 174—177, 180, 181, 183, 185—187, 189, 191—193, 195, 197, 200—202, 204, 206—208, 210, 212, 214, 218, 220, 222, 228, 234—239, 241—243, 245, 247, 248, 255, 256, 259—262, 265, 267, 271, 298, 299, 304, 310, 316, 319, 320, 325, 331, 337, 353, 354, 356, 365, 373, 374, 376, 415, 420, 433, 444—447, 450, 457, 458

Сараевский санджак 112, 214, 242, 311, 321

Сардиния 23, 292
Спрута 380
Себеник см. Шибеник
Сеница (Сеница) 89, 189, 207, 244, 257, 258, 300

Сеницкая нахия 222
Сербия (Сербское княжество, царство) 6,

7, 16, 19, 23, 24, 80, 84, 106, 125, 135, 145, 187, 189, 190, 196, 198—200, 230, 232—234, 240, 244, 248—250, 258—262, 272, 274, 278, 280, 283, 303, 331, 338, 368, 372, 375, 387, 389, 414, 417, 420, 421, 425, 440, 441, 443, 445, 449, 455—457

Сирия 273, 292, 293
Сицилия 293

Скадар (Скутари, совр. Шкодер) 32, 104, 105, 120, 163, 271, 344, 353, 411, 412, 414, 418, 433

Скопачский округ 249
Скопле 50, 178, 179

Скутари см. Скадар
Славония 190, 273, 415

Славонский Брод 188
Сланчичи 432

Сливница, с. 358
Сливница 364

Сокол 421
София 248

Спалатро (Сплет, совр. Сплит) 50, 409
Спич 345, 387

Спеч 100, 102
Спуж 414, 424

Сребреница (Сребрник) 59, 259
Средиземное море 269

Стабанца 196
Стамбул см. Константинополь

Стара Габела 216
Старая Сербия (совр. Косово) 247—250, 273, 310, 320, 441

Старый Майдан 190
Столац (Столец, Стольц) 42, 82, 108, 114, 116, 155, 157, 167, 168, 178, 179, 291, 308, 358, 359, 366, 376, 401, 403—405, 408, 433, 439, 441, 453, 454

Столацкий округ 453
Стрляче 137

Сутиска (Сутиншка, совр. Сутеска) 25, 50
Суторино (Суторино) 104, 114, 115, 136, 219, 224, 241, 265, 267, 305, 306, 308, 309, 328, 329, 343, 345, 348, 350, 352, 366—370, 372, 380, 382, 385, 387, 391, 392, 394—397, 400, 411, 413, 416, 417, 424, 427, 430, 439

Талежи (Талежа), с. 335, 358
Тара 127, 243, 244

Таслиджа (Ташлиджа) 23, 104, 244, 263, 266, 302, 308, 433, 442

Ташлица 257, 258
Тебраз 15, 16

Теченская (Тешанская) нахия 318, 327
Тимар, с. 311, 321

Тодорово 374
Толиса (Толиза) 253, 254, 257, 258

Тофана 15, 16
Травник 23—25, 48—50, 81, 107, 161, 189, 217, 255, 265, 267, 301, 308, 310, 320, 374, 446, 458

Травникский (Травницкий) санджак 112, 119, 161, 242, 311, 318, 321, 327

Требизонд (совр. Трабзон) 15, 16
Требинье 8, 23, 69, 73, 98, 99, 103, 104, 107, 108, 110, 111, 113, 115, 117, 120, 122, 125, 126, 128—131, 133, 136, 137, 155, 157, 159, 162—165, 167—169,

171, 174—177, 190, 198, 202, 210, 213, 224, 229, 240, 290—292, 305, 308, 328—331, 334, 335, 358—362, 364, 372, 376—379, 383, 385, 387, 389, 390, 393, 395, 398, 400—408, 414, 422, 433, 438, 439, 453, 454

Требиньская нахия (округ) 105, 306, 453
Требиньское поле 128

Требинщина, р. 401, 402, 406
Трнест 11, 12, 50, 51, 134, 293, 367, 409, 410, 412

Тузла 44, 58—60, 63—66, 79—81, 89—102, 112, 136, 138, 140, 141, 150, 153, 185, 189, 191, 192, 206, 207, 217, 248, 251—254, 257, 259, 270, 271, 310, 320, 375, 451

Тузланская (Тузлинская) нахия 100, 101
Тузланский (Тузлинский) край (санджак) 75, 79, 88, 96, 112, 270

Турция (Турецкая империя, Османская империя) 15—17, 19, 20, 23, 24, 26—28, 31, 33, 38, 41, 44, 49—52, 56, 66, 74, 81, 86, 104—106, 110, 111, 123, 137, 145—147, 155, 162, 164, 170, 173, 174, 176, 180, 181, 184, 186, 188, 192, 196, 203, 204, 211, 219, 226—228, 230, 232, 233, 236—242, 246, 269, 278, 279, 283, 284, 303, 304, 306, 307, 312, 322, 329, 338, 340, 342, 344, 368, 369, 383—386, 399, 405, 409, 412, 415—417, 420, 435, 440, 445, 450, 452

Увеч (Увеча) 366
Ужича 421

Улица, с. 270
Уна, р. 24, 180, 192, 195, 309, 319

Усорац 23
Франция 6, 14, 16, 23, 24, 31, 48, 100, 102, 168, 173, 194, 227, 228, 239, 269, 293, 303, 336, 337, 342, 348, 361, 392

Фатинца 401, 405
Фойница 25, 50, 353

Фотина 77
Фоча 23, 69, 73, 109, 111, 118, 157, 159, 216, 264, 266, 290, 291, 308, 399, 442

Хвойница см. Фойница
Хорватия 190, 194, 265, 267, 273, 279, 285, 415, 420, 441, 450, 452

Хотово 376
Цават 411

Цазинская (Цахинская) нахия 196, 231
Цариград см. Константинополь

Царское Село 205, 338, 355, 434
Церквена 203

Цесарская земля см. Австрия
Цетинье 138, 203, 209, 219, 260, 328, 340, 342, 344, 345, 352, 353, 363, 367, 372, 379—384, 388—391, 394, 412—414, 419, 424, 434, 449

Цима 42
Цреваренац 196

Црнолев 141
Ченгичи 58, 64

Череч 196

Черногория (Черная гора) 6, 18, 24, 41, 43, 45, 81, 84, 104—107, 114, 116, 117, 121, 123, 125, 127, 128, 138, 155—159, 162—165, 167—170, 173, 174, 180, 186, 190, 195, 203, 204, 210, 211, 219, 224, 240—242, 248, 257, 258, 260, 263—266, 268, 271, 274, 280, 290—292, 302, 303, 305, 306, 308, 328—331, 334, 339—342, 344, 345, 347, 348, 351, 353, 358, 359, 361, 368, 369, 379, 382—385, 387—394, 399, 401, 404, 405, 409, 411—414, 416—420, 423, 424, 428, 434, 435, 437, 439, 440, 442, 457, 458

Читлук 196

Чустендил см. Кюстендил

Шабаци 271

Шаранцы, нахия 45, 172, 329, 339, 387, 390, 421

Шибеник 203, 409

Широкий берег 25

Шкодер см. Скадар

Шкодринский пашалык (санджак) 28, 105

Шума, нахия 106, 114, 116, 117, 128, 133, 202, 203, 209, 335, 358, 360—362, 364, 367, 370, 378—385, 388—390, 392—394, 396, 397, 425

Шумский округ 398

Эрзерум 15

Эшир 28

Яйце 50

Янина 28, 403, 407

Ясеник 294, 296

СОДЕРЖАНИЕ

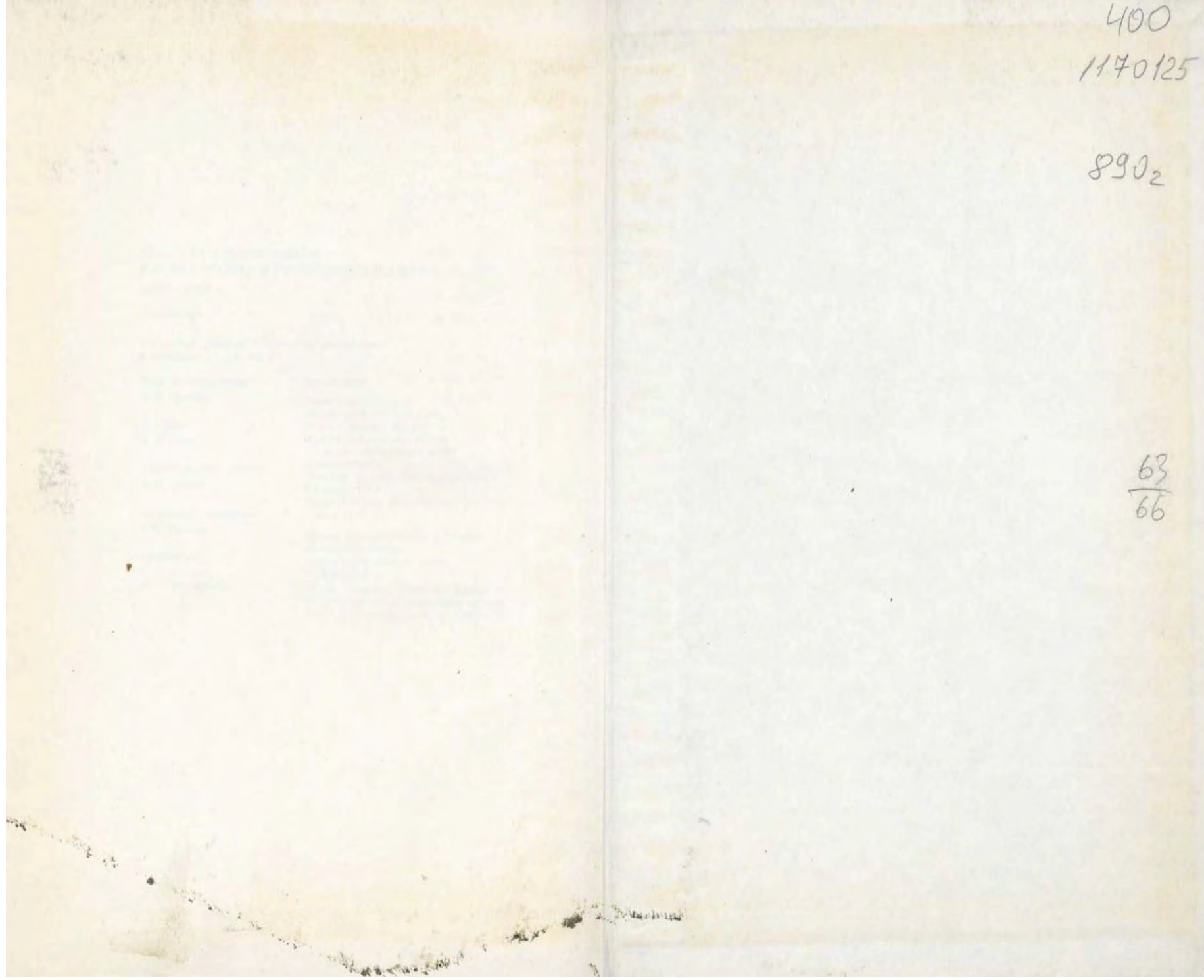
Предисловие	5
Документы	11
Приложения	459
Список использованных фондов	459
Перечень документов	460
Терминологический словарь	471
Список сокращений, принятых в немецких и итальянских текстах	473
Указатель имен	474
Указатель географических названий	488

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА
НАРОДОВ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ И РОССИИ
1850—1864

Документы

Утверждено к печати Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства Н. В. Павлова	ИБ № 29406 Сдано в набор 05.04.85 Подписано к печати 16.10.85 Т-16766. Формат 70×100 ¹ / ₁₆ Бумага для глубокой печати Гарнитура обыкновенная новая
Художник И. Е. Сайко	Печать высокая Усл. печ. л. 40,63. Усл. кр.-отт. 40,63 Уч.-изд. л. 46,3
Художественный редактор Н. И. Власик	Тираж 1350 экз. Тип. зак. 317 Цена 4 р. 80 к.
Технический редактор З. Б. Павлюк	Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485 Профсоюзная ул., 90
Корректоры Т. С. Козлова, Л. Р. Мануильская	Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия